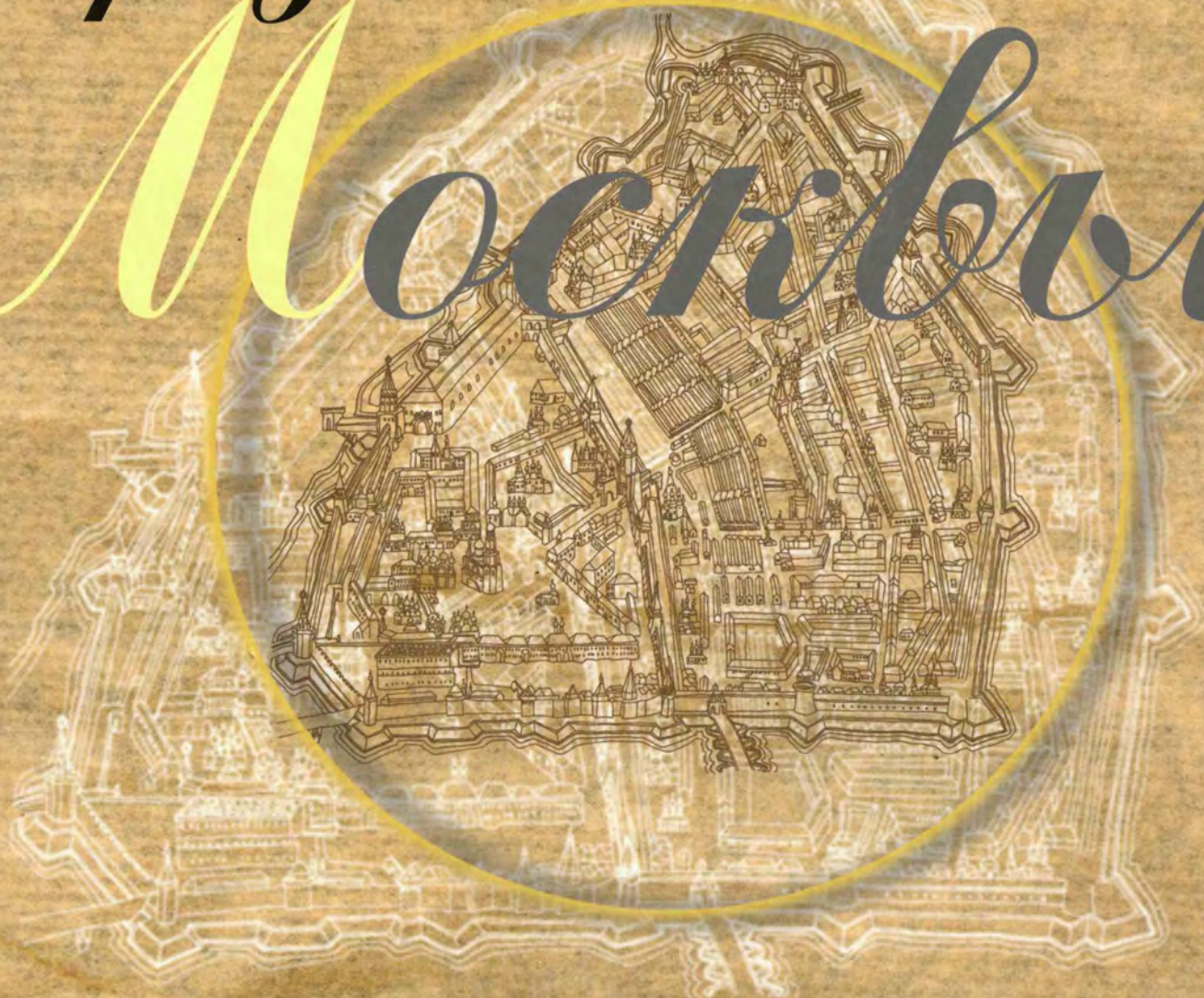

АНДРЕЙ БАТАЛОВ, ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

Сакральное
пространство
средневековой

Москва

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА
ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Руководитель проекта: А.П. Притворов

Научные рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Н.А. Макаров

академик РААСН и РАХ, доктор искусствоведения Д.О. Швидковский

Куратор художественной части проекта: АМ. Беляева

Архитектурно-художественные реконструкции: В.А. Рябов

Подбор иллюстраций: О.Г. Ким

Баталов А.Л., Беляев Л.А.

Сакральное пространство средневековой Москвы / Андрей Баталов, Леонид Беляев. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 400 с.: ил., карт

ISBN 978-5-4284-0001-4

В настоящем издании впервые история формирования и бытования средневековой Москвы рассматривается с точки зрения сакральной топографии. Авторы книги, крупнейшие специалисты в области Средневековья, попытались увидеть целостную картину жизни древней Москвы, освященной христианской традицией. Они находят новый поворот в исследовании, показывая, как складывалось сакральное пространство средневекового города, и идут дальше, к характеристике средневекового градостроительства в целом.

Эта книга — плод научных изысканий крупнейших современных специалистов в области археологии, истории, культурологии Москвы — разрушает представление читателя о средневековом городе как градостроительном образе с определенной композицией, с задуманной системой доминант, видовых раскрытий и визуальных связей. Реальный средневековый город подчинялся иным закономерностям, нежели построенный с основания город трактатов теоретиков Возрождения и многих поколений их последователей. Здесь не было сконструированных историками искусства пространственных подобию сакральным ансамблям христианских столиц. В нем не было места алгебраизированной семантике. Его сакральное пространство значительно богаче и интереснее по процессам, лежащим в основе формирования и развития. Формообразующим механизмом здесь выступает церковная жизнь города во всех ее проявлениях. Сакральное пространство города формируют определенного рода исторические «случайности». Закономерность — в существующих традициях благочестия, которые объединяют в определенную систему спорадически возникающие локусы. Стихия городской жизни подчиняется определенным традициям, что и приводит к формированию в разных частях города схожих структур. За каждым из созданных в процессе существования города сакральных ансамблей стоит цепь конкретных разновременных исторических событий, приводящих к постепенному их сложению.

Книга богато иллюстрирована, содержит исторические планы и чертежи, научные реконструкции, фотографии археологических находок, часть которых публикуется впервые. Литературные источники и памятники художественной культуры рассмотрены в новом понятийном контексте.

Пространственная информация подана максимально наглядно и убедительно с использованием самых современных издательских подходов.

Атлас предназначен для специалистов соответствующих специальностей — культурологов, историков, искусствоведов, краеведов и обширного круга читателей, интересующихся вопросами культуры, искусства, истории возникновения и развития городов.

УДК 63.3(2-2Мос)4-7
ББК 930.85(470-25)"653"

АНДРЕЙ БАТАЛОВ, ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

*Сакральное
пространство
средневековой
Москвы*

СОДЕРЖАНИЕ

От АВТОРОВ 6

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

ГЛАВА I

Сакральное пространство средневекового города 13

Сакральное пространство христианского города и методы мировой науки 14

Сакральное пространство Москвы, в системе церковных пространств христианского мира 25

Природно-исторический ландшафт Москвы и ранние этапы развития, ее сакрального пространства 36

Городские укрепления как определяющий фактор развития планировки Москвы 60

«Собирание святыни» и его роль в формировании сакрального пространства Москвы 67

ГЛАВА 2

Храмовые ансамбли средневековой Москвы 75

«Парные» церкви на одном участке 76

Один участок — разные ктиторы 81

Храмы на пограничных участках 91

Храмы у стен: Вострый конец 95

Зонирование обетного строительства 103

Патрональное строительство 111

Собор Покрова на Рву и его приделы 120

Гнезда церквей внутри города: три храма на Мясницкой 127

Три святых /Даниила: о престолах /Данилова монастыря 131

Церковь и история города: престолы Казанского собора на Красной площади 141

Стрелецкие церкви 151

ГЛАВА 3

Монастырская топография Москвы 179

Монастыри — крепости? 181

/Двигаются ли монастыри? 205

О московских рвах и Рождественских монастырях 207

Монастыри под Бором 214

*Монастырь и церковно-литературное предание:
встречи икон и их место в городской топонимике 225*

Археология, топография и история 229

Спасский на Бору и Новоспасский монастыри:

случай намеренного переноса 244

Пробуем делать выводы 247

ГЛАВА 4

Церковное кладбище в сакральном пространстве Москвы 257

Христианский город как преодоление смерти 260

Московские «камни сани» 269

На «убогих домах» 272

Московский некрополь в эпоху модернизации 277

Кладбище и социальная жизнь москвича в XVI—XVII вв. 283

ГЛАВА 5

Сакральный центр Москвы 295

Аревейшие храмы Кремля — церковь Димитрия Со лужского и Спасо-Преображенский собор 297

Статусные некрополи и развитие сакрального пространства Кремля 301

Архангельский собор — уникальный «некрополь правителей» 313

Успенский собор — канонический престол первоиерарха Русской Церкви и вместилище ее реликвий (святительские погребения; чудотворная Владимирская икона) 323

Собор Покрова на Рву и Аобное место: программные

памятники «иерусалимского круга»? 331

Гроб Господень: кремлевская версия 343

ГЛАВА 6

Семисоборное деление и литийное богослужение 351

Седмочисленная Москва 352

Литийные богослужения в Москве: источники и описание 361

Типология стациональных богослужений, их хронология и источники формирования 371

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 380

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 388

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 398

ОБ АВТОРАХ 399

ОТ АВТОРОВ

Представляемая книга — не столько итог работы (тем менее — ее завершение), сколько фиксация промежуточной стадии, или (хотелось бы надеяться) завершённого этапа. Идея попробовать реконструировать сакральное пространство Москвы родилась в ходе конкретно-исторических исследований отдельных церковных объектов и зон, которые начались еще в 1980-1990-х гг. Для ее осуществления потребовался сбор и анализ неопубликованных церковно-археологических материалов, таких как Ладанные книги, описи, антиминсы и другое. Работа началась в 1980-х гг. и все еще продолжается. Свою роль сыграл и возобновившийся тогда интерес к иконографии архитектуры, невольно выведший к проблеме символики ансамблей. Активность дискуссий подогревала неудовлетворенность тем состоянием, в которое пришла церковная история Москвы за советские десятилетия¹.

Постепенно стало ясно, что наши истинные предшественники и учителя отстают от нас на целую эпоху, но они оставили нам прекрасный задел (хотя и не сформулировав методических подходов к нему), и следует просто вернуться к их трудам, туда, где остановилась русская церковная наука, история церковной архитектуры и всего города Москвы, и продолжить движение в заданном когда-то направлении — но, разумеется, с поправками на общее развитие исторической науки примерно за столетие. Мы были уверены, что по мере накопления и анализа материалов обобщения и выводы придут сами собой — и не ошиблись. Часть этих выводов формулируется в предлагаемой книге — насколько мы можем судить, впервые.

Авторы убеждены, что выбранный путь, основой которого является источниковедение церковной топографии — единственно возможный для данного этапа реконструкции сакрального пространства. Но он очень долг (в сущности, следовало бы сказать — бесконечен). И не мудрено,

что в книге мы не смогли коснуться многих тем, без которых сакральное пространство Москвы, конечно, остается неполным. Мы опускаем, например, внутреннюю топографию монастыря; историю развития московского церковного прихода; внутреннюю топографию и археологию московских церковных кладбищ; церковную топографию храмовых интерьеров (заведомо символически наполненную), и многое другое. Да и затронутые темы, конечно, далеки от полноты раскрытия.

Тем не менее, думается, что этот шаг уже назрел. В книгу включено достаточно много совсем новых аналитических разработок, которые ранее не публиковались; кроме того, мы впервые решились сформулировать некоторые общие закономерности, касающиеся развития церковной топографии Москвы. В то же время было сочтено необходимым включить со значительной правкой (иногда доходящей до полного пересмотра гипотезы) материал ранее опубликованных работ.

Итак, не надеясь исчерпать проблему (к этому можно будет приблизиться только после того, как завершится начатая источниковедческая работа), мы стремимся продемонстрировать свое видение того, как возникла и развивалась церковная топография Москвы и какой ее могли видеть современники. В еще большей степени кажется важным показать в работе сам механизм исследования, ту методику подхода, которая представляется результативной.

Завершая это вступление традиционным выражением благодарности, хотим начать с тех, у кого учились верному подходу к проблемам церковной топографии, кому обязаны огромным массивом собранной и опубликованной информации. Достаточно назвать, из многих десятков, несколько славных имен церковного москвоведения — П.В. Хавский, И.Е. Забелин, Н.А. Скворцов, Н.П. Розанов — чтобы по-

казать, чью линию в науке надеемся продолжить. К этому списку хотелось бы прибавить имена тех носителей старомосковской традиции научного мышления, вклад которых в самых разных сферах, от филологии (Ф.И. Буслаев) до иконографии и реставрации (Н.П. Кондаков, А.И. Анисимов, Б.Н. Засыпкин, Н.П. Сычев и др.) далеко не ограничен областью церковной топографии, но у кого мы старались научиться особой способности исследователей XIX в.: сохранять научную широту, трезвость мышления, предельную скрупулезность в использовании фактов, оставаясь при этом в рамках традиционной старомосковской системы мировосприятия.

Конечно, мы многим обязаны и современникам, прежде всего ученым-архивистам (иерей Георгий Павлович, О.Г. Ким, Л.Р. Вайнтрауб, В.А. Киприн); нашим коллегам — историкам архитектуры и культуры города Москвы (С.О. Шмит, А.С. Щенков и др.), археологам (Н.А. Кренке). Выделим уникального по подходу историка и художника Москвы Владислава Рябова, который, вооружась точным, основанным на документах знанием, смело вступает в состязание с Аполлинарием Васнецовым. Особую благодарность хотим выразить тем коллегам, которые побудили нас воспользоваться возможностью публикации и попытаться подготовить материал прямо сейчас, сформулировав первые промежуточные выводы до завершения (увы, довольно далекого) всей работы.

Следует упомянуть, что в ходе работы мы пользовались поддержкой ряда научных фондов: в 1994—1997 гг. работа шла на средства РГНФ (тема «Городская культура средневековой Москвы. Сакральная топография города в памятниках архитектуры»); в 1998 г. на средства Института Открытое общество прошла конференция и были изданы ее материалы (по той же теме); частично использованы средства программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических

наук РАН «Русская культура в мировой истории» и программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2006—2008 гг., 2009—2011 гг., рук. проектов Л.А. Беляев).

1

Баталов А.Л., Вайнтрауб Л.Р. и др. Церковная археология Москвы: Храмы и приходы Ивановской горки и Кулищек / Под общ. ред. А.Л. Баталова. М., 2007; Batalov A.L. Mosca e la topografia sacra delle capitale medievale // Giorgio La Pira e la Russia. Ed. M. Garzaniti, L. Tonini. Firenze, 2005. P. 165—191; Баталов А.Л. Строительство московского Успенского собора и самоидентификация Руси: К истории замысла митрополита Филиппа I // Древнерусское искусство: Византия, Русь, Западная Европа: Искусство и культура. СПб., 2002; Баталов А.Л. О традиции строительства Успенских храмов в Московской Руси XVI века // Древнерусское искусство: Русское искусство Позднего Средневековья — XVI век / Отв. ред. А.Л. Баталов. СПб., 2003; Баталов А.Л. К вопросу о первой церкви Троицы на Рву // Искусство христианского мира. М., 2000. Вып. IV; Баталов А.Л. О ранней истории собора Покрова на Рву и обретении «лишнего» престола // Сакральная топография средневекового города (далее СТСГ). М., 1998. Сост., ред. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев; Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI в.: Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996; Баталов А.Л., Беляев Л.А., Некоторые проблемы топографии средневекового русского города // СТСГ. М., 1998. Сост., ред. А.Л. Баталов, А.Л. Беляев; Беляев Л.А. «Семихолмная Москва» как исторический феномен // Там же. С. 64—73; Беляев Л.А., Павлович Г.Л. Казанский собор на Красной площади. М., 1993; Беляев Л.Л. Сакральная топография Москвы: храм — кладбище — город. К постановке вопроса // Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. III. М., 2005. С. 29—41; Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. I. / под ред. С.З. Чернова, Н.Л. Кренке, А.Л. Беляева. М., 2005; Беляев Л.А. Проблемы архитектурной топографии Москвы XVI в. // ДРИ. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 456—469; Beliaev Leonid, Moscow or the Third Rome: Politics and Archaeology // Centre-Region-Periphery. Medieval Europe — Basel 2002. Vol. 2. Hertingen, 2002. P. 48—55; Беляев Л.А. Архитектурная археология Москвы XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., «Наука», 1999. С. 7—39; Беляев А.Л. Историческая топография и «числовая магия», или в который раз о семи холмах Москвы // Живая старина. М., 1997. № 3; История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. I (Беляев Л.А., Кренке Н.А., Чернов С.З.; разделы по археологии и культуре Средневековья); Беляев А.Л. Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. Под ред. А.М. Лидова. М., 1996. С. 303—321; Беляев Л.А., Древние монастыри Москвы по данным археологии. М. 1994.

ПРЕДИСЛОВИЕ: ИСТОРИЯ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА МОСКВЫ КАК «АРХЕОЛОГИЯ» ЦЕРКОВНОЙ ТОПОГРАФИИ

Интерес к изучению прошлого столицы Российского государства резко вырос в последние десятилетия. Причем как к истории конкретных зданий, ансамблей, районов, так и к выяснению значения Москвы как символического центра государственности и Русской церкви. Но методический подход к изучению сакральной топографии Средневековья до сих пор не выработан, поскольку проблема содержательной оценки пространственной структуры средневекового города в России долго оставалась на периферии профессиональных исследований.

Приоритет был отдан формальному анализу композиции города, оценке его силуэта, закономерностям в распределении городских доминант, в лучшем случае — истории застройки и иного освоения городских территорий. Происходила подмена общепринятых в исторической науке процедур анализа источников «анализом» композиции города на основе упрощенных (идеализированных) геометрических схем с произвольно избранной семантикой. Наметилось целое направление, в котором идейно-политические концепции московских книжников XVI—XVII вв. напрямую связывались с пространственной структурой реального города.

Сакральное пространство Москвы изучали с разных точек зрения. Но всегда предполагалось, что за его сложением стоит некий метафизически цельный, мало изменяемый во времени контекст. Например, потребность человека в четко устроенном пространстве, визуально воспринимаемом как «прекрасное». Или его стремление огрاديть свое пространство системой скрытых символов, создать род «криптопространства». Или желание заимствовать и «присвоить», привить русской среде нормы планирования и градостроительства, якобы свойственные византийскому миру. Или, наконец, потребность следовать традиции копирования древних священных городов христиан как сакральных первообразов.

Общее для всех этих подходов методическое свойство — выборочное использование письменных и иных свидетельств; отстраненность (чтобы не сказать равнодушные) от источниковедения; нежелание

проверить даже те избранные факты, которыми оперируют при построении минимальной доказательной базы. Можно сказать, что авторов больше увлекал процесс конструирования древней действительности, чем ее исследование.

Наша работа иного рода. Ее можно бы условно назвать «деконструкцией», источниковедческой фрагментацией целого.

Мы глубоко убеждены, что пытаться понять сакральное пространство Москвы до того, как будут строго и детально восстановлены отдельные части, составлявшие этот живой организм, не будет показан каждый его орган в динамике развития и все они вместе в работе — пустая затея. Поэтому мы приняли классический, опробованный архивистами XIX — начала XX в. (П.М. Хавский, И.Е. Забелин, В. и Г. Холмогоровы, Н.А. Скворцов, Н.П. Розанов, И.Ф. Токмаков) метод тотального сбора и анализа материалов по церковной топографии Москвы, применив его для изучения исторических (то есть изменяемых, имеющих точки роста, возникновения, затухания) форм сакрального пространства. Первые блоки проработанного по этой методике материала легли в основу нашей книги. Хотя пройден далеко не весь путь, полученные результаты уже рисуют нам Москву как город действительно святой, но отнюдь не анагогический — как вполне конкретный, земной и самобытный христианский центр.

Конечно, и в нем можно найти элементы специально замысленных пространственных структур и следования отдельным креативным идеям, случаи копирования почитаемых образцов и т.п. Но работа с материалом убедила нас, что основу составляли исторически развивавшиеся (а значит, изначально не предусмотренные) «простейшие» элементы церковной топографии, такие как престолы церквей и монастырей. Их размещение и особенности развития определялись бесчисленным множеством побудительных причин и обстоятельств, зависели от социально-политической обстановки и подчас даже бытовых, практических соображений. Именно их исследование — основа данной книги.

Соответственно этому книга делится на главы: она открывается очерками методи-

(3) Уровень воспроизведения евангельской топографии и главных святынь христианства в церковной топографии Москвы путем создания «копий» святынь, используемых в богослужении (Гроб Господень), архитектурных сооружений и пространственных композиций, а также развития некоторых элементов литургической практики (чин положения плащаницы). Это наиболее традиционный уровень представлений о сакральном пространстве. Его обычно демонстрируют на примере развития пространства перед главными Фроловскими (Спасскими) воротами Красной площади (собор Покрова на Рву и композиция его приделов, Лобное место); замысла Бориса Годунова по созданию «святое святых»; использования «копий» Гроба Господня в литургической практике. В этом уровне лежат известные случаи сочетания пространства и действия, такие как Шествие на осляти, и совмещенные с ним драматургические элементы.

(4) Уровень хождений «за кресты» (церковных процессий). На этом уровне городская структура, церковные здания и элементы литийного (станционального) богослужения образуют сложное пространственное единство в рамках важной общехристианской традиции. Ее суть — продолжение общехристианской традиции памяти о важнейших евангельских и церковно-исторических событиях. (Этот путь нельзя назвать новым, к нему не раз обращались и до революции, и в последние три десятилетия, но новых фундаментальных исследований, связанных с Москвой, на этом направлении пока не создано).

(5) Уровень «жизни с мертвыми», базовый для христианского сознания. Он включает топографию кладбищ, их движение и изменение места в городе, организацию внутреннего пространства, формы погребального обряда, церковного и семейного поминания, посещения и сохранения памяти.

В результате сакральное пространство средневековой Москвы предстает сложно и исторично структурированным. Его следует изучать всесторонне, на основе письменных, картографических, церковно-этнографических, иконографических и археологических (постоянно выявляемых) источников. Движение по этому пути началось недавно после более чем полустолетнего перерыва, и большую часть работы только предстоит проделать. Но накоп-

ленного материала уже достаточно, чтобы показать первые результаты и сам метод работы в избранных примерах и очерках.

Чем же наглядно представлено сакральное пространство христианского города, что должно служить материалом для его практического исследования? Если говорить о функционально-топографическом подразделении, то как главные выделяются три элемента:

1 — история посвящения престолов храмов (приходских, монастырских, домовых и иных), которые определяют (и, соответственно, отражают) систему городской святости (разумеется, в тесной связи с историей храмового строительства);

2 — история станционального (процессионного) богослужения (его маршруты, порядок, источники);

3 — история погребальных комплексов и связанных с ними поминальных богослужений.

В основе развития этих трех элементов лежат, пронизывая и охватывая систему в целом, три фактора: а) присутствие городских святынь-реликвий (всехристианских, общерусских, местно чтимых); б) действующая система городской иерархии и церковного управления; в) сознательно перенесенные (или воспринимающиеся как перенесенные) системы сакральной топографии, символы или иные знаки, заимствованные из истории ранних христианских столиц.

Чтобы увидеть эти факторы во взаимодействии и в исторической перспективе, разобраться в хитросплетениях представлений москвича XV—XVII вв. о сакральном пространстве, его окружающем и им создаваемым, необходимо собрать и рассмотреть источники по каждому из направлений.

Наименее изучен базовый элемент — размещение и видоизменение посвященных престолов. История процессионального богослужения в последние десятилетия сравнительно часто привлекала исследователей. Некоторые шаги сделаны в направлении истории ранних некрополей. Реликвиям, в том числе городским, также стали уделять определенное внимание.

Правда, успехи на всех этих направлениях достигнуты относительные, в глаза бросается произвольность (если не фантастичность) ряда построений, все более обретающих «апологетические» очертания. Корни этого — в неразработанности механизма критического изучения истории образования и трансформации посвяще-

ний престолов. Отсутствие этого механизма и слабая проработка даже приведенных в известность источников заставляет часто оперировать набором непроверенных, сырых «фактов» из истории церковной топографии Москвы.

Есть и объективная причина — состояние источников. Первые системные описания престолов Москвы дошли только от 1580-х гг. — это списки церквей для выдачи ладана из Патриаршего приказа². Следующий важный комплекс описаний храмов связан с Ладанными книгами 1610-х гг.³ Как и предыдущий, он ценен для нас отражением картины церковной топографии Москвы до начала коренной перестройки ее в эпоху правления Романовых. Эти источники пока не анализировались подробно. Кроме того, они описывают город фрагментарно (ладанные книги охватывают не все престолы города, а только ружные; описи сохранились не для всего города, а для его частей). Не меньшую ценность представляют Окладные книги 7133 (1624/25) г.⁴ Последнее описание «доромановской» Москвы содержится в описях московских дворов, составленных в 1620 г., Писцовых книгах Федора Пушкина с товарищи 7128 (1619/1620) г. Образ церковной Москвы времени Михаила Федоровича и начала царствования Алексея Михайловича выстраивается по источникам второй четверти — середины XVII столетия. Это, прежде всего, Переписи улиц, переулков и дворов в Кремле и Китай-городе 1626 г.⁵, Описи Белого города от Чертолья до Тверской 1629 г.⁶ Однако и они описывают лишь часть Москвы. Для реконструкции состава московских престолов того времени к Ладанным книгам добавляются Переписные книги 1638 г.⁷, Книги московских ставленников. Однако и эти источники неполны. К сожалению, не сохранилась Строельная книга 7147 (1638/39) г., благодаря которой мы могли бы создать полный перечень московских престолов. Следующая Строельная книга была составлена в 7165 (1657) г., и она первая фиксирует состояние сакральной топографии Москвы середины века⁸.

Таким образом, можно судить о московских престолах уверенно с середины

XVII в.; о первой его четверти и конце XVI столетия — довольно подробно, но выборочно. Для более раннего времени картина условна, ее нужно собирать из отдельных упоминаний (самые системные ее куски связаны, например, с описанием пожаров). Это мешает сопоставлять систему московских посвящений с ее аналогами в других городах, например в Пскове и Новгороде, где не просто системная, но полная роспись храмов с престолами существует уже для конца XV — первой половины XVI вв., то есть примерно на 100 лет раньше.

Мы считаем, что важнейшая задача сегодня — приступить к составлению полной картины посвящений престолов Москвы на (XVI)—XVII в., заново провести сбор материалов для нее и одновременно представить первые наблюдения над причинами распределения престолов церквей всех типов (ружных, приходских, домовых и др.) в городе. Только на этой основе мы считаем возможным перейти к сопоставлению восстанавливаемой системы посвящений и всей церковной топографии города с мыслимыми, символическими уровнями сакрального пространства.

1.

Поэтому присутствие мыслимого пространства, о котором можно судить в основном по письменным источникам, изредка можно уловить и через анализ элементов конкретного городского плана, например, размещения церквей; ведь мысленное и бытовое пространство неразрывно связаны.

2.

ДЛИ. СПб., 1846. Т. I; Павлович Г.А. Храмы средневековой Москвы по записям Ладанных книг (Опыт справочника-указателя) // Сакральная топография Средневекового города. М., 1998.

3.

Там же.

4.

Переписи московских дворов 1620 года и Списки с Писцовых книг письма и меры Федора Пушкина с товарищи 128-го году черным дворам и дворовым местам (Переписи московских дворов XVII века. М., 1896).

5.

Переписные книги города Москвы 1738—1742 гг. М., 1881. Т. 1.

6.

Из истории Москвы. (Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.). Красный архив. № 4.1940.

7.

Переписные книги Москвы 1638 г. М., 1881.

8.

Строельная книга 7165 г. // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М., 1891. Вып. II. Стб. 21-275.

7

J?
3a

ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Представления человека о том мире, в который он помещен неведомой ему силой, материализуются множеством способов. Один из самых важных — обязательная и всеобщая сакрализация окружающей среды, формирование особого, свойственного только данному социуму священного пространства. В структуре этого пространства выражаются фундаментальные представления народа. Конкретными средствами воплощения служат организация религиозной (в христианской Европе — церковной) жизни, искусство, архитектура. Возникающие при этом системы могут быть описаны, во-первых, как здания и специально организованные священные участки, а также методы их размещения на местности и в конкретном ландшафте. Во-вторых, как смысловые взаимосвязи религиозного и исторического характера, которыми их наделяют создатели, то есть заказчик и строитель. В-третьих, как способы функционального (в нашем случае богослужебного) использования пространственных систем в качестве искусственно созданной сакральной среды.

Взятые вместе, эти элементы и образуют сакральное пространство. Оно может быть дискретным или сплошным; покрывать занимаемую этносом территорию ровной сетью или формировать мощные семантические узлы (относительно независимые друг от друга или собранные в жесткую иерархическую пирамиду). Человек старается перекрыть всю занимаемую им территорию системой зримых символов — незримым покровом сверхъестественной защиты.

В полной мере это свойственно Ву си и ее городам — крупным политическим и церковным центрам, сакральная топография которых отличается двумя главными особенностями. Во-первых, это сравнительно молодые структуры, возникшие там, где не было возможности опереться на ранний цивилизационный субстрат, как в странах Средиземноморья. Во-вторых, несмотря на свое относительно позднее возникновение, они слабо обеспечены письменными источниками, особенно для раннего периода.

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХРИСТИАНСКОГО ГОРОДА И МЕТОДЫ МИРОВОЙ НАУКИ

Важнейшая задача в изучении сакрального пространства — восстановить связь городской среды с идейными программами прошлого, с намеренным и ненамеренным воздействием *представлений* рядовых горожан и правителей города на процесс его изменения. При таком подходе в области исторической топографии города выделяются два взаимосвязанных направления. Одно тесно примыкает к истории изменений городской среды; второе относится, прежде всего, к сфере истории сознания, истории *намерений* видоизменить среду, а отчасти — к истории знаний о ней и отражения ее в сознании современников.

Оба направления достаточно развиты в русской историографии XX в., но они представлены группами исследователей, методы которых существенно разошлись. Задачу научной реконструкции исторической среды решали в основном архивисты и археологи. Задача изучения сознательных, идейно и социально обусловленных действий, которые приводили к возникновению определенной топографии, ее последующего отражения и восприятия долго не ставилась совсем или сводилась к общим указаниям на связь с системой идей, которая, согласно общему курсу истории, «являлась господствующей».

В то же время потребность понять суть, душу русского города давно ощущалась обществом, и в 1970—1990-х гг. были предложены новые разработки. Они принадлежали группе архитекторов, опиравшихся на свой опыт проектирования. Их приемы интерпретации были свойственны анализу городской среды, применяемому в целях разработки проектов городов, но оказались откровенно вредны для конкретно-исторического исследования.

Уже в 1960—1970-х гг. заметное место заняло направление, рассматривавшее сакральное пространство архитектуры средневекового города как взаимосвязанную систему высотных (= церковных) акцентов в его силуэте. Эти доминанты даже дифференцировали иерархически как общегородские, уличные, внутриквартальные¹. Такой подход имел право на существование, но как исключительно инструментальный, рабочий, помогающий, например, описывать силуэт древнего города. Но он считался базовым и «опрокидывался» в прошлое. При этом анализировался не исторический процесс, а, так сказать, «зрелище города»: все храмы, независимо от времени их появления, рассматривали как единую композицию, сложившийся ансамбль, как целое, как данность, а в распределении доминант видели художественную закономерность.

Панорама Замоскворечья из Кремля. 1850 г. Литография по рис. Д.С. Индейцева. Фрагмент

Панорама Замоскворечья из Кремля. 1850 г. Литография по рис. Л.-О. Индейцева. Фрагмент

Иными словами, предполагалось, что на основе формального анализа организации пространства можно судить о причинах выбора точек для размещения храмов в городе.

Отсюда был один шаг до представлений об отдельных объектах как о частях единого композиционного замысла. Важнейшие проблемы — когда, почему и насколько осмысленно складывались градостроительные структуры, могли ли они определять состав своих компонентов — даже не ставили.

Конечно, естественный вопрос об источнике константного принципа организации пространства возникал, и его пытались решить, прибегая к новым гипотезам — например, к идее особых форм законодательства² или свойственных зодчим представлений о композиции, неизменных и устойчивых.

В результате добросовестная работа по реконструкции архитектурного ландшафта средневекового города и возможности его восприятия и оценки современниками оказалась погребенной под грудой паранаучных интерпретаций. Получил развитие абстрактно-символический, а местами и фантастический подход³, при котором элементами реальной среды навязывали роль пространственно фиксируемых иконических знаков. Излюбленным приемом стали так называемые «идеализированные схемы» городов, с помощью которых удавалось «вписать» реальный план в любую правильную геометрическую фигуру. При анализе составляющих московского урбанистического ландшафта, выделяя в нем те или иные элементы, ему произвольно придавали вид то квадрата, то треугольника, то круга; храмы располагали в форме достаточно сложных «звезд» и т.п. Например, монастыри на плане Москвы объединяли в пространственные кресты или треугольники, трактуя их как тот или иной символ (например, треугольник как символ Святой Троицы). Этот метод живо напоминает приемы отца Тристрама Шенди, героя известного шедевра

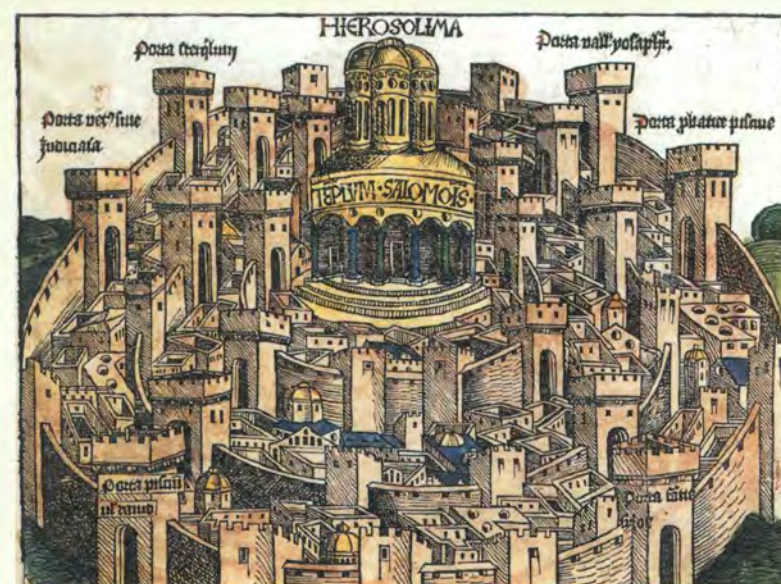
Лоренса Стерна: с помощью перочинного ножа он пытался «врезать» во фразы Эразма Роттердамского смысл, якобы скрытый за «неловкими словами и буквами».

Еще более заметным ответвлением композиционно-символического подхода стала актуализация средневековой идеи роли Москвы как столицы истинного православия и прямой наследницы древних христианских столиц⁴. В ее структуре пытались разглядеть доказательства сознательного формирования Москвы как Третьего Рима, Второго Константинополя и даже Небесного Иерусалима. Пространственная структура Москвы прямолинейно сопоставлялась с идейно-политическими концепциями московских книжников, делались попытки «выявить» факты трансляции в Москву XVI-XVII вв. архитектурно-градостроительных элементов древних христианских столиц. Концепции авторов при этом произвольно встраивали в историческую архитектурную среду, искусственно модернизируя средневековый город⁵. Как прием, практиковалась подмена религиозной символики надуманными историко-символическими образами, часто просто парадоксальными⁶.

В сущности, сакральное пространство Москвы часто не столько исследовали, сколько «моделировали» (говоря проще — придумывали). При этом ориентировались на более древние образцы.

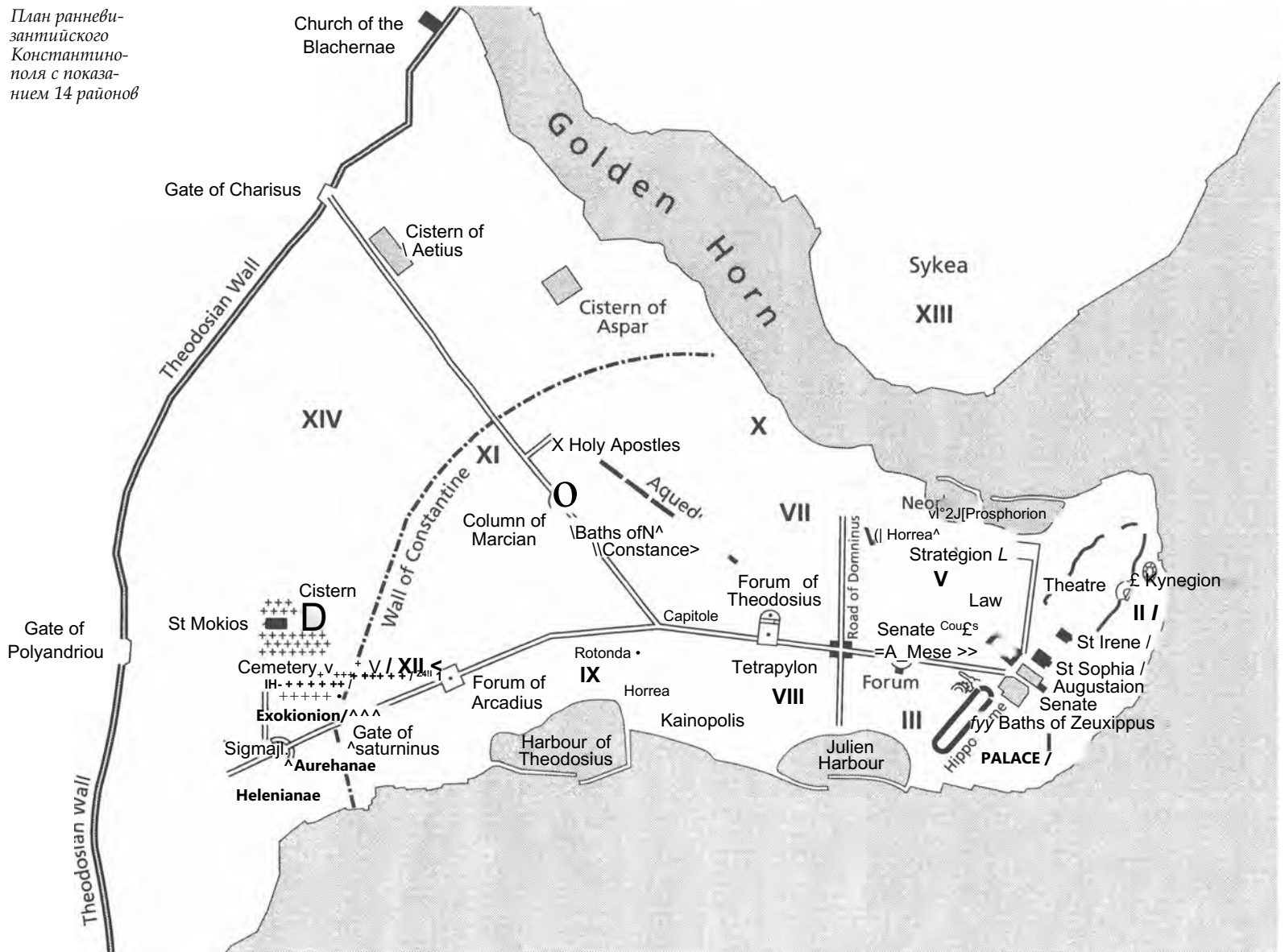
Известную роль в таком подходе играла традиция XIX века, когда становление христианской городской среды в Средиземноморье старались осмыслить как целенаправленный, рационально спланированный и осуществленный проект. Хотя в фундаментальной науке у этого подхода осталось мало сторонников, он отчасти оправдан при работе с избранными моделями, такими как вновь возводимые христианские города (Константинополь) или перестраиваемые «языческие» центры (Рим, Милан, Аквилея, Аахен). Но и там полного соответствия умозрительной структуры реальной текстуре города не достигается. Тем

Отражение топографии священного города
в европейской графике
начала Нового времени: Иерусалим.

План ранне-византийского Константинополя с показанием 14 районов

паче методической ошибкой было проецирование этого метода на русский материал, приводившее к созданию иллюзорных моделей.

Следует учитывать, что «символично-романтический» подход был отчасти вынужденным для русской науки XX в. В условиях идеологических ограничений советского периода трудно было изучать механизм взаимодействия Церкви и города; влияния каждодневных потребностей жизни, ее основных звеньев, местных общин (называть ли их приходскими или по-иному) на формирование пространственной среды⁷; роль иерархов и монастырских сообществ и других заказчиков как генераторов идей. Нельзя было опереться даже на ключевые для изучения сакрального пространства понятия — прежде всего понятие божественного чуда и представления о храме как «святом месте».

Можно было не напоминать читателю о слабостях романтического символизма⁸, маргинальность которого в последнее десятилетие все очевиднее, но именно это направление существенно способствовало тому, что не удалось своевременно сконцентрировать усилия на сборе и критическом анализе доброкачественных источников, способных осветить эту совершенно темную еще область, проблемы которой попросту не были отражены. Так что, хотя в нашу задачу не входит разбор ложных интерпретаций сакрального пространства Москвы, следовало подчеркнуть иное понимание нами самой сакральной топографии.

Объективным препятствием к выработке методики изучения сакрального пространства был и отказ от критического освоения источниковедческой традиции церковно-

археологического и церковно-статистического изучения Москвы в XIX — начале XX века. В методическом отношении исследование сакральной среды средневекового города рисковало откатиться к уровню архаических представлений о ней, сформировавшихся в конце XVII—XIX вв. Мифологизированные или просто произвольно внесенные, а затем утвердившиеся в литературе XIX в. сведения обрели значение исторических свидетельств.

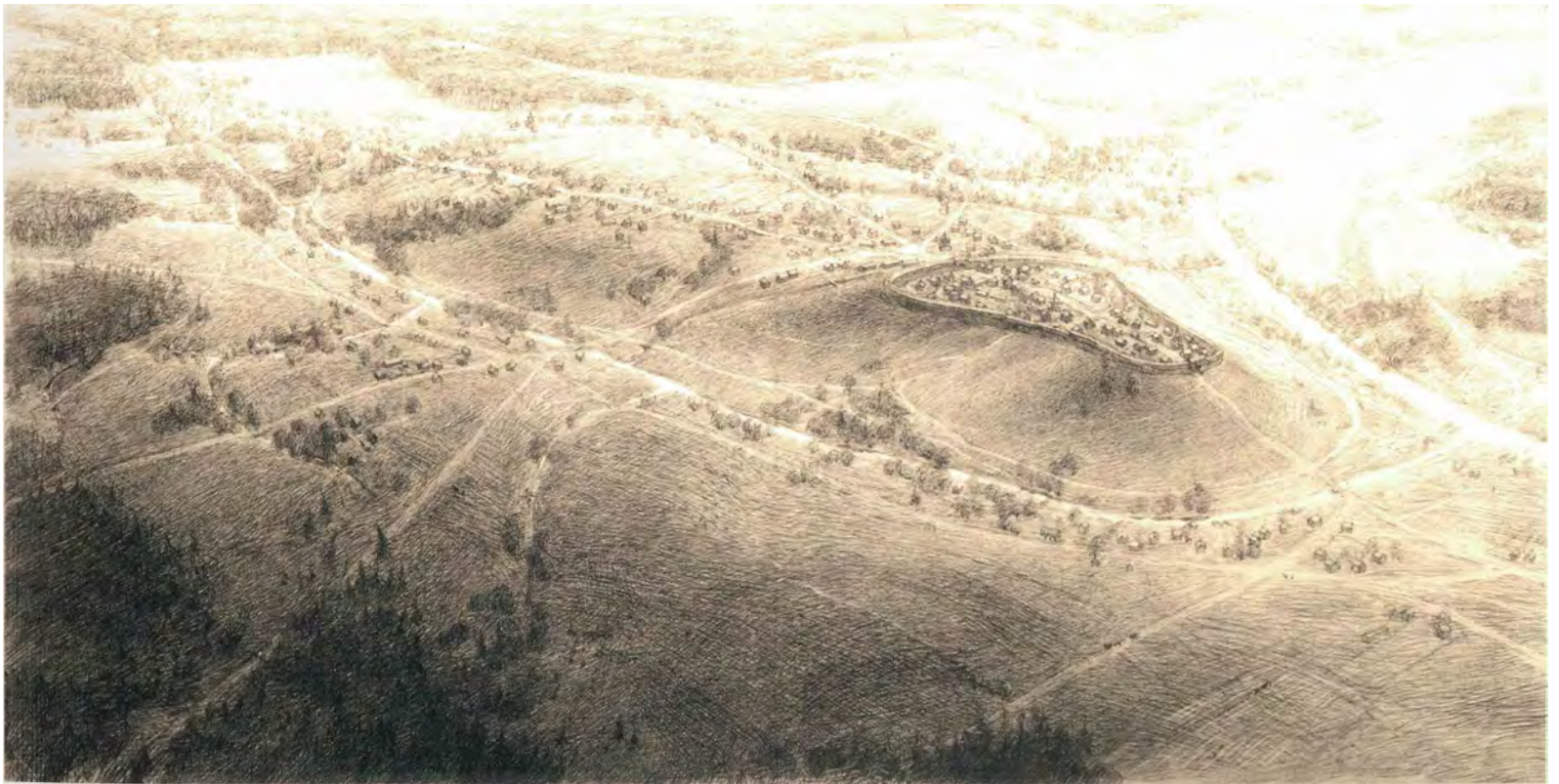
Поэтому началом нашей работы по изучению сакрального пространства средневековой Москвы стал анализ механизма образования в XVIII—XIX вв. представлений о сакральной топографии Москвы как особой мифологизированной системе взглядов, влияющей на современную науку⁹.

Следующий этап исследования был связан с историей сложения церковной топографии и, прежде всего, с реконструкцией обстоятельств возникновения церкви Москвы и трансформации посвящений их престолов в XVI—XVII вв. на основе систематизации архивных источников (дела Патриаршего приказа и др.). Это позволило увидеть первые контуры сакрального пространства города, его осмысления последующими поколениями и обратное влияние возникших представлений на более позднюю сакральную топографию Москвы. Установление реальности преданий (в том числе зафиксированных в письменных источниках) об учреждении московских престолов, о московских святых (чудотворных иконах и иных), а также изучение традиции литийных богослужений закрепляет реконструируемые нами представления о сакральной среде города.

Посмотрим подробнее, на чем основан наш метод.

Отражение топографии священного города
в европейской графике начала Нового времени: Рим

Москва и ее окрестности в домонгольскую эпоху. Реконструкция археолога Николая Кренке и художника Леонида Ланцмана

Методически обоснованная реконструкция исторического пространства и определение того, какой его тип присущ данному обществу, могут опираться только на точные сведения о развитии его конкретно-исторических элементов. В христианском мире эти элементы сохраняются не столько во внешнем облике архитектуры, сколько в трансформации строя церковных служб, в динамике изменений посвящений престолов и введении новых праздников, в развитии приходского и частного храмостроительства. Так что изучение сакрального пространства нужно базировать на изучении реальной церковной топографии, на выверке конкретных историй отдельных памятников и их престолов; системы служб и религиозных процессий; всех известных элементов церковной жизни и церковного управления. При этом их нельзя отделять от общего изучения истории города и его зодчества.

Именно такой подход типичен для всех серьезных трудов по истории сакрального пространства Средневековья. Методами истории искусств, истории архитектуры и градостроительства мировая наука начала изучать его довольно давно. Особенно это касается *городской* сакральной топографии, хотя определенное внимание уделялось и формированию сельских церковных структур. То, что свойственно христианству модели организации внешнего по отношению к храмам сакрального пространства изучают, прежде всего, как городские — понятно и правильно, ведь христианство в эпоху распространения было религией, по сути своей урбанистической.

Можно выделить несколько традиций в подходах к изучению процесса становления сакральной структуры хрис-

тианского города. Первую назовем литургической. Она базируется на изучении стационального чинопоследования. Пример этой традиции, давно ставший классическим, — работа Джона Болдуина «Христианское богослужение в пространстве города. Происхождение, развитие и смысл стациональной литургии»¹⁰. Но чтобы такой подход заработал, обязательное условие — большое количество надежно датированных и весьма специфических по составу письменных источников церковно-служебного характера.

Вторая опирается на общую историко-художественную традицию и апеллирует к такому материалу, как градостроительство и архитектура в их неперенной связи с историей отношений государства и Церкви как организации, а значит с историей политической, военной и экономической. Общеизвестным и общепризнанным образцом в этой сфере стали работы Ричарда Краутхаймера, суть которых собрана, как в фокусе, в его знаменитых лекциях «Три христианские столицы. Топография и политика»¹¹.

Третье направление исследований сакрального пространства христианских городов — археологическое. Оно ставит целью восстановление конкретной истории отдельных культовых структур и их систем, то есть стремится, прежде всего, понять реальное их положение во времени и пространстве по отношению к иным городским или сельским структурам. Если две первые традиции в качестве объекта исследований ориентируются, прежде всего, на мировые столицы или семантически важные центры христианства (Рим, Константинополь, Иерусалим) и им подобные, то археологическое охватывает и небольшие города, монастыри, отдельные сельские храмы с окружающими их ландшафтами, хозяйственными и жилыми структурами. Понятно, что такая работа ведется буквально везде, от Англии, Голландии, Швеции и других северных стран до Италии, Африки и Центральной Азии¹².

Итак, история сакрального пространства христианских городов восстанавливается на основе комплексного анализа письменных источников и археологии, путем выяснения реальной истории развития местной церковной структуры в ее связях с религией, политикой, экономикой, социальными отношениями. Разнообразие этих связей и порождает черты своеобразия, особенности структуры сакрального пространства.

Серьезную роль играла *борьба социальных групп за право формировать церковную топографию*. В ней участвовали рядовые жители, пытавшиеся строить ее по приходскому принципу; высшее духовенство (прежде всего епископы, но также и монашеские общины), стремившееся объединить всю церковную жизнь вокруг своего центра, собора или аббатства; правители государств, соперничавшие с клиром за право возглавлять церковное строительство; наконец, феодалы и богатые торговцы, желавшие контролировать создаваемые ими собственные храмы и монастыри.

В ходе этого соперничества сакральная структура городов Средневековья складывалась далеко не одинаково. Прежде всего, в ней заметны отличия «видового характера» разных областей Европы. Так, очевиден контраст церковного строительства в северной и южной зоне. В Италии каждый город имеет один или два (зимний и летний) собора, а часто и отдельно стоящий баптистерий¹³. В Северной и Центральной Европе, наоборот, развивается сложная система приходов, «независимые» же баптистерии сравнительно редки (да и общий собор имеет далеко не каждый город). Хорошо известный пример именно такого разви-

тия — Лондон, где приходские церкви умножались с невероятной быстротой¹⁴.

Особую роль в развитии сакрального пространства играли реликвии. Их почитание и складывание традиционных маршрутов для поклонения им (паломничества) стало не только фактором формирования сакральной структуры отдельных городов или областей, но и важным стимулом самого процесса градообразования. Ориентация на центр почитания была изначально, генетически присуща целому ряду городов, особенно в Северной Европе. Такой центр был заранее задан, и город складывался вокруг храма или монастырского комплекса, построенного на *loca santa, святом месте*¹⁵. Заметим, что такой модели мы почти не находим на Руси, хотя и для нее характерно мощное воздействие святынь на формирование городского пространства.

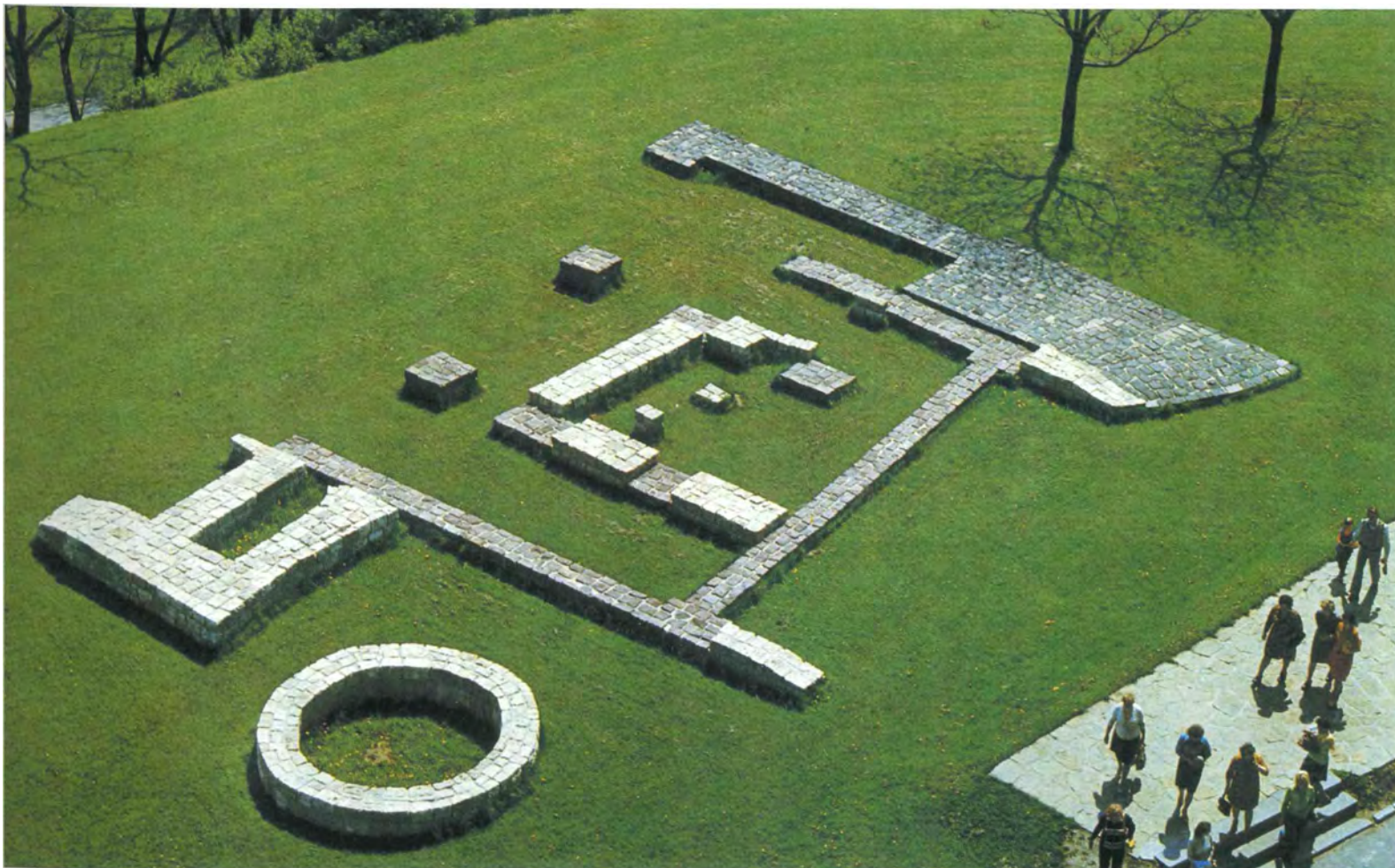
Хорошо известны случаи вторичной, намеренной сакрализации, «оцерковления» городов, подчинения их епископскому центру. Так сложилась судьба Олд Сарума (Англия), стоявшего на месте еще доримского поселка. Норманны поставили в его центре, на вершине холма, как символы своего господства, замок и храм, оставив жителей вне стен, но в начале XIII в. епископ и клир утвердили свой центр уже в гуще застройки, так сказать, «на посадe», на берегу реки и у подножия холма¹⁶. На Руси городом с сакральной структурой того же типа иногда видят Переяслав Южный.

Наряду с усилиями центральной (светской и духовной) власти, развитием почитания святых и процессионального богослужения, *особая роль в развитии церковной топографии принадлежит становлению прихода и приходского строительства*, а также взаимоотношениям соборного, частного и общинного церковного строительства.

Интерес к топографии приходов особенно велик в Англии, где его поддерживают конфессиональные мотивы, точно так же, как интерес к роли городского собора тради-

План Сен-Галльского монастыря. IX в.

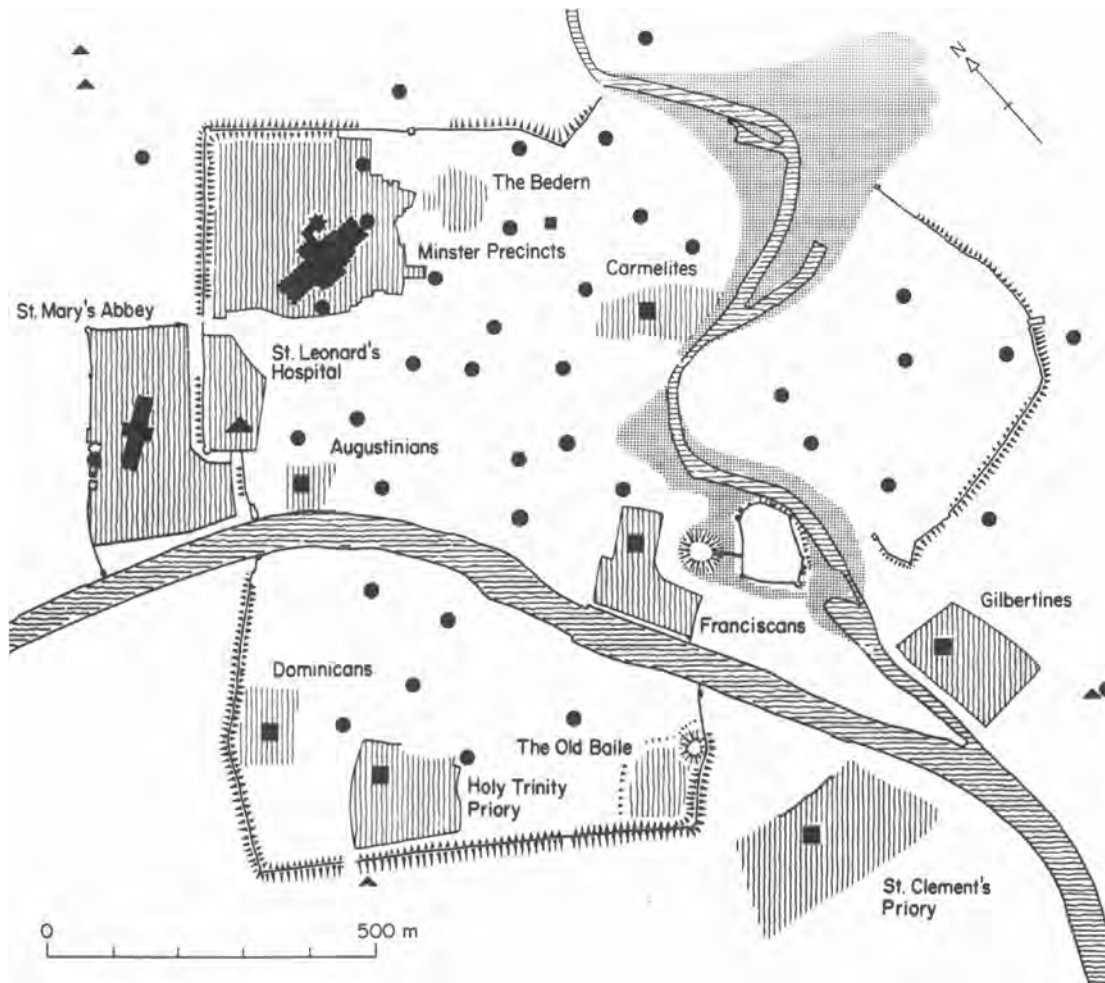
Открытые раскопками руины церковного комплекса. Словакия, раннесредневековый период

Отражение топографии священного города
 в европейской графике
 начала Нового времени: *Константинополь*

Средневековый Иорк. План с указанием монастырей, соборов и приходских церквей

ционен для Германии и Франции, к епископской резиденции — в Италии, а, скажем, в Ирландии — к монастырским структурам. Важную роль сыграли и раскопки средневековых лондонских церквей: они позволили определить границы приходов и даже составить их схемы на XII в., а то и ранее. Раскопки показали, что приходские храмы развивались здесь из домашних церквей; на Сент-Мерис-Таннер-Стрит в Вестминстере раскрыта церковь, единственная дверь которой сначала выходила прямо в частный дом¹⁷. Процесс, аналогичный этому, наблюдается и в русских городах, таких как Новгород и Псков XIII—XV вв., и в городах Центральной Руси XVI—XVII вв. Мы увидим похожие внешние признаки, такие как невероятное умножение храмов и престолов на определенных участках, и в изучаемой нами Москве.

Конечно, «домовые церкви» бывали разными. Ранние лондонские храмы могли принадлежать, например, феодалам, богатым и влиятельным семьям, группам соседей. В Лондоне участки небольших приходских церквей находились не у частных лиц, но принадлежали корпорациям владельцев; через них могли иногда проходить улицы. Церкви торговых корпораций («кауфманскирхен») известны в немецких городах и в центрах Северо-Западной Руси.

Само происхождение частных и приходских храмов (что на Руси, что в Европе) нуждается в дополнительном исследовании. В Европе эта традиция проявлять благочестие и материализовать свою веру была особо характерна до григорианских реформ, поскольку те отрицательно отно-

сились и к праву прихода самому владеть храмом (как праву «внецерковному», светскому, городскому), и к службе в нем священников, которые тем самым отдалялись от внутренних интересов и жизни Церкви¹⁸. Модель прихода и его правовой статус определились в XI—XII вв. С введением в XII в. канонического закона о единообразии приходов¹⁹ значение этого слова приблизилось к современному и стало описывать общину, собирающуюся по воскресеньям и праздничным дням для богослужений в приходской церкви, крестящую детей в церковной купели, хоронящую усопших на церковном кладбище и тем или иным образом содержащую своего священника.

В Северной и Центральной Европе основой для создания корпуса приходских церквей служили небольшие храмы, оратории и часовни, множество которых было построено в Раннем Средневековье. По мере развития города их превращали в приходские. В конце XII столетия в Париже епископ Морис де Сюлли особым указом пересмотрел границы приходов, преобразовав разнообразные сакральные постройки в приходские церкви. В Италии процесс был иным, поскольку здесь изначально господствовал приход общегородской, ориентированный на собор, а деревенские приходы были не менее многочисленны и обширны. Хотя в Позднем Средневековье в итальянских городах образовалось множество приходов — идея единой общины, объединенной вокруг собора с баптистерием, где был крещен каждый из горожан — сохраняется и сегодня.

Изразцы XVII в. позволяют понять, как люди Средневековья представляли себе древние города, упоминаемые в Библии, «Александрии» и других широко читавшихся книгах

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО Москвы В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНЫХ ПРОСТРАНСТВ ХРИСТИАНСКОГО МИРА

Как же выглядит сакральное пространство Москвы в общей системе церковных пространств христианского мира, а особенно — европейских и средиземноморских центров христианства, христианских столиц, от Иерусалима, Константинополя, Рима и Милан до Лондона? Легко догадаться, что у сакральной топографии Москвы с ними много общего. Но материал для сравнения должен дать источниковедческий анализ. Создать фактологический фундамент для интерпретации сакрального пространства должна история престолов, раскрытие причин и времени их возникновения при опоре на архитектурно-археологические материалы и документы.

На какие источники здесь можно опереться? Нельзя сказать, что историография изучения московских престолов бедна — напротив, она сравнительно богата, но критически пока мало проработана. Попытки систематизации сведений о времени основания и посвящениях московских церквей относятся уже к началу XIX в., когда в клировых ведомостях появилась специальная графа для указания времени основания храма; при митрополите Филарете (Дроздове) включение в клировые ведомости исторических сведений о храме стало обязательным. С конца XVIII в. выходят первые справочники по московским храмам с перечислением основных и придельных престолов, такие как «Путеводитель к древно-

стям и достопамятностям московским...» Л.М. Максимовича (М., 1792—1793. Ч. 1—3), «Историческое известие о всех церквях Москвы...» (М., 1796) и др. К сожалению, сведения клировых ведомостей и первых московских путеводителей — авторы церковно-археологических трудов середины — второй половины XIX в.; восприняли некритично, как документальные. Оттуда они проникли в историческую литературу XX в.; подобное отношение к ним сохраняется во многих случаях и по сей день, особенно если нет других источников.

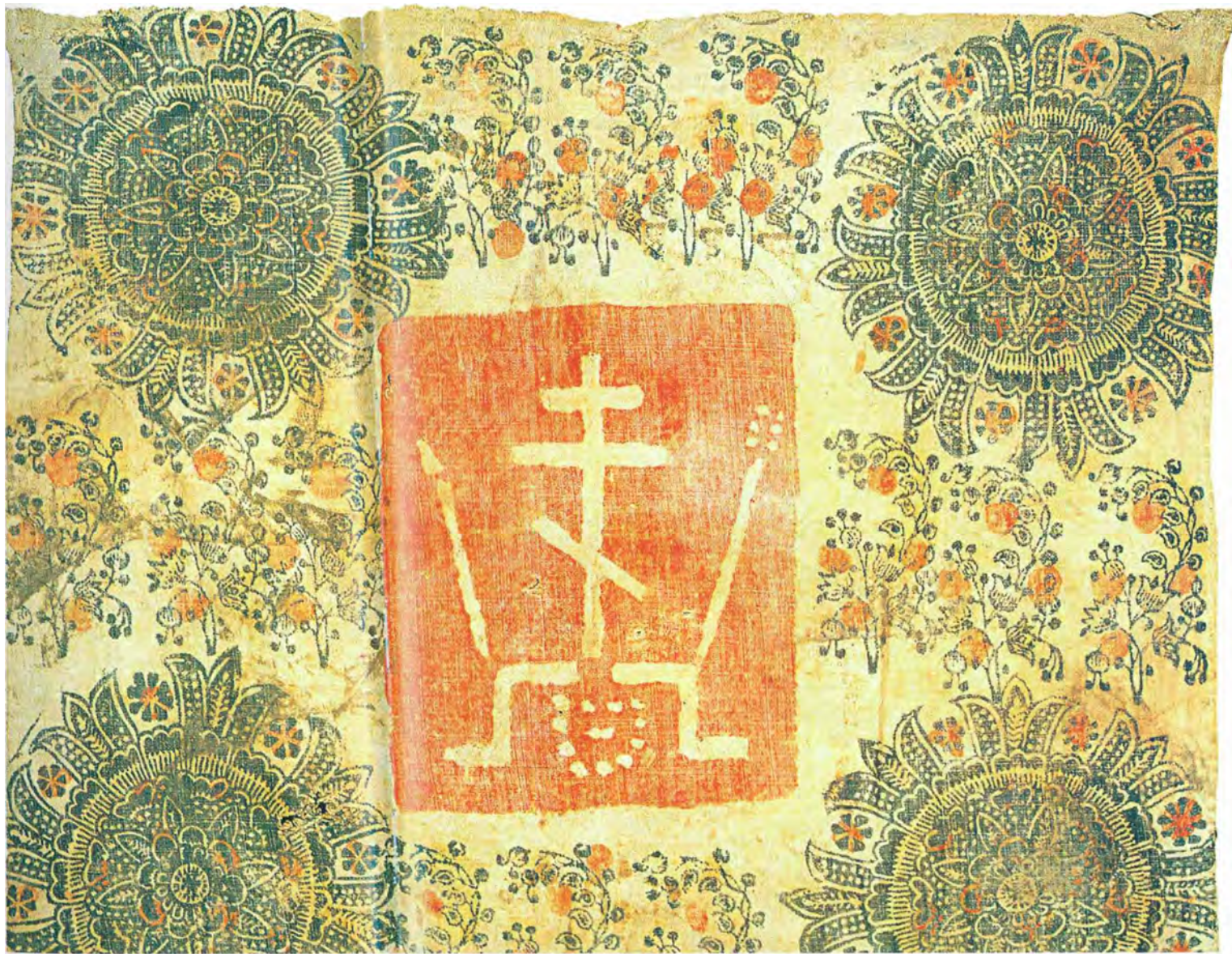
Итак, в основу устойчивых представлений о времени основания большинства московских церквей и освящения их престолов легли сообщения клировых ведомостей и путеводителей конца XVIII — начала XX вв. Более поздние клировые ведомости заимствовали свои сведения из более ранних, повторяя их сообщения. Но, составляя даже самые первые ведомости, приходские священники в поисках даты постройки часто опирались не на документы архива

*Москворецкий
спуск в XIX веке.
Худ. В.А. Рябов*

Яркие археологические находки XII – XVII вв.
сделаны в центре Москвы за последние 50 лет

Антиминс.
Россия.
XVI в.

своего храма (которых часто и не было в их распоряжении), а использовали, обычно без проверки, сведения из уже опубликованных к тому времени упоминаний их во внешних источниках, летописях и актах. Так возник замкнутый круг: цепочки опубликованных дат замыкаются сами на себя, а не восходят к независимым источникам.

Часто источник сведений, которыми пользовались авторы первых клировых ведомостей и путеводителей конца XVIII в., просто невозможно реконструировать. В ряде случаев они пользовались надписями на богослужебных предметах, в которых довольно часто приводилась дата вклада в церковь, которая не имела отношения к ее строительству. Например, о церкви Всех Святых на Кулишках почти все путеводители конца XVIII—XX вв. пишут как о построенной в 7096 (1587/8) г. Основанием этому стала вкладная запись на хоругви, где, впрочем, упоминался не 7096, а 7196 (20 ноября), то есть 1687 г. С тех пор дата 1588 г., являющаяся результатом ошибочного прочтения вкладной записи, встречается в краеведческой литературе. От подобного неверного прочтения возник эпитет «стародевичий» применительно к Зачатьевскому монастырю.

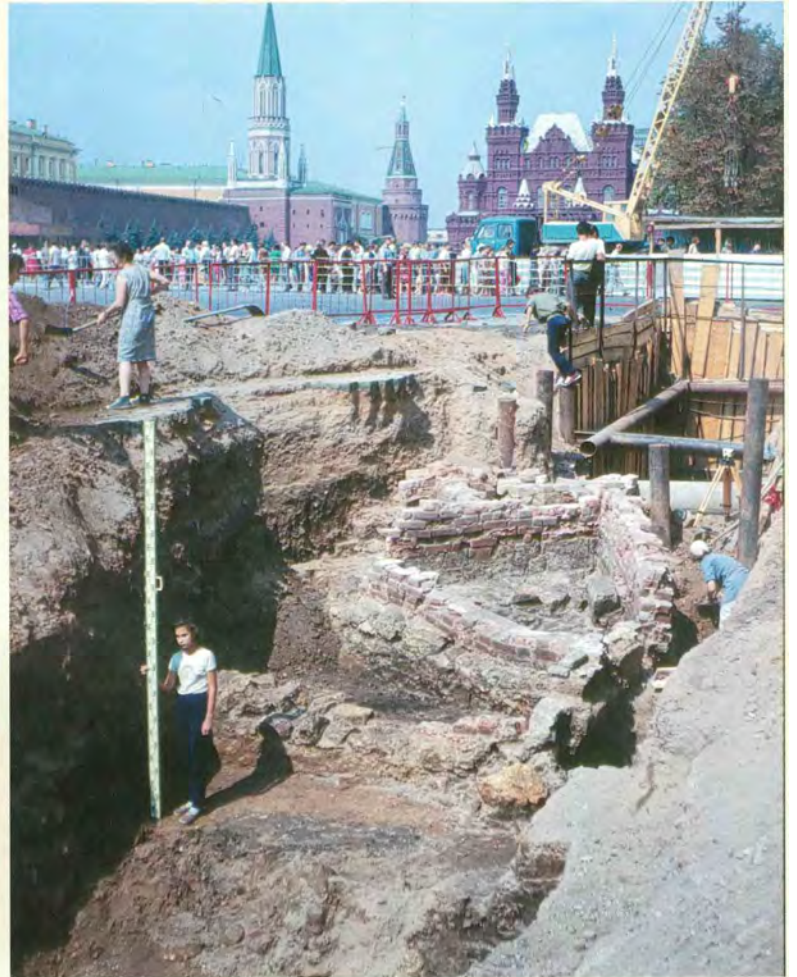
Более надежным источником казалась эпиграфика, прежде всего храмовые надписи, сохранявшиеся на

стенах некоторых церквей. При этом не учитывали, что их могли резать не при строительстве, а после обновления церковного здания; нередко храмовые надписи даже сочиняли при поновлении храмов для того, чтобы «удревнить», связать храм с известными историческими событиями. Подчас за храмовую принимали белокаменную настенную «доску» с эпитафией, которой обозначали погребение, используя ее дату. Источником мог служить вообще любой текст на предмете, содержащий указание на хронологию церкви, например, надпись на колоколе. Вплоть до конца XVIII столетия в церквях в ряде случаев сохранялись древние антимины, на которых указывались сведения об освящении престола.

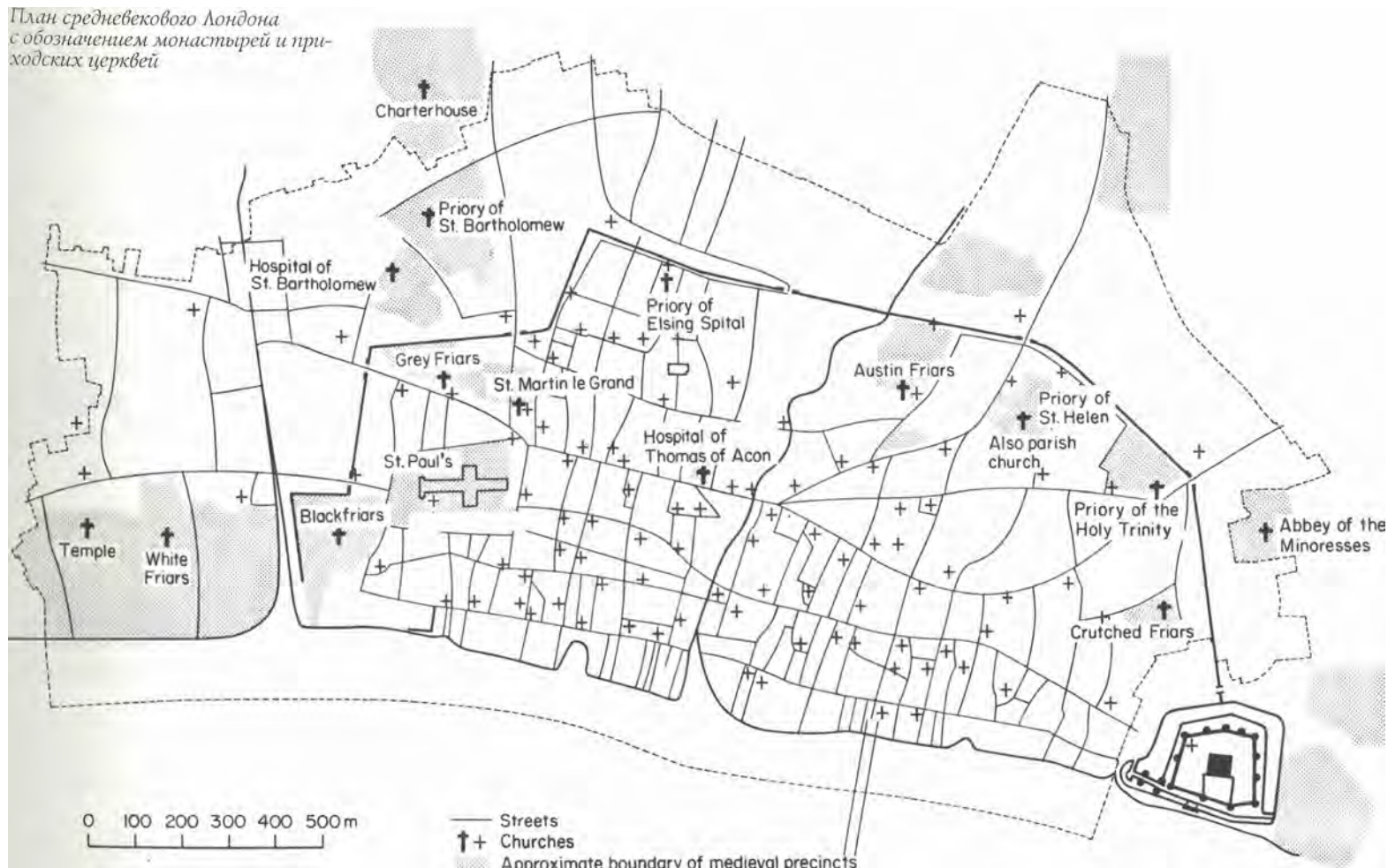
Оговорим, что надписи всех этих видов используем и мы, но всегда — после тщательной эпиграфической и археологической проверки, а также с учетом исторического контекста. В литературе же XVIII—XIX вв. и продолжающей ее традицию справочной литературе XX в., при всем обилии данных о посвящениях престолов, обоснования приводимых сообщений практически никогда не проверялись.

К сожалению, материал для анализа источников, позволяющих создать фактологическую основу изучения сакральной топографии Москвы, объективно ограничен. Сообщения летописи позволяют в некоторых случаях установить дату создания каменной церкви, но часто не разрешают сделать вывод о времени появления на этом месте деревянной с тем же посвящением. О большинстве храмов можно судить как о существующих по упоминаниям о них в летописных описаниях исторических событий, что помогает опре-

Археологические работы — один из главных методов накопления знаний о церковной топографии Москвы от ее возникновения до конца Средневековья

План средневекового Лондона с обозначением монастырей и приходских церквей

делить только широкие границы бытования в Москве конкретного престола, но не уточнить его размещение. В идеальной модели исследовательской работы нарративный и актовый материал сопоставляют с результатами археологических и иных натурных (архитектурных, инженерных и пр.) изысканий. Но архитектурная археология сохраняющихся древних храмов не имеет в Москве систематического характера, а застройка многих участков церквей, снесенных в 1920-1970-е гг. почти (или вовсе) без археологического надзора, не оставляет надежд на дополнительную информацию.

В то же время случаи применения в архитектурной археологии комплексных методов датирования, отождествления построек с их названиями, упомянутыми в письменных источниках, или с персонажами истории дает исключительно яркие результаты. При этом в ход идет все, от сложной стратиграфии и физико-химической аналитики до анализа строительных материалов. Кирпич и черепица, голосники, плитки полов и архитектурная терракота, стенные и печные изразцы заключают в себе сложную амальгаму художественных форм и технологических новаций с культурно-исторической духовной традицией и становятся неожиданными источниками по истории сакрального пространства Средневековья.

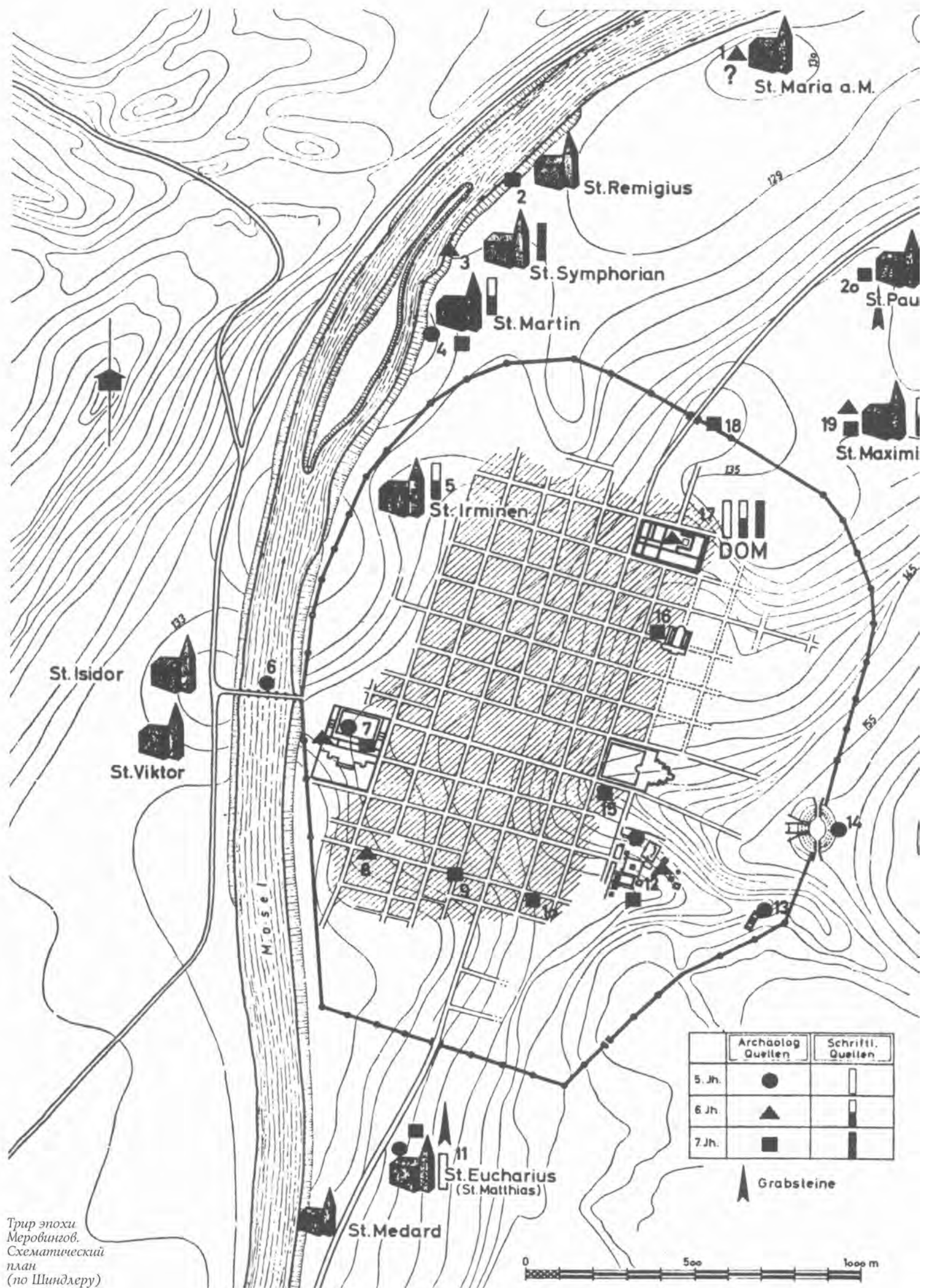
Строительная керамика играет роль визуальной «маркировки» цивилизации. Она — непереносимое условие демонстрации принадлежности к культурному кругу и неизбежно меняется при включении этноса в иной культурно-политический круг общения. Введение тех или иных новых материалов строительства — своего рода «переодевание» культуры, в котором керамические материалы играют роль просто воспроизводимых и легко передаваемых аксессуаров, а также массовых заменителей дорогих или редких природных материалов.

В Восточной Европе хорошо известен ряд таких «переодеваний»: становление монументального зодчества Руси

в X—XI вв. рождает производство кирпича и глазурованной плитки как заменителя мрамора; формирование европейской русско-итальянской архитектуры в конце XV—XVI вв. проходит на базе новой технологии кирпича, нового типа покрытия (черепица), новых типов художественной керамики (терракотовые орнаментальные пояса); «колористическая» революция XVII вв. происходит на основе массового использования эмалевых панно по европейским технологиям. Сам кирпич — непревзойденный со времен Древнего Востока и Рима маркер цивилизации — принимает на себя, помимо роли вспомогательного материала для датировки, функции источника по истории национальных форм благочестия²⁰.

Мы уже говорили, что возможности изучения сакральной топографии Москвы в разные века ограничены самим характером документального материала. Только большая упорядоченность ведения документации Приказов и их лучшая сохранность создали в XVII в. основной круг источников, по которым можно судить о составе московских престолов. Среди них наиболее известны и изучены Переписные и Строельные книги Москвы, частично опубликованные еще И.Е. Забелиным. Однако самые ранние Переписные книги фрагментарны и не показывают город целиком. Более полную картину дают расходные книги Патриаршего приказа, особенно книги выдачи ладана. Они тоже не содержат полного списка всех престолов города, упоминаемые храмы выборочно, но зато — по всем районам города и части Подмосквья, что позволяет составить общее представление о большом сакральном пространстве²¹.

Важность Ладанных книг для создания надежного блока сведений по сакральной топографии Москвы исключительна и потому, что они отражают состав московских престолов объективно и на длительном временном промежутке (около 100 лет). Особенно важно то, что можно подробно представить их передвижение и системные смены,

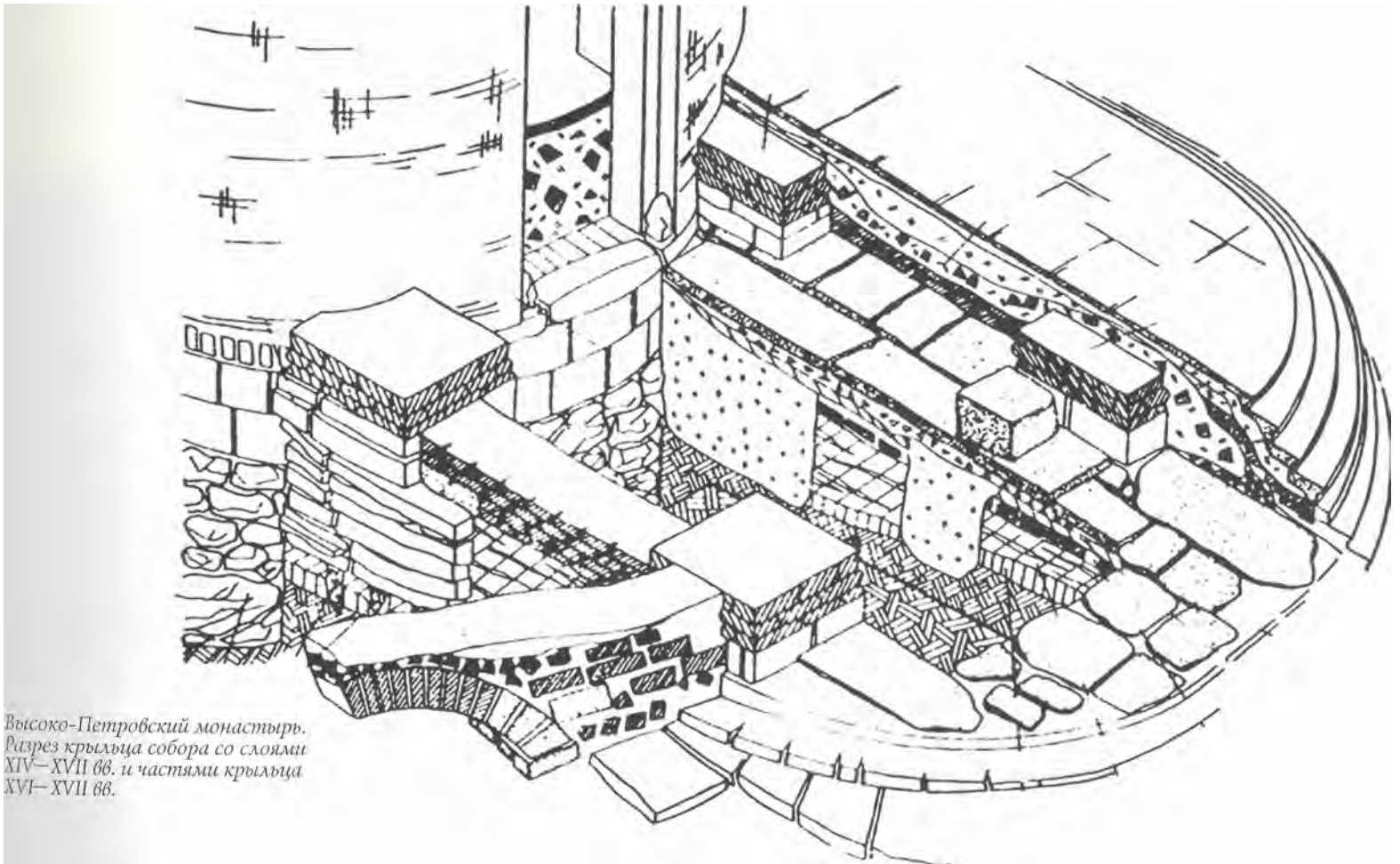

Трир эпохи
Меровингов.
Схематический
план
(по Шиндлеру)

	Archäolog. Quellen	Schriftl. Quellen
5. Jh.	●	□
6. Jh.	▲	▮
7. Jh.	■	▩

Grabsteine

такие, например, как при переходе от Москвы эпохи Ивана Грозного и Бориса Годунова — к Москве царей династии Романовых. Книги первых лет воцарения Михаила Феодоровича Романова часто указывают на время освящения вновь построенных при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче храмов (или пристройки приделов к уже существующим).

Достаточно упомянуть, например, что только Ладанные книги позволяют точно установить дату выделения из старого Алексеевского монастыря нового, известного потом как Зачатьевский. Монастырское предание, вошедшее в церковно-археологическую и краеведческую литературу, связывало основание монастыря с воцарением Феодора Иоанновича, что в общем виде подтверждает данная им монастырю грамота 1623 г. Запись же в Ладанной книге 7093 под 27 июля (1585 г.): «...в Зачатейский в новой девич монастырь...»²² документально устанавливает появление монастыря нового посвящения между весной 1584 и летом 1585 гг.

Идентификация престолов по Ладанным книгам — процесс критико-аналитический. Одни и те же храмы могут быть названы в разных погодных записях в расходных книгах по-разному. Так, церковь Зачатия Иоанна Предтечи на Знаменке в 1584/85 г. названа «Зачатъя Ивана Предтечи что за Неглимною у Конюшен», а в 1613/14 г. «Ивана Предтечи против Государевы Большой Конюшни», что создает опасность отождествления ее во втором случае с церковью Иоанна Предтечи «у Конюшон», находившейся не в Занеглименье, а в Кремле, и посвященной не Зачатию, а Рождеству Иоанна Крестителя. При этом местоположение храма можно установить благодаря различию в названии конюшен. В начале XVII в. конюшни в Кремле назывались «малыми», а находящиеся в Чертолье — «большими».

Другим точным документом, указывающим время освящения престола, является такой важный в церковной ар-

хеологии предмет, как антиминс. Известна практика сохранения при переосвящении престолов старых антиминсов. Некоторые из них были обреты в XIX в. в столпах обветшавших престолов и стали важным источником для датировки каменных храмов XVI в. В XVIII — начале XX в. старые антиминсы сдавались приходами в епархиальные управления. Была предпринята попытка поиска епархиальных списков с описаниями поступивших в консисторию антиминсов московских церквей. Некоторые из них, составленные по Указу императора Николая I «Об отыскании Святых Антиминсов древняго освящения», обнаружены в Центральном историческом архиве Москвы в результате обработки одного из наиболее обширных его фондов, фонда Московской Духовной консистории²³.

Все же проработка Ладанных книг, списков древних антиминсов и храмозданных надписей, вообще само исследование истории конкретных московских престолов — только материал для изучения отдельных, конкретных черт церковной среды города. Представление о его сакральном пространстве как целом связано прежде всего с историей чина литийных богослужений или, пользуясь западной терминологией, стационарной литургии²⁴.

Сведения о литийных службах в Москве, или крестных ходах из Успенского собора к московским святыням, до XVII столетия содержатся в летописных источниках и описаниях иностранцев, посещавших Москву. Однако источник, по которому можно судить не только об отдельных процессиях, а о всем чине городских богослужений, относится уже к началу XVII в., ко времени патриарха Филарета.

История литийных богослужений важна и для раскрытия символического образа конкретных храмов. Наше исследование выявило значение сакрально-топографического аспекта для интерпретации символического содержания архитектурной формы.

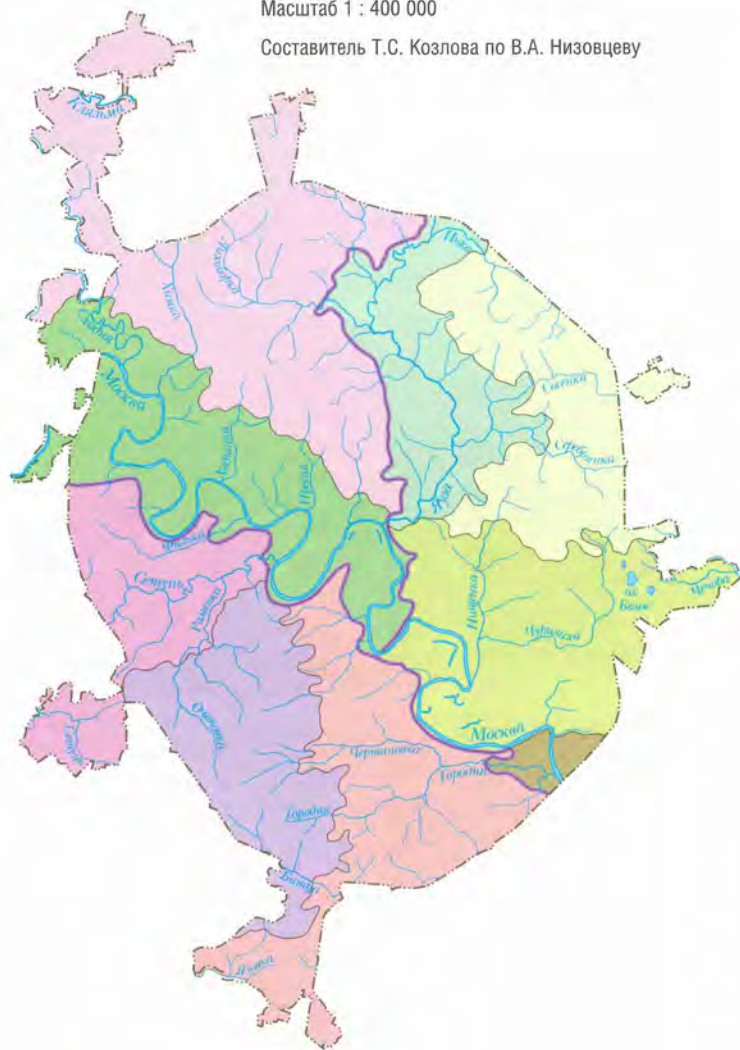
ПРИРОДНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МОСКВЫ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЕЕ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Сакральное пространство города, понимаемое как сочетание, «сумма» реально существующей традиции памяти и почитания, немислимо вне реального географического пространства, причем пространства не статичного, а трансформируемого: отчасти природной сменой условий, отчасти — деятельностью человека по преобразованию среды. Генетическая связь позднесредневековой сакральной среды города с этими древними процессами осуществляется, конечно, через массу промежуточных звеньев, ступеней и этапов — но зато эта связь неразрывна и продуктивна. Не учитывая историко-географического фактора в формировании Москвы, мы рискуем упустить многие важные особенности. Например, просто не понять, в чем же отличие ее пространства от пространства каменно-пустынного «голового» Иерусалима или мысового приморского Константинополя? Трудно будет оценить, насколько несхож «исторический подмалевок» молодого русского города — и древнего, «вечного» Рима.

Коренные (восстановленные) ландшафты Москвы

Масштаб 1 : 400 000

Составитель Т.С. Козлова по В.А. Низовцеву

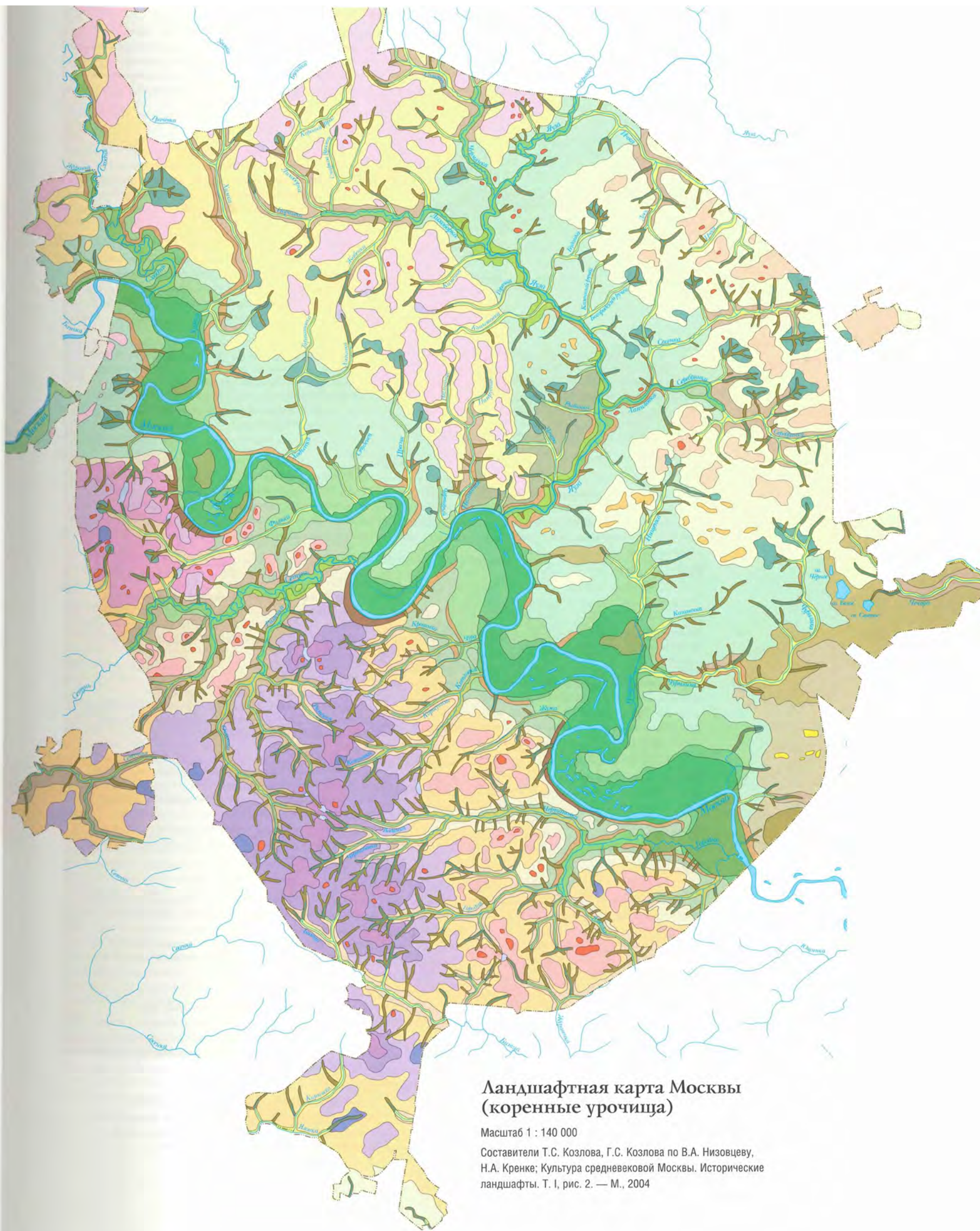
В формировании «материальной подосновы» для будущего сакрального пространства Москвы имеют существенное значение три фактора. Во-первых, природный ландшафт (в широком смысле слова, включая рельеф, климат, обводненность и растительность). Во-вторых, усилия человека по его преобразованию и оставляемые им на этом ландшафте следы. В-третьих, следы существования более раннего, «домосковского» (дославянского, догородского) слоя сакральной топографии, сети ее дискретных точек на территории Москвы. Представим их хотя бы кратко.

Свойства ландшафтов определяли пути заселения и освоения территорий. Ландшафт Москвы представляет неожиданно сложную картину сочетания нескольких зон, в целом очень благоприятных для жизни человека. Здесь сходятся три крупных природно-географических района, основанных на крупных формах рельефа Русской равнины: Москворецко-Окская эрозионная долина, Клинско-Дмитриевская гряда и Мещерская низменность. Этот рельеф сложился в четвертичном периоде, в эпоху московского оледенения и таяния ледников, в результате которых сформировались разного рода равнины (моренные, водно-ледниковые и др.), позволившие выделиться особым, индивидуальным ландшафтам, составлявшим довольно пеструю, а местами и контрастную картину, выраженную как на уровне коренных рельефов, так и в почвенно-растительном покрове, и в разнообразии животного мира. В зону широколиственно-еловых (так называемых смешанных) лесов здесь вторгались таежные ельники и сосновые боры, густые дубравы и липняки, вязовники и даже ясеневые. В них водилось не менее 20 видов диких млекопитающих (хищники, копытные, грызуны, зайцеобразные). Выделяют до 9 таких особых ландшафтов, причем 8 из них сходятся именно в центральной части города: случай уникальный для всей центральной части Русской равнины.

Полоса долинных ландшафтов Москва-реки делит зону города на две почти равные части, причем сами москво-

	Теплостанский (возвышенный моренно-холмисто-увалистый)		Москворецко-Граivorонский (долинный)
	Кунцевский (моренно-холмистый)		Яузский (долинно-зандровый)
	Царьцынский (моренно-водно-ледниковый волнисто-увалистый)		Мещерский (водно-ледниковый волнистый)
	Москворецко-Сходненский (долинный)		Химкинский (моренно-водно-ледниковый пологохолмистый)
	Москворецко-Капотненский (долинный)		Границы
			физико-географических провинций
			ландшафтов

Восстановленные ландшафты Москвы

Коренные (восстановленные) урочища

Моренные равнины

■ *слабовыпуклые и плосковершинные (Н абс. 220–250 м), сложенные покровными суглинками, подстилаемыми моренными отложениями, хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под широколиственными, преимущественно дубовыми лесами*

■ *волнисто-увалистые (Н абс. 200–240 м), сложенные покровными суглинками (мощн. 1–2 м), подстилаемыми моренными отложениями, отлично дренированные, расчлененные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами под липово-дубовыми лесами*

■ *увалистые и волнисто-увалистые (Н абс. 180–200 м), сложенные покровными суглинками (мощн. до 3 м), подстилаемыми моренными отложениями, отлично дренированные, сильно расчлененные, с дерново-слабо-, реже дерново-среднеподзолистыми почвами под липовыми с елью, дубом, вязом и ясенем лесами*

■ *выпуклые и слабовыпуклые (Н абс. 180–200 м) конечных морен, сложенные покровными суглинками (мощн. до 1,5 м), подстилаемыми моренными отложениями, отлично дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под дубовыми с примесью липы и сосны лесами*

■ *волнистые (Н абс. 180–190 м), сложенные покровными суглинками (мощн. до 3 м), подстилаемыми моренными отложениями, умеренно дренированные, слабо расчлененные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми, нередко слабо-глееватыми почвами под широколиственно-еловыми и широколиственными с елью лесами*

■ *полого-наклонные и волнисто-увалистые, останцовые поверхности (Н абс. 160–180 м), сложенные покровными суглинками, подстилаемыми моренными отложениями, хорошо дренированные, с дерново-слабо- и дерново-среднеподзолистыми почвами под липово-дубовыми с елью лесами*

■ *плоские и слабоволнистые (Н абс. 155–170 м), сложенные покровными суглинками (мощн. 0,5–1,5 м), подстилаемыми моренными отложениями или, редко, песками (мощн. до 0,5 м), умеренно дренированные, с дерново-среднеподзолистыми, чаще слабо-глееватыми почвами под широколиственно-еловыми лесами*

■ *волнистые и холмистые (Н абс. 155–170 м), сложенные покровными суглинками (мощн. до 1,5 м), подстилаемыми моренными отложениями, умеренно дренированные, с дерново-среднеподзолистыми, иногда глееватыми почвами под широколиственно-еловыми и еловыми лесами*

Водно-ледниковые равнины

■ *плоские, полого-волнистые и наклонные (Н абс. 160–180 м), расчлененные, сложенные суглинками, подстилаемыми песками, умеренно дренированные с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми, местами глееватыми почвами под широколиственно-хвойными лесами*

■ *плоские и слабоволнистые (Н абс. 155–170 м), сложенные суглинками (мощн. 0,5–1,5 м), подстилаемыми песками и моренными отложениями, умеренно дренированные с дерново-среднеподзолистыми, реже средне- и сильно-подзолистыми, часто оглееными почвами под хвойными с примесью липы и дуба лесами*

■ *плоские и слабоволнистые (Н абс. 160–170 м) с многочисленными заболоченными западинами, сложенные каменистыми песками, подстилаемыми моренными отложениями и местами перекрытыми покровными суглинками (мощн. до 1 м), слабо дренированные с дерновоподзолистыми и подзолистыми, в том числе глееватыми и глеевыми почвами под сосновыми, реже еловыми с дубом и липой лесами*

■ *моренно-водно-ледниковые слабовыпуклые и плоские останцы (Н абс. 150–160 м), сложенные суглинками и песками, подстилаемыми близко залегающими моренными отложениями, умеренно дренированные с дерново-слабоподзолистыми почвами под хвойными с дубом лесами*

Долинные зандрры

■ *высокие (Н абс. 160–180 м) плоские и полого-наклонные, расчлененные, сложенные суглинками и песками, умеренно дренированные, с дерново-подзолистыми, иногда глееватыми почвами под хвойными с участием дуба и липы лесами*

■ *низкие и высокие, слившиеся (Н абс. 150–160 м), плоские и мелковалистые, местами с эловыми буграми и западинами, сложенные песками, умеренно дренированные, со слабо- и среднеподзолистыми, в том числе оглееными почвами под сосновыми с елью лесами*

■ *преимущественно низкие, местами слившиеся с высокими, третья надпойменная терраса (Н абс. 140–160 м), плоские и полого-наклонные, слабо-, местами среднерасчлененные, сложенные песками и супесями с прослоями суглинков, умеренно дренированные, с дерново-слабоподзолистыми и подзолистыми, нередко оглееными почвами под сосновыми с елью, липой и дубом лесами*

■ *низкие (Н абс. 140–150 м) (третья надпойменная терраса) плоские или полого- и покато-наклонные, расчлененные, местами сильно, сложенные суглинисто-песчаными отложениями, хорошо и отлично дренированные, с дерново-подзолистыми почвами под широколиственно-сосновыми с участием ели лесами*

■ *низкие, третья надпойменная терраса реки Яуза (Н абс. 140–160 м) полого-наклонные, волнистые и мелко-холмистые, расчлененные, сложенные песками, умеренно дренированные, со слабоподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми с примесью дуба лесами*

■ *низкие (Н абс. 140 м) плоские, сложенные песками с прослоями алевритистых суглинков, слабо дренированные, сырые, с дерново-средне- и дерново-сильноподзолистыми почвами под сосновыми с елью и дубом лесами*

 низкие (Н абс. 130–150 м) волнисто- и грядово-бугристые, со сложным золотым рельефом, сложенные песками, подстилаемыми перебитыми моренными отложениями и меловыми песками, умеренно дренированные, с подзолистыми почвами под сосновыми с елью лесами

Долинные зандры малых рек

 полого- и покато-наклонные, сложенные мощными (мощн. до 3 м) суглинками, подстилаемыми песками с цоколем из моренных отложений и коренных пород, отлично дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под широколиственно-еловыми и широколиственно-сосновыми лесами

 плоские и полого-наклонные, сложенные суглинисто-песчаными отложениями, умеренно дренированные, с дерново-средне- и дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми с участием ели и широколиственных пород лесами

Мелкие ложбины стока («Межбассейновые» переливы)

 полого-вогнутые и полого-наклонные, сложенные суглинками, подстилаемыми песками, сырые, с дерново-подзолисто-глеевыми и глееватыми почвами под широколиственно-хвойными лесами

 плоские и полого-вогнутые, сложенные маломощными (до 1 м) суглинками с прослоями песков, сырые и заболоченные, с дерново-подзолисто-глеевыми и мелкоболотными почвами под елово-сосновыми с участием широколиственных пород лесами

Древнеозерные (озерно-ледниковые) котловины

 плоские и полого-наклонные, сложенные мощными алевролитистыми суглинками и алевроитами, с дерново-подзолистыми оглееными, реже перегнойно-глеевыми почвами под широколиственно-еловыми сырыми и заболоченными лесами

 плоские и полого-вогнутые, сложенные алевролитистыми суглинками с прослоями песков, с дерново-подзолисто-глеевыми, шовато- и торфянисто-глеевыми почвами под еловыми с участием широколиственных пород заболоченными лесами или низинными и переходными болотами

Террасовый комплекс долин рек

 вторая надпойменная терраса плоская и полого-наклонная, реже мелкобугристая, сложенная песками, реже супесями, местами перекрытыми маломощными суглинками, умеренно дренированная, с дерново-слабо-, дерново-среднеподзолистыми и подзолистыми почвами под сосновыми с липой и дубом лесами

 нерасчлененный комплекс первой и второй надпойменных террас полого-наклонных, сложенных песками, перекрытыми маломощными супесями и суглинками, хорошо дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под сосновыми с примесью широколиственных пород лесами

 первая надпойменная терраса плоская, местами полого-наклонная, сложенная песками, с прослоями супесей и суглинков, слабо дренированная, со среднеподзолистыми и дерново-подзолистыми, местами оглееными почвами под сосновыми лесами

 поймы плоские и мелко-волнистые с многочисленными старицами, сложенные суглинками и песками с прослоями гальки с пойменными дерново-глеевыми и пойменными дерновыми почвами под липово-дубовыми лесами и вязовниками

 поймы плоские, сложенные переслаивающимися песками и суглинками с пойменными болотными почвами под черноольшаниками, дубравами и вязовниками

 участки пойм, занятые низинными болотами с мощными торфяниками под черноольшаниками

 поймы малых рек волнистые и бугристые, сложенные суглинками и песками, сырые и влажные с пойменными дерновыми в разной степени оглееными почвами под черноольшаниками и вязовниками

Коренные склоны долин рек

 крутые (чаще оплывно-оползневые) со сложным продольным профилем, сложенные маломощными делювиальными суглинками и супесями, подстилаемыми водно-ледниковыми песками в верхней части склона и моренными или коренными (в основном юрскими глинами) отложениями в нижней части, с дерновыми смыто-намытыми и оглееными почвами под липовыми и дубовыми с сосной лесами

 покатые и покато-крутые, сложенные делювиальными суглинками (мощн. 1–3 м и более), подстилаемыми рыхлыми четвертичными отложениями, с дерновыми, в нижних частях оглееными почвами под широколиственно-еловыми и широколиственно-сосновыми лесами

Долины малых рек и ручьев балочного типа

 глубоко врезанные, с покатыми и крутыми склонами, с фрагментами надпойменных террас, сложенных суглинисто-песчаными отложениями, с дерново-слабоподзолистыми, местами глееватыми почвами под сосняками, с дерновыми смыто-намытыми почвами под липово-дубовыми лесами на склонах и с пойменными дерновыми глееватыми и глеевыми почвами под черноольшаниками на поймах

 с полого-вогнутыми склонами, с фрагментами надпойменных террас, сложенными песчаными с прослоями суглинков отложениями, с подзолистыми и дерново-подзолистыми сильно оглееными почвами под сосновыми лесами с елью и широколиственными породами на склонах и террасах и с пойменными дерново-глеевыми почвами под черноольшаниками на поймах

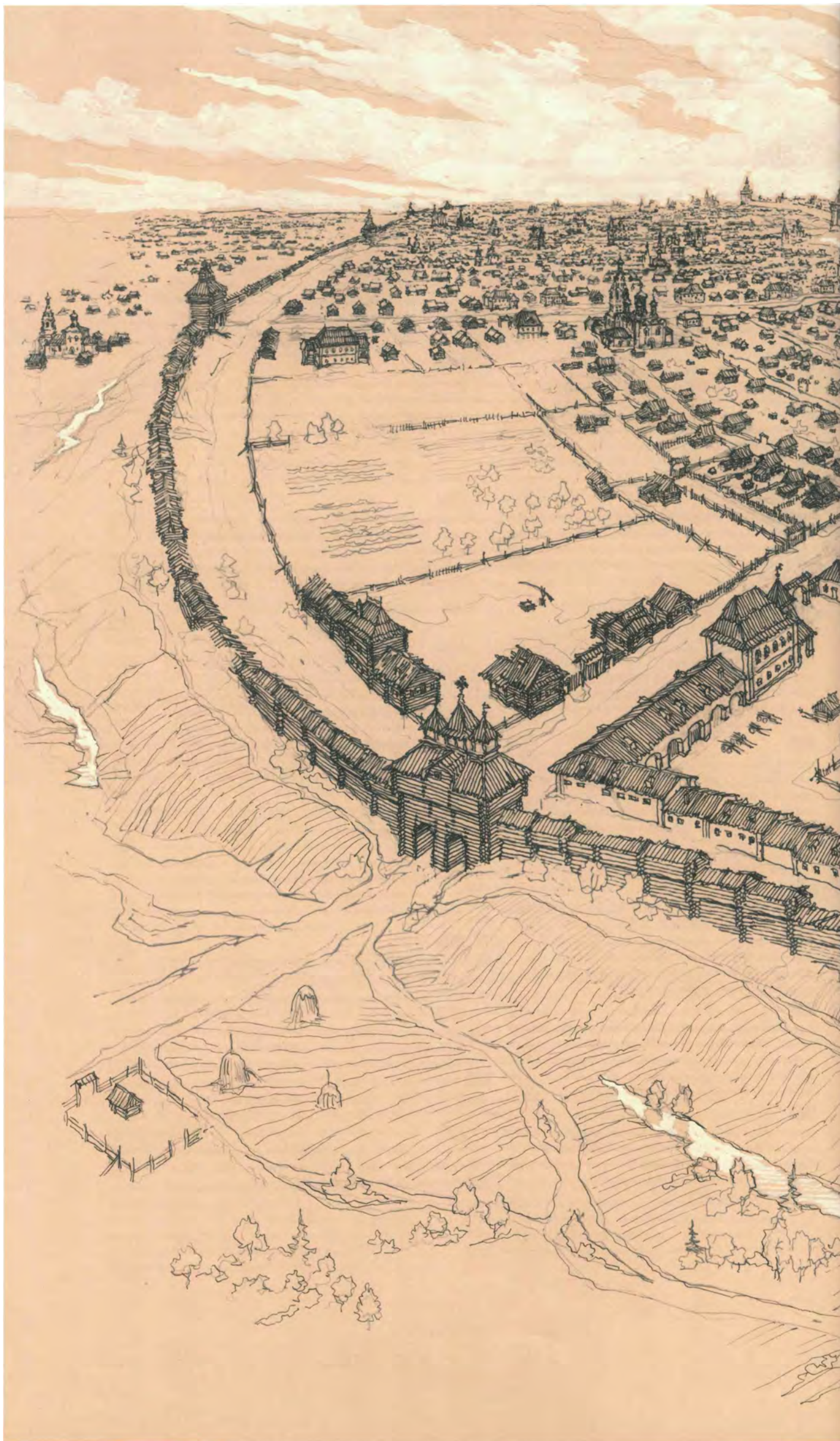
 Лощины и балки влажные и сырые, реже заболоченные, под хвойными и ольховыми с примесью широколиственных пород лесами

 Камы мелкие (Н отн. до 3–5 м, D – от десятков до сотен м) слабовыпуклые, сложенные песчано-гравийными отложениями, перекрытыми маломощными моренными и местами покровными суглинками, отлично дренированные, с дерново-слабоподзолистыми почвами под широколиственно-хвойными, преимущественно сосновыми лесами

 Золотые гряды и крупные бугры, сложенные песками, со слабоподзолистыми и подзолистыми слабоазвитыми почвами под сосновыми лесами

Часть Земляного города у Остоженского конюшенного двора. XVII в. Вид с птичьего полета. Худ. В.А. Рябов

У ворот Земляного города по сторонам улицы Остоженки расположены огородное место боярина В. И. Стрешнева с деревянными хорами на переднем дворе и казенный Остоженский конюшенный двор. За ними видны церковь Успения на Остоженке и Зачатьевский монастырь. На подоле у Крымского брода – местность Киевец с церковью Николы.

рецкие ландшафты — пример исключительной пестроты и разнообразия природных условий и ресурсов. Эта полоса, где можно найти участки, подходящие для хозяйства почти любых типов, стала артерией расселения и освоения территории Москворечья. Близость к воде, плодородные и влажные почвы с густыми лесами с подлеском, луговыми прогалинами и полянами привлекали человека издревле к пойменным террасам, а для земледелия подходили и три надпойменные террасы: бедность их почв, наклонные поверхности и изрезанность балками компенсировали их быстрое высыхание и открытость солнечному свету, превращавшие склоны в ранние пастбища, а покрытые липняками и дубравами участки — в борти.

Особенно это верно для ландшафтов высокого левого берега Москвы-реки, где было много участков для пашенного земледелия, в то время как ландшафты низкого берега слишком влажны, их песчаные почвы бедны и были заняты в основном еловыми и сосновыми лесами.

Пространство, на котором сложилась Москва, топографически не ограничено природными границами, для ее развития не было рамок — однако это не значит, что оно было аморфно или лишено структуры. Некоторые местности служили узлами людской концентрации практически во все периоды. Один из таких узлов — Боровицкий холм — и предоставил условия для создания города (хотя можно назвать и другие удобные узлы: Котельнический мыс в центре, зона Коломенского, Даниловская местность, Крутицы на юге, Тушино на севере и т.п.). С появлением города закономерности сельского развития стали трансформироваться градостроительной деятельностью, которая формировала иное в формальном и в семантическом отношениях пространство, распространявшее влияние и на округу (в XIV—XV вв. ее называли «Московское городские станы»). Новые, централизованные, продуманные стратегии хозяйственной эксплуатации этих территорий, также как свойственная Средневековью чересполосица владений, дали своего рода резонанс, усилив разницу при-

Московские городские станы в конце XVII в.

Масштаб 1 : 140 000

Составитель В.С. Кусов

Станы в XVII в.

родных условий, черт своеобразия в характере расселения и формах хозяйствования.

В результате возникло яркое (и редкое) разнообразие исторических ландшафтов города и его ближних окрестностей, отмечавшееся всеми наблюдателями с эпохи Позднего Средневековья и сохранявшееся в отдельных точках до недавнего прошлого. Это естественное и свободное смешивание исторических и природных разнородностей составило важнейшую черту пространства Москвы, воспринимавшуюся позже как «чудесная противоположность видов городских с сельскими видами» (К. Батюшков), как смешение «прекрасной архитектуры... монастырей и церквей... с сельскими видами и деревенскими постройками» (Виже-Лебрен), столь любовно описанные Е.В. Николаевым в его «Зрелище Москвы»²⁵ и других работах.

Конечно, в этом зрелище опосредованно участвуют многовековые наслоения культур, постепенно формировавшие здесь ландшафтное и сакральное пространства. Весьма вероятно, что в районе Москвы человек жил уже в раннем каменном веке, по крайней мере, следов его жизни здесь в среднем и позднем его этапе (неолит) довольно много. В неолите человек уже пользовался керамической посудой,

Панорама Москвы с Воробьевых гор.
1702 г. Травюра по рис. К. де Врюйна

а это значит, что его воздействие на ландшафт резко возросло: «абсолютно ясно, что в огне костров, разводившихся не только для обогрева и приготовления пищи, но и для обжига крупных глиняных сосудов емкостью в десятки литров, сгорало значительное количество древесины»²⁶. Освоенные в неолите участки неоднократно использовались и позже: в бронзовом веке в районе Москвы известно не менее 20 объектов, причем их число постоянно растет (прекрасная стоянка открыта недавно в парке Царицыно). В эту эпоху в районе Москвы вряд ли жило одновременно более 100 человек, и они существенно не меняли ландшафта.

Но с наступления современной климатической эпохи (середина I тыс. до н.э.), то есть в эпоху раннего железного века, в Москворечье уже обжилось оседлое земледельческое население. Его поселки (более 10 укрепленных пунктов, городищ, и втрое больше селищ) буквально покрыли приречный ландшафт; их число ежегодно росло. Население в это время,

Список памятников археологии каменного, бронзового и железного веков в г. Москве

верхний палеолит

1. Сходненская черепная крышка
2. Отщепы и мамонтовая кость с искусственным отверстием со стоянки Алешкино

мезолит

3. Кремневые орудия с селища Мякинино-2
4. Ножевидная пластина с Дьякова городища

неолит

5. Кремни и керамика с селища Мякинино-2
6. Стоянка Алешкино
7. Стоянка Щукино
8. Стоянка Серебряный Бор
9. Кремневый наконечник из Бескудника (может быть бронзового века)
10. Кремневый наконечник, найденный напротив Нескучного сада
11. Нуклеус, найденный около Крымского моста
12. Фрагмент керамики из Коломенского
13. Дьяковская стоянка
14. Наконечник дротика с селища Дьяково-пойма
15. Кремни, найденные между ст. Перово и Фрезер
16. Кремневая стрела, найденная у церкви Вознесения в Коломенском (раскоп 2003г.)
17. Кремневая стрела из парка «Дружба» возле ул. Лавочкина (находка Л. Богословской 1983г.)
18. Неолитические находки с городища Дьяково

бронзовый век

19. Могильник Спас-Тушино
20. Находка каменного топора (топоров?) в Крылатском
21. Могильник Давыдково
22. Фатьяновская керамика и топор из д. Алешкино
23. Кремневый наконечник дротика из Бутырского хутора
24. Каменный топор из Дорогомилова
25. Каменный топор с Воробьевых гор
26. Стрела из Нескучного сада
27. Каменный топор с Сивцева Вражка (?)
28. Кремневый наконечник дротика (волосовский?) и три каменных топора (фатьяновских) из Кремля, каменный топор с Красной площади (находка 1996 г.)
29. Три каменных топора с Софийской набережной (в том числе находки 1998 г.)
30. Стоянка волосовской культуры (?) в Зарядье
31. Каменный топор и кремневый наконечник копья из Андроникова монастыря (?)
32. Каменный топор из Нагатина
33. Каменный топор с Фестивальной ул. (вероятно, фатьяновский могильник)
34. Каменный топор с Базовской ул.
35. Каменный топор с Русаковской ул.
36. Каменный топор из Зельева пер.
37. Каменный топор из Измайловского острова
38. Каменный топор с Федеративного просп. в Перове
39. Каменный топор из Новых Кузьминок
40. Фрагмент керамики из раскопок Гостиного двора (1998 г.)

41. Фрагменты фатьяновской керамики с селища Нескучный сад-2 (раскопки 1999 г.)
42. Фрагмент керамики с Кунцевского городища
43. Топор, найденный на углу ул. Моховой и ул. Воздвиженки

железный век

44. Пенягино городище (селище ?)
  45. Спас-Тушинское 1-е городище
  46. Спас-Тушинское 2-е городище
  47. Барышиха, селище
  48. Мякинино 1-е, селище
  49. Мякинино 2-е, селище
  50. Тушинское городище
  51. Химкинское селище (по М.Г. Рабиновичу)
  52. Никольское селище
  53. Алешкино, селище
  54. Троице-Лыково, селище
  55. Татарово, селище
  56. Терехово, селище
  57. Кунцевское городище
  58. Филевское селище
  59. Сетуньское городище
  60. Нижнее селище
  61. Верхнее селище
  62. Мамоново городище
  63. Андреевское селище
  64. Селище (городище ?) в Кремле
  65. Андроников монастырь, селище (городище)
  66. Данилов монастырь, фрагмент текстильной керамики
  67. Нижне-Котловское городище
  68. Село Коломенское, селище
  69. Селище у церкви Вознесения в Коломенском и находки керамики на Государевом дворе, в Голосовом овраг.
  70. Селище у Девичьего камня в Голосовом овраг.
  71. Выгон, селище
  72. Дьяково-пойма, селище
  73. Дьяково городище
  74. Дьяково Южное, селище
  75. Чертов городок, селище (утрачено)
  76. Братеево, селище (утрачено)
  77. Капотня, городище
  78. Мякинино-3, селище
  79. Капотня, фрагмент раннедьяковской керамики
  80. Матвеевское городище (селище ?)
  81. Фрагмент керамики с селища Матвеевское-1
  82. Николо-Перерва, селище
  83. Царицыно-1, селище
  84. Фрагмент керамики из раскопок Гостиного двора (1998 г.)
- находки-фантомы**
85. Мезолитический нуклеус с Тверского бульвара
  86. Неолитическая керамика, найденная у Покровских ворот
  87. Крутицкая неолитическая стоянка
  88. Каменный топор из Чертанова
  89. Бронзовый кинжал бронзового века с Балаклавского проспекта
  90. Римские монеты из Измайлово
  91. Римские монеты из Кремля
  92. Античная монета с Воробьевых гор (у метромоста)
  93. Керамика железного века с Трубной площади
  94. Каменные орудия, найденные «У Черной горы» ниже Красной Пресни»

Памятники археологии каменного, бронзового и раннего железного веков на территории Москвы

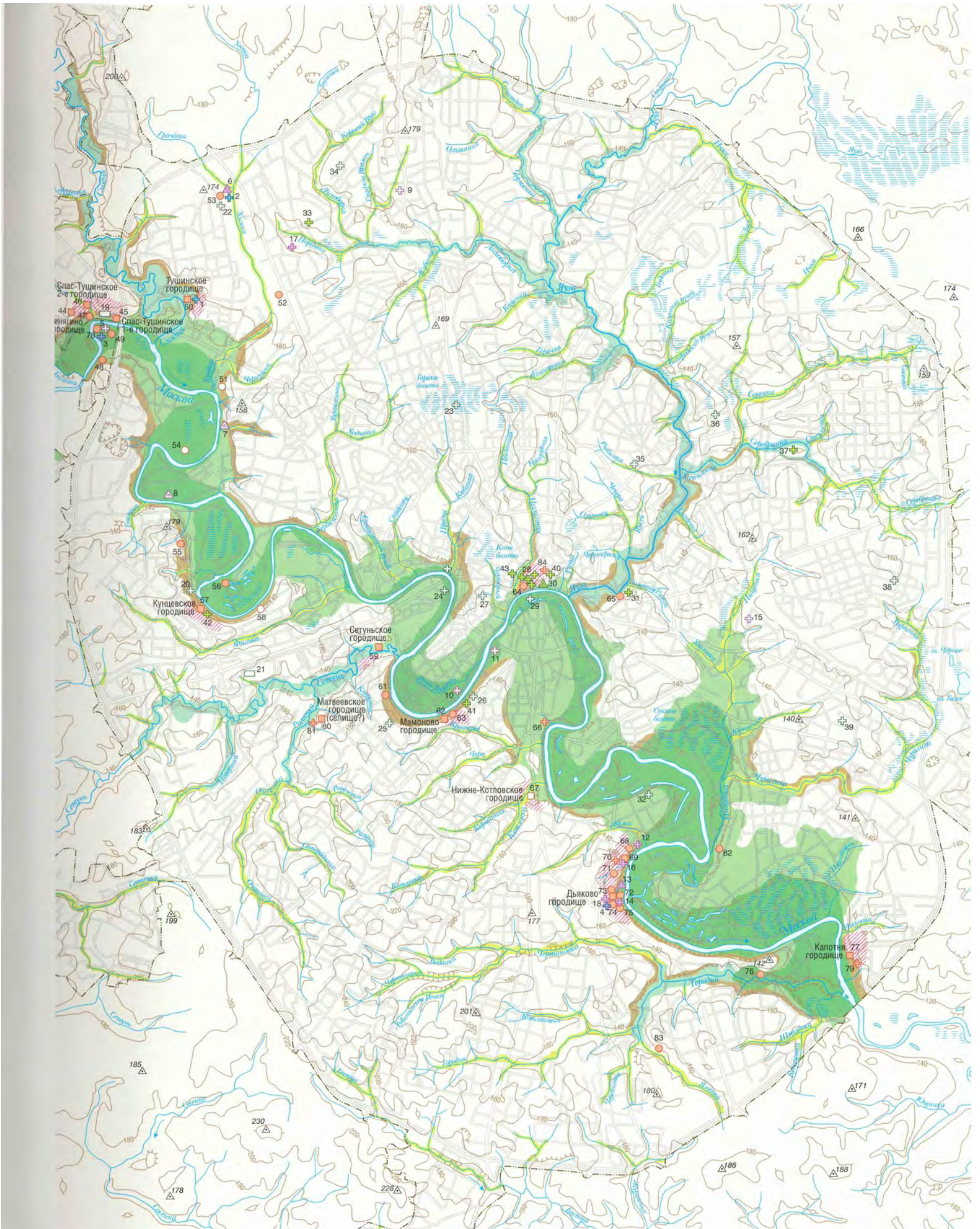
Масштаб 1 : 140 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова по Н.А. Кренке;
Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты.
Т. I, рис. 3. — М., 2004

Памятники археологии

- + находки предположительно верхнепалеолитического возраста
  - + находки мезолитического-раннеолитического возраста (7–10 тыс. лет до наших дней)
  - ▲ стоянки неолитические (около 6 тыс. лет)
  - ▲ стоянки неолитические, местоположение которых известно ориентировочно
  - + находки неолитического возраста
  - ➔ находки неолитические, место обнаружения которых известно приблизительно
  - могильники бронзового века, местоположение которых известно ориентировочно (около 3,7–4 тыс. лет)
  - ▲ стоянки бронзового века (около 4–4,5 тыс. лет)
  - + находки предметов бронзового века
  - ➔ находки предметов бронзового века, место обнаружения которых известно приблизительно
  - городища (укрепленные поселения) железного века (1,3–2,8 тыс. лет)
  - городища железного века, местоположение которых точно не установлено
  - селища (неукрепленные поселения) железного века
  - селища железного века, местоположение которых известно приблизительно
  - + находки единичных предметов, фрагментов керамики железного века
  - Участки коренного берега, подвергавшиеся интенсивному хозяйственному освоению в железном веке
- Низменные земли в долине Москвы-реки**
- пойма
  - первая и вторая надпойменные террасы
  - Днища долин малых рек
  - Долины малых рек
  - Коренные склоны долин рек
- Современная граница г. Москвы

Часть Земляного города с Патриаршей Козьей слободой. XVII в. Вид с птичьего полета. Худ. В.А. Рябов

Местность у Патриарших прудов именовалась «Козьей слободой». Центром слободы, были храм Спиридония Грими-фунтского и патриаршее подворье. Улица Спиридоновка — тогда проезжий переулок — повторяла изгиб запруженного ручья, вытекавшего из Патриарших прудов. Вблизи Никитских ворот ручей вливался в ров укреплений Велого города. У Никитских ворот изображены церковь Федора Студита на фоне дальнего пруда и старое здание церкви «Большое Вознесение» с шатровой колокольней. На изгибе Спиридоновки — жилые палаты, известные ныне как «палаты Гранатного двора». Аевее на переднем плане видна церковь Воскресения в Бронной слободе.

по подсчетам Н.А. Кренке, было близко к 1000 человек, которые культивировали просо, ячмень, пшеницу и лен, летом пасли скот на пастбищах — причем именно на тех самых пастбищах, где его будут пасти вплоть до XIX в. (даже точки дневной дойки коров, видимо, совпадали). Так структурировалось хозяйственное пространство, которое достанется в наследство славянам и, в конце-концов, средневековым москвичам. У этого пространства есть вполне реальные параметры: пашни окружали городища полукругом с радиусом 1,5—2 км, дальше начинались угодья, а еще дальше — зоны охоты, игравшие большую роль в хозяйстве (костей бобра на городищах столько же, сколько костей домашних животных; из дальних лесов приносили части туш лосей и медведей).

Живя на одном и том же месте чрезвычайно долго, до 1500 лет (VII в. до н.э. — VII в. н.э.), «дьяковцы» явно сумели найти баланс с окружающей средой, но сохранить ее в неприкосновенности все же не могли: по-видимому, расчищенные под пашню участки постепенно раздвигали границы, и в конце X в. славяне, придя на эти земли, нашли ландшафт уже существенно преобразованным. На этой унаследованной пространственной основе первооселенцы (вероятно, им предшествовали балты) положили начало новому жизненному циклу, который продолжается до сих пор и с которым связано появление города Москвы.

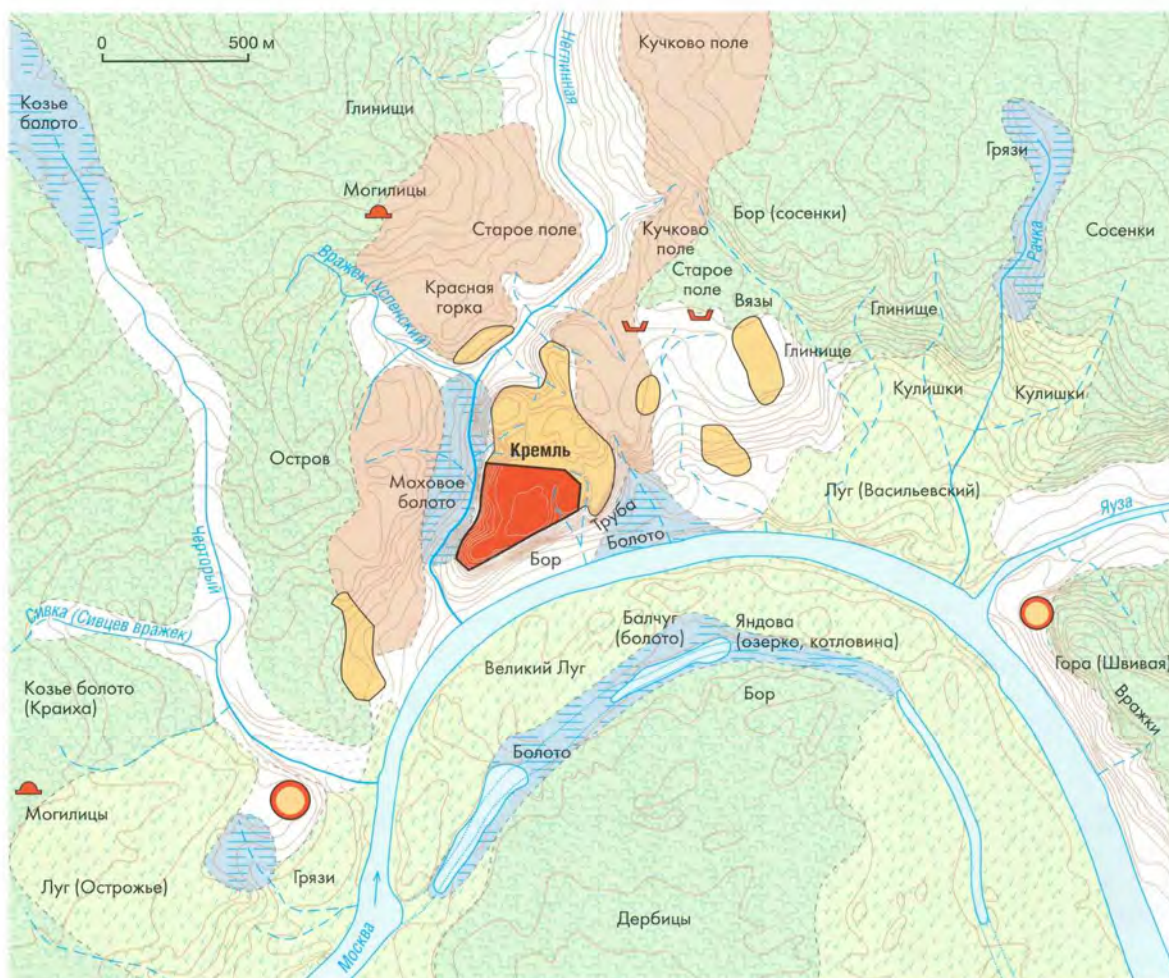
Если о восприятии сакральных параметров пространства «дьяковцами» мы вынуждены судить по находкам предметов культа и предполагать, что священным местом было само укрепленное и обжитое поселение (то, что мы сейчас называем «городищем»), в то время как даже погребальные сооружения практически неизвестны, то с раннеславянским этапом дело обстоит наоборот. В черте даже современной Москвы мы не знаем ни одного раннеславянского городища и сравнительно мало селищ, но зато нам известно много кладбищ, благодаря тому что в XII—XIII вв. над погребениями принято было насыпать довольно высо-

Памятники археологии X — первой половины XIII вв. на территории Москвы

Масштаб 1 : 140 000

Составители Е.Я. Федорова при участии Г.С. Козловой по Н.А. Кренке; Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. I, рис. 4. — М., 2004

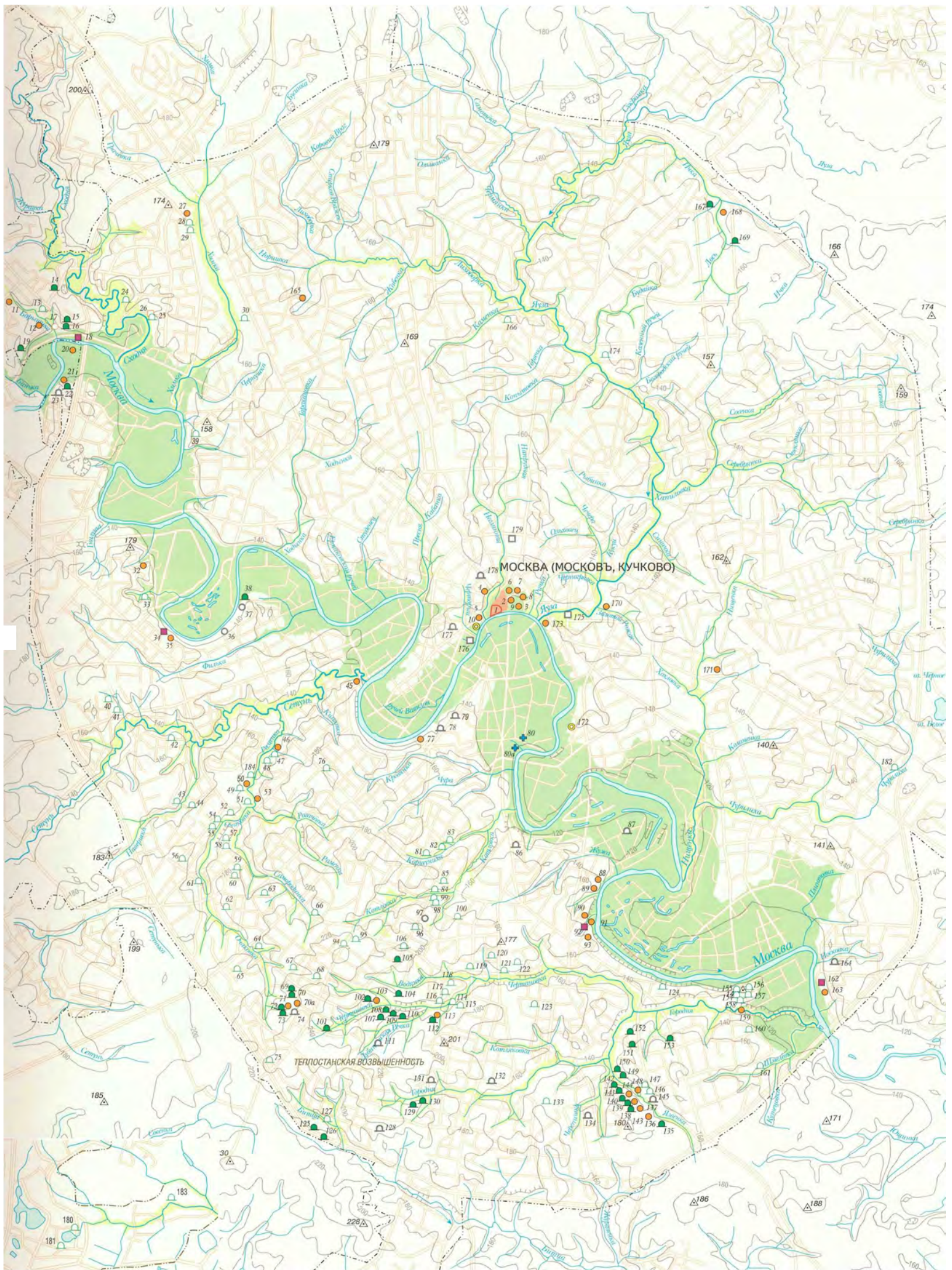
- Укрепленный город (Кремль) и посад
- Древнейшие памятники, содержащие находки IX–X вв.
- Курганные могильники, существующие
- Курганные могильники, утраченные
- Курганные могильники, локализация и/или атрибуция которых спорны
- Селище
- Селище утраченное
- Селище, локализация и/или атрибуция которого спорны
- Поселения на городищах
- Поселения на городищах, утраченные
- Городища, выявленные лишь по данным топонимики
- Клады
- Низменные земли (пойма, 1 и 2-я террасы) в долине Москвы-реки
- Поймы и придолинные склоны малых рек, на берегах которых обнаружены древнерусские памятники

Москва и окрестности в XII—XIII вв.

(по Н.А. Кренке)

- сельские поселения
- пашни
- луга
- леса
- болота
- городища
- курганы
- грунтовые могильники

Список древнерусских памятников археологии X-XIII вв. (домонгольского времени на территории Москвы)

1. Кремль, XI(?)—XIII вв.
2. Посад, примыкавший с востока к Кремлю, XII-XIII вв.
3. Посад в Зарядье, XII—XIII вв.
4. Посад за р. Неглинной, XII—XIII вв.
5. Поселение на Волхонке, XI—XIII вв.
6. Поселение с церковью в районе Богоявленского монастыря, XII—XIII вв.
7. Поселение (?) и кладбище в районе Старопанского переулка (ц. Козьмы и Дамиана), XII-XIII вв.
8. Поселение в районе Ипатьевского пер. (Кучково(?)) по Д.А. Беленькой, XI—XIII вв.
9. Поселение на Ильинской ул., XIII в.
10. Клад дирхемов в районе храма Христа Спасителя, IX-X вв.
11. Митинское 1-е селище, XII-XIII вв.
12. Спас-Тушинское 4-е селище, XII-XIII вв.
13. Спас-Тушинский 3-й курганный могильник, 9 курганов, XI—XIII вв.*
14. Митинский 1-й курганный могильник («Великая могила»), 6 курганов, XI-XIII вв.
15. Спас-Тушинский 2-й курганный могильник, 65 курганов, XI—XIII вв.
16. Спас-Тушинский 1-й курганный могильник, 15 курганов, XI—XIII вв.
17. Спас-Тушинское 2-е селище, XI—XIII вв.
18. Поселение на Спас-Тушинском 1-м городище, XI—XIII вв.
19. Пенягинский 1-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
20. Мяснинское 2-е селище, XI-XIII вв.
21. Мяснинское 1-е селище, XI-XIII вв.
22. Мяснинский 1-й курганный могильник, 30 курганов, XII-XIII вв.
23. Мяснинский 2-й курганный могильник (гипотеза М.Г. Рабиновича), 16 (?) курганов, XII—XIII вв.
24. Тушинский 2-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
25. Тушинский 1-й курганный могильник на Тушинском городище, 2 кургана, XI-XIII вв.
26. Поселение на площадке Тушинского городища, XI-XIII вв.
27. Алёшкинское селище, XI-XIII вв.
28. Алёшкинский 1-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
29. Алёшкинский 2-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
30. Никольский-Химкинский курганный могильник, 11 курганов, XI-XIII вв.
31. Троице-Лыково 2-е селище, XI-XIII вв.
32. Татарово, селище, XII-XIII вв.
33. Крылатский курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
34. Поселение на Кунцевском городище, XI-XIII вв.
35. Кунцевское 1-е селище, XII-XIII вв.
36. Филянское 2-е селище, Средневековье
37. Филянское 1-е селище, Средневековье
38. Филянский курганный могильник, 40 курганов, XI-XIII вв.
39. Серебряноборский курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
40. Сетуньский 1-й курганный могильник, 16 курганов, XI-XIII вв.
41. Сетуньский 2-й курганный могильник, 18 курганов, XI-XIII вв.
42. Спасский курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
43. Очаковский 1-й курганный могильник, 12 курганов, XI-XIII вв.
44. Очаковский 2-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
45. Краснолужское селище, XII-XIII вв.
46. Матвеевское 1-е селище, XI-XIII вв.
47. Матвеевский 2-й курганный могильник (1-й Матвеевский), 2 кургана, XI-XIII вв.
48. Матвеевский 3-й курганный могильник (1-й Раменский), 3 кургана, XI-XIII вв.
49. Матвеевский 3-й курганный могильник (Матвеевский 2-й; Раменский 1-й), 4 кургана, XI-XIII вв.
50. Матвеевское 2-е селище, XII-XIII вв.
51. Раменковский 1-й курганный могильник (Матвеевский 3-й), 4 кургана, XI-XIII вв.
52. Раменковский 2-й курганный могильник (Раменковский 3-й), 2 кургана, XI-XIII вв.
53. Раменковское 1-е селище, XI-XIII вв.
54. Очаковский 4-й курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
55. Очаковский 3-й курганный могильник, 7 курганов, XI-XIII вв.
56. Очаковский 5-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
57. Никольский 1-й курганный могильник, 10 курганов, XI-XIII вв.
58. Никольский 2-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
59. Никулинский 2-й курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
60. Никулинский 3-й курганный могильник, 5 курганов, XI-XIII вв.
61. Никулинский 1-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
62. Тропаревский 1-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
63. Тропаревский 2-й курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
64. Богородицкий 2-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
65. Богородицкий 1-й курганный могильник, 7 курганов, XI-XIII вв.
66. Воронцовский курганный могильник (на ул. Новаторов), 9 курганов, XI-XIII вв.
67. Коньковский 1-й курганный могильник, 15 курганов, XI-XIII вв.
68. Коньковский 2-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
69. Коньковский 3-й курганный могильник (Коньковский 1-й, Купринские), 5 курганов, XI-XIII вв.
70. Коньковский 4-й курганный могильник (Коньковский 2-й, Купринские), 22 кургана, XI-XIII вв.
- 70а. Коньковское 2-е селище, XII-XIII вв.
71. Теплостанское 1-е селище, XII-XIII вв.
72. Теплостанский 3-й курганный могильник, 8 курганов, XII-XIII вв.
73. Теплостанский 2-й курганный могильник, 13 курганов, XII-XIII вв.
74. Теплостанский 4-й курганный могильник, 6 курганов, XI-XIII вв.
75. Теплостанский 1-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
76. Воробьевский курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
77. Андреевское селище, XI-XIII вв.
78. Нескучный сад, курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
79. Нескучный сад, селище, XII-XIII вв.
80. Данилов монастырь, селище, X—XIII вв.
- 80а. Возле Данилова монастыря (ц. Воскресения Словущего), селище, X—XIII вв.
81. Черемушкинский 3-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
82. Черемушкинский 2-й курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
83. Черемушкинский 1-й курганный могильник, 15 курганов, XI-XIII вв.
84. Шаболовский 1-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
85. Шаболовский 2-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
86. Верхнекотловский курганный могильник, XI-XIII вв.
87. Нагатинский курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
88. Коломенское 1-е селище, XI-XIII вв.
89. Коломенское 2-е, на Голосовом овраге, селище, XII-XIII вв.
90. Дьяково 1-е (выгон), селище, XII-XIII вв.
91. Дьяково-пойма, селище, XI-XIII вв.
92. Поселение на Дьяковом городище, XI-XIII вв.
93. Дьяково-южное, селище, XI-XIII вв.
94. Деревлёвский 1-й курганный могильник, 6 курганов, XII-XIII вв.
95. Деревлёвский 2-й курганный могильник, 5 курганов, XI-XIII вв.
96. Зюзинский 4-й курганный могильник (Зюзинский 3-й), 2 кургана, XI-XIII вв.
97. Зюзинское селище, XIII в. (наличие домонгольского материала под вопросом)
98. Зюзинский 1-й курганный могильник, 9 курганов, XII-XIII вв.
99. Зюзинский 2-й курганный могильник, 13 курганов, XII-XIII вв.
100. Волхонский курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
101. Узкое, 1-й курганный могильник (Деревлёвские), 4 кургана, XI-XIII вв.
102. Коньково, 5-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
103. Коньково, 1-е селище, XI-XIII вв.
104. Зюзинский 6-й курганный могильник (Зюзинские, Узковские), 9 курганов, XI-XIII вв.
105. Зюзинский 5-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
106. Зюзинский 3-й курганный могильник, 11 курганов, XI-XIII вв.
107. Узкое, 2-й курганный могильник (10-й Чертановский), 2 кургана, XII-XIII вв.
108. Узкое, 3-й курганный могильник (9-й Чертановский), 3 кургана, XI-XIII вв.
109. Узкое, 4-й курганный могильник (8-й Чертановский), 2 кургана, XI-XIII вв.
110. Узкое, 5-й курганный могильник (7-й Чертановский), 3 кургана, XI-XIII вв.
111. Узкое, 6-й курганный могильник (возможно, фантом), 1 курган.
112. Чертаново, 9-й курганный могильник (6-й Чертановский), 3 кургана, XI-XIII вв.
113. Чертаново, 1-е селище, XI-XIII вв.
114. Чертаново, 7-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
115. Чертаново, 8-й курганный могильник (6-й Чертановский), 4 кургана, XI-XIII вв.
116. Чертаново, 6-й курганный могильник (5-й Чертановский), 3 кургана, XI-XIII вв.
117. Чертаново, 5-й курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
118. Чертаново, 4-й курганный могильник, 6 курганов, XII-XIII вв.
119. Чертаново, 3-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
120. Чертаново, 2-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
121. Чертаново, 1-й курганный могильник, 9 курганов, XI-XIII вв.
122. Котляково, 1-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
123. Котляково, 2-й курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
124. Сабуровский курганный могильник, 13 курганов, XI-XIII вв.
125. Малое Голубино, 1-й курганный могильник, 6 курганов, XI-XIII вв.
126. Малое Голубино, 2-й курганный могильник, 24 кургана, XI-XIII вв.
127. Большое Голубино, курганный могильник, 3 кургана, XI-XIII вв.
128. Ясенево (Флажкино), курганный могильник, 4 кургана.
129. Бирюлёво, 1-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
130. Бирюлёво, 2-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
131. Красное, курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
132. Покровское, 2-й курганный могильник, 3 (?) кургана.
133. Покровское, 1-й курганный могильник, 3 (?) кургана, XI-XIII вв.
134. Бирюлёво, дачный посёлок, курганный могильник.
135. Орехово, 2-й курганный могильник (Дубки), 14 курганов, XII-XIII вв.
136. Орехово, селище 6 (Язвенка-6), XI-XIII вв.
137. Орехово, селище 5 (Язвенка-5), XI-XIII вв.
138. Орехово, 4-й курганный могильник (Царицыно-7), 12 курганов, XI-XIII вв.
139. Орехово, 5-й курганный могильник (Царицыно-6), 28 курганов, XI-XIII вв.
140. Орехово, 6-й курганный могильник (Царицыно-4), 4 кургана, XI-XIII вв.
141. Царицыно, 4-й курганный могильник, 8 курганов, XI-XIII вв.
142. Царицыно, 3-й курганный могильник, 12 курганов, XII в.
143. Орехово, селище 4 (Язвенка-4), XII-XIII вв.
144. Орехово, селище 3 (Язвенка-3), XI-XIII вв.
145. Орехово, 7 и 8-й курганные могильники, 5 курганов.
146. Орехово, 3-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
147. Орехово, 1-й курганный могильник, 12 курганов, XII в.
148. Орехово, 2-е селище, XII-XIII вв.
149. Царицыно, 2-й курганный могильник, 23 кургана, XII-XIII вв.
150. Царицыно, 1-й курганный могильник, 5 курганов, XI-XIII вв.
151. Царицыно, 5-й курганный могильник, 9 курганов, XI-XIII вв.
152. Шпилово, 2-й курганный могильник, 5 курганов, XI-XIII вв.
153. Шпилово, 1-й курганный могильник, 10 курганов, XI-XIII вв.
154. Братеево, 5-й курганный могильник, 4 кургана, XI-XIII вв.
155. Братеево, 2-й курганный могильник, 5 курганов, XI-XIII вв.
156. Братеево, 1-й курганный могильник, 5 курганов, XI-XIII вв.
157. Братеево, 4-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.
158. Братеево, 3-й курганный могильник, 19 курганов, XI-XIII вв.
159. Братеево, 1-е селище, XI-XIII вв.
160. Борисово, 1-й курганный могильник, 21 курган, XII-XIII вв.
161. Зябликово, 2-й курганный могильник, 1 курган, XI-XIII вв.
162. Поселение на городище Капотня, XI-XIII вв.
163. Капотня, селище 1, XI-XIII вв. (по данным А.К. Станюковича)
164. Чагино, курганный могильник, 15 курганов, XI-XIII вв.
165. Головинские пруды, селище, XII-XIII вв.
166. Останкино, курганный могильник
167. Лосиный остров, 2-й курганный могильник, 8 курганов, XII-XIII вв.
168. Лосиный остров, 1-е селище, XII-XIII вв.
169. Лосиный остров, 1-й курганный могильник, 7 курганов, XII-XIII вв.
170. Близ Андроньева монастыря, селище 1, XI-XIII вв.
171. Гравороново, селище 1, XII-XIII вв.
172. Клад дирхемов у Симонова монастыря, IX-X вв.
173. Селище на устье р. Яузы, XII-XIII вв.
174. Яузский курганный могильник, 5 курганов, XII-XIII вв.
175. Лышиково городище (топоним)
176. Обьденское городище (топоним)
177. Могильцы (курганный могильник (?)) на Остожье (топоним)
178. Могильцы (курганный могильник (?)) на Тверской (топоним)
179. Городище на Самотеке (топоним)
180. Косинский 1-й курганный могильник (у Святого озера), 3 кургана, XI-XIII вв.
181. Косинский 2-й курганный могильник (к югу от Косина), 2 кургана, XI-XIII вв.
182. Косинский 3-й курганный могильник (близ д. Жулебино), 21 курган, XI-XIII вв.
183. Рудневский курганный могильник, 5 (?) курганов, XI-XIII вв.
184. Матвеевский 4-й курганный могильник, 2 кургана, XI-XIII вв.

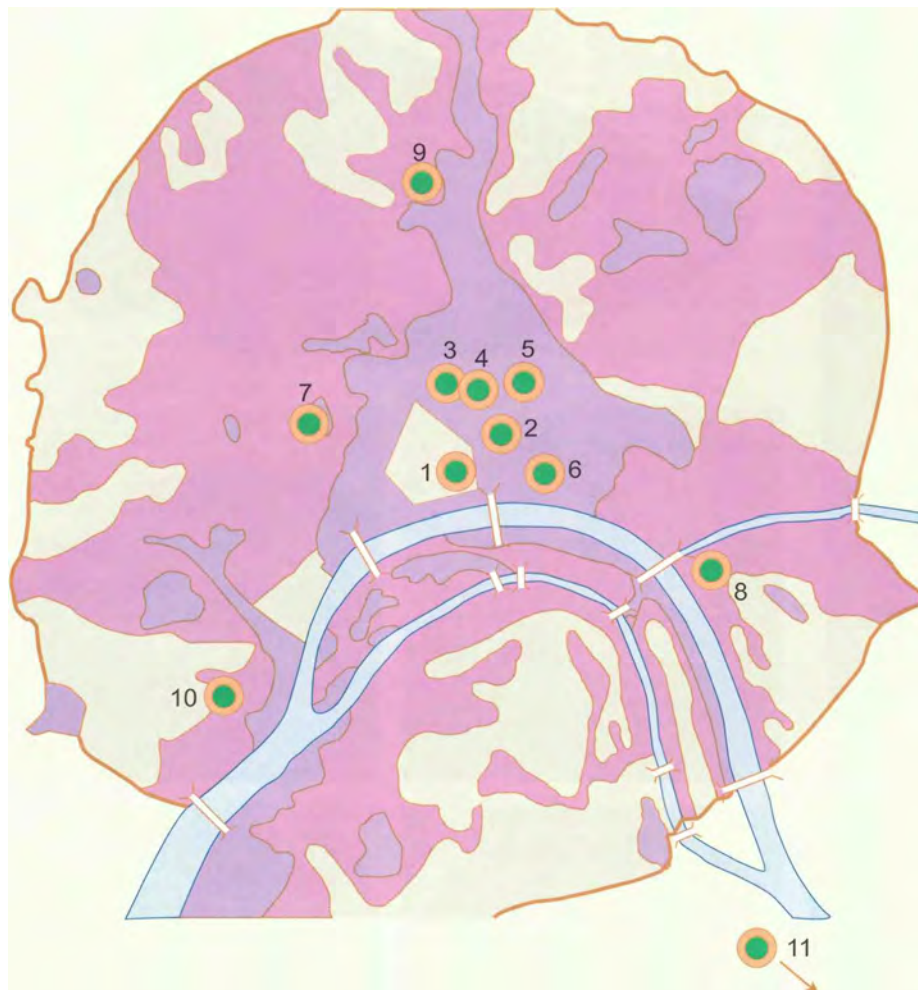
Общее число курганов на территории Москвы в границах 1996 г.

1. Район Спас-Тушино, Тушино, низовья рек Химки и Сходни — 143 (159).
2. Кунцево — Фили — 45.
3. Бассейн Сетуни (без Теплостанской возвышенности) — 121.
4. Теплостанская возвышенность (верховья Очаковки, Чертановки) — 90.
5. Бассейн Котловки — 51.
6. Бассейн Чертановки — 76.
7. Бассейн Городенки (без Чертановки) — 233.
8. Левый берег Москвы-реки, Яузы — 40.
9. Верховья Битцы — 33.
10. Бассейн Пехорки (Косинские озера) — 31.

Всего 863 (879), что соответствует примерно 1120-1140 погребениям.

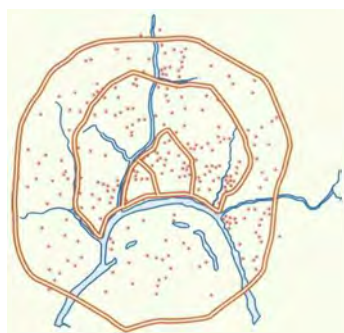
* Датировка XI-XIII вв., как правило, указывает на то, что более точно возраст памятника определить невозможно.

Восстановление истории развития пространства Москвы в XII – XVII вв.:
 схема мощности культурного слоя с показом основных точек
 и история заселения города по данным керамической статистики

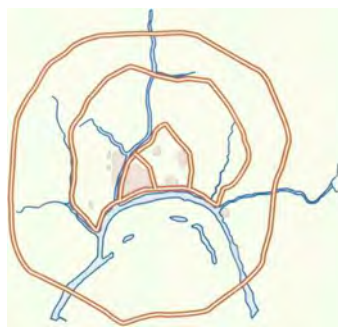

**Главные места раскопок в Л
 (институт археологии РАН)**

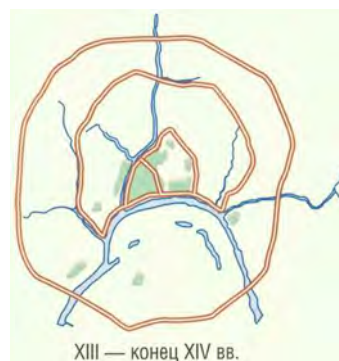
1. Кремль 2007 г.
2. Храм Василия Вложенного 2005 г.
3. Исторический проезд 1989, 1994 гг.
4. Казанский собор 1989 – 1992 гг.
5. Вогоявленский монастырь 1980-е гг.
6. Зарядье 1949, 2006, 2007 гг.
7. Романов двор 1996 – 2002 гг.
8. Устье Яузы 1940 г.
9. Высоко-Петровский монастырь 1979 г.
10. Зачатьевский монастырь 2003 – 2007 гг.
11. Данилов монастырь 1983, 2006 гг.

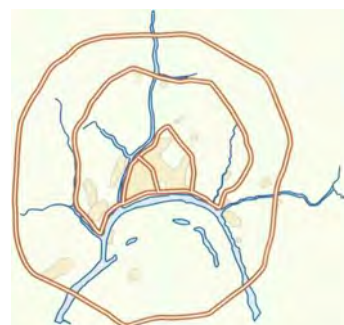
Объекты археологических работ

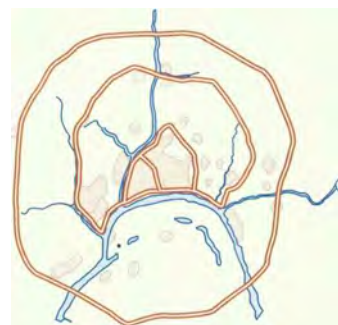
Конец XII — начало XIII вв.

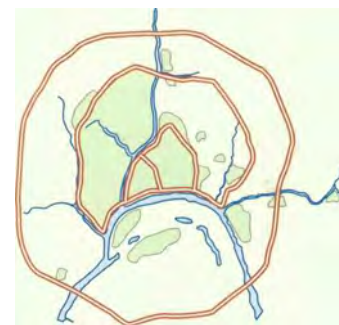
XIII — конец XIV вв.

Конец XIV — начало XV вв.

Первая половина XV в.

Вторая половина
 XV — середина XVI в.

**Хронотопография
 керамических
 находок в Москве.
 XII-XVII вв.**

Ландшафт Москвы как фоновый элемент ее сакральной топографии

1. Общий вид Москвы с Воробьевых гор. Травюра по рис. Н.К. Витсена. 1760-е гг. Из книги «Путешествие Адама Олеария»
2. Вид Пресненских прудов. 1825 г. Травюра по рис. О. Кадоля
3. Общий вид Москвы, снятый с Воробьевых гор. 1825 г. Травюра по рис. О. Кадоля
4. Туляне 1 Мая в лесу в Сокольниках. 1830-е гг. Травюра по рис. О. Кадоля
5. Вид Крутицкого подворья. 1872 г. Автография А.П. Руднева

кие (в Подмосковье до 1,5-2 и даже до 5 м) курганы. В пределах современной Москвы известно до 900 курганов, связанных с селищами, причем те и другие уже не покрывают ровным слоем все течение реки, но группируются в устьях (более крупные поселения, возможно, даже укрепленные) и среднем (деревни по несколько дворов) течении небольших речек, впадавших в Москву-реку — Неглинной, Сходни, Яузы, Даниловки и др. Вокруг них возникали и совсем малые (типа хуторов) поселения в 1—2 двора. Каждое поселение, от малого до большого, имело собственный могильник. Это были маленькие, замкнутые в себе миры, сакральное пространство которых могло по мере хозяйственной необходимости перемещаться (во всяком случае, под курганами обнаруживаются следы более ранней пашни). Часть их исчезла, видимо, в результате развития поселений и появления элементов христианского города — прежде всего церквей и церковных кладбищ — но точно это ни в одном случае не прослежено.

Древнейшая система почитания предков предполагала вполне наглядную маркировку сакральных зон в пространстве. Остатки ее сохранятся надолго: они были видны и фиксировались планами еще XIX в.²⁷; местами ее следы можно видеть и сегодня. Несомненно, эти историко-топографические реликты оказывали воздействие на представления жителей средневековой Москвы, что отразилось в довольно частом здесь топониме «могилицы», на которых, в том числе, ставились церкви и развивались новые кладбища.

К XII столетию в пределах Москворецких ландшафтов в черте современной Москвы можно выделить несколько пунктов, более развитых, чем другие. На севере и западе это район р. Вхотни с центром в Спасском на Вхотне монастыре (сейчас окраина с. Спас), где ранее было Дьяковское городище; Тушинское городище, Спас-Тушинская группа селищ и крупных могильников, включая Мякининское селище и могильник. На юге — гораздо более близкое к горо-

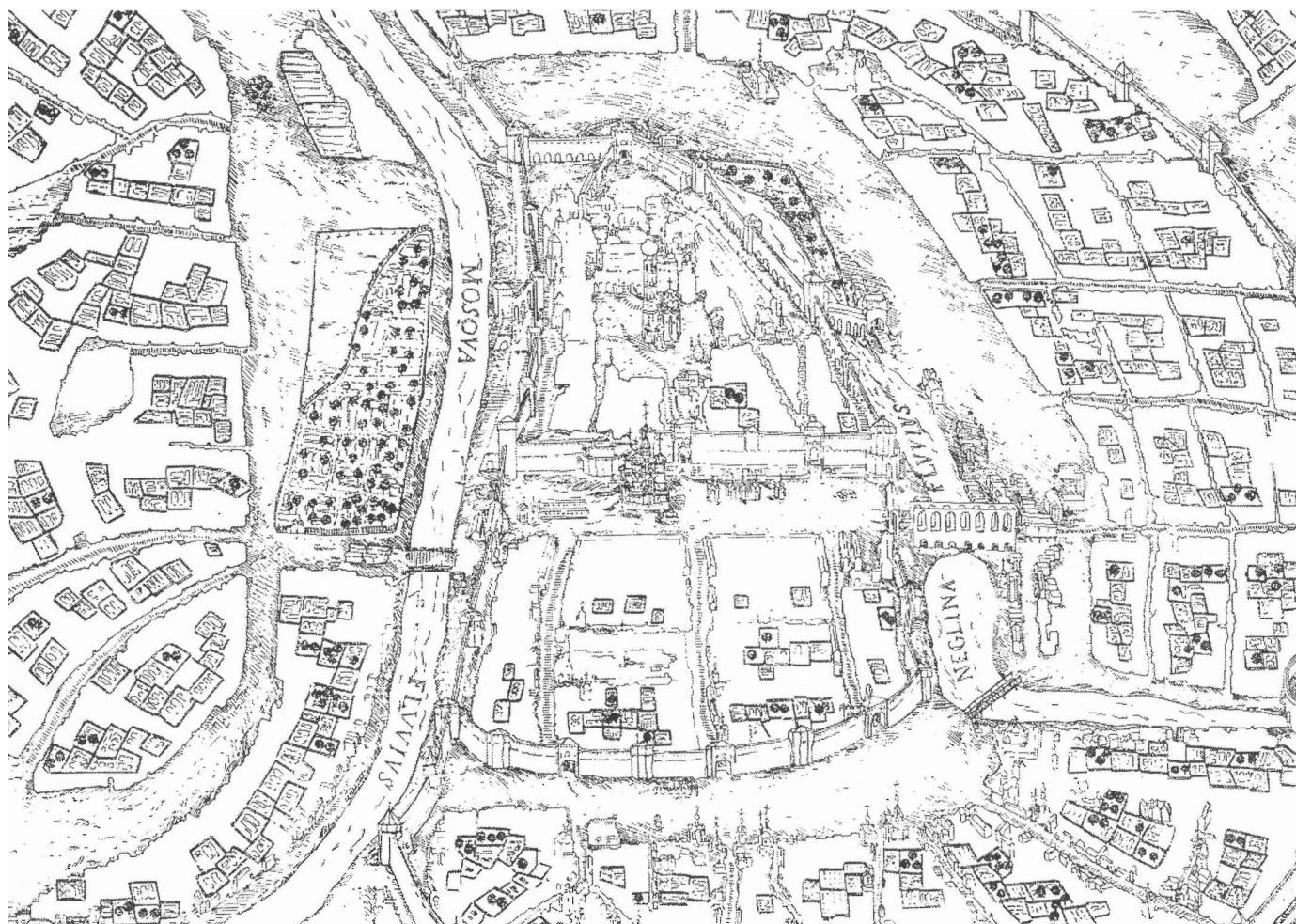
ду большое Даниловское селище²⁸, зона современного Коломенского, Царицыно и др. Внутри города такие группы давно исчезли, но вероятно, они были и здесь — в частности, предполагают следы курганного могильника в Кремле; два топонима «на Могилицах» позволяют поместить один такой могильник в районе между Сивцевым Вражком и Остожьем, второй — в районе пересечения Тверской с нынешним Брюсовым переулком, недалеко от Успенского Вражка. Что касается поселений и даже возможных небольших городищ, то их неоднократно пытались обнаружить в подходящих для этого местах (на устье Яузы, в Драчах над р. Неглинной и др.), но пока безуспешно.

Речь пока шла о памятниках, которые древнее летописной Москвы. Но с середины XII в. дальнейшее развитие пространства города предопределила постройка княжеской крепости над впадением в Москву-реку р. Неглимы. За два-три поколения, с 1150-х до 1120-х гг., на Боровицком холме и в напольном направлении, по плато между реками, начал быстро откладываться выразительный культурный слой, содержащий довольно много типичных для домонгольской Руси предметов — браслетов из стекла и характерных керамических сосудов. Продвижение этого слоя на запад и северо-запад не было ровным, но ясно, что был заселен уже практически весь Китай-город, особенно вдоль течения обеих рек и вдоль дорог над ними. В это же время освоенные участки, явно связанные с городом, появились на берегу за р. Неглинной в районе начала Тверской дороги и между ней и берегом Москва-реки (Романов двор в зоне старого университета; Чертолье).

Именно в это время, во второй половине XII — первой трети XIII вв., начинает складываться и церковная топография Москвы. К сожалению, мы почти ничего не знаем о ней. Ни одной церкви того времени археологами пока не найдено, и мы можем судить о местах их расположения только по остаткам кладбищ (которые существенно отличаются от

Элементы природного ландшафта, сады и уголья, сохранившиеся в Москве XVII в. Схема Н. Хренке

Составлена на основе Сигизмунда ова плана

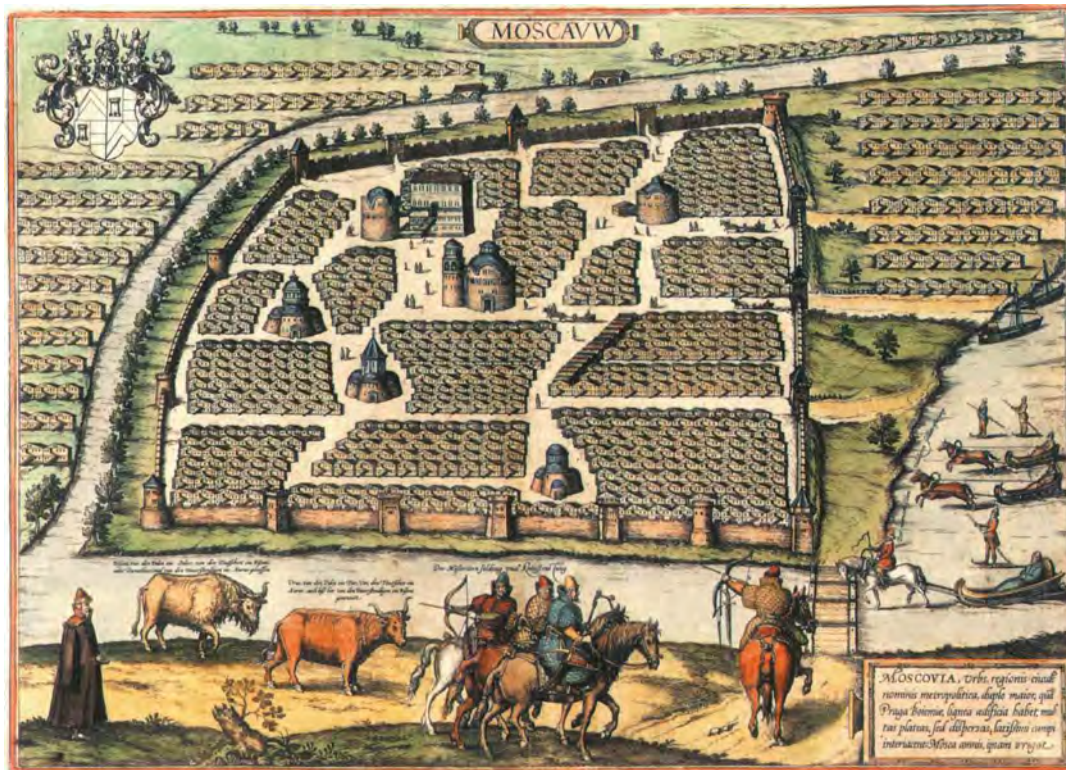

Пожар Москвы 1812 года привел к кардинальным переменам в ее церковной топографии

1. Пожар Москвы. Гравюра И.Ф. Клара 1810-х гг.
2. Пожар в городе Москве в сентябре 1812 г. Гравюра И.Н. Жибеле. 1816 г.
3. Пожар Москвы. Гравюра неизв. мастера. 1810-е гг.
4. Вид Кремля, или Московской крепости, и части города во время пожара. Гравюра неизв. мастера. 1810-е гг.

План Москвы в 1520-х гг. С. Герберштейна. Из атласа Г. Брауна «Города земного мира». («О знатнейших всего мира городах. Книга вторая»). 1575 г.

курганых могильников, при отсутствии самих курганов, плотностью размещения погребений). Нам известны остатки церковного кладбища в Кремле, примерно на месте будущего Успенского собора. Раннее кладбище «прицерковного» типа, по-видимому, было открыто при работах на месте здания Манежа, против Троицких ворот Кремля; нельзя исключить, что первое кладбище на месте собора Богоявленского монастыря существовало уже в предмонгольское время — вот пока все данные, которыми мы располагаем для реконструкции сакрального пространства города до 1237 г.

К этому можно было бы добавить отраженный поздней московской книжностью фольклор — например, сведения о жизни в незапамятные времена, на месте церкви Рождества Иоанна Предтечи в Кремле, «отшельника Букала», но они слишком явно основаны на народной этимологии и не заслуживают никакого доверия. Проверки пока не подтвердили и данных об исключительной древности тех храмов, которые несут в названии эпитет «старый», такие как Никольский Старый монастырь и церковь Старой Троицы («у Старых Полей») в Китай-городе. Исследования на месте этого храма открыли кладбище, восходящее к XIV—XV вв., и остатки насыпок деревянного сооружения (первой деревянной церкви?), которое ставили на свободном, необжитом месте — возможно, еще в XIII веке. К эпохе древнейшего города, эпохе «боярина Кучки», Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, то есть к XII веку, этот храм и его кладбище не восходили.

Кое-что для реконструкции пространства Москвы в домонгольское и удельное время дает церковная топонимика. Названия очень многих храмов уточняют с помощью характерных черт природного или аграрного ландшафта, присутствие которых может указывать на появление этих церквей в тот период, когда на огромном подгороднем пространстве Москвы еще сохранялись большие зоны первозданного ландшафта. В именах-определителях для церквей и монастырей сохраняются такие природные объекты как болота и луга («кулишки», «грязи»)²⁹; лес (бор, дебри), рощи («остров») и отдельные деревья («под вязом», «под сосной»); холмы («на горе», «на высоком»), берега рек («яр»), песчаные («на песках») или глинистые («Глиница»); овраги (Чертолье, Бражки), и участки, использующи-

ся человеком: поля и всполья, сады, участки добычи природных материалов («Подкопаево» (?)).

При этом «хронология перемен» в ландшафте Москвы реконструируется пока не строго, и нельзя думать, что храмы, в названиях которых упомянуты природные элементы, восходят к очень ранней эпохе. Напротив, скорее это говорит о длительном сохранении элементов природного ландшафта и быстрого развития его аграрной версии вокруг плотно застроенного центра. На «негативе» города (по выражению Н.А. Кренке), где отражен процесс развития его внутренней среды, хорошо видно сохранение луговин (Васильевский лут и Кулишки), важных для содержания скота, особенно коней; полей и всполий вокруг Китай-города (отражено в названиях церквей в районе Кучкова поля и двух храмов «у старых полей» на правом берегу р. Неглинной). Эти названия, вероятно, появляются на рубеже XV—XVI вв., а некоторые и позже, а остатки леса в виде отдельных деревьев или рощ могли давать названия храмам, конечно, и после этого. Так, в начале XV в. в Занеглименье, в районе будущих Нижнего Кисловского и Калашного переулков, возникло «городское поле». Память о нем отражена в XVII в. в названии церкви Козьмы и Дамиана «на ржищах», хотя сама она вряд ли могла появиться ранее последней четверти XV в., когда на участке возникает застройка. В XV в. возникают поля и в Замоскворечье — возможно, это отражено в названии «полянка» (хотя могут быть и другие объяснения). Тогда же появились обширные великокняжеские сады: к востоку от Великого посада, будущего Китай-города (уточнение «в садах» получат здесь по крайней мере четыре церкви), вплоть до Заяузья (церковь Покрова в Лыщиках что в Садах), а в конце XV в. — и на бывшем Великом лугу, то есть в пойме против Кремля, сохранявшиеся до середины XVI в. и позднее³⁰.

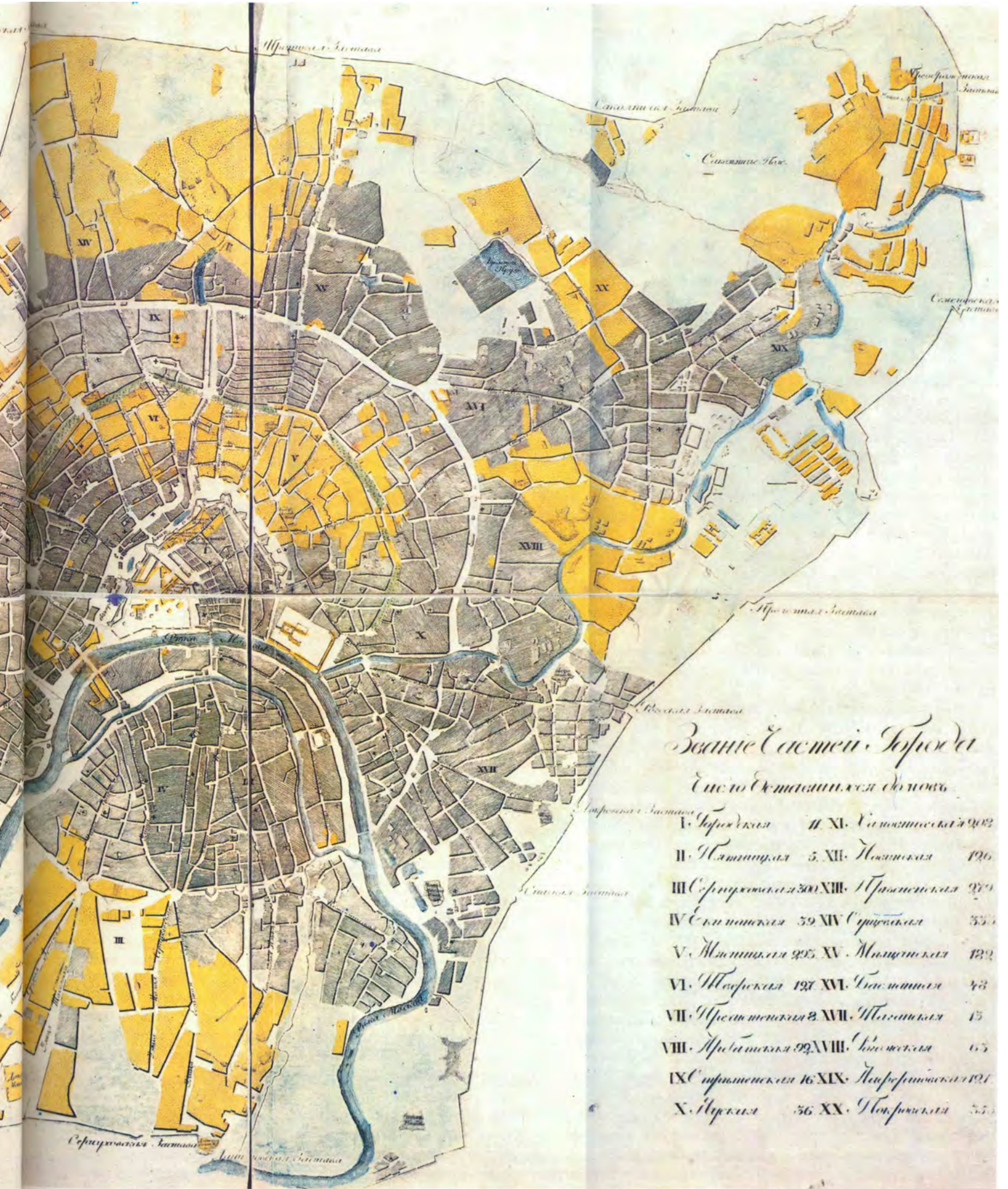
Вообще, если в какое-то столетие Москву можно называть городом полей и садов, то это — XV век. С рубежа XV—XVI вв. застройка быстро вытесняет поля, а те в свою очередь — остатки природного ландшафта до границ будущего Белого города (в Занеглименье и Заяузье) и в Замоскворечье, в названиях появляется слово «всполье» («сполье»), то есть край посада. Соответственно, церкви с таким названием могли появиться в тот же период или позднее (например, всполья вблизи Таганской площади).

Невероятно бурный в Москве XVI век, с его неоднократными общегородскими пожарами, разорениями, неестественно пульсирующим ритмом заселенности и освоения площадей, сопровождаемый и провоцируемый развитием фортификации, резко изменит ландшафт. Этот процесс трудно проследить пошагово, но его результаты отражают чертежи XVII в., особенно Сигизмундов план и план Мейерберга. В укрепленной части города, конечно, уже нельзя говорить даже об остатках природного ландшафта. Потеснился и аграрный: хотя к началу XVII в. в Китай-городе еще видны большие его участки (вероятно, огороды усадеб), территория в целом уже плотно застроена. В Белом городе сады — почти обязательный элемент владения, а местами они сплошь покрывают зоны между застройкой. Она проникает даже в заповедные раньше поймы (Васильевский луг) или занимается садами. Поля, если еще сохраняются, то только в Замоскворечье, — их место, как и место выгонов, теперь за границей Земляного города, где они сохраняются до XIX в. (многие виды на Москву этого времени обнаруживают неожиданное сходство с миниатюрами XVII в.). Однако сады и огороды в Земляном городе будут и в XVIII в. занимать более половины площади, что отчетливо видно на плане Горихвостова, а часть земель переживает своеобразную регенерацию: вместо царских садов опять показаны «Царицын луг», «Васильев луг», свободные участки в поймах и даже зеленые лоскутья полей или пустошей.

По-видимому, развитие внутригородского ландшафта определялось резкими скачками раздвижения границ, той «фортификационной лихорадкой» (см. ниже), в ритме которой жила Москва XVI в. При этом новая граница охватывала большие куски сельскохозяйственных зон, функции которых вытеснялись уплотнением застройки под защитой стен. Тем не менее, хотя за стенами сформировалась слитная урбанистическая структура, само присутствие огромного княжеского, затем царского хозяйства в Кремле вызывало сохранение и даже оживление заповедных участков (лугов) и специально культивируемых агрикультурных элементов (садов) в ткани города. Шведский дипломат Петр Петрей де Эрлезунда (1617) подчеркнул, что в городе остаются «большие луга, порожные места, много деревьев и увеселительных садов, занимающих довольно большие места», отметив и «три больших прекрасных сада с разными деревьями и травами» великого князя, и «большой луг в городе, возле самого дворца, дающий ему каждый год 600 возов сена»³¹.

Для нашей темы важно понять, каковы были рычаги сложения пространства города в Средневековье и как они работали. Историография XVIII—XIX и отчасти XX вв. немного путалась в вопросе о том, откуда и как началось развитие Москвы. Предполагали, что устье реки Неглинной могло быть не первым или, по крайней мере, не единственным местом, где зарождался город. На это указывало изобилие в черте Москвы других мысов и возвышенностей, пригодных для ранних укрепленных поселений; отчасти — топонимика с ее *городищами*] отчасти — рассуждения о «семихолмной» Москве; наконец, доказанная историческая полицентричность других городов, прежде всего Новгорода. Но в Москве натурные поиски следов города-предшественника для крепости XII в. пока не дали результата. Напротив, керамическая стратиграфия Москвы наглядно показывает, что она развивается только с XII в., причем именно от Кремля, заполняя сначала сравнительно плоское плато к северо-востоку от Кремля и осваивая ближайшие окрестности за Неглинной и Яузой, а затем — зоны, ограниченные стенами.

ГОРОДСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПЛАНИРОВКИ МОСКВЫ

В сущности, Москва не менее искусственное градообразование, чем Петербург, она развивается во многом «в приказном порядке». Ее рождение и рост можно сопоставлять с традицией возведения городов по приказу правителя, *ex novo*, на пустом месте, известной античности и устойчивой на всем средневековом Востоке, от мусульманской Испании до раннефеодального Китая. Эти города всегда несут черты регулярности, так что рядом с круглыми исламскими и квадратными китайскими городами легко находит себе место и неправильно-треугольная Москва, обведенная в конце-концов достаточно отчетливым кругом Земляного города.

Облик и планировочная структура столицы, состоящей из четырех «градов», формировались под влиянием чуть ли не одного мощного фактора — опасности с юга и юго-востока, требовавшего совершенствования оборонительной системы города. Пояса крепостей определили границы разрастающегося посада; они образовали «грады» (которые и составили Москву — этот важнейший элемент пространственной структуры сохранился до наших дней). Их стены и ворота закрепили возникшую структуру, на столетия обеспечив ее неизменность. Они зафиксировали и стимулировали также развитие веерно-кольцевой или ветвисто-веерной планировки.

Структурирование территории за границами Кремля началось в конце XIV в.: осенью 1394 г. в Москве начали, но не закончили копать ров от Кучкова поля до Москва-реки. Ров проходил через достаточно плотную жилую застройку³², что позволяет видеть его не по трассе стен будущего Белого города, а в Китай-городе по линии Б. Черкасского и Юшкова переулков (но вряд ли ближе к Кремлю). Через 100 лет, в 1493 г., начнется расчистка плацдармов, отделяющих часть посада (Занеглименье) от берега р. Неглинной³³; в 1494/5 г. такие меры примут в отношении застройки со стороны р. Москвы³⁴. П.В. Сытин полагал, что и с восточной стороны от Кремля была расчищена полоса³⁵ — при археологических работах 1988—1991 гг. в районе Казанского собора и ГИМа этот плацдарм, замощенный мелким булыжником на глине, действительно, выявили³⁶. Расчистка имела целью не столько создать удобную просторную полосу, сколько уберечь крепость от пожара³⁷.

Внешние границы селитьбы в конце XV столетия еще размыты. Для Великого Посада их задаст строительство земляных укреплений Китай-города в 1534 г., в 1535 г. замененных каменными³⁸; летопись четко указывает, что крепостная стена 1535 г. прошла по линии земляных укреплений 1534 г.³⁹ Строительство земляных укреплений Китай-города, видимо, не повлекло сноса посадских дворов (во всяком случае, он не отмечен летописью) — вероятно, границы посада сложились еще в конце XIV в. Каменный Китай-город («Новый город», как его называет летопись еще в 1560-е гг.) был отделен от лежащего дальше к востоку посада (считавшегося еще в XV в. «Загородьем») ровом

Развитие укреплений Москвы в XII-XVIII вв.

Масштаб 1 : 50 000

Составитель Г.С. Козлова, по материалам И. Мичурина (1739 г.), С.К. Богоявленского, И.А. Голубцова

Укрепления Москвы и время их строительства

Москва до середины XII в.

ров, земляной вал с сосновыми стенами (1156 г.)

ров, земляной вал с дубовыми стенами (1339–1340 гг.)

каменные (из известняка) стены (1367–1368 гг.)

стены из красного кирпича (1485–1495 гг.), ров (1516 г.)

земляной вал (конец XIV в.), ров и дерево-земляные укрепления (1534 г.), «Китайгородская стена» из кирпича (1535–1538 гг.)

земляной вал и ров (конец XIV в.), стены из белого камня (в основании) и большемерного кирпича (1583–1593 гг.)

деревянные стены — «Скородам» (1591–1592 гг.), земляной вал и ров (1633–1640 гг.), деревянные стены (1659 гг.)

деревянные стены «Компанейского вала» (1731 г.), земляной «Камер-Коллежский вал» и ров (1742 г.)

Заставы

Москва и ее окрестности в середине XVIII в.

застроенные части города

Кремлевский и Китайгородский рвы

поселения

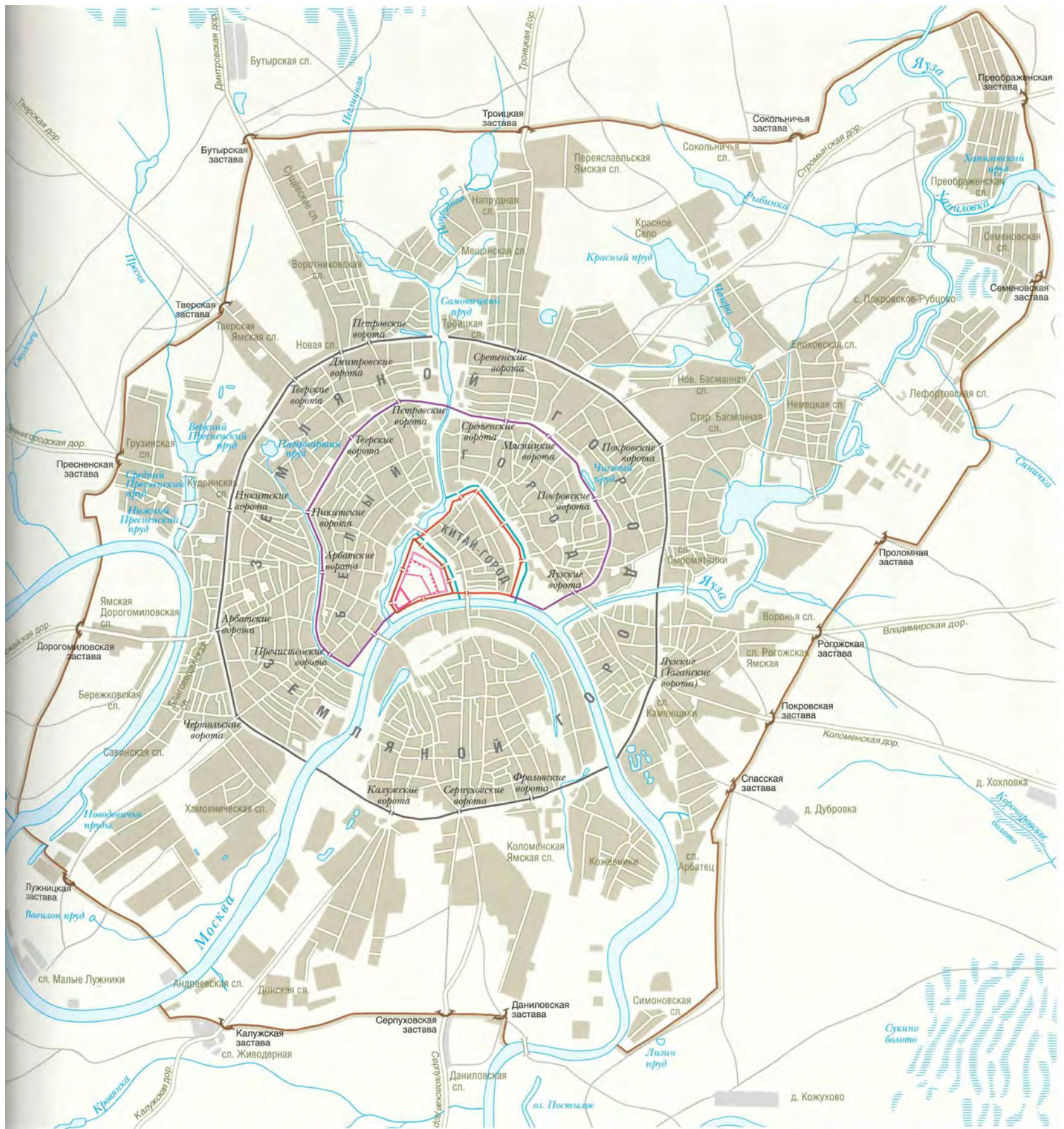
главные дороги

прочие дороги

и лежащим за ним плацдармом (он назван в описании пожара 1547 г. «площадкой»)⁴⁰.

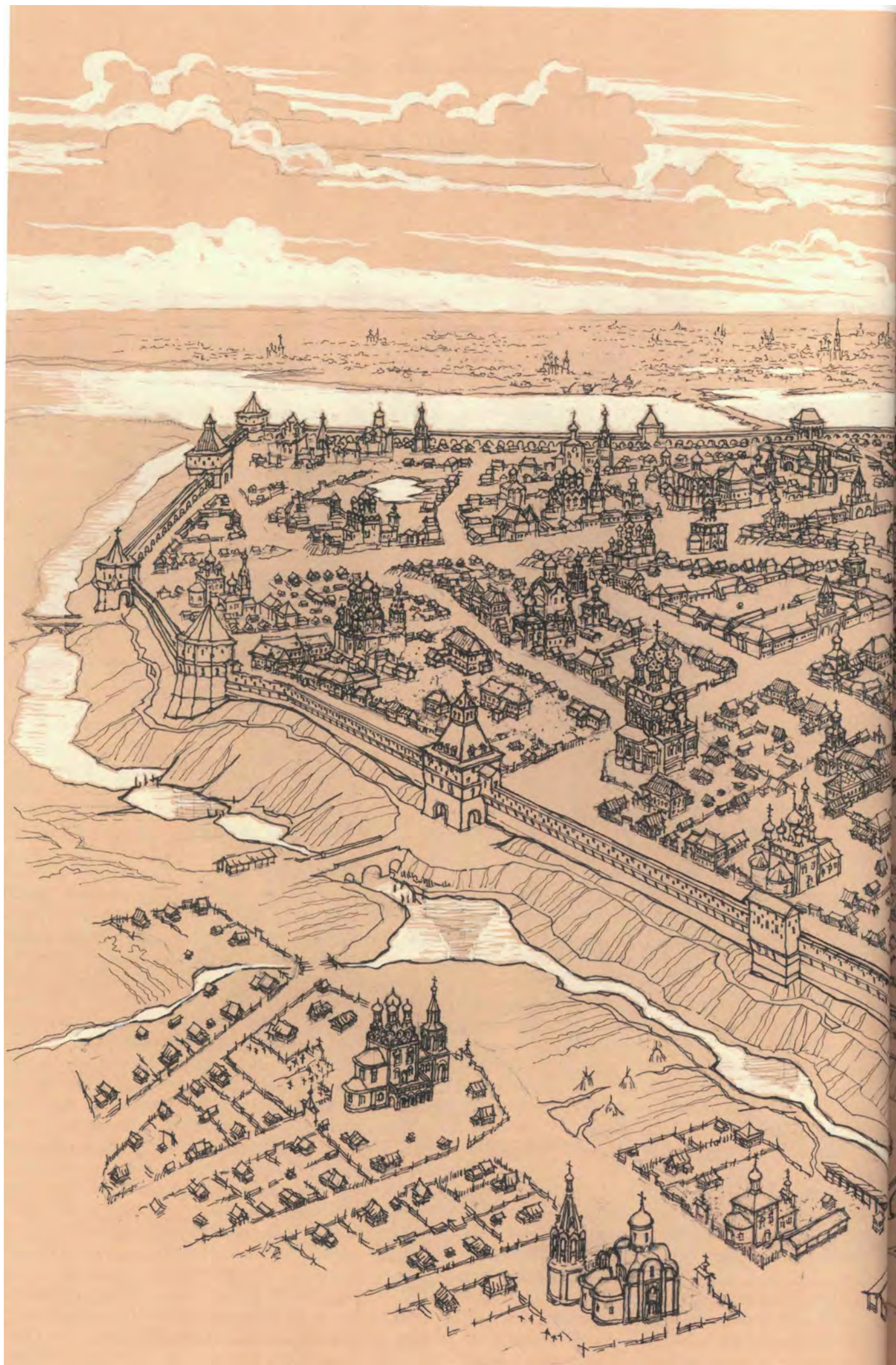
Повлияло на планировку и строительство Белого города при Иване Грозном. Его деревянно-земляные укрепления видел Генрих Штаден, ясно описав вал между башнями. В 1571 г. эти укрепления (в разных летописях «Земляной город», «осыпь», «вал») не смогли сдержать хана, видимо их оборона и не была организована: враг сжег все слободы и поджег посад в «земляном городе»⁴¹. Тем не менее, и эти укрепления имели градообразующее значение: вал с башнями зафиксировал и скорректировал границы посада; проездные башни закрепили направления трасс; при строительстве должны были выравнивать границы владений, так как застройка не могла подходить к валу.

Последовавшее поражение в Ливонской войне и экономическое разорение страны не дали усовершенствовать «осыпь», но первым значительным строительным предприятием нового правительства стала закладка каменной стены вокруг нее. Своевременность этого подтвердилась в 1591 г.: остановить хана на Оке и Пахре не удалось, он подошел вплотную к столице и расположился у села Коломенского «в лугах», но был отбит. Подобно Девлет-Гирею, он не штурмовал каменные стены города, а жег только не-

Китай-город.
Рубеж XVII-
XVIII вв. Вид
с востока, с вы-
соты птичьего
полета. Худ.
В.А. Рябов

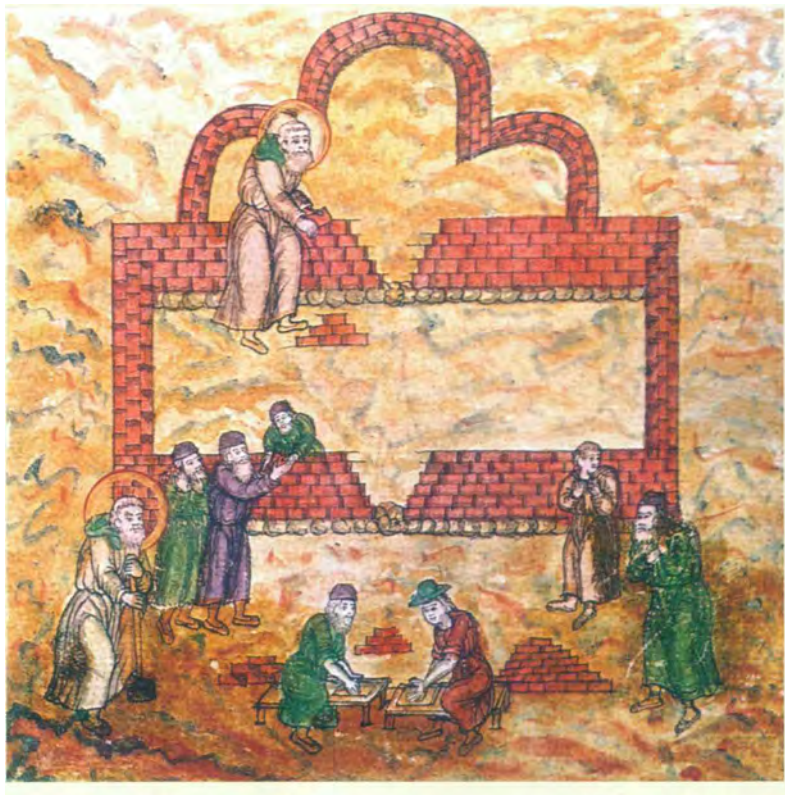
Изображена
стена Китай-го-
рода после пере-
строек XVII в.,
окруженная валом,
рекой Неглиной и рвом,
с каменными
мостами у про-
езжих ворот.
На переднем
плane, за преде-
лами крепос-
ти, — храм
Требневской Бо-
жьей Матери
с характерной
колокольней
и рядом стоя-
щая церковь Фе-
одосия Печер-
ского. Левее —
пятиглавая цер-
ковь Георгия
в Лучниках
с арочной галле-
реей и выдвину-
тым алтарем
нижнего храма.
В застройке Ки-
тай-города вы-
деляются силуэ-
ты многочис-
ленных монаш-
тырских, при-
ходских, подвор-
ских и домовых
храмов. Справа,
у крепостной
стены, — цер-
ковь Троицы
в Полях XVI в.
с трифолийным
завершением.

Книжные миниатюры и иконы до XVII в.
показывают храмы крайне условно, но дают представление
о важных деталях процесса строительства

Остатки крепостных сооружений XII в. Зарисовки, сделанные при раскопках конца 1950-х гг. в Кремле

защищенные посады, так что царская семья смогла не покидать Москву.

События 1591 г. показали необходимость защиты слобод, которые ранее обрекали на сожжение. Их окружили стенами, включавшей земляные и деревянные укрепления⁴². Этот Скородом Бориса Годунова завершил планировочную композицию Москвы. Линия вала отчасти уже была задана очертаниями Белого города, но Скородом придал кольцевой структуре законченность, включив в нее Заяузье и Замоскворечье.

Москва совершенствовала систему укреплений до середины XVII в., так как оставалась (сегодня это странно звучит) приграничным городом и главным опорным пунктом обороны всей страны. Несомненно, строительство каждой новой линии стен и валов стимулировало и уплотнение населения на защищенной от внешнего врага территории.

Итак, начальный толчок и дальнейшее развитие Москвы — не спонтанны. Город состоялся как цепь осознанных действий великокняжеского правительства, продуманных и подготовленных, во многом новаторских и лишь отчасти опиравшихся на традицию. В этот процесс были вложены огромные средства и усилия по организации больших масс — жителей города и его строителей. Время становления Москвы как жесткой структуры — конец XV — начало XVI в., эпоха Ивана III и русско-итальянского строительства. Именно в этот момент археологически фиксируются перемены в направлениях главных улиц-дорог, подходящих по плато к воротам Кремля, а вместе с ними — и ориентация дворовых построек в усадьбах Китай-города. Три новые и очень широкие улицы Никольская, Ильинская и Варварская теперь пересекали весь Китай-город почти по прямым линиям, деля его на более-менее равные части. Расчищаются Занеглименье и Заречье (где против Кремля устраивают Государев сад)⁴³. Тогда же⁴⁴ появляется то, что мы сегодня видим как Красную площадь — обширный плацдарм перед восточной стеной крепости, замощенный, как выяснилось, на глине мелким булыжником⁴⁵.

В продолжение этой деятельности по «урбанизации» все пригороды Москвы были окружены менее чем в столетие

(1485—1591/92) еще двумя поясами укреплений: стеной Белого города и огромным деревянно-земляным кольцом Земляного города. В результате всего за столетие город получил четыре новых пояса обороны и вырос по площади не менее чем в 20 раз, что, конечно, вещь сама по себе уникальная. Основания для столь бурного роста вряд ли могли быть исключительно «естественными». Разумеется, стремление купцов, ремесленников, служилых воинов и даже крестьян из провинции к правительственному и торговому центру играло свою роль. Но обычной практикой было более или менее насильственное (во всяком случае, организованное) переселение в Москву жителей со вновь присоединенных земель. После больших пожаров (особенно связанных с захватом города татарами, убивавшими и уводившими часть жителей) повторное заселение было тем более необходимым. «Веденцы» (они упоминаются в надписях на надгробиях, находимых при раскопках, гораздо чаще, чем можно было ожидать, причем с указанием места их происхождения) — наделялись землей для строительства усадеб. Даже на сегодняшнем плане Москвы легко различить древнейшие участки, сложившиеся, вероятно, в XIII—XV вв., с запутанной сетью кривых, истинно средневековых улочек и переулков — и соседствующие с ними кварталы прямых улиц, нарезанные в XVI—XVII вв. по царскому повелению для привлеченных в город или насильно переведенных семей⁴⁶.

Развитие идеи идеального христианского города: от «Града Божия» — к площадям и крепостям Нового времени

1. План Ньёф-Брисака. Франция. Фрагмент. 1699–1700 г.
2. Божий град. Миниатюра Николааса Полани. 1459 г.
3. Идеальный город. Неизвестный автор. Центральная Италия. Конец XV в.
4. Средневековая карта мира с центром в Иерусалиме. Западная Европа. XIII в.
5. Небесные и земные города. Миниатюра Мастера Фрсуа. Франция. 1473 г.

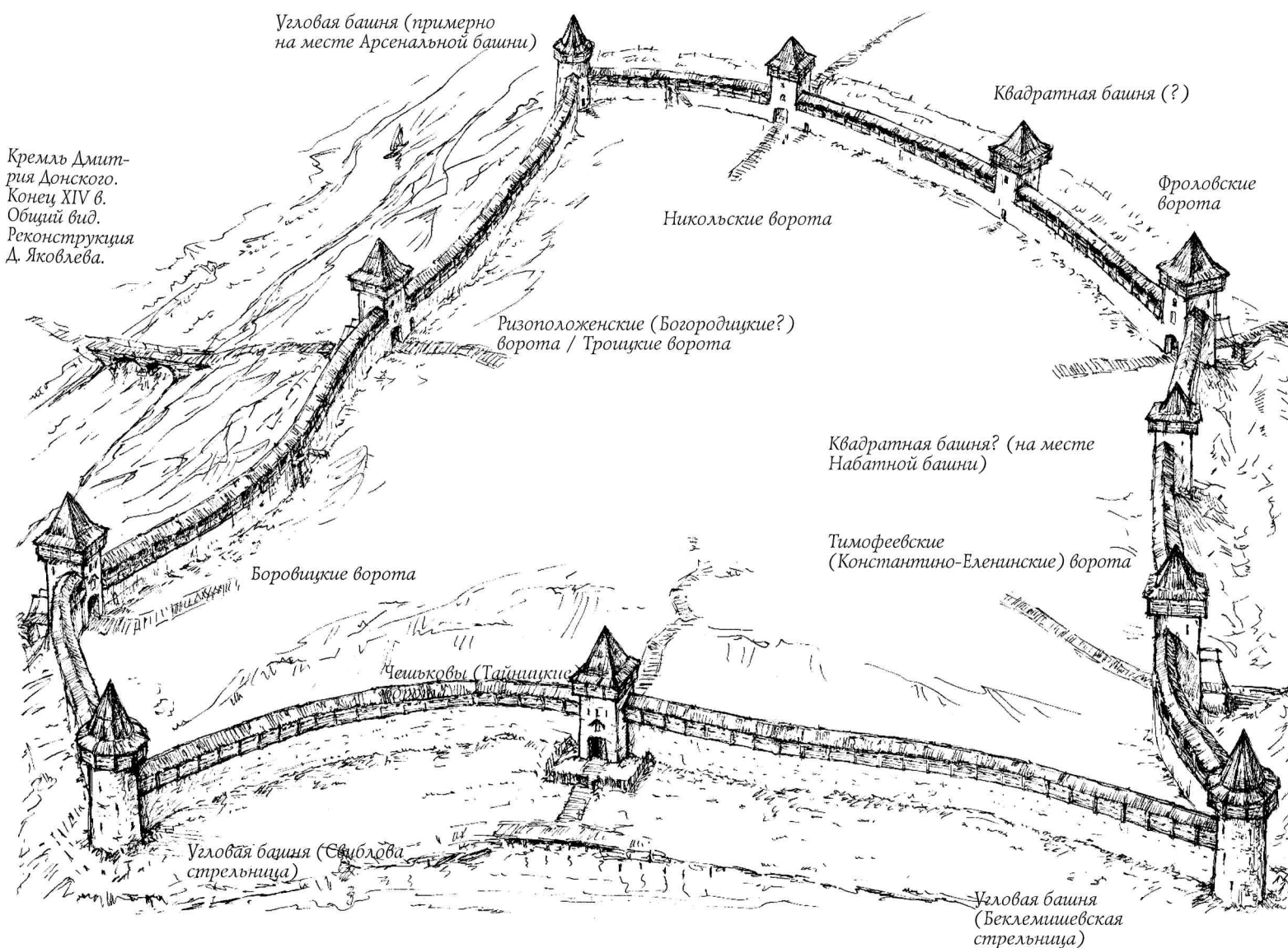

«СОБИРАНИЕ СВЯТЫНИ» И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА МОСКВЫ

В заново нарезанных или перепланированных зонах на старую, возникшую до конца XV в. сеть церквей, монастырей и кладбищ иногда накладывалась новая сакральная структура, что в некоторых случаях приводило к «столкновениям» — так, с нагорной стороны Кремля (возможно, и за Неглинной) пришлось уничтожить ряд храмов и кладбищ; их престолы переносили в другие, оставшиеся на своих местах или вновь построенные. К сожалению, об этом процессе у нас пока самое смутное представление из-за того, что письменные источники слишком лаконичны, а самые древние церкви и кладбища до нас не дошли — в Москве остатки каменных зданий, построенных до конца 1470-х гг., открываются крайне редко.⁴⁷

О развитии вновь складывающейся сакральной структуры с конца XV в. мы можем судить несколько лучше. По крайней мере, в некоторых случаях нам известны причины возведения тех или иных храмов, примерные (или

точные) места их постройки, поводы для освящения престолов в память о проявлении милости Божией. Благодаря этому, становится возможным понять соображения, которыми руководствовались москвичи. Их можно выразить как стремление к чуду — мольбу о его даровании, изъявление благодарности за его свершение, сохранение о нем памяти с упованием на повторные чудотворения. Соответственно, и складывавшееся при этом пространство можно определить как «пространство чуда». Такой подход — типичная черта христианской религии, да и многих других религий. Так же как и ранние христиане, православные москвичи уповали на чудеса, исходящие от реликвий (как в широком смысле слова, то есть всех вообще святынь, так и собственно *reliquiae*, мощей святых). Особенностью православных оставалось почитание святых икон, среди которых выделялись имевшие дар чудотворения. Те и другие (то есть мощи и чудотворные иконы) составляли те узлы

Виды раскопок в Кремле. Акварели,
сделанные при археологических раскопках
конца 1950-х гг.

Московский Кремль при Иване III.
Акварель А.М. Васнецова. МИМ

тяготения, вокруг которых формировалось сакральное пространство — и реальное (то есть выраженное в топографической структуре и маршруте литургических процессий), и метафизическое, то есть ментальное, духовное пространство, в котором происходит чудо.

Из присоединенных к Московскому княжеству земель не только выводили необходимых людей — отсюда вывозили на Москву наиболее прославленные чудотворения образа; реже, но все же переносили сюда и святыне мощи. Их размещение в городе, подчиняясь изначально вполне реальным и прагматичным соображениям, вскоре обрело силу традиции и становилось тем или иным способом обустроенным, но в любом случае почитаемым (сакральным) пространством. Это была своего рода невидимая сеть, накинутая на город, узлами которой служили, прежде всего, места хранения чудотворных образов и мощей, но также те места, где такие чудеса были явлены ранее; кроме того места, на которых образа и мощи помещались, были встречаемы или провожаемы («отпускаемы»), словом, места, так или иначе связанные с историей чудотворений и с «носителями» творящей чудеса силы.

Говоря о передвижениях святынь, мы хотим отметить, что точек встреч в городе было существенно больше, чем

точек отпуска, «росстаней» — правители Москвы чувствовали необоримую тягу к святыне, прилежно собирали ее и особенно любили лишать святынь князей и княжества, соперничавшие с Москвой.

1.

Например, вполне естественные и очевидные факты попадания в створ проемов яруса колоколен других церковных объектов могли использоваться для обоснования семантической оправданности их пространственной взаимосвязи, и тд.

2.

Так, Г.В. Алферова («Русский город XVI—XVII веков». М., 1989) полагала константность функцией градостроительных правил, якобы унаследованных от Византии и отраженных в Кормчей книге.

3.

Типичные и хорошо известные примеры — вышедшая в 1989 г., но разработанная гораздо раньше книга «Москва — Третий Рим» М.И. Кудрявцева; тома «Истории русского градостроительства» 1990-х гг., наполненные все теми же «идеальными схемами». Ими изобилуют статьи Г.Я. Моисеева и, отчасти, Р.М. Гаряева, в работах которого, однако, много метких наблюдений над особенностями размещения в городе конкретных церковных объектов.

4.

Подобный аналоговый механизм усвоения власти и святости через градостроительную символику, конечно, существовал в истории. Так, чуть ли не любой город поздней Римской империи имел Porta aurea, «Золотые ворота». Но современные исследователи склонны использовать его не как ключ, а как отмычку. Модели этого находим не только в отечественной литературе, но и в некоторых работах восточноевропейских ученых (ср. сборник «Jerusalem w kulturze europejskiej», книгу украинского историка Вол. Ричка, «Кшв — другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005).

5.

Информационной основой такой подмены отчасти служили мифологизированные представления, сложившиеся в конце XVII—XIX вв. Легендарные сведения, прямые домыслы, даже опечатки (Беляев Л.А. «Стародевичий монастырь»: историографическая ошибка в церковной топографии Москвы XVII—XIX вв. // В память А.С. Хорошева. М. — СПб. — Новгород, 2009), утвердившись в литературе XIX в., приобрели

Кресты и другие энколпии, найденные при археологических исследованиях Зачатьевского (Алексеевского) монастыря.
Раскопки Н. Кренке, Л. Беляева, 2003 – 2009 гг.

значение исторических свидетельств, которые приходится распутывать со значительными усилиями.

6.

Стремление к романтизированной трактовке архитектурных форм доходило до парадоксов. Так, килевидность кокошников толковалась как символ, восходящий к образу горящего здания: Красную площадь пытались трактовать как открытый (пространственный) храм, а собор Покрова на Рву — как его алтарь, и т.п.

7.

С 1990-х гг. этим вопросам стала уделять серьезное внимание и археология, например, при изучении поселенческих структур сельских и протогородских памятников Русского Севера и Центральной России (Н.А. Макаров, С.З. Чернов). Близким путем (если не по методам, то по задачам) идет А. Мусин (см. автореферат: «Христианская община средневекового города Северной Руси XI-XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова», СПб., 2002). Тесно связана с этим и наша работа по изучению посвящений престолов Москвы, позволяющая говорить о развитии богослужебной жизни в городе, «урбанизационных» намерениях государства и восприятию москвичами идеи и структуры своего города.

8.

Но и забывать рано: «национально-романтический символизм» широко распространен в современных краеведческих и научно-популярных работах, часто проникает в культурологические обобщения, учебники, энциклопедии по истории и архитектуре. Сохраняется и опасность оживления его в новых, гораздо более изощренных паранаучных формах.

9.

Авторы книги частично опубликовали эти исследования в сборнике «Сакральная топография средневекового города» (М., 1998).

10.

Baldovin J.F. The Urban Character of Christian Worship. The Origins, Development and Meaning of Stational Liturgy. Roma, 1987.

11.

Krautheimer R. Three Christian Capitals. Topography and Politics. Berkeley — Los Angeles — London, 1983. (Русский перевод: Л.А. Беляев, АЛЛ. Беляева: М. — СПб. 2000).

12.

[Barley M.V.] European Towns: Their Archaeology and Early History. London — NY — San Francisco, 1977; Beresford M.W., Hurst J.G. Wharram Percy: a Case Study in Microtopography // Medieval Settlement Continuity and Change [ed. P.H. Sawyer]. London, 1976. P. 114—143; Biddle M. Archaeology, Architecture and the cult of Saints in Anglo-Saxon England // CBA. RR. № 60.1966; Biddle M. The archaeology of church: a widening horizon // Archaeological Study of Church. London, 1976. P. 65—71; Bound C.J. Church and Parish in Horman Worcestershire // Minsters and Parish Churches, the Local Church in Transition 950—1200. Oxford, 1988; Butler L.A.S. Church dedication and the cult of Anglo-Saxon saints in England // The Anglo-Saxon Church. 1986. (CBA. RR. № 60); Church archaeology research directions for the future. London, 1996. (CBA. RR. № 104); Hodges R. Emporia, Monasteries and the Economic Foundation of Medieval Europe // Medieval Archaeology. Papers of the Seventeenth Annual Conference of the Center for Medieval and Early Renaissance Studies. Binghamton. N.Y., 1989. [ed. Ch.L. Redman]. P. 57—72; Hodges R., Mitchell J. San Vincenzo al Voltumo. [The Archaeology, Art and Territory of an Early Medieval Monastery. BAR International Series, 252]. Oxford, 1985; Ottaway P. Archaeology in British Towns (From the Emperor Claudius to the Black Death). London — N.Y., 1992; San Vincenzo al Voltumo I: The 1980—1986 excavations. Part 1. London, 1993 [Archaeological Monographs of the British School at Rome, 7]; Stoepker H. Church archaeology in the Netherlands. Problems, prospects, proposals // Medieval Archaeology in the Netherlands. Assen-Maastricht., 1990, (Studies, presented to H. H. van Retgeren Altena). [Ed. J. C. Besteman, J.M. Bos, H.A. Heidinga] P. 199—218; Toker F.K. Early Medieval Florence Between History and Archaeology // Medieval Archaeology. Papers of the Seventeenth Annual Conference of the Center for Medieval and Early Renaissance Studies. Binghamton. N.Y., 1989. [Ed. Ch.L. Redman] P. 261—283; Toker F.K. Krautheimer Made Me Do It Solving the Toughest Archaeological Problem of Medieval Florence // Colledge Art Association. Abstracts. N.Y., 1997. P. 190; Wienberg J. Medieval Tonsberg, the Church and the Hinterland // Region and Reflections: in honor of Marta Stromberg. Lind, 1991. P. 333—345 [Ed. K. Jennbert] (Acta Archaeologica Lundensia, Ser. in 80, v. 20).

13.

Характерный пример — Пиза, где приходы появились поздно, а центром церковной жизни горожан все Средневековье оставался городской собор с баптистерием и кампаниллой.

14.

История церковной застройки Лондона важна для изучения роли сакральной топографии в сложении государствообразующих городов. Переустройство Вестминстерского аббатства Эдуардом Исповедником в середине XI в. сыграло решающую роль в разделении города на Сити и Вестминстер, а это, в свою очередь, отразилось на последующей истории не только Лондона, но и всего королевства.

15.

Так, английский город с характерным названием «Бэттл» (т.е. «Битва») возник на крайне неудобном месте, зато вокруг аббатства, центральный алтарь которого был поставлен там, где в битве при Гастингсе, согласно легенде, пал Гаральд, король англо-саксов. Удобнее поставлен город Сент Альбанс с его центром в аббатстве на предполагаемом месте мученичества святого Альбана (ф 286 г.) и тд.

16.

Аналог «прицерковного» развития города на другом краю христианского мира, у славян — основанный почти одновременно Краков. Сердце средневековой столи-

цы — укрепленный замок на холме Вавель, где помещался и королевский дворец, и собор, так что глава Церкви и государства жили бок о бок. У подножия холма, вокруг рынка, возник сам город, связанный с замком узкой тропой. Это классический пример города северо-европейского типа, где феодалы и горожане селились раздельно. Дворец в замке занял более важное место, чем собор, зато храмы монашеских орденов (доминиканцев и францисканцев) контролировали городской торгов. Другой пример сложного развития европейского города под влиянием одновременно религии, политики и коммерции — Цюрих. Центр города, гора Линденхоф, еще в Средневековье потеряла замок, построенный на месте римской крепости — его снесли горожане в знак освобождения от Империи. Но они не тронули монастырь Гроссмонстер на месте обретения мощей римских мучеников Феликса и Регулы — огромную структуру каролингской эпохи, где совместно жили братья и сестры. В XII в. женскую обитель перевели за реку, основав Фрауенмюнстер, а позже, окружая Цюрих стенами, оба монастыря включили в их пределы.

17.

Раскопки М. Биддла. Аналогов крохотным ранним приходам Англии в остальной Европе нет, но подобные признаки ведь и важны для осознания различий, своеобразия сакрального пространства разных городов и народов.

18.

Еще в конце XI в. (1092 г.) население «Ворчестера с окрестностями» после долгих споров подчинилось церковной дисциплине с единым, общим приходским центром, городским собором, но старые узлы независимого богослужения сохранились. Даже в епископальном Йорке рубежа X—XI вв. обнаружено невероятное количество крохотных церквей — горожане явно предпочитали огромному романскому собору мелкие, но собственные храмы и живое общение с клириками, жившими и служившими среди них.

19.

Корни системы уходят в ранний христианский период, и каждая эпоха внесла свой вклад в природу и структуру приходской жизни.

20.

Так, традиция подписывать или маркировать кирпич в церковных зданиях XII—XVI вв., над которой давно размышляют ученые, находит неожиданное решение в современной практике «малого ктитинства», позволяющей принять участие в финансировании строительства церквей огромному количеству прихожан, которые взамен получают право оставить свое имя, как овеществленную вечную молитву, на одном из кирпичей. См. подробнее: Беляев Л.А. Маркировка древнерусского кирпича как культурно-историческое явление // София. Сборник статей к 70-летию А.И. Комеча. М., 2006. С. 67—88; Беляев Л.А. Строительная керамика как носитель культурно-исторической информации // Строительная керамика Восточной Европы в эпоху Средневековья и Возрождения: сохранение и передача культурных импульсов в архитектуре. Материалы научной конференции ГЭ и МГОМЗ. М., 2010 (в печати).

21.

Ладанные книги еще ждут своего полного издания, но его подготовка займет много времени, так как фонды очень велики по размеру. Основной фонд Приказа сейчас прочитан и составлен род указателя упоминаемых в Ладанных книгах престолов с выписками по каждой отдельной выдаче. Сведения о количестве, стоимости, сорте ладана опускались, также как об именах священнослужителей, кроме случаев, когда эти тексты обладали особой информативностью и позволяли судить о движении посвящений. Информация по наиболее ранним, составленным до Смуты и в первые годы после нее Ладанным книгам (за 1584/85; 1613/14; 1617/18; 1618/19; 1619/20 гг.) была суммирована в специальный корпус выдач, организованный топографически, снабженный указателем престолов и обратными отсылками, что позволяет легко найти текст конкретной записи в подлинном архивном деле. Частичная публикация этих материалов: Павлович Г.А. Храмы средневековой Москвы по записям Ладанных книг (Опыт справочника-указателя) // Сакральная топография средневекового города. Ред.-сост. А.А. Баталов, Л.А. Беляев / Известия Института христианской культуры Средневековья. М., 1998. Т. I. С. 143—179.

22.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 198. Л. 5 об.; Там же. Д. 199. Л. 38 об.; Д. 397. Л. 12; Д. 198. Л. 108 об.

23.

ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 424. Д. 5.

24.

Подробнее см.: Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI в.: Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 283—289.

25.

Николаев Е.В. Классическая Москва. М., 1975. С. 13—21, там же — приведенные выше цитаты.

26.

Кренке Н.А. Памятники предистории Москвы // Природа, 1997. С. 36. См. там же статьи В.А. Низовцева, С.З. Чернова и др.

27.

Например, на Топографической карте Москвы 1838—1839 гг.

28.

Раскопки на обоих берегах речки Даниловки дали исключительный пока для Москвы материал. Оказалось, что оба берега речки на довольно большом протяжении были освоены уже в X в. В плодородной речной низине, ближе к впадению в Москва-реку, возник поселок, оставивший многочисленные орудия, сделанные из железа и кости; характерную лепную и слегка подправленную на гончарном круге керамику — грубо профилированные горшки с толстыми стенками, глина которых содержала много мелкого гравия, песка и других добавок, а стенки и особенно горлышки-

венчики украшены волнообразными заплатами, узорами, выдавленными при помощи веревочки, намотанной на палочку, крестчатого штампа, гребенки и т.п., волнообразными или линейными орнаментами. Дату поселения уточняют свойственные раннеславянским поселениям украшения — бубенчики грушевидной формы с гравированным орнаментом, семилучевые височные кольца «деснинского типа», плоский бронзовый браслет с ложновитыми краями, стеклянные бусы и красивые насадки на веретена, напрасла из южного красноватого камня — шифера. Поселения с таким набором предметов, дающим нижнюю дату не позднее X в., очень редко встречаются на Москве-реке, в районе же города Москвы они практически не известны: Даниловское пока самое близкое к центру. Такие поселения открыты на р. Пахре и в южном течении Москвы-реки. Они показывают первые шаги славян в район будущей Москвы из южных или западных районов и четко отличаются по инвентарю от более поздних «вятических» поселений Подмосковья. Поселение Даниловское процветало в XI и XII вв., потом активность слабеет. Батьево нашествие, видимо, привело к запустению местности, и на рубеже XIV в. князь Даниил Александрович создаст здесь монастырь. Таким образом, Даниловская местность — издревле обжитой, плотно заселенный район, во второй половине XIII в. восстановивший сельскохозяйственные возможности. Он мог интересовать князя и как важный пункт связи, управления возникающей сельской пригородной округой, точка переправы через реку, выгодная для обмена, как пункт контроля реки (неподалеку в Позднем Средневековье возникнет мыт — пункт сбора таможенных платежей). В пору запустения монастыря (XIV— первая половина XVI вв.) Даниловское останется важным топографическим рубежом и крупным придорожным и прибрежным селением.

29.

Алексея Митрополита, что на Глинищах, Анастасии у Поль, Андрея Критского на Васильевом лугу, что на Кулишках, Бориса и Глеба, что на Рву, Василия Святого на Могилицах, Введения в Барашах (Илии, что под Сосенками), Власия на Козьем Болоте (на Козихе), Воскресения в Киевцах на Грязи, Воскресенский монастырь, что на Высоком, Всех Святых на Кулишках, Всех Святых, что в Чертолье, Георгия в Яндове, Георгия, что на Красной Горке, Гребневской Богородицы (Успение на Бору), Григория Неокесарийского, что в Дербицах, Ермолая на Козьем Болоте, Троицы что в Садах (на Грязях), Ивановский монастырь что под Бором, в Старых Садах, Ильи на Воронцовом поле, под Сосенкой, Иоанна Богослова, что под Вязом, Иоанна Предтечи под Бором, Кира и Иоанна на Кулишках, Козьмы и Дамиана монастырь в Заяузе на Бражках, Крестовоздвиженский монастырь что на Острове, Никиты Мученика за Яузой на Горе, Николы в Воробине на Гостине Горе, Николы в Дербинском, Николы в Драчах (Грачах), Николы на Болвановье, Николы на Болоте, Николы Подкопаева что на Кулишках, Николы Чудотворца на Песку, Параскевы Пятницы на Кулишках, Параскевы Пятницы у Старых Поль, Петра и Павла что у Старых Конюшен на Кулишках, Петровский монастырь на Высоком, Покрова в Лышниках что в Садах, Покрова Пречистые Богородицы что в Воронцове (что на Воронцовом поле), Пречистой Богородицы что на Могилицах, Рождества Иоанна Предтечи на Бору, Рождества Пречистой Богородицы что на Кулишках, Рождественский монастырь что на Рве, Спаса на Бору, Спаса Преображения что на Песках, Спаса Преображения на Болвановье, Спаса что в Глинищах, Спиридона Чудотворца что на Козьем Болоте, Сретения Святого Михаила Черниговского под Бором (за Болотом), Сретенский монастырь (церковь Сретения) на Поле (на Кучковом поле), Трех Святителей Московских что на Кулишках (Фрола и Лавра, что в Садах), Троицы Старых Поль с Яру, Троицы, что в Больших Лужниках, Успения Богородицы что в Семдинском селе, Успенский собор в Маковице.

30.

См. подробнее: Бойцов И.А., Гунова В.С., Кренке Н.А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палеонтологические исследования // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. М., 1993. № 4. С. 60—75.

31.

Иностранцы в Москве. М., 1991. С. 278.

32.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. (Репринт. М., 2001) Т. VIII. С. 64.

33.

«Того же лета повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною, и постави меру от стены до дворов сто сажен да десять» (ПСРЛ. Т. XII. С. 236).

34.

«Того же лета князь великий повеле снести церкви и дворы за рекою Московью против города и повеле на тех же местех чинити сад» (Там же. С. 240).

35.

Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. М., 1950. Т. 1:1147-1762. С. 43.

36.

Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1950 (переизд. 1997). С. 19. В литературе бытует мнение, что эти плац дармы устроены для удобства обороны, в том числе для свободного обстрела.

37.

Татары сжигали посад, от которого загорался и город, т.е. Кремль, поэтому летящие головни горевших построек были опаснее, чем стрелы и ядра врага. Кремль иногда не спасали даже водные преграды. Неслучайно расчистка плацдарма по Неглимной произошла в тот же год, когда случился опустошительный пожар, в апреле 1493 г., на Радоницу. Те же причины предшествовали устройству садов в Замоскворечье. В том же 1493 г., в июле, загорелась церковь на другой стороне Москвы-реки — Николы на Песку. Начавшаяся буря перенесла горящие головни на другую сторону к посаду, где загорелась церковь Всех Святых, в которой некоторые видят церковь, стоявшую у современного Большого Каменного моста, а другие — храм Всех Святых на Кулишках. Оттуда огонь перекинулся в Занеглимень, которое полностью выгорело. Аетящие головни буря перенесла и в Кремль, который выгорел снова полностью (Там же. С. 237). Во избежание повторения трагедии были снесены постройки на берегу Москвы-реки.

38.

ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 85. Поспешность строительства объяснима боязнью активизации крымских татар в период их союза с польским королем Сигизмундом I и в ситуации неожиданной смерти великого князя Василия III. В мае 1534 г. татары вторглись в рязанские земли, но посланные из Москвы воеводы их отбили. Неслучайно известно о строительстве земляного города вокруг Китая следует в летописи сразу после известия о победе над крымцами. Развитие кризиса повело к началу строительства каменных стен Китай-города уже весной 1535 г.

39.

Там же. С. 94.

40.

ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 153. Впрочем, перед посадом плацдарм существовал и до строительства укреплений, кое-где севернее Кулишек он был естественным «всполем». О существовании поля к северу от древнего посада (Китай-города) до сооружения Китайгородской стены говорит топоним церкви Троицы в Старых Полях.

41.

«На другой день он поджег земляной город (Hackelwehr) — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей» — Генрих Штаден. Записки немца-опричника. Сост. и коммент. С.Ю. Шокарева. М., 2002. С. 65.

42.

«По отходе же царя Крымского, чающе его впредь к Москве приходу и повеле царь Федор кругом Москвы около всех посадов поставить град деревяной; а зложен бысть в 99 году, а совершен в 100-м году» — Новый летописец // ПСРЛ. Т. XIV. С. 43.

43.

ПСРЛ — 12. СПб, 1901. С. 240.

44.

Для создания площади потребовалось очистить огромную полосу от уже развивавшейся застройки, чему способствовали постоянные пожары. Именно после двух общегородских пожаров 1493 г. Иван III изменил планировку Занеглименя и прилегающей к Кремлю нагорной части: «Того же лета повеление[м] великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною и постави меру от стены до дворов сто сажень да девять» (ПСРЛ — 8. СПб, 1859. С. 226). Археологически мощение площади фиксируется еще дальше от стен — на участке Казанского собора оно присутствует далее чем в 250 м.

45.

До этого (до XIII в.) на месте площади были поля и огороды; затем ее начали застраивать (XIII—XV вв.). Появление в городе столь обширного и длительно сохраняемого пространства трудно переоценить. Оно окажет формирующее воздействие на многие стороны жизни. Здесь образуется некое подобие общегородского форума москвичей: найдется место для социальной жизни, активной торговли, государственных, церковных, посольских процессий и др. Сперва отражением, а затем и опорой бурной городской жизни станут достаточно многочисленные церковные постройки, прежде всего два «посадских» собора — Покровский и Казанский.

46.

Известно, что в город переселяли семьи из Новгорода и Пскова, Дмитрова и Смоленска, Твери и Ржева, Переславля-Залесского и Устюга, Ярославля и Балахны. В Занеглимень, например, селились жители с севера и северо-запада (первые 16 семей новгородцев переселены в Москву в 1504 г., в 1569 г. — еще 145 семей, а затем, в 1571 г. — еще 100). О сведенных из Устюга говорит вкладная книга Михайло-Архангельского монастыря, о переселении с Северной Двины — Двинская таможенная грамота 1588 г. (См.: История Москвы. М., 1952. Т. 1. С. 150—152).

47.

Фактически мы можем говорить только об одном случае археологического открытия остатков каменного здания за пределами Кремля, восходящего к эпохе до середины XV в. — под четвериком собора Богоявленского за Торгом монастыря — фундамент и начало цоколя четырехстолпного трехапсидного (?) храма первой четверти (?) XV в.

ХРАМОВЫЕ АНСАМБЛИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

Структура сакральной топографии средневековой Москвы дошла до нас с огромным количеством искажений и утрат, вызванных гибелью церковных сооружений и их архивов. Часто считают, что массовый снос храмов — явление, свойственное исключительно эпохе советского атеизма. К сожалению, дело обстоит хуже: Москва теряла свои древние храмы издавна, еще до того, как начался этап их фиксации и научного исследования, причем не обязательно в трагических обстоятельствах: многое изменялось просто в ходе развития города. Но, конечно, есть и несколько драматических рубежей, когда состав престолов и сама храмовая застройка города трансформировались необратимо, оставляя очень мало следов ушедшей структуры.

Напомним об одном (сравнительно недавнем) из роковых рубежей в истории сакральной топографии Москвы — пожаре и разорении 1812 г. Некоторые храмы сгорели и не восстанавливались, другие были разобраны вскоре, в 1813 г., после оценки нанесенного ущерба. Наконец, значительное число уцелевших храмов лишилось прихожан, чьи дворы и имущество погибли во время пожара; они, как «малоприходные», были приписаны к церквям с более жизнеспособным приходом. На эти приходы легло бремя восстановления после пожара не только своей приходской церкви, но и приписных. Какие-то из приписных церквей вскоре восстановили первоначальный приход и стали вновь «самостоятельными», но другие были разобраны из-за невозможности их поддерживать и ремонтировать. Так, что именно 1810—1820-е гг. нужно считать периодом сокращения числа древних церквей в границах средневекового города.

Разумеется, массовые утраты храмов без их восстановления происходили с глубокой древности до XVIII в. включительно. (Отметим, что именно благодаря такому «прореживанию» план церковных зданий города может создать впечатление рационального, «равномерного» размещения их по приходам, а это — один из источников мифа о системе приходского строительства на московских посадах, о строительстве московских храмов группами прихожан, «конгрегациями»). Так что, как мы уже не раз говорили, прежде чем анализировать сакральное пространство, необходимо восстановить его главные точки на определенный период развития Москвы.

Какой же период этого развития доступен нам для анализа! Источники по церковной истории средневековой Москвы, позволяют судить о топографии московских храмов и о характере застройки церковных участков с середины XVII в. Более того — системные сведения о расположении церквей в городе и о расстоянии между ними предоставляет лишь Реестр 1723 г., который фиксирует положение, сложившееся на рубеже XVII—XVIII вв. Более ранняя средневековая церковная топография дошла до нас лишь в небольших фрагментах. Не мудрено, что при их рассмотрении многое вызывает у сегодняшнего исследователя удивление. Эти случаи мы и рассмотрим прежде всего.

«ПАРНЫЕ» ЦЕРКВИ НА ОДНОМ УЧАСТКЕ

Прежде всего в глаза бросается непривычная для поздней московской реальности «плотность» храмового строительства. Ее демонстрирует, например, группа из двух уцелевших от сносов 1920—1930-х гг. церквей в Черниговском переулке в Замоскворечье: Черниговских чудотворцев и Усекновения главы Иоанна Предтечи. В современной Москве их близкое соседство столь необычно, что для его объяснения создали миф о том, что обе церкви являлись храмами одного исчезнувшего монастыря. Монастырь на этом месте действительно мог быть (мы будем говорить о нем в следующей главе), но его упразднили задолго до сооружения церкви Черниговских чудотворцев.

Будучи уникальными для Москвы, подобные храмовые ансамбли сохранились в Суздале и считаются характерной особенностью именно этого города. В действительности же сосредоточение храмов в непосредственной близости друг от друга, складывание их групп — характерная черта

средневековых городов вообще и в особенно большой степени — столицы, т.е. средневековой Москвы.

При анализе самых ранних Писцовых книг Москвы мы достаточно часто сталкиваемся с примерами существования на одном церковном участке двух храмов — каменного и деревянного. Не следует думать, что это явление эпизодическое. Напротив, оно носит систематический характер. К сожалению, составители городских описей 1629 г. имели целью описать только ту часть Белого города, которая пострадала от пожара 10 апреля 1629 г. — район Чертолыя, Арбата, Никицкой и Тверской улиц. Однако даже по этому фрагменту можно твердо установить, что книги фиксируют неизвестную нам традицию, исчезающую, сколько можно судить по Строельной книге 7165 г., уже к середине XVII в. Приведем примеры.

«Церковь у Арбатских ворот Бориса и Глеба камена, а другая была деревяна згорела; а коло церковей по мере от каменной по сторожов двор полтретью сажени, а до деревяново храму полтретью ж сажени... а деревянная церковь стояла стороною блиско мосту»¹. «Церковь Аеонтия Ростовского чудотворца камена, а другая была деревяна згорела»², «Церковь Николы чудотворца на Хлынове камена, да другая была деревяна згорела...»³. «Церковь Ильи пророка ка-

Местность у Арбатских ворот Белого города до пожара 1629 г. Вид со стороны Воздвиженки. Справа на переднем плане — каменный храм Бориса и Глеба 1527 г. и деревянная церковь на его погосте, в глубине слева — деревянный храм Тихона Амафунтского. Худ. В.А. Рябов

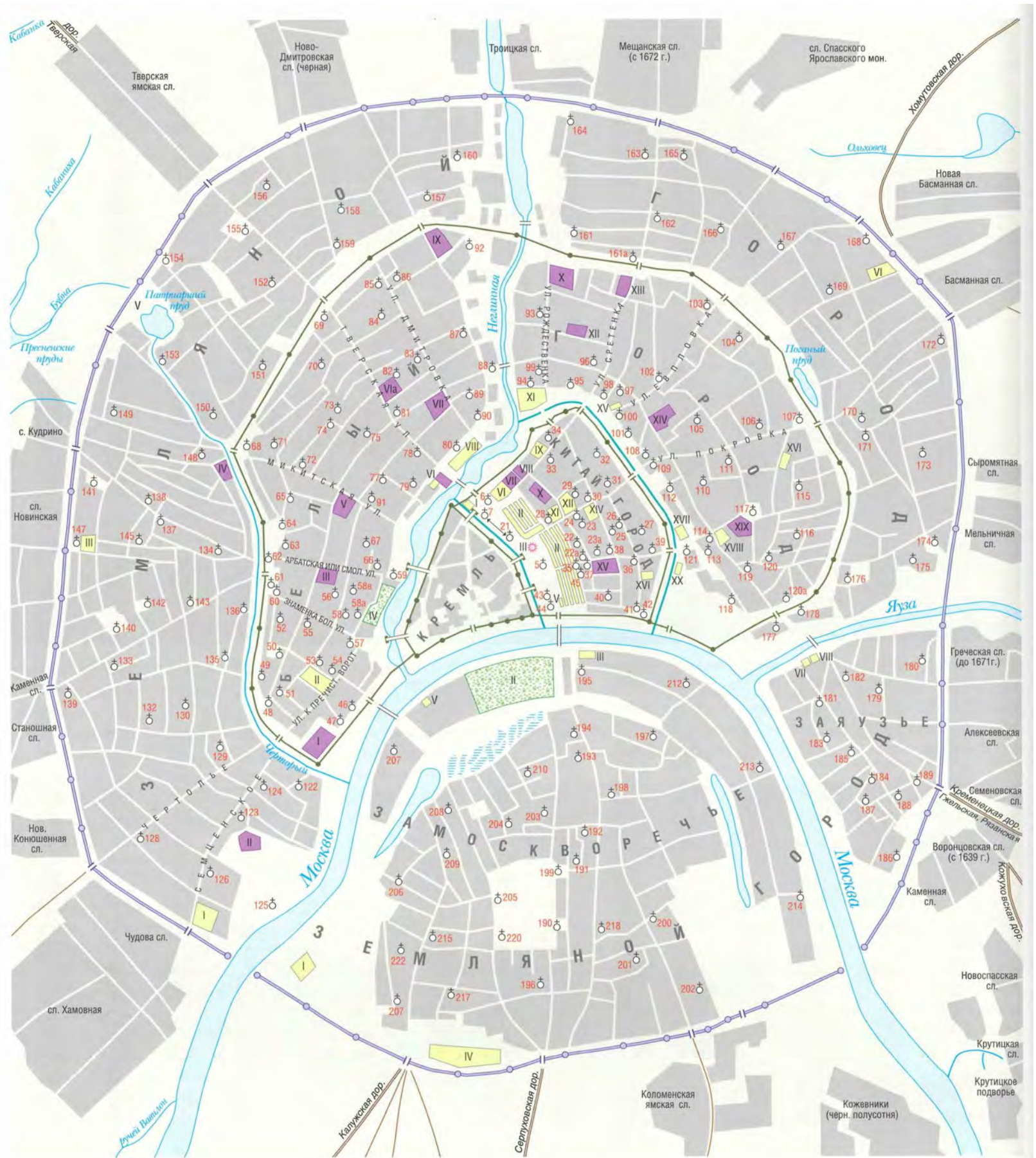
*Местность у Арбатских ворот
Белого города до пожара 1629 г. Вид
со стороны проезда у стен Белого
города. Худ. В.А. Рябов*

мена, да другая древяна згорела»⁴. «Церковь камена Василья Кесарейского, что на большой Тверской улице, против Воскресенского монастыря, да другая церковь была древяна згорела»⁵. «Церковь Николы чудотворца, что в Гнездиных камена, да другая церковь была древяна — згорела...»⁶.

Хотя это лишь часть города, явно виден ряд закономерностей. Во-первых, в районе, обследованном царскими писцами, деревянные церкви стоят у большинства каменных церквей. Во-вторых, двух «парных» деревянных церквей, стоящих на одном участке, нет — значит, речь идет именно о деревянных церквях при каменных. В-третьих, писцы не сообщают о посвящении ни одного из этих храмов. Случайно ли последнее обстоятельство? Вероятно, нет, поскольку в других случаях, когда они описывают место сгоревшего деревянного «самостоятельного» храма, то указывают его посвящение. Можно подумать, что престолы этих деревянных церквей дублировали посвящения каменных — но такое предположение кажется нам излишне смелым. Скорее это указание на то, что деревянные храмы не были самостоятельны и принадлежали тому же приходу. Поскольку они поставлены только у каменных церквей, мы должны предположить, что эти церкви были теплыми, и причт каменных храмов служил в них в зимний период.

Поскольку сведений о таких храмах в Строельной книге 7165 (1657) г. уже нет, можно думать, что традиция по каким-то причинам угаšla к середине XVII столетия. Вероятно, функции теплых деревянных церквей перешли к небольшим каменным теплым приделам, располагавшимся в трапезных, которые стали пристраивать в XVII в. к ранним храмам, построенным в XV–XVI вв. За этим стоял, возможно, и комплекс антипожарных мер правительства Михаила Феодоровича, предпринятых после пожара 1629 г. Деревянные теплые храмы, поставленные непосредственно возле каменных и легко сгорающие при пожарах, не были возобновлены. Вместо них стали строиться обширные и низкие палаты, внутри которых располагали приделы. Этим палатам было усвоено название «трапезных», нелогичное и даже таинственное для городского храма, возможно, перенесенное из монастырского обихода, где теплым зимним храмом служила церковь при монастырской трапезной. Уже в середине столетия это повлекло изменения всей храмовой типологии, которая стала развиваться в сторону увеличения пространства «трапезной» и сокращения размеров главного храма. Характерно, что в результате этих изменений приходской храм приблизился к структуре монастырских трапезных комплексов, в которых помещение собственного храма было незначительным и явно не предназначалось для вмещения всей братии.

Итак, между 1629 и 1657 гг. мы фиксируем исчезновение традиции строительства деревянных теплых храмов рядом с каменными холодными. Теплый храм входит в единый храмовый комплекс. Как и холодный храм, он принадлежит тому же приходу и тому же причту.

Москва в XVII веке

Масштаб 1 : 25 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова
по А.В. Чапанову, план 1920 г.

- Застроенные территории
- Монастыри
- Церкви, соборы
- Прочие постройки
- Сады

- Лобное место
- Рвы (преимущественно без воды)
- Мосты
- Дороги
- большие
- прочие

- Городские стены
- каменные
- деревянные

Примечание:
К карте прилагается
«Перечень объектов,
обозначенных на карте
цифрами (текст
А.В. Чапанова)»

На плане римскими цифрами указаны монастыри и другие постройки, кроме церквей. Римская нумерация для каждой части города идет отдельно, начиная с 1 номера. Арабскими цифрами отмечены церкви, транскрипция названий и нумерация которых установлены в порядке, принятом в Стрельной книге 1667 г., изданной И.Е. Забелиным в «Материалах для истории и археологии города Москвы» (М. 1891). Церкви, не показанные в Стрельной книге, но уже существовавшие в 50-х гг. XVII в., отмечены номером соседней церкви с добавлением буквы «а» или «в». Названия церквей в скобках прибавлены по другим источникам XVII в. в случае, если обозначения Стрельной книги мало характерны для урочища. Постройки и церкви Кремля на план не нанесены.

Китай-город:

I- Государев отдаточный двор. II. Торговые ряды. III. Лобное место. IV. Таможная изба. V. Живорыбный ряд. VI. Земский приказ. VII. Заиконоспасский м-рь. VIII. Никольский м-рь. IX. Печатный двор. X. Богоявленский м-рь. XI. Подворье Троицкого м-ря. XII. Подворье Иосифо-Волоколамского м-ря. XIII. Гостиный двор старый и новый. XIV. Посольский двор. XV. Знаменский м-рь. XVI. Тюрмы.

Приходские церкви:

5. Соборная Покрова Пречистые Богородицы и Живоначальной Троицы, что на Рву. 6. Каменная соборная Пречистые Богородицы Казанские. 7-21. Пятнадцать Церквей, что на Рву: Параскевы-Пятницы, Василей Кесарийский Богоявления, Феодосии девицы, Евангелист Марк, Иоанна Предтечи, Риз положения, Преподобный отец Сергей, Никола Чудотворец, Рождество Христово, Воскресение Христово, Афанасия и Кирилла, Зачатие Богородицы, Рождество Богородицы и Всех Святых. 22. Каменная Введения Пречистые Богородицы Златоверхова, что в Введенской улице. 22а. Леонтия Ростовского на Ростовского Владыки подвории. 23. Св. Великомуч. Параскевы, нареченные Пятницы, что в Введенской улице. 23а. Св. Иоанна Предтечи, что на пяти улицах. 24. Каменная Великомученика Дмитрия Селунского, что у Ильинского крестца у мосту. 25. Каменная Свят. Николы Чудотворца, что словет у Красных колокол, в Посольской улице у мосту. 26. Каменная Ипатия Чудотворца, что в Ипатцкой улице. 27. Каменная Христова Мучен. Никиты, что гостя у Григорьева двора Микитникова. 28. Каменная Св. Пророка Ильи, что за ветошным рядом. 29. Каменная Св. Чудотворцев Кузьмы и Домьяна, что позади двора Алексея Семенова, сына Шеина, да церковь каменная Ивана Златоустаго, строенье Михаила Ерофеева. 30. Каменная Воскресение Христово, что словет в Панех у Ильинского крестца. 31. Каменная Николы Чудотворца, что у Большого Креста у Ильинских ворот. 32. Каменная Иоанна Богослова у городовые стены (под Вязом). 33. Каменная Св. Жен Мироносиц, что на Никольском крестце у Печатного двора. 34. Каменная Живоначальные Троицы, что на Старых полях у стены. 35. Каменная Св. Великомуч. Варвары, что на Варварском крестце. 36. Каменная Св. Великомуч. Георгия, что подле Варварского крестца к тюрмам. 37. Каменная Максима Исповедника, что на Варварском крестце. 38. Воскресение Христово, что на Варварском крестце, на левой стороне, на большой мостовой улице, Булгаковых строение. 39. Климонта Папы Римского, что у Варварских ворот. 40. Каменная Велико Чудотворца Николы, что словет Мокрово в Зачатской улице. 41. Каменная Зачатие Преч. Богородицы, что у городовые стены в углу. 42. Николы Чудотворца, что в углу у городовые стены позади Зачатия. 43. Спаса Смоленского каменная, что у Москворецких ворот. 44. Николы Чудотворца, что подле Спаса Смоленского у Москворецких ворот. 45. Св. Жен Мироносиц, что под горою за Варвароу Христовой мученицею.

Белый город:

I. Алексеевский м-рь. II. Государев колымажный двор. III. Кресто-Воздвиженский м-рь. IV. Аптекарский сад. V. Никитский м-рь. VI. Моисеевский м-рь и богадельня при нем. VIa. Воскресенский м-рь (позднее Савинское подворье). VII. Георгиевский м-рь. VIII. Житный ряд. IX. Высоко-Петровский м-рь. X. Рождественский м-рь. XI. Пушечно-литейный двор. XII. Варсонофьевский м-рь. XIII. Стретинский м-рь. XIV. Злотоустинский м-рь. XV. Подворье Рязанского Владыки. XVI. Палаты думного дьяка, ныне сохранившиеся в Колпашном переулке. XVII. Конный рынок. XVIII. Соляной двор. XIX. Ивановский м-рь. XX. Бражники — тюрма для пьяниц.

Приходские церкви:

46. Каменная Николы Чудотворца Явленского, что в Пречистенской улице (Похвалы Пр. Богородицы). 47. Каменная Всех Святых, что в Валу. 48. Каменная Пречистые Богородицы Ржевские. 49. Каменная Св. Мучен. Параскевы, нареченные Пятницы, что словет Ржевская. 50. Каменная Луки Евангелиста. 51. Каменная Николы Чудотворца, что словет на Тургине. 52. Каменная Иоанна Предтечи, что по правую сторону Знаменской улицы. 53. Каменная Антипия Чудотворца. 54. Каменная Иоанна Предтечи у Больших Конюшен на Левином Торжку. 55. Каменная Знамение Пречистые Богородицы, что на Знаменке. 56. Каменная Благовещение Пречист. Богородицы и другая — Живоначальные Троицы, что словет на старом Ваганкове. 57. Каменная Николы Чудотворца, что у Знаменской решетки. 58. Каменная Николы Чудотворца, что на старом Ваганкове. 58а. Михаила Молеина. 58в. Мучен. Ирины, что на старом дворе Кирилы Нарышкина. 59. Каменная Николы Чудотворца, что у Каменного мосту. 60. Каменная Савы Стратилата, что на Знаменской улице. 61. Каменная Тихона Чудотворца, что у Арбацких ворот. 62. Каменная Бориса и Глеба. 63. Каменная Пречистые Богородицы Риз положение. 64. Каменная Иоанна Милостивого. 65. Каменная Козьмы и Домьяна, что в Ржицах. 66. Каменная Дмитрия Селунского, что на Арбате позад дворов боярина и оружейничего Григория Гавриловича да Бориса Григорьева сына Пушкиных. 67. Каменная Знамение Преч. Богородицы да Сергия Чудотворца, строение боярина Никиты Ивановича Романова на боярской земле. 68. Ивана Предтечи, что у Никитских ворот. 69. Великомучен. Дмитрия Селунского, что у Тверских ворот (на государевом загородном дворе) каменная. 70. Николы Чудотворца в Гнездицах. 71. Николы Чудотворца, что на Хлынове каменная. 72. Вознесение Христово, что на Никитской улице каменная. 73. Воскресение Христово, что на Успенском Вражке каменная. 74. Елисея Пророка, что на Успенском Вражке каменная. 75. Каменная Успение Пречист. Богородицы, что на Успенском Вражке. 76. Василия Кесарийского, что на Тверской улице каменная. 77. Каменная Леонтия Ростовского чудотворца. 78. Каменная Ильи Пророка, что на Тверской улице. 79. Каменная Георгия Стратотерпца. 80. Ка-

менная Прасковей Белоградские, что позад Житново ряду. 81. Каменная Боголепново Преображения Госп. Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что на Тверской улице. 82. Каменная Козьмы и Домьяна, что на Шубине. 83. Каменная Воскресение Христово, что на Дмитровке. 84. Каменная Алексея Чудотворца, что на Глинцах. 85. Каменная Сергия Чудотворца, что на Дмитровке, а в пределе Ник. Чуд. 86. Каменная Григория Богослова, что на Дмитровке. 87. Каменная Преч. Богородицы, что в Столешниках. 88. Каменная Воскресения Христова, что слывет в Старых Богодельнях. 89. Каменная Спаса, что у нового мосту в Копье. 90. Каменная Настасий Узорешительн. 91. Каменная Деонисея Реопагита, что на Никитской улице (рядом с № 77). 92. Деревянная Сергия Чудотворца, что у Трубы. 93. Каменная Николы Чудотворца Божедомского, что на Рождественке. 94. Каменная Святых Отец Акима и Анны, что у Пушечного двора. 95. Деревянная Софеи Премудрости Божия Слова. 96. Каменная Введение Пречист. Богородицы, что на Стретенской улице. 97. Каменная Иоанна Предтечи, что в Новой улице. 98. Деревянная Феодосия Общему Житию начальника, другая каменная вновь не свершена, что за Никольскими воротами на Лубянке. 99. Каменная Иоанна Предтечи, что Суздальского архиепископа у подвор. 100. Каменная Пречист. Богородицы Гребенские. 101. Каменная Георгия Стратотерпца, что в Лучниках. 102. Каменная Св. Еулла Архидиакона, другая церковь каменная теплая Ильи Пророка. 103. Деревянная Флора и Лавра, что на Фроловке. 104. Каменная Гавриила Архангела, что на Поганом пруде. 105. Каменная Николы Чудотворца Столпа. 106. Преч. Богородицы, что на Покрове на мостовой улице в Котельниках. 107. Каменная Живонач. Троицы, что у Покровских ворот (на грязях). 108. Каменная Николы Чудотворца, что на Покровке у решетки. 109. Каменная Покрова Преч. Богородицы, что на Покровке у решетки. 110. Деревянная св. Петра и Вериг. 111. Каменная Козьмы и Домьяна, что на Покровке на большой улице. 112. Каменная Спаса, что на Глиннице. 113. Каменная св. Кира Иоанна, что на Кулишках на мостовой улице. 114. Да подле церкви Кира Иоанна церковь каменная ж Пятницы, что на Кулишках. 115. Каменная Живоначальные Троицы, что на Хохловке. 116. Деревянная Трех Святителей, что на Кулишках. 117. Каменная Св. Благоверного и Великого князя Владимира, что в Садах. 118. Деревянная Николы Чудотворца, что в Мыльниках. 119. Каменная Рождества Пречистые Богородицы, что на Кулишках. 120. Каменная Николы Чудотворца Подкопаева, что на Кулишках. 120а. Петра и Павла у старых конюшен у Яузских ворот на горе. 121. Каменная Всех Святых, что на Кулишках.

Земленной город (скородом):

I. Колымажный Запасной двор. II. Зачатьевский м-рь. III. Кречетной двор. IV. Федоровский м-рь. V. Козье болото. VI. Двор боярина Волкова, ныне сохранившийся. VII. Мельница пороховая, впоследствии бумажная. VIII. Бани.

Приходские церкви:

122. Ильи Пророка Обыденного. 123. Воскресение Христово Старое. 124. Воскресение Христово Новое. 125. Деревянная Николы Чудотворца, что в Киевце у Москвы реки на берегу. 126. Деревянная Успение Преч. Богородицы, что в Семьенском сельце. 127. Каменная Николы Чудотворца, что в Хамовниках (на плане нет). 128. Каменная Живоначальные Троицы, что в Стрелецкой Слободе в Иванове приказе Зубова. 129. Деревянная Св. Великомуч. Параскевы нареченные Пятницы Божедомские. 130. Каменная Ивана Предтечи, что в Коношенной Слободе. 131. Каменная Пречист. Богородицы, что на Могилицах. 132. Каменная Св. Священномученика Власия. 133. Деревянная Николы Чудотворца, что в Плотниках. 134. Семиона Столпника, что на Арбате (на Дектеревом огороде). 135. Деревянная Офонасия и Кирилла Александрийских Чудотворцев, что на Сивцеве Вражке. 136. Деревянная Св. Апостола Филиппа. 137. Каменная Преев. Богородицы Ржевские, что на Поварской улице. 138. Деревянная Бориса и Глеба, что на Поварской улице. 139. Каменная Живоначальные Троицы, что в Стрелецкой слободе в Левонтьеве приказе Азарьева. 140. Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что в Стрелецкой слободе в Тимофееве приказе Полтева. 141. Деревянная Рождества Христова, что в Стрелецкой слободе в Иванове в приказе Ендагурова. 142. Каменная Трех святителей Петра, Алексея и Ионы Московских Чудотворцев, что в Стрелецкой Слободе в Степанове приказе Козозинского. 143. Каменная Велик. Чудотворца Николы Явленского, что за Арбатскими воротами. 144. Деревянная Сошествия Святого Духа, что за Богородицкими вороты подле городовые стены, на рву (на плане нет). 145. Деревянная Благовещение Пречистые Богородицы да предел Николы Чудотворца, что в Трубниках. 146. Деревянная Софеи Премудрости Слова Божия, что подле Земленного города (на плане нет). 147. Каменная Иоанна Предтечи позади Государева Кречетного двора подле Земленного города. 148. Деревянная Вознесение Госп. Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, что за Никицкими воротами в Бронной (слободе). 149. Деревянная Стратотерпца Христова, Георгия, что за Никицкими воротами, на Восполье. 150. Деревянная Воскресение Христово, что в Бронной (Словущее). 151. Каменная Иоанна Богослова, что за Никицкими воротами в Бронной (слободе). 152. Деревянная Рождества Христова, что в Старых Палачах. 153. Каменная Спиридона Чудотворца, что на Козьем Болоте. 154. Деревянная Священномучен. Ермолая (что на Козьем Болоте). 155. Деревянная Благовещение Преев. Богородицы, что за Тверскими вороты, в Стрелецкой слободе. 156. Деревянная Великомуч. Пимена, что в Воротниках. 157. Деревянная Климонта Папы Римского, что за Петровскими вороты в Стрелецкой слободе. 158. Деревянная Успения Пресвятей Богородицы, что на Дмитровке за городом (на старом на Посольском дворе, в Путинках). 159. Каменная Рождество Преев. Богородицы, что за Тверскими вороты на Дмитровке (на старом на По-

сольском дворе, в Путинках). 160. Деревянная Николы Чудотворца, а другая каменная не довершена, что в Стрелецкой слободе в Семенове приказе Писарева. 161. Деревянная Сергия Чудотворца, что в Пушкинской слободе. 161а. Успения Преев. Богородицы, что в Печатниках. 162. Деревянная Преображения Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, что в Пушкарях на Большой Стретенской за городом. 163. Деревянная Живоначальные Троицы, что в Стрелецкой слободе в Васильеве приказе Пушечникова. 164. Деревянная Николы Чудотворца, что в Грачах, в Стрелецкой слободе в Васильеве приказе Пушечникова. 165. Каменная Св. Понкратья, что в Понкратьевской слободе. 166. Деревянная Николы Чудотворца Дербинского, бывало в Стрелецкой слободе, что на Олховцове. 167. Каменная Николы Чудотворца, что в Мясниках в Огородной слободе. 168. Деревянная Трех Святителей, что в Огородниках. 169. Каменная Харитона Исповедника. 170. Каменная Воскресение Христово, что в Барашах. 171. Каменная Введение Пресвятыя Богородицы, что в Барашах. 172. Каменная Иванны Предтечи, другая церковь деревянная Преч. Богородицы Казанские, что в Казенной слободе, на мостовой улице. 173. Деревянная Св. Апостола Иакова. 174. Каменная Св. Пророка Ильи, что на Воронцовом поле. 175. Деревянная Покрова Пречистые Богородицы, что на Воронцовом поле в Стрелецкой слободе. 176. Деревянная Николы Чудотворца, что в Стрелецкой слободе в Абрамове приказе Лопухина. 177. Деревянная Николы Чудотворца, что в Кошельниках. 178. Каменная Живоначальные Троицы, что за Яузскими воротами в Денежных мастерских (Серебряниках).

За Яузою рекою в земном городе

Приходские церкви:

179. Каменная Семииона Столпника. 180. Деревянная Покрова Преев. Богородицы, что словет на Лыщикове. 181. Каменная Никиты Христова Мученика. 182. Деревянная Архидиакона Стефана. 183. Каменная Живоначальные Троицы, что словет в Котельниках. 184. Каменная Козмы и Домьяна, что в Старых Кузнецях. 185. Деревянная Козмы и Домьяна, что в Таганской слободе. 186. Каменная Воскресения Христова, что в Гончарах. 187. Каменная Всемилоствигаго Спаса, что словет в Чигасех. 188. Каменная Успение Преч. Богородицы, что в Гончарах. 189. Деревянная Николы Чудотворца, что в Кузнецях у Таганных ворот.

За Москвой рекой:

I. Крымский двор. II. Царицын сад. III. Бани. IV. Житные амбары. V. Дом дьяка А. Кирилова, ныне существующий.

Приходские церкви:

190. Деревянная Георгия Страстотерпца, что на Всполье. 191. Деревянная Покрова Преев. Богородицы. 192. Каменная Климонта Папы Римского. 193. Деревянная св. Великого Князя Михаила Черниговского и Болярина ево Феодра. 194. Деревянная Ивана Предтечи, что под Бором. 195. Каменная Егория Страстотерпца, что в Ендове. 196. Каменная Екатерины Христовой мученицы, что в Екатерининской слободе. 197. Каменная Архистратига Михаила, что в Конюшенной Овчинной слободе. 198. Каменная Великомучен. Парасковей нареченные Пятницы, что словет Проща. 199. Деревянная Никиты Христова мученика, что в Толмачах. 200. Деревянная

вянная Николы Чудотворца, что в Кузнецкой слободе. 201. Деревянная Преображения Госп. Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. 202. Каменная Живоначальная Троицы, что в Больших Лужниках. 203. Деревянная Всемилоствигаго Спаса Преображения, в пределе Варлам Преподобн. 204. Деревянная Николы Чудотворца, в Толмачах. 205. Деревянная Григория Богослова. 206. Деревянная Рождества Пречист. Богородицы, что в Голутвиной слободе. 207. Деревянная Св. Мученика Ивана Войственника. 208. Каменная Козмы и Домьяна, что в Кадашеве. 209. Деревянная Святых Праведных Богоотец Иоакима и Анны. 210. Каменная Воскресения Христова, что в Кадашеве. 211. Каменная Живоначальная Троицы, что в Садовниках, за Берсеневою. 212. Каменная Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да в пределе Николы Чудотворца, что словет Зяцкий. 213. Деревянная Козмы и Домья-

Суздаль. «Парные» церкви Лазаря иЛнтиния. 1677, 1745гг. Собр. фото

на, что в Садовниках. 214. Деревянная Николы Чудотворца, что словет на Пупышеве. 215. Каменная Петра и Павла, что в Стрелецкой слободе в Иваново приказе Полтева. 216. Деревянная Благовещения Пр. Богородицы, что в Спаской слободе (на плане нет). 217. Деревянная Преображ. Госп. Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, что на Сполье. 218. Деревянная Живоначальные Троицы, что у Серпуховских ворот, что в Стрелецкой слободе в Иваново приказе Монастыреве. 219. Деревянная Благовещения Пречист. Богородицы, что в Стрелецкой слободе в Васильеве приказе Философова (на плане нет). 220. Деревянная Пречист. Бо-

городицы Успения, что в Казачьей слободе. 221. Деревянная Живоначальные Троицы, что в Кожевниках (Благовещения в Кожевниках) Николы Чудотворца в Стрелецкой слободе в Богданове приказе Пыжова. 222. Деревянная Благовещения Пречист. Богородицы.

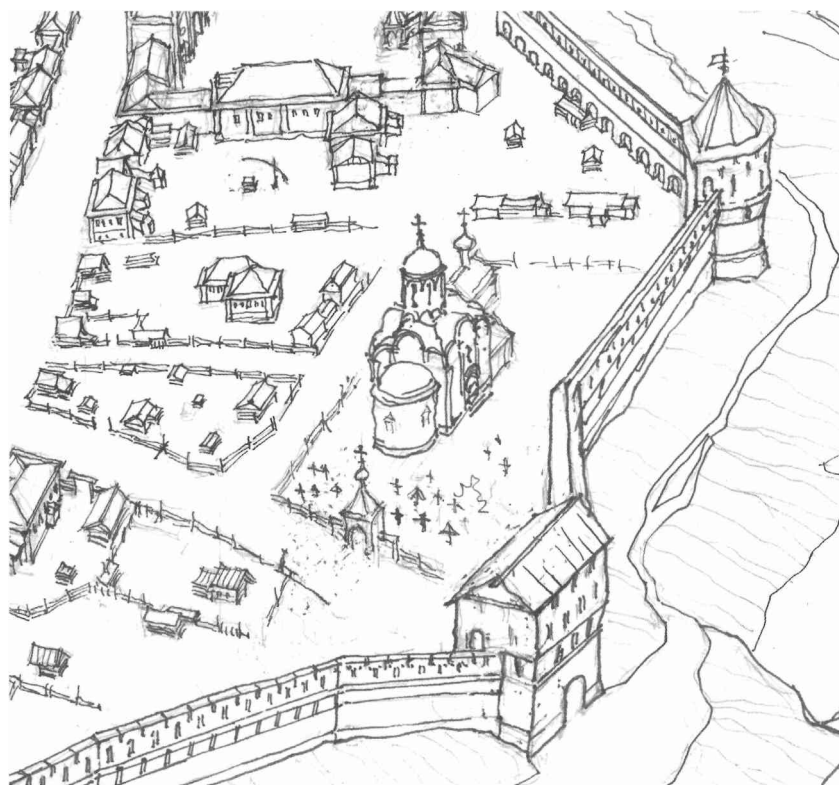
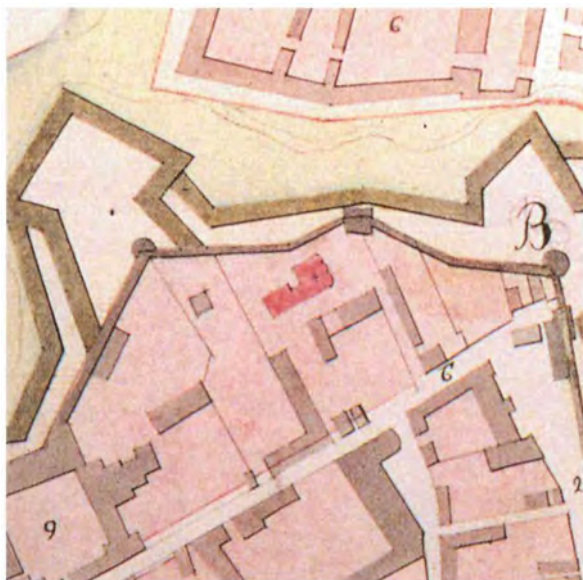

Один УЧАСТОК — РАЗНЫЕ КТИТОРЫ

Теперь рассмотрим случаи, когда на одном участке (а иногда и в одном храмовом комплексе) стояли церкви, принадлежавшие разным владельцам. Показателен в этом отношении пример церкви Троицы в Полях, находившейся в плотно населенной части города XVII в. Стрельная книга 1657 г. так описывает земельный участок храма: «Ц. каменная Живоначалныя Троицы, что на Старых Полях, у стены, в Китае городе, да у той же церкви три престола приделаны вновь каменные во имя Пречистые Богородицы Одигитрея, Николы Чудотворца, Бориса и Глеба строенье боярина Михаила Михайловича Салтыкова. ... Да на той же Троицкой земле на кладбище поставлена церковь деревянная о имя Преп. Чудотворца Сергия, строенье столника князь Ивана Алексеевича Воротынского»⁷. Выражение «строенье таких-то» обозначает не просто строительство церкви по их вкладу, но и ее принадлежность им как домового храма, не только пост-

она упоминается как придел церкви Троицы в Полях. На плане 1815 г. храм преп. Сергия изображен в виде стоящего отдельно прямоугольного объема, примыкающего своим юго-западным углом к северо-восточному углу четверика церкви Троицы⁹.

Церковь Троицы, в Полях и домовая церковь Сергия Чудотворца, фрагмент плана Москвы 1775 г. РГИА

Церковь Троицы в Полях и домовая церковь Сергия Чудотворца в конце XVII в. Фрагмент реконструкции худ. Ё.А. Рябова

роенного, но и содержащегося на их ругу. Итак, мы видим на территории одного приходского храма домовые церкви разных владельцев — Салтыкова и князя Воротынского. При этом приделы, построенные Салтыковым, примыкали непосредственно к церкви, а храм Воротынского стоял отдельно, видимо, с севера от церкви Троицы в Полях. Двор князя Ивана Алексеевича Воротынского, двоюродного брата царя Алексея Михайловича, находился рядом с землей церкви Троицы в Полях. Здесь был похоронен его сын, князь Михаил Алексеевич, а также слуги и родичи Воротынских. После смерти И.А. Воротынского, последнего потомка удельных князей, его двор и домовая церковь перешли к родственникам по матери — Стрешневым. Впоследствии вместо деревянной церкви Преподобного Сергия была построена каменная церковь Сергия Радонежского, вероятно, на средства боярина Тихона Никитьевича Стрешнева⁸. В XVIII—XIX вв.

Описанный здесь случай далеко не единичный и особенно характерен для плотно населенного Китай-города. С середины XVI в. здесь известна церковь Козьмы и Дамиана¹⁰. Деревянный храм уцелел во время пожара 1547 г.¹¹, а затем сгорел при пожаре 1564-го.¹² В конце столетия он находился рядом с двором Степана Васильевича Годунова.¹³ В середине XVII столетия каменная церковь Козьмы и Дамиана находилась по соседству с двором Алексея Семеновича Шеина. Кроме престола Козьмы и Дамиана в ней, вероятно, находился второй престол Успения Богородицы. В документах XVII столетия церковь Успения Богородицы локализуется идентично церкви Козьмы и Дамиана: «что позади Степановского двора Годунова», а затем «позади Шеина двора». Иногда в Ладанных книгах ладан выдается «к церкви к Успению Пречистой Богородицы что в Китае городе позади Степановского двора Годунова в пределах у Козьмы и Домьяна»¹⁴. Кроме престолов Успения

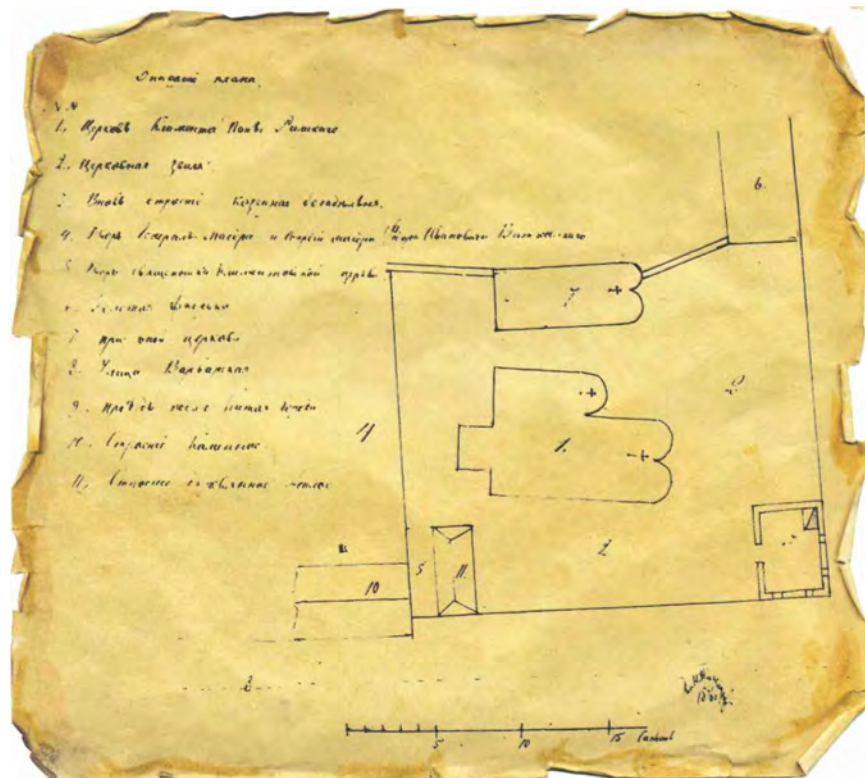
Церковь св. Климента Папы Римского
у Варварских ворот Китай-города.
Фото конца XIX — первой половины XX в.

Богородицы и Козьмы и Дамиана в тот же конгломерат входит и придел Святителя Николая Чудотворца, на который ладан выдается еще в 7126 г.: «х Козме и Домьяну что позад Степанова двора Васильевича Годунова... да к Николаю Чудотворцу что у Козмы и Домьяна в пределе»¹⁵.

В середине столетия на том же участке находилась каменная церковь Иоанна Златоустаго «строенье Михаила Ярофеева»¹⁶. В Строельной книге 7165 г. она описана так: «Ц. каменная Св. Чудотворцев Кузьмы и Домьяна, что позади двора Алексея Семенова сына Шеина, да церковь каменная Ивана Златоустаго строенье Михаила Ярофеева»¹⁷. Церковь действительно построена по обету Михаила Ерофеева около 7149 г. Этим годом датирована опубликованная И.Е. Забелиным и В. и Г. Холмогоровыми благословенная грамота: «в нынешнем сто четыредесят девятом году обещался он Михайла подле ружной церкви Успения Пр. Богородицы и Козмы и Домиана, что в Панех, воздвигнути каменной новой храм во имя иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго...»¹⁸. Михаил Ерофеев был переведен из посадских людей в гостиную сотню уже ко времени строительства своего обетного храма. Между 1641 и 1650 гг. он был пожалован чином «гостя»¹⁹. Может быть, строительство храма связано с его переводом из сотни в привилегированную корпорацию. Из текста благословенной грамоты видно, что это был отдельный каменный храм. Он не был ружным и содержался потомками Михаила Ерофеева. Во время составления переписи московских церквей в 1722 г. храм был, со слов священнослужителей церкви Козьмы и Дамиана в Панех, указан придельным. В 1733 г. потомок М. Ерофеева, Д.Д. Акишев, составил прошение об определении в свой родовой храм священника, а также о содержании храма за свой счет²⁰.

Однако ранее упоминания церкви Иоанна Златоуста при церкви Козьмы и Дамиана находился придел Похвалы Божией Матери. Придел зафиксирован в писцовых

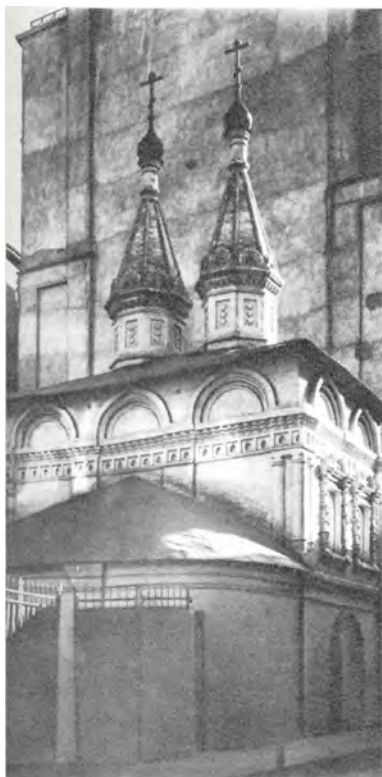

План владения церкви Климента Папы Римского на Варварке. 1788 г. ЦИАМ

книгах Андрея Наумова да подьячего Ивана Ломакина 7139–7140 гг., текст которых известен по выписке 1739 г. из Синодального приказа²¹. Согласно этому тексту, придел был построен Булгаком Миловановым. Булгак (Лазарь) Евтифеевич Милованов упомянут в гостинной сотне в 1613–1615 гг., а с 1615 г. он становится дьяком²². Милованов состоял в приходе придела Похвалы Богоматери и, видимо, содержал его причт. Согласно тексту прошения священника церкви Козьмы и Дамиана 1739 г. после Милованова придел содержался боярином Алексеем Петровичем Салтыковым, а после него Голицыными²³. В первой трети XVIII в. он известен как придел во имя Казанской иконы Божией Матери²⁴.

Таким образом, как и в церкви Троицы в Полях, здесь кроме приходской церкви мы видим дополнительные два храма, выстроенные гостями, содержащими их на свою ругу. Следует оговорить, что мы не знаем происхождения других приделов, например, Успения Богородицы в Панех, а также придела Святителя Николая, которые первоначально также могли быть основаны как частновладельческие.

В том же Китай-городе, недалеко от Варварских ворот, находится храм Климента Папы Римского. В середине XVII в. рядом с ним находился двор известного московского гостя Василия Шорина с каменными палатами. В 1711 г. рядом с этим храмом знаменитые гости Филатьевы строят свою домовую церковь во имя Димитрия Солунского. Существование на одном земельном участке частновладельческого ружного храма, выполнявшего роль домового для семьи донаторов, и приходской церкви приводило, при незначительности участка, к радикальным изменениям композиции храмового здания. Необходимость сосуществования в одном архитектурном организме двух обособленных храмов с разными принтами породило многочисленные варианты его композиции. Один из них — двухэтажный

Церковь Козьмы и Дамиана в Панех в Китай-городе. Фото после реставрации 1920-х гг.

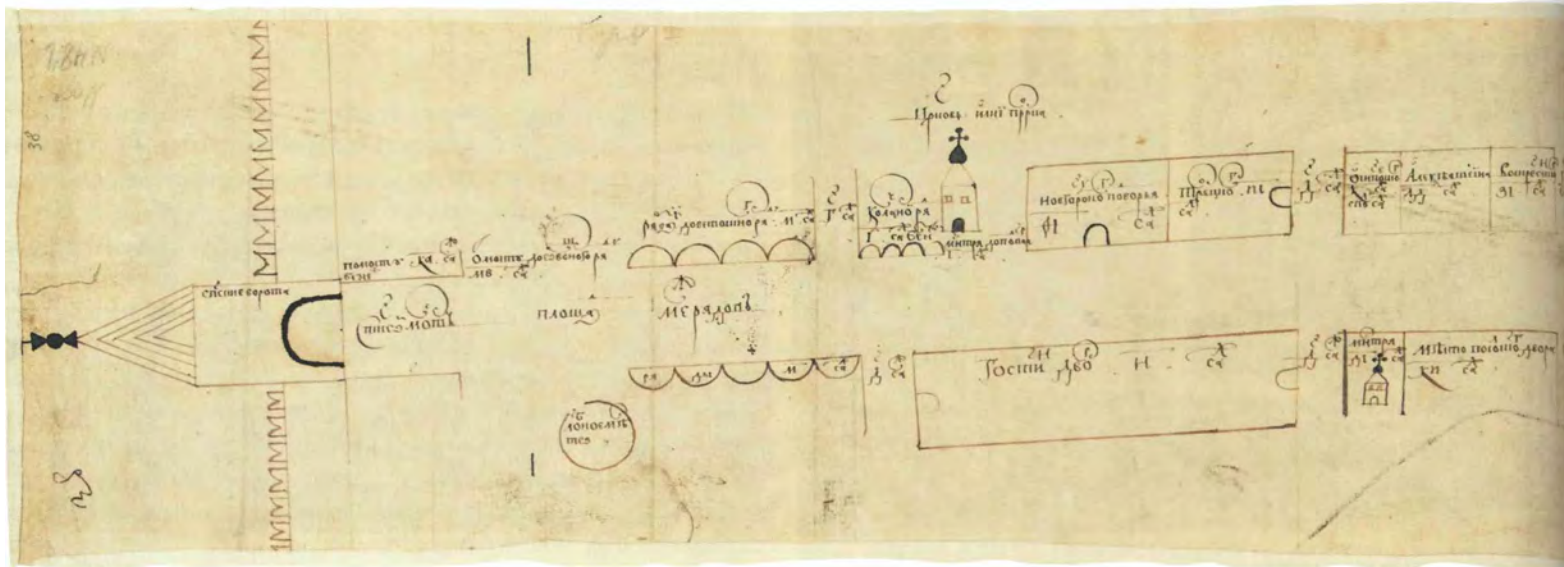

У Варварских ворот Китай-города в середине XVIII в. В центре — приходской храм Климента Папы Римского на Варварке и домовая церковь И^М-итрия Солунского, слева в глубине — церковь Троицы в Никитниках. Худ. В.А. Рябов

городской храм, связанный иногда переходом с двором донатора.

С желанием донатора иметь свой ружный домовый храм на соседней с его двором приходским церковным участком связана и перестройка во второй половине XVII в. церкви Козьмы и Дамиана на Покровке. Первое письменное свидетельство существования храма святых бессребреников Козьмы и Дамиана на Маросейке содержится в летописи под 1547 г. Описывая пожар в Москве и, в частности, на улицах Большого посада (т.е. будущего Белого города) летописец дважды упоминает среди церквей Ивановской горки и ок-

рестностей храм Козьмы и Дамиана. Первый раз — перечисляя охваченные пожаром храмы побережья Москвы-реки: «а великою улицею възле Москвы-реки по Язу, и възле Язу, Мыльники, и Никола Кошелев, и Андрей Святым, и Въздвигение честнаго Креста у реки у Москвы, и *Козьма и Дамиан* [курсив наш. — А.Б.], и Кулишка вся...»²⁵. Здесь имеется в виду не церковь на Покровке, а известный с XV в. храм Козьмы и Дамиана на Востром конце, находившийся у берега Москвы-реки. О церкви Козьмы и Дамиана на Покровке говорится далее как о сгоревшей, наряду с другими строениями, находившимися за линией дворов от церкви Преображения на Глинищах до церкви Всех Святых на Кулишках: «а позад тех дворов погореша все дворы, и Петр Святый Вериги, и Симион Святый, и *Козьма и Дамиан*. [курсив наш. — А.Б.]»²⁶. Таким образом, храм на Покровке во имя святых бессребреников существовал уже в первой половине XVI в. и сгорел во время июньского пожара 1547 г. Ка-

кие-либо подробности о дальнейшей судьбе этого храма в XVI в. выяснить пока не удастся. Можно лишь предполагать, что, скорее всего, он был деревянным и после пожара восстановлен. Известие о выдаче ладана «к Козьме и Домьяну что на Покровке» относятся уже к 1617 г. Запись в Ладанных книгах позволяет установить, что уже тогда, в 1610-х гг., в церкви Козьмы и Дамиана существовал, приделный престол Николая Чудотворца. Начиная с первого упоминания храма в Ладанных книгах, т.е. с 1617 г., о выдаче ладана в придел святителя Николая говорится так: «к церкви к Николе Чудотворцу что у Козмы и Домьяна... в пределе на Покровке»²⁷ или: в храм «Козьмы и Демьяна да в придел Николы чудотворца что на Покровке»²⁸. Подобные записи присутствуют во всех Ладанных книгах 1618—1653 гг. Ко времени составления Строельной книги 1657 г. храм был уже каменным²⁹. П.В. Хавский полагал, что он был таким до составления Писцовых книг 7147 (1638/1639) г., ссылка на которые существует в тексте Строельной книги 1657 г. Об облике того храма нам практически ничего не известно. В Географическом словаре Щекатова и Максимовича были помещены сведения о храмовой надписи на стене церкви, уже не существовавшей ко времени издания словаря. Согласно этой надписи в 7159 (1650/1651) г. «приделана была к оной (т.е. церкви. — А.Б.) паперть и колокольня»³⁰. Это известие позволяет предположить, что храм стоял на подклете и что ранее 1651 г. у него существовали деревянные паперти или крыльца. Однако доверять точности передачи надписи на стене храма, разобранного к моменту написания текста в словаре Щекатова, достаточно трудно. Тем более что радикальная перестройка храма произошла уже после 1651 г.

Документы 1720-х гг. описывают храм как двухэтажный, трехпрестольный. Главный престол нижней церкви был посвящен Николаю Чудотворцу, а престол Козьмы и Дамиана стал его приделным³¹. Верхняя церковь была освящена во имя Казанской иконы Божией Матери³². О времени этой перестройки можно строить предположения на основе документов, опубликованных А. Никольским. Из них мы узнаем, что верхняя церковь была устроена на средства княгини Евдокии Андреевны Куракиной, супруги князя Федора Федоровича Куракина.

В русской истории Ф.Ф. Куракин известен прежде всего как воевода, участвовавший в подавлении восстания гетма-

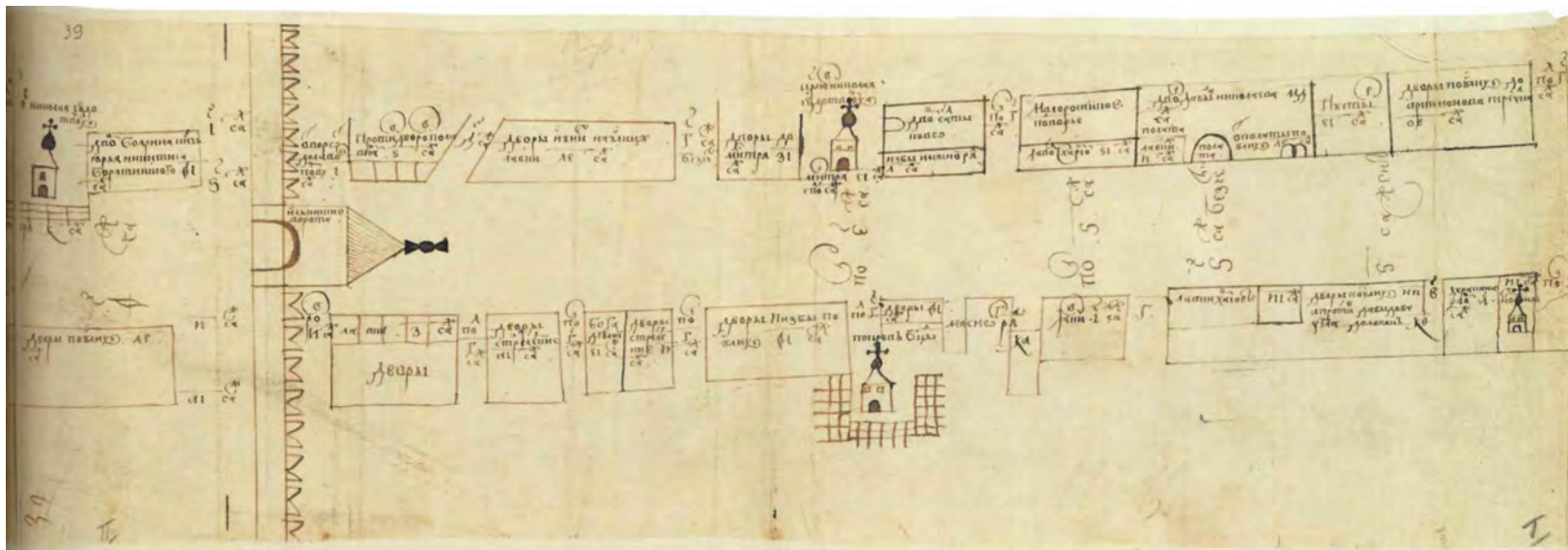
на Ивана Выговского. В 1662 г. он способствовал усмирению Медного бунта, а в 1674 г. при «объявлении» царевича Феодора, был назначен к нему дядькой. Умер кн. Ф.Ф. Куракин после 1683 г. А. Никольский обоснованно предполагал, что Е.А. Куракина устроила ружную церковь в период своего вдовства для поминовения родных³³, т.е. в конце XVII в. Неизвестно, было ли здание, существовавшее в 1657 г., в этот период перестроено полностью или возведено на нижних частях старого. Несомненно одно: облик сооружения коренным образом поменялся. Вероятно, в результате перестройки сложился объем, подобный дошедшим до нас двухэтажным приходским храмам — прежде всего ближайшей к Покровке церкви Трех Святителей на Кулишках, а также церкви великомученика Георгия в Старых Лучниках. Двухэтажным был храм Николы Чудотворца в Столпах, известный по обмерам и фотографиям. В церкви Трех Святителей нижний храм был с двумя апсидами, в которых размещались алтари приделов Флора и Лавра и Трех Святителей, а в храме в Лучниках — с одной. В церкви Николы в Столпах оба четверика были с тремя апсидами. Кроме того, алтари верхнего и нижнего храма были фланкированы симметричными приделами.

Судя по планам владений, составленным до 1791 г., нижняя церковь в храме Козьмы и Дамиана была с тремя апсидами³⁴. Видимо, в центральной апсиде находился алтарь церкви Николая Чудотворца, а в северной — ее придела Козьмы и Дамиана. Как и у многих двухэтажных храмов, алтарная часть верхней церкви Казанской иконы Божией Матери могла быть сдвинута к западу относительно апсид нижнего храма, и восточные стены ее апсид опирались на восточную стену нижнего четверика. Поперечные стены верхнего четверика опирались на западные стены нижнего храма и его трапезной³⁵.

Соответственно, такой храм должен был иметь паперти и лестницы с крыльцами. Судя по контурам храма на ситуационных планах второй половины XVIII в., вся постройка действительно была окружена папертями. На плане конца XVIII столетия с запада показана лестница, видимо, ведущая с уровня земли на паперть к верхней церкви³⁶.

Показанный на планах выступ на юго-западном углу храма указывает на место колокольни³⁷. Неизвестным остается, как выглядело завершение четверика храма: был ли он пятиглавым или одноглавым. Поэтому, скорее всего, храмовая надпись, содержащая сведения о сооружении паперти и колокольни, относится к перестройке храма в конце XVII столетия, и дата 1651 г. или неправильно про-

План улиц Ильинки и Покровки.
1669 г. РГАДА

Церковь Козьмы и Дамиана на Покровке с приделом Казанской Богоматери в конце XVII в. Вид в сторону Покровских ворот. Справа на переднем плане — хоромы князей Куракиных, в глубине застройки — церковь Троицы в Хохловке, слева — церкви Успения на Покровке и Троицы на Трязях. Худ. В.А. Рябов

Церковь Козьмы и Дамиана на Покровке с приделом Казанской Богоматери в конце XVII в. Вид в сторону Старосадского переулка. В глубине — церковь Владимира в Старых садах и Ивановский монастырь. Худ. В.А. Рябов

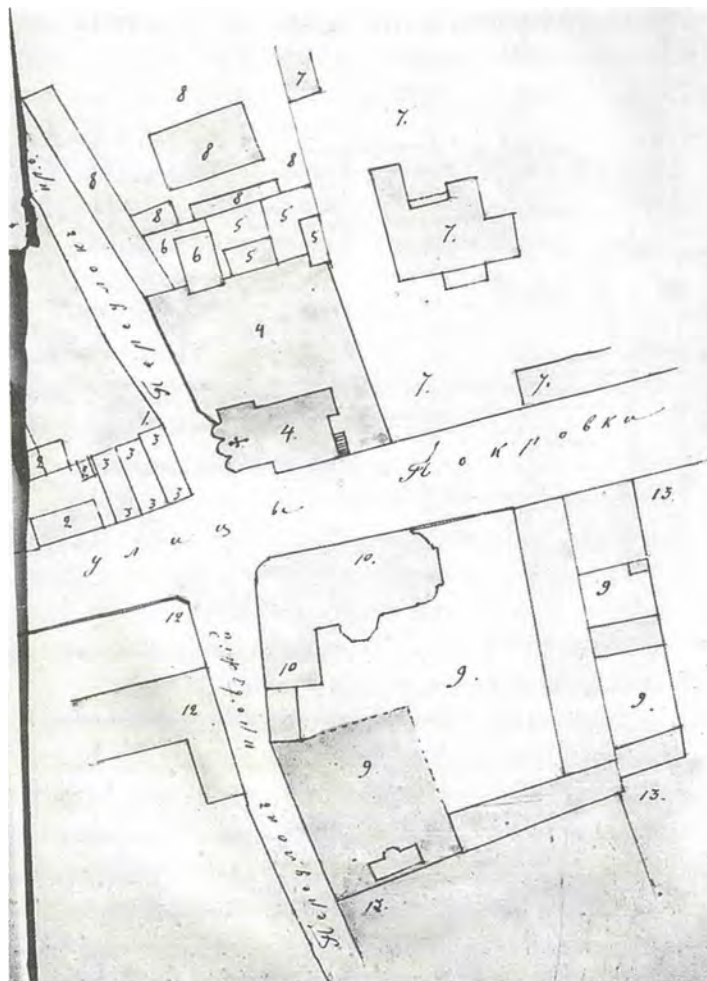

читана, или относится к другому событию из жизни храма. Во всяком случае, логичнее связывать ее именно с кардинальной перестройкой церкви, происходившей в 1680-е гг.

В истории перестройки церкви Козьмы и Дамиана в конце XVII в. наиболее интересным представляется осуществление строительства одного храма и по владельческому, и по приходскому заказу, а как следствие этого — сочетание в одном здании двух типов храмов, донаторского и приходского. Нижняя церковь Козьмы и Дамиана была приходской, получавшей государеву ругу. О наличии руги с 7133 (1624/25) г. известно по книгам Патриаршего Казенного приказа и «царского жалованья Московским церквам». Храм получал ругу до времени составления Ружной розметной книги 72!дП (1698/99) г.³⁸

Верхняя церковь Казанский иконы Божией Матери была также ружной, но «куракинской». С Куракиными храм Козьмы и Дамиана был связан достоверно с начала XVII в. Здесь, на Большой Покровской улице, согласно Переписным книгам 1620³⁹ и 1638 г., находился двор отца Феодора Федоровича Куракина, «Федора княж Семенова сына Куракина»⁴⁰. Его супругу, княгиню Евдокию Ивановну, отпел в церкви Козьмы и Дамиана в 1627 г. патриарх Филарет⁴¹. Двор Куракиных находился в непосредственном соседстве с храмом, занимая участок к западу от входа в него. Об этом можно судить по плану, «писанному» 16 августа 7178 (1669) г., улицы Покровки из дела Разрядного приказа о встрече Польских и «Свейских» послов⁴². Таким образом, для Куракиных храм был не только приходским, но по своему местоположению, по сути, выполнял роль их домово-церкви. Это и было соответствующим образом оформлено в конце столетия, когда они выделили в нем собственную «домовую» церковь, с особым причтом на своей руге. Такое сочетание в одном здании двух самостоятельных церквей и отразилось в композиционном построении нового храма.

Разделение церкви на ружную и приходскую сохранялось до 1770 г. Казанский верхний храм от Куракиных перешел по наследству к князьям Черкасским. Это произошло благодаря замужеству дочери Федора Федоровича и Евдокии Андреевны Куракиных, Анны Федоровны, которая стала женой князя Андрея Михайловича Черкасского. В XVIII столетии их семейство заняло место Куракиных в приходе церкви Козьмы и Дамиана. Никольский обнаружил любопытный документ 1748 г. о наследственном переходе Казанского храма на ружное содержание князей Черкасских: «Церковь каменную во имя Казанския Богородицы, которая построена на Покровской большой улице над приходскою церковию Козьмы и Дамиана и содержана по наследству от вдовы боярыни, княгини Авдотьи Андреевны Куракиной, отца нашего бабки...»⁴³. Таким образом, обязанности по содержанию храма перешли к внуку княгини Куракиной, князю Александру Андреевичу Черкасскому. К концу XVIII столетия Черкасские перестали содержать на своей руге верхнюю церковь и не могли более ее поддерживать. Это обстоятельство стало одной из причин, по которой храм был полностью перестроен в 1790-е гг. В этом строительстве принял участие и князь Александр Андреевич Черкасский, но уже как простой вкладчик в строительство общего приходского храма. Потомок владельцев верхней Казанской церкви, он дал на

План владения церкви Козьмы и Дамиана на Покровке и прилегающих дворов. 1782 г. ЦИАМ.

- 4 — церковь Козьмы и Дамиана, а при ней погост;
- 5 — двор дьякона Ивана Петрова;
- 6 — двор дьячка Максима Петрова;
- 7 — часть двора с деревянными строениями князя Александра Александровича Черкасского;
- 8 — часть двора с деревянным строением ротмистра Карова;
- 9 — двор и сад подполковника Михаила Родионовича Хлебникова;
- 10 — на оном дворе строение каменное;
- 11 — часть двора с каменным строением священника Тимофеева;
- 12 — часть двора госпожи Хитровой;
- 13 — дворы и сады разных обывателей

строительство нового храма «сверх верхней церкви Казанския богородицы... денег триста рублей». Как справедливо предполагал Никольский, представитель старейшего приходского семейства пожертвовал строительный материал от разобранный верхней церкви и ее утварь, т.е. иконы, священные сосуды, облачения и богослужебные книги.

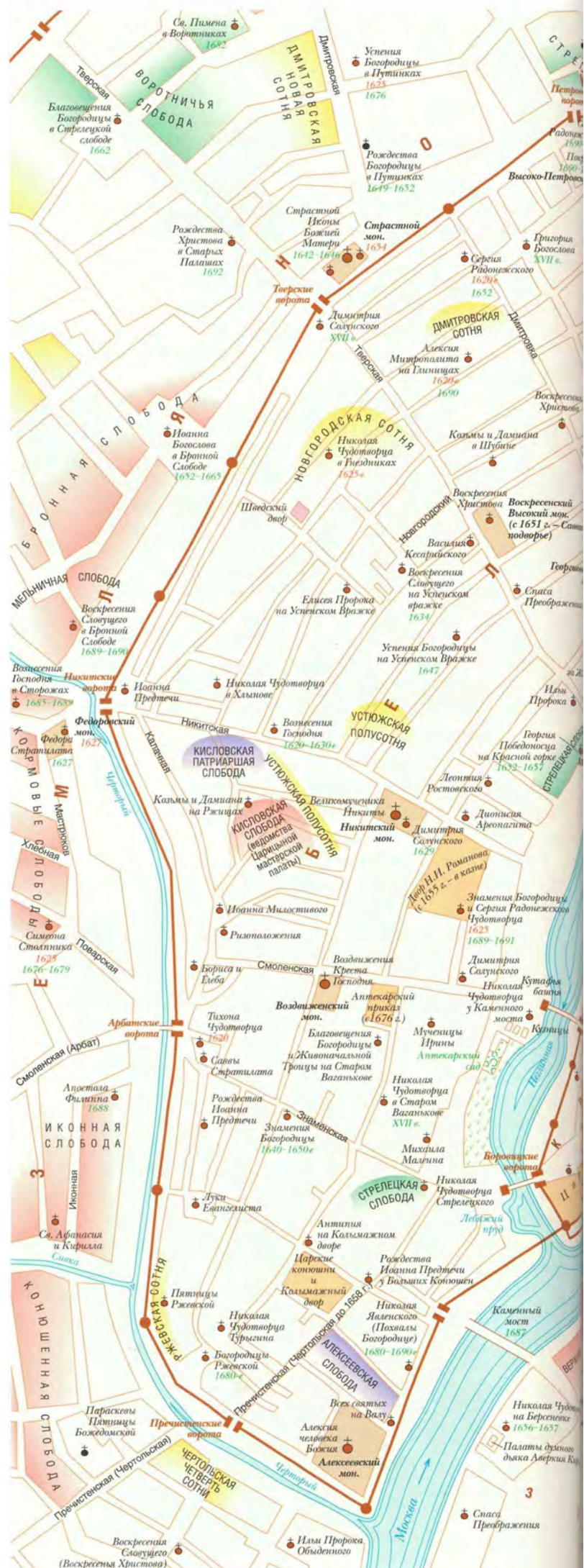
Верхняя церковь Казанской иконы Божией Матери, бывшая свидетельством благочестия живших в этом приходе князей Куракиных, перестала быть необходимой и для князей Черкасских, и для остального прихода. Ее престол был упразднен. В качестве придельных были сохранены древнейшие «приходские» престолы во имя Козьмы и Дамиана и во имя Николая Чудотворца. Главный престол по новому замыслу должны были освятить во имя образа Спасителя, исцеляющего расслабленного.

Москва в пределах Белого города в XVII в.

Масштаб 1 :11 000

Составитель С.Ю. Шокарев

- **Церкви**
1687
Даты основания или первого упоминания церквей или других объектов в XVII в.
- 1681-1697
Даты строительства церквей или других объектов в XVII в.
- Казенные учреждения или другие объекты, связанные с казной или царским двором
- Торговые помещения или места торговли
- **Монастыри**
- Иностраные дипломатические или торговые представительства
- Подворья церковных иерархов или монастырей
- **Линии укреплений**
- **Другие объекты**
БАРАШЕВСКАЯ СЛОБОДА
Дворцовые и казенные слободы
ПОКРОВСКАЯ СЛОБОДА
Черные (тяжлые) слободы и сотни
СТРЕЛЕЦКАЯ СЛОБОДА
Военные слободы
ЗВОНАРСКАЯ СЛОБОДА
Монастырские и владичные слободы (до отписания в посад в 1648-1649 гг.)
- Цифрами обозначены:**
1 Подворье ростовского митрополита
2 Денежный двор
3 Английский двор (до 1649 г.)
4 Церковь Иконы Знамения Божией Матери

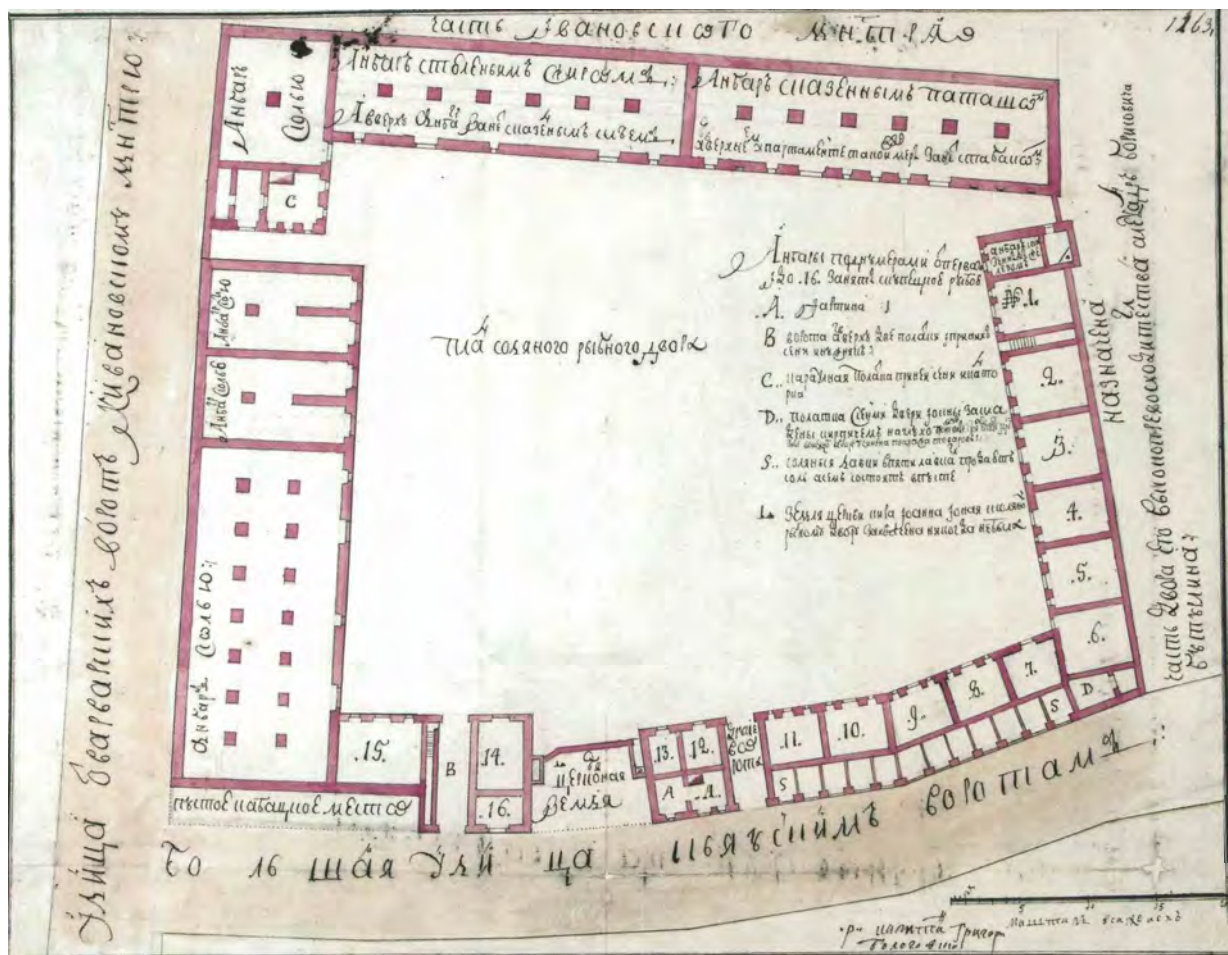
II. Сельское помещичье Протоколиста Петра Павлова Рогова
Жены и графини Швабской.

По резолюции Комиссии 5.го Июля 1834.го года
Ва №. 4450. пошедшей на обр. вконец Ко
миссией учрежденной по Императорскому
наказу Графа Под №. 8.м по плану переделки
проекта Мясиду владений Под №. 1.м
5.и 6.м на прочую тупой с.в. Иероноимов по
судебному делу Забору, в котором Опась Швалз
Бедо крепостной Млад и именованного того Графа Р. Рогова
Владения Южная Маштаб в 10000 саженей.

План владений
церквей Всех
Святых на Ку-
лишках и Кира
и Иоанна на
Солянке. 1828 г.
ПАНТАМ

План Соляного
двора с церков-
ным участком
церкви Кира
и Иоанна на
Солянке.
Сер. XVIII в.
РГАДА

ХРАМЫ НА ПОГРАНИЧНЫХ УЧАСТКАХ

Изучая сакральную топографию Москвы, мы встречаемся с пограничным размещением церковных участков. Причины этого явления, как увидим, различны. Чаще всего они связаны с государственным храмостроительством, осуществлявшимся, вероятно, на церковной земле приходского храма, которая затем делилась. Подобные смежные церковные участки мы находим уже в XVI в. не только на Посаде, но и в Загородье, которое было заселено значительно меньше, чем другие части города. На Кулишках граничили с друг другом земли церковью Всех Святых на Кулишках, Параскевы Пятницы и Кира и Иоанна. При этом храмы Параскевы Пятницы и Кира и Иоанна находились в непосредственной близости друг от друга. До пожара 1547 г. в этой части Кулишек существовали храмы Всех Святых и Параскевы Пятницы. История храма мучеников бессребреников Кира и Иоанна начинается в сравнительно позднее время, предположительно, не ранее второй половины — конца XVI столетия. Храм был основан в непосредственной близости от более древней церкви мученицы Параскевы Пятницы на Кулишках, известной по описанию пожара 21 июня 1547 г., — она упоминается среди сгоревших храмов: «...А Варварьскою улицею Все Святые и святаа Пятница и Рожество Пречистые и Никола Подкопаев и Флор Святый у конюшни, и конюшня великого князя, и по Вороньцовьской сад...»⁴⁴. Судя по тому, что церковь Кира и Иоанна, которая должна была стоять всего в нескольких саженьях от церкви Параскевы Пятницы, в этом перечислении отсутствует, ее в то время еще не существовало. Впервые она упоминается в делах Патриаршего приказа в 1624/25 г. Таким образом, к этому времени на смежных участках церковной земли существовали уже три храма — мучеников Кира и Иоанна, мученицы Параскевы Пятницы и Всех Святых на Кулишках.

Строительство церкви Кира и Иоанна, скорее всего, не было связано с нуждами владельцев дворов этой части Белого города, поскольку «избыточность» храмов на сравнительно небольшой территории стала ощущаться уже в середине XVII в. Для создания новой церкви в таком тесном соседстве с уже существовавшими храмами могло быть несколько причин. Одна из них, скорее всего, в необходимости иметь теплую деревянную зимнюю церковь при холодной каменной. Однако церковь Кира и Иоанна не могла быть зимней для храма Параскевы Пятницы, поскольку уже в начале XVII в. каждая из них имела отдельный причт и отдельный приход. Церковь Кира и Иоанна могла быть построена и как «ружная» — владельцем одного из частных дворов, примыкавших к церковной земле храма Параскевы Пятницы.

Однако более вероятна другая версия. Само посвящение храмового престола святому Киру Александрийскому и его ученику, святому Иоанну, которые почитались как безмездные врачи и целители, было достаточно редким для Москвы и могло объясняться тем, что храм поставили по обету, в благодарение за исцеление во время какого-нибудь мора. Это посвящение могло быть также связано с находившейся не-

подалеку богадельней, известной как богадельня на Кулишках. Ее устройство относится к началу царствования Бориса Годунова, когда в 1599/1600 г. были «взяты изо Пскова к Москве из богадельны три старицы миряне устраивати богадельны по псковскому благочинию. И на Москве поставлены три богадельны: у Моисея пророка на Тверской улице богадельня, а в ней нищие миряне; да богадельня против Пущечново двора, а в ней инокини; да богадельня на Кулишках, а в ней нищие, женский пол»⁴⁵. Одновременно с устройством богадельни здесь мог быть поставлен и храм святых врачей Кира и Иоанна⁴⁶.

В 1624/25 г. с церковью мученицы Параскевы Пятницы и мучеников Кира и Иоанна «по окладу дани» брали одинаковые суммы, 9 алтын и 3 деньги. Затем суммы изменились: уже в следующем году поп Василий платил за церковь Кира и Иоанна 5 алтын и 4 деньги, а с 1634/35 г., когда последствия Смутного времени были окончательно преодолены, — 26 алтын и 2 деньги. Служивший у Параскевы Пятницы поп Никифор в том же году платил почти на 10 алтын меньше (18 алтын 3 деньги), из чего можно сделать вывод, что положение прихода церкви Кира и Иоанна было более благополучным. Эти суммы окладной дани сохранились и в последующие годы⁴⁷.

Вид на церковь Всех Святых на Кулишках из проломных Варварских ворот Китай-города в конце XVII в. Худ. В.А. Рябов

Вид улицы Солянки в конце XVIII в. Справа видны церкви Кира и Иоанна и Параскевы Пятницы, слева — Соляной двор и церковь Рождества Богородицы на Стрелке. Худ. В.А. Рябов

В середине XVII в. обе церкви — Параскевы Пятницы и Кира и Иоанна — уже были каменными. Судя по характеру описания в Строельной книге 1657 г., это были два отдельно стоявших сооружения: «Церковь каменная св. Кира Иоанна, что на Кулишках, на Мостовой улице... Да подле церкви Кира Иоанна церковь каменная ж Пятницы, что на Кулижках»⁴⁸. Кроме земли под храмом и кладбищем, церкви Кира и Иоанна принадлежал участок «порозжей» (пустой) земли на другой стороне Большой Мостовой улицы. На этой «порозжей» земле во время «морowego поветрия» 1654 г. были «кладены усопшие и то кладбище огорожено надолбами изредка». Среди погибших от этого мора был, вероятно, и настоятель церкви Параскевы Пятницы поп Зосима, плативший окладную дань с 1641/42 по 1654 г.⁴⁹ В 1657 г. его двор упомянут уже как двор «бывшего Пятницкого попа Изосима», которым владел его зять.

Смерть пятницкого священника Зосимы стала началом слияния самостоятельных приходов двух соседних церквей. Их история, частично известная по Строельной книге 1657 г., показывает всю сложность сосуществования при таком близком соседстве. Так, еще в 1639/40—1642/43 гг. было закончено сыскное дело по поводу «утаеной» земли пятницкого попа Микифора, часть которой была приписана ко двору кировского попа Ивана Савельева⁵¹. В 1657 г. земля, приписанная попу Ивану, была взята под кладбище. Выяснилось также, что к церкви Кира и Иоанна отнесен двор, где жил каменщик Гришка Архипов «из оброку», который он платил попу Ивану. Эта часть кировской земли была отведена под двор для священника церкви Параскевы Пятницы. Дьякону этой церкви собирались дать двор кировского пономаря Кузки Маркова, который, как оказалось, имел новый двор на другой стороне улицы⁵².

Несмотря на создание необходимых условий для размещения пятницкого причта, он, в итоге, так и не был восстановлен. Окладные деньги за храм в 1655/56—1679/80 гг. вносил тот же кировский поп Иван Савельев, а вслед за ним — кировский дьякон Влас Яковлев, «зане ся церковь пуста, а церковническими месты владеют Кироиоанновский поп с причетники...»⁵³.

Как видно из дел Патриаршего приказа, в 1681/82 г. Пятницкая церковь фактически лишилась своего прихода, по-

скольку по указу царей Иоанна и Петра Алексеевичей «приходских людей Пятницкой церкви дворы... взяты под Соляной двор». Дворы, предназначавшиеся для ее клириков и причетников, были взяты под кладбище церкви Кира и Иоанна. Оклад дани за нее продолжали платить клирики церкви Кира и Иоанна до тех пор, пока в 1693 г. по указу патриарха было решено «церковь св. муч. Пятницы, что на Кулишках же, за прошлые годы и впредь дани не иметь и из окладу выложить и впредь не писать...»⁵⁴. Таким образом, почти через сорок лет после смерти последнего священника церкви Параскевы Пятницы ее самостоятельный причт и приход были официально упразднены.

В середине XVII в. в конгломерате престолов, существующих на этом смежном церковном участке, известен еще один престол — во имя Святой Троицы. В приходных книгах Патриаршего приказа за 1652 г. среди отметок о взимании пошрины за приложение печатей к грамотам патриарха содержится запись: «Июля в 30 день запечатана благословенная грамота, по челобитью церкви Кира и Иоанна что на Кулишках попа Ивана с прихожаны на один престол во имя Живоначальная Троицы пошлина гривна»⁵⁵. В Строельной книге 1657 г. этот престол не упоминается — в отличие от ружных, эта книга не всегда содержит сведения о приделах. Так или иначе, выдача «благословенной грамоты» могла быть связана со строительством или перестройкой той каменной церкви Кира и Иоанна, которая упомянута в Строельной книге 1657 г. и уже в 1652 г. имела придел во имя Святой Троицы. Существует и более позднее известие о выдаче антимины на освящение церкви Кира и Иоанна 30 января 1693 г., что также могло быть связано с перестройкой более раннего каменного храма. Не исключено, что устроенный по инициативе прихожан придел Святой Троицы был теплым. Возможно также, что этот придел, как и Казанская церковь в храме Козьмы и Дамиана на Покровке, был ружным, владельческим. Это предположение отчасти подтверждает запись в Реестре московских церквей 1723 г., где отдельно упомянута церковь Параскевы Пятницы с приделом Кира и Иоанна, а затем уже — «другая церковь Троицы, что на Кулишках»⁵⁶. Вероятно, Реестр более точно передает структуру престолов, чем «Книга имянная переписи и свидетельства мужеска полу душ» 1722—1726 гг., в которой

указана церковь Святой Троицы на Кулишках с двумя приделами — мученицы Параскевы Пятницы и мучеников Кира и Иоанна⁵⁷. Во всяком случае, еще в 1690 г. в книгах записи о выдаче денег из патриаршей домово́й казны на поминовение преставившегося Патриарха Иоакима престол Кира и Иоанна указан как придельный у церкви Параскевы Пятницы⁵⁸.

Возвращаясь к истории приходских престолов, отметим, что по планам времени царствования Екатерины II церковь, стоявшая рядом с храмом Кира и Иоанна, была посвящена Святой Троице. В то же время в Строельной книге 1657 г. о ней ясно говорится как о храме Параскевы Пятницы. Когда же произошла смена престолов? Некоторый свет на этот вопрос проливает дело 1754 г., касавшееся строительства доктором московского университета А.И. Татариновым каменного здания на своем дворе⁵⁹. Как писал Н. Тихомиров, «из этого дела в учиненной при нем справке значится, что план сей в 1754 г. составлен для построения священноцерковнослужителей домов сгоревших во время бывшего в том году пожара, в которой также на помянутой церкви [Кира и Иоанна. — А.Б.] кровля сгорела. Из этого дела видно, что в то время поблизости Кироиоанновской церкви находилась другая церковь св. Параскевы Пятницы, которая на плане 1769 г. названа уже Троицкой»⁶⁰. Таким образом, переименование произошло уже после 1754 г. Подтверждение этому можно найти в тексте храмозданной летописи, находившейся в этом храме и списанной А.Ф. Малиновским, о чем в его «портфелях» хранится следующая запись: «Кира и Иоанна, что на Кулишках, ружная в ней две церкви: 1. Живоначальная Троицы, и в оной церкви над дверми на железном листе находится надпись: что по прежде случившемся в 1754 г. мая 23 дня пожару она выгорела вся, а в 1758 сентября 22 паки возобновлена, и стенным писанием расписана при державе блаженныя памяти императрицы Елисаветы Петровны, и освящена покойным митрополитом Тимофеем Московским и Севским, а иждивением и подаянием доброхотнодателей...»⁶¹. На основании этого текста можно предположить, что в 1758 г. обновленный после пожара храм был освящен во имя Святой Троицы. Видимо, именно тогда и был упразднен старейший в приходе престол Параскевы Пятницы.

Спустя четыре года знаменательные события Российской истории самым решительным образом повлияли на судьбу Кироиоанновской церкви. После восшествия на престол Екатерины Великой началась программа обетного строительства храмов, освященных во имя Великомученицы Екатерины и святых Кира и Иоанна, память которых совершалась в день переворота. В Москве в связи с этим были перестроены две церкви Великомученицы Екатерины на Ордынке и Святых Кира и Иоанна на Солянке. Церковь Кира и Иоанна начали разбирать 9 июня 1764 г. Церковь была приготовлена к освящению только к началу 1768 г. и освящена, как сообщал А.Ф. Малиновский, «генваря 19 дня ...»⁶². Вскоре оказалось, что службу в ней можно проводить только в летнее время. Тогда внимание прихожан и настоятеля было обращено на церковь Святой Троицы, которую решили обратить в зимний храм. По этому поводу было составлено прошение, красноречиво обрисовывавшее обстоятельства жизни причта и прихода и состояние древней бывшей Пятницкой церкви, тогда уже Троицкой. Благодаря проведенному в 1758 г. ремонту, она была «в твердости и внутри сего храма иконостас изрядной и стенное росписание великолепное, но токмо трапеза в сводах разсеклось но как поелику без теплаго храма в зимнее время состоит церковное пение веема нужное и чрез сие как Святая церковь находится без подаяния и без содержания, так и причет церковный

План владения церковей Кира и Иоанна и Троицы (Параскевы Пятницы) на Солянке. 1782 г. РГАДА¹

лишается доходов, того ради господа прихожани желают ветхую трапезу переделать вновь и печь сделать на сие сумму полагают до трех сот рублей»⁶³.

В 1812 г. приход пострадал и от пожара, и от рук французских мародеров. По счастью, сам храм уцелел, у него лишь обгорела крыша. В 1813 г. ее покрыли новой кровлей — скорее всего, усердием прихожан. Непокрытой оставалась приписная зимняя церковь Святой Троицы, также пострадавшая от пожара в 1812 г. При этом у последней «свод над трапезою провалился», а сама церковь «от времени опустилась в землю»⁶⁴. В 1814 г. были, наконец, получены казенные средства на ремонт кровли церкви Кира и Иоанна. Поскольку она к этому моменту уже была отремонтирована, эти средства можно было употребить на церковь Святой Троицы. Однако причт счел нецелесообразным возобновлять ее кровлю, поскольку на это требовалась более значительная сумма, а сама церковь «при всем том по малости зданию для собрания не может быть довольно поместительна». В июне 1814 г. было получено разрешение употребить казенные средства «на выкрашение кровли и стен Кироиоанновской церкви, на поправление паперти, ограды, и на зделание двух ворот в ограде...»⁶⁵. Отсутствие интереса к сохранению церкви Святой Троицы объяснялось тем, что содержать три церкви новый приход был не в состоянии, тогда как в новом приписном Всехсвятском храме два придела «остались неповрежденными и в ней в зимнее время богослужение совершается и всехсвятская церковь вновь уже покрыта и состоит в... твердости». Поэтому церковь Всех Святых была «навсегда утверждена зимнею» при Кироиоанновском храме⁶⁶, а церковь Святой Троицы разобрали.

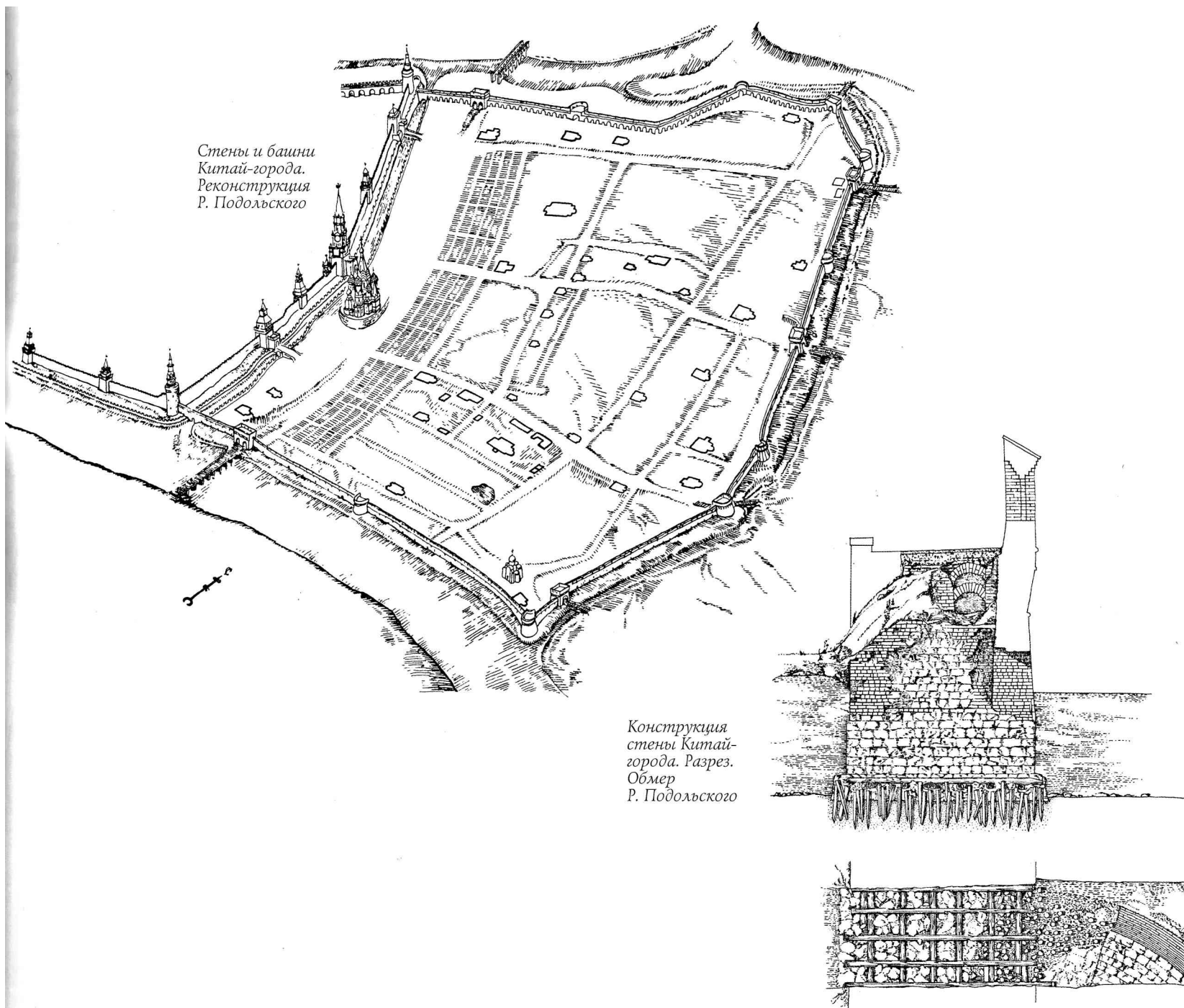

План Китай-города с изображением остатков рва вдоль восточного участка крепостной стены. Начало XIX в. РГИА

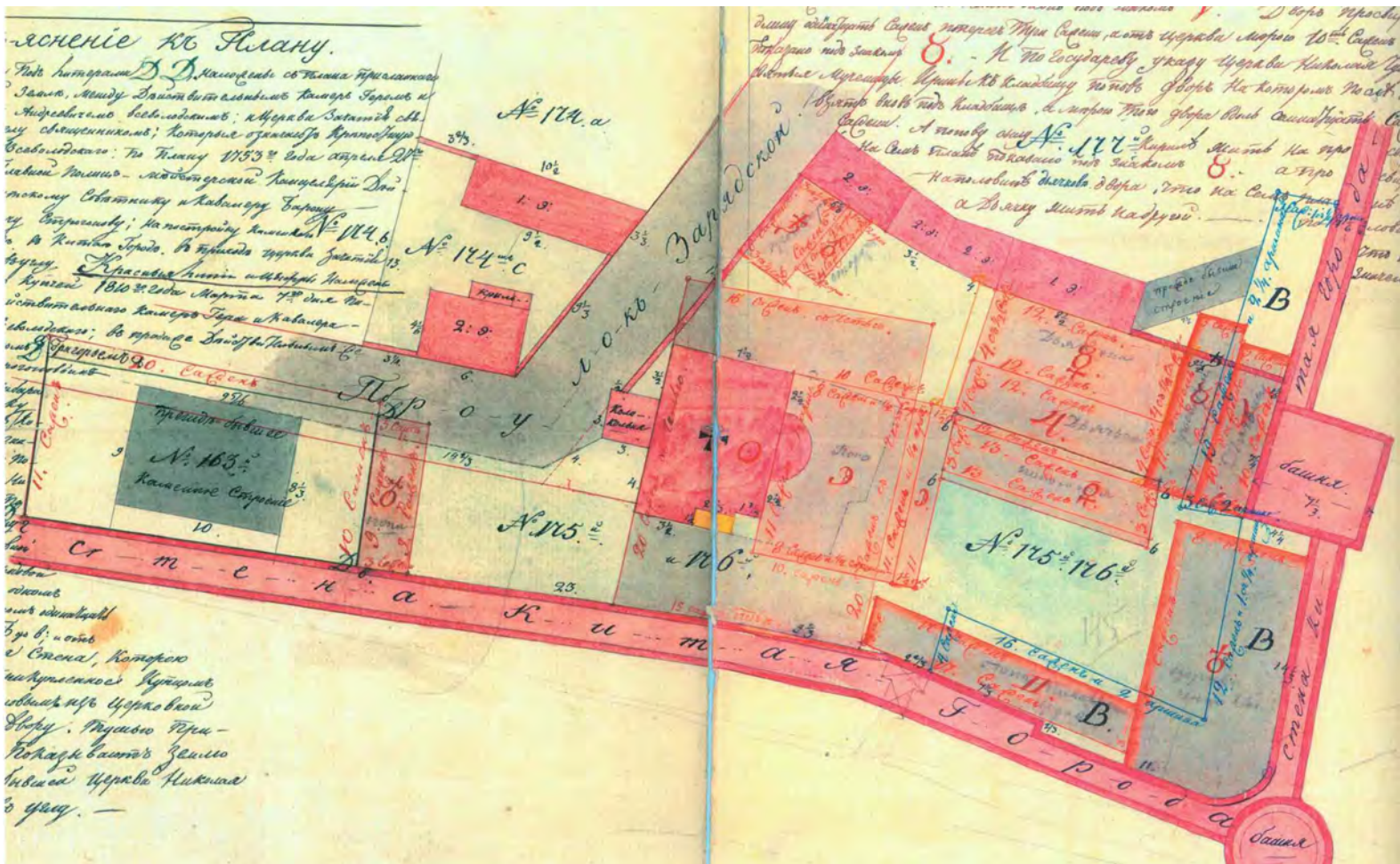
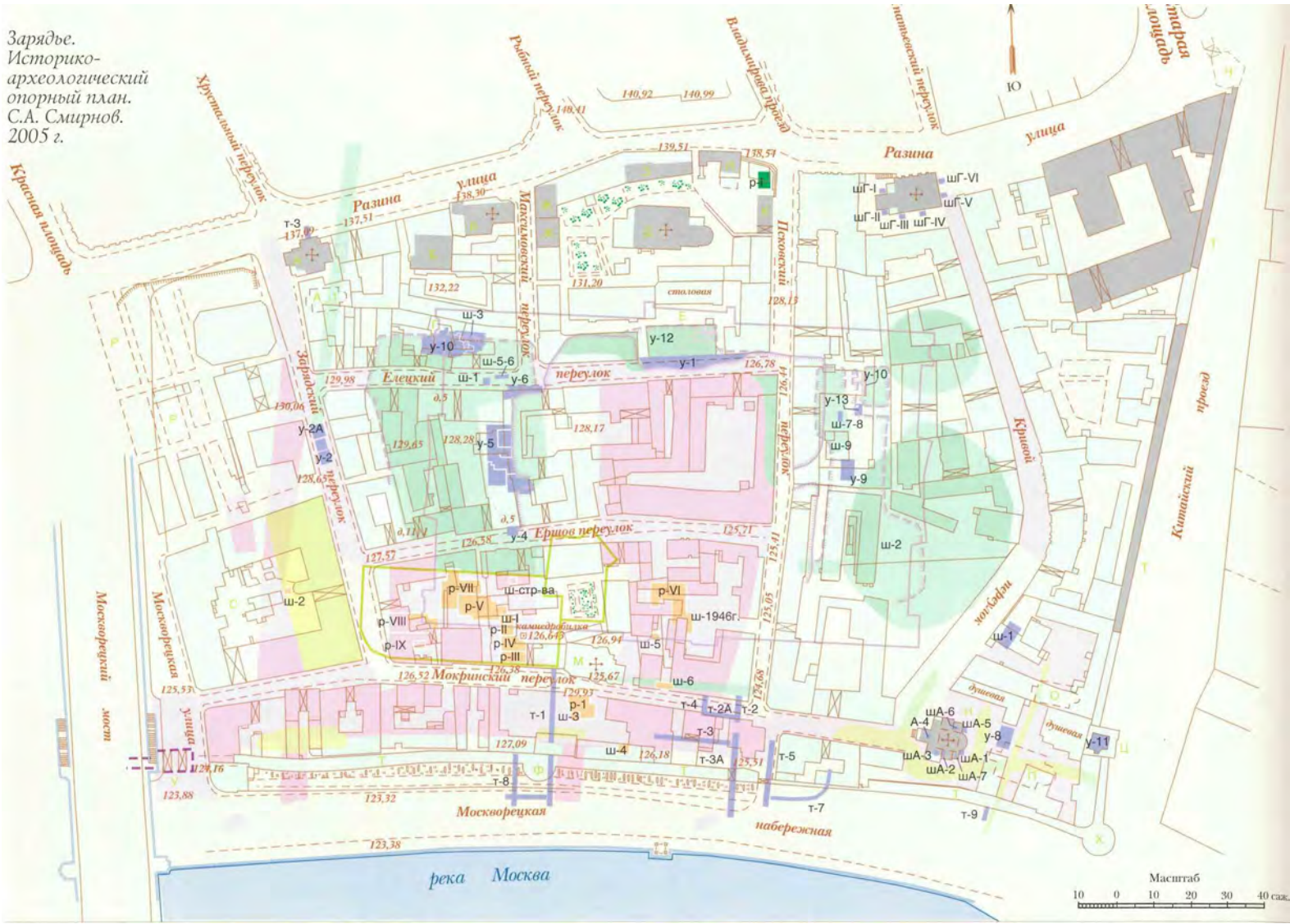
ХРАМЫ у СТЕН: ВОСТРЫЙ КОНЕЦ

Подобные храмовые ансамбли сложились в XVII в. и на других территориях московского посада. Одним из таких сложных для истолкования участков Москвы — Угол, т.е. угловой участок крепости Китай-города в районе угловой башни, где образовался конгломерат плотно придвинутых друг к другу церквей. Можно думать, что в ландшафте будущий «церковный угол» города был заложен изначально — еще до строительства крепости этот участок входил в состав урочища «Вострый конец». Вострым концом, судя по описаниям пожаров второй половины XV — середины XVI в., называли при-

брежную полосу, тянувшуюся от церкви Зачатия Анны до Васильевского луга. Ближе к Васильевскому лугу стояли две известные в XV в. церкви — Козьмы и Дамиана и Воздвижения Креста Господня на Востром конце. Они не раз упоминаются в летописях в описании пожаров. Так, в мае 1468 г. «...загорелся посад на Москве, горело вверх по рву за Богоявленскую улицу мимо Всеяковых двор, от Богоявления улицею по Иван Святы на пять улиц, а от Ивана Святаго на подол по Васильевской луг, да на Большую улицу на Вострой конец и по самую реку да по Кузму-Дамиана на Востром конце»⁶⁷. Под 1472 г.

Зарядье.
Историко-археологический опорный план.
С.А. Смирнов.
2005 г.

Китайгородский угол, во второй половине XVII в. Вблизи Космодемьянских ворот изображены церкви Зачатия Анны (справа) и Николая Чудотворца (слева). Худ. В.А. Рябов

летопись сообщает о том, что «загорелся на Москве на посаде у Вскресения на рве и горело всю ночь и назавтрее до обеда и многое множество дворов згоре, единых церквей 25 згорело. А горело оттуду по берегу до Воздвижения на Востром конци да по Васильевской луг да по Кулишку»⁶⁸.

Таким образом, уже в XV в. в зоне будущего «церковного Угла» известны три храма: Зачатия Анны, Воздвижения Креста Господня и Козьмы и Дамиана. Церковь Козьмы и Дамиана на Востром конце упоминается при описании строительства Китайгородских укреплений в 1534 г.: «заложиша град земель, от каменного града възле Неглимну к живоначалной Троицы на площадку, а оттоле на Васильевской луг х Козме и Дамьяну, к Москве реке, и възле реку Москву х каменной же стене приведоша»⁶⁹. Таким образом, вал со рвом пошли по направлению к церкви Козьмы и Дамиана, «разрезая» единое до того урочище. И если церковь Зачатия Анны на Востром конце оказалась в Китай-городе, а именно в его угловой части, образованной восточной и южной стенами, то храмы Воздвижения Креста Господня и Козьмы и Дамиана остались за пределами крепости. Последний раз они названы в описании пожара 1547 г., во время которого они сгорели⁷⁰. Характерно, что после этого они не были восстановлены.

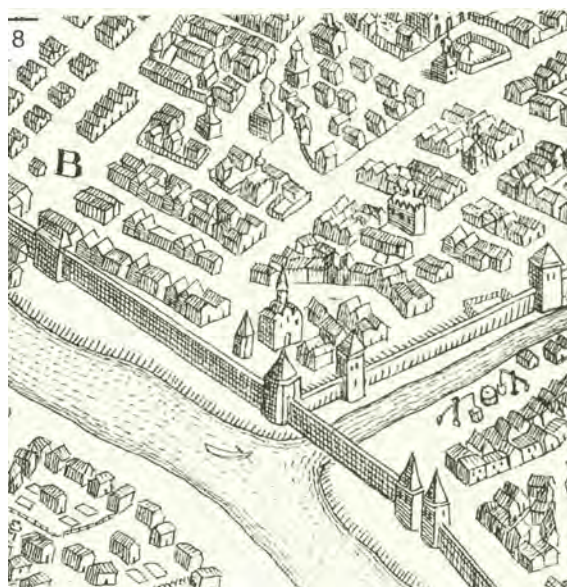
Итак, при строительстве укреплений были разделены единые до того времени территории, определявшиеся одним топонимом. Кроме того, изменение структуры посада привело к исчезновению некоторых старых названий. К их числу относился и сам «Вострый конец». Новый топоним — «Угол» — определял уже только угловой участок внутри Китайгородской крепости, где находилась церковь Зачатия Анны. Теперь она стала называться «что в Углу». В 1547 г. храм, судя по сообщению Степенной книги, сгорел. Вплоть до конца XVI в. мы не имеем письменных сообщений о нем. В 1584 г. в церковь Зачатия Анны «что за Со-

ляным рядом» был выдан ладан. Ни в конце XVI в., ни в начале XVII столетия, вплоть до 1629 г., мы не найдем упоминаний о других храмах в этой части Китай-города. Их нет и в Переписной книге Москвы 1626 г. В Ладанной книге за 1629 г. отмечена выдача ладана «к церкви к Николе Чудотворцу что в Китае городе за Зачатьем да в предел к Ирине Христовой мученицы на освящение церкви и на четырьдесятницы... дьякон Ондрей Никитин»⁷¹. Запись там же от 8 мая 1630 г. позволяет понять причины строительства нового храма: «к Царевнину Ангелу к Мученице Ирине что в пределе у Николы за Зачатьем в углу»⁷². Аналогично этот придел назван и в Переписных книгах 1638 г., описавших новые храмы «в углу» («царевнина Иринина Ангела Михайловны, что в приделе Николы Чудотворца») ⁷³. Такие упоминания в источниках позволяют связывать основание придела мученицы Ирины с рождением в 1627 г. первой дочери царя Михаила Феодоровича — Ирины Михайловны. Поскольку церковь Святителя Николая Чудотворца в Углу и ее придел Ирины Мученицы не указаны в Ладанных книгах первой трети столетия и Переписной книге Китай-города 1626 г., можно думать, что храм Святителя Николая и его придел поставлены после 1627 г. На обетный характер строительства указывает тот факт, что ни у церкви Святителя Николая в Углу, ни у ее придела Святой Ирины, в отличие от храма Зачатия Анны, не было приходских дворов. Именно поэтому причту была сохранена руга, отобранная у других церквей, имевших прихожан⁷⁴. Местоположение храма достаточно точно локализуется в источниках: «что в Китае, за Зачатьем, в углу»⁷⁵ или «что в углу у городовые стены позади Зачатия»⁷⁶. Храм Святителя Николая Чудотворца что в Углу с приделом Святой Мученицы Ирины просуществовал до конца XVIII в.

В поисках объяснения выбора места для строительства обетного храма можно обратить внимание на его сооружение возле городской стены, практически в угловой части крепости, и рядом с храмом, освященным во имя Зачатия Праведной Анны. Представление о значении этого посвящения в молении о чадородии определило и толкование, объясняющее появление у его стен придела во имя Великомученицы Екатерины — его учреждение связывали с рождением дочери Екатерины в семье царя

План владений церкви Зачатия Анны, что в Углу Китай-города. 1820-е гг. ЦАНТДМ

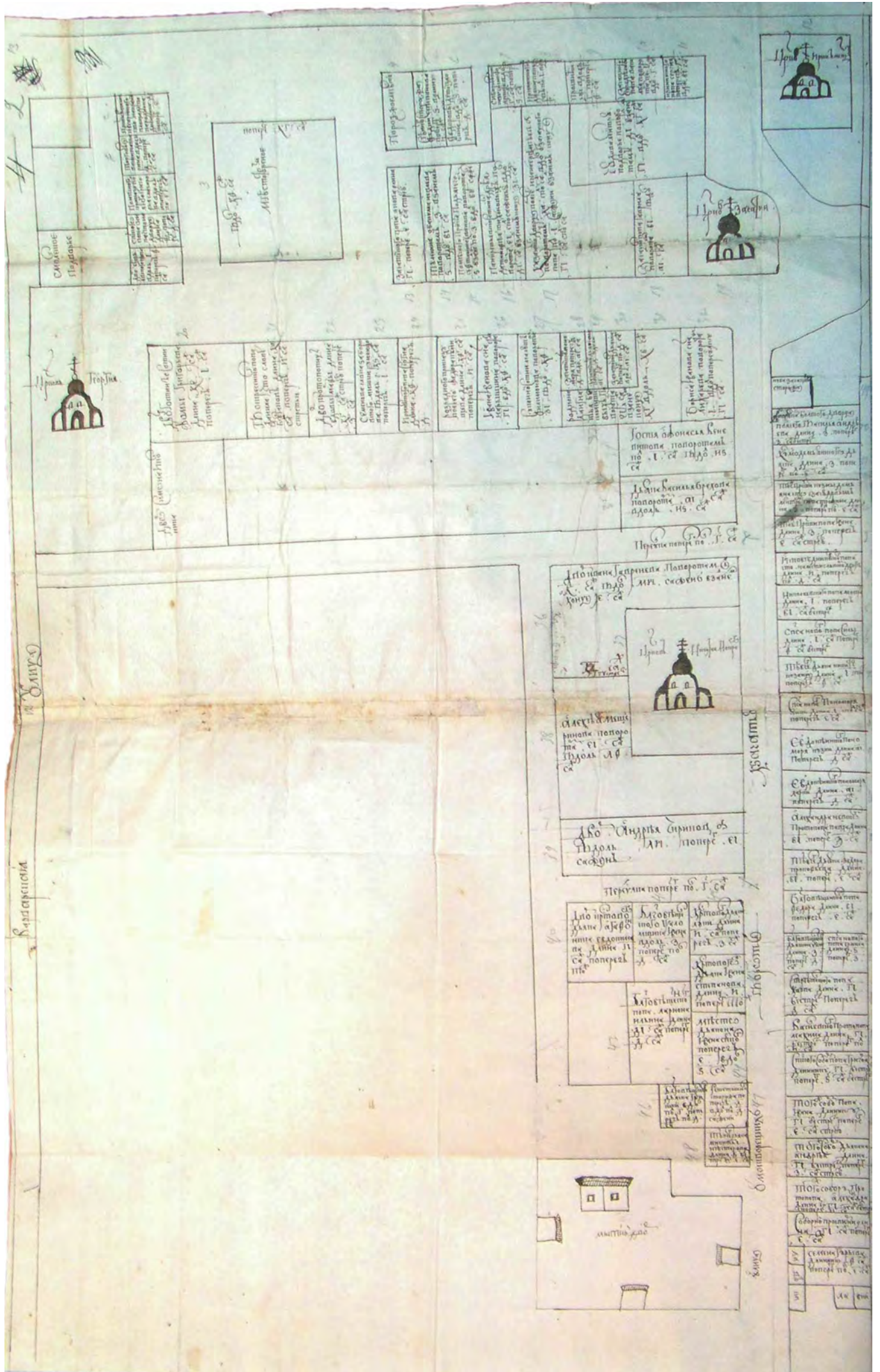
«Вострый конец» и его храмы

- 1~4, 9, 10. Церковь Зачатия Анны, что в Углу. Виды в процессе реставрации 1950-х гг.
 5. Церковь Зачатия Анны, что в Углу. Реконструкция первоначального облика. Архит. А.А. А&вид. 1956 г.
 6. Застройка юго-восточной части Зарядья в начале XVIII в. Фрагмент панорамы Москвы П. Пикара.
 7. Церковь Зачатия Анны, что в Углу. Автография сер. XIX в.
 8. Юго-восточный угол Китай-города. Фрагмент плана Москвы М. Мериана. 1638 г.
 11. Юго-восточный угол Китай-города. Фрагмент «Петрова чертежа». Кон. XVI в.

План юго-восточной части Зарядья с церквями Теоргия на Псковской горке, Николая Мокрого, Зачатия Анны и Николая Чудотворца (с приделом Ирины Мученицы) в Углу. Вторая половина XVII в. РГАДА

Местность у Алексеевской башни Белого города в середине XVII в.: каменная трехглавая церковь Всех Святых в валу, деревянная церковь Макария Желтоводского после пожара 1629 г., Алексеевский монастырь. Худ. В.А. Рябов

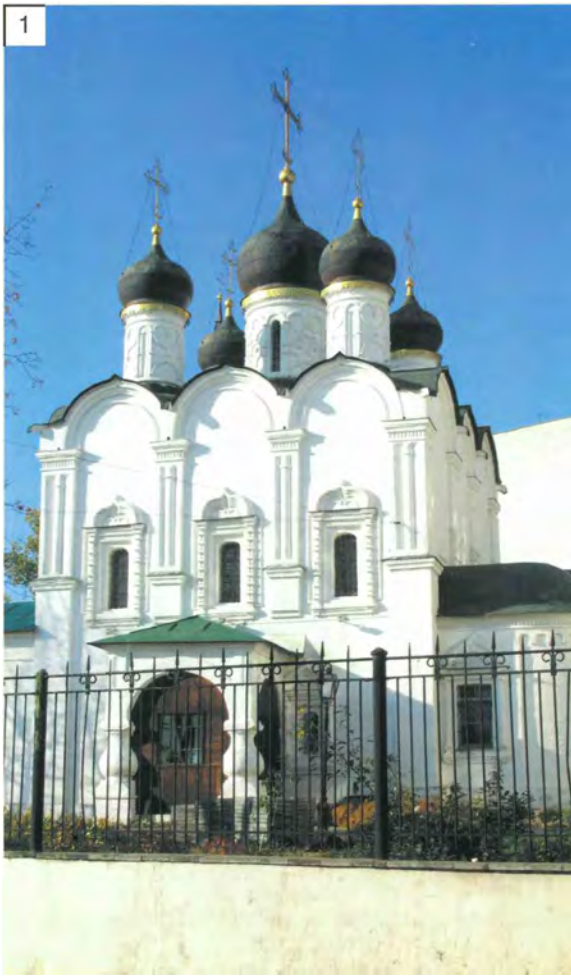
Алексея Михайловича. О почитании святой Анны в семье царя Михаила Феодоровича свидетельствует и тот факт, что родившаяся через три года после царевны Ирины, царевна Анна была крещена во имя праведной Анны. Ее именины праздновали в день Успения святой Анны, 25 июля.

Возможный вывод о том, что выбор места для обетного государева храмостроительства в незастроенной части города рядом с храмом, стоящим у городской стены, не был случайным, свидетельствует еще один пример. Начало царствования Михаила Феодоровича было связано с прославлением нового святого — преподобного Макария Желтоводского. Первый посвященный ему храм в Москве был поставлен в 7127 (1618/1619) г. у вала, внутри крепости Белого города, рядом с каменной церковью Всех Святых. Местоположение этого каменного храма было зафиксировано в его названии: «Всех Святых

что на Валу»⁷⁷, «Всех Святых, что на берегу»⁷⁸, «Всех Святых, что в валу, у Алексеевской башни»⁷⁹; «Всех Святых, что на Валу... каменная»⁸⁰. Деревянная церковь Макария Желтоводского была поставлена рядом с ней, на что ясно указывает Писцовая книга 1629 г.: «Церковь же каменная Всех Святых, стоит у города в самом валу... да тут же, блиско каменного храма, возле вала была церковь Макария Желтоводского чудотворца древяна, — сгорела»⁸¹. Престол Святого Макария не исчез, вскоре он был восстановлен как придельный при храме Всех Святых в Чертолье. Причины выбора места для сооружения храма во имя почитаемого в царской семье святого неясны: ни мощи святого, ни его икона в Москву не привозились и возле храма Всех Святых их не встречали. Может быть, сыграло роль посвящение церкви Всем Святым, т.е. всему сонму явленных и неявленных святых, к которому причтен новый русский чудотворец. Отметим еще, что и храм Макария, и церковь Святой Ирины поставлены возле укреплений, т.е. на границе посадской застройки.

Соборные, монастырские, усадебные и приходские храмы Москвы

1. Церковь Владимира в Старых садах. Вторая пол. XVII в. Совр. фото.
2. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. 1550(?) гг. Совр. фото.
3. Успенский собор Московского Кремля. 1475–1479 гг. Совр. фото.
4. Церковь Козьмы и ТХамиана на Покровке. 1791–1793 гг. Фото 1880-х гг.

ЗОНИРОВАНИЕ ОБЕТНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Один из главных (если не просто главный) вопросов, которым задается наука, изучая сакральную топографию города, — локация священных участков (церквей, монастырей, кладбищ, отдельно стоящих крестов и часовен), объяснение причин их появления в тех или иных местах. Тем паче это необходимо, если наблюдаются необъяснимые на первый взгляд группы таких объектов, образующие зоны. В Москве таких зон довольно много, и мы уже рассмотрели некоторые из них. Другие зоны, монастырские, будут рассмотрены в следующей главе. Здесь же обратимся к анализу расположения объектов, причины возникновения которых нам известны из источников: это храмы, заложенные *ex voto*, в благодарение за избавление от нашествия иноплеменных на город и за победы, одержанные на полях сражений далеко за пределами Москвы, а также за рождение наследников, в уповании и на молитвенное заступничество их патрональных святых.

Анализ выявляет некоторые рационально объяснимые особенности в выборе места для таких «мемориальных» храмов. Этот выбор зависел прежде всего от возможностей заказчика, строившего храм на «своей» территории. Характерно территориальное разделение великокняжеского и митрополичьего обетного строительства. Рассмотрим некоторые примеры. В 1451 г., когда к Москве подошел ордынский царевич Мазовша⁸², горожане во главе с митрополитом обошли стены Кремля крестным ходом, моля Пресвятую Богородицу о заступничестве *«бе же тогда праздник честныя Ея ризы Положение»*. Произошло чудо: татары неожиданно отступили⁸³. В память чудесного избавления митрополит Иона основал храм во имя праздника Положения Риз Богородицы во Влахерне *«на своем дворе в полате, в едином угле в досках»*⁸⁴. Палата находилась с запада от Успенского собора; как известно, при перестройке митрополичьего двора при митрополите Геронтии там же была построена отдельно стоящая церковь Ризоположения.

Следующий случай строительства по обету также связан с 1459 г. *«татарове Седи-Ахматовы похвалився, на Еусь пошли, и князь великий Еасилей отпустил противу их к берегу сына своего великого князя Ивана с многими силами. Пришедше же татарове к брегу, и не перепусти их князь великий и отбится от них: они же побегоша. И тоа ради похвалы Иоана митрополит поставил церковь камену Похвалу пресвятыя Богородица, приделал к олтарю соборныя Пречистыя възле южных дверей»*⁸⁵. Заказчиком обетного придела в благодарение, на этот раз за воинскую победу, опять выступает митрополит Иона, что и определяет место постройки — у стен митрополичьего собора.

Иное место для строительства обетных храмов избирает великий князь Иван III. В 1471 г. состоялся большой военный поход на Великий Новгород, закончившийся знаменитой битвой 14 июля на реке Шелони, положившей конец новгородскому суверенитету. Московское войско возглавлял великий князь и воеводы, князя Даниил Холмский

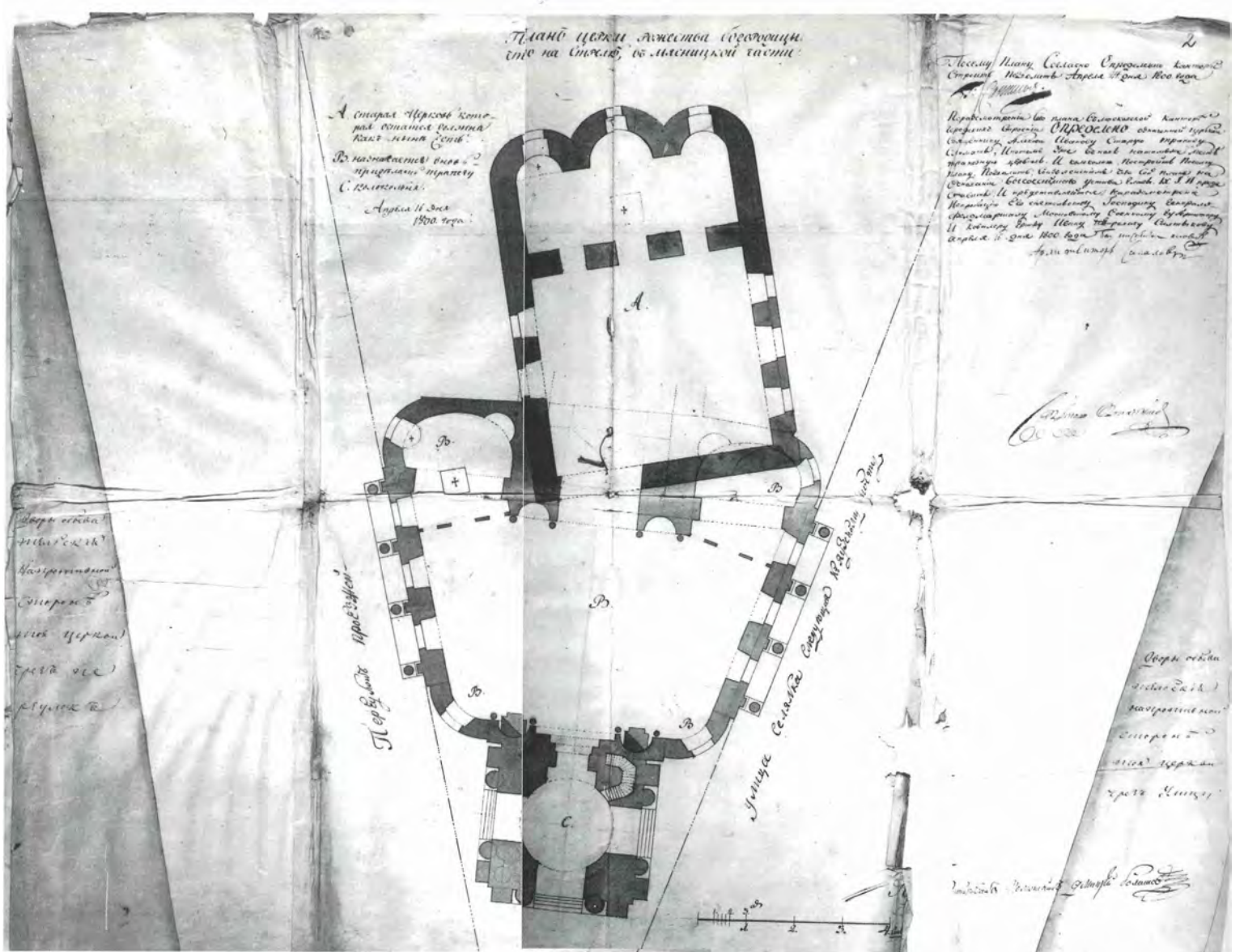
и Федор Пестрый-Стародубский. День был «недельным» (воскресным), в этот день Церковь празднует память апостола Акилы, что и определило обеты победителей: «и тогда обещася князь велики поставити на Москве церковь святого апостола Акилу, еже и бысть, а воеводы князь Данило и Феодор другую церковь Въскресение»⁸⁶. Эти церкви были возведены у боковых стен великокняжеской усыпальницы — Архангельского собора.

Итак, в XV в. храмы, заказчиком которых выступает митрополит, строятся на его «территории», а храмы великого князя — на великокняжеской. Труднее судить о сохранении этого правила в XVI в. Е.С. Сизов предположил, что первым обетным храмом, построенным Иоанном IV после взятия Казани, был придел Покрова Богородицы нового (1505-1508 гг.) Архангельского собора⁸⁷, где царь, отправляясь в третий Казанский поход, как и его предки «молебная пев небесному Христову воеводе и у гробов родителей своих и прародителей простився»⁸⁸.

Предполагают (НД. Маркина), что строительство в 1564—1566 гг. четырех приделов над сводами паперти Благовещенского собора, домового царского храма, связано с взятием Полоцка в 1563 г.⁸⁹ Эта победа, с которой началась Ливонская война, действительно, непосредственно предшествует значительной перестройке Благовещенского собора, в ходе которой появились три новых придела — Входа Господня в Иерусалим, Собора Архангела Михаила, Собора Пресвятой Богородицы (четвертый отстроенный придел во имя святого Василия Кесарийского существовал и до этого, в восточной части южной паперти).

Однако, в отличие от обетных приделов XV в., мотивация строительства приделов Архангельского и Благовещенского соборов не засвидетельствована летописью. Это породило сомнения в обоснованности обеих гипотез. По мнению В.В. Кавельмахера, придел Покрова Богородицы относится к «древним» приделам собора и был изначально в северном предалтарии собора рядом с жертвенником⁹⁰; он впервые обратил внимание на описание погребения Боровского князя Владимира Ярославича в Воскресенской летописи уже в 1507 г.: «а на другой стране у тех же дверей перед покровом положен князь Василий Ярославич»⁹¹. Воскресенская летопись составлена, по одним предположениям, в 1542—1544 гг., по другим — в 1541 г.⁹² Действительно, этот летописный отрывок содержит описание погребений, появившихся после 1507 г., самое позднее из которых 1537 г. — гробница князя Андрея Старицкого (следующее, брата Ивана Грозного, Юрия Васильевича, появится в соборе только в 1563 г.).

Основной список этой части Воскресенской летописи⁹³ относится ко второй половине XVI в., а более ранний вариант интересующего нас известия содержит летопись 1520-х гг. митрополита Даниила (включена в Никоновский летописный свод). Здесь состояние некрополя на 1507 г. отражено наиболее адекватно, причем погребения, совер-

Проект перестройки церкви Рождества Богородицы, что на Стрелке. План. Архит. Д. Балашов. 1800 г. ЦИАМ

Укрепления между Беклемишевой башней Кремля и Водяными воротами Китай-города в XVII в.
Худ. В.А. Рябов

шенные позднее, вообще не упоминаются. В этом тексте погребение князя Василия Ярославича описано иначе, чем в Воскресенской летописи. Описав погребения вдоль южной стены и западной стен собора, летописец переходит к северной стене, от северных дверей собора налево (к западу), затем направо (к востоку): «а на другой стороне [от дверей. — Авт.] от алтаря положиша князя Василия Ярославича». Таким образом, местоположение двух симметрично расположенных гробниц, Василия Васильевича Темного и Василия Ярославича Боровского, стоящих на солее по разным сторонам собора, определено в летописи одинаково, путем локализации от находящихся в восточной части помещений «от Симеона Святого» и «от алтаря». Очевидно, что гробница Василия Темного находилась перед приделом Симеона Столпника, размещенном в южном предальтаре, а гробница Василия Боровского — перед помещениями алтаря, а вернее жертвенника. Характер локализации его «от алтаря» свидетельствует, что в северном предальтаре придела не было. Таким образом, наиболее ранняя редакция сообщения о поставлении гробниц в Архангельском соборе не упоминает о Покровском приделе; о нем не знает Софийская 1-я (по списку Царского) и Львовская летописи, содержащие московский свод 1518 г.⁹⁴ Следовательно, придел возник позже 1520-х гг.

Указание на его существование в официальной летописи появится только при составлении Шумиловского списка (между 1568 и 1576 гг.) для тома Лицевого летописного свода. В нем перечень гробниц доведен до захоронения князя Василия Васильевича Старицкого (убит около 1574 г.), при этом локализация гробницы, с которой начинался список (Василия Темного), не изменилась — она по-прежнему показана «возле южную стену, от Симеона Святого». Отредактированным оказалось описание последней гробницы, Василия Ярославича: «А на другой стороне у тех же дверей, от алтаря, перед покровом положиша князя Василия Ярославича»⁹⁵. Характерно, что летописец не пишет «от покрова», а вставляет указание на Покровский придел в первоначальный текст, применив иное определение его места в соборе. Это можно объяснить не только механической вставкой, но и тем, что придел в северном предальтаре по-прежнему отсутствовал. Слова «от алтаря перед покровом» мо-

гут обозначать придел Покрова Божией Матери, пристроенный к северным апсидам собора. Во всех случаях Покровский придел появляется уже в эпоху великого княжения, а может быть и царствования Ивана IV, и может рассматриваться как один из обетных храмов Архангельского собора, учрежденного в память «о даровании победы над сопротивными» по милосердному заступничеству Матери Божией. Следует признать все же, что широкое значение праздника Покрова Божией Матери не позволяет связать его только с военной победой великого князя — придел мог появиться и ранее событий 1552 г.

Полностью поверить в весьма привлекательную версию о связи трех приделов Благовещенского собора с Полоцкой победой мешает одно обстоятельство — ни один из появившихся в 1564—1566 гг. приделов не связан с памятью святых, праздновавшихся в дни осады и взятия Полоцка. Разумеется, значение праздников Собор Архангела Михаила и всех небесных сил бесплотных, а также Собор Пресвятой Богородицы и Вход Господень в Иерусалим позволяют связать их появление с благодарственной молитвой о взятии Полоцка. Однако все известные примеры строительства обетных храмов в Москве после взятия городов великим князем показывают, что посвящения их престолов были связаны с празднованием памяти святых, совершавшимися в дни осады и штурма. Их отсутствие в Благовещенском соборе мешает полностью разделить убежденность в «полоцкой» мотивации строительства приделов.

Таким образом, мы не находим подтверждений сохранения в XVI в. традиции обетного строительства в Кремле, связанного с воинскими победами. Напротив, практика XVI в. показывает, что в отличие от предшествовавшего столетия, храмы, связанные с возвращением под скипетр великого князя его «отчины и дедины», ставятся в другом месте — за пределами Кремля, на берегу рва, защищавшего его с востока, со стороны посада. Это плацдарм между восточной стеной Кремля и Великим посадом, будущим Китай-городом, а точнее — участок вдоль искусственного рва, который защищал с востока стены Кремля еще Дмитрия Донского. После перестройки и увеличения протяженности восточной стены при Иване III в 1508 г. было велено «ров делати камен»⁹⁶. Достоверно можно говорить о том, что особая «меморативная»

Вид от деревянного «живого» Москворецкого моста на Водяные ворота Китай-города и собор Василия Блаженного в конце XVII в. Худ. В. А. Рябов

Кулишки и Ивановская горка. Фрагмент плана Москвы 1638 г.

зона формируется здесь с начала XVI в. В 1514 г. после взятия Смоленска здесь по повелению Василия III ставят обетный храм: «и во граде Москве князь великий церковь постави святого Спаса, происхождение честнаго креста господня, и святых мученик Маковей по плоти и учителя их Елеозара и матери их Соломонии, от реки поставлена на рве»⁹⁷. Ладанная книга 7127 (1619) г. указывает на существование и еще одного придела у храма на рву — праведнаго Евдокима⁹⁸. Программа Василия III была традиционна — возведение храма с престолами, посвященными святым и праздникам, воспоминаемым в дни, когда произошла решающая битва или взятие города, но отличалась широтой и включала не только день самого взятия Смоленска. В предпразднество Происхождения Святых Древ Честнаго Креста Господня, 31 июля, празднуется память святого Евдокима; в этот день произошла капитуляция Смоленска⁹⁹. Великий князь торжественно вошел в Смоленск 1 августа «на Происхождение честнаго креста». Его встретил епископ Смоленский Варсонофий со всеми клириками города, несшими городские святыни и прежде всего «чудотворную икону пренепорочна пречистыя Богоматере»¹⁰⁰. В этот день Церковь празднует Происхождение Древ и память семи мучеников Маккавеев: Ави-ма, Антонина, Гурия, Елеозара, Евсевона, Алима и Маркелла, матери их Соломонии и учителя их Елеозара. Таким образом, престолы посвятили всем праздникам 31 июля и 1 августа.

Следующим «меморативным» храмом на рву стал собор Покрова Пресвятой Богородицы — центральный памятник обетной программы после взятия Казани в 1552 г. Завоевание Казанского царства Иоанном IV по своему значе-

нию было событием, подобным покорению Смоленска его отцом, Василием III. Выбор места для обетной церкви с аналогичной программой, предполагающей создание церквей, «в которые дни Божия помочь и победа была православному царю над басурманы»¹⁰¹, стал продолжением традиции обетного строительства «надо рвом».

Уникальность собора Покрова в том, что в посвящениях его приделов отражен не только день взятия Казани (2 октября 1552 г.), но и другие важные события Казанского похода. Об этом прямо сообщает официальная летопись, современная закладке собора: «священны церкви приделы... которые ставлены на возвещение чудес Божиих о Казанском взятии, в которые дни Божия помочь и победа была православному царю над басурманы...»¹⁰². Слова о возведении храмов собора «на возвещение чудес Божиих в которые дни Божия помочь и победа была православному царю» заставили многих исследователей искать связь всех посвяще-

ний собора с конкретными событиями похода. На деле она видна в посвящениях только четырех приделов: св. Киприана и Иустины (праздник 2 октября, в день взятия Казани); св. Григория Великия Армении (память 30 сентября, когда взорвана Арская башня и одержана победа на Арском поле); приделы во имя св. Александра Свирского и св. Константинопольских Александра, Иоанна и Павла Нового, поминаемых 30 августа, в день битвы с войском царевича Епанчи.

В советской литературе произошел род подмены: обетный храм стали воспринимать как мемориальный памятник, у которого все престолы должны были соотноситься с конкретными событиями. В результате посвящение Покрову Богородицы связывали с тем, что Иоанн IV отправился в суздальский Покровский монастырь, получив на пути из Казани в Москву весть о рождении царевича Димитрия¹⁰³. Даже посвящение Святой Троице пытались объяснить приездом в Троице-Сергиев монастырь¹⁰⁴, а посвящение одного из престолов Входу Господню в Иерусалим прямолинейно сопоставляли с торжественным въездом царя в Москву¹⁰⁵. В действительности объяснение посвящений Святой Троице и Покрову Пресвятой Богородицы содержится в самих словах о поставлении храма «*пречистой царицы Богородицы честнаго и славнаго Ея Покрова... что милостию Ея и молением к Сыну своему и Еогу нашему Иисусу Христу о роде христианьском молится...*»^{TM}, т.е. о посвящении его заступничеству Матери Божией за род христианский, проявившемуся в войне с иноверцами и прославлению милосердия Божия, Святой Троицы.

Так при великом князе Василии III и его сыне Иоанне IV территория «на Рву» (участок рва к югу от Фроловских ворот) становится зоной обетного великокняжеского строительства. Правда, церковь Происхождения древ Честнаго креста Господня (более известна как храм Спаса Смоленского) и собор Покрова Богородицы — единственные обетные храмы, достоверно стоявшие вблизи Алевизова рва; о числе и посвящениях в XVI в. соседних с ними церковей мы не имеем полных сведений. «Петров чертеж» и «Кремленаград», подробно изображая территорию между рвом и застройкой Китай-города (так называемый «пожар»), показывают ряд деревянных храмов и к северу — от Фроловских ворот до Никольских. Ладанные книги 1584/1585 г. называют из них только церковь Василия Кесарийского «на рву»¹⁰⁷. Однако нам известны посвящения и некоторых других. Обычно считается, что это так называемые церкви «на крови», поставленные на месте казней эпохи «грозненьского террора». Однако это заблуждение, переходящее из одной публикации в другую. Храмы «на рву» известны уже во второй половине XV в. В летописном описании пожара 20 июля 1472 г. упомянуты сгоревшие на посаде, т.е. в Китае городе, церкви Воскресения и Вознесения Господня «на рву». После пожара церкви были восстановлены и известно, что храм Вознесения сгорел вторично во время пожара

26 сентября 1476 г. Это были не единственные церкви «на рву», известные в XV—XVI вв. Они существовали и после перестройки стен Кремля и сооружения нового рва. Так, по летописи известно, что при знаменитом московском пожаре в июне 1547 г. уцелели церкви Рождества Богородицы и Рождества Христова «на рве». Летописец подчеркнул, что это единственные сохранившиеся церкви, но не назвал сгоревшие.

Записи в Ладанных книгах времени Михаила Феодоровича показывают, что здесь находились также церковь Богоявления «на рву» с приделом Феодосии Девицы, Рождества Богородицы «на рву» с приделами Зачатия Анны и Всех Святых, Усекновения главы Иоанна Предтечи «на рву», Ризоположения «на рву», Иоакима и Анны «на рву»¹⁰⁸. В 1657 г. кроме них мы видим престолы Евангелиста Марка, преподобного Сергия Радонежского, Николы Чудотворца, Рождества Христова, Воскресения Христова, Афанасия и Кирилла, Параскевы Пятницы¹⁰⁹. Среди них — упоминавшиеся в описаниях событий XV и XVI вв. церкви Воскресения Христова, Рождества Христова, Рождества Богородицы. Обстоятельства основания этих церковей неизвестны. Заслуживает внимания гипотеза, согласно которой среди них были поставленные в память о чудесном избавлении Москвы от нашествия Магмет-Гирея в 1521 г., когда слепая старица Вознесенского монастыря увидела «умными очами» исходящих из града русских святых, выносящих через Фроловские ворота икону Владимирской Богоматери. Навстречу этой процессии двигались преподобные Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский, умолившие уходивших вернуться в град, не оставлять его без молитвенной помощи и защитить от «варварского нашествия». Повествование о видении старицы и чудесном избавлении Москвы от Магмет-Гирея есть во всех официальных летописях XVI в.¹¹⁰ И.А. Бондаренко остроумно предположил, что в 1521 г. была построена церковь Троицы с приделом Варлаама Хутынского¹¹¹. Добавим, что стоит обратить внимание на существование на рву церкви преподобного Сергия Радонежского, а также на появление в соборе Покрова на Рву придела преп. Варлаама Хутынского, не связанного с Казанской победой; этот престол могли перенести из более ранней церкви, построенной в память о чуде 1521 г.

Кроме храмов, появившихся в сакральной топографии Москвы благодаря ее статусу столицы, в ней существовали обычные и для других городов обетные престолы, освященные в память избавления от пожаров, эпидемий и других трагических событий местной истории. Их труднее выявлять, поскольку обстоятельства их появления описываются редко. Один из них — храм Симеона Дивногорца, в день памяти которого чудесным образом остановился пожар 23 мая 1468 г., не тронув укрепленный город, Кремль¹¹². Храм был поставлен не только за городом, но и за границами посада, в районе улицы Покровки, что, вероятно, неслучайно. Еще в конце XV в. здесь находились великокняжес-

Собор Василия Блаженного и храмы на рву. Фрагмент плана Кремля «Кремленаград». Начало XVII в.

Москва и ее окрестности в XVII веке

Масштаб 1 : 80 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова по С.Ю. Шокареву

Дороги

большие Московского узла

местные и проезды

Границы

двухверстной полосы конфискации под выгоны согласно Уложению 1649 г.

примерные некоторые владений

Земельные владения вокруг Москвы

с. Воробьева

Государств езд (дворы.)

дворовые

с. Троицкого-Голенищева

Саввинского м-ря (патриарш.)

патриаршие

Крутицкого митрополита

дер. Кожухов (Крутицкого митрополита)

Крутицкого митрополита

с. Черкизова

Покровского м-ря (Чудова м-ря)

монастырские

Успенского собора

московских соборов

кн. Як. Куд. Черкасского

(боирин Вас. Ив. Стрешнева)

боярские собственные

Касимовского царевича

(по влад. кн. Б.А. Ретнива)

боярские арендованные

Рязанской Московской столицы

ямских слобод

Частновладельческие слободы и группы дворов, взятые в посадское тягло, согласно Уложению, в 1648-1649 гг.

▲ патриаршие

▲ монастырские

боярские

Городские стены

каменные

деревянные

Застроенные территории с. Карачарова

Главнейшие владения, подвергшиеся частичной или полной конфискации

Наиболее крупные участки выгона, созданные под Москвой в 1649 г.

Рвы (преимущественно без воды)

▼ Каменоломни

☒ Пороховые погреба

Пороховая мельница (с 1963 г. – бумажная)

Заводы

Мануфактуры

Торговые пристани

Монастыри

☒ Церкви

☒

Примечание:

Принадлежность владений обозначена или кратко (дворы.), или в форме родит. падежа наименования или имени владельца без прибавления слова «земля»

кая загородная усадьба с церковью св. князя Владимира, великокняжеские сады и конюшни. Здесь же стояли два храма, посвященные святым врачам-бессребренникам Козьме и Дамиану (на Востром конце и на Покровке), построенные, возможно, по обету за избавление от эпидемий.

Нельзя не заметить, что на Кулишках целый ряд престолов посвящен редким для Москвы святым (князю Владимиру, святителю Андрею Критскому) и праздникам (Поклонения веригам апостола Петра¹¹³). Возможно, это также связано с традицией ставить обетные храмы на земле великого князя. Интересна и система посвящений одного из древнейших храмов этой части Загородья, церкви Святого Владимира, стоявшей на великокняжеском дворе. «Новой двор оу Святого Воло димера» появляется между 1407 и 1417 гг.¹¹⁴ Столь редкий для Москвы престол связан, веро-

ятно, с замыслом великого князя посвятить его своему равноапостольному сроднику, святому прародителю великокняжеского московского рода. Один из придельных престолов храма посвящен святым Кирику и Иулите¹¹⁵, память которых празднуется в один день со святым Владимиром. Именно при обетном строительстве донатор часто устраивал отдельные престолы святым, память которых приходилась на день важного для него события¹¹⁶.

Таким образом, мы наблюдаем следы особой меморативной зоны на Кулишках, в Старых Садах и в начале Покровки; она была связана с ближними загородными владениями великих князей и постепенно наполнялась престолом, освященными по обету великого князя за избавление от стихийных бедствий рядом.

Схема Кулишек (из книги «Памятники архитектуры Москвы. Белый город».)

Стена Китай-города

Основные дороги из города

Дороги в усадьбу

Утраченные дороги

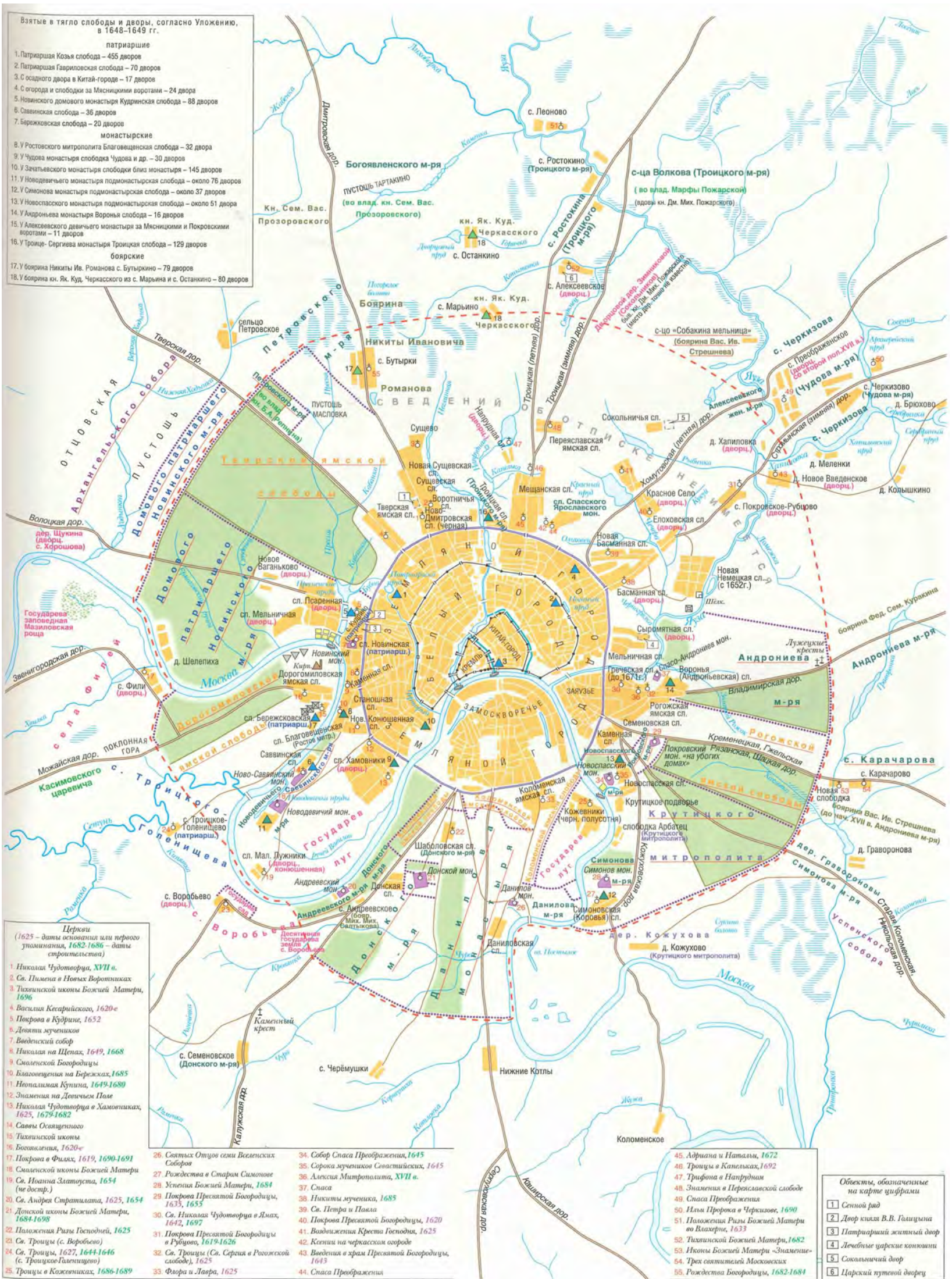
Монастыри

Церкви

Палаты

Существующие здания

Несуществующие здания

Кремлевские храмы, связанные с молениями о царских детях

1. Фрагмент панорамы Кремля Ф. Камторези. 1790-е гг. Слева: Сре́тенский собор при палатах царевичей Иоанна и Феодора Иоанновичей.
2. Надвратный храм Иоанна Аествичника с приделом Евдокии Чудова монастыря. Фрагмент плана Кремля «Кремленоград». 1600-е гг.
3. Церковь Михаила Малеина и колокольня Вознесенского монастыря в Кремле. Травюра 1889 г.
4. Чудов монастырь. Фото 1880-х гг.
5. Троицкое подворье в Кремле. Миниатюра из «Книги об избрании на царство...». 1672 г. Справа: Церковь преп. Сергия В ад онежского с приделом св. Феодора Стратилата.

ПАТРОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Место церквей, поставленных по обету за рождение великокняжеских детей, также оказывается в пределах «великокняжеских» зон и определено локацией других мемориальных храмов. Приделы, посвященные патрональным святым детей Ивана Калиты, могли появиться в Архангельском соборе, главном родовом храме «князей варяжских царствующей ветви», возможно, тогда единственном на великокняжеском дворе, еще до эпохи Дмитрия Донского. Правда, они известны в XVI—XVII вв., уже в современном нам соборе, но могли находиться еще в храме Калиты. Прежде всего это приделы Симеона Летопроводца и Андрея Критского. Святому Симеону Столпнику и Андрею Критскому соименны два сына Ивана Калиты: Симеон (родился 7 сентября и мог быть назван во имя Симеона «Летопроводца» — память 1 сентября¹¹⁷); младший сын Андрей родился 4 июля на память святителя Андрея Критского¹¹⁸.

В истории посвящений Архангельского собора еще много неясного. Не исключено, что придел Иоанна Милостивого также имеет патрональный характер. Святым, соименным царствующим потомкам Ивана Калиты, посвящены некоторые престолы, появление которых относится большинством исследователей ко времени Ивана Грозного. Это сменившие друг друга в южном преддверии собора престолы во имя Обретения главы Иоанна Предтечи и Иоанна Лествичника, связанные с патрональными святыми Ивана Грозного и его сына Иоанна (заметим, что средний сын Калиты, Иоанн, родился 30 марта на память св. Иоанна Лествичника, и гипотетически престол во имя этого святого мог появиться в соборе в XIV в.).

Патрональный характер мог иметь придел домового великокняжеского собора Благовещения Пресвятой Богородицы во имя св. Василия Великого, Его первое упоминание относится ко времени Ивана III, к 1489 г., когда он был освящен в новопостроенном соборе¹¹⁹. Святому Василию Кесарийскому был тезоименит великий князь Василий Дмитриевич — строитель Благовещенского собора 1416 г., что позволяло предполагать, что придел был основан в домовой церкви еще в первой четверти XV в.

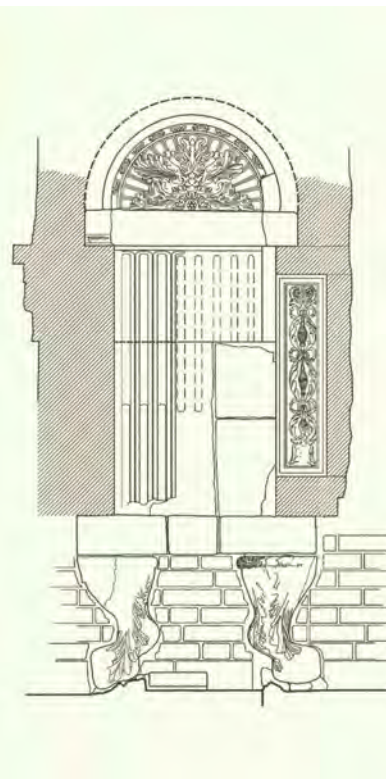
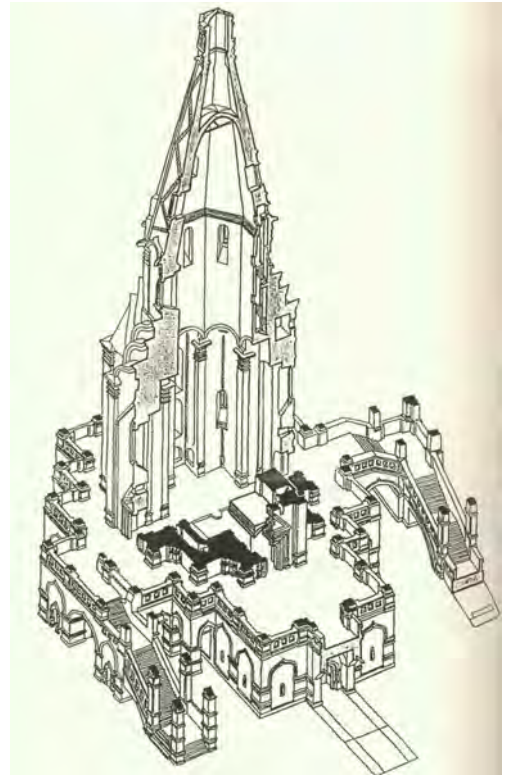
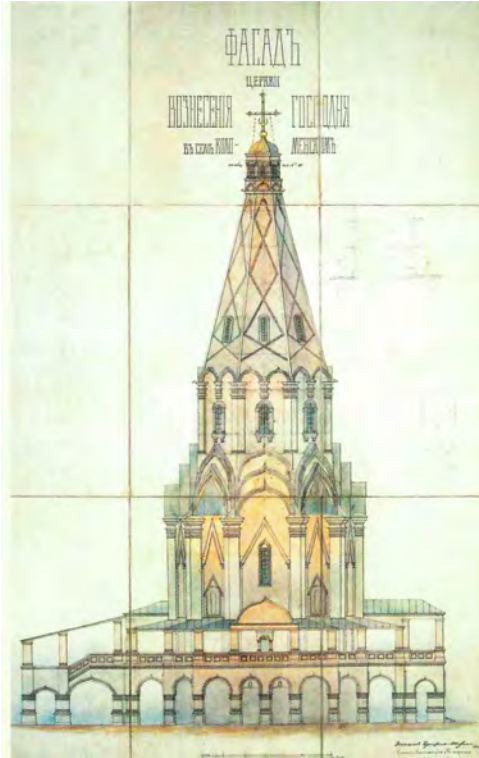
Систематизируя достоверные сведения о строительстве храмов во имя небесных покровителей великих князей и членов их семей, мы приходим к неожиданному выводу. Их сооружение осуществляется, по крайней мере, со времени великого княжения Ивана III, преимущественно вне Кремля. Предполагали, что приделы, вынесенные в 1560-е гг. на своды папертей Благовещенского собора, ранее были на его хорах, но это не подтверждено летописными записями. Кроме того, среди этих посвящений патрональным можно считать лишь тот же придел Василия Кесарийского (перенесен в 1563/64 г. на своды паперти). С конца XVI в. в Благовещенском соборе известен придел Святого Георгия, который предположительно можно связать с великим князем Георгием Васильевичем, братом Иоанна IV, но престол Страсто-

тернца Георгия в домовом храме вполне ожидаем и в связи с общим почитанием святого воина.

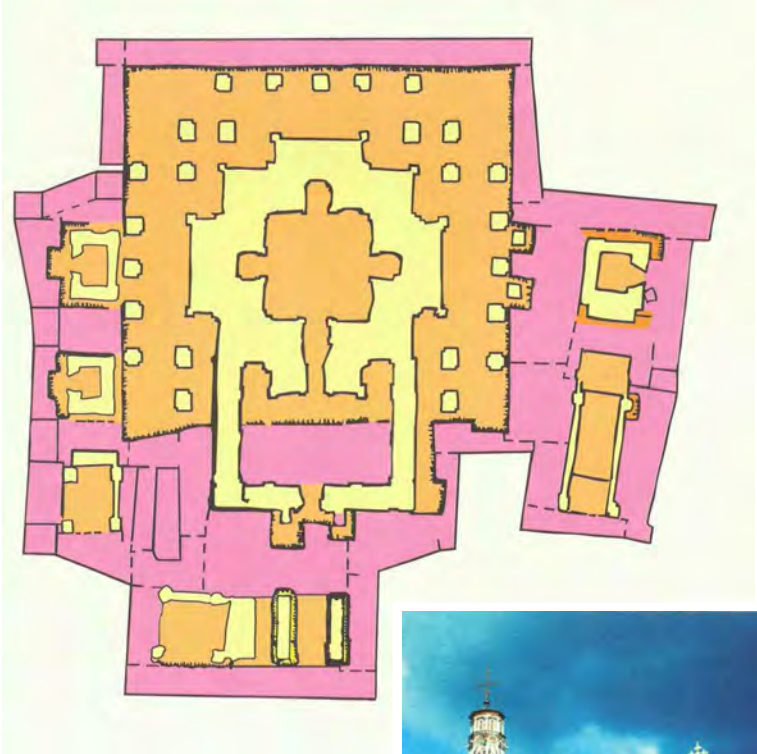
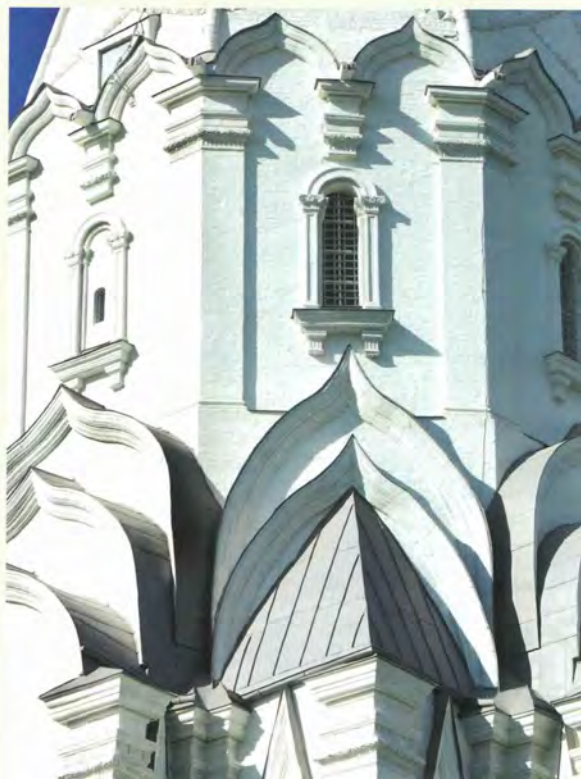
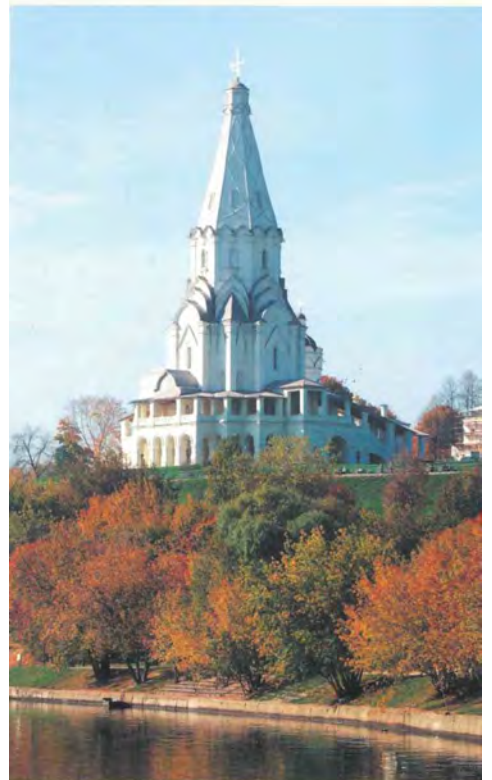
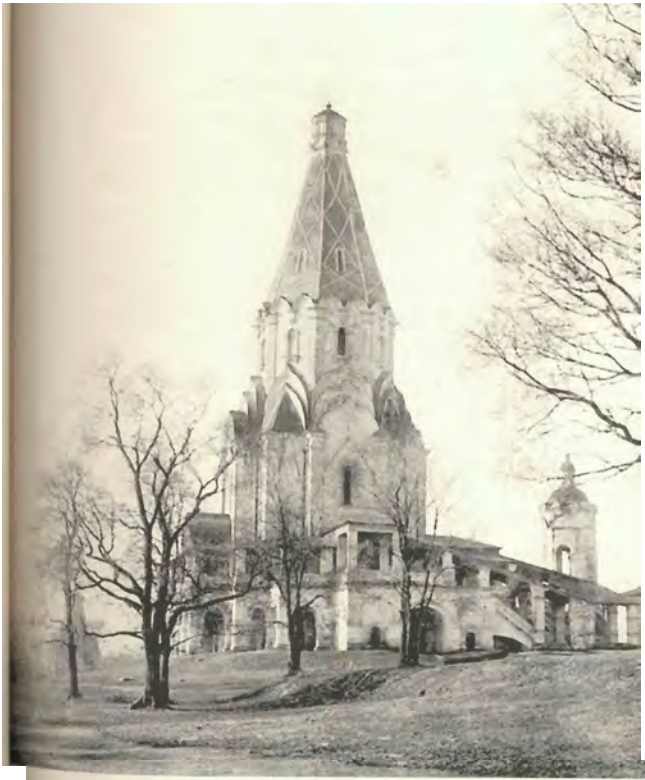
Назовем несколько фактов, поддерживающих нашу гипотезу. Великий князь Иван Третий был крещен во имя святого Иоанна Златоустаго, а по дню своего рождения имел покровителем святого апостола Тимофея. Но в храмах Кремля нет престолов во имя этих святых — для их освящения великий князь избирает уже существующий в Загородье, вблизи своего загородного двора, Златоустовский монастырь, основанный московскими гостями («Бе же изначала церковь гостей Московских строение»)¹²⁰. Бывший «гостинный» монастырь по данному обету (его причины летопись не раскрывает) Иван III превращает в великокняжеский, учреждает игумена, определяя ему место после игумена Воскресенского монастыря и перед всеми священниками Загородья: «игумена у тоа церкви в соборе под Воскресеньским игуменом загородских попов преже сего». Придел нового каменного храма посвящается апостолу Тимофею, «в то бо день родися»¹²¹.

Далее, сын Ивана Васильевича III, великий князь Василий Иоаннович был крещен во имя святого Василия Парийского, а по дню своего рождения почитал своим вторым особым покровителем Архангела Гавриила, но о строительстве в Кремле храма во имя этих святых упоминаний нет. В 1585 г. Ладанные книги фиксируют выдачу в придел Собора Архангела Гавриила, существовавший в Благовещенском соборе, что позволяет подозревать о его связи с Василем III. Туда выдают ладан и в XVII в., но в «Книге расхода за 7093 год» (запись 24 марта 1585 г.) придел назван Собор Архангела Гавриила¹²², а в Дополнениях к Никоновской летописи, где содержатся известия о строительстве и освящении приделов Благовещенского собора, речь идет о приделе Собора Архангела Михаила¹²³. Что за этим, путаница записей или изменения в посвящении престола между 1564 и 1585 гг.? НД. Маркина не сомневалась в изначальном посвящении северо-восточного придела Собору Архангела Михаила, указав на фреску северного крыльца на северной стене собора «Явление Архангела Михаила Иисусу Навину и взятие Иерихона», а также «Собор Архангела» (какого?) на северной стене крыльца под северо-восточным приделом¹²⁴. Но с конца XVI в. Ладанные книги знают только придел Архангела Гавриила, а кроме того, сохранилась храмовая икона придела — «Собор Архангела Гавриила» рубежа 1560—1570-х гг. И.Я. Качалова, обратив на это внимание, воздержалась от прямых выводов. Со своей стороны заметим, что, если даже северо-восточный придел был освящен в честь Собора Архангела Гавриила, это еще не основание связывать его со временем Василия III — контекст летописи позволяет думать, что, в отличие от придела Василия Кесарийского, он был новым для Благовещенского собора. Его появление в соборе более чем логично, ведь Собор Архангела Гавриила празднуют на следующий день после Благовещения. Скорее, патрональным

Церковь Воскресения в Коломенском — один из узловых памятников церковной топографии, архитектуры и археологии Москвы. Архитектурные детали из раскопок Л. Беляева, 1970–2000-е гг.

Церковь Вознесения в Коломенском.
Неизв. художник. Вторая пол. XIX в.

Ножки «трона»
на галерее церкви
Воскресения
в Коломенском

храма во имя Архангела Гавриила логично вписывается в общую программу строительства Василия III на его загородном дворе в Коломенском, новой великокняжеской резиденции.

С рождением у Василия Ивановича долгожданного наследника, Иоанна, традиционно связывают и строительство каменного храма Вознесения в Коломенском. Это суждение, возможно, принадлежит к категории устойчивых историографических мифов (как убедительно показал С.С. Подъяпольский, возведение церкви должны были начать раньше, весной 1529 г.). Но строительство храмов, достоверно связанных с рождением великокняжеского первенца, все равно происходило вне Кремля. Обетный храм во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи с приделами Зачатия св. Анны и св. митрополита Петра был построен у старого великокняжеского в Занеглименье, рядом с каменным храмом Благовещения на Ваганькове. Этот храм был обыденным¹²⁷. Впоследствии, уже после пожара 1547 г., обетный храм Василия II переносят, как полагал В.В. Кавельмахер, в царское село Ивана IV — Дьяково¹²⁸, где в 1560-е гг. строят царский храм во имя его небесного покровителя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна¹²⁹. Таким образом, именно великокняжеский загородный двор становится зоной строительства патрональ-

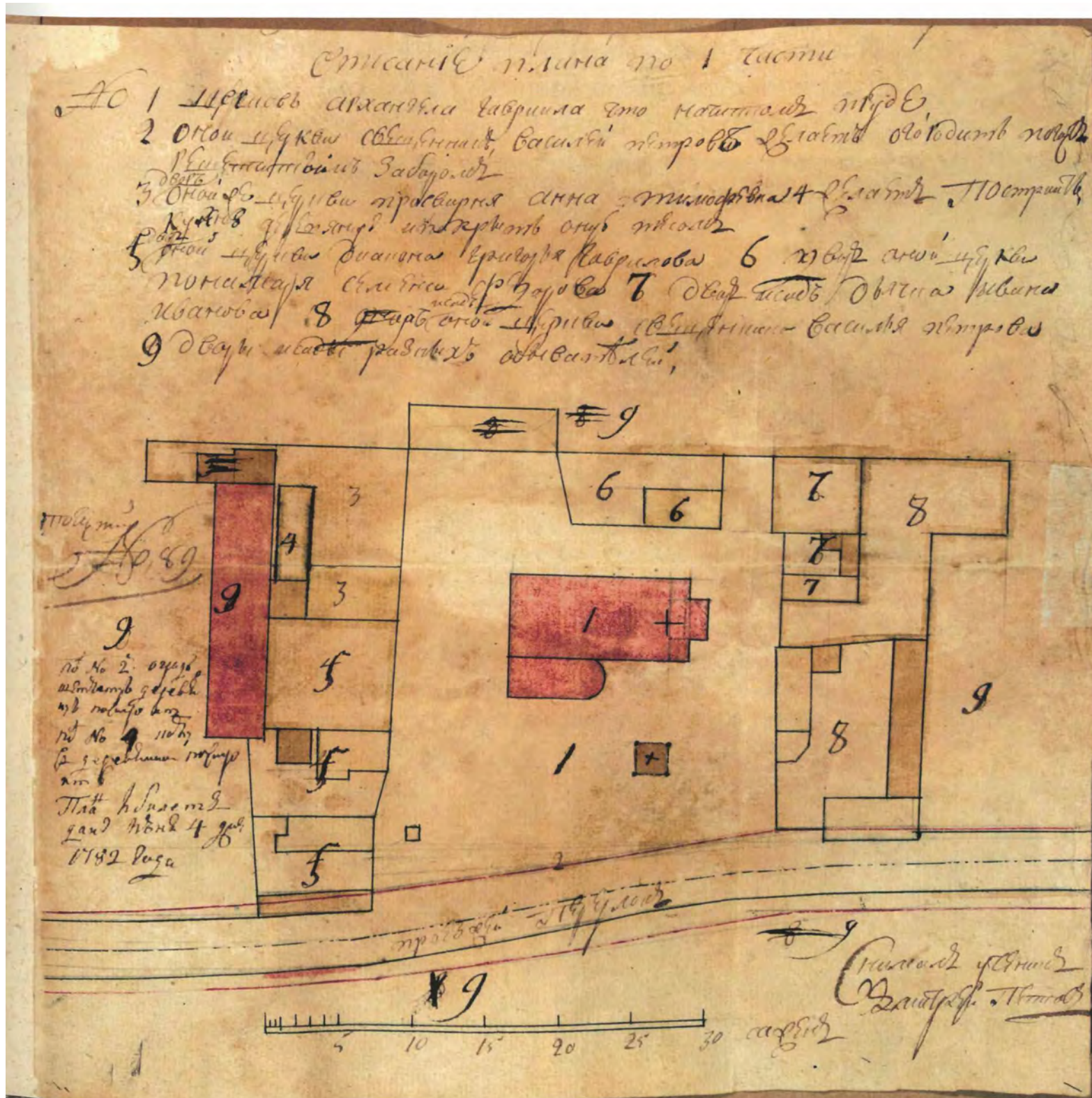
храмом был придел Архангела Гавриила в соборе Спаса на Бору, известный по Ладанным книгам 1585 г. Новое здание этого храма было построено в 1527 г. при великом князе Василии Иоанновиче, когда храм был уже на территории великокняжеского дворца. Это делает возможным устройство придела во имя его Ангела в дворцовой церкви.

Более отчетливо прослеживается другая линия в патрональном строительстве: храмы, посвященные Архангелу Гавриилу, мы находим в монастырях — великокняжеских богомолиях. Храм с таким престолом был им построен и в его загородной резиденции — селе Коломенском: это, видимо, известная церковь под колоколами, выстроенная итальянским мастером рядом с храмом Вознесения Господня¹²⁵. По поводу ее изначального посвящения (да и раннего существования в ней храмового престола) нет единого мнения, чаще всего ее упоминают с поздним посвящением во имя Великомученика Георгия, полагая даже, что столпообразное сооружение строили только как колокольню, без храмового помещения в первом ярусе. Хотя оно, действительно, служило колокольней при храме Вознесения, считать его (как полагал и В.В. Кавельмахер¹²⁶) первым подколокольным столпообразным сооружением, лишенным храмовой функции, трудно. Наоборот, возведение

новых храмов Архангела Гавриила в Коломенском, а затем Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове.

Характерно, что при этом Иоанн IV не поставил на своем дворе или в кремлевских монастырях храма, посвященного Усекновению главы Иоанна Предтечи (придел в Архангельском соборе освящен во имя Обретения главы Иоанна Предтечи).

Еще очевиднее вынесение за границы великокняжеского кремлевского двора патронального строительства, связанного с детьми Ивана IV. Оно в основном сосредоточено не в загородных усадьбах, а в монастырях. Первый шаг в становлении этой традиции сделан при рождении первенца — царевны Анны 10 августа 1549 г. Сразу же после ее рождения в Новодевичьем монастыре был поставлен деревянный храм святых богооотцев Иоакима и Анны. Через 8 дней после рождения церковь была освящена, и в ней тогда же, 18 августа, царевна крещена¹³⁰. После рождения сыновей Ивана Грозного, царевичей Димитрия, Иоанна и Феодора, учреждения приделов на государевом дворе не последовало. Придел Иоанна Лествичника в Архангельском соборе появится в южном преддверии уже после смерти царевича Иоанна Иоанновича на месте придела Обретения главы Иоанна Предтечи. Разумеется, нельзя за-

План дворов в приходе церкви Архангела Гавриила на Чистом пруде, в Белом городе. 1782 г. РГАДА

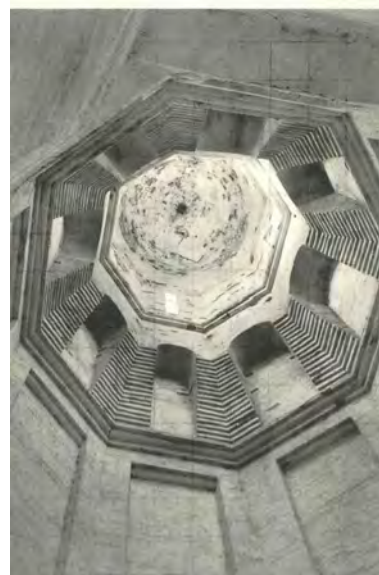
бывать о церкви Иоанна Лествичника «под колоколами», но специально устроенных храмов на государевом дворе во имя этого святого, которому был тезоименит царевич Иван, и во имя Феодора Стратилата, святого покровителя царевича Феодора, нет.

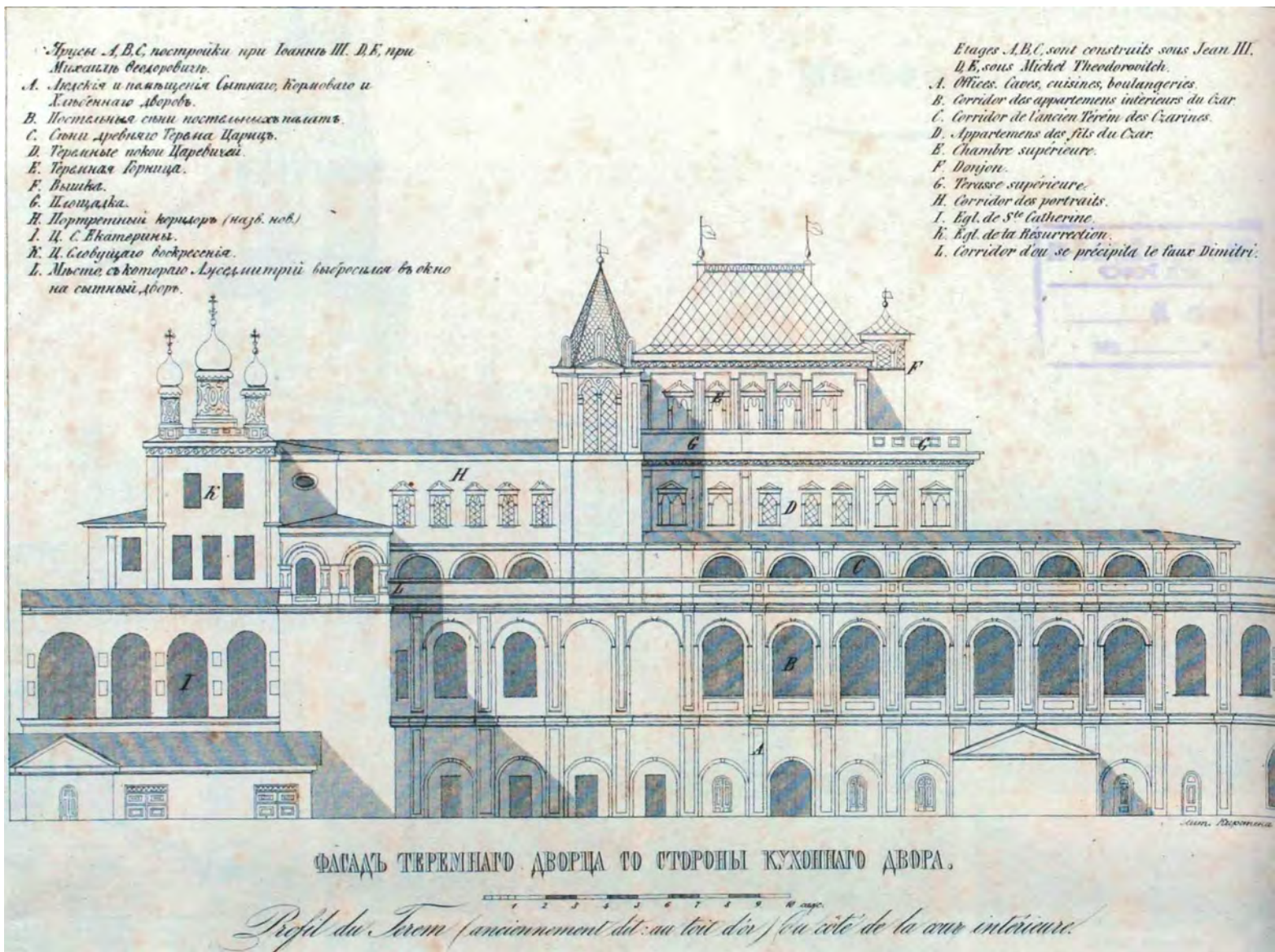
Патрональные храмы детей Ивана Грозного в Кремле строятся, но не на государевом или митрополичьем дворе, а на монастырской территории. Рассмотрим обстоятельства этого строительства. 28 марта 1554 г. царица Анастасия родила своего второго сына — царевича Ивана. Он был крещен царским духовником, настоятелем Благовещен-

ского собора протопопом Андреем 15 апреля в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы собора Чудова монастыря у мощей святителя Алексия¹³¹. Как пишет летопись, «принял его от купели» митрополит Макарий. Через два года, 26 февраля, в семье Ивана Васильевича родилась дочь Евдокия¹³². Она также была крещена в Чудовом монастыре благовещенским протопопом Андреем, а восприемником «от купели» был митрополит Макарий. В конце того же года из царской казны был построен надвратный храм Иоанна Лествичника с приделом преподобной Евдокии на так называемых Задних воротах Чудова монастыря. Храмы были освящены 1 ноября митрополитом Макарием в присутствии всей царской семьи¹³³. Как и при рождении первенца, царевны Анны, храм во имя патрональных святых царских детей строят в монастыре, в котором происходит их крещение. В Чудовом монастыре крестили и царевича Феодора, родившегося 31 мая 1557 г., но пре-

Патрональные храмы Василия III и Иоанна IV
(церковь Архангела Гавриила в Коломенском
и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове)

Северный фасад Теремного дворца и Теремных церквей Московского Кремля. Литография 1850-х гг.

стол, освященный во имя Феодора Стратилата в монастыре, учрежден не был — мы находим его на Троицком подворье, в церкви преподобного Сергия Радонежского.

Храмы («настоящие» и придельные), посвященные святым Иоанну Лествичнику и Феодору Стратилату, учреждаются при Грозном во многих монастырях. Их сооружение носит систематический характер и в ряде случаев позволяет датировать само строительство. В этой связи нельзя не обратить внимания на очевидный факт. После 1560 г. возводят отдельные палаты царевичей с их домовым храмом Сретения Господня и с двумя приделами в его боковых апсидах, освященными во имя Святителя Николая и Никиты Переяславского. Если посвящение придельного престола во имя Святителя Николая в домовом храме царевичей не требует особых объяснений, то устройство придела святого Никиты Столпника нужно прокомментировать. Его устройство объясняет особое почитание святого в семье царя Иоанна IV. Именно с его молитвенной помощью связывали рождение царских сыновей — царевича Иоанна и царевича Феодора. Посвященный ему придел устраивается и на сводах паперти церкви Рождества Богородицы на Сенях, где известен и придел Святого Онуфрия Великого. Таким образом, в домовом храме на половине царевичей ус-

траивают придел не во имя их патрональных святых, а во имя молитвенника об их рождении.

Эта традиция, о сложении которой можно говорить с определенными оговорками, станет особенно заметна в эпоху царей Феодора Иоанновича и Бориса Годунова. Патрональные приделы во имя Феодора Стратилата и Ирины Мученицы появятся во многих монастырях, где ведется строительство в те годы. Также и патрональные престолы, связанные с Борисом Годуновым и членами его семьи, учреждаются в монастырях и годуновских загородных усадьбах. В Кремле престолы во имя патрональных святых семьи Бориса Годунова можно увидеть лишь в домовых церквях на дворе Дмитрия Ивановича Годунова (церковь Бориса и Глеба с приделами Марии Египетской, Феодора Стратилата, Ксении Римляныни).

В царствование Романовых ситуация меняется. Придел во имя государева Ангела, святого Михаила Малеина появился в Благовещенском соборе уже в 1613 г. (21 октября следует выдача ладана «к Государеву Цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси Ангелу...»¹³⁴). Храм святого Михаила Малеина освятили и в Вознесенском монастыре. При Михаиле Феодоровиче центром дворцового комплекса стало северное крыло старого великокняжеского дворца, на котором строится Теремной дворец. С его строительством формируется и связанный с ним новый комплекс дворцовых церквей. Здесь создают новые храмы, посвящения которых имеют патрональное значение. После женитьбы царя Михаила Федоровича на Евдокии Лукьяновне в церкви Великомученицы устраивают придел Святой Евдокии. В кни-

гах выдачи ладана писали: «к царицыну к Ангелу к Преподобной мученице Евдокеи что у царицы на сенех»¹³⁵. На сенях был освящен и придел во имя патронального святого (святого Иоанна Белоградцкого) второго сына Михаила Феодоровича, царевича Иоанна Михайловича¹³⁶.

Вместе с тем, церкви во имя патрональных святых царских детей возводятся и возле почитаемых в семье Михаила Феодоровича городских церквей. Так, после рождения царевны Ирины Михайловны в 1627 г. деревянную обетную церковь во имя Николая Чудотворца с приделом Ирины Мученицы ставят не в Кремле, на великокняжеском дворе, а возле почитаемой церкви Зачатия Анны «в Углу». Обетный придел Ирины Мученицы устраивают при храме Николая Чудотворца в дворцовом «новом» царском селе Покровском-Рубцове¹³⁷.

В тех случаях, когда храм во имя святого, соименного царю или его чаду, уже существовал, празднование «царского» Ангела переносили к этому престолу. Главным «именинным» храмом царя Алексея Михайловича был престол в Алексеевском монастыре, почитавшемся царем Михаилом Феодоровичем и царицей Евдокией Лукьяновной, — именно с этим монастырем в Москве связывалось почитание святого Алексея человека Божия. Аналогичная ситуация сложилась вокруг Ивановского монастыря. В XVII (может быть, и ранее, в XVI) столетии он был центром почитания в Москве святого Иоанна Предтечи Господня. После воцарения Иоанна Алексеевича, брата и соправителя Петра I, именины которого праздновали 29 августа, Ивановский монастырь стал главным царским «праздником». На особую связь царя Иоанна V с Ивановским монастырем косвенно указывает запись царских выходов в год его рождения. Известно, что царевич родился с 26 на 27 августа 1666 г., а 29 августа его отец, царь Алексей Михайлович, посетил Ивановский монастырь, где отслужили праздничную литургию с молебном. При этом «...шел Великий Государь от себя к празднику за образом Предтечи Иоанна, за иконою местною, которая имана из Ивановскаго монастыря для починки и окладу к нему Великому государю в верх, и поставлена та икона в Ивановском монастыре. А за ним Великим Государем были бояре, и околничие и думные и ближние люди, в цветном платье»¹³⁸. Таким образом, благополучное рождение царевича совпало с окончанием обновления образа его патронального святого, храмовой иконы Ивановского монастыря. Кроме того, обновляли ее киот¹³⁹. Молебны о здравии царевича в Ивановском монастыре патриарх Иоаким служил и впоследствии¹⁴⁰.

Память об особом внимании царя Иоанна Алексеевича к Ивановскому монастырю сохранялась в первой половине XVIII столетия (в донесении 1734 г. в Св. Синод монастырь назван его богомольем¹⁴¹). О регулярности выходов в монастырь царя Иоанна V существует и более позднее свидетельство. В 1741 г. старые монахини Ивановского монастыря доносили в Св. Синод, что «в день тезоименитства своего

«Трон» на галерее церкви Вознесения в Коломенском. Начало 1530-х гг.

царь Иоанн Алексеевич со всем синклитом изволил шествовать 29 августа в Ивановский монастырь в крестном хождении, и святейший патриарх служил»¹⁴². После смерти Иоанна Алексеевича обычай царских выходов с крестным ходом в Ивановский монастырь на день Усекновения Главы Иоанна Предтечи прекратился¹⁴³.

Характерно, что и «именинная» церковь царевны Натальи Алексеевны находилась далеко за пределами Кремля, в Загородье, на Мясницкой. Для учреждения ее престола изменили намеченное посвящение церкви Псковского подворья, освятив ее не во имя преподобного Варлаама Хутынского, как следовало из царского указа, а во имя Адриана и Натальи¹⁴⁴.

Таким образом, выявляются определенные тенденции в зонировании обетного царского и великокняжеского строительства. Уже при Иване III оно выносится за пределы Кремля и сосредотачивается в загородных усадьбах и монастырях (при явном тяготении «патронального» строительства к этим последним). В то же время отчетливо выделяется тенденция к сооружению обетных церквей у почитаемых городских храмов или установление особого царского патронажа над уже существующими, освященными ранее во имя царского Ангела. Мы сталкиваемся тут с определенной случайностью в выборе «именинного» храма, вызванной совпадением окончания царского строительства и события в его семье.

СОБОР ПОКРОВА НА РВУ и ЕГО ПРИДЕЛЫ

Есть основания утверждать, что обетный царский храм, как правило, включали в уже сложившуюся сакральную топографию. Это происходило тогда, когда его сооружение на определенной территории являлось частью программы. Мы уже говорили о зонировании обетного строительства, при котором в городе складываются участки, на которых строят обетные ружные храмы. Один из красноречивых примеров — строительство собора Покрова на Рву. Обетный храм бы воздвигнут в ряду других ружных бесприходных храмов, стоявших вблизи (на краю) рва. Все они должны были сгореть во время пожара 1547 г., но к 1554 г., когда был построен деревянный восьмипрестольный собор, их могли уже возобновить. Например, храм Воскресения Господня «на рву», известный в XVII в., упоминается в летописях при описании пожара 1472 г., а церкви Рождества Христова и Рождества Богородицы, отмеченные в документах XVII столетия, существовали еще до пожара 1547 г.¹⁴⁵ Та же судьба была и у многопридельного храма Происхождения Древ честнаго Креста Господня и Всемилоуистивого Спаса, первоначально построенного на рву по указу Василия III в 1514 г. после взятия Смоленска¹⁴⁶. О том, что подобные церкви были и на месте собора, указывают известные слова летописи: «а прежде сего на тех местех бывали же церкви надо рвом»¹⁴⁷. Они не означают, что эти церкви были снесены для сооружения собора. Скорее всего, речь идет о храмах, сгоревших во время пожара 1547 г. Во всяком случае, их прежнее существование на этом месте предопределило процесс возобновления в XVI в. До начала русской Смуты он был завершен, что зафиксировано на Кремленграде, на котором показаны храмы, стоявшие вдоль рва между Флоровскими и Никольскими воротами Кремля. В Ладанной книге 1584/85 г. сообщается о посвящении лишь одной из них — церкви Василия Кесарийского «на рву»¹⁴⁸. Престолы других известны уже по Ладанным книгам времени Михаила Феодоровича. Это церкви Богоявления «на рву» с приделом Феодосии Девицы, Рождества Богородицы «на рву» с приделами Зачатия Анны и Всех Святых, Усекновения главы Иоанна Предтечи «на рву», Ризоположения «на рву», Иоакима и Анны «на рву»¹⁴⁹, а также Великомученика Георгия, Марии Магдалины, Евангелиста Марка, Параскевы Пятницы, Рождества Христова, преп. Сергия. В 1656/57 г. кроме них мы видим престолы Воскресения Христова, Афанасия и Кирилла¹⁵⁰. Не все они были самостоятельными церквями. Когда их престолы появляются в сакральной топографии Китай-города, мы пока не знаем, поскольку отсутствие упоминания о каких-то из них в Ладанных книгах не является свидетельством их более позднего появления у Алевизова рва.

В начале XVII в. ряд этих храмов от Фроловских, или Спасских, ворот в сторону Никольских начинался с церкви Феодосии Девицы (может быть, тогда уже придела церкви Богоявления), названной в Ладанной книге 7122 г. как стоящая «на рву, у Фроловских ворот»¹⁵¹. В середине XVII в.

ближайшим храмом к Фроловским воротам показана церковь Параскевы Пятницы (от угла паперти которой до перил Фроловского моста было 10 сажень¹⁵²), в конце столетия известная под названием «что у Спасского моста»¹⁵³.

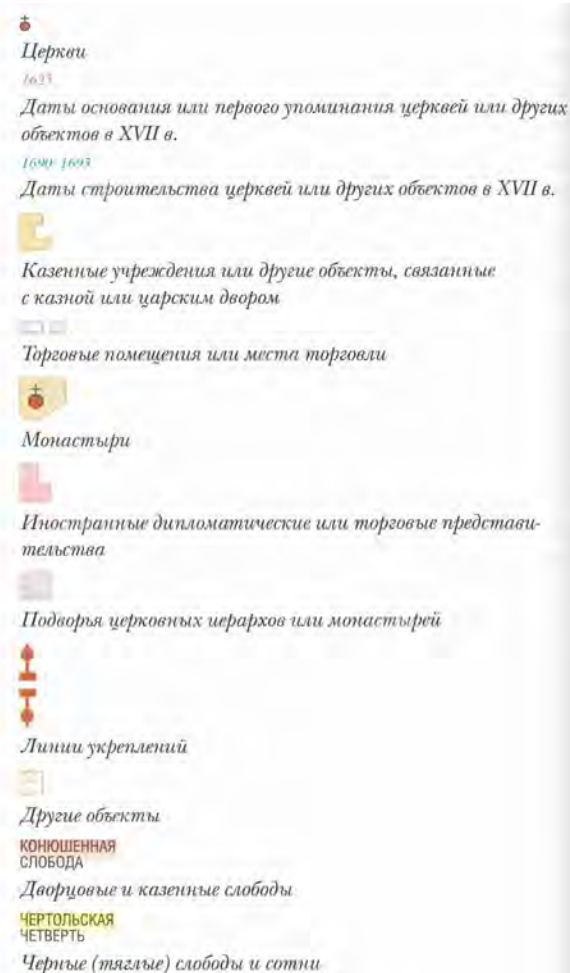
По другую сторону Фроловского моста находился собор Покрова на Рву, за ним церковь Апостола Андроника с приделом Марии Египетской, а ниже церковь Спаса Смоленского, также именованная в некоторых документах «что на рву, под горою»¹⁵⁴.

Собственно говоря, собор Покрова оказывается одним из этих храмов, несмотря на то, что он в отличие от них был каменным. При этом храмы, восстановленные или построенные заново в зоне, условно говоря, обетного ружного строительства, появляются и на Лобной горе — частично насыпном холме, на котором стоял собор Покрова. Один из них был уже каменным к 1634 г. Он изображен на гравюрах, помещенных в описании путе-

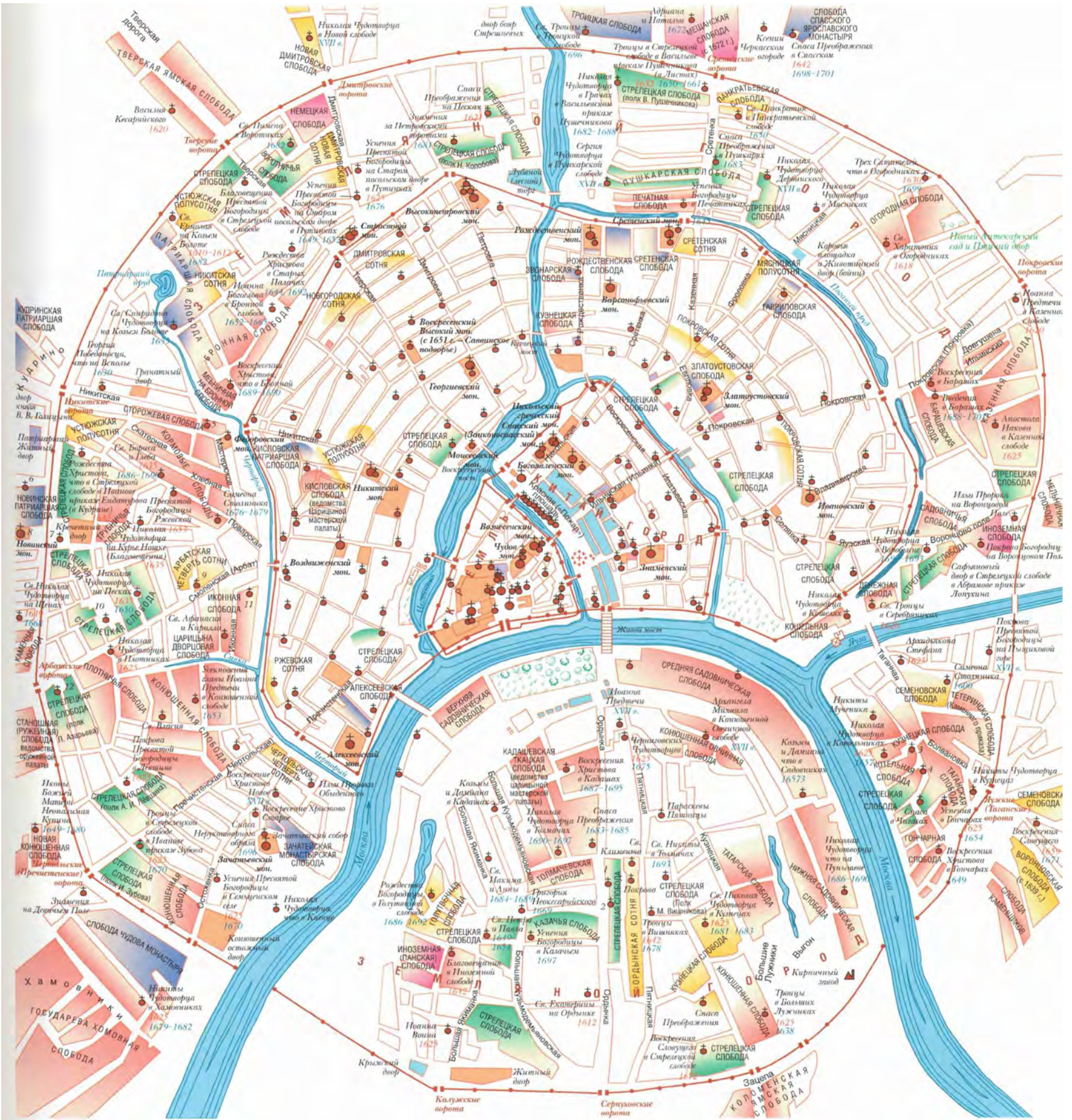
Москва во второй половине XVII в. в пределах Земляного города

Масштаб 1 : 22 000

Составитель С.Ю. Шокарев

СТРЕЛЕЦКАЯ СЛОБОДА

Военные и служилые слободы

НОВИНСКАЯ ПАТРИАРШАЯ СЛОБОДА

Монастырские и владичные слободы (до отписания в посад в 1648–1649 гг.)

МЕЩАНСКАЯ СЛОБОДА (с 1672 г.)

Иноземные слободы

Зацепа

Наименования местностей

Цифрами обозначены церкви:

- 1 Николая Чудотворца в Пыжах, 1657–1672
- 2 Георгия, что на Всполье
- 3 Космы и Дамиана в Таганьей слободе, 1625, 1662
- 4 Космы и Дамиана в Старых Кузицах
- 5 Вознесения Христова в Сторожках, 1685–1689
- 6 Девяти мучеников Кизических, 1693–1699
- 7 Иоанна Предтечи позади Кречетного двора, 1657
- 8 Введенский собор
- 9 Николая Чудотворца Явленного
- 10 Спаса Преображения на Песках, 1639
- 11 Св. Филиппа Митрополита, 1688
- 12 Троицы в Стрелецкой слободе в Леоптьевом приказе Азарьева, 1642, 1649–1650

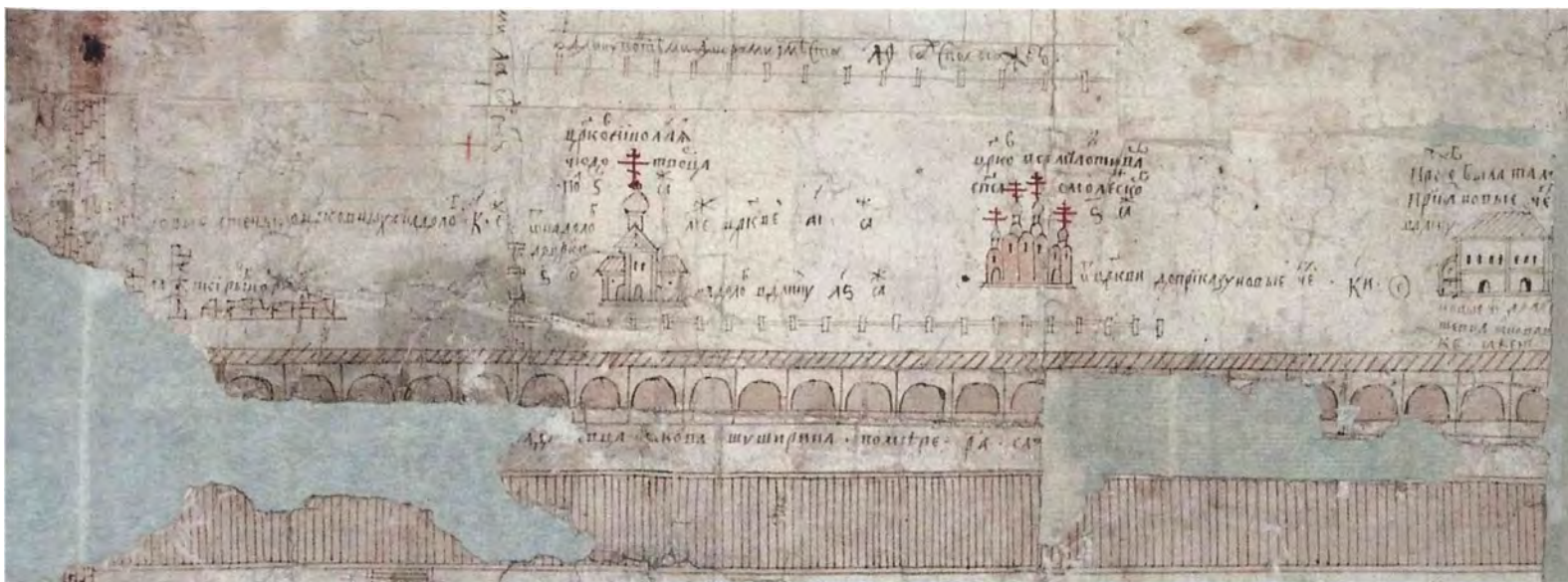
Собор Покрова

1. Собор Покрова на Рву (храм Василия Блаженного). Фото 1880-х гг.
2. Собор Покрова на Рву в сер. XVII в. Гравюра по рис. А. Олгария.
3. Вид Красной площади у Никольских ворот Кремля. Гравюра 1790-х гг. по рис. Ж. Девиля и М. Махаева.
4. Золотая монета 1612 г., найденная при раскопках у стен собора

шествия Адама Олеария и в альбоме Августина Мейерберга. Здесь отчетливо показана церковь с приделом, расположенная непосредственно за звонницей. Это храм Апостола Андроника с приделом Марии Египетской. У него в середине XVII в. был один погост с собором Покрова на Рву: «церкви Покрова Богородицы и живоначальная Троицы и церкви Марии Египетские старое кладбище от Тиунской и загорожено забором»¹⁵⁵. Этот храм зафиксирован на чертеже 1781 г. Его план соответствует изображению церкви в XVII в. Это бесстолпная постройка с трехчастной апсидой. В диаконнике находился придел св. Марии Египетской. К сожалению, ни по изображениям на гравированных рисунках из описаний путешествий в Россию, ни по плану точно датировать время сооружения каменного храма нельзя. Впервые престолы этой церкви упоминаются уже в 1618 г. в Ладанной книге. Следует обратить внимание, как писец локализует

храм в сакральной топографии Китай-города при записи о выдаче ладана: «что у Покрова на Рву»¹⁵⁶. Это же определение сохраняется и в последующих записях за 1619–1620 гг.¹⁵⁷ Сопоставляя эти сведения с данными более поздней Строельной книги 1657 г., можно прийти к заключению, что уже в 1618 г. церковь Андроника Апостола с приделом находилась в непосредственной близости к Покровскому собору. Мало того, выражение «что у Троицы на рву» может означать, что церковь Апостола Андроника была приделом собора, поскольку это же выражение употребляется в Ладанных книгах по отношению к другим его придельным церквям («к Варлааму Хутыньскому что у Троицы на Рву», «к празднику Киприяну и Устинии что у Троицы на Рву»¹⁵⁸). В то же время известно, что в позднейший период церковь Апостола Андроника находилась у колокольни. Это еще одно основание предполагать, что храм с приделом, изображенный у Оле-

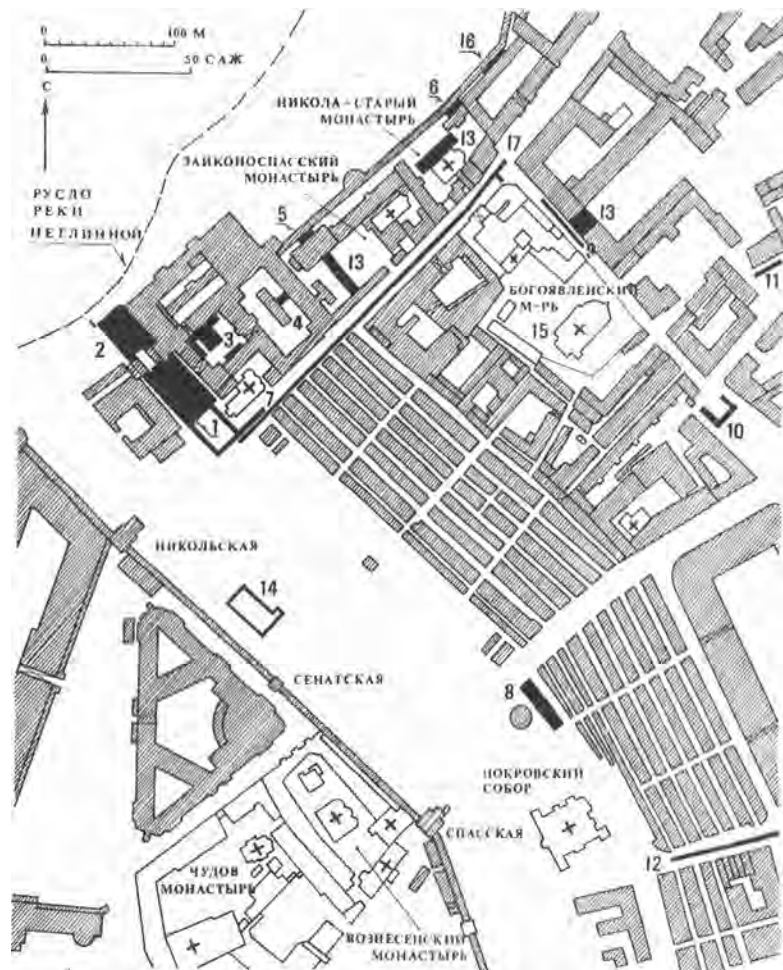

План местности к югу от собора Покрова на Рву с церквями Николая Московецкого и Спаса Смоленского. Втор. пол. XVII в. РГАДА

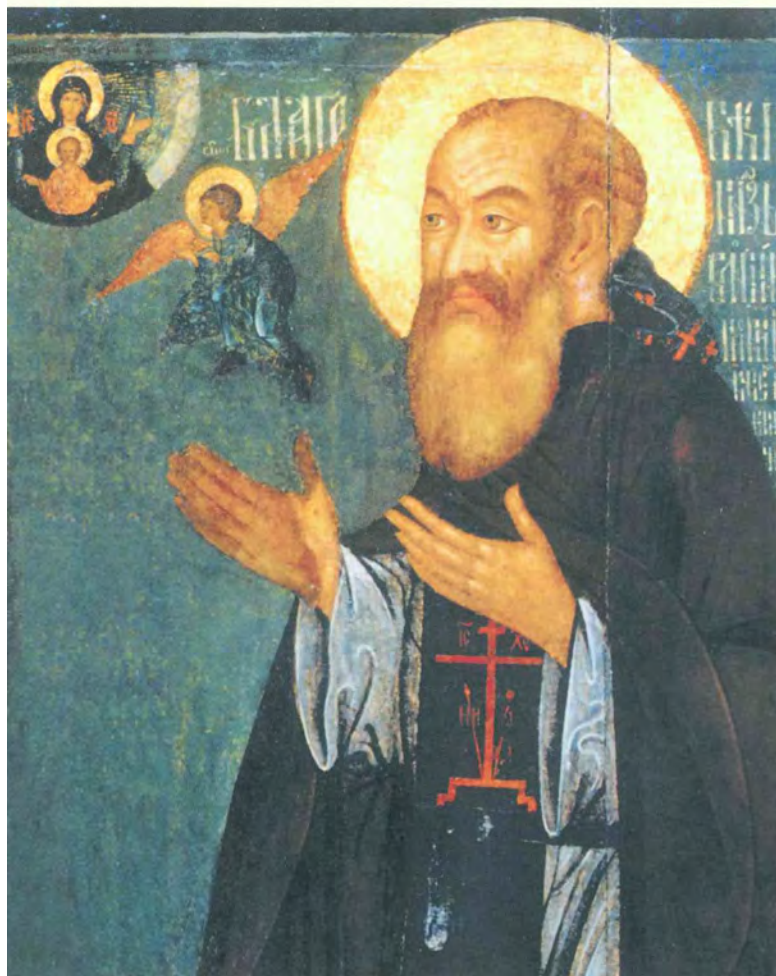

Схема размещения церквей и монастырей на Красной площади и Никольской улице

Собор Василия Вложенного. Открытка XIX в.

Собор Покрова на Рву
как продолжение традиции
великокняжеского обетного строительства

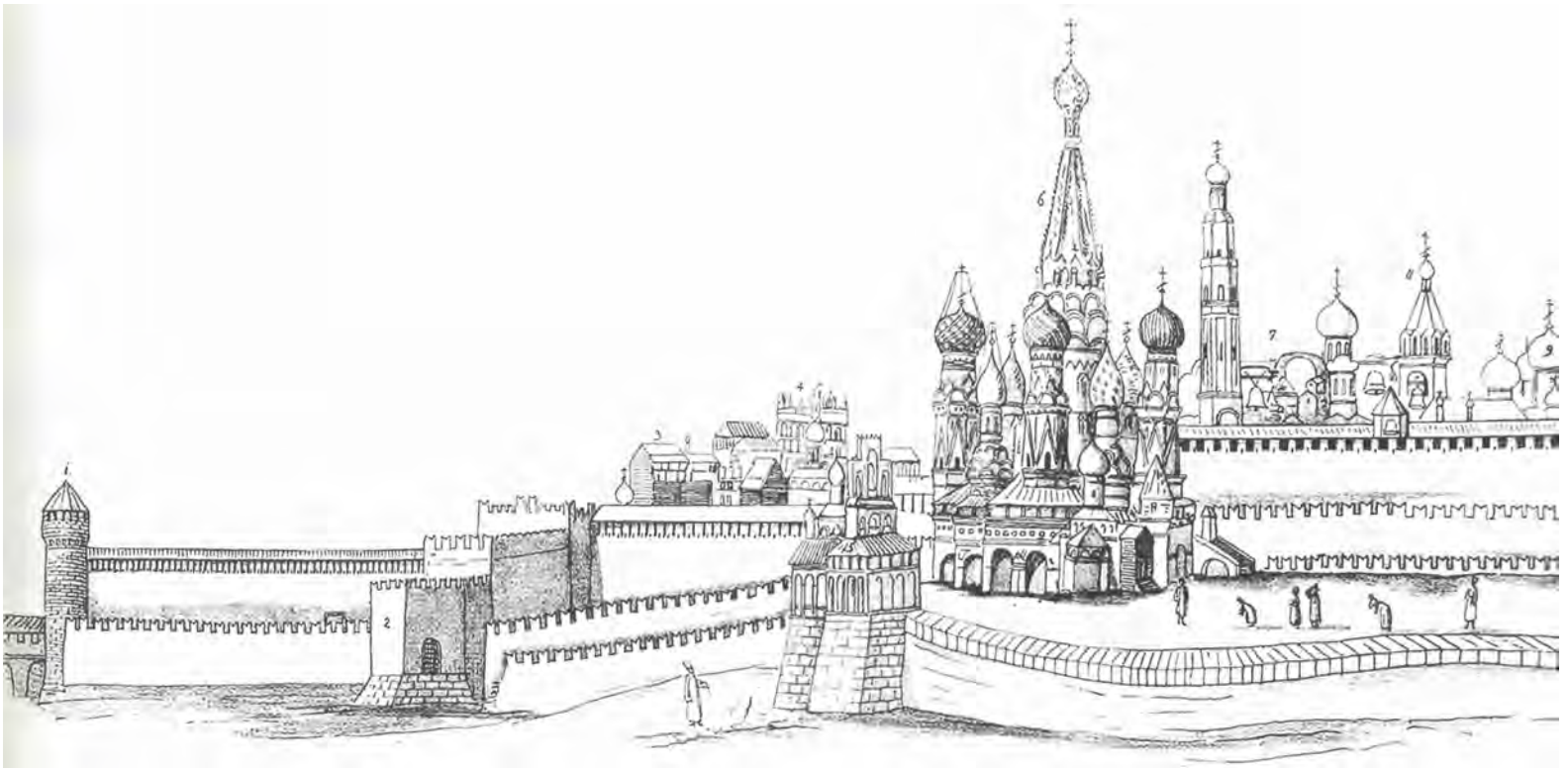

Василий III
Иванович

Портреты
Иоанна IV
Грозного
XVI и XVII вв.

Покровский собор.
По рис. Мейерберга 1662 г.

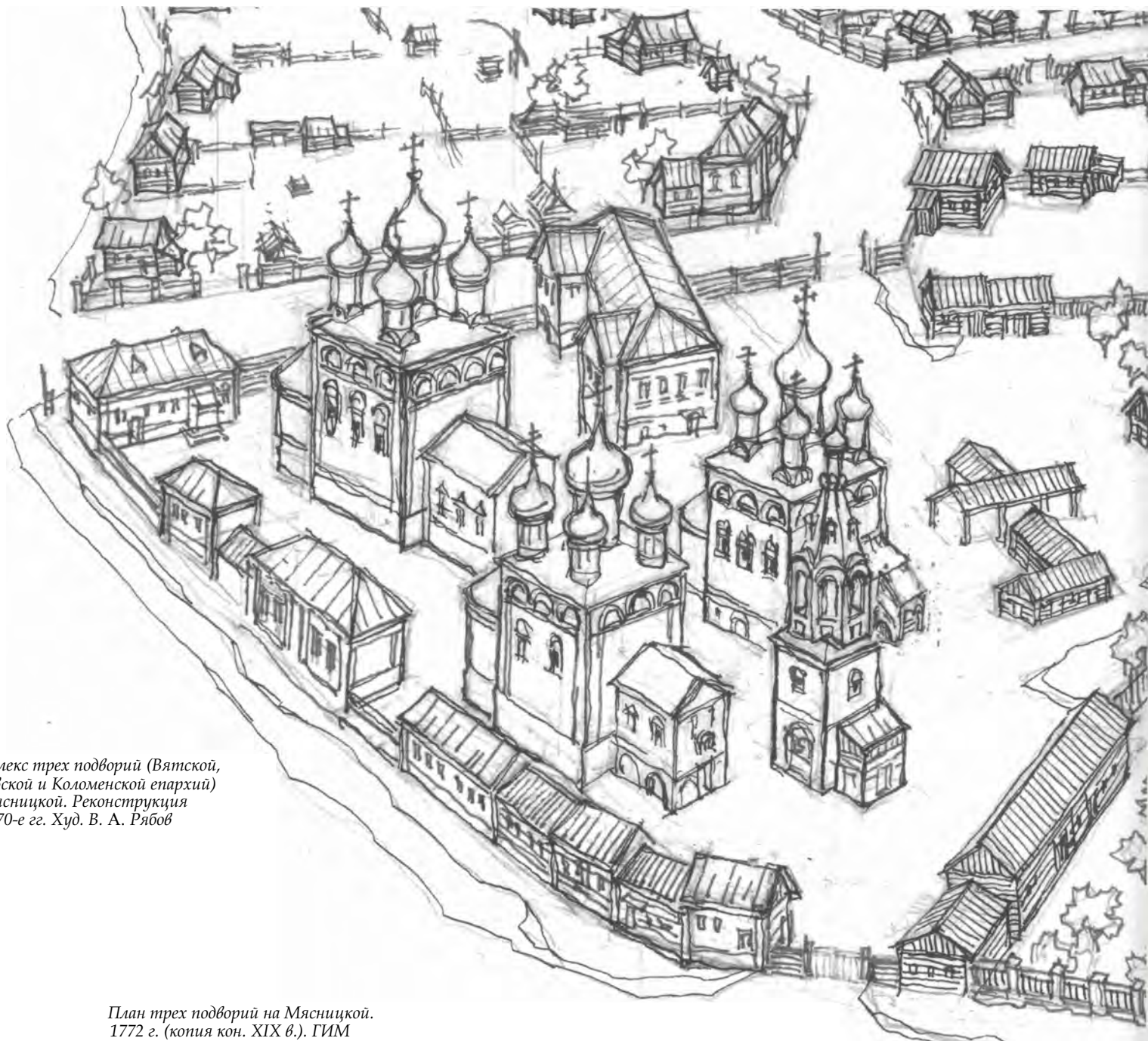
ария и Мейерберга, и есть упомянутая в 1618 г. церковь Апостола Андроника с приделом Марии Египетской, «что у Троицы на Рву». Остается неизвестным время ее появления у собора. Были ли ее престолы учреждены в связи с каким-то событием после строительства собора, или же их происхождение восходит к тем храмам «надо рвом», о которых говорит «Летописец начала царства»?

Характерны и закономерности развития этой обетной зоны вдоль Алевизова рва. Престолы ружных церквей, выстроенных вдоль рва от Фроловских до Никольских ворот, были, как известно, перенесены в собор Покрова на Рву в царствование Феодора Алексеевича. Сакральная зона вдоль рва была сужена и ограничена территорией собора. Поскольку причины переноса были не связаны с сокращением причтов ружных церквей, то сложившийся к концу XVII в. состав престолов «на рву» сохранился. Благодаря тому, что церковь Апостола Андроника и Марии Египетской существовала на территории собора уже достоверно с 1610-х гг., в ее положении ничего не изменилось (ее снесут только через столетие, причиной чего станет, во-первых, сокращение штата ружных причтов, вымерших во время чумы, а во-вторых, свойственный уже Новому времени «ансамблевый» подход к композиции площадей, предполагавший освобождение Покровского собора от заслонивших его небольших храмов).

Итак, мы наблюдаем, невзирая на различия в обстоятельствах, при строительстве на земельных владениях одного храма других церквей одну общую черту — новая церковь всегда оказывается ружной, все равно, частновла-

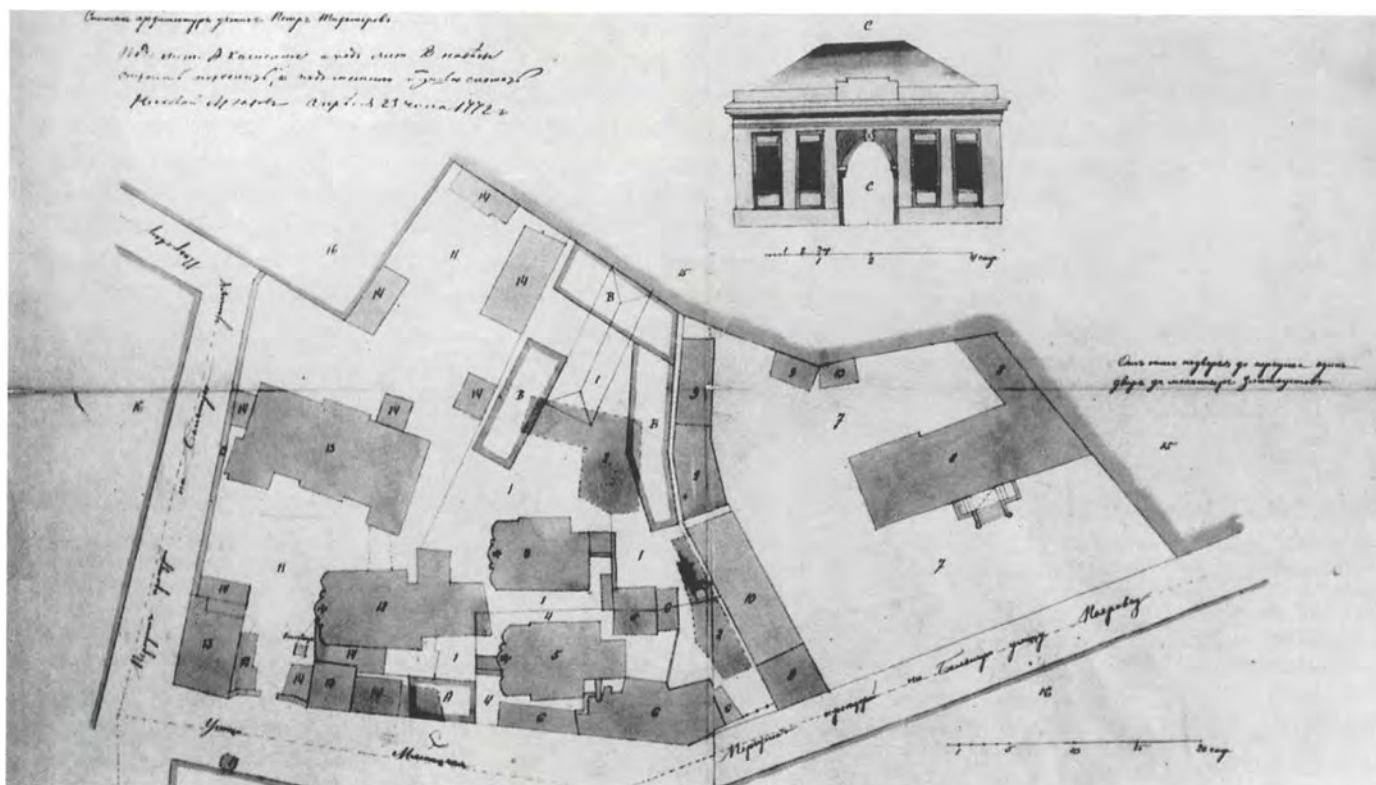
дельческой или государственной (обычай строить теплые деревянные храмы рядом с каменными, к середине XVII в. исчезающий, мы выносим за скобки). Прекращение руги для такого храма часто приводит и к упразднению его престола. Другая наблюдаемая закономерность — размещение частновладельческих храмов на ближайшем церковном участке, невзирая на сокращение свободного пространства последнего. За этим явлением стоит определенный правопорядок, согласно которому вкладчик, живущий в приходе, может поставить новый храм на приходском церковном участке. Обилие таких храмов на одном участке зависит от плотности заселения состоятельными прихожанами, а посему локализует это явление в определенных частях города.

То же происходит и с «государственными» ружными храмами — их строят в определенных частях города и также рядом с уже сложившимися сакральными центрами. Выбор места для их строительства диктуют временные предпочтения — почитание определенной церкви в определенное царствование или, напротив, сформировавшаяся традиция строительства обетных храмов на конкретной территории.

Комплекс трех подворий (Вятской, Псковской и Коломенской епархий) на Мясницкой. Реконструкция на 1770-е гг. Худ. В. А. Рябов

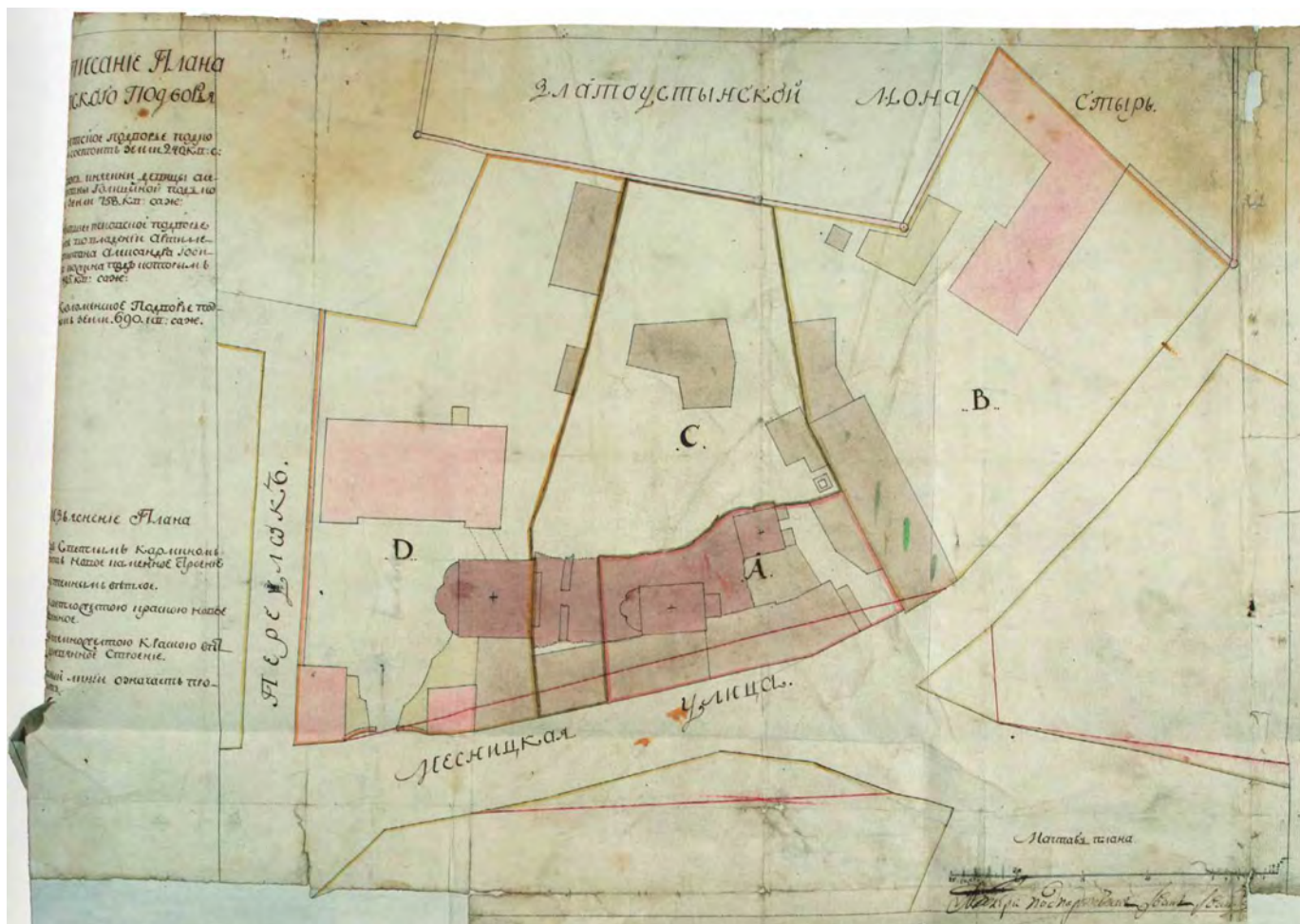
План трех подворий на Мясницкой. 1772 г. (копия кон. XIX в.). ГИМ

ГНЕЗДА ЦЕРКВЕЙ внутри ГОРОДА: ТРИ ХРАМА НА Мясницкой

В существующей закономерности — постепенном сложении конгломерата престолов — существуют свои исключения. Например, единовременное государственное строительство на сопредельных участках трех храмов на Мясницкой. На плане конца XVIII в. зафиксирована уникальная градостроительная для Москвы ситуация — на небольшом участке в непосредственной близости друг от друга стояли три практически идентичных по размеру каменных храма. Две церкви располагались параллельно на небольшом расстоянии друг от друга. Восточнее, в створе между ними, поставлена третья церковь. Причиной появления такого храмового ансамбля явилась необходимость устройства подворий трех епископов — Вятского, Псковского и Коломенского. Для строительства был выделен, видимо, выморочный двор Бориса Приклонского. В 1672 г., 17 февраля, последовал указ царя Алексея Михайловича о строительстве трех каменных церквей «на Борисовском дворе Приклонского»: Тихвинской иконы Богородицы, Святителя Николая, Преподобного Варлаама Хутынского¹⁵⁹. Их возведением руководил каменных дел подмастерье Иван Кузнецик. Судя по росписи строительных материалов, все три храма строились одинаковыми по размерам и, видимо, по объемному построению. Все они стояли

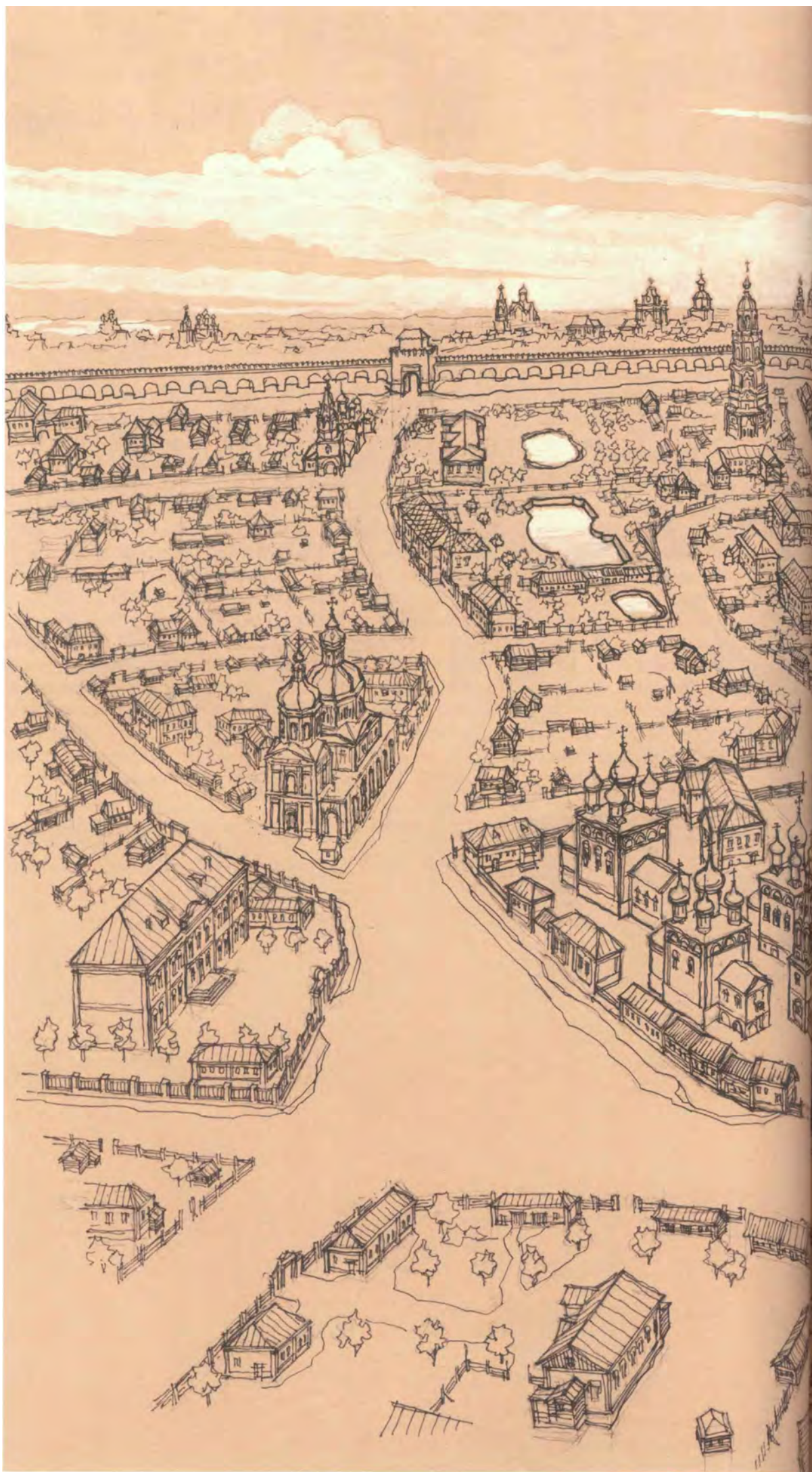
на подклетах («нижние житья») и имели паперти. Двор Бориса Приклонского был разделен на три части, и при этом центр бывшего владения был отдан под строительство храмов. Церковь Святителя Николая принадлежала Вятскому подворью, церковь Тихвинской иконы — Коломенскому подворью (после упразднения Коломенской епархии и перевода епархиального центра в Тулу — Тульское подворье), церковь Варлаама Хутынского строилась для Псковского подворья, но в связи с рождением царевны Наталии Алексеевны была освящена во имя Святых мучеников Адриана и Наталии. Все три храма оставались до времени их разборки бесприходными и числились в приходе церкви Архидиакона Евпла. Анализируя сложившийся на Мясницкой конгломерат подворий, мы приходим к парадоксальному выводу. Несмотря на единовременность создания по единому заказу, этот «ансамбль» для сакральной топографии Москвы более «случаен», нежели любой из рассмотренных выше примеров. В отличие от них он мог сложиться в любом другом месте, где был бы свободный участок, или мог быть рассредоточен, если бы правительство нашло бы три свободных участка в Белом городе. Неслучайна для XVII в. лишь их локализация в Белом городе.

План подворий на Мясницкой улице вблизи Златоустовского монастыря. 1782 г. РГАДА

Часть Белого города между улицами Мясницкой и Покровкой. 1770-е гг. Вид с птичьего полета. Худ. В.А. Рябов

Пересечение Мясницкой улицы, и Златоустовского переуллка создавало треугольную площадь, на которую с севера выходили церковь Архидиакона Евпла и главный дом усадьбы Н.П. Салтыкова, ныне известный как «дом Черткова» (слева). С противоположной стороны к площади был обращен уникальный комплекс трех подворий (Вятской, Псковской и Коломенской епархий) с тремя церквями, возведенными одновременно в 1670-е гг. Правее, по Златоустинскому переулку, — усадьба И.А. Салтыкова с каменным главным домом и Златоустовский монастырь. Вдали, у Мясницких ворот Белого города, — церковь Флора и Авра, а напротив нее — двор князей Куракиных на месте Почтамта и обширная усадьба Строгановых с барочным главным домом и фигурным прудом.

Раскопки в Даниловом монастыре (ведутся с 1980-х гг.) дали основания для реконструкции истории его храмов и некрополя в XIII – XVIII вв.

ТРИ СВЯТЫХ ДАНИИЛА: О ПРЕСТОЛАХ ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

Случай, когда можно документально проследить развитие системы престолов в непрерывно действующем церковном организме, дает история Данилова монастыря с его уникальным посвящением собора памяти Отцов Семи Вселенских соборов (см. в гл. 6) и престолами трех соименников — Даниила Пророка, Даниила Столпника и Даниила, князя Московского.

После возобновления в середине XVI в.¹⁶⁰ монастырь сохранил свое название как воспоминание и историко-топографическое указание на принадлежность в прошлом его основателю. Однако соименного престола монастырь в это время, видимо, не имел, до канонизации же самого князя было еще далеко (хотя заготовка для Жития в материалах Степенной книги уже существовала).

Тем не менее, через три столетия, в середине XIX в., мы обнаружим в монастыре стройную систему престолов, отражающую почитание памяти соименных святых Даниилов, и еще целый набор более или менее традиционных посвящений. Посмотрим, как формировалась эта сложная картина.

В развернутой описи 1840 г.¹⁶¹ названы престол благоверного князя; столпообразная церковь его святого, Даниила Столпника; придел во имя Даниила Пророка. Эти три престола собраны в старом соборе, имеющем сложную архитектурную структуру. В нее входят два основных престола: верхняя церковь Отцов Семи Вселенских Соборов и нижняя — Покрова Богородицы. Парный и равновеликий в архитектурном отношении Покровскому престолу на первом этаже — придел Пророка Даниила. Столпнический придел помещен на втором этаже, позади Семисоборной церкви, к северу от которой выделен придел св. Даниила Московского. Эту композицию можно назвать «собором трех Даниилов». Ее поддерживают другие монастырские праздники: вероятно, по принципу парности и чтобы выделить день церковного новолетия, освящают престол второго известнейшего столпника, Симеона (в этот день у монастыря традиционно бывала большая ярмарка).

Можно восстановить этапы постепенного сложения этой системы в XVIII — начале XIX вв. Опись 1789 г.¹⁶² еще не знала престола во имя благоверного князя (освящен только в 1806 г.), но мощи его уже хранились в соборе. Описи 1763—1767 гг. указывают на церковь Даниила Столпника как на новопостроенную; на то же время приходится указ, завершающий ход официальной канонизации князя. Понятно, что опись 1760 г. такого престола не знает (документы рисуют длительную историю его постройки в 1748—1763 гг.). На 30 лет ранее, по указу 1732 г., построена надвратная церковь (в описи 1753 г. она уже названа Симеоновской, но изначально задумана как двойная, Даниила и Симеона Столпников¹⁶³). Более ранние описи (1725 и 1726 гг., с пометками 1732 г.) эти престолы столпников помещают в трапезе собора.

Но и эта структура не изначальна. Она сложилась в связи с возрастанием почитания Александра Невского в начале XVIII в. Стоит обратить внимание уже на совпадение дня переноса мощей самого князя Александра и обретения мощей его сына, князя Даниила (1652 г.) — 30 августа. Археологические и архивные исследования убеждают, что именно в конце 1720-х гг. был разобран первоначальный храм Семи Вселенских Соборов (1561 г.), а новый собор сформировался, в буквальном смысле, на основе двух уже существовавших к тому времени парных равноапсидных церквей; в новый собор перенесли и мощи благоверного князя Даниила.

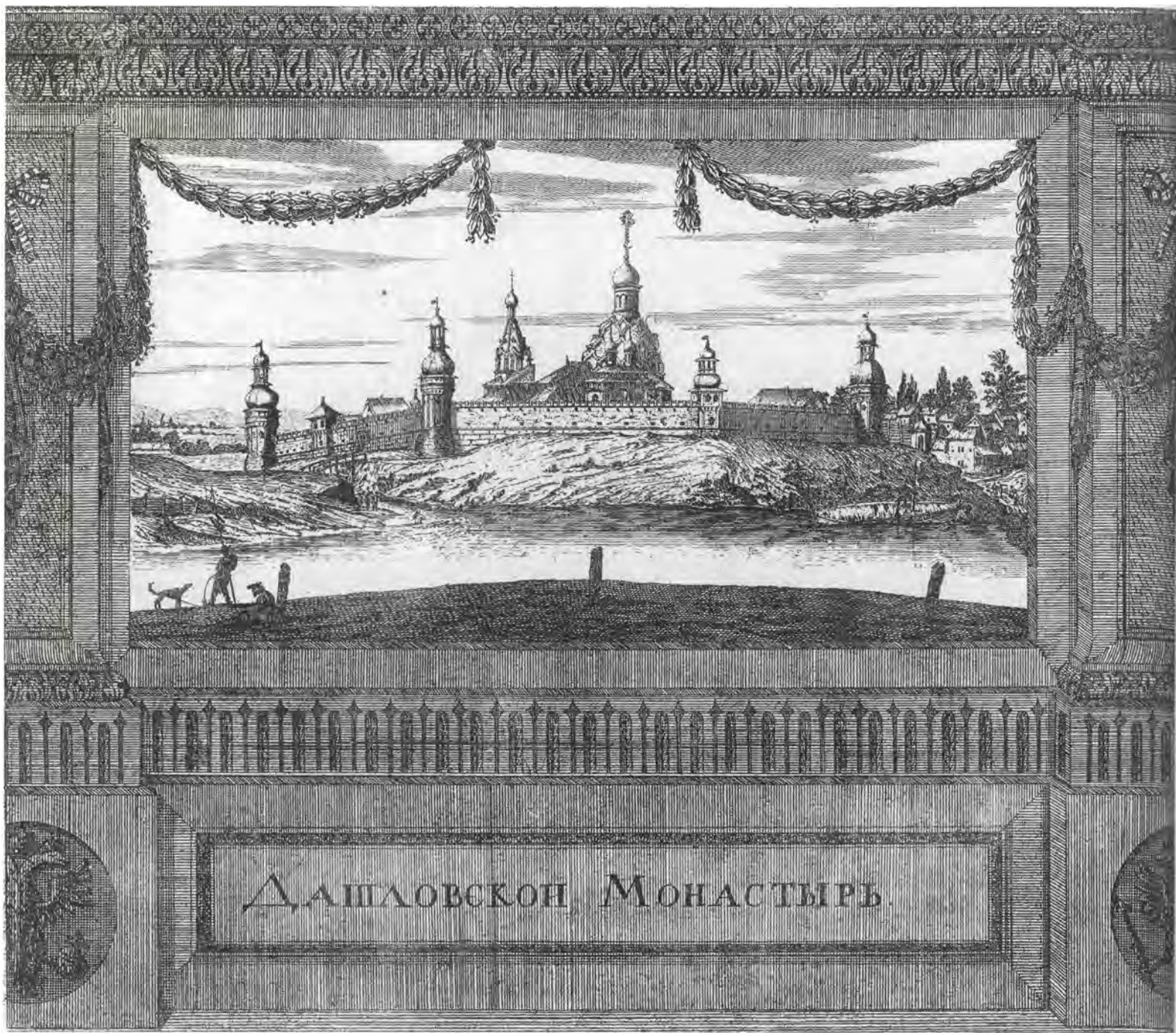
Опись 1701 г., самая старая, вообще не знает в монастыре престолов столпников, но отмечает Пророческий придел в церкви Покрова. Эту композицию фиксирует гравюра Пикара: одноглавый собор XVI в. с украшенным кокошниками сводом и южнее него — одноэтажная двухапсидная церковь с двумя главками.

*Собор во имя свв. Отец Седми Вселенских Соборов Данилова монастыря.
Фото 1886 г.*

Находки в Даниловской местности
представляют не только эпоху Московского княжества,
но и жизнь здесь в XI – XII вв.

*Данилов монастырь.
Гравюра начала XVIII в.*

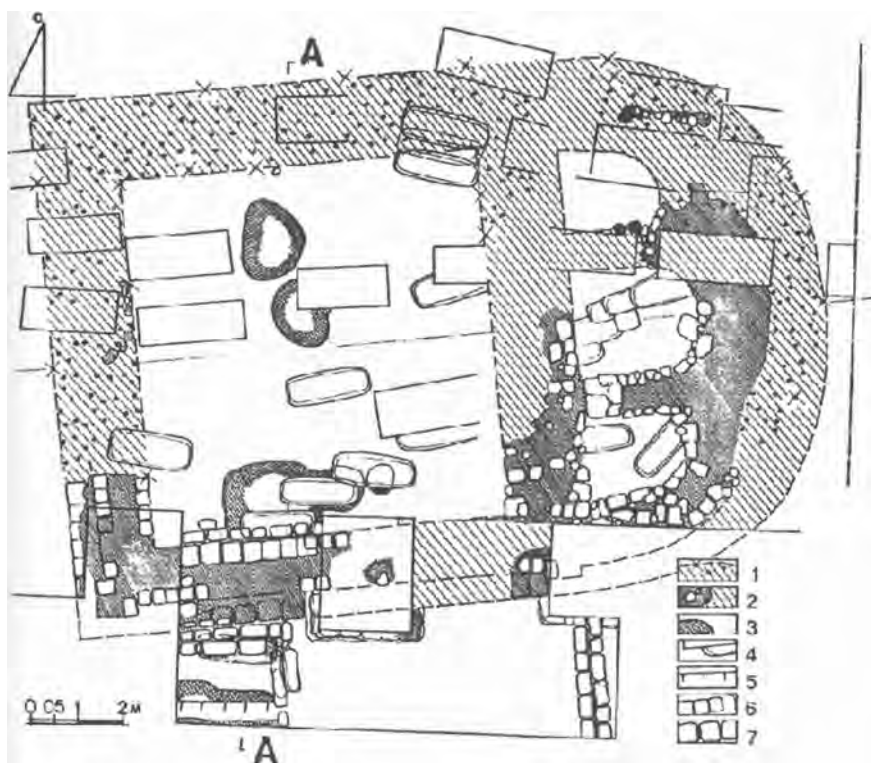
Источники не позволяют столь же уверенно углубиться в XVII в. и определить время сооружения двухпрестольной церкви. Правда, есть указание на одновременное появление в монастыре двух новых престолов (опубликовано еще И.Е. Забелиным) в 1652 г.: «160 года марта 22 запечатана благословенная грамота в Данилов монастырь, что на Москве, по челобитью того ж монастыря игумена Ивана с братьею на два престола: преподобного Даниила да Алексия Человека Божья, пошлин две гривны»¹⁶⁴. Праздник Даниила не уточнен, и речь может идти как о Пророке (поскольку именно его престол мы находим в монастыре раньше других, уже в 1701 г.), так и о Столпнике (как о тезоименитом святом благоверного князя). Зато очевидна общая соотнесенность престолов с памятью основателя Московского княжения и со святым, тезоименитым правящему царю¹⁶⁵. Освящение двух престолов можно сопоставить с появлением между 1652 и 1701 гг. двухапсидной церкви, хотя и другого посвящения — Покрову Богородицы и Даниилу Столпнику.

До середины XVII в. монастырь, возможно, не имел вообще никаких престолов святых Даниилов, но память о благочестивом князе в XVI—XVII вв. сохранялась, как сохранилась и традиция празднования Даниилу Столпнику. Чтобы

понять механизм этого процесса, обратимся к истории церкви в подмонастырской слободе.

Из клировых ведомостей начала XX в. можно узнать, что существующий и поныне храм в честь Воскресения Словущего построен в 1834 г. Никаких данных о предшествующей постройке ведомость не содержит¹⁶⁶; кроме того, находясь за городской чертой, церковь попала не на все планы города (например, ее нет на плане И. Мичурина 1739 г., где местность изображена довольно подробно¹⁶⁷). Поэтому думали, что ранее храм если и был, то деревянный.

Однако сведения о каменном храме Воскресения Словущего есть в целом ряде опубликованных документов¹⁶⁸, хотя с двумя разными датами постройки. Это объяснимо: более раннюю (7207/1699 г.) назвала (согласно описи церкви 1723 г.) храмозданная грамота — это начало строительства. Более поздняя указана в документах об освящении храма (1706 г.). Фиксируется и промежуточное

Храм свв. Отцов Семи Вселенских Соборов в Даниловом монастыре. План по материалам раскопок 1983–1984 гг.

Схема развития престолов Данилова монастыря в XVIII–XIX вв.

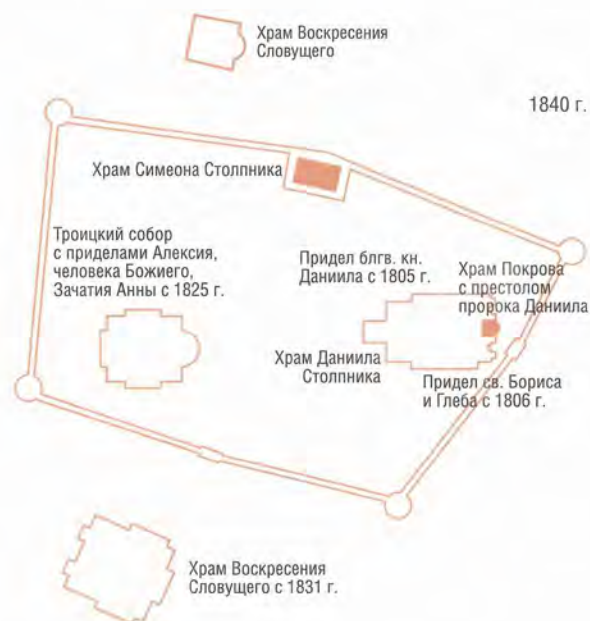

состояние: переписная книга 1704 г. прямо говорит о ведущихся работах: «Монастырь во имя великаго князя Даниила, на Москве реке... Да у монастыря же слободка Даниловская, на реке на Москве, а в слободке церковь Воскресения Христова деревянная, ветхая, другая каменная строится вновь. У церкви во дворе поп Варфоломей Кириллов»¹⁶⁹.

Таким образом, перед нами возникает не только каменная церковь 1700-х гг., но и ее деревянная предшественница — вероятно, того же посвящения. Существует переписка 1754 г. о выдаче новых антиминсов, но она не отвечает на вопрос о посвящении, поскольку имен престолов не дает¹⁷⁰. Так или иначе, антиминс основного престола был древнее 1706 г. и принадлежал «деревянной, ветхой» предшествовавшей церкви, о которой упоминается в 1704 г. Раскопки внутри и вне ныне существующего храма выявили остатки каменной церкви 1700—1830-х гг. и подтвердили наличие на участке раннего кладбища.

Получается, что была и более древняя церковь Воскресения. Но в документах XVII в. мы ее не видим. В них говорится, что церковь слободы освящена во имя св. Даниила Столпника. Храм такого посвящения существовал в слободе по крайней мере с 1625 г., когда в окладной книге упомянут взнос за нее денег попом Григорием¹⁷¹. Деньги вносятся и в последующие годы, для конца же 1620-х гг. существует подтверждение и уточнение в переписной книге 1627/28 г.: «...слобода, что исстари слыла село Даниловское, а в ней церковь деревянна клетцки Даниила Столпника строение монастырское и приходских людей»¹⁷², причем тут же описан двор попа Григория, что снимает всякие сомнения в идентичности называемых документами памятников¹⁷³.

Полагали, что церковь не сохранилась до конца XVII в., поскольку в переписной книге 1678 г. ее уже нет¹⁷⁴. На ос-

Вид московского Данилова монастыря с юго-восточной стороны. Китография. Москва. 1857 г.

нове этого допускалась ее значительная древность, вплоть до XIII в. Однако следует обратить внимание на особенности книги 1678 г., где не описан ни сам монастырь, ни его храмы или дворы клира. Штат же церкви, во всяком случае, сохранялся, на что указывают выплаты окладных денег и после 1675 г.¹⁷⁵ С 1687 по 1709 г. их платил Варфоломей Кириллов. Легко заметить, что это тот самый священник, который назван живущим во дворе у церкви Воскресения Словущего в 1704 г.

Список выплат за храм св. Даниила Столпника по окладной книге обрывается только в 1734 г., когда церкви с таким посвящением в слободе давно нет, но зато есть церковь Воскресения Словущего, впервые упомянутая, подчеркнем, в 1699 г., в то время как церковь св. Даниила Столпника известна многим документам второй половины XVII в.¹⁷⁶ Отсутствие престола Даниила Столпника *внутри* монастыря в начале XVIII в. подтверждает опись 1701 г., кроме того, опись 1725 г. фиксирует придел св. Даниила Столпника как «новоприбылой»¹⁷⁷. Все документы подчеркивают и самостоятельность церкви в слободе по отношению к монастырю, и определенную соотнесенность с ним. Церковь выделяется в денежных документах отдельной графой, иногда рядом с монастырем, иногда — в ряду других приходских храмов. Но в то же время ружные деньги и иные выплаты храму как «государеву богомолью» увязывают с монастырскими выдачами. Так, Ружная книга 1681 г. имеет помету: «Не давать, а давать из монастыря» (в книге 1699 г., впрочем, деньги снова выписаны по отдельности), а после секуляризации именно из слободской церкви был приписан дьякон для сослужения в праздничные дни в запустевшем монастыре¹⁷⁸.

Связь церкви св. Даниила Столпника с монастырем определялась памятью о князе Данииле Александровиче как ктиторе монастыря, которая в XVII в. опиралась уже на текст Степенной книги и основанное на нем житие. Но каково отражение этой связи в реальности, в судьбе престола?

Сама деревянная церковь св. Даниила Столпника, упоминаемая источниками XVII в., конечно, не была построена во времена князя Даниила — Переписная книга 1627/28 г. ясно говорит, что это «строение монастырское и приходских людей». Кроме того, монастырь и село в Смутное время бы-

ли сожжены, что перепись косвенно подтверждает: бывшее село Даниловское названо уже слободой, а внутри монастыря восстановление построек еще далеко от завершения¹⁷⁹.

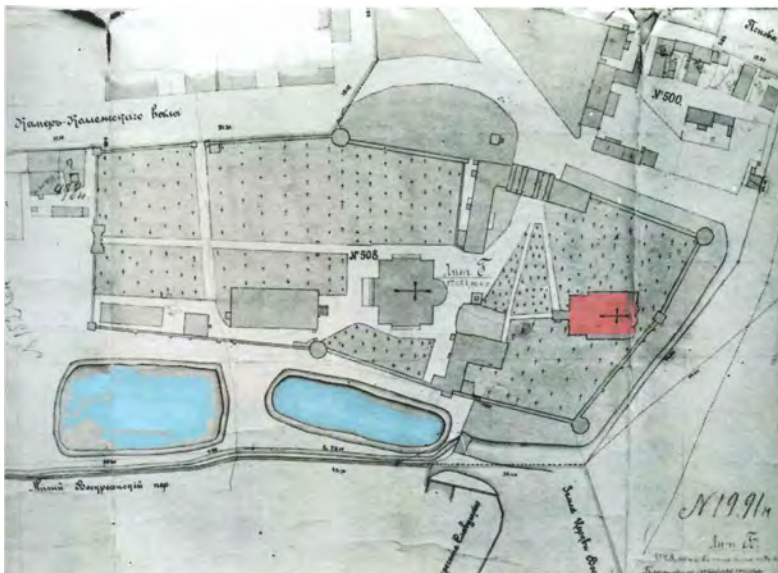
Возобновление службы в монастыре документально прослеживается только с 1619 г., когда вновь освящают церковь (собор?). Возведение известной источникам XVII в. деревянной клеточной церкви в слободе также вероятно для середины 1610—1620-х гг. Конечно, село Даниловское и раньше существовало и, следовательно, должно было иметь храм. Некрополь на месте храма Воскресения восходит примерно к середине XVI в., к моменту возобновления монастыря. Где же хоронили раньше, ведь село документально известно по крайней мере со второй половины XV, а скорее всего — с рубежа XIII—XIV вв.? Вероятно, на месте бывшего монастыря князя Даниила, где могла сохраняться и церковь старого посвящения. Однако в 1550-х гг. должны были построить отдельный приходский храм вне ограды монастыря для отправления необходимых приходу треб, в храмах обители не совершаемых. По-видимому, это сделали одновременно со строительством на старом месте монастыря каменной соборной церкви — большое подгородное село не могло долго обходиться без храма.

Попробуем нарисовать теперь историю престола во имя св. Даниила Столпника не в последовательности анализа (обратной ходу времени), а, пусть с долей сомнений, но в привычном хронологическом порядке. В конце XV — начале XVI в. мы видим его в деревянном храме на левом берегу Даниловского ручья, на месте, которое связывают с остатками древнейшего в Москве монастыря, основанного князем Даниилом. Его глубокая древность подтверждается тем, что «святой Даниил» за рекой известен летописным источникам второй половины XIV — начала XV в. В 1551-1561-х гг. возобновление монастыря заставляет построить для села новый деревянный храм, куда, возможно, по традиции переносится престол Даниила Столпника, считавшийся уже приходским. Таким образом, он попадает с левого берега ручья на правый, внутрь села. Сельская деревянная церковь, возможно, погибла в Смутное время при общем пожаре села и монастыря и возобновилась к 1627 г. с тем же престолом. Он оставался приходским до

рубежа XVII—XVIII вв. (хотя документы Консистории помнят о нем до конца 1720-х гг.). Между 1701 и 1704 гг. престол во имя преп. Даниила Столпника переносят в монастырь — теперь, возможно, в связи со строительством на месте слободского старого храма новой каменной церкви, при освящении которой в 1706 г. Даниловского престола в ней уже нет. Когда именно появляется в слободе престол в память Воскресения Словущего, неясно, но опись 1704 г. указывает его именно там. Новый каменный храм Воскресения не воспринимался как связанный с историей монастыря и был обычной приходской церковью.

Итак, престол Даниила Столпника вошел в систему монастырских храмов в 1700-х гг., где со второй половины XVII в. уже был престол Даниила Пророка, придельный к Покровской церкви, но равноапсидный с ней. Симметричность двух одновременно построенных алтарных полуциркуль, предназначенных для двух престолов, довольно редко встречается в московском зодчестве XVII в. Обратим внимание на третий, до сих пор не упоминавшийся элемент композиции — палатку к северу от церкви, примыкающую снаружи к приделу Пророка Даниила. До того, как стоявший еще севернее старый Семисоборный храм перестал существовать (1720-е гг.), эта палатка связывала в одну композицию апсиды двухпрестольного храма и алтарь церкви Семи Вселенских Соборов. В начале XIX в. палатку надстроют, образовав придел во имя благоверного князя Даниила, а в уровне первого этажа продолжат ее открытой галереей.

Эта палатка, видимо, важное звено в истории прославления князя Даниила. Следуя генеральной описи, архимандрит Дионисий указал, что палатка именуется усыпальницей и что в ней имелась каменная доска с надписью (архимандрит называет ее «лепной») о смерти князя Даниила, в 1867 году переснятой¹⁸⁰. Таким образом, в конце XIX в. палатку связывали с памятью князя Даниила, причем доска-надгробие помещалась на южной стене внутри палатки, т.е. на внешней стене придела Пророка Даниила и, возможно, восходила к эпохе Грозного (текст близок записи в Степенной книге), хотя предполагать связь ее с надгробием князя начала XIV в. абсолютно невозможно.

План Данилова монастыря.
1898 г.

Важно, что и вторую памятную доску поместили вблизи палатки — в основание столба аркады северной галереи храма Отцов Семи Вселенских Соборов, построенной во второй половине XVIII — начале XIX в.; ранее она могла помещаться в одной из стен палатки или придела Пророка Даниила. Само соседство палатки и придела говорит об их смысловой связи. Можно предположить, что палатка имела памятное значение и была возведена над могилой князя Даниила после обретения мощей или для обозначения места их упокоения. Традиция возведения палаток «над гробом» знатного усопшего, а особенно над могилой местно чтимого святого (в том числе после обретения мощей) на Руси широко известна; их строительство в московских монастырях в конце XVI — первой половине XVIII вв. фиксируется документами и археологически (Зачатьевский монастырь, Новодевичий монастырь и др.)¹⁸¹. В случае с Даниилом идентификация места могла следовать как устной традиции, так и преданию Степенной книги о просьбе князя похоронить его вне церкви, на кладбище: палатку явно поставили на участке некрополя XIV—XV вв.¹⁸²

Палатка и двухалтарная церковь — памятный комплекс благоверного князя. Он мог возникнуть и в связи с обретением мощей, и ранее. Отчасти прояснить вопрос помогает история почитания мощей князя Даниила. Раку, стоящую перед иконостасом в юго-восточном углу старой (XVI в.) Семисоборной церкви, знает опись 1701 г.¹⁸³ В ней названо много деталей, неоспоримо свидетельствующих о вполне сложившемся почитании мощей¹⁸⁴. Когда же они обретенны? Историки монастыря называют дату 1652 г. Но источников всего два (памятная доска и рукопись № 300 из собрания У идольского), причем один из текстов может просто восходить к другому. Начнем с памятной доски, которую и сегодня можно видеть на столбе северной галереи: «Лета 7160 августа в 30 день повелением государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси и великого государя святейшего Никона Патриарха Московского и всея Руси пренесены сии мощи благоверного и великого князя инока схимника Даниила Александровича Московского при игумне Иване еже о Христе с братиею»¹⁸⁵. Нет оснований сомневаться в подлинности памятника, который имеет ряд важных признаков: краткий титул царя Алексея Михайловича в сочетании с развернутым именованием патриарха Никона возможен для середины столетия, до введения в обязательное употребление трехчленного титула государя и, конечно, до оставления Никоном первосвятительской кафедры (конец 1652—1658 гг.). Плита, видимо, находилась над мощами князя, уже извлеченными из-под спуда и лежащими в раке в соборе XVI в. (выражение «сии мощи» в иной ситуации мало оправдано). Важно, что указывается только на перенесение мощей — об их обретении не упомянуто.

Где же источник представлений, что мощи не только перенесли, но и обрели в 1652 году? Дело в том, что авторы XIX в. оперировали не двумя надписями о преставлении св. князя Даниила и о перенесении его мощей, но еще и третьей, комбинирующей оба текста. В нее-то и вводится иногда сообщение об обретении мощей в 1652 г. по откровению. Архимандрит Дионисий воспринял третий текст с доверием, но указал, что надписи в монастыре не обнаружил. Добросовестный источниковед архимандрит Амфилохий упоминать о ней просто не стал. Надпись приводят С.П. Соковнин, архимандрит Амвросий, М.М. Щербатов и, наконец, митрополит Платон (в «Житии» князя Даниила)¹⁸⁶. Сколько можно судить, никто из них самой надписи не видел. Архимандрит Амвросий черпает информацию из «Географического лексико-

Даниловская слобода. Фрагмент
плана Москвы 1838 г.

Современный
вид Данилова
монастыря

кона», куда подлинный текст мог попасть благодаря Л. Максимовичу, материалы которого использовал А. Щекатов¹⁸⁷. Именно от конца XVIII в. идет традиция смешения и искажения двух действительно существовавших в монастыре надписей. Ее конкретный источник указывает митрополит Платон, отсылая к публикации в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения»¹⁸⁸; на нее ссылаются М.М. Щербатов и С.П. Соковнин, передавая текст почти без изменений, и многие другие¹⁸⁹. Эта надпись входила в обширный корпус А.П. Сумарокова¹⁹⁰. Среди описания резных досок Архангельского собора Сумароков дает крупную отбивку и помещает вставку «В Данилове монастыре что при Царствующем граде Москве» с такой выпиской: «В лето 6811 месяца Марта в 4 день преставися благоверный Великий Князь Московский Схимонах Даниил Александрович. Мощи же его обретены по откровению в лето 7160 месяца Августа в 30 день, и повелением Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца пренесены в церковь, что во имя седми Вселенских Соборов» (затем следует продолжение надписей Архангельского собора). Мы не знаем, списан ли текст с доски/ с досок или из иного источника. Описание такой доски неизвестно, хотя она могла существовать: «каменные летописи» были очень многочисленны в XVII—XVIII в.; их охотно комбинировали и заново нарезали над одним и тем же погребением¹⁹¹. Текст Сумарокова моложе доски о переносе мощей (не содержит имени патриарха Никона; использует «триединый» титул государя; указывает место переноса мощей, излишнее в мемориальной доске, но характерное для записей в синодиках). Это объединенный текст двух досок с дополнением об обретении мощей, восходящий к общим представлениям монастыря середины XVIII в. и составленный в конце XVII — первой трети XVIII в.

Сведения об обретении и переносе мощей князя Даниила восходят к печатному житию благоверного князя 1791 г. и не могут иметь характера источников, за исключением записи в рукописи У идольского № 300 с текстом службы (сделана иным почерком, но не позднее начала XVIII в.). Это тот же текст о перенесении мощей, что на доске, но с развернутым указанием на место переноса (собор монастыря) и помещение мощей «в раке против правого клироса».

Таким образом, подлинная доска и рукопись говорят не об обретении мощей, а об их переносе (перенос их из одного храма в другой, даже неоднократный, был в обычае). Тем не менее, эти источники породили литературные описания самого обретения. Архимандрит Дионисий писал, что мощи обретены в 1652 г. в присутствии царя, патриарха и освященного собора. Но царь и патриарх не были в Данилове не только 30 августа (царь был в Золотой палате — «отпускал» литовских послов), но весь 7160 год, который, действительно, насыщен событиями, связанными с переносом мощей. В январе 1652 г. обретены мощи св. Саввы Сторожев-

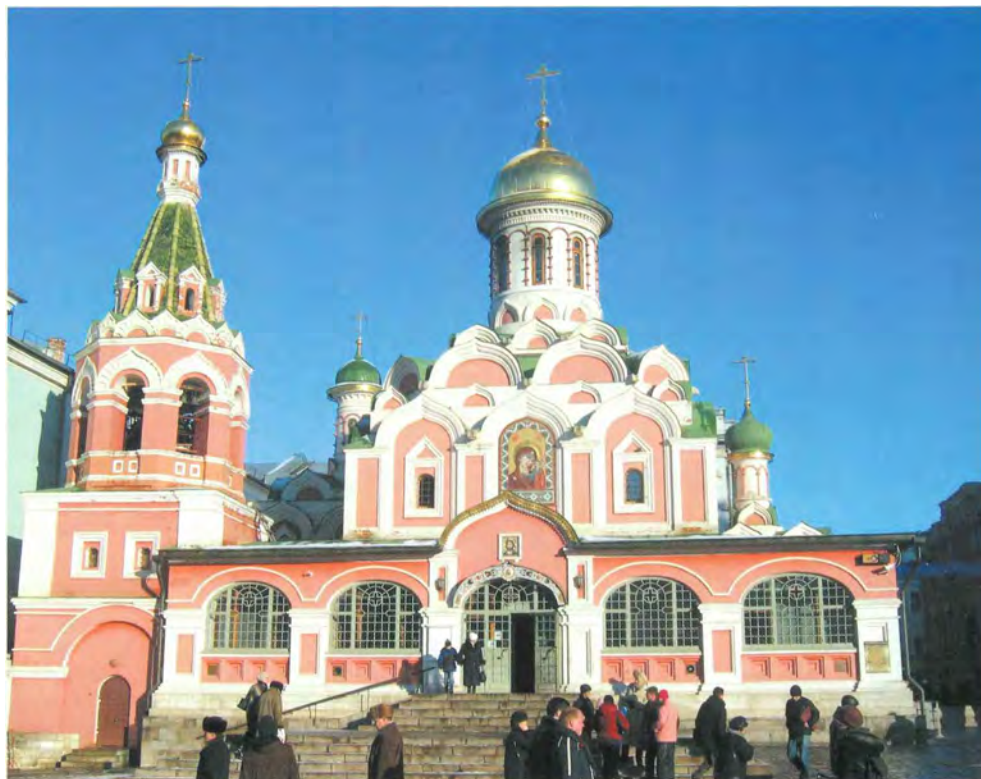
ского; 20 марта освященный собор посылает митрополита Новгородского Никона в Соловецкий монастырь, а митрополита Варлаама — в Старицу для перенесения мощей митрополита Филиппа и патриарха Иова¹⁹². Невозможно представить открытие мощей прародителя Московской династии без присутствия царствующего государя и церковных властей¹⁹³. Возможно, подготовка к переносу мощей князя Даниила проводилась в монастыре, в связи с чем задумали и освящение двух престолов, получив еще в начале года (22 марта) благословенную грамоту¹⁹⁴ на освящение Алексеевского и Данииловского престолов (напомним, что именины царя — 17 марта). Книги выдачи ладана подтверждают эту связь: «праздничный и годовой ладон» монастырь получает 15 марта, чего никогда не бывало ранее¹⁹⁵. За этим нужно видеть одобрение и поддержку властей — монастырь, хотя имел доход от вотчин, в XVII в. числился ружным. Программа одновременного освящения престола святому Алексию, человеку Божию и преподобному Даниилу устанавливала преемственную связь основателя московского государства с правящим царем¹⁹⁶.

Но статус монастыря после 7160 г. не вырос¹⁹⁷ — Алексеевский престол, если и был освящен, просуществовал недолго¹⁹⁸.

Откуда же взялся в монастыре придел Пророка Даниила, отмеченный в описи 1701 г.? Покровский престол в монастыре был давно — самое позднее, с 1619 г. Записи выдачи ладана показывают, что в первой половине XVII в. в Данилове праздновали тезоименитым князю святым: часто получали ладан в первой половине — середине декабря, к дням Даниила Столпника (11.12) и пророка Даниила (17.12) (они слишком близки, чтобы разделить их на основе записей в ладанных книгах; к тому же монастырь получал ладан и для церкви в слободе, у которой 11.12. был престольный праздник)¹⁹⁹. Так что гипотеза престола Пророка Даниила в первой половине XVII в. обоснованна: вторая (теплая) церковь в монастыре была желательна²⁰⁰, да и почитание могилы князя предполагает ее оформление²⁰¹.

Возможно, в XVII в., после переписи 1627/28 гг., был срублен теплый храм Покрова с приделом Пророка Даниила, отметивший почитаемое место захоронения князя. Возможно также, придел уже имел деревянную или каменную надгробную палатку, стоявшую между собором с мощами князя и приделом Пророка Даниила. Вероятно, в начале 1650-х гг. планировалось возведение нового каменного храма с двумя новыми престолами, св. Алексия, человека Божия и св. Даниила (Столпника?). Трудности (в частности, эпидемия 1650-х гг.) могли заставить отказаться от этого; строительство затянулось до 1670-х гг., и в каменную церковь поместили два старых престола, существующие здесь и сегодня.

Работы по восстановлению Казанского собора на Красной площади включали архитектурные, архивные, иконографические и археологические исследования

ЦЕРКОВЬ И ИСТОРИЯ ГОРОДА: ПРЕСТОЛЫ КАЗАНСКОГО СОБОРА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Один из самых необычных примеров сложения конгломерата престолов (включая предысторию основного престола, не раз переносившегося с места на место в пределах города) связан со «странствованием» по Москве чудотворного образа Пресвятой Богородицы иже в Казани, в конце концов помещенного, как в реликварий, в специально построенный собор на Красной площади, дополненный двумя престолом (связанными, как и главный, с историей Русской Церкви и города Москвы).

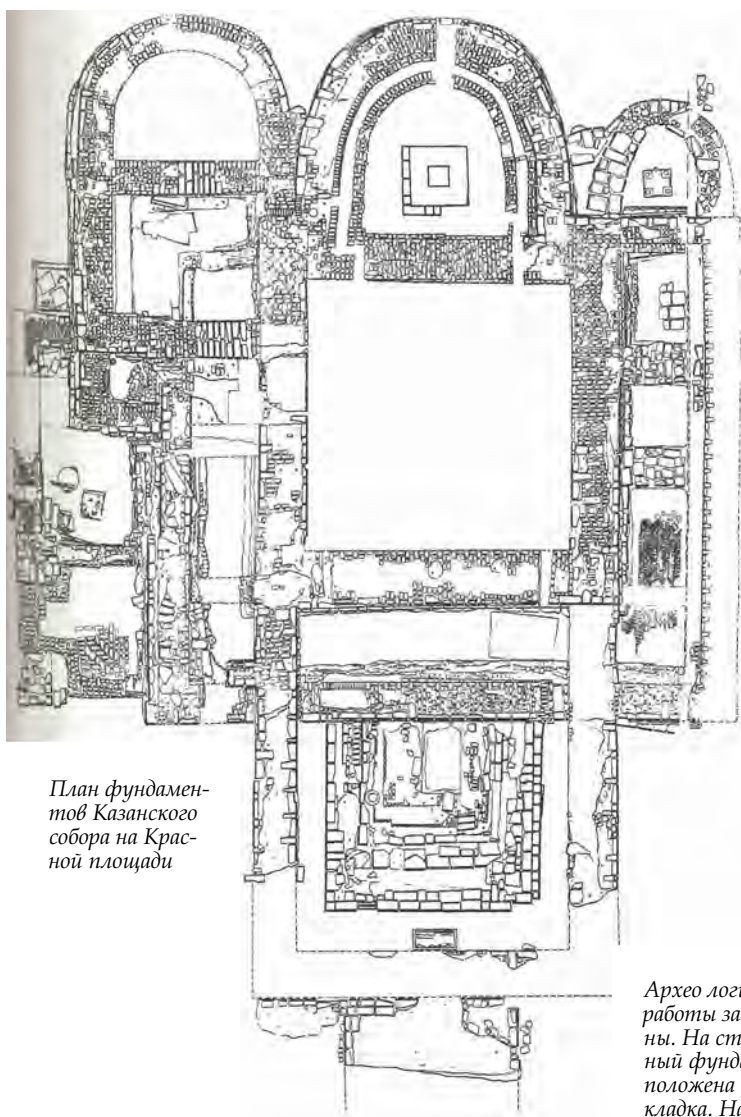
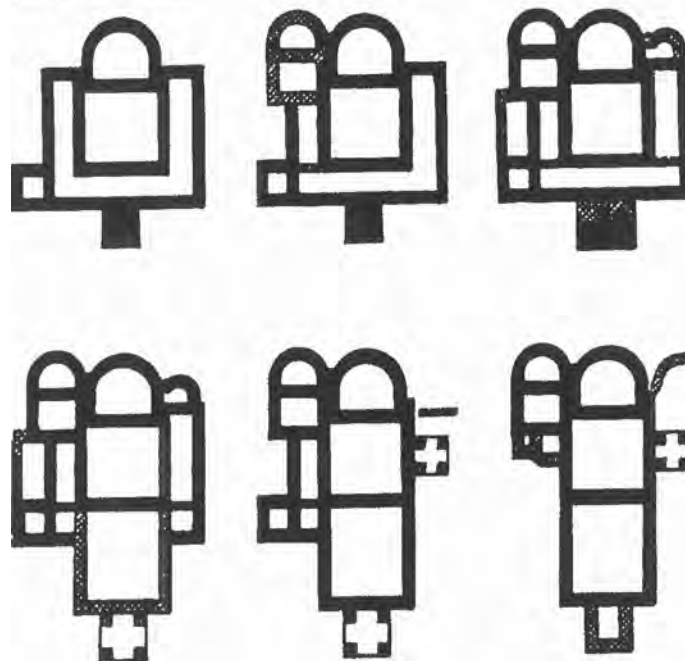
Нынешнее место собора в северо-восточном углу площади кажется привычным и традиционным, но всего два десятилетия назад вопрос о времени его появления здесь и о соотношении с более ранними храмами стоял очень остро и был разрешен только совместными усилиями группы архивистов и археологов²⁰².

Документально известно, что собор на Красной площади освятили 16 октября 1636 г. в самой торжественной обстановке,

в присутствии государя Михаила Федоровича Романова и патриарха Иоасафа. Но этот государственный акт был только последним шагом в длинной цепи событий, сделавших образ Казанской Богородицы святыней Московского царства и дома Романовых.

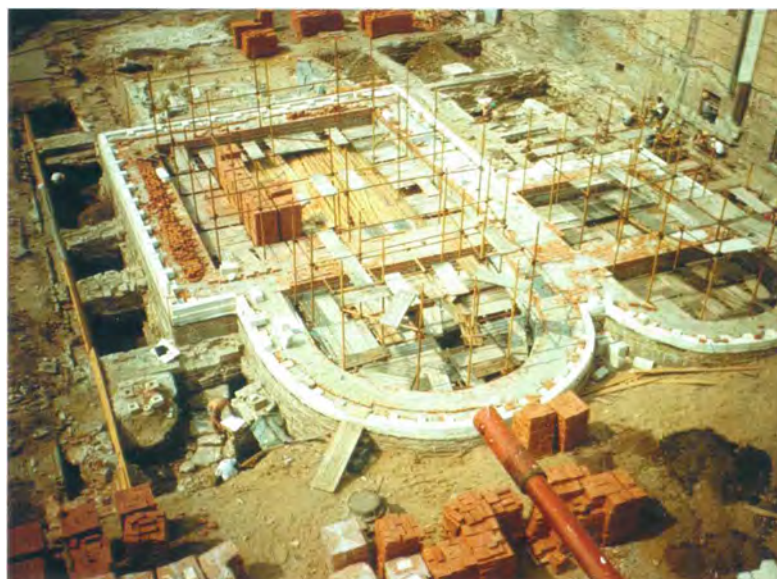
Начало этой цепи — в 1579 г. Тогда недавно завоеванное Казанское царство, несмотря на усилия первых святителей, архиепископов Гурия и Германа, архимандрита Варсонофия, приходских священнослужителей и монахов, оставалось мусульманским, а местами и языческим. Патриарх и царь пристально следили за церковной жизнью Каза-

Схема разбития плана Казанского собора XVII–XIX вв.

План фундаментов Казанского собора на Красной площади

Археологические работы завершены. На старинный фундамент положена первая кладка. Начало сентября 1992 г.

Казанский собор на Красной
площади в 1636 году.
Реконструкция С. С. Попадюка.

ни, и, когда тамошний священник приходской церкви Николая Тульского, будущий патриарх Гермоген, принял на свои руки явленный после большого пожара (извлеченный из земли) образ Богородицы — это событие, а также явленные образом чудеса изложили в особом «Сказании», отправив его вместе со списком образа Иоанну Грозному. По его повелению на месте обретения был открыт женский монастырь, освящены новые Богородичные престолы в Казани и в других городах.

В 1590-х гг. будут открыты или подняты мощи первых святителей Гурия, Германа и Варсонофия. Гермоген, как митрополит Казанский, установит поминовение (с 1592) казанских мучеников и воинов, павших при взятии города и составит (1594) «Повесть и чудеса пречистые богородицы, честнаго и славнаго ея явления образа, иже в Казани»²⁰³.

Став вскоре патриархом всея Руси, Гермоген в годы Смутного времени принял мученический венец. В этом подвиге опорой ему и всем «прямым людям» был Казанский образ. Летом 1611 г., в разгар борьбы, в Москву была доставлена копия: «из Казани образа Пресвятыя Богородицы, списанный с тоя, иже тамо явися»²⁰⁴. Воины ополчения устроили ей торжественную встречу и, воодушевленные, отбили у «литовских людей» Новодевичий монастырь. Этот успех вселил в ратников веру в помощь образа. Отправленный обратно в Казань, он был встречен в Ярославле шедшим к Москве Вторым нижегородским ополчением. Здесь с него, возможно, сделали новую копию, ставшую одной из святынь ополчения. Образ был с отрядами, штурмовавшими Москву, и вера в него оказала им огромную

поддержку. Тексты 1660-х гг. упоминают о многих явленных тогда чудесах и о том, что с помощью образа была взята, первой из всех, круглая башня Китай-города, что обеспечило успех общего штурма (22 октября 1612 г.), последовавшую сдачу польского гарнизона и отступление войск гетмана Ходкевича.

В память об этом были установлены особые праздники образу, крестные ходы к нему 8 июля (день обретения иконы в Казани, часто называемый «летней Казанской») и 22 октября (нынешнее 4 ноября), день решительного успеха в освобождении Москвы и всего царства. По словам известного писателя и воина XVII в. князя С.И. Шаховского, «по совершении ж дела сего», то есть взятия Москвы, «воеводы и властели вкупе ж и весь народ московский воздаша хвалу Богу и Пречистыя Его Матери, и пред чудотворною иконою молебное пение возсылаху и уставиша праздник торжественный празновати о таковой дивной победе. Даж и донныне празднуют людии: да незабвенна будет милость Божия в преходящие роды!»²⁰⁵.

Особую роль в прославлении образа играл предводитель ополчения князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Войсковая святыня стала предметом его особых забот. Он поместил икону в своей приходской церкви Введения Богородицы, отстроенной после пожара на углу Лубянки и Кузнецкого моста. Именно здесь в первые годы после освобождения столицы совершались празднования иконе. Оба факта подтверждает запись ладанной книги, фиксирующая выдачу праздничного ладана к Введенской церкви 22 октября 1613 г.: «...к Веденью Пречистой Богородицы что на Стретенской праздничного фунт ладану...»²⁰⁶.

11 июня 1613 г. преемник Гермогена, митрополит Казанский Ефрем венчал Михаила Романова на царство, и указом того же года, вероятно, был установлен крестный ход к иконе. Во всяком случае, «Чиновник церковный о благовесте и о звону» указывает, что «указ о ходу писан

Архитектурные
детали из
раскопок Казан-
ского собора.
Акварель
А. Аанцмана

Вид раскопок Казанского собора.
Акварель А. Аанцимана. 1991 г.

о всем Сентября в 15 день»²⁰⁷; поскольку можно утверждать, что 22 октября 1613 г. ход уже состоялся (см. ниже), то указ 15 сентября должен относиться к этому же году.

Прославляемый всей столицей образ довольно долго оставался в церкви на Лубянке. Уже в 1617 г. здесь существовал особый придел Казанской Богородицы — вполне вероятно, первый на Москве. Появился ли придел сразу, при восстановлении церкви в 1612/13 гг., неизвестно (его освящение ранее 1617 г. возможно, но документально не подтверждено). Первое упоминание такого престола — под 21 октября 1617 г.: «...к Пречистые Богородицы Казанской что на Устретенской улице у Веденья фунт ладану»²⁰⁸, и более определенно, с добавлением «...что в пределе» — под 7 июля 1624 г.²⁰⁹ В этом приделе служил праздничную службу сам патриарх в присутствии царя, о чем есть свидетельство от 1621/22 г.²¹⁰, хотя в городе, видимо, уже появлялись и другие престолы, посвященные памяти обретения образа²¹¹. Придел останется на месте и после переноса из церкви иконы, во всяком случае он упоминается в начале 1640-х гг. — вероятно, этот придел был освящен по обету князя Дмитрия Пожарского.

В то же время, с момента возведения на престол Михаила Феодоровича, образ входит в круг святынь царской семьи. Это выделение среди других, очень многочисленных московских святынь заметно с возвращением из плена патриарха Филарета (1619). В составленной (1622) по его указу книге «Сказание действенных чинов», то есть уставе отправления праздничных богослужений Успенского собора Кремля, Филарет дает наставление по организации

праздничного крестного хода к Казанской иконе из Кремля, с 1661/62 г. включавшего уже обход крепостной стены Китай-города с совершением «пещной молитвы». Официальный, связанный с деятельностью патриарха «Новый летописец» (начало 1630-х гг.) указал, что Михаил Феодорович «возыме велию веру ко оному образу». Даже украшение образа князем ДМ. Пожарским произошло (1624/25) как бы с санкции и по инициативе царя и патриарха: «...той же образ по повелению Государя царя и Великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и по благословению великого государя светлейшего патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русии украси многую утварию боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский по обету своему в лето 7133 году»²¹².

Участие царской фамилии, и в первую очередь самого Филарета, явно прослеживается в формировании нового общемосковского, а затем и государственного празднования. Образ стоял в церкви Введения на Лубянке до празднования «летней Казанской» 1632 г., но «зимняя» того же года празднуется уже в церкви Введения Богородицы во храм «Златоверхие что в Китае городе». Хотя 10 октября патриарх жертвует ткань на «покровцы» к некой новой, еще не освященной Казанской церкви, празднество ее освящения почему-то откладывается, и икону, видимо, временно помещают в любимую царем «Златоверхую» церковь²¹³, которая уже гораздо ближе к Кремлю.

Вскоре была освящена и отдельная церковь Образа Казанской Богородицы: «Декабря в 17 день по Государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии указу по памяти за приписью дьяка Максима Чиркова к новой церкви Пречистые Богородицы Казанские что в Китае городе у стены на освящение церкви фунт ладону цена семь алтын две денги. Дано. Взял поп Василей Офонасьев»²¹⁴. Эта церковь помещалась «меж Ильинских и Никольских ворот», возможно, поблизости от «первозятной»

Казанский собор на Красной площади: история и археология

1. Парад при открытии памятника Минину и Пожарскому на Красной площади в 1818 г. Гравюра кон. 1810-х гг.
- 2-3, 7-8, 10-12. Раскопки Казанского собора.
4. Казанский собор. Южный фасад. Фото после реставрации 1920-х гг.
5. Казанский собор в конце XVIII в. Фрагмент гравюры.
6. Северная часть Красной площади. Гравюра Э. Финдена 1820-х гг.
9. Памятник К. Минину и Д. Пожарскому. Совр. фото.

Вид раскопок
Казанского собора. Акварель
А. Аанцмана.
1991г.

во время приступа круглой башни, которую полагалось впоследствии посещать во время крестного хода 22 октября. Сюда направился ход в 1633 г. с участием государя, слушавшего в храме обедню. Упоминается эта церковь и позднее, хотя и с перерывами из-за большого пожара 1634 г., после которого храм, несомненно, пришлось восстанавливать («Октября в 22 день ходил Государь за кресты и слушал обедни у праздника у Пречистые Богородицы Казанский, что в Китае городе у стены, меж Ильинских и Никольских ворот» (Выходы Государей Царей и Великих Князей... М., 1844. С. 22).

Уже в 1633 г. мы видим повышение статуса храма и роли праздника в общей системе служб. До этого, с самого 1613 г., на празднование выдавался 1 фунт ладана, но 27 июня 1633 г. «По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу по памяти за приписью дьяка Герасима Мартемьянова к церкви Пречистой Богородицы Казанской что в Китае городе у стены годовой и празнишной ладан велено давать против соборные церкви Олександра Невского что в Кремле городе на площади». Это повышало статус храма до соборного, что могло произойти только с ведением Филарета. В нем служили и упоминаются в документах многие будущие соборяне каменного храма — поп Василий Афанасьев, дьякон Петр Маркелов и другие²¹⁵. Последний раз Казанская церковь «у стены» упомянута в июле 1636 г., но еще раньше, в октябре 1634 и в оба праздника 1635 г., мы видим образ снова в Златоверхой церкви Введения²¹⁶. Церковь «у стены» сгорела, несомненно, в бушевавшем в этой части города пожаре 25 апреля 1634 г., а перенос образа именно в церковь Введения определялся не только Богородичным ее посвящением церкви, но и особой любовью к этому храму Михаила Федоровича, уже проявлявшего семейную заботу об образе. Здесь окончательно сформировался штат собора, который фактически без изменений перейдет в ка-

менный собор. В 1634—1635 гг. причт церкви «у стены», временно оказавшийся без храма, сохранил имя своего престола и получал как всегда годовые сукна, хотя бы внутри штата Введения Златоверхие, на имя попа Василия²¹⁷. Придела здесь, однако, не освящали, в документах он не прослеживается. Вероятно, строительство собора на площади было уже начато, и ждали его завершения.

Место для нового, каменного, собора было выбрано на обширном пустыре в северо-восточной части Красной площади, против Никольских ворот Кремля, выше Неглименских ворот Китай-города, у начала Никольской улицы («Никольского мосту»), на «крестце» (перекрестке) подле каменного (1596) Ножевого ряда. Раскопки показали, что земля под будущей площадью была обработана уже в XII веке, а в XIII в. здесь стояли жилища и хозяйственные постройки; их разрушали пожары, но они снова строились, покрывая участок все гуще. В конце XV в. перестройка Кремля итальянскими инженерами привела к изменению планировки: все прилегающее с напольной стороны к стенам крепости пространство очистили от построек и вымостили булыжником на глине. До середины XVI в. «плац» сохранялся, но к концу столетия севернее «крестца» стали появляться торговые и административные постройки. Угол перекрестка оставался незанятым до тех пор, пока у парадных Неглименских ворот не был освящен 15/16 октября 1636 г. храм Образа Казанской Богородицы²¹⁸. Он уже имел статус собора, и жалование причту шло из казны государя наравне с Верхоспаским собором Кремля²¹⁹.

В документах по освящению и постройке собора отражается царский заказ и еще чувствуется воля Филарета, умершего тремя годами ранее. Награды за организацию строительства выдают руководителям Приказа каменных дел, С. Глебову и Н. Петрову²²⁰; источники единогласно относят собор к числу построек Михаила Федоровича²²¹.

из первых крупных вложений в храм известны только вклады царской семьи: главный колокол с надписью, опубликованной еще в XVIII в.: «Божиею милостию Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея России самодержец, и его Боголюбивая Царица и Великая Княгиня-Евдокия Лукиановна, и Благородные чада, Царевич Князь Иван Михайлович и Царевна и Великая Княжна Анна Михайловна, Царевна и Великая Княжна Татиана Михайловна и Царевна и Великая Княжна Ирина Михайловна сей колокол велели слить к церкви Новоявленного Образа Пречистыя Богородицы Казанския, лета 7145». Второй колокол (вес 15 пудов, найден в 1866 г. разбитым и без языка) имел аналогичную надпись, но с упоминанием одного государя, а не всей семьи²²². Древнейшая сохранившаяся опись утвари 1771 г. показывает богато украшенный драгоценностями образ Спасителя «во облацех с двумя предстоящими Михаила Малеина и Федора в Перги». Это, несомненно, вкладная икона тезоименитых святых царя Михаила Феодоровича и Филарета Никитича от государя по себе и своему отцу²²³.

В 1640-е гг., в царствование Алексея Михайловича, внимание царской семьи к собору еще возрастает. После рождения наследника молодая царица дарит к образу серьги и по ее же заказу в 1649 г. делают в Оружейной палате серебряную водосвятную чашу. Государь в 1647 г. достраивает новый придел (см. ниже), а в 1649 г. приказывает вызолотить царские двери²²⁴.

С конца 1640-х гг., а может быть и раньше, идут богатые вклады и от частных лиц. В Синодике собора, начатом при Алексее Михайловиче, названы представители знатнейших фамилий государства, родовитые бояре²²⁵. Но в нем нет князя Д.М. Пожарского — ни как храмоздателя, ни вообще как вкладчика. Казанский собор строился только как Царский. Инициативу прославления Казанского образа, превращения его в общероссийскую святыню в 1620-х —

начале 30-х гг. берет на себя царское семейство. К 1636 г. икона превратилась в палладиум царского дома Романовых, защитницу столицы царства и охранительницу трона. Через несколько лет, в 1649 г., почитание образа было распространено на все государство, и Казанская Богородица стала одним из наиболее ярких и чтимых символов Московского царства.

Зодчий храма неизвестен. Наиболее реальная фигура — подмастерье каменных дел Обросим (Амвросий) Максимов, оговоривший свое участие в строительстве каменной Казанской церкви в период до 1638 г.; он участвовал также в выполнении заказов царской семьи конца 1630-х — 1640-х гг., привлекался к строительству Казанской церкви в Коломенском²²⁶.

Почитание образа сложилось полностью не сразу. В 1620—1630-х гг. он оставался в значительной степени городской святыней, а храм — семейным царским богомолем. Торжественно праздновали в основном день освобождения столицы, 22 октября, — в этот день Михаил Феодорович сам ходил «за кресты» к иконе, стоял у праздника обедню, а «на летнюю Казанскую» обычно в соборе не бывал²²⁷. Стремление укрепиться собственными святынями видно и в посвящении придела св. Аверкию Иерапольскому, память которого совпадает с днем осенней Казанской. Ранее не столь известный на Руси святой, епископ фригийского города Иераполя, стал восприниматься первыми Романовыми как покровитель их дома. Его придел был освящен также в церкви домового «больничного» патриаршего монастыря Филарета Никитича за Никитскими воротами²²⁸.

Со вступлением на трон Алексея Михайловича почитание образа явственно возросло. С 1646 по начало 1650-х гг. он имел обыкновение стоять в соборе не только обедню, но и вечерню кануна и всенощную праздника. Хотя осенний праздник оставался более важным, Алексей Михайло-

Ва раскопках
Казанского собора.
Акварель
А. Аанцимана.
1991г.

вич уже посещал собор и на летнюю Казанскую. Первые несколько лет царствования он бывал «неотступно у всех праздников» в этом соборе, воздвигнутом его отцом и дедом — в отличие от более древних, но построенных царями предшествующей династии кремлевских. Одним из первых шагов Алексея Михайловича в церковном строительстве стало освящение в Казанском соборе нового придела: «156 года Октября в 3 день был Государь на освящении церкви и обедни слушал у Гурия и Варсонофия Казанских чудотворцев, в приделе у Казанской Богородицы». На следующий день он вновь побывал в соборе на литургии — 4 октября было днем памяти обоих чудотворцев. Посвящение поддерживало память о происхождении иконы и о казанских святителях. Государь бывал в приделе на литургии 4 октября еще в 1648 и 1649 г., но впоследствии снова возобладал праздник 22 октября. Это объясняется тем, что первый сын царя, Дмитрий, был дарован Алексею Михайловичу как раз под праздник св. Аверкия — 21/22 октября 1649 г.²²⁹

Резко возрастает внимание к собору со стороны церковных властей. Почитание образа делается общерусским: в 1649 г. предписывается справлять 22 октября не только в Москве, но и по всему государству²³⁰, а статус собора в иерархии храмов Москвы повышается в 1660-х гг.: теперь его протопопы пишутся выше Черниговского и Александровского кремлевских соборов, а также выше Покровского. В собор ставят наиболее видных и близких ко двору священнослужителей, переводя их с высоких постов в Кремле²³¹; протопопы собора оказывали значительное влияние на жизнь Церкви и государства (в 1666 г. протопоп Дмитрий подписал Соборное деяние о низложении патриарха Никона). Крестные ходы в собор и литургии совершались часто патриархом, или по крайней мере представителями «Властей», митрополитами. Сами ходы усложнились и делались более торжественными: в 1660/61 г. ход из Успенского собора, ранее включавший только действо на Аобном месте и процессию в собор, стал включать проход по стенам города (сначала в оба праздника, с 1678 г. «токмо на Аверкиев день»).

«В 169 (1660/61) году государь царь указал ходить властям по городу с Китая и по Белому и Земляному отпев обедню у праздника, и кропить святою водою и молитвы говорить, что в новом потребнике, над пещию». Сам государь также участвовал в обходе города: «А после обедни шол Государь по городу, по Китаю, за Кресты...» указывает документ 1662 г.²³²

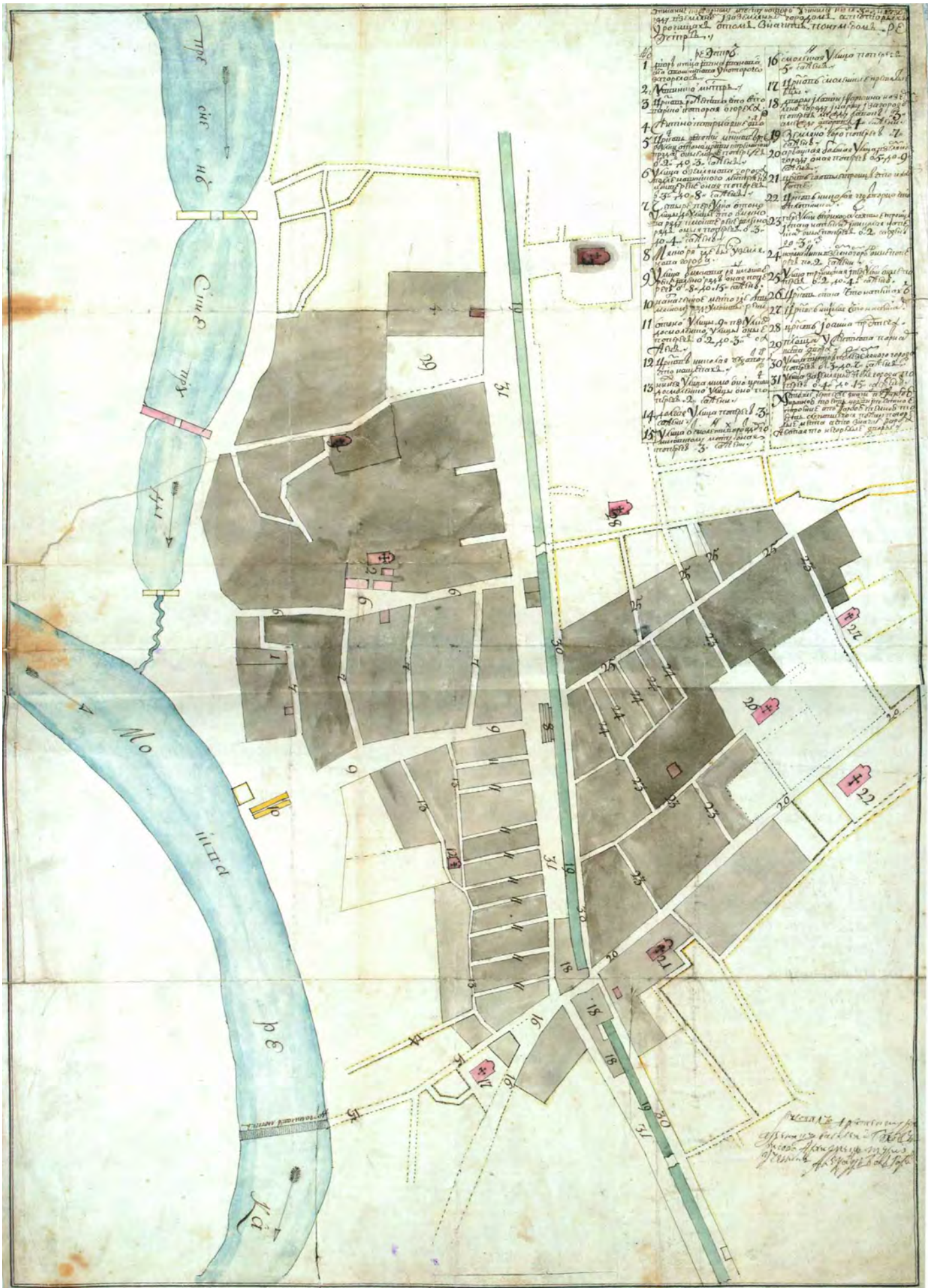
Любимый царской семьей и знатными боярами, удачно расположенный и постоянно доступный москвичам, собор с самого начала стал центром, где скрещивались интересы двух «пространств»: дворцового (жители теремов, населяв-

шие Кремль) и «посадского» (знатные землевладельцы, простые торговцы и ремесленники). Место настоятеля такого храма было особенно ответственным. Соборный протопоп стоял близко к царю и царской семье, входил в круг высших церковных иерархов. От его позиции многое зависело во взглядах двора и города. Перед горожанами он, соответственно, выступал как лицо, наделенное особым знанием и особым доверием государя. Отсюда — существенная роль собора в «церковном эксперименте» кружка «ревнителей благочестия» 1640-х гг., который пять лет осуществлял священник Иван Неронов, ключарь Успенского собора, поставленный протопопом «...церкви пречистыя Богородицы Казанские, яже посреди царствующего града на Красной площади, того ради, яко та церковь посреди торжища стоит и мног народ по вся дни непрестанно в ней бывает, да слышаще учение его сладкое народ отвратят сердце своя от злых обычаев и навькнут добрых дел», и с ним вместе — протопоп Аввакум Петров, вскоре противоставившие реформам патриарха Никона.

Другое яркое проявление осознания сакральной среды собора и образа — включение их в «Сказание о Савве Грудцыне», известную московскую повесть-легенду²³³.

Крестные ходы в собор становились важными государственными акциями, которые строго регламентировали. Недаром именно во время летней Казанской 1687 г. царевна Софья Алексеевна, артикулируя разрыв с царственным братом Петром, заняла его место в хождении «за кресты» с образом Богородицы. Этим она подчеркнула свою особую связь с Казанским собором и образом, свое право на родовое богомолье, а следовательно — на государственную святыню. Не случайно именно в Казанском соборе, за образом Богородицы, было скрыто и затем «вынуто» подметное письмо с «непристойными словами» на царевну и угрозами ее жизни: икона должна была свидетельствовать истинность и одновременно защитить царевну как представительницу рода Романовых²³⁴.

Так собор, зародившийся в 1610-х гг. и построенный в камне к 1636 г., через несколько десятилетий окончательно обрел свое место как в государственно-церковной иерархии, так и в сердцах жителей Москвы — иначе говоря, в ее сакральном пространстве. Его система престолов, его святыня и связанные с ними формы почитания развивались очень естественно. В них соединились, слились во едино почитание святых, память о чудесах и просто исторических эпизодах, политические расчеты и ожидание в ближайшем будущем новых чудес. Эти ожидания рождали особые формы отношений по поводу собора и образа, структурировали поведение разных социальных групп²³⁵.

План местности в районе Новинского монастыря и улицы Арбат. 1737 г. РГАДА

МОНАСТЫРСКАЯ ТОПОГРАФИЯ МОСКВЫ

В предыдущей главе мы рассмотрели некоторые примеры того, как в определенных точках Москвы складывались группы храмов, как составлялась и эволюционировала система посвящений их престолов, в какой степени на эти процессы воздействовала церковная и иная социальная жизнь, исторические события и множество других факторов. Однако в городе есть особая группа объектов, как будто специально призванных формировать опорные точки, узлы сакрального пространства, структурировать ее системно. Эти объекты — монастыри. Понятно, что для истории сакральной топографии Москвы размещение в ней монастырей имеет совершенно особое значение. Убежденность в этом повлекла за собой распространение ряда устойчивых, но восходящих, в сущности, к поздней «народно-религиозной»¹ традиции представлений о том, что определяло место для основания монастыря (монастырей).

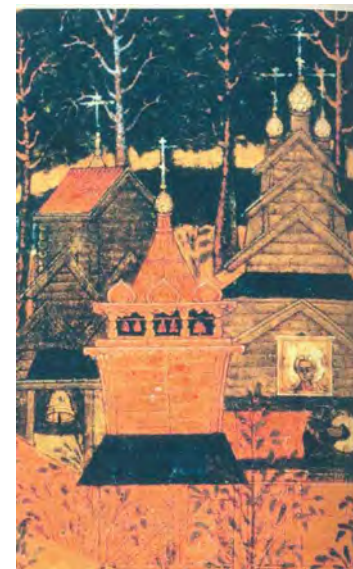
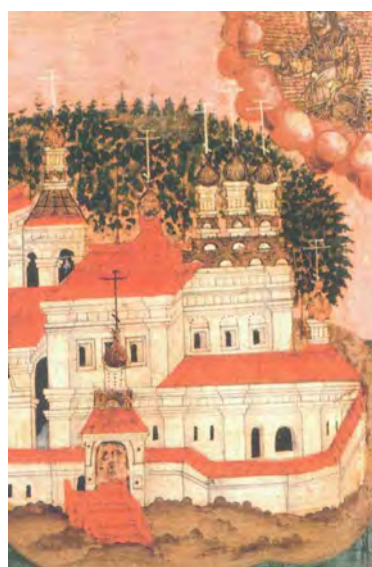
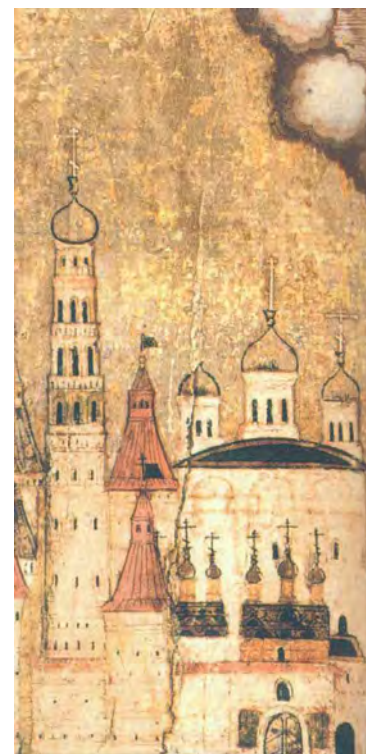
Согласно наиболее привычной точке зрения, монастыри ставили в уединенных, удаленных от мирской суеты, даже диких и мало привлекательных для хозяйства местах. Конечно, монастыри-пустыни хорошо известны так же, как известна обязанность монашествующих избегать мирских забот. Но довольно взглянуть на схему размещения монастырей Москвы, чтобы убедиться, что в большинстве они включены в живую основу города, стоят посреди его сутолоки, в его нервных узлах.

Это, в свою очередь, пробуют объяснить историческим развитием города, тем, что монастыри эти когда-то ставили в пустынном ландшафте, а жилые кварталы со временем охватили их и включили в свою ткань. Так пытаются представить дело и в других местах, например во Пскове, а вне Руси — в Фессалониках и Константинополе¹. Однако к очень многим из обителей такое объяснение не подойдет — вряд ли удастся представить «пустынями» монастыри Кремля, Китай-города и ближнего Занеглименья.

Приверженцы других «гипотез» исходят из того, что размещение монастырей в городе отражает их особые внецерковные функции. Среди предлагаемых версий есть крайне умозрительные, вплоть до общих архитектурно-видовых соображений, другие, на первый взгляд, заслуживают большего доверия. Главная (и ставшая для многих привычной) среди них — военно-стратегическая. Согласно ей, монастыри представлялись по всей стране и вокруг Москвы по определенному стратегическому плану, подобно тому, как размещаются форты или башни городской стены.

Несмотря на привычность этого взгляда, сравнительно просто доказать, что соображения обороны города или его части не могли иметь существенного влияния на размещение городских обителей, хотя в отдельных случаях тот или иной из монастырей мог сыграть известную роль в событиях войны. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Иконография XVII – XIX вв. рисует монастыри с правильной планировкой, устойчивым функциональным зонированием и оградой, напоминающей крепостную стену

МОНАСТЫРИ — КРЕПОСТИ?

В нашем сознании облик монастыря неразрывно слит с обликом крепости: стены с зубцами и бойницами; глухие и воротные башни; колокольни, напоминающие донжоны, — все рождает мысли о войнах, осадах и штурмах.

Однако не все, что похоже на крепость, непременно ею является. Абсолютное большинство среди нескольких сотен построенных в XVI—XVII вв. (тем более — позже) монастырей не рассчитаны на оборону и не выдержат ни профессионально организованного штурма, ни правильной осады. Их стены — это прежде всего символические ограды, призванные выделить, замкнуть, наглядно и зримо оградить от окружающей мирской жизни священный участок, на котором строится подобие Небесного Града, то есть царства Божия³.

Почему же возникли такие формы? Военная архитектура в прошлом часто влияла на развитие и гражданского, и церковного зодчества. В итоге появляются промежуточные, гибридные образы и формы, в которых выражается стремление воспроизводить элементы убранства крепостей. Их отчасти диктует сходство практических функций: монастырю приходится охранять имущество, укрывать и жизнь братии от лишних глаз, да и контролировать се — недаром монастыри служили тюрьмами. Но не слабее и иная потребность — потребность выразить идею ограждения праведности от грехов мира и идею небесной защиты. Из соединения двух этих стремлений и возникло такое своеобразное архитектурное явление, как монастырская ограда. Известную роль играли, как при всяком крепостном строительстве, соображения престижа и демонстрация силы (ее часто достаточно обозначить, и не обязательно применять).

Внимательный наблюдатель тут же заметит, что монастырская ограда часто декоративна, обычно она не имеет важных признаков настоящих крепостей — рвов и выносных укреплений. Зато, наоборот, включает элементы, ос-

лабляющие угрожаемые участки: над башней главного въезда почти всегда возводят церковь (а позже и колокольню), образуя «святые врата», что мешает их защищать, загромождая площадку башни.

Тем не менее, в середине XX в. в советской науке особой популярностью пользовалась идея принадлежности древнерусских монастырей к классу реальных крепостей, возводившихся чуть ли не преимущественно с целью обороны страны и/или города. В отношении монастырей Москвы исходная гипотеза сложилась еще в XIX в., а выражение *монастыри-сторожи* ввел москвовед начала XX в. М. Александровский. Большой предреволюционный «Сабашниковский» путеводитель по Москве так и назвал главу о монастырях: «Сторожи Москвы»⁴. К ней был приложен план, на котором выделены два полукольца монастырей, южное (загородное) и северное (по линии стен Белого города), причем южное именовалось линией «крепостных форпостов».

Усиленная разработка темы пришлось на 1940-е гг., что объяснимо политической ситуацией. Подчеркивание фортификационной составляющей позволяло включить монастыри в круг исторических объектов, достойных сохранения, и обосновать необходимость их научного исследования, крайне затрудненного в условиях атеистической идеологии. Но, прежде всего, такой подход отвечал тяге народа ко всему связанному с обороной государства в период, когда само существование России находилось под угрозой. Недаром серьезная статья, посвященная вопросам использования монастырей в качестве крепостей, принадлежавшая известному историку архитектуры М.А. Ильину, была издана в разгар войны⁵.

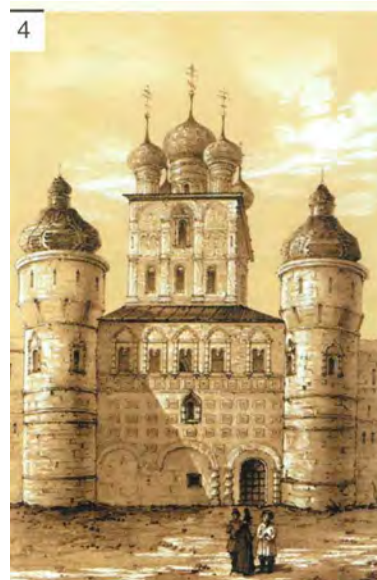
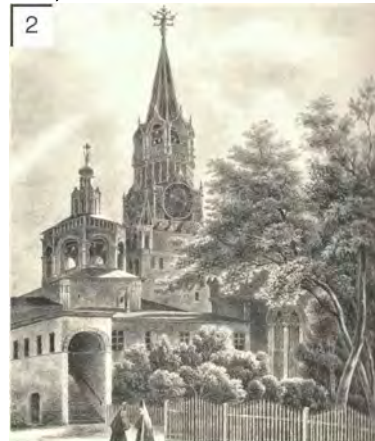
В широкий научный оборот идея «сторожей» вошла благодаря двум книгам — «Истории планировки и застройки Москвы» П.В. Сытина (Т. I. М., 1950; автор использовал архив Александровского в ОПИ ГИМ для подготовки перво-

Монастыри,
расположенные
к югу и юго-востоку
от города.
Фрагмент панорамы
Москвы
с Воробьевых гор.
Гравюра по рис.
К. де Брюйна.
1702 г.

Виды монастырей стали в XVIII и XIX вв. излюбленным сюжетом художников сентиментально-романтического и национального направлений

1. Вид Новодевичьего монастыря. Литография 1846 г.
2. Внутренний вид Вознесенского монастыря в Кремле. Рравюра по рис. О. Кадоля. 1830 г.
3. Вознесенский монастырь. Лубок 1760-х гг.
4. Ростовский Кремль. Литография сер. XIX в.
5. Чудов монастырь. Лубок 1760-х гг.
6. Симонов монастырь. Литография 1843 г. по рис. КН. Рабуса
7. Троице-Сергиева лавра. Рис. Вровкина. 1909 г. ЦГЛМО

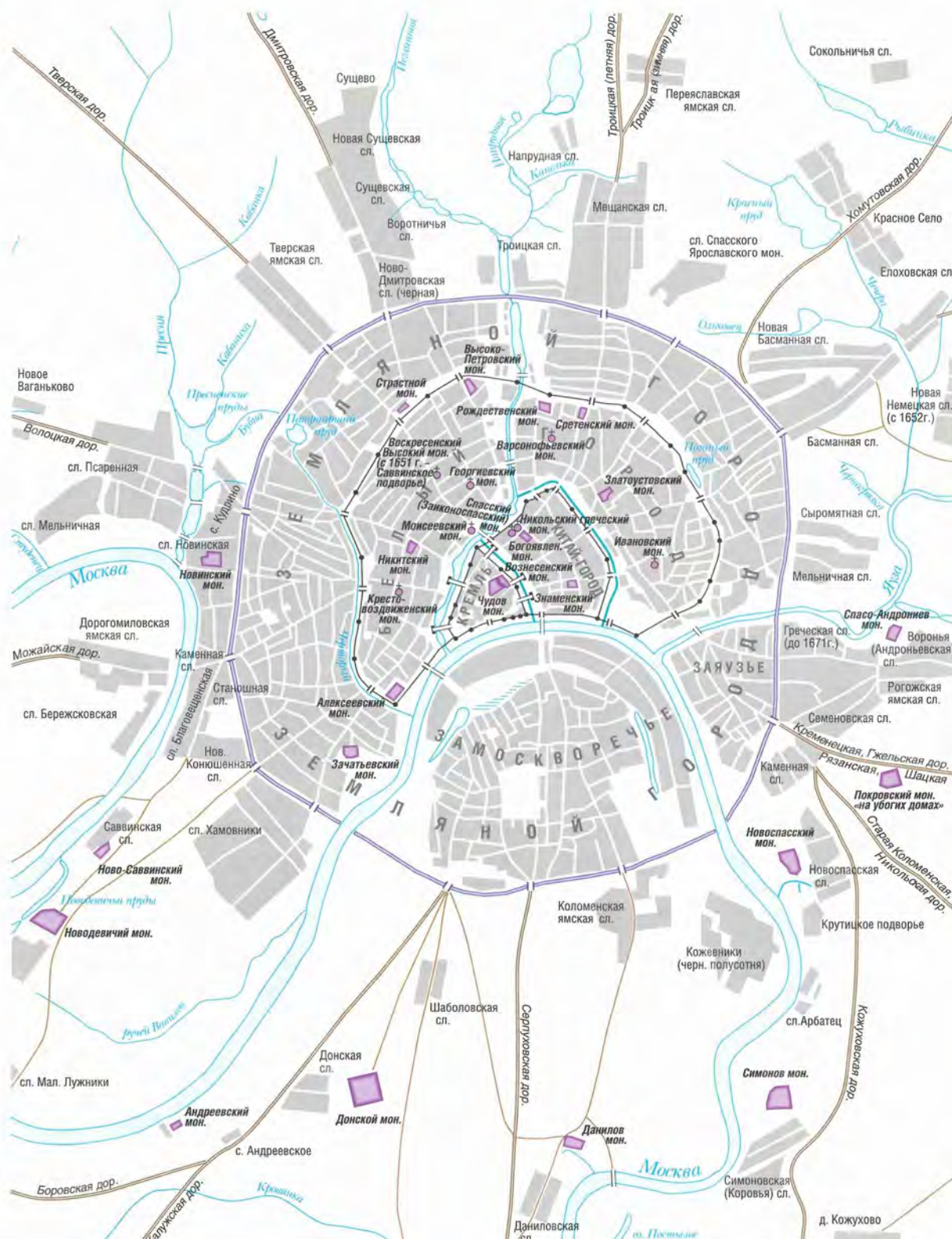

Монастыри Москвы в XVII в.

Масштаб 1 : 50 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова по материалам С.К. Богоявленского, И.А. Голубцова, И. Мичурина, А.В. Чайнова

- Застроенные территории
- Монастыри
- Дороги**
- большие
- местные и проезды
- Городские стены**
- каменные
- деревянные
- Рвы (преимущественно без воды)**
- Мосты

го тома своей известной монографии) и вышедшей с ней в один год монографии Н.И. Фальковского «Москва в истории техники» (М., 1950). Именно в этой работе московские монастыри (и городские, и загородные) были представлены как единая система обороны. Автор создал яркую и по-своему логичную цельную картину. Первое кольцо Фальковский, следуя уже устоявшейся к тому времени схеме, составил из южных загородных монастырей Андроникова, Новоспасского, Симонова, Данилова, Донского и Новодевичьего, которые, по его мнению, возникли «в качестве укрепленных стенами, башнями и вооруженных фортов, охраняющих основные дороги». Эта линия обороны должна была защищать город с юга и юго-востока: Новодевичий, прикрытый изгибом реки Москвы, как бы наблюдал за пространством на противоположном берегу, где не было укреплений; подступы к Замоскворечью защищали Донской и Данилов, расположенные в самом из-

гибе москворецкой луки; Симонов прикрывал Замоскворечье и служил форпостом для юго-восточной линии обороны, составленной из Новоспасского, Покровского и Андроникова.

Монастыри Скородома, Белого города и Китая в «системе Фальковского» также виделись опорными пунктами. Укрепления Белого города «дополняли твердыни монастырей Сретенского, Рождественского, Высоко-Петровского, Страстного... они защищали основные дороги с севера», а Зачатьевский монастырь — с юга. Китай-город прикрывали с востока Ивановский и Златоустовский, а западнее — Георгиевский, Никитский и Алексеевский (в Чертолье) монастыри⁶. Внутри Китай-города магистрали Варварской и Никольской улиц защищали Знаменский, Николо-Греческий и Богоявленский монастыри.

В путеводителе 1917 г. обители южного полукольца тоже описаны как крепостные, но в отношении северных Фаль-

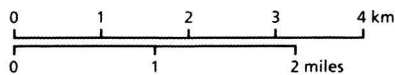
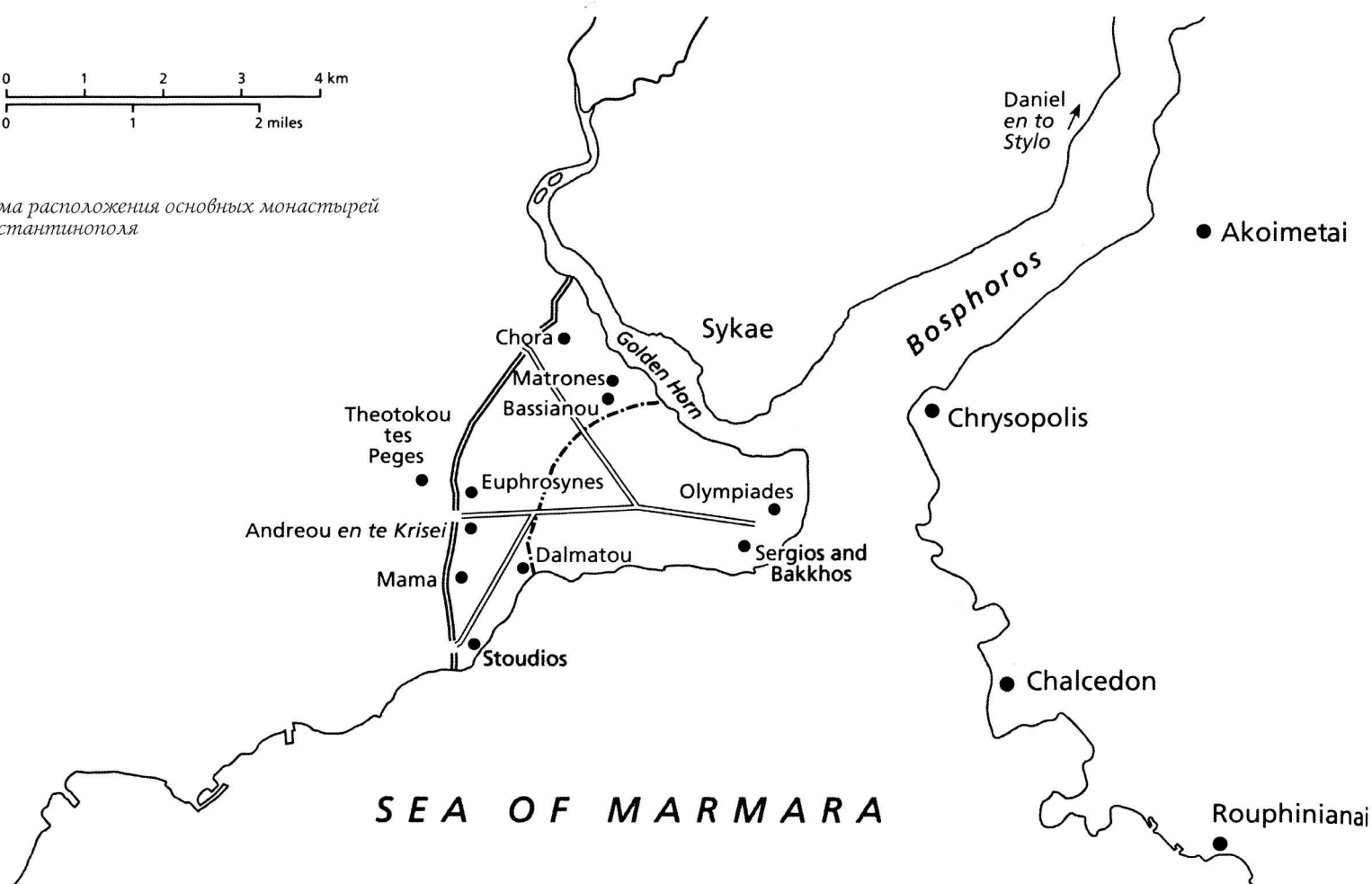

Схема расположения основных монастырей Константинополя

ковский сделал рискованный шаг — его предшественники здраво полагали, что, хотя «расположение этих монастырей близ стен Белого города могло бы указывать на военную их роль, на самом деле они такой роли не играли», а их место у ворот связано с функцией приема паломников⁷.

В послевоенный период продуманную систему обороны города с опорой на монастыри часть историков градостроительства восприняла как что-то давно доказанное или само собой разумеющееся. В результате возникали все более изощренные схемы их размещения вокруг Москвы, увязанные с развитием четырехчастной системы крепостных стен XVI в.⁸ Почти без изменений (но и без ссылки на Н.И. Фальковского и П.В. Сытина) модель «монастырской обороны» Москвы повторил М.П. Кудрявцев⁹, добавив, впрочем, к реконструкции Фальковского монастыри, которым тот все же не решился присвоить оборонительного значения: в южной линии загородных «сторожей» появился Андреевский, в западной — Саввин и Новинский. Дополнительно он выделил так называемую линию последней обороны, в которую объединил «семь укрепленных монастырей», некоторые из них Фальковским названы (Гергиевский, Никитский, Алексеевский, Златоустовский, Ивановский), а другие включены вновь (Крестовоздвиженский, Варсонофьевский)¹⁰.

В российской историографии XX в. работы, в которых военно-стратегические функции монастырского строительства ставились под сомнение (П.А. Раппопорт, А.С. Щенков¹¹), были единичны.

Ни дореволюционные историки, ни среднее поколение, работавшее в годы войны, ни их последователи 1970—1980-х гг. не были первыми. Уже путешественники-иностранцы в XVI—XVII вв. обратили внимание на внешнее сходство крупных монастырей с городами: Троице-Сергиева лавра, Кириллов Белозерский монастырь и др. были похожи на сказочные города. Генрих Штаден писал

(явно ошибаясь), что «в ... стране нет ни одного укрепленного города... города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей», в то время как «у монастырей большей частью — во всяком случае у богатейших — имеются каменные стены»¹².

Через столетие Григорий Котошихин указал на использование некоторых монастырей как царских крепостей: «Так же в болших каменных монастырех для осадного времени пушки и пушечные всякие запасы, и всякое осадное оружие царское, и в ынних монастырех для оберегания городов от воинских людей устроены стрельцы и пушкарки; а где стрелцов нет, и в тех монастырех устроены слободами, торговые люди и крестьяне». При этом он отделял их от городов, которых насчитывал более 20: «А будет в Московском государстве построенных каменных городов, кроме монастырей, с 20 городов или мало болши, а достальные все деланы деревянные на земляных валах и просто на земле; и для войны насыпают те города песком и каменьем, а для крепости тех городов копаны кругом глубокие рвы и бит деревянной чеснок, а в ыных рвах пущена кругом вода»¹³.

Разумеется, были хорошо известны немногие, но яркие случаи успешной обороны монастырей. В силу этого считалось возможным рассматривать монастырь как аналог города или его цитадели, кремлю, и видеть за этим внешним подобием важные военные задачи обитателей. В то же время ни одной специальной работы по истории монастырских оград крепостного типа до сих пор не появилось¹⁴.

В схемах «монастырей-сторожей Москвы» бросаются в глаза нарушения исследовательской процедуры. Так, в одну систему включают обители разного времени, от основанных в XIV—XV вв. Богоявленского, Данилова, Высоко-Петровского и Зачатьевского/Алексеевского до возникших как достоверно известно по письменным источникам, только в конце XVII в. (Покровский, Андреевский). Авторы схем как будто предполагают, что на протяжении не-

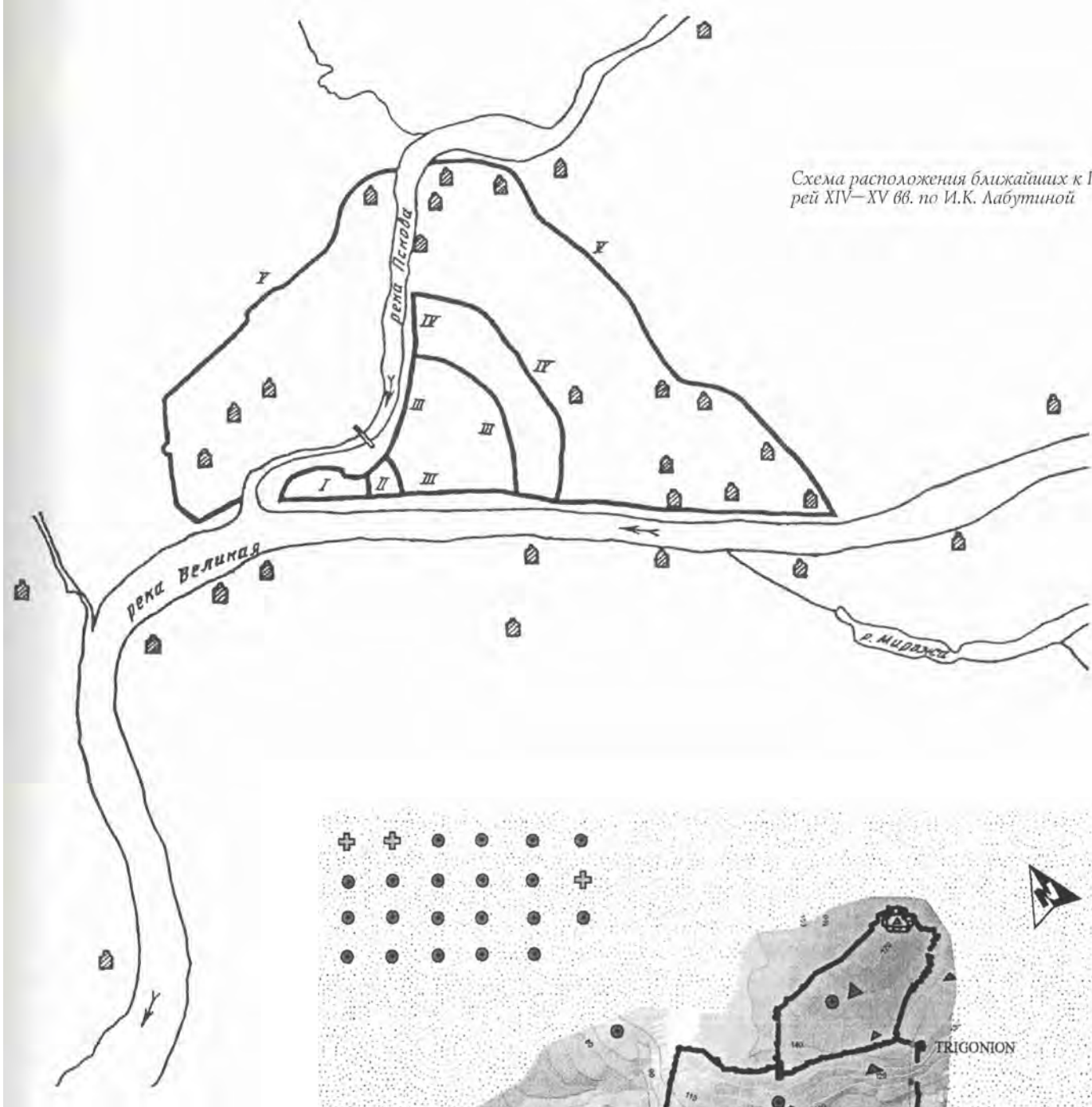

Схема расположения ближайших к Пскову монастырей XIV—XV вв. по И.К. Лабутинной

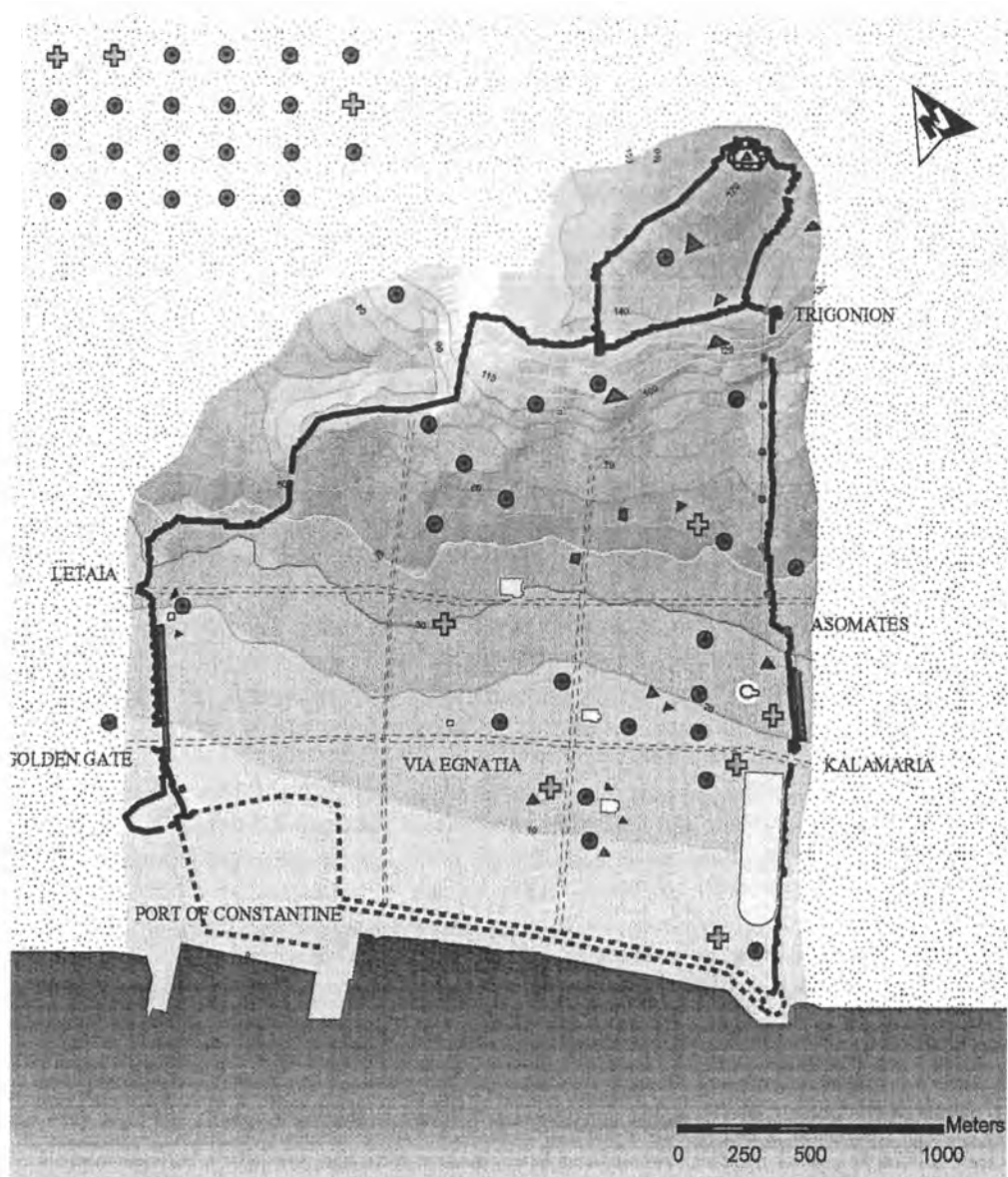

Схема расположения монастырей в Салониках. 330—1430 гг.

скольких столетий существовала если не раз навсегда продуманная схема размещения монастырей, своего рода стратегический план обороны, то, по меньшей мере, развивающаяся идея необходимости использования вытянутых в определенную линию монастырей для нужд обороны Москвы. Затем, никто из писавших о «монастырях-сторожах», видимо, не изучал, насколько они были оснащены для выполнения оборонных функций в определенное время. Все дружно указывали на наличие каменных стен и башен, но не пытались установить, какие именно монастыри и когда получили каменные ограды, какого типа были эти ограды и как они использовались. Наконец, не анализировали сведения источников об участии монастырей в боевых действиях; их если и учитывали, то поверхностно, на уровне перечисления таких упоминаний.

Разбор проблемы военного использования монастырей начнем с разделения ее на две темы. Первая — архитектурная приспособленность того или иного отдельного монастыря для самообороны. Вторая — возможность включенности его (или их всех) в общую систему стратегической защиты государства, области или города, а также осознание этой возможности современниками, «проектности» этой системы. В первом случае необходимо рассмотреть свойства монастырских укреплений, их действительную обороноспособность. Во втором — общую историю города, место монастырей в системе его защиты. Нас будет больше интересовать вторая тема, но ее невозможно изучить, не затронув первую, с которой и начнем.

Для XI—XIII вв. было типично ограждение монастыря легкими конструкциями. Ограды даже крупнейших, таких как Киево-Печерский, нельзя сравнить с городскими стенами: изначально его «оградища столпием», позже — каменной стеной, но обе стояли на ровном месте и без рва¹⁵. Каменные ворота Лавры, сохранившиеся до наших дней, так же, как недавно изученные Г.Ю. Ивакиным ворота Ми-

хайловского Златоверхого монастыря, не отвечают требованиям обороны, это типичные Святые врата, то есть храм на «постаменте» проездной башни.

Вообще до XVI в. (иногда и позднее) ограда оставалась важным, но не обязательным элементом монастыря. Письменные источники показывают иногда ее отсутствие, чаще ставили деревянный частокол и, очень редко, каменные ограды или врата. В подавляющем большинстве случаев ограда лишена двух главных признаков военной функции: до сих пор не обнаружено монастыря XI—XV вв. с валами и рвами, позже они есть в единичных случаях.

Особенно важная черта крепости — ее ров. Если развитие артиллерии рано потребовало ставить стены крепостей не на валах, а на ровной поверхности, на мощном фундаменте, то значение рва сохранилось и даже возросло. В XVI—XVII вв. его глубина и ширина станут одним из главных условий успешной обороны, что признают все европейские трактаты по фортификации. Согласно наблюдениям К.С. Носова¹⁶, в русских источниках XVI—XVII вв. рвы упоминают часто, причем их ширина и глубина даже при небольших острогах значительна, до 4,3 x 2,2—2,9 м¹⁷. Для крупных крепостей называют цифры еще больше, до 10 м глубины и 20 м ширины¹⁸.

Монастыри, стоявшие внутри городов, прежде всего Москвы, просто не могли иметь таких рвов — но и в загородных монастырях мы их пока не наблюдаем, за немногими исключениями (Троице-Сергиев монастырь).

Каменных оград до конца XVI в. не возникло, видимо, и десятка, массовое строительство пришлось на конец XVII в. (когда возможность их военного использования уже миновала). Многочисленные же монастыри середины — второй половины XVII в. похожи на крепости, прежде всего, потому, что при широкой замене деревянных стен каменными они обрели черты крепостей, построенных под влиянием северо-итальянской фортификации в конце XV — первой трети

Вид Московского Кремля с монастырями. Кубок 1760-х гг.

внешнего мира, замкнуть оградой, которая укроет внутреннюю жизнь обитатели, демонстрируя в то же время ее «крепостную» мощь и архитектурную привлекательность. Ни для того, ни для другого настоящие боевые крепости европейского образца не годились, ведь XVII в. — эпоха господства бастионной фортификации. Поэтому в тех случаях, когда выбор идет между каменной оградой и земляными бастионами, возникает своего рода конфликт, и церковные власти отдают предпочтение устаревшей, в сущности, уже «декоративной» системе.

Так, в 1653 г. монахи Кирилло-Белозерского монастыря обратятся к царю Алексею Михайловичу с просьбой не строить при монастыре систему земляных бастионов (часть их уже была построена французским мастером Жаном де Гроном /А. Грановским), а возвести каменные стены и башни. В 1654—1680 гг. привычные нам высокие, эффектные башни и были поставлены²⁰. Не менее интересен случай Ростова Великого, где прекрасную земляную крепость с девятью бастионами построил еще в 1631—1633 гг. голландский инженер Ян Корнелиус Роденбург, но в 70—80-е гг. XVII в. митрополит Иона Сысоевич амбициозно «вписал» в ее центр громаду Архиерейского дома с ярко выраженными приметами «настоящей» крепости (так называемый Ростовский кремль). Известны и другие попытки заменить бастионы каменными стенами, например, вернув в 1654 г. Смоленск, воеводы предлагали срыть построенный поляками Королевский бастион и построить вместо него каменную стену²¹. Несомненно, в России образ крепости прочно связался со средневековыми башнями и стенами. Именно этот образ и воспроизведен в монастырских оградах.

О том же говорят и Святые врата, иногда каменные даже при деревянной стене. В.П. Выголов обоснованно показал, что это характерный признак именно монастырской, по сути, «некрепостной» стены²². Стоящая на них церковь обычно занимает большую часть площадки, делая башню ворот гораздо менее пригодной (или совсем непригодной) для эффективной обороны, особенно для размещения артиллерии. Эти башни обычно имеют и самый простой из возможных (прямой) проход в ограду. В тех единичных случаях, когда монастырь намеревались использовать как военную крепость, его специально укрепляли дополнительно: ставили снаружи от Святых еще одни ворота (уже боевые и без церкви); устраивали на стенах и башнях площадки для пушек и т.п.

Утверждение, что монастыри ставили в местах, укрепленных самой природой, подтверждается далеко не всегда. Оно верно, например, для монастырей на Крутицах (два Симонова монастыря, Новоспасский, Крутицкий) и отчасти для Новодевичьего, но для других монастырей это отнюдь не так: Данилов поставлен на луговой стороне, почти в пойме; похожим образом размещен Алексеевский Зачатьевский; на ровном поле построен Донской, и т.д.

Приведенные соображения показывают, что вплоть до середины XVI в. монастыри не воспринимали как опорные пункты при обороне городов, способные самостоятельно противостоять врагу, и как серьезные крепости их не готовили. О них думали настолько мало, что московское правительство в период массовой перестройки старых

XVI вв. Эти черты прочно укоренились в русском зодчестве и воспроизводились в течение всего XVII в., а в монастырских оградах — и гораздо позже¹⁹.

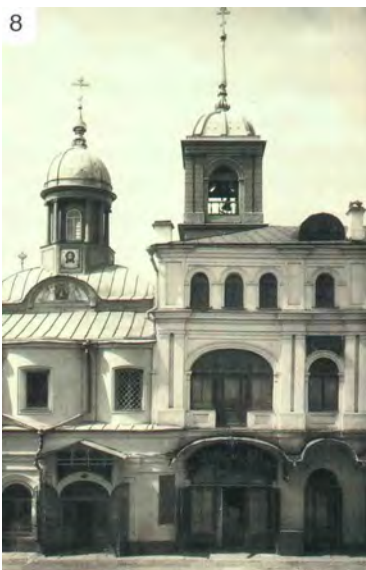
Интересно, что в монастырских каменных оградах XVII и, насколько нам известно, XVI в., элементы часто подбирали по декоративно-символическому принципу. Так, в них долго воспроизводили машикули (сравнительно многочисленные в собственно-крепостном строительстве); предпочитали круглые, неудобные для стрельбы бойницы; возводили декоративные надстройки над башнями, при обстреле крепости явно опасные для самих обороняющихся, и т.п.

Правда, многие особенности, заставляющие нас сомневаться в боевых качествах монастырских оград, присущи не только им, но всей фортификации Московского периода. После улучшений, введенных в русско-итальянский период, практика русского крепостного строительства все более расходилась с европейской теорией. В частности, она не последовала за тенденцией к изменению отношения высоты и толщины стены в пользу последней. Стены большинства московских крепостей по-прежнему тянулись ввысь, теряя в толщине. Это придавало им грозный вид, но ослабляло способность сопротивляться огню осадной артиллерии и вести активный ответный огонь. (С.С. Подъяпольский отметил это уже по отношению к излишне высоким стенам Московского Кремля, предположив здесь определенную связь с потребностью отражать набеги, при которых важно не дать многочисленным врагам перелезть стену и уменьшить эффект их стрельбы из луков, в то время как сопротивление пушечному огню — второстепенная задача).

Все же в сфере монастырского строительства есть несколько удивительно ярких примеров, указывающих на особую озабоченность церковных властей внешней репрезентативностью монастыря, на стремление не столько защитить его от пушек, сколько изолировать от греховного

Фотографии московских монастырей
(из альбомов Н.А. Найденова 1880-х гг.)

1. Георгиевский монастырь на Дмитровке.
2. Покровский монастырь.
3. Высоко-Петровский монастырь. Внутренний вид.
4. Собор Спаса на Бору в Кремле.
5. Высоко-Петровский монастырь. Вид с Петровки.
6. Рождественский монастырь. Вид с бульвара.
7. Рождественский монастырь. Внутренний вид.
8. Церковь Ильи Пророка на Новгородском подворье.
9. Ивановский монастырь.

и возведения новых крепостей итальянскими инженерами в 1480-х — 1530-х гг. не сочло нужным, не пожелало (иначе это назвать нельзя) заказать им сооружение или модернизацию хотя бы одной монастырской ограды как в Москве так и вне ее. И это при том, что в начале XVI в. ими были возведены десятки кремлей и крепостей новой планировки из кирпича или дерева с земляной засыпкой.

Перейдем теперь к рассмотрению, так сказать, стратегических доводов. Действительно ли монастыри расставлены вокруг Москвы сознательно, для системного усиления обороны и образования из них линий форпостов? Аргументы в пользу этого обычно сводят к размещению обителей на стратегически важных направлениях и к наличию у других городов укрепленных «монастырей-спутников» (Пафнутьев Боровский у Калуги, Саввино-Сторожевский у Звенигорода, Голутвенский и Бобринев у Коломны, Лужецкий у Можайска, Владычный у Серпухова).

Однако летописи не отражают никаких военных мотивов основания монастырей или их размещения с целью использовать в оборонительной системе. Понятно, что письменные источники и не показывают подобных действий вокруг города в XIV—XV вв. Напротив, при приближении врага защитники уничтожают монастыри. Расположение вокруг города маленьких, но хорошо укрепленных пунктов было для него явно опасно. Известно, что в Новгороде, уже в XIV—XV вв. окруженном достаточно плотным кольцом монастырей, ввиду осады их разбирали или сжигали. Это касалось как обителей на посаде и внутри застройки, так и отдельно стоявших, наделенных собственной системой защиты монастырей²³.

В Москве окрестные монастыри во время войны также были угрозой для города, а не узлами его защиты — что и проявилось в период Смуты, когда наиболее пригодные для защиты монастыри пытались использовать, пусть и не особенно успешно, и осаждающие, и обороняющиеся. Затронувший проблему монастырей как фортификационных сооружений П.А. Раппопорт²⁴ точно подметил особенность расстановки ранних монастырей вне Москвы. Они возникают далеко от крепости, ниже по течению реки на юг и юго-восток, вместо того чтобы прикрыть Кремль с напольной площадки, со стороны вероятного приступа. Рас-

Крутицкий монастырь. Литография 1840-х гг.

положенные в 4—5 верстах пригородные монастыри не могли оказать существенной помощи городу, наоборот: их упорная оборона оттянула бы значительную часть сил. Поэтому превращать пригородные монастыри в крепости было не нужно и даже опасно.

Оборона древнерусского города строилась не на внешних фортах, а на защите обвода городской стены. Поэтому планы кампаний, насколько можно их представить, включают защиту монастырей в исключительно редких случаях. Классическая схема предполагает обратное: внутрь города собирают всех окрестных жителей и укрывают ценности. За городскими стенами укрывают также имущество и братию монастырей, для чего все крупные загородные монастыри располагали осадными дворами.

Заметим, что и в XVI в., при неоднократном возведении новых линий укреплений Москвы, монастыри, стоявшие вблизи них (Высоко-Петровский, Рождественский, Средненский), не оставляли снаружи в виде дополнительных укреплений. Ясно, что их не воспринимают как военные, стратегические объекты — монастыри не столько защищали город, сколько нуждались в его защите. Иногда их даже предпочитали внести в пределы укреплений, чтобы не приходилось постоянно уничтожать при набегах — так случилось с Алексеевским, впоследствии Зачатьевским, монастырем, переведенном с Остоженки внутрь Чертольи.

До сих пор не обращалось внимание на то, что московское летописание, тщательно фиксируя события военной истории и часто описывая особенности обороны города при многочисленных боевых эпизодах конца XIV—XVII вв., почти не дает нам исторических прецедентов участия монастырей в обороне.

Как строилась оборона в конце XIV— начале XV в., можно понять по описанию нашествий Тохтамыша (1382 г.) и Едигея (1408 г.): в обоих случаях при внезапных вестях о подходе ханских войск не успевшие собрать дружины великие князья вынужденно оставляют город, и его обороняют жители и воеводы. Для этого они собирались в Кремле, главном и единственном тогда оплоте. Именно с его стен и башен, а не из предполагаемых сторожей, москвичи подавали сигналы о приближении врага, как в 1382 г.: «И узреша их со града и вьструбиша гражане; они же пришед на поле градное и сташа в поле два или три стрелища от града». При этом отстоять монастыри снаружи (например, уже существовавший Богоявленский) не пытались, но сожгли все постройки посада: «бе бо около града чисто, понеже гражане сами посады своя пожгоша и ни единого тына или древа оставиша, блюдушеса примета ко граду»²⁵. Так же в 1408 г., когда «смятеша град ужасным смятением и людие начаша зело бежати, небрегуше ни о имении, ни о ином ни о чем...», князья Владимир Андреевич Храбрый и Андрей Дмитриевич «Повелеша и посады града жещи. Жалостно же бе зрети, иже многолетными времены чудныа церкви съзидани бяхут и высокими стоянми величества града украшаху, в един час в пламы вьсходяща...»²⁶. В 1571 г. мы опять видим, как народ собирается из всех слобод и монастырей в Кремль и Китай-город, о чем прямо пишет очевидец событий: «все кто жил вне [города] в окрестных слободах, — все бежали и укрылись в одном месте: духовные из монастырей и миряне, опричники и земские. На другой день он поджег земляной город [т.е. будущий Белый город. — Авт] — целиком все предместье; в нем было также много монастырей и церквей»²⁷.

Временные полевые укрепления, подвижные или постоянные, играли огромную роль в тактике русских, их часто описывают, и естественно ожидать при этом упоминания

о монастырях. Но описания обычно сообщают, как мы видим, об уничтожении, а не об обороне монастырей (подробный рассказ о походе Магмет-Гирея упоминает гибель, наряду с селами и монастырями, крупного и богатого Николо-Угрешского монастыря: «и многыя села и святыя церкви пожгоша, и честный монастырь свягаго Николы, иже на Угреше, разграбиша и попалиша»²⁸).

Описание обороны Москвы при нашествии Саип-Гирея приводит некоторые подробности подготовки к боям вне города, на посаде: по улицам, идущим через будущий Белый город, возводятся надолбы. Лицевой летописный свод иллюстрирует это миниатюрой, изображающей сооружение деревянной ограды с заостренными вертикально стоящими бревнами вокруг крепости. Но о монастырях даже не упоминается. Не пытался опереться на монастыри в битве с Девлет-Гиреем на подступах к Москве при Молодях и Михаил Воротынский: он построил временные укреп-

ления в боевые действия. Путаницу вносит то, что монастыри «южной линии», размещенные, используя военный термин, в предполье города, на коротком отрезке времени, с 1580-х по 1610-е гг., довольно часто упоминаются в связи с военными действиями, хотя данных о том, что их используют для обороны, гораздо меньше, чем упоминаний.

Разберем подробнее случай с Даниловым монастырем. Этот древнейший, рубежа XIII—XIV вв., монастырь Московского княжества никакой роли в обороне города XIV — первой половины XVI вв. играть не мог, поскольку к концу правления Калиты захирел и был восстановлен только в 1550-е гг. После Смутного времени эта роль была ему недоступна: об укреплении сгоревшего в 1610 г. Данилова долго не заботились: опись 1627 г. называет каменный собор и новые постройки: кельи игумена, келаря и братии; хлебня; ледник и погреб; строящаяся «трапеза нова деревянна», но стены предстают в самом жалком виде: «...около

ления и передвижную деревянную крепость, «гуляй-город», которая и спасла армию. Так же поступали русские военачальники в 1591 г. при отражении Казы-Гирея (см. ниже) и позднее.

Это «невнимание» к монастырям объяснимо: у московских обитателей XVI в., как уже сказано, не было каменных стен, земляных осей и рвов, а простых деревянных оград было недостаточно. Еще важнее, что у них не было своих людей для защиты: Разрядный приказ учитывал каждого воина и его оружие. Дробить ограниченные по численности отряды стрельцов, поместной конницы, и, главное, артиллерию, выделяя часть для обороны монастырей, не решались — их сосредотачивали за стенами города. В разрядных книгах XVI в. и росписях по разрядам воинских людей их не расписывают в монастыри, которые и не готовят к осаде: «велел градским вьеводам людей розрядити, кде кому быти и на которых вратех в градех... а которым воеводам и детем боярским велел быти в граде Москве, и тем велел животы возити в град, такожежде и всем градским людем всякой запас готовити в град...»²⁹. В литературе все еще можно встретить утверждения, что «слаженные действия монастырей-крепостей привели к полному разгрому врага»³⁰ — на деле они просто не имели возможности вклю-

Фрагмент плана Москвы 1737 г. с изображением загородных монастырей: Новодевичьего, Донского, Даниловского, Покровского, Ново-спасского, Андроникова

монастыря с переднюю сторону да от Москвы-реки ограда деревянна, а с двух сторон огорожено плетнем»³¹. Только в 1670—1680-х гг. монастырь обнесут каменной стеной с барочными завершениями башен. Добавим, что, хотя монастырь поставлен на приречном мысу и, как мы сейчас думаем, на месте поселения раннего железного века, для серьезной обороны он не подходит, так как стоит очень низко. На панорамах Москвы XVIII в. он показан в складке местности. Еще в XVIII в. его стены приходилось защищать от разливов: «Оной же монастырь имеется при самой Москвы реки, от вешних полых вод берега, стены и башни весьма подмыло и лдом с фундаменту повредило, подлежит утвердить вскоре берега и стены и башни каменными и железными и протчими материалы понеже опасно дабы те стены и башни не обрушились»³²; «Данилова монастыря кругом ограда в четыре стены каменная ветхая по большей части ветхостию состоит боковая стена от Москвы реки которая

У стен Знаменского монастыря в конце XVII в. Вид из Зарядья в сторону Варварки. На переднем плане — Знаменский монастырь с новым и старым соборами и старой колокольней. В глубине видны храмы по Варварке (слева направо): Максима Вложенного, Иоанна Предтечи на трех улицах, Воскресения в Вулгакове, Георгия на Псковской горке. Худ. В.А. Рябов

всегда повреждается полою водою»³³. Тогда же со стороны реки был устроен кованый железом дубовый «обруб» с забутовкой камнем.

Зоной частого противостояния между осаждающими и обороняющими силами, своего рода «ничьей землей», местность вокруг Данилова стала только в конце XVI — начале XVII вв., примерно на 20 лет. Когда в 1591 г. крымский хан Казы-Гирей подступил к Москве и занял Котлы, русские именно здесь преградили ему дорогу: «А велел государь бояром и воеводам всеми полки ставитца по Москве реке на лугех под Коломенским и под Даниловским монастырем». Тем не менее, как «форт» использовали не сам Данилов, а устроенный вблизи него «обоз», подвижный укрепленный лагерь. Хан послал против обоза своих сыновей, но «на прямое дело не пошел и полков своих не объявил». Русские остались в лагере: «а из обозу в то время вон не выходили». Однако среди ночи возник переполох, и разбуженные пушкари открыли пальбу; их поддержала тяжелая артиллерия с московских стен. Внезапная канонада напугала крымцев, они приняли высланную русскими разведку за ночную атаку и бежали³⁴.

Осенью 1606 г. между Коломенским и Даниловым устроили два военных лагеря Иван Болотников и Истома Пашков. Передовой отряд казаков «скоро подошел к Москве на расстояние одной мили от нее, стал у речки Даниловки и занял селение Загорье (Заборье), которое тотчас укрепил шанцами»³⁵. Московское же войско опять «засело в обозе перед самыми городскими [Серпуховскими. — Л.Б.] воротами» Земляного города и отбивало атаки казаков, а затем

окружило и упорно штурмовало Заборье («С ворами бои были ежедневные под Даниловским»). Наконец, 1 декабря князь Михаил Васильевич Шуйский «поиде с ратными людьми и ста в монастыре Даниловском»; на следующий день казаки были разбиты и отступили³⁶. Мы видим, что ни повстанцы не используют монастырь для обороны, предпочитают ему земляные шанцы, ни московские войска, укрепляющиеся «в обозе» перед воротами города. Шуйский беспрепятственно входит в монастырь, возможно, используя его как место ночлега и ставку.

В 1610 г. Даниловская местность последний раз стала местом сражения, на этот раз войск Лжедмитрия II и гетмана Жолкевского. Гетман, «подступив под город Коломенскою и Серпуховскою дорогами, зажег слободы и деревни, которые были вблизи города», в том числе монастырь.

Эти события показывают Даниловскую местность как поле, удобное для маршей, маневров и сосредоточения сил. Но, хотя Данилов трижды упомянут в связи с боевыми действиями, нельзя делать вывод о его предназначении как крепости: нет сведений о его осадах, штурмах или мощных укреплениях. Пишут только о стычках *под* Даниловым, *вблизи* него; один раз (1606 г.) остановится в нем воевода, но для обороны русские предпочтут и в 1591, и в 1606 гг. стать с артиллерией в «обозе», во временном подвижном укреплении, а их противники выроют шанцы вокруг сел. Характерно, что, описывая пожар Данилова, информаторы (бояре, выехавшие из Москвы 28 августа в лагерь польского короля Сигизмунда III под Смоленском) не выделяют его из числа пострадавших сел и слобод: «Самозванец сжег под Москвою много слобод, именно: Красное село, Данилов монастырь, Кожевенную слободу...»³⁷.

Возьмем другим примером одну из тех обителей, которые стоят внутри Москвы по черте Белого города и включаются в «северную линию» — Высоко-Петровский монастырь. Известно, что около него Прокопий Ляпунов по-

Монастыри Москвы
в художественной графике XVIII – XIX вв.

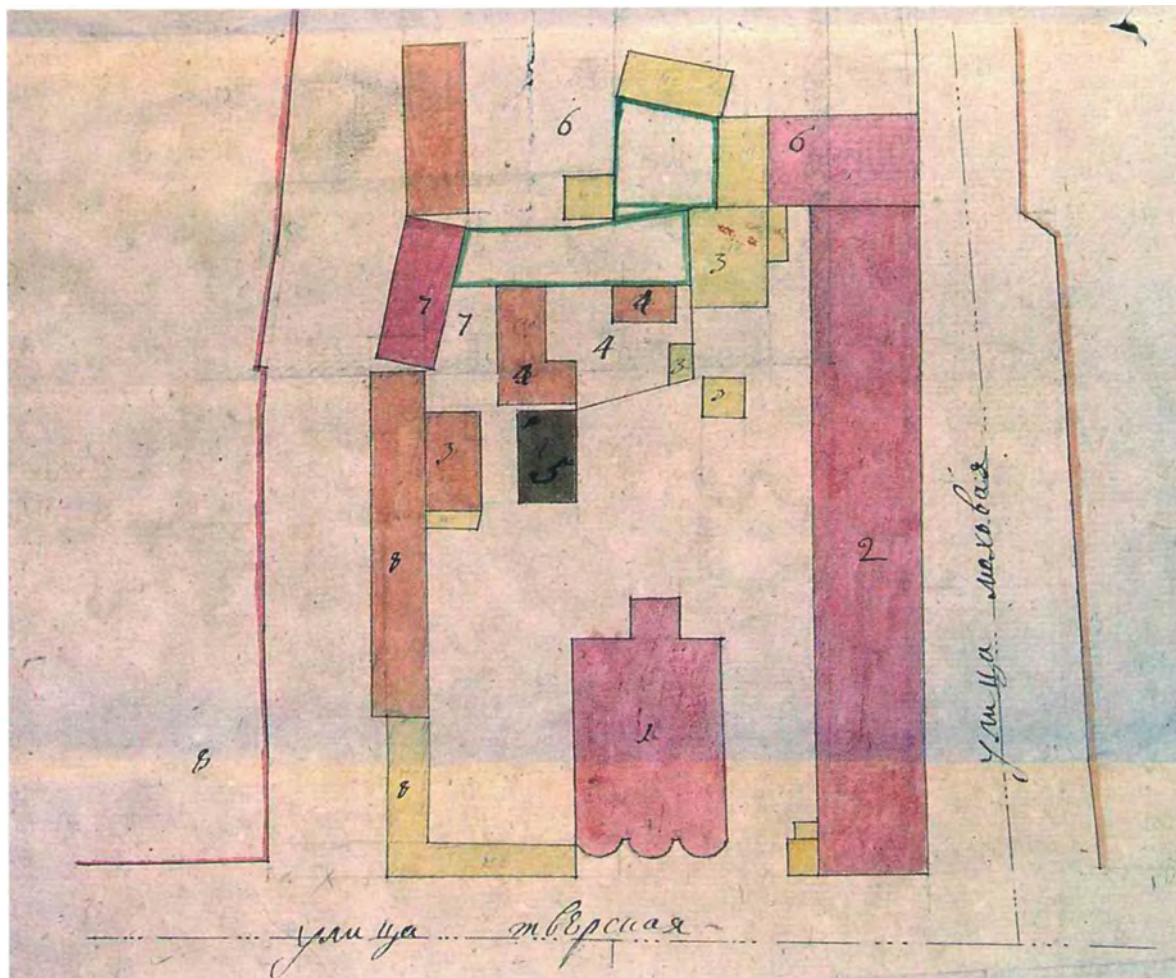
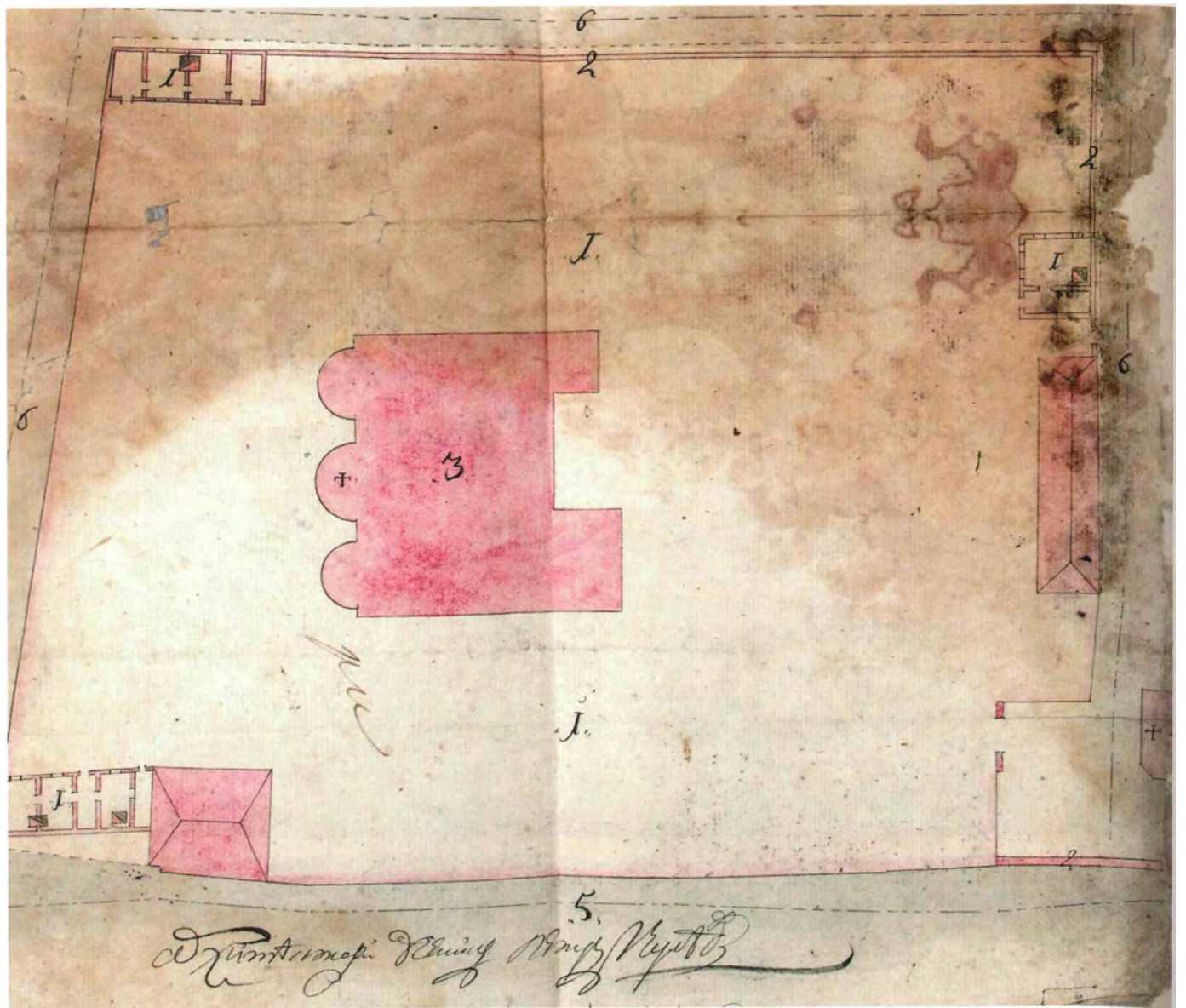

† Златоустовский монастырь. Литография 1860 г.
 Л Соловецкий монастырь. Литография сер. XIX в.
 3- Спасо-Андроников монастырь. Гравюра Ф. Кампорези по собств.
 рис. 1789 г.
 £ Страстной монастырь. Лкварель Ф.И. Ясновского. 1877 г.
 Алексеевский монастырь в Чертолье. Гравюра по рис. К. И. Рабу(1840-е гг.

6. Спасская башня и церковь Екатерины Вознесенского монастыря.
 Литография сер. XIX в.
 7. Зачатьевский монастырь. Лубок 1760-х гг.
 8. Высоко-Петровский монастырь. Лубок 1760-х гг.
 9. Донской монастырь. Литография XIX в.
 10. Донской монастырь. Гравюра 1825 г.

План Знаменского монастыря. 1760-е гг. РГАДА

План бывшего Моисеевского монастыря на Тверской улице в Белом городе. 1781 г. РГАДД

Новоспаский
монастырь
61812 г.
Литография
перв. пол. XIX в.

План местности от Земляного
города по Большой Калужской, Ша-
боловской и Боровской дорогам
до селца Никольское и деревень
Воронцово и Матвеевское. XVII в.
Фрагмент с обозначением Данилова
и Донского монастырей. РГАДА

строил батарею для обстрела Кремля. Предполагалось даже (Б.П. Дедушенко), что сразу после Смуты здесь возвели каменные стены. В 1611 г. таких стен еще не было (это известно точно), но их нет и на планах города, где монастырь вообще плохо выделен из окружающей застройки; их не упоминают и переписные книги середины XVII в. Эффектную каменную ограду монастырь получит только в конце столетия, когда его статус после рождения царевича Петра (1672 г.) резко возрастет. При этом в ограду будут встроены открытые на улицу здания келий, что вряд ли уместно в крепостном сооружении. Ясно, что с момента постройки Белого города монастырь не нуждался в укреплениях, находясь внутри новой городской стены, да и не мог служить в качестве форта. Скорее, на него можно было опираться при штурме города, чем и воспользовался Ляпунов³⁸.

До сих пор мы говорили о древнейших монастырях города. Тем паче невозможно рассматривать в качестве укреп-

ленного форпоста более поздние по времени основания монастыри. Донской, например, Сытин назвал «новой сторожей» — но опись показывает в нем, кроме каменного храма, немногие деревянные постройки и деревянный забор. Только при полном невнимании к документам XVII в. можно было ввести в ряд «монастырей-сторож» Покровский монастырь «что на Убогих домех» (основан в 1635 г. на месте «Божьего дома», где за пределами города складывали невостребованные трупы) или Андреевский монастырь, устроенный в середине XVII в. как просветительский центр. Даже в 1683 г. на аксонометрическом чертеже «земель от Колужских и Серпуховских ворот до села Воробьева» он показан с оградой, к которой примыкают кельи и Святые ворота с надвратной церковью, и без крепостной стены. Каменная ограда появится к концу XVII в., но без угловых башен и бойниц, как на гравюрах «Царствующий град Москва» и видах монастырей П. Пикарта³⁹.

Портреты русских царей и патриархов XVII в.

1. Царь Михаил Федорович.
2. Патриарх Филарет.
- 3— 4. Царь Алексей Михайлович.
5. Предполагаемый портрет Петра I в европейском
платье

Еще менее готовили к обороне монастыри внутри города. Авторы, писавшие о них как «последних рубежах оборонных», мало представляли состояние городской обители не только в XVI, но и в XVII в. Так, стоявший на высоком берегу речки Рачки Ивановский монастырь в описании 1676/77 г. предстает практически неукрепленным⁴⁰. Упоминаются, правда, «соборная церковь, да предел... каменные, и святые ворота каменные ж», но «от тех святых каменных ворот забрано кругом забором деревянным наглухо». Кроме того, «подле святых ворот келья каменная игуменьи... а старицыны кельи в ограде деревянные». Нет не только рва или вала, но и никакого пространства вокруг ограды, она тесно примыкает к владельческой застройке, и пожар, охватив соседние участки, легко перекинется на монастырь (что неоднократно и бывало). Так выглядело в XVII в. большинство из включенных Фальковским и Кудрявцевым в список «сторожей» городских монастырей. Почти все они стояли среди мирских дворов, не имели перед собой плацдармов. Описи пожаров начала XVII в. даже не упоминают об их сгоревших деревянных стенах (что обязательно записали бы, иди речь об укреплениях).

Интересно, что не заметно разницы в тактике боя вне и внутри стен такого неплотно застроенного города, как Москва. При активнейших боях и в 1572, и в 1591, и в 1611—1612-х гг. воеводы используют все тот же знакомый прием полевой фортификации: ставят в узлах обороны остроги. Острог поставил князь Д.М. Пожарский у церкви Введения на Лубянке и, опираясь на него, не пустил «литовцев» через Белый город и не дал им сжечь эту часть («Там же с ними бился у Веденсково острожку и не пропустил их за каменный город»⁴¹). Остроги ставили казаки Дмитрия Тимофеевича Трубецкого у церкви Климента Папы Римского в Замоскворечье (он переходил из рук в руки) и у Арбатских ворот Белого города («И пришед, ста у Абатских ворот и уставишася по станом подле Каменнова города подле стены, и сделаша острог и окапаша кругом рвом»⁴²). Наконец, острог был устроен в 1618 г. у Арбатских ворот против царевича Владислава, шедшего от Можайска по Смоленской дороге.

Монастыри Москвы удивительно разнородны по происхождению. Внутри Белого города довольно много богаделенных; часты и вотчинные обители, основанные для молитвенного повиновения знатного рода рядом с их дворами в разных местах и в разное время (например, вотчинные монастыри бояр Захарьиных-Юрьевых-Романовых — Георгиевский, Никитский, Знаменский). Обители, имевшие каждая особую причину появления, не могли составлять единую продуманную систему укреплений. К тому же все городские монастыри стоят не со стороны реальной опасности, юго-востока, а на северо-западе, севере и северо-востоке внутри Белого города, у его проездных ворот (Сретенский, Рождественский, Высоко-Петровский), в менее опасной части Москвы.

Итак, система из монастырей как оборонительных форпостов Москвы оказывается выстроенной не в Средневековье, а в литературе XX в. Это не значит, что следует полностью отрицать их использование как пунктов обороны или считать такие случаи единичными. Монастыри-крепости на Руси известны хорошо, но они единичны. Они — исключения, а не правило.

В Москве каменная (кирпичная) ограда монастыря до середины XVII в. названа в единственном случае: «Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря» сообщает, что Владимир Григорьевич Ховрин «ограду кирпичну около монастыря сделал»⁴³. В.П. Выголов датировал ее строитель-

ство 1450—1470-ми гг.⁴⁴ Вряд ли стоит думать, что это крепость: московские летописцы не пропускали столь исключительных фактов, а они нигде не обмолвились о ранних каменных стенах монастыря. Так или иначе, о роли Симонова монастыря в обороне Москвы нам известно не ранее начала XVII в. После отступления князя Пожарского Москву контролировали «Литовские люди и Московские изменники», а «последние же люди Московского государства седоша в Симанове монастыре в осаде и начаша дожидатися ратных людей под Москву»⁴⁵. Возможно, что существовавшую ограду осажденные усилили, и то же произошло с Новодевичьим монастырем, где укрепились «литовские люди», которых оттуда выбивали с боем.

Видимо, не случайно эти два монастыря и Новоспасский в царствование Михаила Феодоровича стали учитывать в разрядах. В 1616 г. при угрозе нашествия ногайских татар последовал указ о расстановке сил. В том числе «по монастырям для оберегания от ногайских людей быть: в Новодевичьем монастыре Стрешнев с ним 100 стрельцов и монастырских слобод люди. У Спаса Нового Давтов с ним 50 стрельцов и монастырских слобод люди. В Симоновом Сикерин с ним 50 стрельцов и монастырских слобод люди»⁴⁶. Аналогично в августе 1618 г. «по вестям от королевича Владислава» отряжаются «в Симонов монастырь — Никон Бутурлин да О. Каковинский с ним стрельцов 250, казаков 100, монастырских служек 7, слободских крестьян 19, пушкарей — 10, всего 391 человек; в Новодевичий — всего 353 человека»⁴⁷, а в сентябре того же года, когда Владислав от Можайска уже шел к Москве, воеводы записали в Симонов монастырь Бутурлина и с ним 391 человек, а в Новодевичий — Д. Замыцкого да М. Стрешнева и 353 человека⁴⁸.

Те же три монастыря названы в росписи 1633 г., когда по «Крымским вестем» «по монастырем для оберегания от крымских людей быти» в Новодевичем — Глебов с 100 человеками стрельцов и со 128 монастырскими служками и крестьянами. В Новоспасский отправлен Баклановский и 100 человек стрельцов, а монастырских служек и крестьян 184; в Симонов — Болтин с 200 стрельцами, 170 служками и крестьянами. Кроме того указано, что к Патриаршим житницам под Новинским монастырем послан Нелединский и 40 человек солдат — вероятно, более для охраны самих житниц, чем для защиты монастыря⁴⁹.

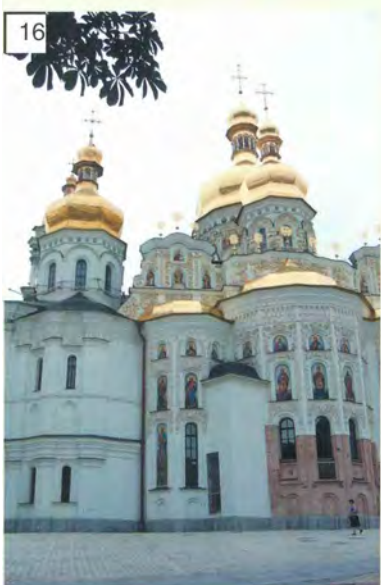
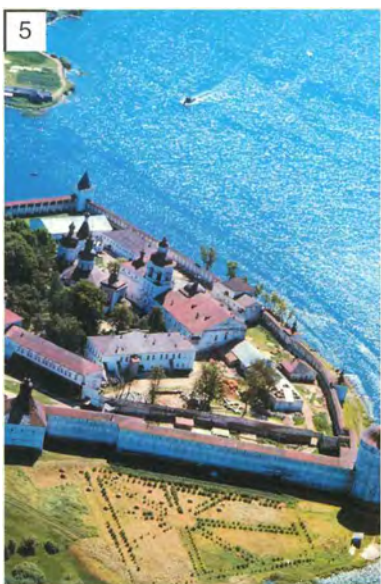
Разрядные книги указывают нам монастыри, имеющие укрепления настолько серьезные, что можно надеяться отстоять их с помощью профессионального гарнизона. На роль «сторожей» могут претендовать только эти три загородных монастыря — не важно, какова была стратегическая цель: охрана самих обителей (как в случае с Патриаршими житницами) или защита всего города. Соответственно, в 1640-е гг. два из них получают новые крепостные стены с мощными угловыми башнями: «созданы быша в честных обителях Московских у Спаса на Новом и у пречистыя в Симонове ограды каменные... в пятое десятирице втораго ста осмыя тысящи лет»⁵⁰.

Видимо, в середине — второй половине XVII в., когда численность войска значительно возрастет, а в стратегии постараются учесть уроки Смуты, станет возможно использовать некоторые крупные монастыри для обороны.

Подведем итоги. Монастыри Москвы располагаются в гуще застройки, чаще всего после заселения участка, а не до этого, что легко увидеть на схеме начала XV в.: многочисленные в Кремле, они «двигаются» в направлении развития застройки в Китай-город и вдоль Неглинной к северу. Только одна группа лежит к юго-востоку, далеко от города, возможно, во владениях великого князя и его семьи. Ко-

Виды древних русских монастырей в современной фотографии

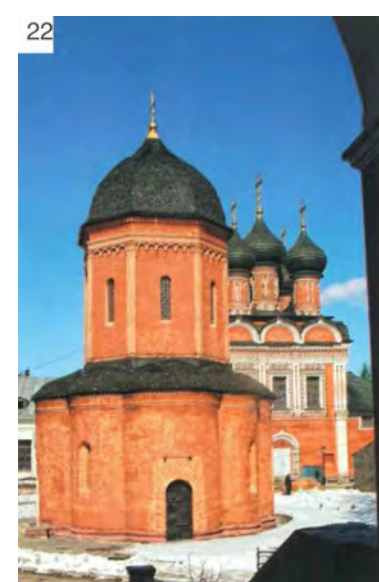
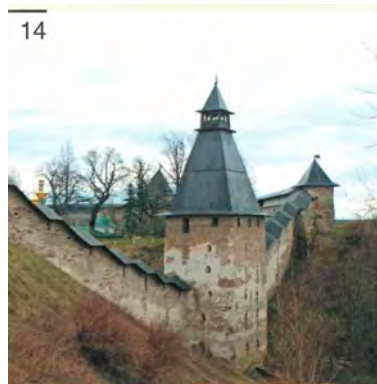
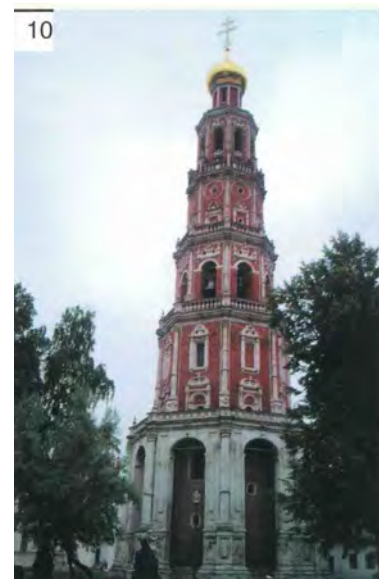
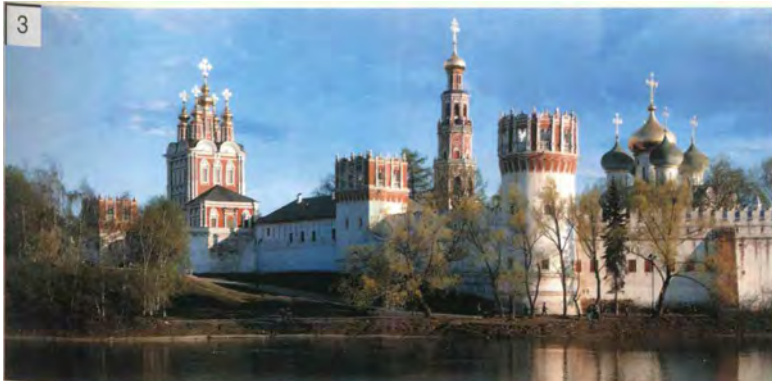
1. Церкви Иоанна Предтечи и Черниговских чудотворцев под Бором
2. Пафнутьев Боровский монастырь
3. Новодевичий монастырь
4. Иосиф о-Во локо хамский монастырь
5. Кирилло-Белозерский монастырь. Вид сверху
6. Кирилло-Белозерский монастырь. Крепостные стены
7. Собор Спасо-Андроникова монастыря
8. Церковь Черниговских чудотворцев в Черниговском переулке

- 9. Саввино-Сторожевский монастырь
- 10. Колокольня Новодевичьего монастыря
- И- Кирилло-Белозерский монастырь. Крепостные стены
- 12. Соловецкий монастырь
- 13. Троицкая надвратная церковь Киево-Печерской лавры
- 14. Псково-Печерская лавра. Крепостные стены
- 15. Макарьев Желтоводский монастырь
- 16. Успенский собор Киево-Печерской лавры

- 17. Кирилло-Белозерский монастырь
- 18. Колокольня Рождественского монастыря в Москве
- 19. Новый собор Донского монастыря
- 20. Ростовский кремль
- 21. Николо-Угreshский монастырь
- 22. Бисоко-Петровский монастырь

Монастыри Московской Руси
в гравюре XVIII-XIX вв.

нечно, многие исчезали, возникали новые, но всегда их плотность на хорошо развитых участках *внутри* стен была выше, чем *вне* их.

В подавляющем большинстве они очень слабо укреплены. Мы не обнаруживаем вокруг них остатков древних земляных фортификаций, только простейшие деревянные ограды, вряд ли способные сдержать напор неприятеля, но отвечающие средневековой потребности защитить любое жилище от разбойников и иных посягательств на собственность. Все постройки московских монастырей сначала были деревянными, и до XVI в. лишь очень немногие имели каменный собор или трапезную палату. Каменные ограды возникнут, в основном, во второй половине — последней четверти XVII в. и обычно лишь имитируют крепости.

Конечно, среди русских монастырей было несколько подлинных твердынь, целенаправленно построенных на средства государства и предназначенных для выполнения

из огромных валунов весом по 5—6 тонн, неуязвимых для артиллерии (здесь до 1637 г. стоял царский гарнизон). У Кирилло-Белозерского монастыря каменные стены возникли на рубеже XVI—XVII вв., но до нынешних грандиозных размеров их довели в середине XVII в., когда военного значения они уже не имели.

Эти и некоторые другие, еще не перестроенные в камне, монастыри смогли сыграть важную роль в войнах Смутного времени. Троице-Сергиев монастырь выдерживал более года (16 месяцев) осады тридцатитысячной профессиональной польской армии и, усиленный профессиональным гарнизоном, противостоял (1618 г.) королевичу Владиславу. Успешно отбились от поляков Кириллов (1612), а от шведов — Большой Тихвинский (1613) монастыри. Способен был сражаться и Пафнутьев, в котором оказался один из лучших воевод: «Вор же приде под Пафнутьев монастырь... в монастыре сидеша в осаде многие люди, а воеводы быша:

Оборона Троице-Сергиев ой лавры в Смутное время. Худ. С. Милорадович. 1894 г.

роли крепостей. Раньше других, впрочем, получил мощные каменные стены Троице-Сергиев, расположенный внутри страны: в 1540—1550 гг. его огромную территорию окружили каменные стены с башнями, валом и огромным рвом. Затем отстроили (1558—1568 гг.) крепость Псково-Печерского монастыря, игравшего важную роль в обороне западного рубежа во время Ливонской войны. Возросшее богатство Соловецкого монастыря требовало его охраны, и монахи обратились за ней к царю: в 1578 г. был срублен Деревянный «город», вскоре (1582—1594 гг.) замененный каменным с многоярусными башнями для орудийного ог-

князь Михайло Волконский... Литовские же люди к монастырю приступаху великими приступы и не можаху ничево им зделати»⁵¹.

По-видимому, в планах обороны страны русские воеводы стали учитывать возможность превращения монастырей в мощные крепости в период позднего правления Грозного и убедились в их надежности после Смуты. Однако к тому времени инженеры Европы уже отказались от каменных крепостей с высокими стенами. Новый тип крепости оказался несовместим с самой идеей монастыря, с практическими и духовными потребностями его насельников, с их представлениями о символике, эстетике, пространственном устройстве обители безгрешных, огражденной от окружающей земной суеты. Явно созревшая у Московского правительства идея превращения части монастырей в «боевые стратегические единицы» нашла хотя и яркое, но крайне ограниченное проявление.

Есть примеры успешного использования монастырских крепостей и позднее: Макарьевский Желтоводский монастырь отбил от казаков-разинцев (1670); Соловецкий монастырь вел войну со стрелецкими отрядами (1668—1676), а Далматов монастырь на р. И сеть в Зауралье отбивался от пугачевцев (1774 г.). В Троице дважды укрывался молодой

1. Вид Троице-Сергиева монастыря под Москвой. Рис. О. Кадоля. 1829 г.
2. Вознесенский монастырь в Кремле. Вид на церковь Екатерины со стороны внутреннего двора. Гравюра 1830-х гг.
3. Арнской монастырь. Гравюра нач. XVIII в.
4. Новоспаский монастырь. Гравюра нач. XVIII в.
5. Спас-Симонов монастырь. Гравюра нач. XVIII в.
6. Новодевичий монастырь. Гравюра нач. XVIII в.
7. Покровский монастырь. Гравюра нач. XVIII в.
8. Андреевский монастырь. Гравюра нач. XVIII в.
9. Новодевичий монастырь. Автография сер. XIX в.
10. Собор Спаса на Бору в Кремле. Автография сер. XIX в.

Кирилло-Белозерский монастырь Схема расположения памятников

I. Успенский монастырь.	20. Большие больничные палаты, XVIII в.
II. Ивановский монастырь.	21. Стены «Нового города», 1653-1682 гг.
III. Острог.	22. Большая Мереженная (Белозерская) башня, XVII в.
IV. «Новый город».	23. Косая башня, XVII в.
1. Успенский собор, 1497 г.	24. Ферапонтовская (Московская) башня, XVII в.
2. Церковь Введения с трапезной палатой, 1519 г.	25. Казанская башня, XVII в.
3. Церковь Архангела Гавриила, 1531-1534 гг.	26. Вологодская башня, XVII в.
4. Церковь Иоанна Предтечи, 1531-1534 гг.	27. Кузнечная башня, XVII в.
5. Церковь Владимира, 1554 г.	28. Троицкие ворота.
6. «Святые ворота», 1523 г., с церковью Иоанна Лествичника, 1572 г.	29. Так называемая «тюрьма».
7. Казенная палата, XVI–XVII вв.	30. Архимандричьи кельи, XVII в.
8. Церковь Сергия Радонежского с трапезной палатой, 1560-1594 гг.	31. Монашеские кельи, XVII в.
9. Церковь Преображения, 1595 г.	32. Священнические кельи, XVII в.
10. Стены Успенского монастыря, XVI в.	33. Кельи, XVII в. (так наз. «Монастырский архив»).
11. Свиточная башня, XVI в.	34. Кельи, XVII в. (так наз. «Духовное училище»).
12. Мереженная башня, XVI в.	35. Кельи, XVII в. (так наз. «Домик келаря»).
13. Грановитая башня, XVI в.	36. Поваренные кельи, XVII в.
14. Стены Ивановского монастыря. Конец XVI в.	37. Хлебенная башня, XVII в.
15. Глухая (Котельная) башня, XVI в.	38. Поваренная башня, XVII в.
16. «Святые ворота» Ивановского монастыря, XVI в.	39. Малая больничная палата, 1730-е гг.
17. Поварня, XVI в.	40. Колокольня, 1961 г.
18. Церковь Епифания, 1645 г.	41. Церковь Кирилла, 1780-е гг.
19. Церковь Евфимия, 1653 г.	42. Каменные сени над часовней и крестом.
	43. Церковь Ризоположения из села Бородавы, 1485 г.
	44. Деревянная мельница, XIX в.

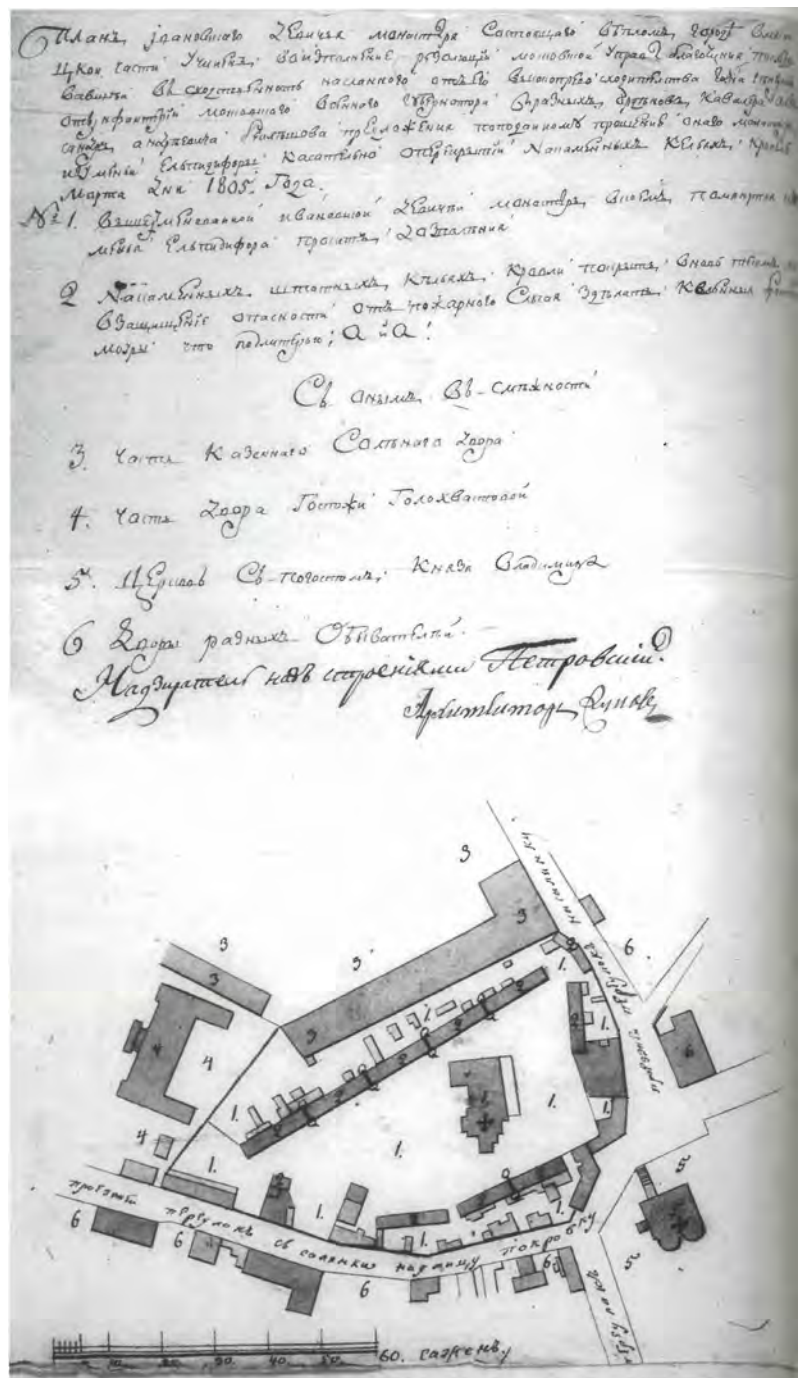
Петр Алексеевич: в 1682 г. он ушел сюда вместе с царевной Софьей, а через семь лет прискакал сюда, спасаясь от заговора, во главе которого стояла сама Софья. Соловецкий монастырь участвовал в Крымской войне, выдержав бомбардировку кораблей английского флота и помешав им высадить десант.

Наметим линию развития укрепленных монастырей.

Ее подлинное начало связано с серединой XVI в. Н.Н. Воронин, например, прямо связал превращение некоторых монастырей в государевы крепости с усилиями Ивана IV создать опорные точки для контроля над страной. Так или

иначе, но именно с эпохи Ивана Грозного государство начинает выделять самым крупным монастырям средства на постройку каменных фортификационных сооружений с целью использовать их против возможных мятежей или внешнего врага там, где мала возможность опереться на городские крепости. Процесс расширения и укрепления монастырей шел параллельно строительству каменных хранилищ в северных городах (Архангельск, Верхотурье, Вологда, Холмогоры), необходимых в связи с быстрым экономическим развитием страны. Под их охрану подозрительный Иван IV свозил ценности из разграбленных во время опричнины торговых центров и часть казны. Грозный строил и собственные, своеобразные «замки-монастыри» — Александрову слободу и московский Опричный дворец за р. Неглинной. Укрепления, по крайней мере, второго из этих дворцов были в значительной степени декоративно-репрезентативными, не рассчитанными на се-

План Ивановского монастыря.
1808 г. ЦИАМ

Собор Высоко-Петровского монастыря. Архитектор Алевиз Новый, 1510-е гг.
Тушь художника Вл. Тюриня по материалам исследований Б. Дедушенко и А. Беляева

имуществом. Когда город обносили новой стеной, его монастыри стремились оставить внутри, а не вне ее (стены Белого города в Москве обошли Алексеевский, Высоко-Петровский, Рождественский, Сретенский монастыри снаружи) — в противном случае они могли послужить опорными пунктами для осаждающих (так случилось, когда монастырями Новгорода Великого завладели войска московского князя).

Монастыри-крепости (Псково-Печерский, Соловецкий, Троице-Сергиев) до известной степени исполняли роль «кремлей», являясь частью системы «царских городов»⁵². Их укрепляли на государственный счет, ставили в них гарнизоны из профессиональных военных, размещали военные запасы, продовольствие, фураж и т.п. Их внешние стены охватывали значительную незастроенную площадь, позволяя при необходимости ввести внутрь значительную армию и укрыть окрестное население вместе со скотом и, прежде всего, с боевыми конями. Такие монастыри были не только опорой в системе обороны: они были достаточно автономны, чтобы заместить государственное управление в те моменты, когда центральное (царское) правительство теряло власть над страной, как случилось в период Смуты, особенно в ее последние годы. Монастырские старцы готовы были подчас отстаивать свое несогласие с решениями центрального правительства силой оружия. На стены монастырей опирались и цари в борьбе за власть.

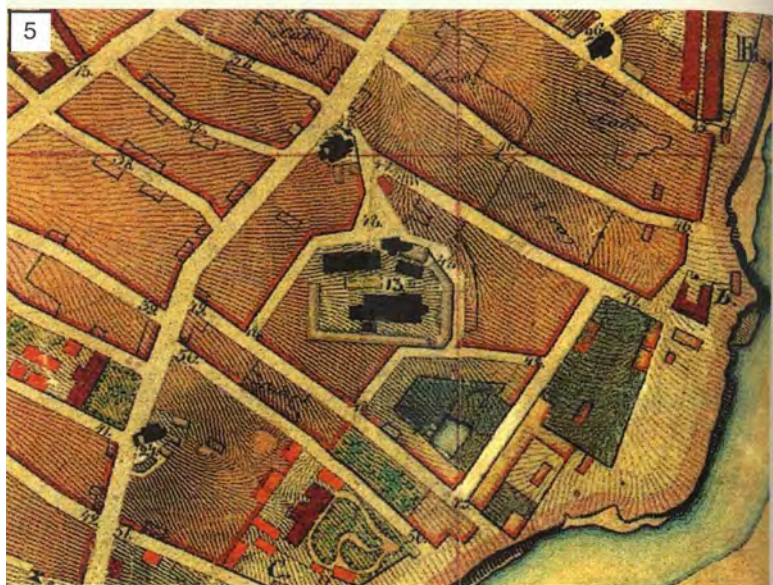
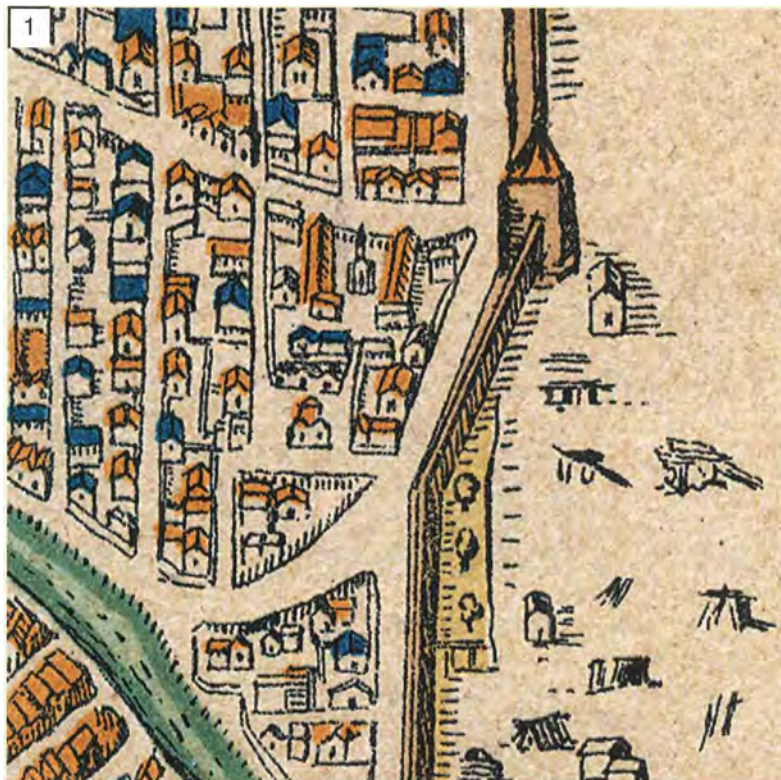
В итоге, в течение последних трех веков, принадлежащих Новому и Новейшему времени (XVIII—XX вв.), монастыри продолжали напоминать крепости. Но только внешне, что ясно уже из хронологии: говорить о боевом назначении уже в то время невозможно, хотя при случае за ними укрывались и в XIX в. Уже в XVII в. фортификационная составляющая монастырской архитектуры в большинстве случаев отличает ее от стен городов и/или кремлей: военные возможности большинства оград редуцированы⁵³. Оборонительной функцией монастырь наделен обычно в той мере, в какой она присуща любому средневековому комплексу построек — жилой усадьбе, крестьянскому двору и т.п. Она обеспечивает каждодневную защиту от покушений на жизнь и имущество, но не от вторжения армии врагов.

Именно так ограда и воспринималась — тем паче, что ее важной функцией была символическая. Стены с башнями обеспечивали отгороженность от грехов мира и визуально выражали эту отгороженность, уподобляя обитель Горнему Иерусалиму. В позднейший период такое уподобление выражали на уровне, приближающемся к пиктографии: одна из стен Николо-Угрешского монастыря конца XIX в. декорирована своеобразным рельефно-архитектурным «сграффито» на тему иконных изображений Иерусалима, а внутри монастыря имелась часовня с деревянным рельефом-ведутой на ту же тему, но уже в стиле классицизма.

резную осаду, но зато подчеркнуто символическими. В подавляющем большинстве случаев монастырская ограда — это *изображение* военной крепости, ее трехмерная, но неполная, видоизмененная, модель. Впрочем, большинство городских и пригородных монастырей и не нуждались в настоящих крепостных сооружениях. Они стояли не в глухих и диких местах, а вблизи больших дорог и людных перекрестков, на пересечении торговых путей, там, где кипела активная жизнь, были обильны даяния паломников, благоприятны условия для торгового приема, хранения товаров и денежных операций. Например, первый в Москве Данилов монастырь основан на месте одного из древнейших (кон. X в.) славянских поселений Подмоскovie, у переправы через Москва-реку.

Многие монастыри накапливали значительные богатства, но в случае войны не могли полагаться на собственные силы для их защиты. Они нуждались в той защите, какую давали городские стены, поэтому их часто ставили прямо в городе, вблизи усадьбы ктитора (великокняжеский Спасский монастырь в Московском Кремле), что позволяло и участвовать в службах, и присматривать за вложенным

Фрагменты планов Москвы,
показывающие монастыри в конце XVI – XIX в.

1. Высоко-Петровский монастырь. Фрагмент Петрова чертежа. Кон. XVI в.
2. Собор Николая Гостунского и Крутицкое подворье. Фрагмент плана Кремля Кремленоград. 1600-е гг.
3. Рождественский и Сретенский монастыри. Фрагмент Петрова чертежа. Кон. XVI в.
4. Зачатьевский и Алексеевский монастыри. Фрагмент плана Москвы, И. Мичурина. 1739 г.
5. Зачатьевский монастырь. Фрагмент плана Москвы 1838 г.

ДВИГАЮТСЯ ЛИ МОНАСТЫРИ?

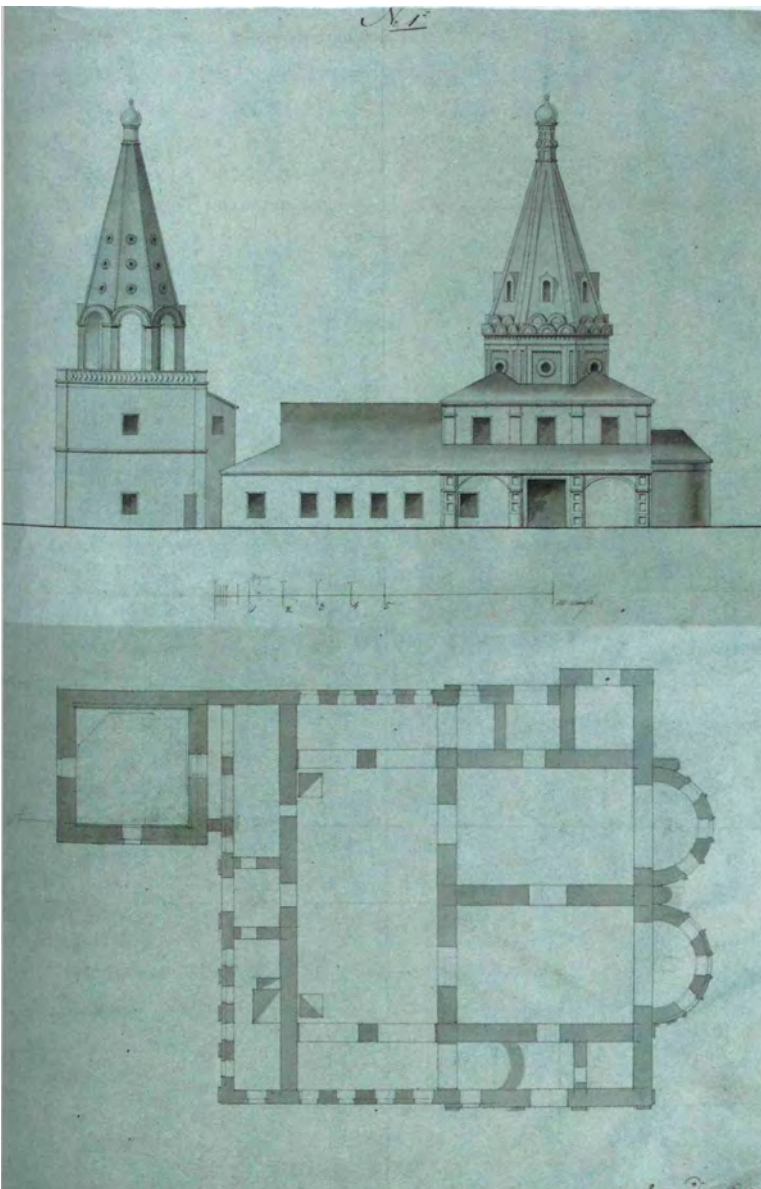
Вопрос звучит абсурдно. Тем не менее, от ответа на него зависит представление о том, почему монастыри поставили именно на тех местах, на которых они стоят. На это в историографии сложились две взаимоисключающие точки зрения.

Представители одной полагают, что развитие города и жизненные обстоятельства заставляли обителю постоянно менять свое положение в пространстве, перемещаться порой на значительные расстояния. В этом движении подчас видят стремление к уединению: монастыри якобы старались уйти за пределы города, от мирских забот и докучливого шума, а подчас — обстоятельства городской жизни, такие как встречи и проводы икон (их места полагалось отмечать часовнями или церквями); разрастание линий укреплений, внутри которых для монастырей не оставалось места, и т.п.

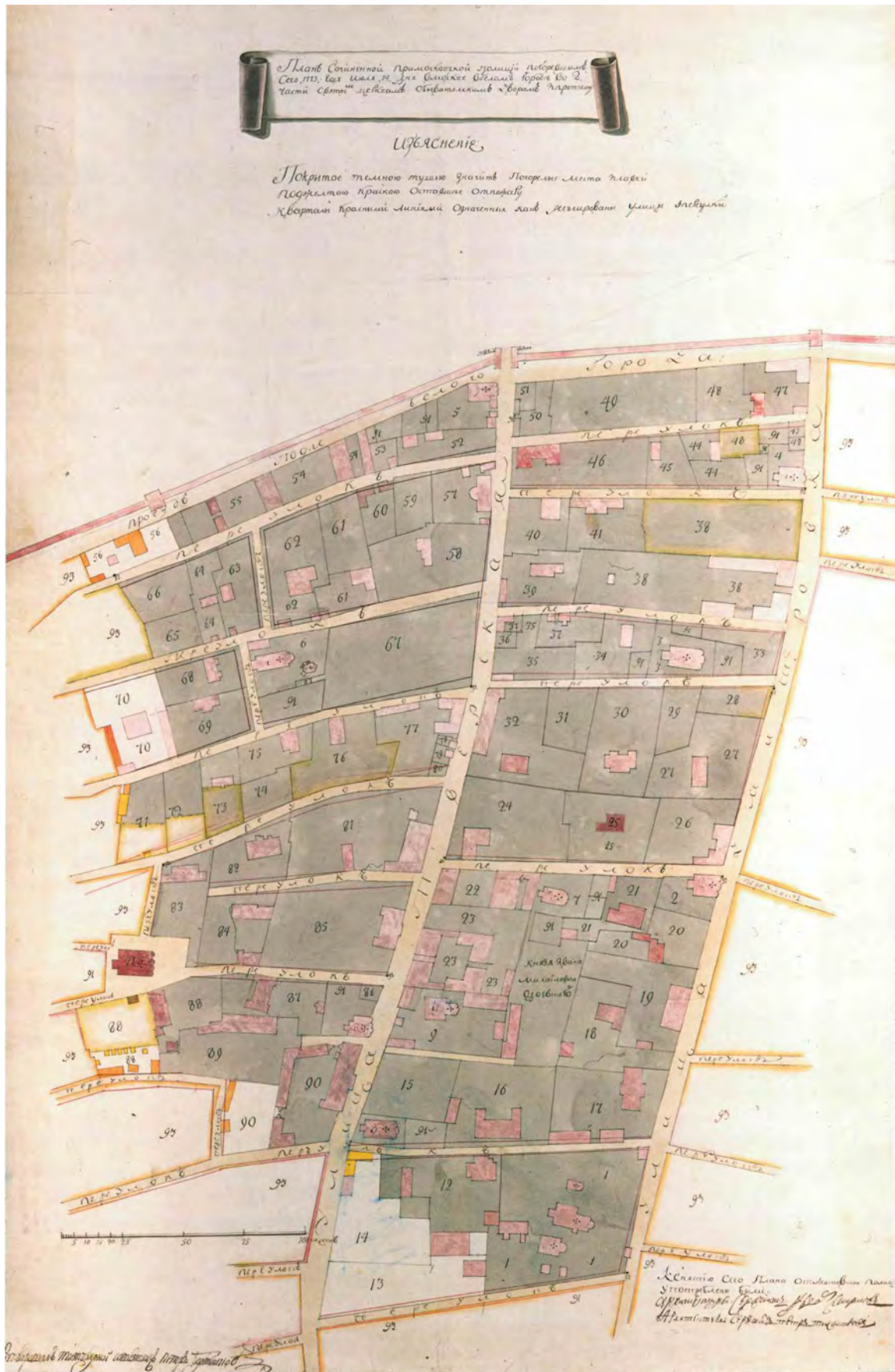
Другая точка зрения не допускает такой подвижности, так как исходит из положения, что монастыри «расставлены» вокруг города и подчинены общему плану (не обязательно составленному единовременно). Смысл такого плана видят то в единой, общегородской системе посвящений престолов, то в «архитектурном проекте» города, а чаще всего — в военной необходимости (в сознание многих москвичей прочно вошла идея «монастырей-сторожей», представление о них как о реальных крепостях, включенных в систему городской фортификации). Все эти гипотезы, конечно, предполагают неподвижность обителей.

На первый взгляд, и для той, и для другой точек зрения есть аргументы. Действительно, достоверно известно, что рядом с монастырем почти одновременно мог возникнуть его «двойник» (пример — два Симоновых монастыря). Монастырь мог на время захиреть, и неясно, на прежнем ли месте его восстановили (так произошло с Даниловым монастырем). Иногда монастырь вполне официально менял место: в конце XV в. Спасский монастырь из Кремля перевели на новое место, в район Крутицы, так что его начинают называть «Спас на Новом» (Новоспасский). В позднейшее время (середина XIX в.) с берега уже засыпанного ручья Черторый перенесут в район Красного села Алексеевский монастырь (он также получит название с определением «Новый»). Важно отметить, что оба случая связаны со строительством: в конце XV в. итальянские архитекторы возводили в Кремле дворец, а в XIX в. в бывшем Чертолье строили храм Христа Спасителя. Общее количество монастырей в городе при этом не возросло, ведь от старых остались, в одном случае, храм и кладбище, а в другом — только крестик на старых планах.

Конечно, далеко не всегда известно, какие именно монастыри переносились или исчезали целиком, источники рассказывают об их судьбе крайне глухо. Так, в конце XV в. реконструкция Кремля и перенос его напольной стены на новое место, по-видимому, привел к сносу некоторых храмов. Если это так, то их дальнейшую судьбу прояснить нелегко — но и в более ясных случаях проблему смены места монастыря приходится решать с привлечением многих источников — письменных, иконографических, археологических. Покажем это на ряде примеров.

*План и фасад собора Алексеевского монастыря в Чертолье. Обмерный чертеж А. Строганова. 1836 г.
РГАДА*

«Погорелый»
план части бе-
лого города
(район улиц
Тверской и Дми-
тровки). 1773 г
РГИА

1. Георгиевский монастырь.
2. Церковь Воскресения на Дмитровке (в Скоморошках)
3. Церковь Алексея Митрополита на Глинищах.
4. Церковь Сергия на Дмитровке.
5. Церковь Дмитрия Солунского у Тверских ворот.
6. Церковь Николая Чудотворца в Гнездниках.
7. Церковь Козьмы и Дамиана в Шубине.
8. Церковь Спаса Преображения на Тверской.
9. Саввинское подворье с церковью Казанской Божьей Матери.
10. Церковь Василия Кессарийского на Тверской
11. Церковь Успения на Успенском вражке.

О МОСКОВСКИХ РВАХ и РОЖДЕСТВЕНСКИХ МОНАСТЫРЯХ

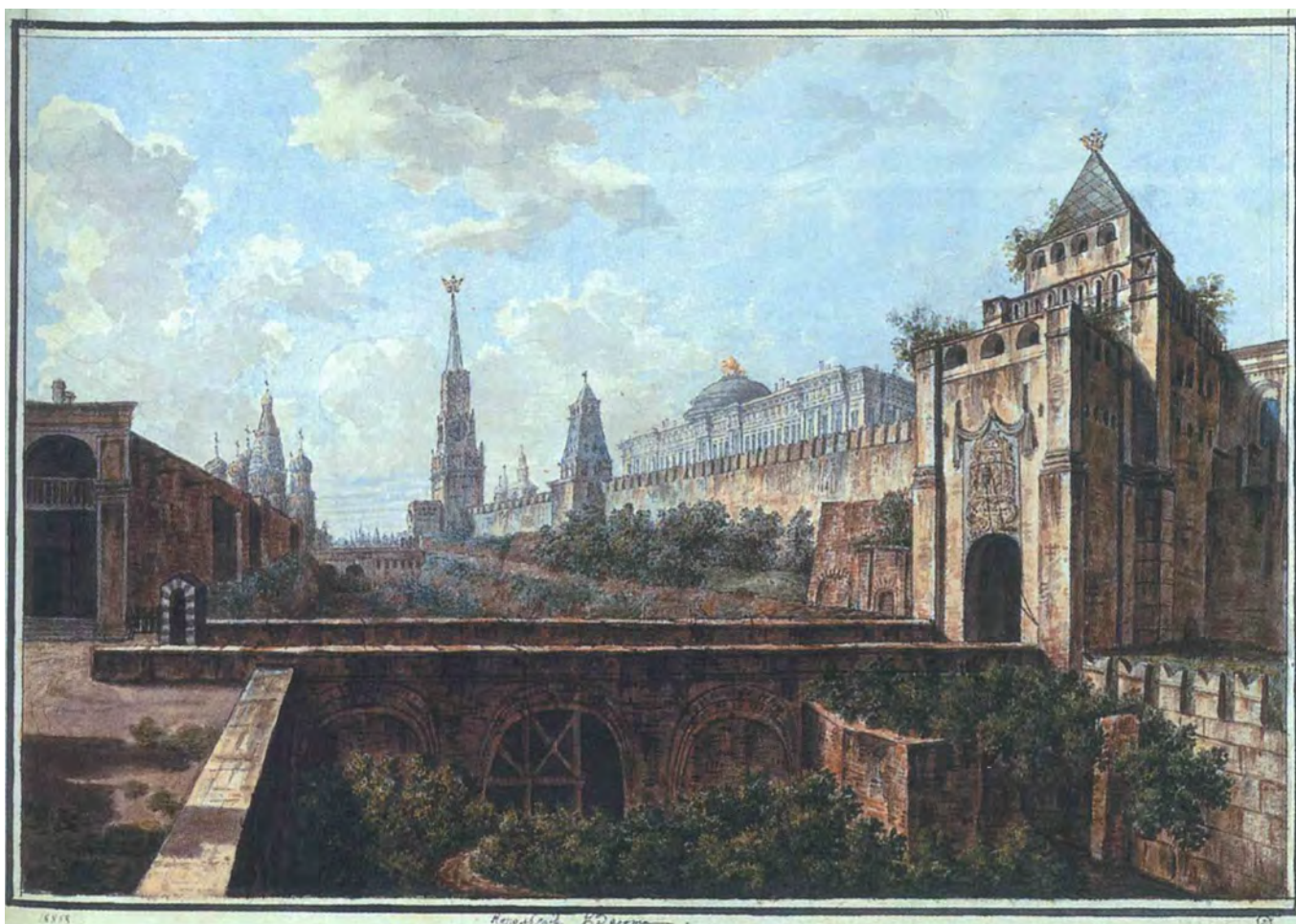
В конце ул. Рождественки, которая выходит к Трубной площади там, где когда-то стена Белого города пересекала реку Неглинную, стоит монастырь Рождества Богородицы. Это единственный монастырь с таким посвящением в Москве, поэтому историография XVIII—XIX вв. привязывала к нему все упоминания монастырей такого посвящения в источниках, а также многие соименные престолы. Было выяснено, что монастырь описывали как расположенный «на Рождественской улице»; «у Трубы» и «за Пушечным двором»/«за Пушечными избами». Такие топонимы не могли возникнуть ранее конца XV, а скорее — в XVI—XVII вв. Сложнее обстоит дело с топонимом, которое выглядит гораздо старше — «на Рву».

«На Рву», «на Трубе» — так редко называли храмы Москвы, и странно, что точно такое же сочетание связано с храмами Рождества в Кремле (на Трубе «позади Николы Гостунского») и Рождества на Рву в Китай-городе. Что это — случайное совпадение, отражающее реальные «трубы» и «рвы», или путаница в наших источниках?

Рвы упоминаются в источниках не так часто, чтобы реконструировать их линии с произвольной щедростью. Планы города и тексты XVI—XVII в. показывают, что две внешние стены Москвы в конце XVI в. имели рвы⁵⁴. По линии

Белого города, который поставили после набега Девлет-Гирея (1571 г.), укрепления были и до этого, но без рва. Штаден особо отмечает: «перед валом снаружи рва нету»⁵⁵. Черты Белого города в середине XVI в. косвенно обозначают: границы распространения пожаров; отвод земель в опричнину в 1564 г.; строительство Опричного дворца (1566). Но эта линия вряд ли возникла до начала XVI в.: текст духовной Ивана III (1504), описывая земли с. Сущева в зоне стены будущего Белого города, не знает разделяющей их линии укреплений; в описаниях набега Девлет-Гирея 1571 г. четко разделены «города» (т.е. Кремль и Китай-город) и «посады» Москвы, что указывает на отсутствие серьезных внешних укреплений⁵⁶.

Укреплений XIV—XV вв. по линии стен Белого и Земляного города не известно. Однако ряд историков (Е.И. Забелин, М.В. Фехнер) считали, что ров ограждал Занеглименье уже с XIV в., опираясь все на ту же церковную топонимику. Например, церковь Георгия в духовной Василия II (1462) указана «в городе на посаде»⁵⁷, что предполагает защищенность посада; если речь о Георгиевском монастыре на Дмитровке — то это посад будущего Белого города. На участке между Неглинной и Москвой-рекой линию рва мог поддержать топоним того же Рождественского монас-

Никольская
башня Кремля
и Алевизов ров.
Акварель
Ф. Я. Алексеева.
1800-е гг.
ГНИМА

тыря, а в Занegliменье — храмов Бориса и Глеба (по М.В. Фехнер) и Сошествия св. Духа. Обе церкви упомянуты в тексте о пожаре 1483 г. как опорные ориентиры при описании течения р. Черторыи, но сам ров при этом не упомянут⁵⁸; ключевым пунктом для увязки их со рвом служит летописное сообщение 1453 г. о приезде гонца с вестью о кончине Шемяки к великому князю Василию Темному, когда он был «на вечерни оу великомученикъ Бориса и Глеба на Москве на Рве»⁵⁹. Церковь Бориса и Глеба, действительно, известна на Арбате и связана с великокняжеским двором: в 1527 г. ее отстроил в камне Василий III наряду с храмами Преображения «на своем дворе» и Георгия у Фроловских ворот⁶⁰. Но эта церковь не единственная, к которой может подойти топоним — очень известный храм Бориса и Глеба в Китай-городе (на Варварском крестце за Торгом, «у Кокчина (Кочкина) двора») стоял гораздо ближе к Кремлю и хорошо знаком летописям XV в. Здесь погребен известный московский юродивый Максим Блаженный (12.11.1434) «неким мужем благоверным Федором Кочкина»⁶¹; в 1460 г. храм получил вклад от старца Симонова монастыря Адриана Ярлыка⁶². Эта церковь нигде прямо не названа «на рву», но она входит в зону, которая устойчиво описывается (см. ниже) как лежащая «на Рве»⁶³. Если верно, что в Кремле XV в. не существовало Троицких ворот⁶⁴, то путь до церкви Бориса и Глеба на Арбате был не ближе, чем до храма в Китай-городе. Нельзя уверенно сказать, какой «Борис и Глеб» назван в статье 1453 г.⁶⁵

Применение топонима «на рву» к церкви Св. Духа в ранних текстах также не встречено, оно фиксируется Стрельной книгой 1657 г. (храм стоит «подле городовые стены, на рву») — то есть тогда, когда уже существует стена Белого города⁶⁶, и здесь, на самом устье Черторыи, можно ожидать только естественный овраг (в нем в 1612 г. князь Пожарский, готовясь к штурму Арбатских ворот, поставил целый отряд с артиллерией).

К другим храмам Занegliменья, сколько известно, топоним «на Рве» никогда не применялся: в XVII в. их связывали с «валом» — остатком укреплений XVI в. (Всех Святых «в валу» или «на валу», Николы Явленного у водяных ворот «возле вал», собор Иоанна Предтечи «что у Никицких ворот у валу»)⁶⁷.

Если теперь вернуться из Занegliменья на левый берег Неглимены и пройти по линии Белого города до Москвы-реки, то кроме Рождественского монастыря «на Рву» и однажды упомянутого в паре с ним «Вознесения на Рву», о котором скажем ниже, оснований реконструировать здесь ранний ров нет. Попытки видеть здесь ров, который москвичи пытались прокопать в 1394 г. по Кучкову полю в Москву-реку, опираются на очень шаткие доводы; эту линию следует искать ближе к Кремлю, где ее видели Забелин и Сытин⁶⁸ (напомним, что еще в конце XV в. церковь Иоанна Златоуста в Златоустовском монастыре описывали как стоящую «вне града»). Кстати, и стоящие на одной линии Высоко-Петровский и Сретенский (последний очень близко от Рождественского) монастыри не имеют названия «на Рву».

Итак, для реконструкции линии рвов XIV—XV вв. вдали от Кремля ни письменные, ни археологические источники не дают оснований.

Зато по мере приближения к городу рвы упоминают чаще и стягивают к одному-двум участкам, особенно при описании пожаров. Термин «ров» постоянно звучит в статьях о пожарах 1468 и 1472 г. Ночной майский пожар 1468 г. начался от Николы Мокрого, уничтожил все «поречье», включая Вострый конец до Васильевского луга, и 13 других церквей. Летописи (Симеоновская и другие) подробно отследят путь огня «вверх по рву за Богоявленскую улицу», а от Богоявления улицей мимо «Весяковых дворов» до церкви св. Иоанна «на пяти улиц», оттуда же на Подол по Васильевский луг на Большую улицу, на Вострый конец и по реку (по церковь Козьмы и Демьяна на Востром конце)⁶⁹.

О каком рве идет речь? Тихомиров думал, что по Богоявленскому переулку и ниже к реке шел старый ров (например, 1394 г.)⁷⁰. Можно предложить и иные аргументы для подкрепления его гипотезы: в XVI—XVII вв. «на Рву» называли церкви «у Водяных ворот» и неожиданно (в 1644/1645) — Введенскую Златоверхую⁷¹. Если все их соединить, то линия пройдет примерно от Богоявленского монастыря к Москве-реке.

Скорее, однако, перед нами эффект распространения топонима «Ров», связанного с Кремлем. Уже описание пожа-

Вид на Воскресенские ворота и реку Неглинную в конце XVII в. Справа, у стен Кремля — арка Алевизова рва. Худ. В.А. Рябов

ра 20 июля 1472 г. показывает, что Рвом называют целый район, а не просто сооружение. Симеоновская летопись и Московский летописный свод упоминают «на Рве» церкви Воскресенскую (ближе к Москва-реке) и Вознесенскую (на уровне Богоявленского монастыря), а Типографская летопись — Рождественскую. Огонь шел в двух направлениях и выжег как прибрежную полосу до Вострого конца, Васильевского луга и Кулишек, так и внутреннюю часть посада до тех же Кулишек (термин «посад» без дополнительных уточнений в XV в. относили прежде всего к участку будущего Китай-города). Видимо, названные в описаниях храмы стояли вдоль рва кремлевской стены⁷².

Итак, первый и главный, наиболее часто упоминаемый участок на «рве», — снаружи стены Кремля, на «приступе». Описания пожаров второй половины XV в. не оставляют сомнения в том, что речь везде идет об одном и том же рве вдоль напольной стены Кремля XIV—XVII вв. (ее линия

в южной части не менялась от времен Дмитрия Донского до строительства новой крепости конца XV—XVI вв.). В конце XV—XVI вв. в связи с образованием плацдарма эти церкви, а вместе и топоним, встречаются редко, но память о них сохраняется, и, хотя конкретная судьба престолов неизвестна, в конце XVI в. топоним «на Рву» для ряда церквей Красной площади появляется снова, а в XVII в. делается абсолютно устойчивым⁷³. Видимо, «Ров» в это время — уже не просто как название оборонительного сооружения, а имя части «Пожара» или «Торга».

С появлением Китай-города аналогичный топоним применяют для указания на ряд церквей за новым рвом. В одном и том же описании пожара 1547 г. названы церкви на «кремлевском» (Алевизовом) рву; на рву Китайгородском; Рождественский монастырь (без указания «на рву»)⁷⁴. Перечислив улицы Белого города в сторону Яузы, летописец возвращается к Китай-городу, указывая обойденные пожаром места и упомянув новый ров у его восточной стены: «А от города за рвом на площадке от церкви Преображения Господня не гореша дворы до Всех Святых по Варварьскую улицу на Кулишке; а позаде тех дворов погореша все дворы, и Петр Святый Вериги, и Симион Святый, и Козьма и Дамиан, и за Владимир Святый по Илию

План дворов вдоль проезда подле бывшего Белого города между Мясницкой и Рождественкой. 1800 г. ЦИАМ

Святого и по Воронцовской сад»⁷⁵. Перечисление показывает, что здесь описана часть Белого города от Покровки к Кулишкам, вдоль стены Китай-города между Ильинскими и Варварскими воротами, и указано на гибель дворов, стоящих дальше от города (от церкви Поклонения веригам св. Апостола Петра до церкви Владимира в Старых Садах и далее за Белый город, к церкви Илии Пророка на Воронцовом поле). Пискаревский летописец подчеркивает, что речь идет о Белом городе, упоминая сады и огороды: «И всякия сады выгореша, и в огородах всякой овощ, и трава, яже от города за рвом на площадке. От церкви Преображения господня не гореша дворы и Петр святыи вериги, и Симион святыи...»⁷⁶. Ров Китай-города появился при закладке земляного города, но сохранился и вдоль кирпичных стен Петрока Малого, о чем вполне ясно говорит Никоновская летопись⁷⁷.

Летописи везде используют традиционный топоним «Ров» для части будущей Красной площади, а ров Китай-города упоминают «технически». Четко разделены церковь Рождества на Рву и Рождественский монастырь, причем к последнему уточнение «на Рву» не прикладывает. Топоним «Ров» применительно ко рву Китай-города, однако, не прижился: позже храмы за его стеной не называли «на Рву», возможно, в связи с сохранением до XVIII в. названия «Ров» для участка вдоль восточной стены Кремля.

Итак, устойчивый топоним «Ров»/«на Рву» сложился только в одном районе Москвы: за юго-восточным участком стены Кремля, где ров, видимо, существовал без особых подвижек со второй половины XIV в., что фиксирует топонимическая привязка к нему церковью со второй половины XV в., сохраненная после строительства укреплений конца XV — начала XVI вв. и превратившаяся в XVI—XVII вв. в устойчивый термин параллельно поздним названиям района (Пожар, Торг). Встречаемые уточнения «на Рву» для других районов города малочисленны, случай-

ны и не сложились в устойчивые топонимы; их недостаточно для реконструкции дополнительных линий рвов — это не более чем умозрительные гипотезы, археологически не подтвержденные.

Топоним «на Рве» в связи с престолами Рождества Богородицы выглядит исключением из описанной схемы. В первой четверти XVI в. «Рождество на Рве» упоминают несколько раз. В духовной 1503 г. кн. Иван Борисович Рузский оставляет по 10 руб. монастырям Богоявленскому и Георгиевскому, кремлевским соборам Успения и Благовещения, а затем «к Рожеству на Рве десять рублей» и столько же — «к Олексею Святому». Ту же сумму «к Рожеству пречистой на Рве» назначит, в числе монастырей и главных соборов, князь Федор Борисович Волоцкий (1506). Духовная (1521) Дмитрия Ивановича, брата великого князя Василия Ивановича, выделив сперва кремлевские обители, упомянет «на Москве монастыри девичьи, Вознесенье Христово да Рожество пречистые, што были надо рвом, да Алексей человек Божий...»⁷⁸. Такое сочетание заставило ряд историков Москвы видеть в девичьем монастыре Вознесения Христова из духовной Дмитрия Ивановича ближайший к Рождественскому Варсонофьевский Вознесенский монастырь (стоял на месте д. 5 по Варсонофьевскому переулку). Но первые достоверные упоминания о нем — конца XVI в., а привязка ко рву выглядит странно: монастырь достаточно далек от известных линий обороны Москвы⁷⁹.

Отметим, что «ко Взнесенью» оставил 10 руб. не только Иван Васильевич, но и кн. Иван Борисович Рузский по духовной 1503 г.: это название вписано там до Рождества на Рве, между монастырями Чудовским и «Богоявлением Каменным»⁸⁰. В таком контексте правильнее видеть в этом «Вознесенье» просто кремлевский Вознесенский монастырь, а упоминание рва отнести к древнему оврагу/рву внутри каменного Кремля, чье наличие показали геология и археология.

Но остается много вопросов. Речь во всех трех случаях об одном ли монастыре? Не менялось ли его размещение за 15 лет между вторым и третьим из упоминаний, ведь уточнение «што были надо рвом» заставляет это подозревать? Почему нужно помещать этот (эти) престол(ы) в иномме-

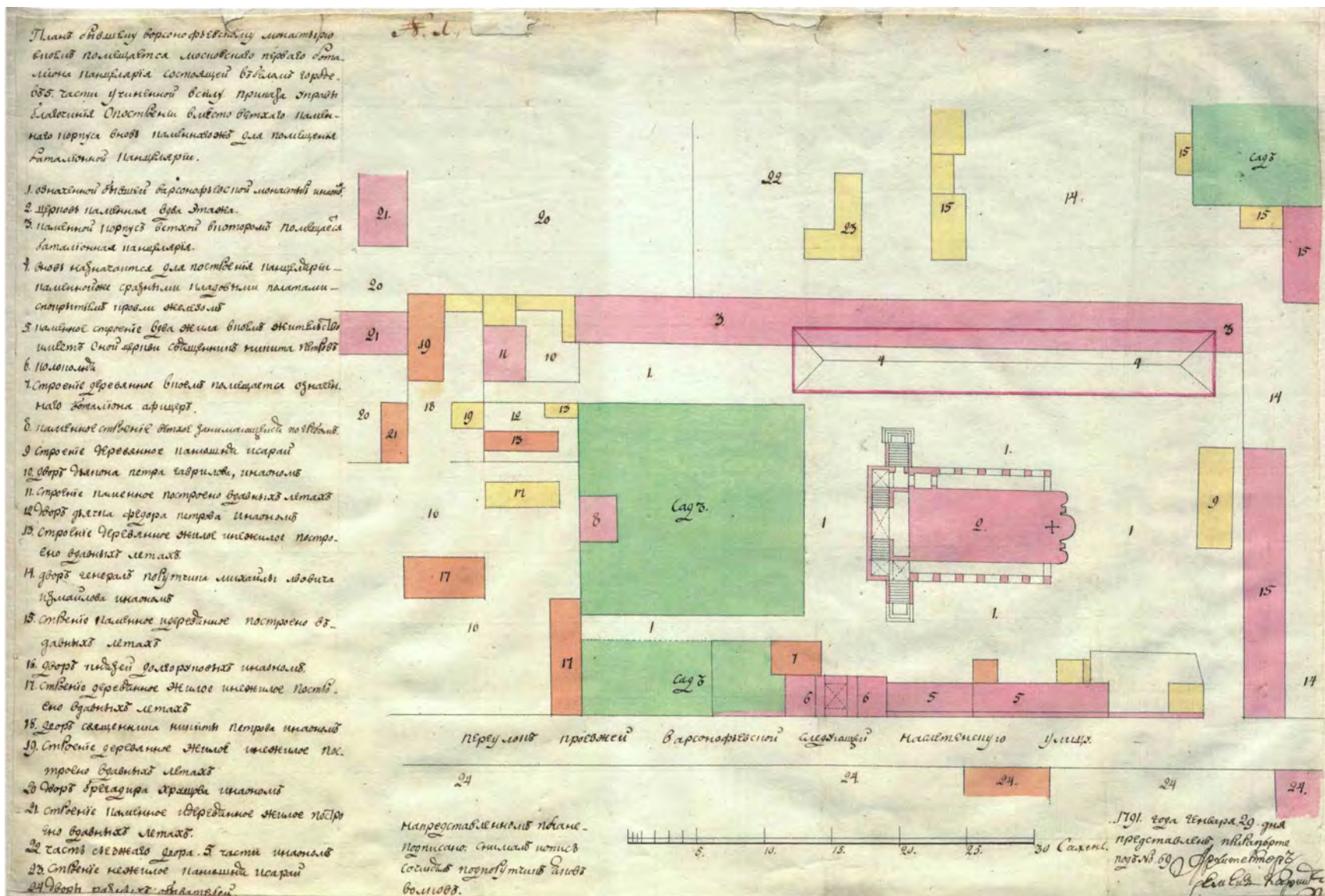
сте, чем остальные храмы «на Рву», относя их к обители «за Пушечным двором»?

Посмотрим, называют ли этот монастырь «на Рву» другие источники XVI в.? Такой случай только один, это рассказ о пострижении Соломонии Сабуровой (1525) Постниковского летописца. Важные для XVI в. Никоновская, Воскресенская, Типографская летописи не указывают места пострижения. Подробно о нем пишет Вологодско-Пермская летопись: «у Рождества пречистые за Пушечными избами в Девиче монастыре»⁸¹. Этот точный топоним не содержит, однако, уточнения «на Рве» (в кратком описании Постниковского летописца, наоборот, опущены «Пушечные избы» и не сказано «монастырь»)⁸². Разноголосицу усиливает текст, созданный, возможно, близким ко двору игуменом Пафнутьевского монастыря, Пафнутием II, в 1526—1530 гг., спутавшим престол: «обитель Господа Бога Спаса нашего Рождества в Девичь манастырь, еже есть зовом на рве»⁸³.

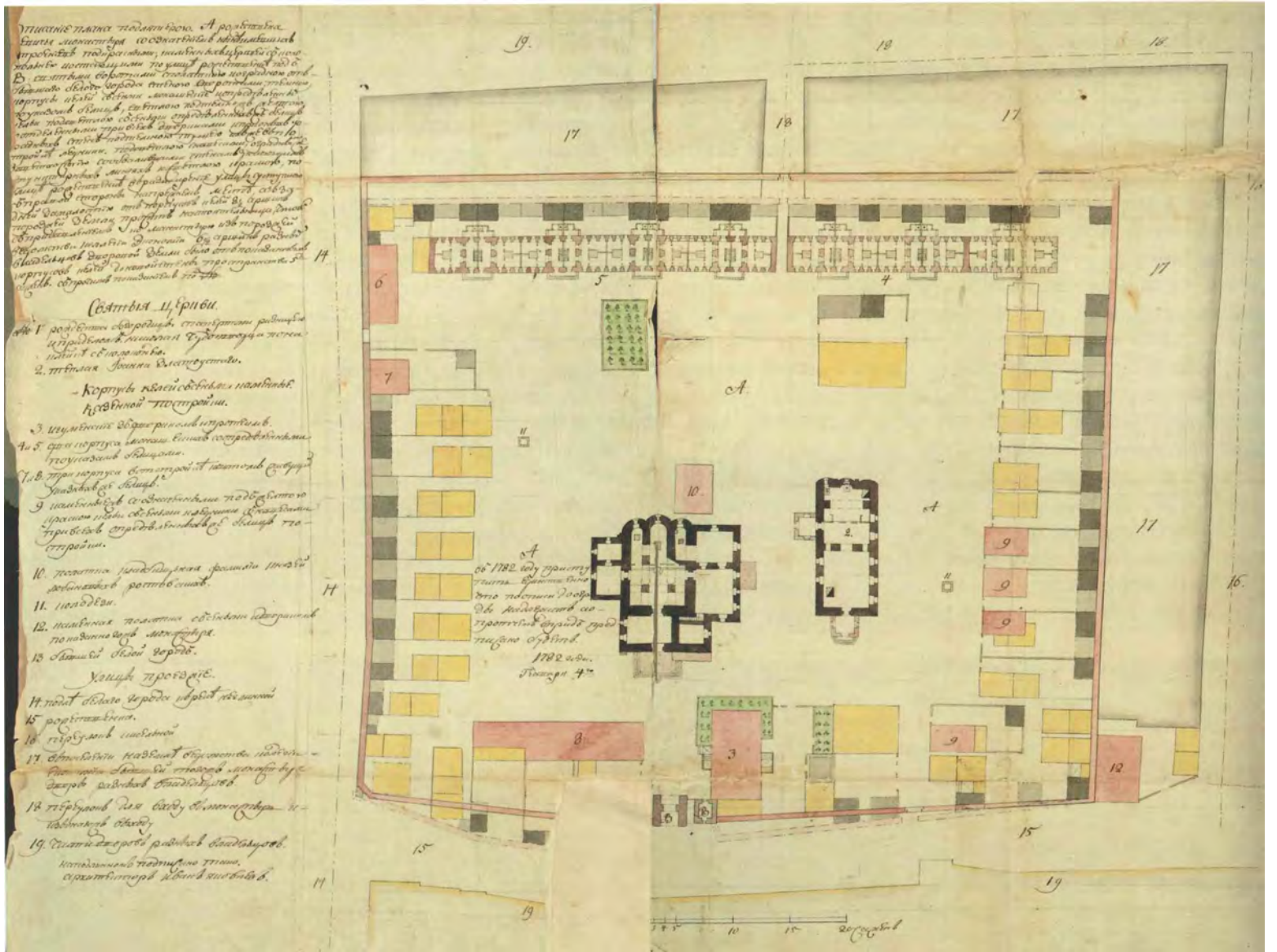
Соломония, конечно, была пострижена в монастыре «за Пушечными избами», но для строгого усвоения ему на этом основании топонима «на Рве» этих текстов недостаточно: первое достоверное упоминание его над Трубною площадью (под 1500 г., когда «погоре и до Неглинны и пушечные избы и Рождественский монастырь») не дает уточнения «на Рву»⁸⁴.

Может ли эта нетвердость топонимов XVI в. отражать реальную смену места монастыря или контаминацию ранних известий, в которых речь шла о монастыре и других престолках Рождества Богородицы? Исходная точка истории Рождественского монастыря — сообщение о пострижении, смерти (5 дек. 1389) и погребении жены князя Андрея Ивановича и матери князя Владимира Серпуховского Марии (Марфы) в основанном ею храме (Типографская и Ермолинская летописи) или монастыре (Воскресенская и Никоновская летописи) «Рождества на Рве» (монастырь мог быть основан ею уже по смерти супруга, после 1353 г.). Симеоновская и Рогожская летописи не приводят топонима «на Рве»; Приселков включил его в реконструкцию Троицкой, но лишь гипотетически; нет его и в духовной Елены Ольгердовны, вдовы Владимира Андреевича (1433), где «Рождество Богородицы» трижды упомянуто⁸⁵. Все это позволяет усомниться как в том, что монастырь XIV в. находился в отдалении от Кремля, так и в первоначальности приложения к нему топонима «на Рве»⁸⁶.

Если допустить, что Рождественский монастырь сперва помещался не там, где теперь, то неизбежно встает вопрос о его древнем месте, для решения которого есть два

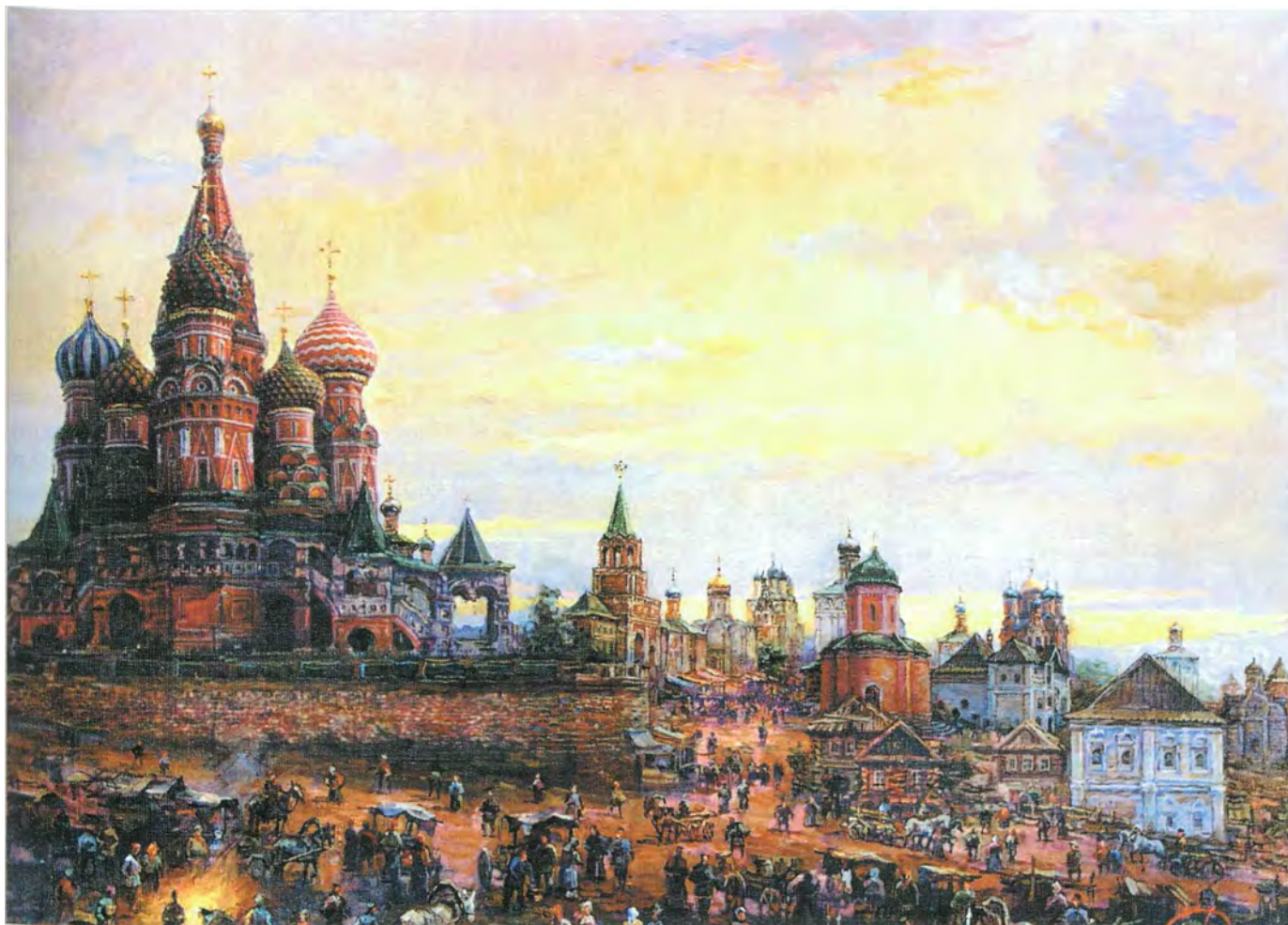
План Варсофьевского монастыря.
1791 г. РГАДА

План Рождественского монастыря. 1782 г. РГАДА

Фасад церкви Иоанна Златоуста в Рождественском монастыре. 1841 г. РГИИ

Начало улицы, Варварки в середине XVIII в. На переднем плане (слева) – собор Василия Вложенного, правее видны башня Гостинного двора, церковь Варвары 1514 г., палаты Английского двора, Знаменский монастырь. За ними, в перспективе Варварки, – храмы Иоанна Предтечи на трех улицах, Воскресения в Булгакове, Максима Блаженного. Худ. В.А. Рябов

варианта: участок храмов «на Рве» вне Кремля и место церкви Рождества внутри него.

Первая версия уже затронута нами выше (см. упоминание церкви Рождества на Рву в пожар 1468 г.). Добавим, что много позднее церковь Рождества Богородицы «что на Рву» хорошо известна. Она получала ладан в 7126—7128 гг., хоть и нерегулярно (по указам); имела придел Всех святых (по крайней мере, с 7128 г.)⁸⁷. В связи с описанием церквей «что на Рву меж Фроловских и Никольских ворот» в Строельной книге церковных земель 7165 г. вблизи нее упомянута даже «труба» (в Неглинку?)⁸⁸.

Версия М.М. Сухмана идентифицирует с ранними упоминаниями мало известную, но восходящую по меньшей мере к XV в. церковь Рождества Богородицы в Кремле «позади Николы Гостунского», вблизи от «Ярославичева места», то есть от зоны владений семьи князя Владимира Андреевича Серпуховского и его наследников. Церковь была разобрана в конце XVII в.⁸⁹, но ее поздняя история прослеживается по выдачам ладана (с 1617 г., в основном по указам) к главному и двум придельным престолам (Св. Сергия и с неизвестным посвящением); в сентябре 1627 г. отмечено освящение храма, видимо (по отстройке после пожара 1626 г., когда церковь «судом Божиим поднялась»)⁹⁰.

Напомним, что и с этой церковью Рождества связаны представления о рве (древний ров эпохи Калиты мог проходить примерно по линии проулка), а для XVII в. и о «трубе», в которой видят дренажный канал для стока воды по остатку рва⁹¹. Мы не можем полностью отрицать соотношения этого храма с историей Рождественского монастыря как родовой обители потомков князей Серпуховских, возможно, поставленной вблизи города за рвом, от которой осталась церковь и древний некрополь, где продолжались службы над погребениями семьи ктиторов после вывода монастыря из Кремля (по аналогии со Спасским на Бору; Афанасьевским монастырем, храм которого позже стал церковью за двором Мстиславских, и др.)⁹².

Итак, в текстах упорно сочетаются топонимы «ров», «труба» и «Рождество Богородицы» применительно к разным местам города. Это выглядит неестественно и заставляет предполагать контаминацию названий или смену обителью местоположения при сохранении (на недолгое время) старых топонимов. Однако сомнения в размещении Рождественского монастыря «на Рве» XIV в. над Трубной площадью нужно воспринимать осторожно, так как они противоречат историографической, в том числе церковной, традиции⁹³.

Гиперкритический пересмотр исторической топографии монастырей часто оказывается несостоятельным. Это удалось показать на примере стоящего лишь немного севернее Рождественского монастыря и традиционно датированном лишь немного позже монастыря Сретения (см. ниже), но пока стоит рассмотреть еще один случай отражения топонимики — на этот раз природной — в монастырской топографии.

МОНАСТЫРИ ПОД БОРОМ

В истории московских обителей известно о существовании на разных местах двух монастырей одинакового посвящения во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи с одним топонимом природного происхождения «под Бором». Версия об основании московского Ивановского монастыря остается загадкой для многих поколений историков Москвы и ее обителей. Полагают, что монастырь первоначально был мужским и существовал с начала XV в. на другом берегу Москвы-реки — в Замоскворечье, в районе современной Пятницкой улицы⁹⁴. Считается, что в 1530 г. после рождения у Василия III долгожданного наследника, будущего царя Иоанна Васильевича, обитель перевели на Кулишки, где при сохранении старого посвящения она стала женской⁹⁵.

Первые сведения об Ивановском монастыре на Кулишках относятся лишь к концу XVI столетия, к царствованию Феодора Иоанновича. До того времени ни обитель, ни ее храм в документах не упоминаются, и для суждений об их предшествующей истории мы можем привлечь только сведения об архитектуре собора, существовавшего в монастыре до 1860 г.

С Ивановским монастырем в Замоскворечье ситуация обратная. По письменным источникам известно о существовании здесь обители в начале XV в., а каменного храма — в начале XVI столетия. Однако материальных свидетельств существования здесь каменной церкви ранее второй половины XVII в. обнаружить не удалось.

В разгадке этого противоречия до начала археологических исследований и при противоречивости сведений письменных источников важную роль играют материальные свидетельства — архитектура храмов на Кулишках и в Замоскворечье.

Об облике первого каменного собора Ивановского монастыря на Кулишках мы можем судить по плану и рисунку А.А. Мартынова, изобразившего собор с южной стороны. Существует и его подробное описание в публикации И.М. Снегирева⁹⁶. Это был бесстолпный одноглавый храм с тремя сильно выдвинутыми к востоку апсидами. Его характерные черты — наличие трех притворов с запада, юга и севера, придававших плану крестообразность, отмеченную в описаниях, а также завершение стен как самого храма, так и его притворов, фронтонами. Храм уникален в архитектуре Москвы, но указанные особенности позволяют сблизить его с двумя другими известными сооружениями — вотчинными церквями села Ильинского Малоярославского уезда и Благовещенского погоста. По своим архитектурным особенностям они образовывали одну типологическую группу в русской архитектуре XVI столетия. При этом если на ранних стадиях изучения русской средневековой архитектуры собор Ивановского монастыря датировался концом XVI в. (в частности, И.М. Снегиревым⁹⁷), то исследователи XX в. единодушно отнесли этот собор, как и другие родственные ему храмы, к началу столетия.

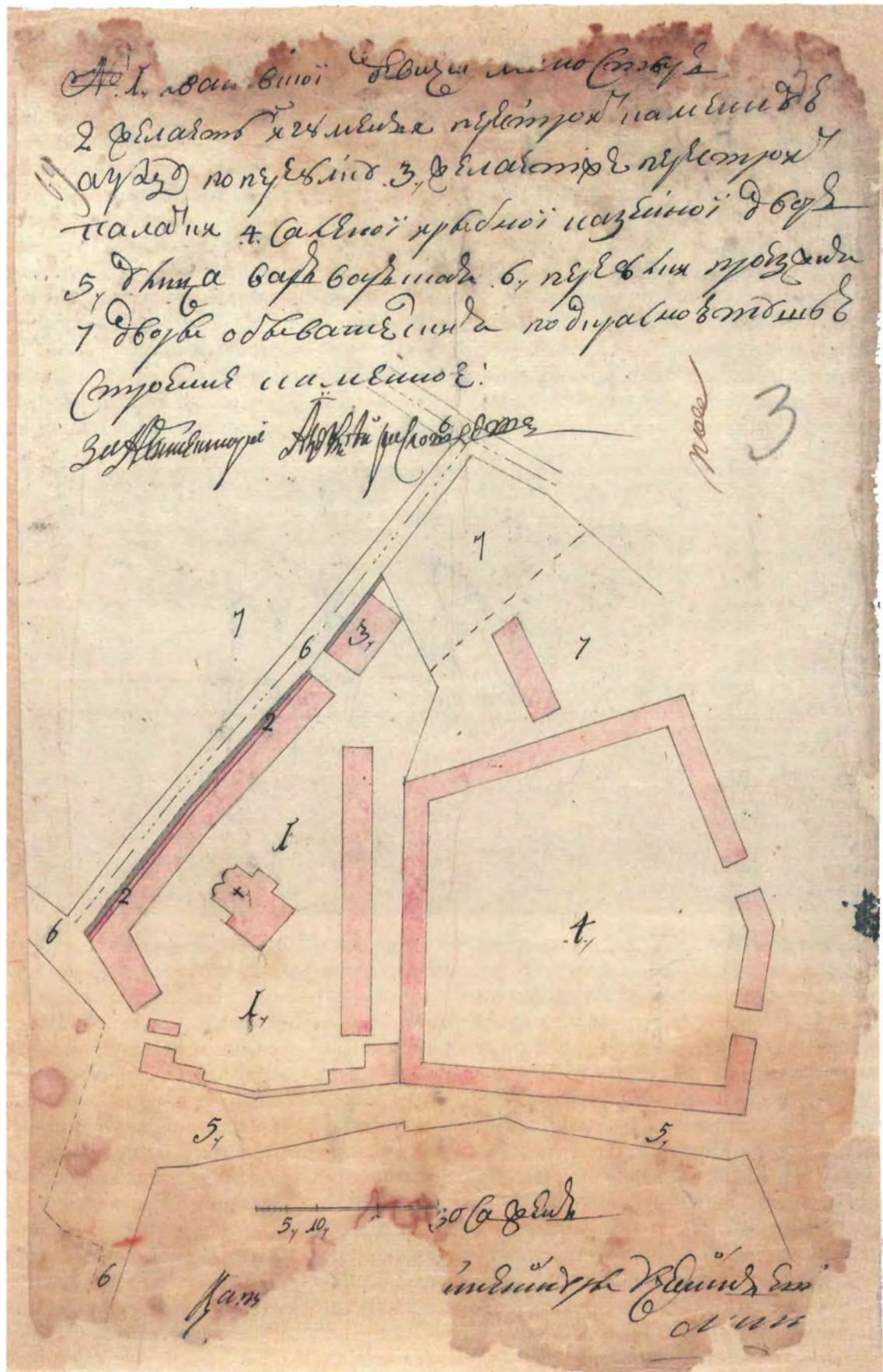
Необычность объемного построения явно выделяет храмы Ивановского монастыря, Благовещенского погоста и села Ильинского из всего контекста русской архитектуры XVI в. Вместе с тем, прием расчленения плоскости фасадов при помощи декоративных прямоугольных ниш, в которые вписаны более узкие и глубокие ниши с полукруглым завершением, позволяет сопоставить эти храмы с постройками итальянских мастеров начала столетия, в том числе с церковью Благовещения на Старом Ваганькове, построенном в 1510-е гг. Алевизом Фрязином. С церковью на Старом Ваганькове собор Ивановского монастыря объединяет и обработка поверхности апсид гранями, а также устройство на удлинённых боковых стенках апсид дополнительного прясла с декоративной нишей. Теми же особенностями обладает и другой бесстолпный храм 1510-х гг. — церковь Илии Пророка на Новгородском подворье⁹⁸.

Позволяет ли подобное сходство датировать 1510-ми гг. и церковь Ивановского монастыря? К сожалению, у нас нет точной даты строительства не только этой церкви, но и храмов села Ильинского и Благовещенского погоста. При том поразительном сходстве, которое они обнаруживают между собой, несмотря на значительную географическую удаленность друг от друга, более узкая датировка одной из этих построек имела бы существенное значение для всей группы. Точная дата строительства в литературе называется только для церкви Благовещенского погоста — 1501 г.⁹⁹ Однако она не основана ни на каких достоверных исторических сведениях и заимствована из весьма сомнительного источника — поздних клировых ведомостей. Более или менее аргументированные предположения можно строить лишь о верхней границе возможной датировки церкви, отталкиваясь от времени захоронения в ней Ивана Ивановича Нагого (ф 10 апреля 7047 г. [1539 г.])¹⁰⁰.

Двухстолпная конструкция церкви Благовещенского погоста никак не связана с ее общей композиционной схемой и нарушает заложенную в этой схеме центричность, свойственную храмам Ивановского монастыря и села Ильинского. Выкладка апсид гранями заменена здесь более традиционными лопатками, расчленяющими их поверхности на узкие прясла, отчего нарушается и характерная для Ивановского монастыря четкость построения алтарной части. Дополнительное прясло, выделяющее снаружи стенку бемы и встречающееся во многих храмах 1500- 1510-х гг., здесь практически отсутствует, превращаясь в одно из членений стен алтаря. Его отголоском является ниша с полуциркульным верхом, продолжающая основной мотив декорации четверика. Создается впечатление, что в архитектуре храма Благовещенского погоста мы встречаемся с вторичной интерпретацией сложившейся ранее иконографической схемы. Кроме того, нельзя не обратить внимание на край-

План Ивановского монастыря. 1759 г. РГАДА

Текст на листе с планом:
 1. Ивановский девичий монастырь
 2. Желает игуменья перестроить
 каменную ограду по переулку.
 3. Желает перестроить палатки.
 4. Соляной и Рыбный казенный двор.
 5. Улица Варварская.
 6. Переулок проезжий.
 7. Дворы обывательские.

ную упрощенность проработки декора, не характерную для построек 1500—1510-х гг. Единственный элемент, оживляющий графическую прорисовку фасада, — двойной пояс поребрика. Криволинейные обломы присутствуют здесь только в профилировке цоколя (полува, над которым располагался обратный гусек).

Все это говорит о том, что церковь Благовещенского погоста, скорее всего, является наиболее поздним памятником рассматриваемой типологической группы. Она построена, безусловно, позже собора Ивановского монастыря и, вероятно, позже церкви Илии Пророка в Иль-

инском. О профилировке последней мы знаем слишком мало, но, по всей вероятности, она имела такой же цоколь, как и храм Благовещенского погоста. Во всяком случае, среди кирпичей, оставшихся от разборки Ильинской церкви, были обнаружены полува и гусек¹⁰¹. Однако при общем сходстве с гуськом церкви Благовещенского погоста, гусек из Ильинского проработан более тонко: его криволинейная поверхность ограничена не одним, а двумя лестелями. Вместе с тем, есть основания полагать, что церковь Благовещенского погоста построена не намного позже церкви в Ильинском. Уже Н.Н. Воронин

обратил внимание, что в декоре последней также использован поребрик. Можно отметить и некоторое сходство в конструкции перекрытий, уникальных для архитектуры XVI в. При всех различиях для обоих храмов характерно применение ступенчатых сводов.

Если судить по рисунку А.А. Мартынова, собор Ивановского монастыря в деталях убранства отличался от Благовещенского и Ильинского храмов. Тщательность рисунка позволяет установить, что поребрика в соборе не было, а профилировка его декора была более дробной, чем в двух других церквях. Так, отчетливо видно, что контуры больших прямоугольных ниш, обрамляющих более узкие ниши с полуциркульным завершением, смягчены дополнительным обломом — полкой или четвертным валом. Весьма вероятно, что монастырский храм отличался и конструкцией перекрытия. О нем можно судить лишь по описанию И.М. Снегирева, кото-

что описанное в летописи строительство Алевиза Фрязина определило несколько типов храмов, интерпретировавшихся затем в русской архитектуре на протяжении всего XVI столетия. Судя по особенностям нескольких его построек — церкви Благовещения на Ваганькове и собора Высоко-Петровского монастыря, имевшего в плане октаконх, а также церкви Св. Варвары, план которой представлял собой квадрифолий, — они действительно значительно различались между собой. Скорее всего, церкви села Ильинского и Благовещенского погоста повторяли тип одной из тех церквей, которые были построены итальянцами на московском посаде в 1510-е гг. Возможно, этим храмом и был собор Ивановского монастыря.

Относя собор Ивановского монастыря к строительству начала XVI в., нельзя не отметить, что монастырь не был упомянут в подробном описании пожара 1547 г.

Профиль Москвы от церкви Воскресения в Тончарах до Ивановского монастыря. Акварель Ф.К. Соколова. 1806-1808 гг. РГВИА

рый сообщает, что «...его своды образовали два пересекающихся полуцилиндра; в пересечке их сквозной трибун»¹⁰². Описанное перекрытие можно сопоставить с крещатым сводом, где световой барабан поставлен на пересечении двух распалубок. Этот тип свода более всего соответствовал подчеркнутой центричности бесстолпного храма с тремя притворами. Следует также указать на особенности оформления барабана монастырской церкви: световые окна с явно прямыми перебивками чередовались с узкими нишами, завершения которых имели полуциркульное очертание. С.С. Подъяпольский предполагал, что первоначально барабан церкви не был световым и окна в нем были прорезаны позже, что также указывает на более раннюю «редакцию» храмов с крещатым сводом. Если это предположение справедливо, то собор Ивановского монастыря имел еще одну особенность, позволяющую сблизить его с бесстолпными постройками начала XVI в. — с храмом Благовещения на Ваганькове и храмом Пророка Илии на Новгородском подворье. Все это позволяет предположить, что собор Ивановского монастыря является наиболее ранним памятником в своей типологической группе.

Архитектура собора не позволяет связать его только с местной традицией. Необычная типология, к которой он принадлежит, должна была сложиться в Москве, ставшей в 1510-е гг. своеобразным творческим полигоном для итальянских мастеров. Нам известны и другие примеры такого рода — так, существует гипотеза о том,

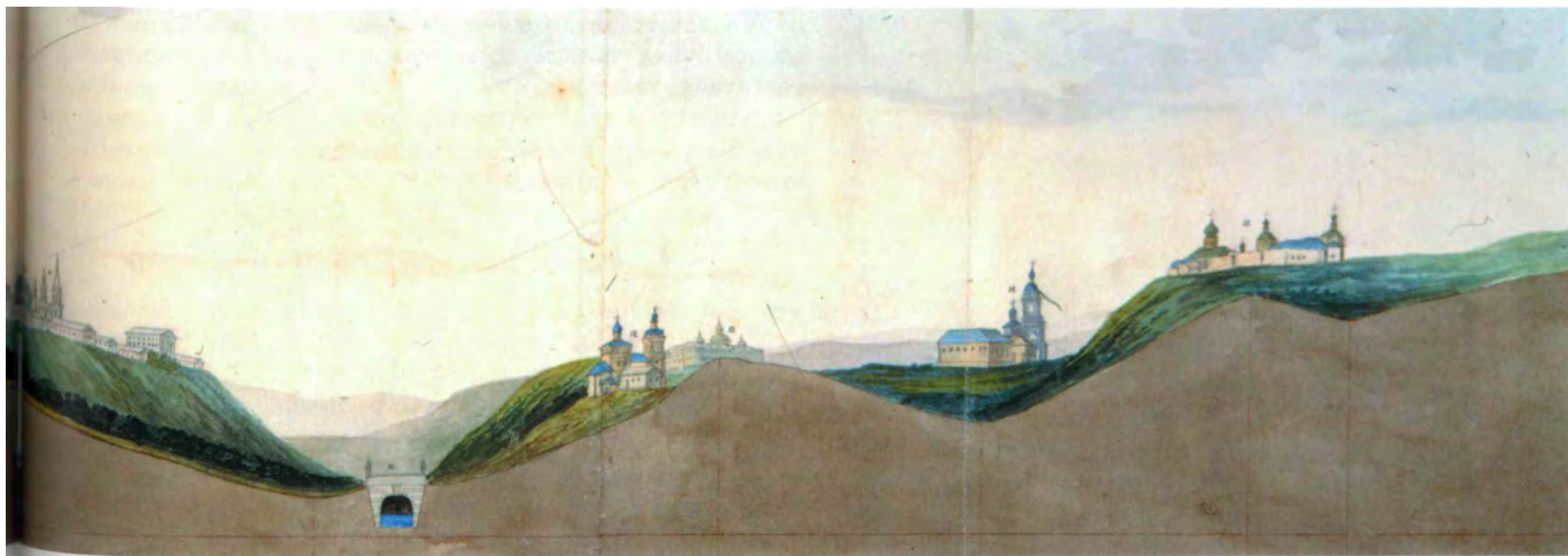
Однако не исключено, что он мог остаться в стороне от огня, который прошел ниже, в районе Солянки, и, обогнув гору, стал распространяться по направлению к конюшням. Судя по описанию, пожар двигался и в направлении Покровки. Известно также, что во время пожара 1547 г. уцелел храм Св. Владимира в Старых Садах, стоящий в непосредственной близости от монастыря. Вероятно, пожаром не был затронут и сам Ивановский монастырь, находившийся много выше направления огня под Ивановской горой (где сгорели церкви Николы Подкопаева и Рождества на Стрелке), но ниже его пути в районе церкви Поклонения веригам апостола Петра, храма Свв. Козьмы и Дамиана и дворов за храмом Св. Владимира в Старых Садах. Этим может объясниться отсутствие упоминаний о Ивановском монастыре или о его соборе в летописном рассказе о пожаре 1547 г.

Так или иначе, церковь, зафиксированная Мартыновым, явно старше 1547 г., о чем свидетельствуют ее архитектурные формы, а также кирпич, который описывал И.М. Снегирев: «стены сложены из крепостных кирпичей»¹⁰³. Подобный кирпич чаще употреблялся в первой половине XVI в. Бесстолпные храмы, построенные в середине — второй половине столетия на московском посаде, в том числе и после пожара 1547 г., возводились из маломерного кирпича, на что также в соответствующих случаях указывает И.М. Снегирев. Так, например, описывая церковь Николы «Красный звон» 1560/61 г., сложившую из маломерного кирпича, он отмечает: «...квадратное ее здание, складенное из тонких кирпичей...»¹⁰⁴.

На наш взгляд, строительство каменной церкви Ивановского монастыря следует отнести не к середине XVI столетия, а к его началу, скорее всего, — к 1510-м гг., т.е. к периоду работы в Москве итальянских мастеров.

К этому же времени летопись относит и строительство церкви, стоявшей за Москвой рекой, на том месте, где, как принято считать, располагался первоначально Ивановский монастырь. В 1514 г. итальянский архитектор Алевиз Фрязин возводит здесь каменную церковь Усекновения Главы Иоанна Предтечи («за рекою... под Бором», «за Москвою рекою, за Болотом во граде Москве»¹⁰⁵), которая была торжественно освящена в день своего храмового праздника в 1515 г. (29 августа 7023 г.)¹⁰⁶. Тот факт, что в 1514 г. летописи сообщают лишь о строительстве церкви, не упоминая монастырь, позволил исследователям сделать вывод, что к этому времени он уже был переведен на Кулишки¹⁰⁷. Однако сооб-

можно прочитать о том, что в его нижней части сохранилась кладка из маломерного «алевизовского» кирпича¹¹¹. Однако остается непонятным, на чем основано это суждение, так как нижние части подклета облицованы белым камнем и следов кладки из маломерного кирпича здесь обнаружить не удалось (несколько кирпичей, отличающихся от остальных по своим размерам, реставраторы заметили только в четверти дверного проема, ведущего из подклета четверика в подклет апсиды). По наблюдениям реставраторов, кладка подклета единовременна с кладкой стен, относящихся к XVII столетию¹¹². Наконец, даже если бы здесь действительно существовала кладка из маломерного кирпича, она бы не могла подтвердить датировку храма 1514 г., поскольку мнение о маломерном кирпиче как о строительном материале начала XVI в. является несостоятельным: как убедительно показал С.С. Подьяпольский, он распространяет-

Щение о строительстве каменного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи за Москвой-рекой в 1514 г. не может быть принято безоговорочно. Дело в том, что следующий по времени источник, описывающий состояние церкви Усекновения Иоанна Предтечи «под Бором» в Замоскворечье, — Строельная книга 1657 г. — сообщает об этой церкви, как о деревянной¹⁰⁸. Это обстоятельство было отмечено в литературе XIX в. С. Страхов объяснил его тем, что каменный храм 1514 г. сгорел во время одного из пожаров и был разобран, после чего на его месте выстроили деревянную церковь¹⁰⁹, которую вновь сменила каменная постройка второй половины XVII в., стоящая и ныне в Черниговском переулке. В 1928 г. был опубликован краткий очерк П.Б. Юргенсона об архитектуре Предтеченской церкви, в котором описаны остатки храма 1514 г., якобы сохранившиеся в храме XVII в. Автор уверенно отнес к 1514 г. подклет церкви и более предположительно — части ее стен¹¹⁰. Никаких доказательств в статье приведено не было — Юргенсон исходил только из сопоставления плана подклета с планами московских бесстолпных храмов середины — второй половины XVI в. Однако его работа стала единственной монографической публикацией о храме, выпущенной после брошюры С. Страхова, и оказала сильное влияние на представления об этой церкви в советской историографии. Уже в относительно недавнее время гипотеза о принадлежности подклета храму 1514 г. неожиданно обрела новые подробности: в каталоге памятников архитектуры Замоскворечья

ся лишь в середине — второй половине столетия¹¹³. Таким образом, никаких материальных свидетельств существования на месте нынешней церкви каменного храма 1514 г. обнаружить не удалось.

Является ли это противоречие с данными летописи основанием для сомнений в существовании монастыря и храма во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи в Замоскворечье? Для ответа на этот вопрос попробуем рассмотреть дошедшие до нас сведения об этом монастыре, относящиеся к XV—XVI вв.

Московский Ивановский монастырь впервые упоминается в летописях под 1415 г. при описании чуда, сопровождавшего рождение великого князя Василия II. Сообщается, что, когда жена великого князя Василия Дмитриевича, София Витовтовна, была близка к смерти во время родов, великий князь послал к почитаемому им старцу, жившему «в монастыри святого Иоанна Предтечи» с просьбой помолиться о великой княгине. Старец велел передать великому князю совет молиться Пречистой Богородице и святому Лонгину Сотнику и не сомневаться в выздоровлении великой княгини и благополучных родах, которые должны последовать вечером того же дня. Большинство летописей достаточно точно указывают на место этого монастыря: «под Бором за рекою Москвою»¹¹⁴. Само сохранение топонима «под бором» за церковь, построенной Алевизом в 1514 г. в Замоскворечье, и за всеми известными на этом месте храмами во имя Иоанна Предтечи подтверждает, как кажется, сложившееся представление о районе Пятницкой улицы

Церковь
Благовещения
на Баганькове.
Литография
сер. XIX в.

как о первоначальном местоположении Ивановского монастыря. Это представление как будто окончательно удостоверяет источник второй половины XVII в.: в росписи жалования, получаемого клириками московских церквей в 7185 (1676/77) г., о храме Усекновения главы Иоанна Предтечи на Пятницкой улице говорится: «церкви Иоанна Предтечи, что был Ивановский монастырь под Бором...»¹¹⁵. Те же сведения содержатся и в реестре 1723 г.: «Церковь Иоанна Предтечи да предел Николая чудотворца, под Бором; а издревле на том месте при княжении был Ивановский девич монастырь» [курсив наш. — Adm.]¹¹⁶.

Однако следует заметить, что указания летописей на местоположение монастыря за Москвой-рекой не всегда совпадают. Так, известие о чуде 1415 г. появляется при обработке в 1470-х гг. Летописного свода 1448 г. Именно этот свод 1470-х гг. был положен в основу первой части (до 6926 г.) Московского великокняжеского летописного свода 1479 г. (в отдельном виде он сохранился только в Эрмитажной рукописи XVIII в.). Более поздней его редакцией является Московский великокняжеский свод конца XV в., известный по рукописи XVI в., в котором записано, что чудо произошло «...в монастыре свята-

го Иоана предтечи под Бором за рекою Москвою»¹¹⁷. Однако тот же свод 1470-х гг. стал основой и первой части (до 6925 г.) Ермолинской летописи, известной по рукописи конца XV в., где содержится несколько иная редакция интересующего нас текста: «...в монастыре святого Ивана Предтечи, иже под Бором»¹¹⁸, т.е. без уточнения «за рекою Москвою». В подобной редакции эта запись встречается в летописных сводах, частично совпадающих с Ермолинской летописью (Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г., Львовская летопись¹¹⁹). Таким образом, в летописании можно встретить две версии, одна из которых связана с Ермолинской летописью и не указывает на место монастыря за рекой, а другая, наиболее распространенная, восходящая к своду 1479 г., помещает обитель «под Бором» за Москву-реку. Какая же из двух редакций правильно отражает общий протограф? Наиболее ранний его список представляет Ермолинская летопись, сохранившаяся в рукописи конца XV в. Поэтому можно допустить, что в летописном своде 1470-х гг. интересующее нас известие существовало в той редакции, которая впоследствии была зафиксирована в Ермолинской летописи.

После известия 1415 г. источники больше не упоминают о существовании в XV—XVI вв. Ивановского монастыря не только «под Бором» за Москвой-рекой, но и вообще в Москве. Летописи и немногие документальные материалы фиксируют лишь церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. Сопоставление известия о строительстве здесь каменного храма в 1514 г. с другими источниками указывает только на один достоверный факт — церковь с посвящением престола св. Иоанну Предтече, известная по Ладанным книгам с 7122 (1613) г., действительно существовала в Замоскворечье уже в XVI в. В Духовной грамоте княгини Авдотьи Ивановны Шемякиной-Пронской 7073 (1564/65) г. говорится: «...да к Пятнице за болотом же шубка багрец червьчат, да к Ивану Предтече за болотом же шупку скорлат червьчат»¹²⁰. Упомянутый здесь Предтеченский храм — без сомнения, тот самый, о строительстве которого в 1514 г. сообщают летописные источники первой половины XVI в. Наиболее подробные сведения о его местонахождении приводит Владимирский летописец, помещающий храм Усекновения главы Иоанна Предтечи «за Москвою рекою, за Болотом во граде Москве». Более краткие указания о нем присутствуют во всех летописях XVI в., в том числе в Никоновской летописи по списку Оболенского. Характерно, что Продолжение Львовской летописи также указывает на строительство храма 1514—1515 гг. за рекою¹²¹.

То обстоятельство, что в летописях под 1514 г. названа лишь церковь без монастыря, само по себе не отрицает существование при ней обители. Подобные случаи хорошо известны в летописании при упоминании городских монастырей. Так, например, собор Воздвиженского монастыря на Арбате упомянут в «Летописце начала царства» просто как храм, без указания на монастырь¹²². Однако характер летописных статей не позволяет сделать подобный вывод. Когда летопись указывает на закладку монастырского храма Алексия человека Божия в 1514 г., она добавляет, что он находится в монастыре: «...да Алексей человек Божий в девиче монастыре, что за Черторьем»¹²³. Храм же в Замоскворечье описывается здесь просто как приходская церковь. Характер упоминания о церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Духовной грамоте княгини Шемякиной-Пронской также позволяет за-

ключить, что в 1564/65 г. монастыря при этой церкви не было. В тех случаях, когда вклад предназначался монастырю, в Духовной следовало соответствующее указание: «...да к Ивану Златаусту в монастырь...» и т.п.¹²⁴

Установив, что с начала XVI столетия монастыря при храме Усекновения главы Иоанна Предтечи за Москвой рекой не было, мы оставляем открытым вопрос о том, когда он был упразднен или перенесен, хотя отрицать его существование в какой-то период в Замоскворечье нельзя.

Помимо существующих разночтений в летописных свидетельствах, некоторые сомнения в раннем существовании здесь обители возникают еще и потому, что заселение этой территории относится уже к более позднему времени. В действительности это не совсем так — хотя Замоскворечье было мало освоенным, но в прибрежной полосе и далее, в сельской округе города, фиксируются следы обживания, по крайней мере, с начала XV в. Находки XII—XIV вв. концентрируются в Замоскворечье в районе села Хвостова, но есть они и вблизи Водоотводного канала (Кадашевский переулочек и набережная, Овчинниковская набережная, район Большой Ордынки)¹²⁵. Вблизи будущей церкви «под Бором» находилась пере-

права через реку, а значит — один из пунктов будущей деловой активности. Такие места благоприятны для образования монастырей¹²⁶.

Кроме того, если бы монастыря в Замоскворечье не было, то в списках летописей, датируемых первой половиной — серединой XVI в., вряд ли возникла бы его локализация «под Бором» за Москвой рекой при сообщении о чуде 1415 г. Таким образом, в первой половине XVI в. память о монастыре за Москвой-рекой существовала и оформилась в летописную традицию, которая впоследствии перешла в Ладанные книги второй половины XVII в. Допуская существование этого монастыря, мы должны ответить на вопрос, связано ли его упразднение с переносом на Кулишки? При выяснении этого вопроса наиболее существенное значение имеет топоним «под Бором», присутствующий и в названии церкви, находящейся ныне в районе Пятницкой улицы.

Если летописи, сообщающие о старце, жившем в монастыре св. Иоанна Предтечи в 1415 г., различаются между собой по определению места монастыря по отношению к реке, то они единодушны в помещении его «под Бором». Топоним «под Бором», конечно, не предполагает более низменного положения урочища по от-

Старый собор
Ивановского
монастыря.
Литография
сер. XIX в.

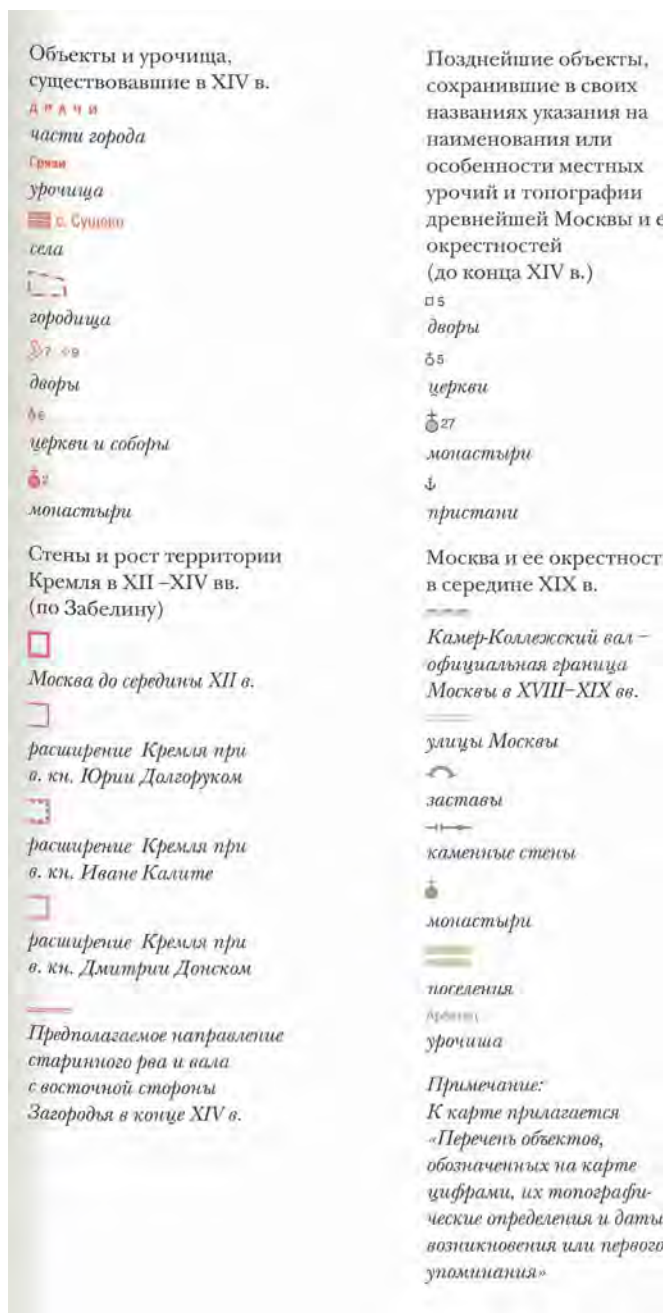

**Старинная топография
и урочища Москвы до 1389 г.**

*Схема на фоне главных контуров
плана Москвы XVIII—XIX вв.*

Масштаб 1 : 50 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова по И.А. Голубцову

Перечень объектов, обозначенных на карте цифрами, их топографические определения и даты возникновения или первого упоминания (у.)

Красными цифрами обозначены:

1. Церковь Иоанна Предтечи «на Бору» (позднее в нач. XIV в. — «на митрополичьем дворе»), предположительно с середины XII в.
2. Церковь (и монастырь) Спаса «на Бору», предположительно с 1290-х гг.
3. Собор Архангельский на «площади», предположительно с 1247 г.
4. Собор Благовещенский на «площади», предположительно с 1290-х гг.
5. Собор Успенский в «Маковице», 1326 г.
6. Церковь Иоанна Лествичника «под колоколы», 1329 г.
7. Великокняжеский дворец — «терема», вероятное место в XIV в.
8. Чудов монастырь, муж. (основан митр. Алексеем), около 1358 г.
9. Татарский двор при Иване Калите (потом отдан Чудову монастырю), середина XIV в.
10. Вознесенский монастырь, жен. (основан женой Дмитрия Донского Евдокией), около 1387 г.
11. Богоявленский монастырь, муж. предположительно 1296 г.
12. Николы «Старого» монастырь, муж. «на Старом», у «Крестного целованья», у. 1390 г.
13. Петровский монастырь, муж. на «Высоком», «Высоко-Петровский», у. 1377 г.
14. Рождественский монастырь, жен. (основан матерью кн. Владимира Андреевича Серпуховского), до 1389 г.
15. Церковь Всех Святых на «Кулишках (Кулижках)», предположительно основана в память воинов, павших на Куликовом поле, в 1380-х гг., у. 1488 г.
16. Андроников (Андрониев) монастырь, муж., около 1360 г.

17. Крутицкий монастырь (с церковью Успения Богородицы) на «Крутицах», подворье для приезда митрополитов в начале XIV в., предположительно 1300 г.
18. Церковь Рождества Богородицы на «Старом Симонове», около 1370 г.
19. Симонов монастырь, муж. (на новом месте), с 1379 г.
20. Данилов монастырь, муж., с конца XIII в.
21. Церковь Всех Святых в «Чертолье», на «берегу» (в «валу»), у. 1365 г.
22. Алексеевский монастырь, жен. (основан, по преданию, митрополитом Алексеем; переведен в Чертолье во второй половине XVI в.), предположительно около 1358 г.

Черными цифрами обозначены:

1. Спас «Старый» на «Старом», на «Песках», монастырь, муж. (впоследствии Заиконоспасский), у. 1624 г.
2. Церковь Троицы «Старой» на «Старых полях», «у поль, где ся поля били», «с Яру», у. 1493 г.
3. Церковь Иоанна Богослова «под вязом», у. 1493 г.
4. Всеяковых двор (близ Богоявленского монастыря), у. 1468 г.
5. Кочин двор (близ церкви Бориса и Глеба, впоследствии Максима Исповедника), у. 1423 г.
6. Церковь Зачатия в «Востром конце», в «углу», (у «тюрем», у «старого татарского подворья»), у. 1493 г.
7. Церковь Благовещения на «Старом Ваганькове», на «Козье бороде» (?), у. 1514 г.
8. Воздвиженский монастырь, муж. на «Острове» («остров» — лес среди открытой местности), у. 1504 г.
9. Церковь Козьмы и Дамиана, в «Ржицах», у. 1625 г.
10. Церковь Успения на «вражке», у. 1647 г.
11. Церковь Леонтия Ростовского на «вражке», на «Успенском вражке», 1518 г.
12. Церковь Георгия на «Красной горке», у. 1629 г.
13. Церковь Параскевы Пятницы у «Старых поль», в «Полях», у. 1625 г.
14. Воскресенский монастырь, муж. на «Высоком», с XVI в.
15. Церковь Алексея митрополита, что на «Глинищах», у. 1625 г.
16. Церковь Успения Богородицы на «бору», под «сосенками» (или «Гребневской» иконы Божьей Матери), у. 1472 г.
17. Златоустовский монастырь, муж. на «посаде», в «Садех», у. 1412 г.
18. Церковь Архангела Гавриила, что на «Поганом пруде», у. 1625 г.
19. Церковь Троицы, что на «Грязях», на «Старых Грязях», с XVI в.
20. Церковь Спаса, что в «Глинищах», у. 1460 г.
21. Церковь кн. Владимира в «Садех», в «Старых Садех», у. 1423 г.
22. Церковь Троицы в «Хохловке», в «Старых Садех», у. 1624 г.
23. Церковь Пятницы на «Кулишках», у. 1460 г.
24. Церковь Кира и Иоанна на «Кулишках», у. 1625 г.
25. Церковь Андрея Критского на «Васильеве лугу», что на «Кулишках», у. 1460 г.
26. Церковь Рождества Богородицы на «Кулишках», на «Стрелке», XVI в. (или ранее)
27. Ивановский монастырь, жен. под «бором», в «Старых Садех», на «Кулишках», XVI в.
28. Церковь Трех святителей, что на «Кулишках», XVI в. (?)
29. Церковь Николая Чудотворца в «Киевце», в «Киевцах», у. 1625 г.
30. Церковь Воскресения в «Киевцах», на «Грязи», на «Остоженке»
31. Церковь Успения Богородицы на «Остоженке», в «Семчевском селе», у. 1670 г.
32. Церковь Илии «обыденная», за «Чертольскими вороты», начало XVII в. (или ранее)
33. Церковь Власия на «Козихе», на «Козьем болоте», у. 1624 г.
34. Церковь Спаса, что на «Песках», у. 1630 г.
35. Церковь Георгия на «Всполье», XVII в. (?)
36. Церковь Ермолая, что на «Козьем болоте», у. 1629 г.
37. Церковь Спаса, что в «Песках», за «Петровскими вороты», у. 1642 г.
38. Николая Чудотворца монастырь (позднее церковь), в «Драчах», на «Старом городище», у. 1547 г. (сгорел)
39. Церковь Николая Чудотворца в «Дербенском», на «Ольховце», у. 1641 г.
40. Церковь апостола Иакова в «Ромоданове», в «Казенной», XVII в. (или ранее)
41. Ильинский монастырь (позднее церковь) на «Воронцовом поле», «под сосенками», у. 1476 г.
42. Церковь Николы в «Воробине», на «Гостине горе», у. 1627 г.
43. Покровский монастырь (позднее церковь) в «Садех», «Лыщикох», у. 1392 г.
44. Церковь Никиты мученика за «Яузой», на «горе» (потом «Вшивой горке»), у. 1476 г.
45. Церковь Николы на «Болвановье», «Болвановке»
46. Козьмы и Дамиана монастырь, (позднее церковь) в «Заяузье», на «вражках», в «Заяузской слободке», у. 1498 г.
47. Церковь Николая Чудотворца в «Пупышах», на «Пупышах», у. 1625 г.
48. Церковь Спаса Преображения на «Болвановке», в «Ордынцах», у. 1625 г.
49. Церковь Георгия в «Яндове», в «Яндовах» (в XVII в. — в «Острогах»), у. 1612 г.
50. Иоанна Предтечи монастырь (позднее церковь) под «бором», у. 1415 г.
51. Церковь Черниговских чудотворцев под «бором», у. 1626 г.
52. Церковь Софии — Премудрости Божией в «Нижних Садовниках», у. 1493 г.
53. Церковь Варлаама Хутынского в «Ордынцах», XVI в. (?)
54. Церковь Климента, Папы Римского в «Ордынцах», у. 1612 г.
55. Церковь Георгия на «Всполье», у. 1625 г.
56. Церковь Екатерины мученицы на «Всполье», у. 1612 г.
57. Церковь Николая Чудотворца на «Песку», в «Берсеневке», у. 1493 г.
58. Церковь Иоакима и Анны в «Кадашеве», в «Голутвине слободе», у. 1493 г.
59. Церковь Петра и Павла в «Старом Хвостове», в «Холстове», у. 1631 г.
60. Церковь Спаса Преображения в «Наливках», в «Ордынцах», на «Всполье», у. XVI в.
61. Церковь Благовещения на «Бережках», в «Золотом клину», в «Дорогомилловской слободе», у. 1412 г.
62. Церковь Покрова Богородицы, что в «Кудрине», у. 1722 г.
63. Церковь Трифона мученика в «Напрудном селе», у. 1625 г.
64. Церковь Покрова Богородицы на «Ольховце», в «Красном селе», у. 1701 г.

ношению к бору. В качестве примеров можно привести топонимы, известные еще в XV и XVII вв.: храмы Илии Пророка под Сосенками и Иоанна Богослова под Вязом. Правда, в отношении «бора» в московской топонимике можно видеть некоторую дифференциацию, поскольку существуют два варианта: «на Бору» и «под Бором». При этом в случаях употребления топонима «на бору» храмы явно находились рядом с бором, а не под ним, как, например, собор Преображения Господня на Бору, стоявший на кремлевском холме. В то же время редкость этого топонима не позволяет делать однозначные выводы, и следует допустить, что выражение «под Бором» может означать и местонахождение храма вблизи него. В отношении Замоскворечья это может быть единственным достоверным выводом. Иначе пришлось бы предположить, что урочище получило свое название от кремлевского холма, который для данной местности являлся единственной возвышенностью, покрытой сосновым лесом. Однако это вряд ли возможно, поскольку кремлевский холм находится за рекой. Кроме того, данный топоним в Замоскворечье больше нигде не встречается, за исключением названия храма Сретения мощей святых мучеников князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора. Этот храм не мог возникнуть ранее 1572 г., когда мощи черниговских чудотворцев были перенесены Иоанном IV в Москву, первые же упоминания о нем относятся уже к XVII в. Черниговский храм был построен в непосредственной близости от церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи (в 3 сажнях от нее), на одном с ней урочище «под бором».

Тот же топоним «под Бором» входит и в название монастыря на Кулишках. Он присутствует уже в самом раннем упоминании обители в Ладанных книгах: ладан был выдан «к празднику, к Ивану Предтечи под Бор, что у Володимера в Садах» 24 августа 7093 (1585) г.¹²⁷ Топоним включен в записи о выдаче в этот монастырь ладана и в книгах 1619 г. («к Ивану Предтечи что под Бором на Кулишках»), «что под бором на Кулишках»¹²⁸. Так же называет монастырь вкладная надпись на серебряном кадиле 1660/61 г.: «Сие кадило Ивановского девича монастыря, что на Кулишках под бором...»¹²⁹. При этом нельзя не обратить внимания на то, что если по отношению к строениям равнинного Замоскворечья топоним «под бором» требует дополнительных объяснений, то монастырю на Кулишках, стоящему на склоне горы, он вполне соответствует по характеру рельефа. О существовании соснового леса над склоном Ивановской горы говорит название церкви Илии Пророка на Воронцовом поле — «под сосенками».

Совпадение топонима в названии обеих монастырей не было прокомментировано в литературе. Прежде всего, возникает вопрос: не связано ли это совпадение с тем, что обитель перенесли на новое место, сохранив ее первоначальное название? Однако можно с уверенностью сказать, что подобной практики копирования топонима, имеющего природное происхождение, в московской сакральной топографии не было. Характерный пример, связанный с выводом из Кремля монастыря Спаса на Бору, показывает, что название новой обители, располагавшейся вблизи Крутиц, на берегу Москвы-реки, не только не включало прежний топоним «на Бору», но содержало определения «на новом», «у нового», подчеркивавшее, что обитель была перенесена на новое место.

С другой стороны, в сакральной топографии Москвы существуют многочисленные примеры идентичных наименований, включающих аналогичные природные топо-

нимы, а часто и совпадающие посвящения престолов. Например, известно несколько храмов на Песках, из которых два были посвящены Преображению Господню. Наименования нескольких московских храмов включало и топоним Глиници. Во всех случаях речь шла не о трансляции подобных топонимов, а об их естественном образовании. Поэтому связывать появление топонима «под Бором» в названии Ивановского монастыря в Белом городе на Кулишках с перенесением одноименной обители из Замоскворечья нельзя. Повторяющиеся топонимы «под Бором», как и подобные им — «на Песку», «на Глиницах», — должны были возникнуть независимо друг от друга.

Скорее всего, Ивановский монастырь за Москвой-рекой под Бором и Ивановский монастырь на Кулишках под Бором не связаны друг с другом преемственностью, и речь должна идти о двух разных монастырях во имя св. Иоанна Предтечи в Москве, основанных независимо друг от друга и разное время. В сакральной топографии Москвы известно еще одно подобное явление: престолы Рождества Богородицы «на Рву»/«на Трубе» в Кремле, Китай-городе и на границе Белого города. В этих трех случаях речь может идти о контаминации некоторых названий при составлении сводов или о совпадении топографической ситуации (то есть о «рвах» и «трубах» в конкретных локусах), но не о том, что монастырь на новом месте сохранял, «наследовал» свою прежнюю топонимическую идентификацию¹³⁰.

Таким образом, все исторические свидетельства, связанные с двумя монастырями «под бором», следует рассматривать отдельно. Нижняя граница существования монастыря на Кулишках достоверно определяется по характеру записи в Ладанных книгах 1585 г. Однако это не означает, что монастырь не существовал до того времени. Дело в том, что при выдаче ладана во вновь созданные монастыри и храмы писец обычно отмечал это обстоятельство. Так, фиксируя выдачу в основанный при Феодоре Иоанновиче Зачатьевский монастырь, Ладанная книга называет его новым¹³¹. Поскольку запись о выдаче ладана в Ивановский монастырь не содержит подобного определения, он, несомненно, существовал уже до 1585 г., в царствование Ивана Грозного.

Нельзя исключать, что церковь, а может быть, и монастырь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи на Кулишках могли быть намного старше каменного храма, построенного здесь, судя по его архитектуре, в 1510-е гг. Еще в начале XV в. эта территория входила в состав усадебных владений великого князя Василия Дмитриевича, где располагались его двор, конюшни и сады¹³². В это же время здесь мог возникнуть и ружный монастырь «под Бором» — во всяком случае, такую возможность надо иметь в виду при дальнейшем изучении сакральной топографии Москвы.

К этому можно было бы добавить еще одно наблюдение. Примечательно, что на монастырь в XVI—XVII вв. не перешел топоним «в Садах»¹³³, достаточно распространенный в районе Кулишек и включавшийся в название не только церкви Св. Владимира, но и Покровского монастыря, который в конце XV в. упоминается как Покрова в Садах. Это может означать, что топоним «под Бором» возник раньше и мог удержаться как раз благодаря храму или монастырскому месту. О древнем происхождении этого топонима может свидетельствовать и то, что в XVII в. он становится малоупотребимым и вытесняется более общим топонимом «на Кулишках».

Вид с востока на Ивановский монастырь и церковь Владимира в Старых садах. Фото до 1860 г. из коллекции Э.В. Готье-Дюфайе

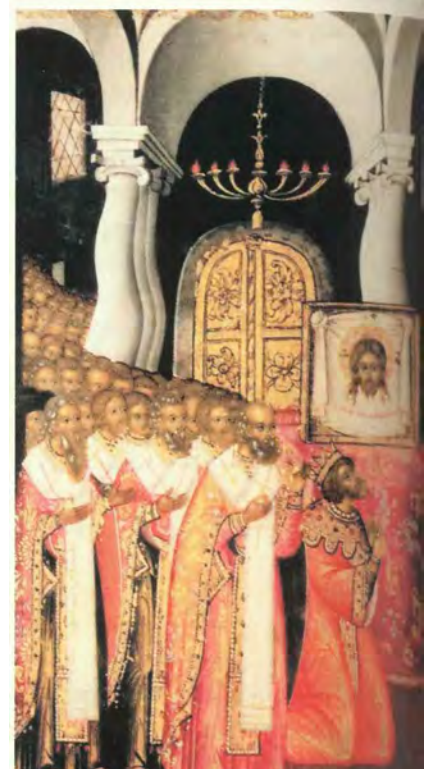

Существование двух монастырей с одинаковым посвящением престолов и с одним включенным в их название топонимом могло стать причиной их контаминации в летописании, — в особенности в начале XVI в., когда в Москве существовали два храма Усекновения главы Иоанна Предтечи под Бором, возникших, что следует еще раз подчеркнуть, независимо друг от друга. Это предположение возникает в связи с сообщением летописи о строительстве Алевизом Фрязиным каменного храма Усекновения главы Иоанна Предтечи в 1514 г. «под Бором, за рекою Москвою», следы которого отсутствуют, и, напротив, с существованием в начале XVI в. на Кулишках каменного храма, явно построенного итальянским зодчим. В подобной ситуации нельзя исключать, что именно собор Ивановского монастыря под Бором на Кулишках был тем храмом, построенным Алевизом Фрязиным, о котором упоминается в летописях под 1514 г. и с которого началось формирование новой типологии в русской архитектуре первой половины XVI в.

Подведем некоторые итоги. Сообщения письменных источников и данные об архитектуре построек свидетельствуют о том, что в Москве существовало два монастыря Усекновения главы Иоанна Предтечи. Оба они имели в своем названии одинаковый топоним «под Бором». При этом каждый из них локализовался и при помощи другого индивидуального топонима — «на Кулишках»

и «за Москвою рекой», или «за болотом», определяющие их место в более широких топографических границах. При этом в обоих случаях мы можем предполагать, что более «широкий» топоним был связан с монастырем позже, чем определение его местоположения «под Бором». В этих монастырях совпадали посвящения престолов не только их главных храмов, но и придельных. В документах XVII в. в их главных храмах упоминается придельный престол святителя Николая Чудотворца. Речь в данном случае может идти лишь о параллелизме в истории двух московских храмов. На этом их историческая синхронизированность заканчивается. Даже те немногие сведения, которыми мы располагаем, показывают, что у этих обителей была разная история. Ивановский монастырь под Бором «на Кулишках» достоверно существовал на своем месте с начала XVI в. (судя по времени строительства храма) до 1813 г. Напротив, Ивановский монастырь «под Бором» за Москвою-рекой «за болотом» перестал существовать уже в XVI столетии, и объединение под топонимом «под Бором» двух храмов в Замоскворечье, одного во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи и другого во имя Сретения мощей Черниговских чудотворцев, произошло уже после упразднения этой обители. Также и первое каменное строительство на этом месте произошло намного позже прекращения здесь монашеской жизни.

Церковные процессии
и их евангельские прообразы
в русской иконографии

МОНАСТЫРЬ И ЦЕРКОВНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРЕДАНИЕ: ВСТРЕЧИ ИКОН И ИХ МЕСТО В ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Подозревают в смене места и Сретенский монастырь. История его возникновения связана с преданием об избавлении Москвы от нашествия Тамерлана в 1395 г., содержащемся в литературном произведении — «Повести о Темир-Аксаке», написанной не позднее третьей четверти XV в.¹³⁴ Повесть рассказывает о переносе иконы Богородицы Владимирской и встрече ее москвичами, в память чего был поставлен храм Сретения и при нем составлен монастырь. Традиционная историография с XIX в. не сомневалась, что это событие произошло там, где Сретенский монастырь стоит и сейчас¹³⁵, но в 1980-х гг., в рамках разработки гипотезы о «переносах» монастырей, был поставлен вопрос о ином изначальном размещении обители в XIV—XV вв. Новая точка зрения отразилась в широко известном труде «Памятники архитектуры Москвы», где в свойственной этому изданию утвердительно манере сообщалось, что первоначально монастырь находился на месте позднейшей Владимирской церкви в Китай-городе у Никольских ворот, а на нынешнее место перенесен в 1530-х гг. в связи со строительством Китайгородской стены. Его «новое» место определило событие 1518 г., когда «на поле за посады» москвичи встретили иконы из Владимира: «другой образ» Богоматери и Спаса Вседержителя¹³⁶. Эта версия вошла и в сводку сведений о церквях Москвы П. Паламарчука «Сорок сороков»¹³⁷. Автор гипотезы (М.М. Сухман) полагал даже, что монастырь менял место дважды, что самая первая, 1395 г., встреча иконы произошла перед Никольскими воротами Кремля, откуда церковь в течение XV в. переместилась к границе Китай-города, а уже из него «ушла» дальше по Сретенке на нынешнее место за стеной Белого города.

Эта гипотеза, будь она строго доказана, внесла бы существенные изменения в представления о сакральной топографии города, представив ее крайне подвижной и предельно подверженной воздействию таких факторов, как события Церковной истории, развитие укреплений и рост городской территории.

Летописные версии повести по-разному обозначают место встречи иконы в 1395 г., но все видят его за городом на поле, иногда уточняя, что речь идет о Кучкове поле и о большой Владимирской дороге¹³⁸. Известно, что в 1480-х гг. на месте встречи строят каменную церковь, обозначаемую как «Сретение на поле»¹³⁹.

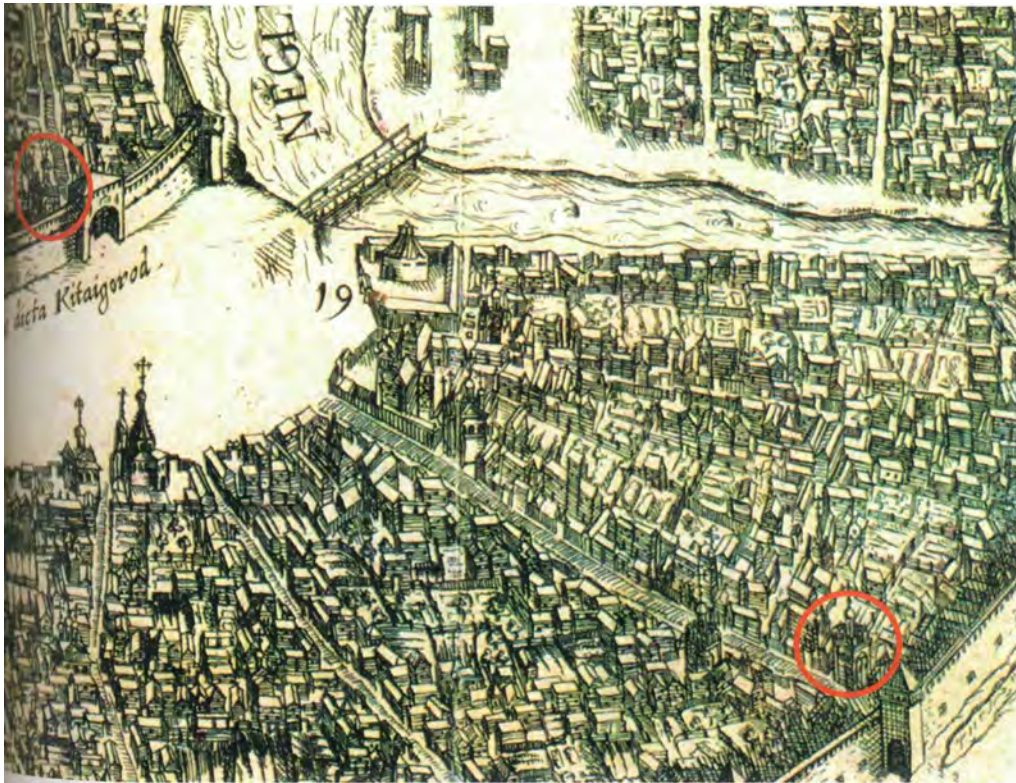
Видимо, название Сретенка/Устретенье возникло до постройки этого храма и обозначало, наряду с понятиями «Город», «Торг» и «Посад», большой городской район. Улица известна «Записи о душегубстве» (вторая пол. XV в.), где наряду с Варваркой она служит ориентиром, делящим город на 5 судебных участков, и выступает как ось густонаселенного района, протяженность которого по посаду вдоль р. Неглинной не ограничена (как и у других участков)¹⁴⁰. В 1510 г. великий князь Василий Иванович, переведя псковичей в Москву, «подавал им двory по Устретенской улице, всю улицу дал за Устретенье, а не промешал с ними ни одного

москвитина»¹⁴¹. Это важный текст, поскольку от привязки к местности дворов псковичей зависит и расположение церкви. Хорошо известно, что церковь Введения в Псковичах находилась в конце нынешней улицы Кузнецкий мост, при пересечении с Лубянкой. Видимо, здесь начиналась и тогдашняя Сретенка. Однако двory, о которых так образно рассказывает летопись, могли располагаться и ближе, и дальше от нынешнего Сретенского монастыря. Тем не менее, если понять текст буквально, то двory псковичей окажутся дальше от города, чем Сретенский монастырь, что вступит в противоречие с размещением церкви Введения.

В то же время каменная церковь Сретения как ориентир всегда оказывается на самом краю города или вне его. Описывая пожар 1493 г., летописи рубежа XV—XVI вв. чертят широкий круг, охваченный огнем: из Замоскворечья в Загоспне, через церковь Всех Святых к каменной церкви Георгия, после чего «нечисленно нача горети во мнозех местах». Из Города загорелся Торг, от него — Посад у реки до Зачатия Анны, Васильевского луга и Всех Святых на Кулишках, откуда огонь дошел «по Ивана Богослова и по старую Троицу»¹⁴². Ясно, что огонь через Торг и приречный Посад поднялся на плато и вновь вернулся к Неглинной по Загородью, видимо, уже плотно застроенному. Кажется, что район описан целиком и укладывается в пределы будущего Китай-города, но летописи продолжают: «и Устретенская улица выгоре и до всполия и церковь камня Устретенна огоре»¹⁴³. Сретенка здесь четко выделена из Посада и описана после него; возможно, это выходящая в Загоспне часть Владимирской дороги.

План местности на пересечении бывшего Белого города и улицы Сретенки (Большой Лубянки), вблизи Сретенского монастыря. 1804 г. ЦИАМ

Фрагмент Сигизмундова плана Москвы 1610 г. Участок от Никольских до Сретенских ворот. Кругами выделены Владимирская (?) церковь в Китай-городе и каменный собор Сретенского монастыря в Белом городе

План дворов по улице Сретенке (Большой Лубянке), в приходе Сретенского монастыря. 1804 г. ЦИАМ

Чуть позже, при пожаре 1508 г., вместе с улицей упомянуты Пушечный двор и Петров мост — то и другое дальше от города, чем Троицкая церковь («мая 23 загорелся на Большом посаде от Панского двора и торг выгорел до Неглимны по Пушечные избы и мало не до Устретения»)¹⁴⁴. Пушечные избы названы здесь ближе к городу, чем Сретенская церковь. Описания показывают, что даже к концу XV в. левобережье Неглимны вдоль дороги на Владимир было достаточно плотно освоено. Пожар 1495 г. достиг Трубной площади: «Августа 17 загорелся на Москве у Бобра на Большом посаде и погоре от Москвы-реки до Неглимны, и Пушечные избы, и Рождественский монастырь»¹⁴⁵. К середине же XVI в. (1547 г.) огонь доходил уже до церквей Николы в Драчах и Св. Стефана (на месте будущей Панкратьевской?), останавливаясь только на линии будущего Земляного города, хотя огонь шел привычным путем: «за городом Большой посад возле Неглиму, Пушечный двор и храм святых... Иоакима и Анны и Рождественская улица, и монастырь Рождественки, и Сергей Святый до Николы до Драчевского монастыря»¹⁴⁶, а 21 июня затронул и Сретенское направление: «а по Устретенские улице до Стефана Святаго»¹⁴⁷. В свете этих сравнительно поздних данных понятно и описание пожара 1488 г., когда «загорелся посад от Москвы-реки да погоре до Петровского мосту да малым не до Стретения каменная церковь...» (вар.: «по Устретение каменное на Кучкове поле») и сгорел весь посад, включая Пушечную избу¹⁴⁸.

Слово «посад» используется источниками XV в. и в узком смысле, для обозначения прилегающего к Кремлю с востока междуречья Неглимны и Москва-реки, для которого есть устойчивый термин Большой/Великий посад, и в широком смысле слова, как синоним пригорода. Например: «погоре весь посад около града от Черторьи до Петра Святаго» (т.е. все Занеглимень)¹⁴⁹; «а на Москве на посаде лучиться душегубство за рекою за Москвою», и т.п. На этом просторном посаде показаны такие каменные церкви, которые никак не могли входить в Большой посад: в Старых Садах, в Воронцове, за Черторьей (в Алексеевском, ныне Зачатьевском, монастыре), на Устретенской улице (уже знакомое нам Введение в Псковичах).

В 1482 г. «Сретение святой Богородицы» называют то «на посаде», то «на поле» — под Кучковым полем, видимо, по-

нимали часть широкого посада, район над р. Неглинной между церковью Троицы в Полях (ее участок — один из самых освоенных в Китай-городе, к концу XV в. от полей здесь осталось одно название) и нынешним Сретенским монастырем.

Среди доводов за перенос монастыря из района Китай-города названа и постройка в 1692 г. каменного храма Владимирской Богородицы у Никольских (Сретенских) ворот Китай-города «на часовенном месте» царицей Натальей Нарышкиной (память свв. Адриана и Натальи совпадает с днем Сретения образа Владимирской Богоматери, 26 августа)¹⁵⁰. Одним из доказательств при этом служило изображение на том же месте каменного храма в гравированном виде Москвы 1610 г. (Сигизмундов план; гравюра Килиана), но совпадение изображенных на ней церквей с реальными далеко не всегда ясно. Приведем простейшие: на плане нет церкви Сергия в Старых Серебряниках, Высоко-Петровского и Рождественского монастырей; внутри Китай-города собор Божоявления отодвинут к югу, уменьшено количество построек вдоль северной стены; вместо двух ворот у Неглинной изображены только одни — Никольские (Сретенские) и нет церкви Троицы «у старых полей» на ее обычном месте — вероятно, она просто смещена вместе с этими воротами.

Как видим, ситуация с движением Сретенского монастыря неоднозначна, по крайней мере один из переносов мы по-прежнему должны допускать, хотя бесспорных аргументов для его подтверждения пока нет.

Решить этот вопрос могут раскопки и архитектурные исследования, до сих пор слишком незначительные¹⁵¹. Из храмов, бывших или оставшихся в монастыре, ко времени не позже середины XVI в. восходят, возможно, кладки в основании церкви Марии Египетской и Никольская трапезная церковь (как известно, монастырский Владимирский собор построен вместо деревянного только в 1679 г.)¹⁵². В монастыре должны быть обнаружены остатки каменного храма 1480-х гг. (кстати, также построенного псковичами), слой и некрополь по меньшей мере XV в. В случаях, когда такие исследования проводятся, археология способна оказать существенную помощь истории сакральной топографии.

АРХЕОЛОГИЯ, ТОПОГРАФИЯ и ИСТОРИЯ

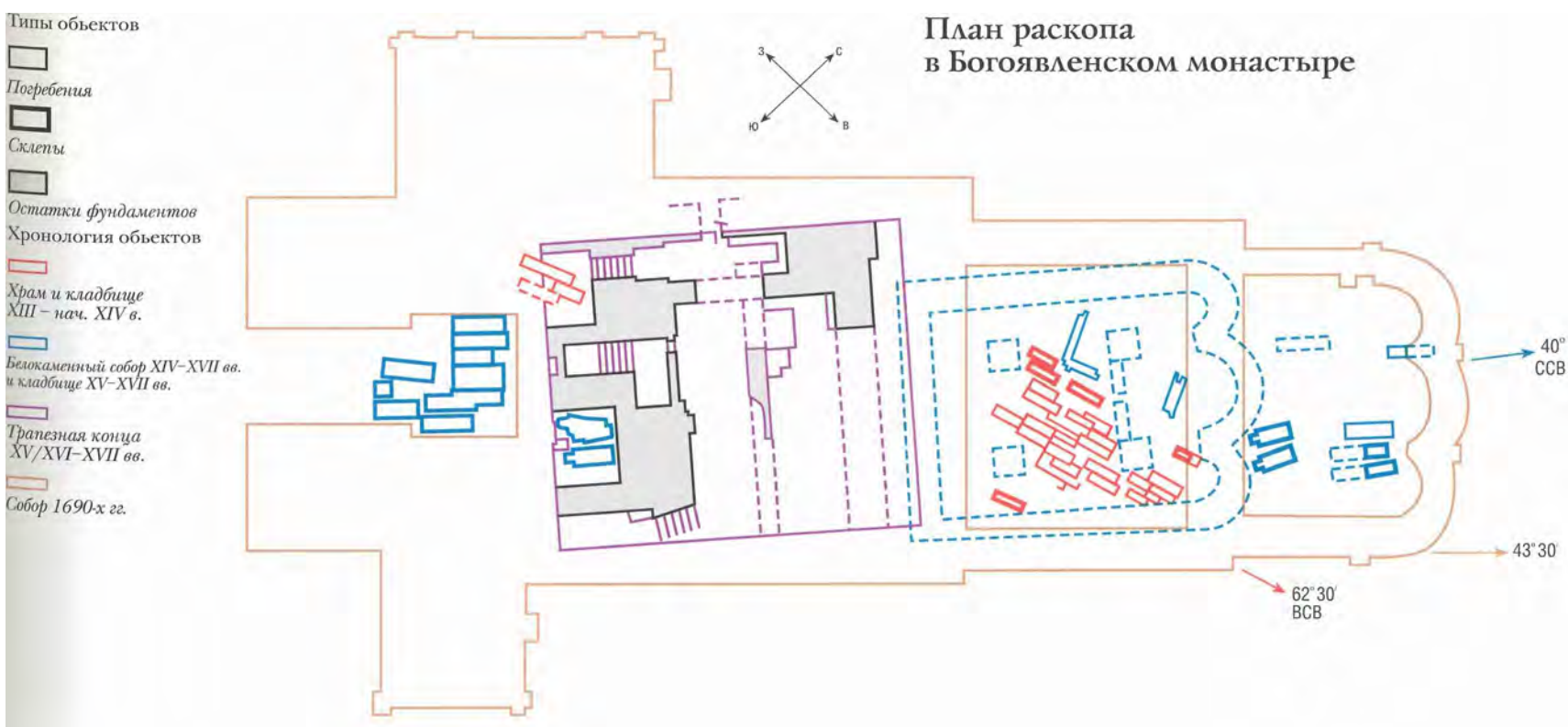
На сегодняшний день в Москве большие археологические работы проведены на участках нескольких монастырей, корни которых уходят в XIV в. Это Данилов, Богоявленский, Зачатьевский (Алексеевский в Остожье), Высоко-Петровский; в гораздо меньшей степени — Андроников, Георгиевский монастырь на Дмитровке (современная историография его возводит к XV в.), Крутицкий и Новоспаский, где подробно изучена усыпальница Романовых.

Если познакомиться с результатами, то выявится простая закономерность. В хорошо изученных и, предположительно, древних монастырях слои, некрополи и памятники сопоставимы по возрасту с ожидаемыми. В частности, Богоявленский монастырь дает сложную хронологическую колонку, уводящую в конец XII—XIII в.; следы первого христианского некрополя обнаруживаются здесь в XIII — начале XIV в. и сохраняются до начала XV в., а первый каменный храм оказывается принадлежащим концу XIV — первой трети XV в. Материалы Высоко-Петровского монастыря заставляют согласиться с тем, что его первый каменный храм построен в 1510-е гг., и что ему предшествовал некрополь не моложе XV столетия. В Андроникове случайно обнаружены остатки кладбища монахов, которое предшествовало каменному собору и может восходить ко второй половине XIV в. Таким образом, все эти монастыри не только подтвердили археологически время своего возникновения, но и получили доказательство своей «неподвижности». Они, несомненно, стоят там же, где были основаны. Впрочем, в отношении

этих обителей никогда не высказывалось особых сомнений (хотя И.Е. Забелин, например, полагал, что сведения о Богоявленском монастыре для XIV в. нужно связывать не с обителью «за Торгом», а с подворьем Сергиева Троицкого монастыря в Кремле).

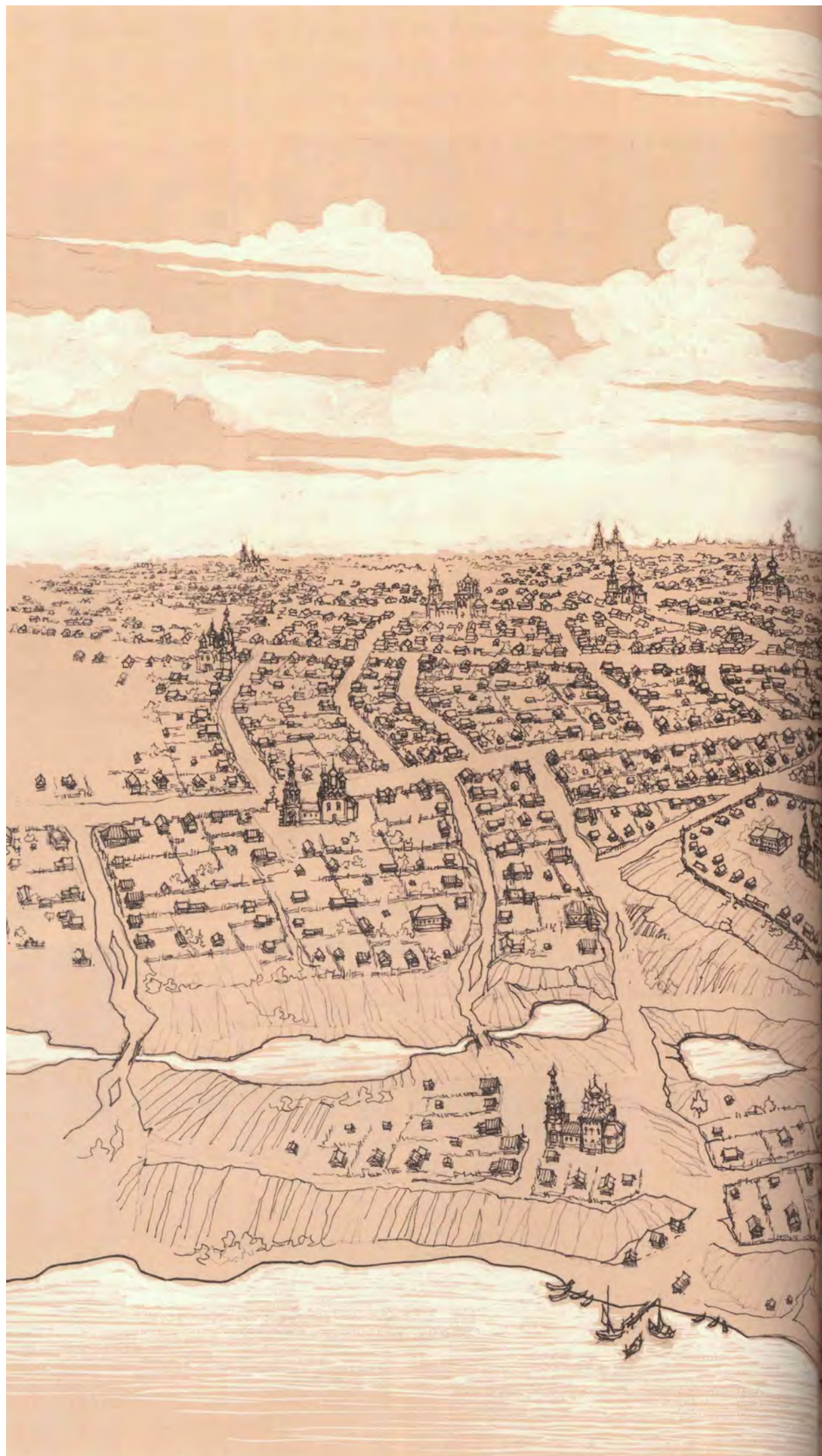
Случай Данилова монастыря сложнее. В топографическом отношении там необходимо было, во-первых, прояснить вероятность расположения первого монастыря рубежа XIII—XIV вв. вдали от города, на расстоянии в 5 верст ниже по реке; во-вторых, установить этапы его развития на основе материалов, независимых от церковной и летописной традиции; в-третьих, уточнить «малую топографию» Даниловской местности (возможность переноса монастыря на другой берег ручья в момент его возобновления в середине XVI в.). На все эти вопросы исследования дали ответы — если не исчерпывающие, то позволившие заново пересмотреть старые источники и убедиться в том, что монастырь, скорее всего, существовал в XIII—XIV вв.; что возникшее при нем кладбище до XVI в. сохраняло изначальную точку возникновения; что в 1550-х гг. монастырь возобновили на древнем месте.

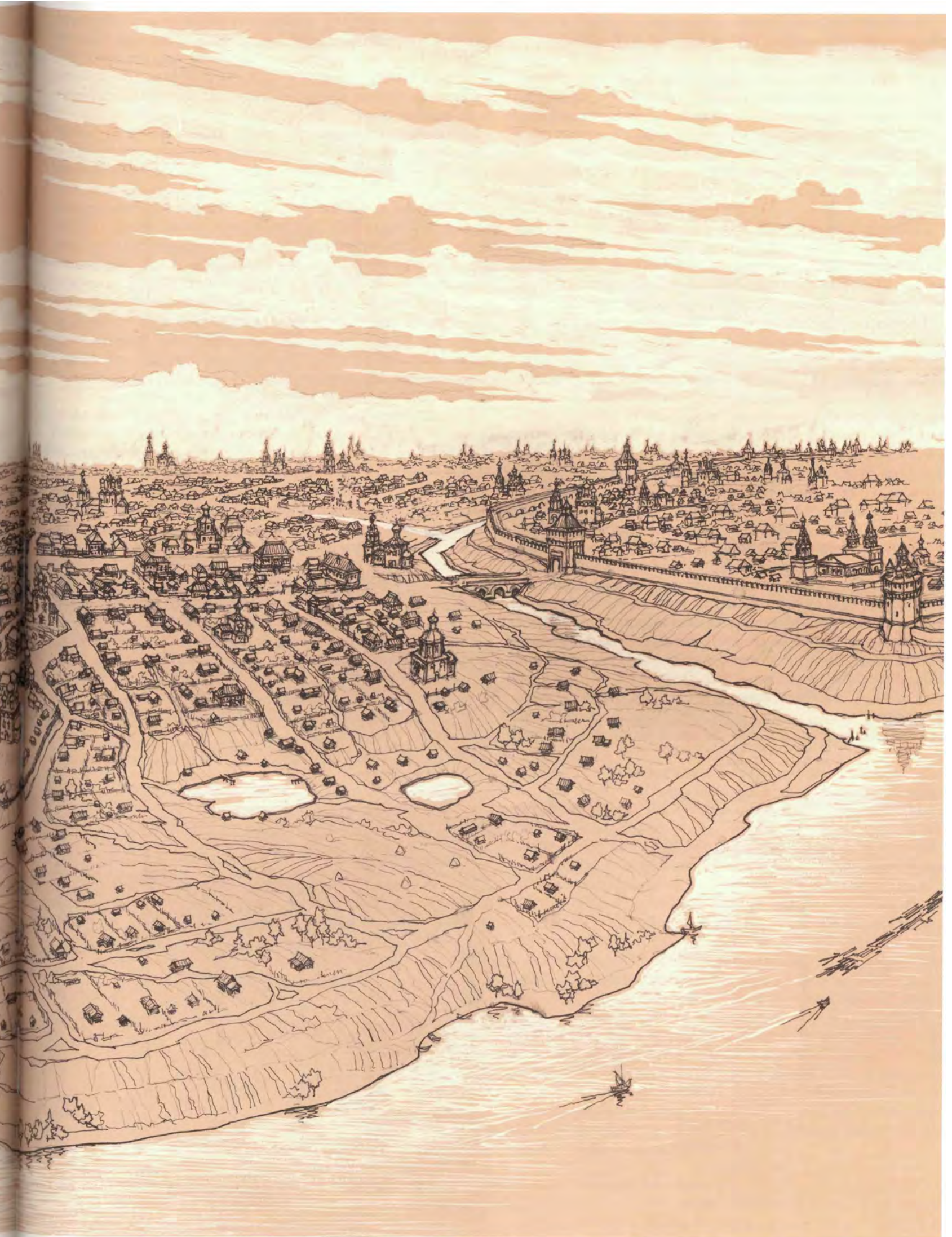
В других случаях, когда натуральных материалов мало, они не в состоянии решить поставленные задачи и восстановить историческую топографию. В ряде монастырей XIV(?)—XVI вв. (Сретенский, Рождественский, Новодевичий), где работы были эпизодическими, получен материал для суждения об их некрополях XVI—XVII вв., но вопрос о развитии тех же участков в более раннее время не проясней.¹⁵³

Часть Земляного города в районе
улицы Остоженки и Зачатьевского
монастыря. Рубеж XVII – XVIII вв.
Вид с птичьего полета.
Худ. В.А. Рябов

На бровке холма в центре
композиции – Зачатьевский
монастырь с пятиглавым собором
и надвратной церковью Спаса
Нерукотворного образа. На подоле
у реки – церковь Николая в Киевце
в окружении деревянной застройки
и заливных лугов. Трассу
Остоженки фиксируют храмы
Успения на Остоженке (слева),
Воскресения Христова Новое
(у Зачатьевского монастыря),
Воскресения Старое (правее,
в переулке). Вдоль стены Велого
города по лощине между
Обыденской горкой с храмом Ильи
Пророка и валом стекает ручей
Черторый

Наконец, в случае с Георгиевским монастырем на Дмитровке отсутствие всяких следов периода XIV—XV вв. на достаточно обширном раскопе А.Г. Векслера в 1990-х гг. и отсутствие в коллекции плит, собранной Гиршбергом в 1950-х гг., надгробий ранее середины XVI в. заставляют нас серьезно сомневаться в точности гипотетической локализации этого монастыря в раннемосковское время.

Наибольший интерес в локализации с помощью археологии «движения» монастырей внутри города представляет участок Алексеевского/Зачатьевского монастыря на Остоженке.

Посвящение главного престола монастыря на Остоженке (называвшегося в конце XVI—XVII вв. также «что за Чертольскими воротами», «за Земляным городом», «в Конюшенной слободе») празднику Зачатия св. Анны не особенно древнее. Источникам оно известно только с 1580-х гг. Тем не менее, до сего дня дошло предание о том, что Зачатьевский монастырь — первый женский в Москве. Уже историография второй половины XIX в. (И.Е. Забелин, Л.П. Смирнов, И.Ф. Токмаков, Е.В. Ушакова и др.) смогла показать, что ранняя история монастыря на Остоженке неразрывна с другим девичьим монастырем — Алексеевским. В известных справочниках (А.В. Ратшина, В.В. Зверинского и др.) его прямо называют Алексеевским Зачатьевским (или Зачатьевским Алексеевским). Исследователи смогли установить генетическую связь двух обителей после публикации жалованной грамоты 1623 г. Зачатьевскому монастырю от царя Михаила Феодоровича, хранившейся в монастырском архиве. Но сам монастырь гораздо раньше (по крайней мере с конца XVI в.) хранил память о погребении здесь первых монахинь, свв. Иулиании и Евпраксии, сестер основанного Алексеевский монастыря св. митрополита Алексия.

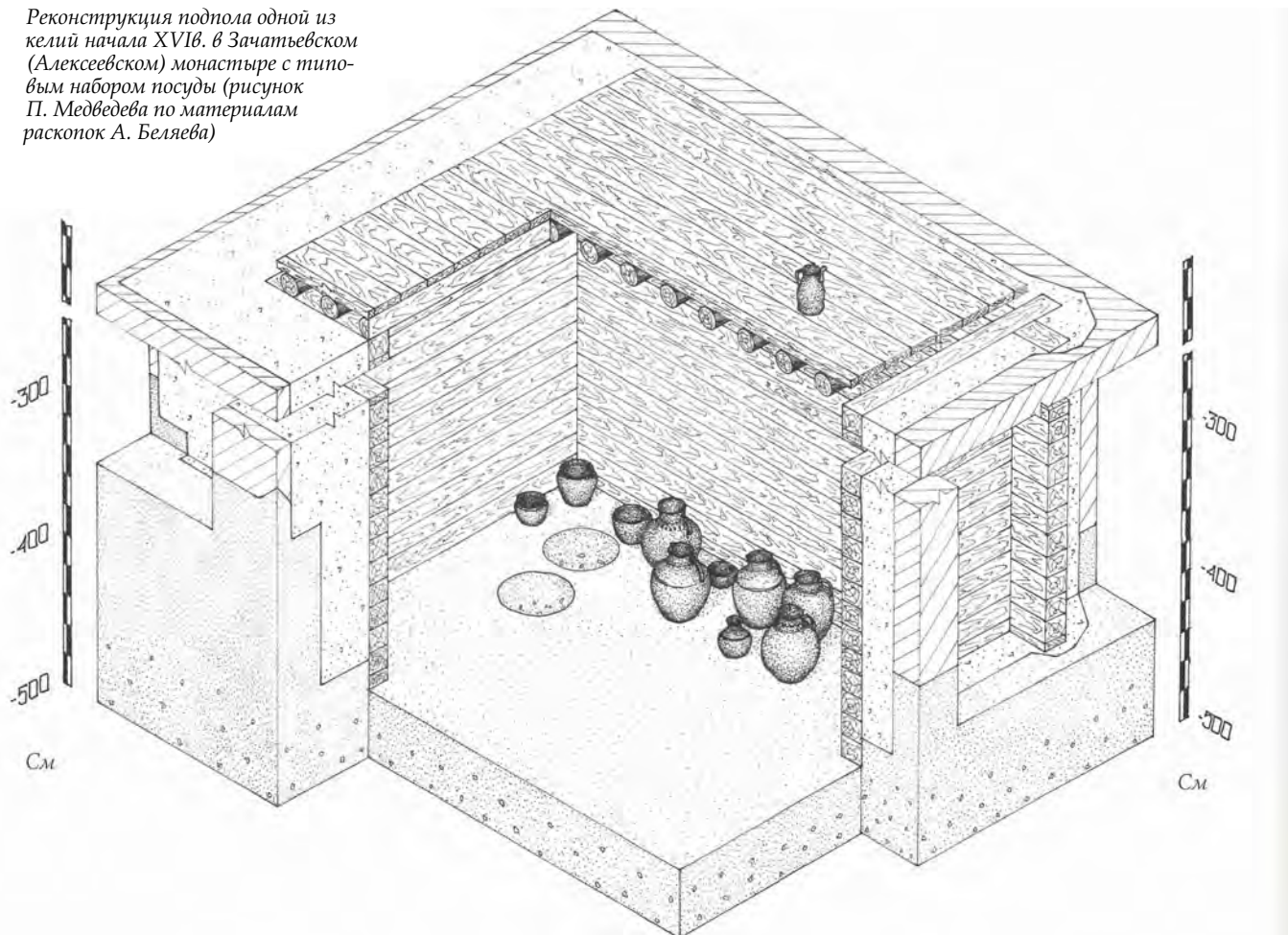
Археологические раскопки¹⁵⁴ показали непрерывность развития на месте нынешнего Зачатьевского монастыря со

второй половины XIV в. девичьей монашеской общины, которая в первой половине XVI в. еще носила имя Алексеевской. О том, как это удалось доказать, следует говорить в специальной работе¹⁵⁵, здесь же остановимся только на следствиях такого доказательства для топографии городских монастырей.

Зачатьевский монастырь стоит юго-западнее и выше Кремля по течению Москвы-реки в местности, которая в раннемосковскую эпоху была ближней частью сельской округи города (Остожье — подмости для хранения стогов сена и кладей хлеба; изгородь в виде частокола, а также огороженный участок). В природном отношении Остожье — участок приречной террасы. От города его отделяли две поперечные протоки: устье болотистой р. Неглинки и текший по глубокому оврагу ручей Черторый. Топонимика района, в котором известны Обыденское городище при Черторые и «могильцы» на Остожье) говорит, что вблизи имелось укрепленное поселение (раннего железного века?) и курганный могильник (древнерусского периода?), но археологически они не изучались. В XIX в. на устье Черторыя найден клад дирхемов VIII—IX вв. Появление первых дворов между Неглинной и Черторыей относят к домонгольскому периоду; участки дальше от города были заселены к XIII—XV вв. В летописях и актах (в т.ч. в завещании князя Ивана Калиты, 1328 г.) в районе Остоженки названы урочища XIV—XV вв.: выше по реке село Семьчинское — одно из больших сел, стоявших кольцом вокруг Москвы и замыкавших в XV в. территорию, подведомственную городскому суду; у Семьчинского имелась переправа через Москву-реку (Крымский брод); вдоль реки шла большая дорога (отрезок древнего пути из Владимира в Смоленск и дальше на Киев). Напомним, что многие ранние монастыри основаны вблизи больших сел, у дорог и переправ через реки.

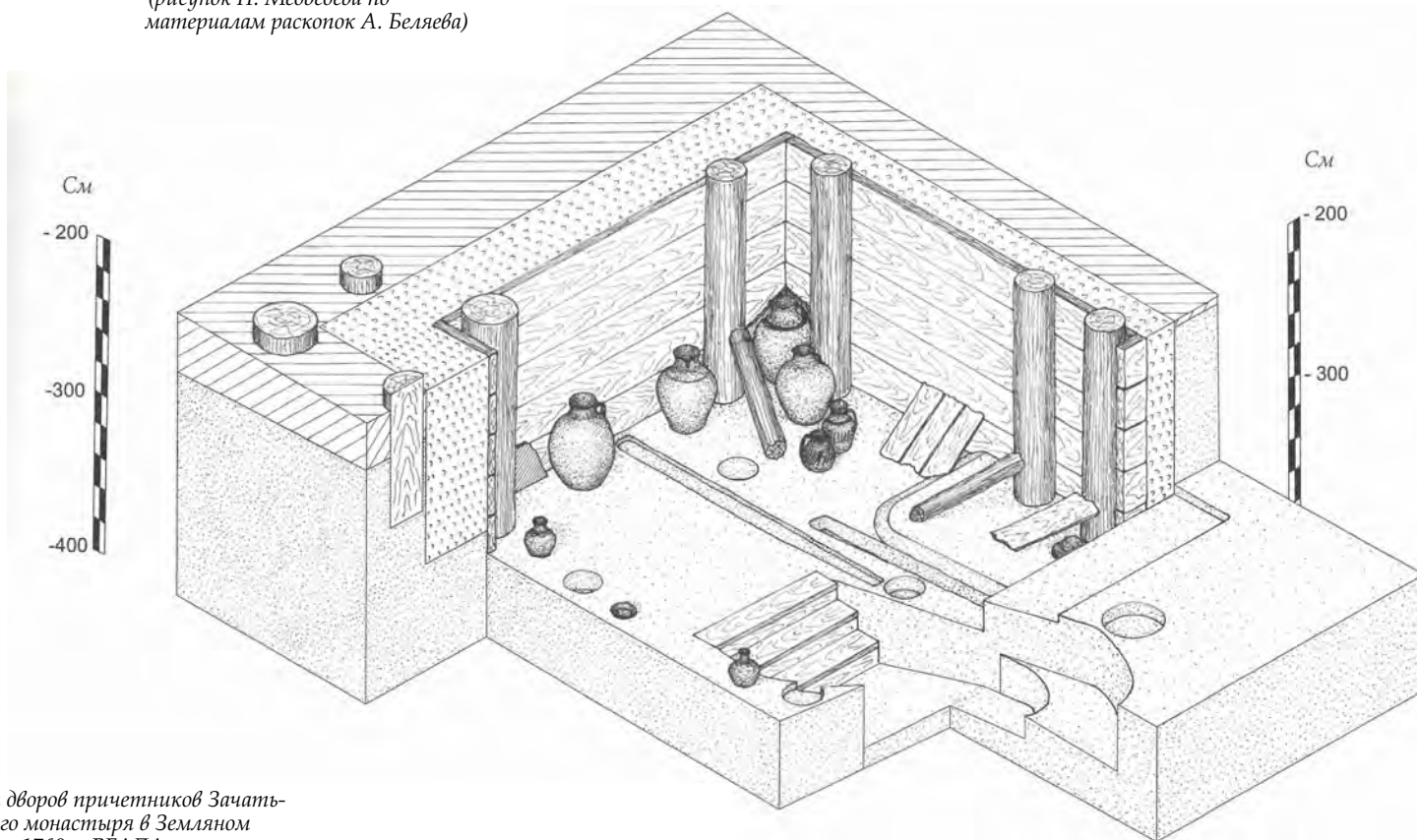
Примерно на 30 лет раньше, чем Зачатьевский, начиная с 1550-х гг., в том же районе, но ближе к городу, на левом бе-

Реконструкция подпола одной из келий начала XVI в. в Зачатьевском (Алексеевском) монастыре с типовым набором посуды (рисунок П. Медведева по материалам раскопок А. Беляева)

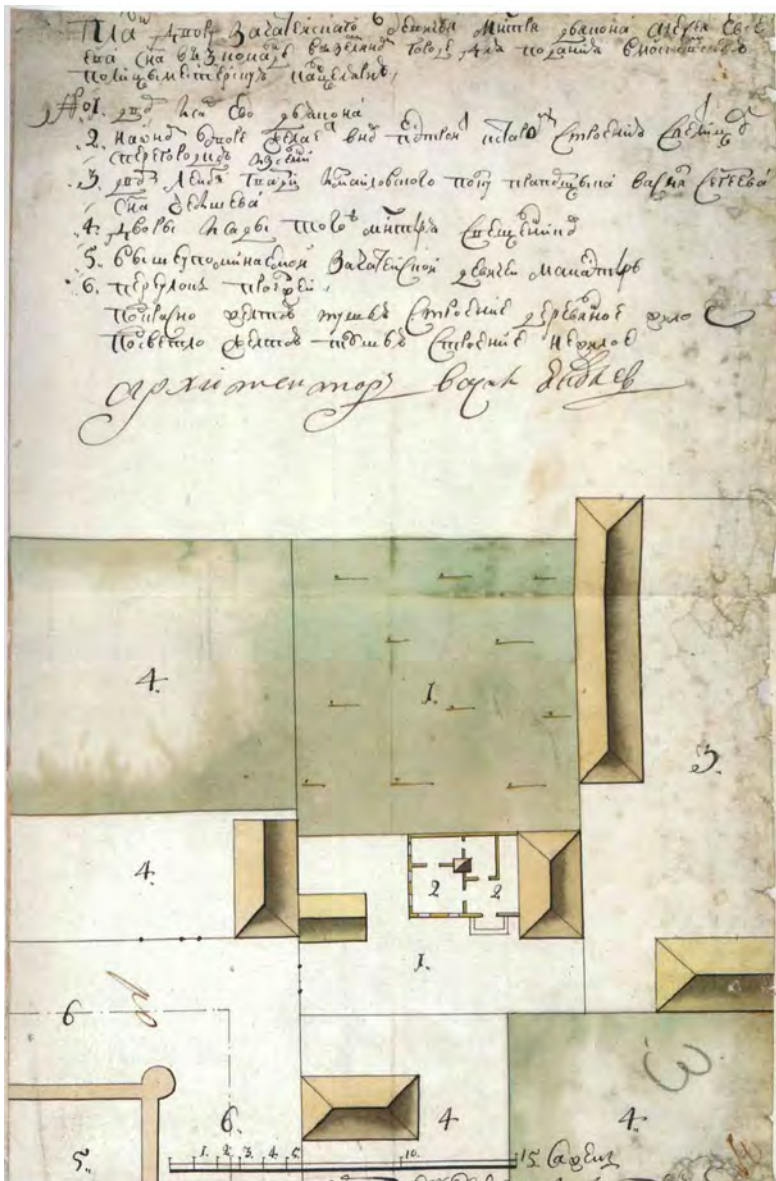

Реконструкция подпола одной из келий начала XVI в. в Зачатьевском (Алексеевском) монастыре с типовым набором посуды (рисунок П. Медведева по материалам раскопок А. Беляева)

План дворов причетников Зачатьевского монастыря в Земляном городе. 1760 г. РГАДА

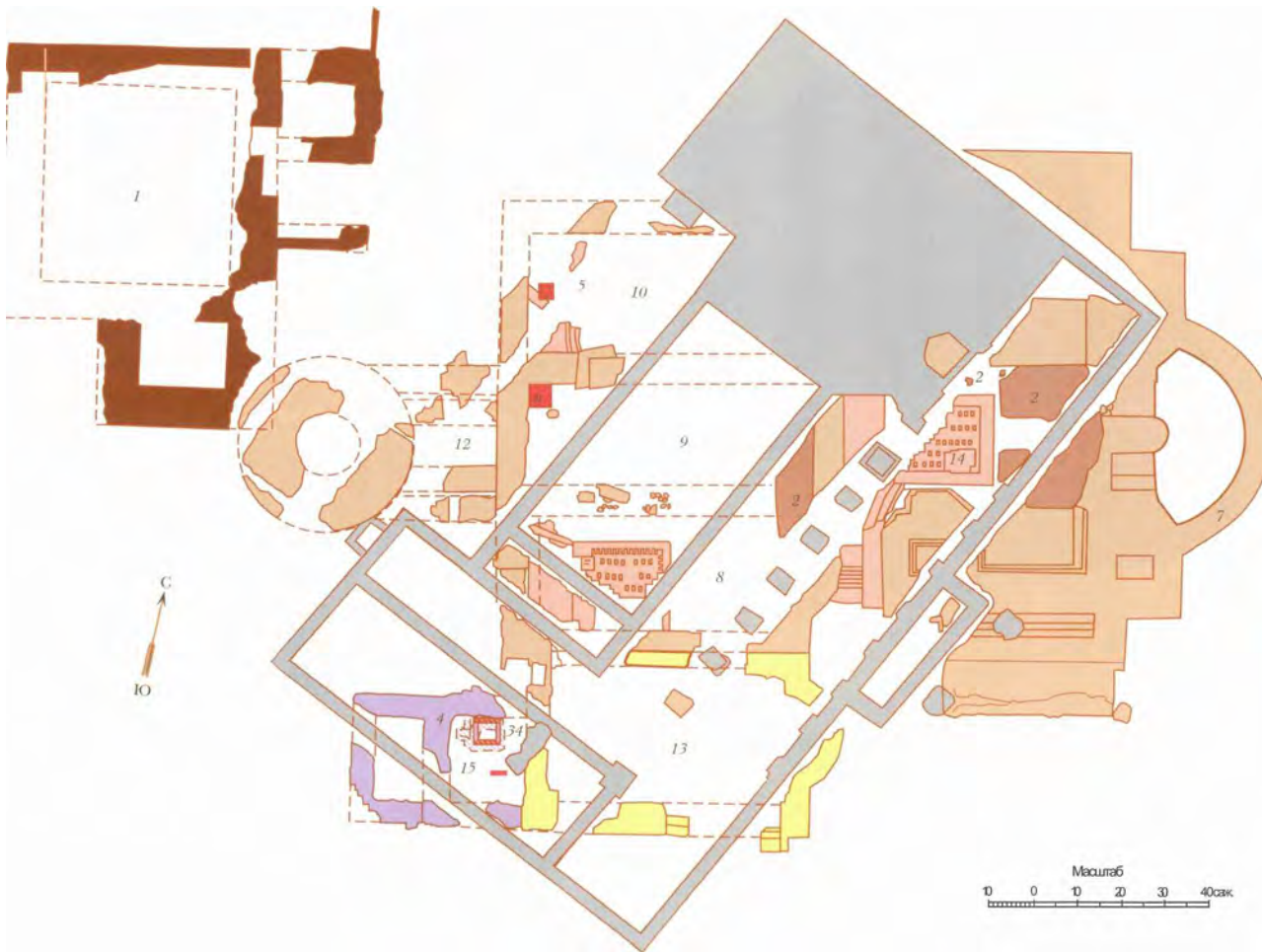
регу Чертория, источники указывают Алексеевский монастырь (впервые в списке поповских старост Москвы 1551 г.): «Из Чертория из Олексева монастыря из Девичья из придела от Преображения... поп Дмитрий»¹⁵⁶. Однако еще раньше (1514) в списке церквей, построенных Алевизом Новым, упомянута «Церковь Алексея святой Человек Божей в девичи монастыре за Черторыею»¹⁵⁷, т.е. — на правом берегу оврага. Возникает противоречие, но оно кажущееся: текст жалованной грамоты 1623 г. удовлетворительно его разъясняет.

В ней царь Михаил Феодорович признает, что «при деде нашем Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче всея Руси на том Зачатейском месте был монастырь Олексея человека Божия и к тому де монастырю дана была вотчина и на ту вотчину была у них жалованная грамота и после де Московсково пожару тот Олексеевской монастырь переведен в каменной город в Чертолье»¹⁵⁸. Из этого делали вывод, что речь идет о царствовании Василия III или Иоанна IV. Перенос обители сопоставляли с пожаром 1508 г. (а возобновление — с постройкой церкви в 1514 г.). Или с огромным пожаром 1547 г., в описании которого упомянуты Чертолье и Семчинское: «И бысть буря велика, и потече огонь, яко же молния и пожар силен, и промче во един час за Неглинною огонь и до Всполья за Неглинною и Чертория погоре до Семчинского сельца, возле Москву реку...»¹⁵⁹. Или с набегом Девлет-Гирея в 1571 г.¹⁶⁰ Последнее и нам кажется наиболее вероятным, так как хорошо сочетается с данными некрополя Зачатьевского монастыря, где обозначена лакуна 1570-х — начала 1580-х гг., а в 1550-х — 1560-х гг. и ранее, напротив, наблюдается большая активность.

Говоря о переносе обители в Чертолье «в каменный город», грамота явно отражает ситуацию конца, а не начала и середины XVI в., т.к. Белый город строился в 1585–1591 гг.

План размещения каменных зданий XVI–XX вв. в центральной части Зачатьевского (Алексеевского) монастыря

Раскопки 2003–2009 гг., Л. Беляев, Н. Кренке

Постройки XVI в.

Храм I

1. Собор первой половины XVI в. (?)

Храм II

2. Собор конца XVI в.

3. «Каменная палатка». Конец XVI в.

Постройки XVIII в.

4. Часовня Неопалимая Купина (1766 г.)

5. Сухой колодезь

6. Кирпично-каменная конструкция (основание печи?)

Постройки XIX в.

Храм III

7. Рождественско-Зачатьевский собор

8. Придел Федора Стратила

9. Трапезная

10. Придел Алексия

11. Колокольня

12. Переход на колокольню (конец XIX)

13. Казанский придел (конец XIX в.)

14. Отопительная система (конец XIX в.)

15. Фундамент под раку

Постройки XX в.

Школа (1937 г.)

Развитие некрополя в центральной части Зачатьевского (Алексеевского) монастыря с конца XIV до начала XVIII вв.

Раскопки 2003–2009 гг., Л. Беляев, Н. Кренке

храмы XVI в.

соборный комплекс XVIII–XIX вв.

строительство советского периода

материк

нарушенный культурный слой в период строительства в 2005–2006 гг.

погребения XIV–XVIII вв.

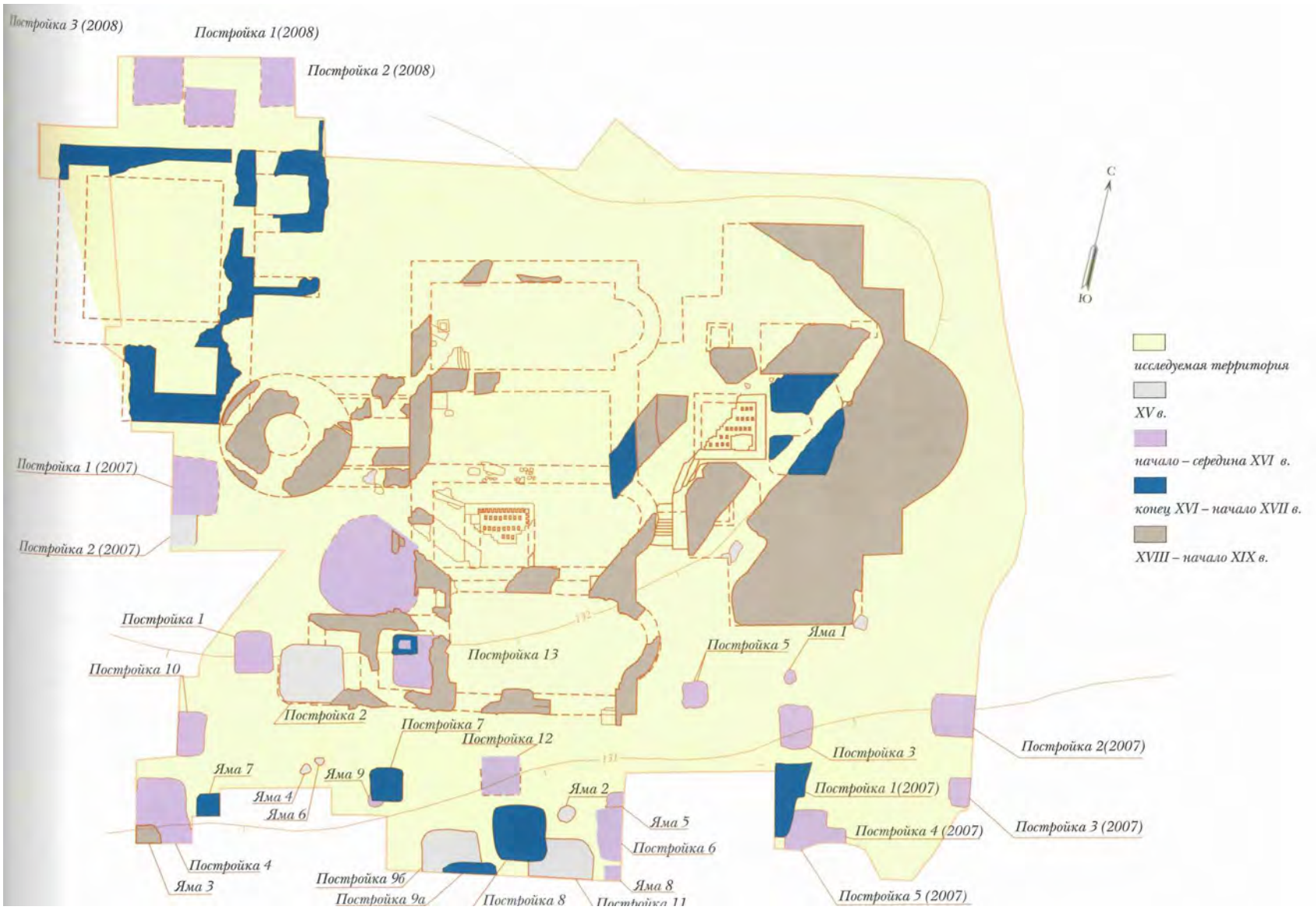
склепы XVIII в.

яма с перезахоронением

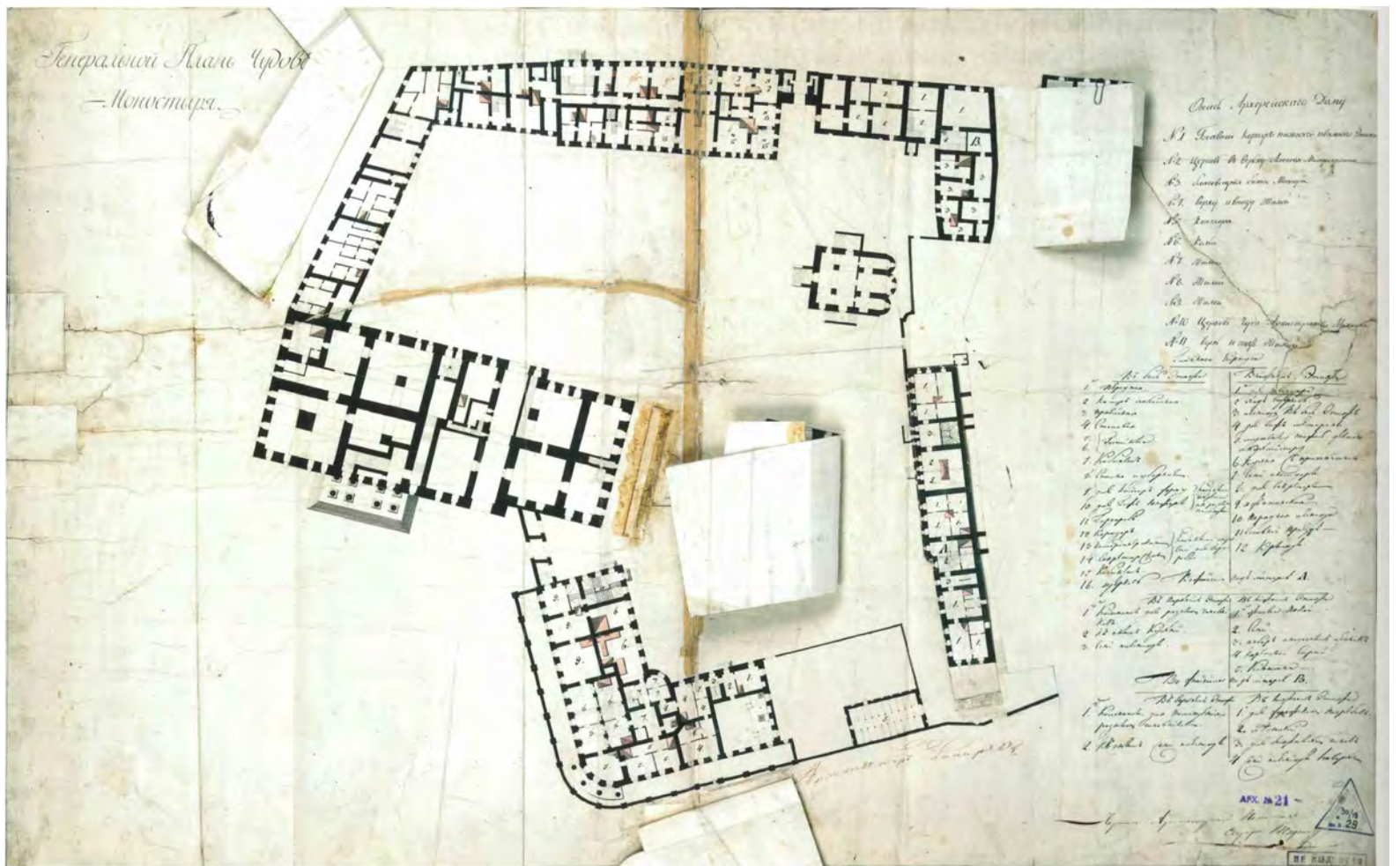
Застройка центральной части Зачатьевского (Алексеевского) монастыря с XV по середину XIX вв.

Раскопки 2003-2009 гг., Л. Беляев, Н. Кренке

Зачатьевский (Алексеевский) монастырь. Фундамент палатки, которая с конца XVI в. почиталась как место погребения основательниц обители, Иулиании и Бвпраксии. Раскопки 2003 г., А. Беляев, Н. Кренке

Тенплан Чудова монастыря и Архрейского дома с планом 1 этажа всех строений. Архит. А.Н. Бакарев. Первая четверть XIX в. ГИКМЗ «Московский Кремль»

Создание обители на том месте, где были погребены сестры святителя Алексея, устройство престолов во имя небесных ангелов царя и царицы и святителя Алексея, по молитвам которого царственная чета ожидала наследника, могут рассматриваться как часть общей моленной программы царя Феодора Иоанновича¹⁶².

(ранняя дата окончания — 1589 г.). Далее Жалованная грамота рассказывает об устройстве Зачатьевского монастыря на Остоженке: «И после де того... блаженные памяти государь царь и великий князь Федор Иванович... и царица... Ирина Федоровна на том месте за Чертольскими вороты велели устроить монастырь и в нем храм зачатие Пречистыя Богородицы да в пределех свои ангелы святого великомученика Федора Стратилата и святых мученицы Ирины, да другой храм рожества Пречистыя Богородицы да в пределе святого великого чудотворца Олексея Митрополита»¹⁶¹.

Царский титул Феодора Иоанновича (вступил на престол 31.05.1584) по смерти отца (18.04.1584) не может служить хронологическим указанием в грамоте XVII в., но первое упоминание монастыря под новым именем связано с 1585 г.: 27.06. 7093/1585 г. был выдан ладан «на освеще-

Зачатьевский (Алексеевский) монастырь. Фрагмент профиля Москвы Ф.К. Соколова. 1806–1808 гг. РГВИА

Вид с Остоженки на Зачатьевский (Алексеевский) монастырь в XIX в. На переднем плане – церковь Воскресения Христова на Остоженке (Воскресение Новое). Худ. В.А. Рябов

ня церкви Рождества Святыя Богородицы в девичь что за Земленным городом», а при выдаче через месяц (27.07.) монастырь назван «новым девичьим» («в Зачатейской в новой девич монастырь...»¹⁶³). Чуть позже (с 1590-х гг.) источники фиксируют оформление здесь местного почитания его святых основательниц.

Вернемся теперь к раннему периоду истории Алексеевского монастыря, до конца XVI в. Дату основания монастыря рассчитывают на основе двух летописных текстов. Один, под 1393 г., известен только в выписке Н.М. Карамзина и рассказывает о смерти игуменьи Алексеевского монастыря Ульяны, которая «чернечествовавши лет более 30»¹⁶⁴. Второй текст из Львовской летописи (составлена после 1560-х гг.) сообщает, что монастырь устроил митрополит Алексей как дочерний по отношению к собственному, кремлевскому Чудову монастырю¹⁶⁵: «В лета 6886 (1377 г. по сентябрьскому стилю или 1378 г. по мартовскому; митропо-

лит Алексей умер весной 1378 г.)... Месяца ноеврия 28, церковь святого Алексея Человека Божия вверх по реце по Москве святой святитель Алексей постави на березе, во имя аныла своего, и в нем женский монастырь устрои и общее житие, и придаде его к Михайлову Чюду к монастырю во область, его же есть и доньне благодатию Христовою»¹⁶⁶.

После основания монастырь пропадает из летописи почти на 80 лет. В XV в. игуменья монастыря названа в связи с открытием в 1472 г. в кремлевском Спасском на Бору монастыре нетленных останков монахини Фетиньи (в миру княгини Марии, супруги великого князя Симеона Ивановича Гордого)¹⁶⁷. Во второй половине XV — начале XVI в. монастырь оставался одним из уважаемых в Москве и дважды упомянут в духовных грамотах князей, в 1486 г. и 1503 гг.¹⁶⁸ Его местоположение, как и других монастырей, определяется в связи с пожарами. В 1508 (7016) г., 22 мая, «Алексей Святой» и его окрестности (Чертолье, церковь Благовещения «на Козье бороде», «Семчинское до всполия») выгорели при общегородском пожаре (интересно, что и здесь монастырь назван в ряду локусов за городом, снаружи от Черторыи)¹⁶⁹.

Трудно восстановить при имеющихся материалах все обстоятельства взаимоотношений двух монастырских локусов на протяжении второй половины XVI в. — возмож-

Местность между храмом Воскресения Христова на Остоженке и Зачатьевским монастырем на рубеже XVII – XVIII вв. В центре – палаты Римских-Корсаковых. Худ. В.А. Рябов

Надвратная церковь Зачатьевского (Алексеевского) монастыря. Фото нач. XX в.

но, в середине столетия или в его первой половине Алексеевский монастырь уже имел какое-то владение внутри Чертолья, ближе к городу, и после очередного разорения старого участка на Остоженке (вероятно, в 1571 г., см. выше), а также с учетом строительства каменной Белгородской стены именно это владение стало главным. Старый участок с кладбищем был использован вскоре для создания нового девичьего монастыря, Зачатьевского¹⁷⁰. Несомненным является существование, хотя бы между 1551 и 1571 годами, двух монастырских организмов с одним названием: на Остоженке и внутри Чертолья. Неважно, к какому типу монастырей их относить — к подвижным или, наоборот, неподвижным. Но очевидно, что эти социальные организмы ведут полнокровную жизнь, тесно связанную с событиями церковной, городской и государственной истории и зависящую от нее. Похожим образом был переведен на новое место древнейший кремлевский монастырь Спаса на Бору. Разница в том, что это место было загородным, а сведения о переводе оказались внесенными в летописи.

СПАССКИЙ НА БОРУ и НОВОСПАССКИЙ МОНАСТЫРИ: СЛУЧАЙ НАМЕРЕННОГО ПЕРЕНОСА

Для средневековой Москвы единственный документально зафиксированный акт перевода монастыря из одной части города в другую связан с историей Спасского «на Бору» монастыря в Кремле, поскольку об упразднении его на одном месте и возобновлении на другом существуют практически современные событию сообщения летописи.

Кремлевский монастырь Спаса на Бору находился в XIV в. рядом с двором великого князя. Летописи, сообщающие о строительстве каменного храма в 1330 г., указывают, что великий князь «созда» церковь «на Москве... близ сущоу своего двора»¹⁷¹, «заложил церковь камени на Москве близ своего двора»¹⁷². О постройках монастыря, в том числе и сложившейся в ходе его многовековой истории системе посвящений его престолов практически ничего не известно. Летописи представляют лишь отрывочные данные о монастырском соборе, о времени его строительства, росписи и о некоторых пристройках. Так, через двадцать лет после сооружения соборной церкви, в 1350 г., к ней был пристроен каменный придел. Летописное известие не говорит о его посвящении: «Того же лета кончай бысть притвор, придел камен у церкви святого Спаса на Москве»¹⁷³. В этом приделе в 1364 г. была погребена вдова великого князя Ивана Ивановича, великая княгиня Александра. О том, что речь идет об этом притворе-приделе, можно судить по захоронению рядом с ней в 1393 г. ее внука князя Ивана Дмитриевича (в иноках Иоасафа). В известии 1364 г. указано: «преставися княгини великаа Александра Ивана Ивановича, в черницах и в скиме... положена бысть в монастыри оу святого Спаса на Москве в притворе

в приделе»¹⁷⁴, в статье 1393 г. этот же придел назван притвором: «преставися князь Иасаф; положен же бысть у Спаса в притворе, близ гроба бабы своеа, княгини Александры Ивановы»¹⁷⁵. Поэтому речь может идти о пристроенном в 1350 г. приделе.

Придел *монастырского* собора упоминается в сообщении летописи о захоронении в 1396 г. преподобного Стефана Пермского: «Тое же весны, Апреля 26, преставися епископ Пермский Стефан и положен бысть на Москве в монастыре у святого Спаса, в застенке, в Спасе Милостивом»¹⁷⁶. Известно, что выражение «застенок» употребляется в летописи по отношению к приделам, в том числе и пристроенным извне к стенам главного храма. Так, при описании пожара 1475 г. летопись сообщает о деревянных приделах святого Акилы и Воскресения Словущаго, пристроенных к стенам Архангельского собора: «да два застенка Архангельских деревянных разметаше»¹⁷⁷. Тот же ли это придел, в котором были положены мощи великой княгини Александры и ее внука инока Иоасафа, утверждать трудно. Однако ценность этого известия в том, что оно содержит указание на посвящение одного из приделов монастырского собора. Выражение «у святого Спаса, в застенке, в Спасе Милостивом», на наш взгляд, означает, что застенок, т.е. придел, имел посвящение Всемилоствому Спасу, т.е. празднику Происхождения честных древ Креста Господня и всемилоствого Спаса.

Точное время переноса монастыря за пределы Кремля нам не известно. Летопись сообщает лишь о том, что весной 1491 г. архимандрит Спасского монастыря Афанасий ТТТедрый по повелению великого князя «заложил церковь камени на Новом Преображение Господа нашего Иисус Христа»¹⁷⁸. Существует общепринятое суждение о причинах устройства монастыря на Новом — строительство комплекса каменного великокняжеского дворца. Регулирование территории великокняжеского двора вызвало необходимость его освобождения от монастырских построек: келий (может быть, деревянных храмов). Можно назвать и дополнительную причину — монастырь полностью выгорел во время зимнего пожара 6996 (1487/88) г.: «...да Спаськы монастырь згорел, от тех мест и разорен оттуду»¹⁷⁹. Восстанавливать монастырь на старом месте не стали из-за готовившегося строительства дворца. Действительно, если известие о начале строительства монастыря на Новом относится к 1491 г., то известие о разборке деревянного дворца и начале строительства каменного датируется 1492 г.: «Тоя же весны, Апреля в 5, в четверток, вышел князь великий из своего двора из стараго в княже Иванов двор Юрьевича в новой, и с великою княгинею Софиєю, и з детми, и со снохою с великою княгинею Еленою, и со князем Дмитрием со внуком; а старой свой двор древяной велел разобрати и нача ставити каменной двор»¹⁸⁰. В том же году был поставлен для великого князя новый двор за Архангельским собором, т.е. за его апсидами на бровке холма¹⁸¹. Летописные извест-

Новоспасский монастырь с подмонастырской слободой и Крутицкое подворье на плане Москвы 1768 г.

Новоспасский монастырь и Крутицкое подворье на плане Москвы 1838 г.

тия показывают, что выход великого князя в новый двор и устройство места для Спасского монастыря на Новом синхронны.

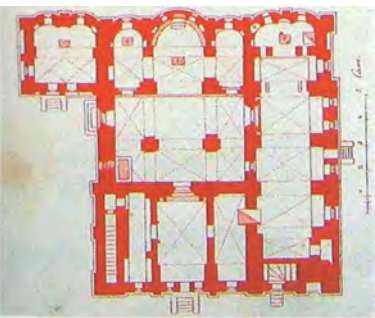
Каменный храм Спасского монастыря на Новом был освящен лишь в 1496 г. митрополитом Симоном¹⁸². В Кремле же каменный собор 1330 г. просуществовал до 1527 г., когда, как сообщает летопись, «поставил князь велики церковь камену с приделы на своем дворе во имя Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисус Христа»¹⁸³. Здесь следует обратить внимание и на изменение в определении места храма по отношению к двору великого князя. Если, описывая строительство храма в 1330 г., летописец говорил о нем как о стоящем около двора великого князя, то в 1527 г. он находится уже на его дворе. И действительно, древний храм монастыря и сменивший его собор 1527 г. оказались в центре двора, образованного корпусами великокняжеского дворца 1499—1508 г.

Следует обратить внимание и на новую для истории московского храмостроительства формулировку «с приделы». Подобное определение хорошо известно по сообщениям летописи о более поздних постройках, созданных уже в эпоху Грозного. Такое определение летописец использует, например, при описании закладки многопридельного

Особенности пространственной структуры церкви Спаса на Бору находят объяснение в сведениях Ладанных книг и других источников о значительном числе приделов, превышающем имевшиеся в Архангельском и Благовещенском соборах и сопоставимом лишь с числом приделов собора Покрова на Рву. Наиболее ранние из них датируются 7093 г. Это приделы Собора Архангела Гавриила, Мины Великого, Симеона Богоприимца, Спиридония Великого, Павла Фивейского и Ивана Кущника, Трех Святителей¹⁸⁴. В начале XVII в. упоминаются приделы Собора Михаила Архангела, Происхождения древ Честнаго Креста Господня и Трех исповедников — Гурия Самона и Авила¹⁸⁵. Одно из объяснений появления в 1527 г. многопридельного храма может состоять в том, что кроме приделов, связанных благочестием донатора, т.е. великого князя Василия Ивановича, часть приделов может быть унаследована от старой церкви, как это было при строительстве Архангельского собора. Так, например, посвящение Собору Архангела Гавриила может быть связано с почитанием архангела в семье великого князя, родившегося в день Благовещения Пресвятой Богородицы и строившего обетные храмы во имя архангела Гавриила. Другие же престолы могли находиться в приделах старого монастырского хра-

Собор Спаса на Бору в Московском Кремле. План. Литография сер. XIX в.

У Ж ЖОШМЮЮ 1ИЙ

Собор Спаса на Бору во внутреннем дворе Кремлевского дворца. Бравюра М.Ф. Дамам-Демартре. 1790-е гг.

собора Покрова на Рву. Уже первые обмеры храма, выполненные Ф.Ф. Рихтером перед реставрацией собора в середине XIX в., показывают, что, как и более поздний обетный храм Ивана Грозного, собор Спаса на Бору обладал композиционной структурой, позволяющей расположить значительное, необычное для храмов того времени, число приделов. К апсидам четырехстопного храма с юга и севера примыкают два одноглавых придела. С западной и южной стороны к четверику пристроена паперть. На сводах западной паперти над ее северо-западным и юго-западным углами поставлены другие приделы. Особенность приделов в том, что их апсиды внутри, а у нижних приделов и снаружи, разделены на две части. Подобный прием заставляет вспомнить апсиды Успенского и Архангельского соборов, а также устройство приделов на хорах Архангельского собора. Устройство симметричных алтарных ниш могло быть связано с размещением в них престолов приделов.

ма или в других, но уже деревянных, церквях, стоявших на территории монастыря до 1492 г.

Рассматривая посвящения этих престолов, нельзя не обратить внимания на то, что придел Всемилового Спаса, в котором в XIV в. были положены мощи преподобного Стефана Пермского, и придел Происхождения древ могут быть идентичны по посвящению. Что же касается Новоспасского монастыря, т.е. Спасского монастыря на Новом, то среди посвящений его престолов, кроме соборного, мы не находим повторяющих придельные престолы кремлевского собора (придел Всемилового Спаса появится, но в позднее время, в середине XIX в.). Таким образом, мы видим, что при переносе монастыря на новое место его сакральная топография не повторяется. Его престолы переносятся в новую церковь «на старом месте», приобретшую статус дворцового храма, но сохранявшую посвящения приделов упраздненного монастыря.

ПРОБУЕМ ДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ

Итак, среди московских монастырей есть долгожители, стоящие на своем месте с момента возникновения (XIV — первая половина XV вв. или позднее) до Нового времени, причем как в гуще городской жизни (яркий пример — Богоявленский монастырь за Торгом), так и на Далеких окраинах.

Есть и обители, приходившие в упадок, разрушавшиеся или переводившиеся на новое место. Ведь они иногда лишались внимания своих ктиторов (первый Данилов монастырь); сгорали при нашествиях или просто в городских пожарах (ранний Алексеевский монастырь); сносились в ходе больших работ в городе, таких как перестройка Кремля в конце XV — начале XVI вв.

Однако устойчивой тенденции в размещении и перемещении монастырей, которую можно было бы связать с ростом города и топографией городских укреплений, не наблюдается. Среди удаленных от города обителей XIV в. гораздо больше неподвижных, чем перемещавшихся: Высоко-Петровский, Андроников, все Крутицкие (Крутицкая митрополия, оба Симоновы). Еще более устойчивы монастыри, основанные в конце XV в. и позднее (особенно если они находились под покровительством великого князя, как Новоспасский, Новодевичий, Донской).

Таким образом, ни размещение, ни движение монастырей в Москве не подчинено строгой системе. Случаев перемещения, возобновления, «переименования» монастырей сравнительно немного, просто они, как всякие исключения, легко оказываются на виду; возникающие при этом *qui pro quo*, конечно, уникальны и подчас довольно причудливы. Зафиксируем только некоторые общие наблюдения. Ясно, что захиревший или разрушенный монастырь могли возродить как на прежнем месте (Данилов монастырь), так и на ином. При этом не обязательно сохраняли посвящение основного соборного престола (в том же Даниловом монастыре главный храм и сам монастырь в XVI—XVII вв. официально именовали «дом Святых отцов Седми Вселенских Соборов»), хотя так бывало довольно часто (Новоспасский монастырь; в позднее время — Алексеевский).

В последнем примере видно, что при переводе на другое место топографический дефиниций или городской топоним, по которому ранее определяли положение монастыря, менялись. Конечно, так было и раньше, в противном случае возникла бы невероятная путаница. Это, однако, не касалось перемен в природном окружении монастыря, стоящего на месте. Иными словами, исчезновение «бора» или засыпка «рва» не приводили к изъятию этих слов из

названия монастыря: Спасский на Бору оставался таким (уже применительно к наименованию храма) и в XIX в. (зато, поскольку дефиниция «Бор» привязан не к храму, а к урочищу, к локусу, когда осветят престол Новоспасского монастыря, имя локуса за ним не последует).

Известную сложность в расстановку монастырей на исторической карте города вносит и то, что иногда монастыри могли иметь два двора — собственно-монастырский вне города и осадный двор (подворье) внутри стен. Конечно, это более свойственно немосковским обителям (подворье Троицкого монастыря в Кремле с церковью Богоявления), но не исключено и для городских территорий. Судя по присутствию в течение около 30 лет (с рубежа 1540/1550 гг. по 1571/1583 гг.) двух соседних монастырских локусов с одинаковым именем «Алексеевский», за Чертольем на Остоженке и внутри него, в будущем Белом городе, эти два места были организационно единым

Церковь Михаила Малеева, колокольня и больничный корпус Вознесенского монастыря. Западный фасад. Литография 1889 г.

План Знаменского монастыря. 1806 г. РГАДА

целым до тех пор, пока в 1583 г. на временно оставленном древнем дворе в Остожье не была возобновлена/устроена новая, самостоятельная обитель (Зачатия св. Анны). До этого локусы различали по посвящению престолов: внутри Чертолья главным считался собор Спаса Преображения, вне — св. Алексея Человека Божия (хотя такой престол имелся и внутри монастыря в Белом городе).

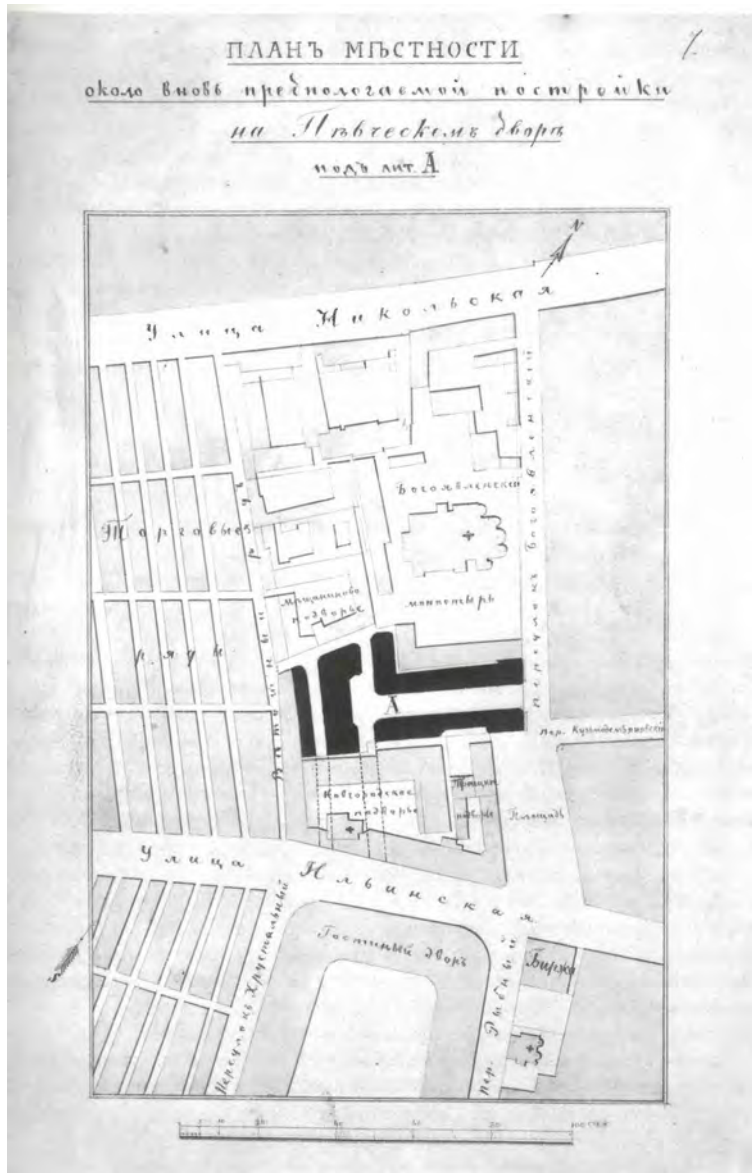
По-видимому, запустение одного из локусов позволяло оставить на старом месте приходскую/кладбищенскую церковь (она оставалась в селе Даниловском в XV в.; явно присутствовала и в Алексеевском в Остожье). Через короткий или длительный срок на этом месте можно было воссоздать/составить новый монастырь с иным посвящением основного престола (Данилов с 1550-х гг.; Зачатьевский с 1580-х гг.). В этих случаях, однако, новый монастырь частично наследовал предыдущему: Данилов монастырь возводили к князю Даниилу Московскому особые исторические сочинения; Зачатьевский связывали с древним Алексеевским документально (царская грамота 1623 г.). Кроме того, важнейшим связующим звеном становились захоронения основателей первых монастырей, оставшиеся, разумеется, на месте даже в том случае, если их прославляли как святых и поднимали их мощи. В Даниловом монастыре эта священная память воплощена в мощах святого князя Даниила Московского, в Зачатьевском — в почитании не позже чем с 1580—1590-х гг. места погребения сестер св. Алексея, Московского чудотворца преподобных Иулинии и Евпраксии.

Возможно, такие возобновления/составления свойственны скорее Позднему Средневековью с его стремлением укреплять династические связи с прошлым (линия от князя Даниила Московского к царю Иоанну Грозному в Данилове монастыре) и упрочать церковную память о первых насельниках монастыря или его святых основателях (св. Алексей Митрополит и его сестры в Зачатьевском монастыре). В не-

которых случаях за ними уже стоят ясные и умоглядные программы, о которых для «архаического периода» XIV—XV вв. говорить сложно — не хватает информации.

Взятые вместе, изложенные в этой главе факты не позволяют видеть за размещением монастырей ни единовременно задуманной и позже развиваемой модели (символично-литургической, политической, историко-мемориальной или иной), ни периодического и системно обусловленного их передвижения. Оно не определялось ни пустынностью места, ни намерением превратить монастырь в военный форпост. Тем не менее оно обычно было устойчивым: не стоит представлять себе монастыри Москвы как находящиеся в постоянном движении — перемены места подчас случались, но и только. Из сказанного не следует, конечно, что монастыри возникали в городе на случайных местах, «необъяснимо». Просто их топография не описывается примитивными и едиными для всех формулами. Появление монастырей, прибавление новых, исчезновение и возрождение — функция динамично развивающегося народа, духовных и социальных потребностей города. Связь монастыря с местностью и топонимом, посвящения его престолов, изменения в них глубоко историчны. Их закономерность становится ясна только из учета всей совокупности обстоятельств, из анализа множества сложных, противоречивых источников.

Развитие монастырей, конечно, отчасти автономно по отношению к расширению города, не связано с ним неразрывно. Но размещение их на карте Москвы — не расчетная схема, не модель, не структура, замкнутая в себе и только наложенная на городскую ткань. Конечно, оно определено развитием жизни Церкви, города и двора, большие перемены в которых могут изменить место тех или иных обителей. Но в основном растущий город не «тащит» их за собой, а как бы обходит, обтекает места уже существующих монастырей, включает в себя те из них, что

ким событиям городской жизни: Донской построен на месте выигранной Божественным промыслом битвы; Сретенский — на месте встречи Владимирской иконы. Они маркируют важные точки церковной памяти, и в этом размещение монастырей ничем не отличается от размещения городских церквей. Такой монастырь могли поставить в неудобном с точки зрения городской топографии месте, как Донской — удаленный от воды, от городских дорог и улиц, вне плотной застройки, в месте, известном более всего боянями и инославными кладбищами. Монастыри могли возникать на месте старых часовен, богоделен и Божьих домов, и так далее. Всех случаев тут просто не учесть — нужно изучать каждый в особенности.

Второй существенный фактор — воля ктитора и его возможность наделить обитель землей для строительства. Очень значительная часть городских монастырей получала участки земли вблизи дворов великих князей или крупных бояр, на средства которых эти монастыри составлялись. Определяющим было стремление ктитора иметь монастырь вблизи, рядом с собой; для этого он готов был выделить новой обители часть своей собственности в стенах города или вблизи них (часто рядом со своим селом или сельским двором), которая обладала высокой ценностью. Благодаря этому размещение монастырей оказывается привязанным к социальной топографии Москвы, к зонам княжеского и боярского землевладения с их дворами и крупным владельческим селам (Ивановский под Бором на Кулишках).

Следует учитывать и важность для монастыря осуществлять его главные социальные функции: служить прибежищем немощным, старым и больным; давать приют странникам; исполнять присущие монастырям в Средневековье финансово-экономические функции (принимать на хранение и ссужать деньги, участвовать в торговле, служить

План местности в Китай-городе между улицами Никольской и Ильинкой, в районе Боголюбленского монастыря. Середина XIX в. РГИА

Страстной монастырь и Тверские ворота Белого города. Конец XVII в. Худ. В.А. Рябов

были за городом. При этом новые (все еще «загородные») монастыри ставят не снаружи, не еще дальше, а в уже обжитых «монастырских зонах», так что образуются пары (Савин на Девичьем поле — Новодевичь) или даже группы монастырей (Симоновы — Крутицкая митрополия — Новоспасский)¹⁸⁶.

Если так, то что же все-таки определяло размещение монастырей в Москве? Нам представляется, что источники позволяют говорить о нескольких главных факторах.

Один из них — символично-мемориальный. Место целого ряда монастырей приурочено к крупным историчес-

депозитарием ценностей и запасов натуральных продуктов, в том числе из собственных владений, и др.); не в последнюю очередь — быть доступным для паломников и привлекать их¹⁸⁷. Все это позволяло иметь средства, не зависящие от воли крупных донаторов. Такие функции требовали не уединения, а прямо противоположного: включенности в городскую жизнь и прочных связей с хозяйственной инфраструктурой. Это, на наш взгляд, определило размещение монастырей у дорог (особенно на их перекрестках); у городских ворот и рынков; бродов, мостов, перевозов и т.п.

ХРИСТИАНСКИЙ ГОРОД КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ СМЕРТИ

Первоначально христиане сохраняли отношение к мертвым телам как ритуально «нечистым», следуя догматическим запретам иудаизма и традиционным религиозным представлениям античного мира, закрепленным в римском законодательстве³. Но христианская мысль создавала совершенно иной образ смерти, она рассматривала усопших членов Церкви лишь как временно, до Страшного суда, пребывающих в ином, загробном, мире. Это вызывало психологическую потребность в сохранении останков покойных (долго считалось, что Воскресения могут сподобиться лишь те, останки которых сохраняют целокупность). Кроме того, христиане рано начали поклоняться останкам святых, особенно мучеников, строить свои храмы около их погребений: верили, что погребение вблизи святого (*depositio ad sanctos, ad martyros*) дарует им по его молитве Спасение.

Изначально это не нарушало традиционного запрета вносить трупы (или пепел от сожжений) в города (тем паче, в пределы храмов): ведь первые христианские церкви и кладбища располагались *extra muros*, т.е. вне городской черты (*romeging'ь*). После победы христианства они обычно сохраняли свое, уже освященное историей, место: именно на таких кладбищах и в пригородных катакомбах хоронили мучеников. Статус пригородных некрополей был закреплен законодательно, часть их стала собственностью Церкви и приносила значительный доход. В IV—VII вв. их активно застраивали новыми роскошными храмами и другими зданиями. Таким образом, возникал новый «престижный» жилой район *extra muros*, в котором живые и мертвые, в нарушение древних обычаев, могли уже сосуществовать.

Однако христианские комплексы, сложившиеся вокруг погребений святых на кладбищах, не могли долго оставаться за пределами городской стены: центр церковной жизни помещался внутри города, это были собор, епископский дворец и баптистерий. И церковные власти, и массы веру-

ющих хотели иметь останки мучеников именно там. Они постепенно добились этого: мощи стали переносить в городские соборы, а вслед за тем вокруг и внутри них разрослись и кладбища. Одновременно происходили изменения в организации богослужений, сосредоточенных вокруг раки с мощами и требовавшей все большего участия в ней священства (окончательно такая литургия на Западе утвердилась не позднее кон. VIII в.). Поминальные службы были перенесены с кладбищ, где они проводились изначально, внутрь храма, а следовательно, в ряде случаев — внутрь города. Не позднее VII в. выработалось правило внесения тела усопшего в церковь для отпевания перед погребением, но в конце V~VI вв. оно было, видимо, еще неустойчивым⁴.

Таким образом процесс более полувека назад классик христианской археологии Эйнар Дигтве, полагавший, что кладбища «двинулись в города» как бы вслед за мощами святых и потому утвердились там вокруг церквей. Этот взгляд стал общепринятым⁵.

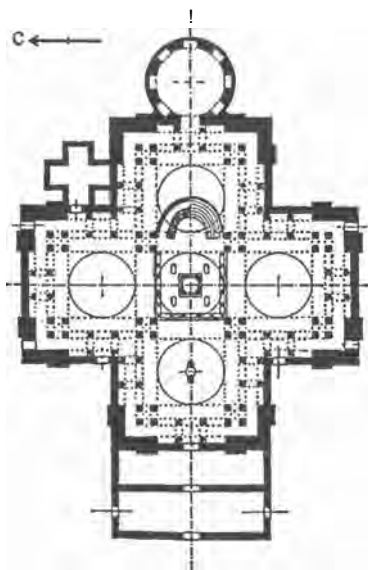
Но в последнее десятилетие археологически установлено, что кладбища внутри городских стен появляются раньше, чем возникает широкая практика внесения останков святых из пригородных базилик и катакомб в городские храмы. Кладбища в городе надежно датируются VI в., в то время как первые переносы мощей совершаются в VII, а в массовом порядке только в VIII столетии: до VIII в. трудно даже указать конкретный храм, который заключал бы в себе прославленные мощи и был именно в силу этого окружен кладбищем. Да и сам процесс появления кладбищ внутри городской стены начался, вопреки запретам законов, по всей Римской империи еще до победы в ней христианства. Можно сказать, что, наоборот, святые последовали в города вслед за кладбищами⁶.

Вслед за правом поминовения усопших Церковь постепенно обрела и полный контроль за «технической» стороной погребения, которая в прошлом была делом исключительно семейным и, отчасти, муниципальных властей. На нее были возложены заботы о погребении бедных; она взимала плату за отвод кладбищенского участка и добровольные пожертвования во время похорон; отчасти в ее сферу попадала и деятельность тех, кто готовил место для погребения, памятник и т.п., т.е. могильщиков, в целом долго сохранявших самостоятельность. В Риме сложилась система управления кладбищем, в которую входили отвечавшие за церковные службы клирики семи церковных округов (*diacom*), управляющие церковным имуществом (*praepositi*), братства могильщиков и строителей кладбищ (*fossore*). Быть погребенным в церкви или возле нее значило не только оказаться в сфере духовной эманации святых мощей — это значило быть включенным в число приелигированных членов Церкви, ее служителей или донаторов, значило отчетливо подчеркнуть свой общественный статус. Овладение контролем над всей сферой погребения,

Фра Анжелико.
Похороны
Свв. Козьмы
и Дамиана.
Музей Сан Мар-
ко, Флоренция

Церковь св. Апостолов в Константинополе. VI в. План К. Вульцингера.

включая кладбища, было важным шагом Церкви в установлении власти в мире западноевропейского Средневековья.

Конечно, это произошло не сразу: ведь разрушение многовековой религиозной традиции и законодательства было настоящей революцией. Оно оскорбляло чувства живших в тех же городах сторонников античного многобожия и иудеев, вызывало решительные протесты городских сообществ⁷.

Но все же с конца V в. и особенно в VI—VII вв., на территориях бывшей Римской империи, т.е. в Средиземноморье, и отчасти в галльских, германских и британских провинциях основным фактором трансформации соотношения «город — кладбище» стали погребения в пределах городской черты: в заброшенных комплексах терм, в садах опустевших вилл и вблизи городских церквей. Первые кладбища сложились, видимо, к концу V в., а в середине VI в. этот процесс стал массовым (в границах огромной стены императора Аврелия в Риме для VI—VII вв. зафиксировано уже 74 места погребений, и их количество быстро растет). В результате в самой структуре города произошли принципиальные изменения: храмы *intra muros* и окружавшие их кладбища потребовали значительного и зачастую центрального

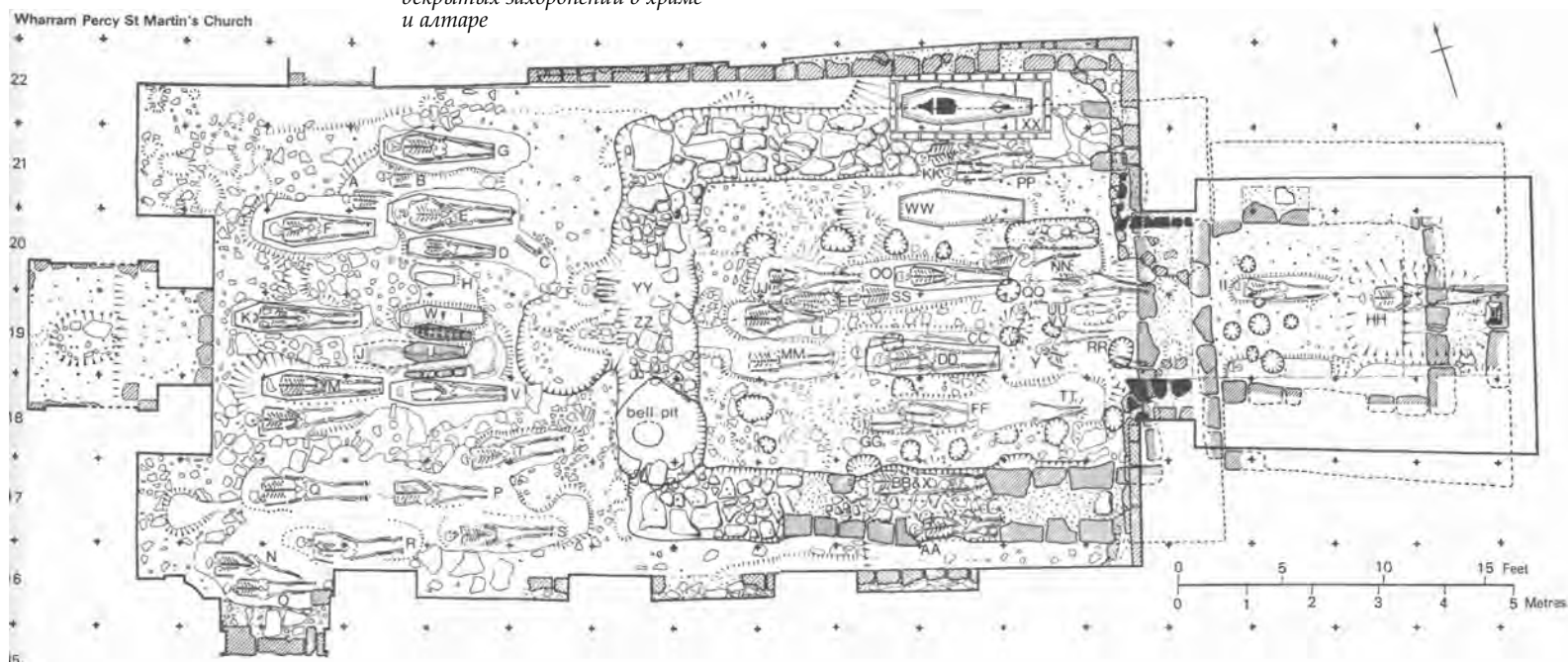
места внутри застройки, вышли на первый план, постепенно оттеснив с главного места на площади традиционные для Древнего мира места сбора граждан, муниципальные, торговые и т.п. здания (форум или агора с их портиками, базиликами и т.п.).

По-видимому, Церковь как субститут центральной власти в VI—VII вв., став наследницей заброшенных общественных сооружений города, использовала свою собственность, термы и храмы (а зачастую также инсулы, казармы и портовые постройки) как кладбища: картографирование погребений такого рода в Риме дает поистине впечатляющую картину трансформации городского имущества в множество кладбищ разных размеров. Некоторые из них, как и первые церкви *tituli*, имели частный характер. Последующая адаптация кладбищ к городской среде была оформлена законодательно (в частности, в 752 г. было получено папское благословение на помещение рядом с городскими церквями кладбищ, земля которых должна быть огорожена и освящена епископом). Вскоре погребения начали появляться и в самих церквях, хотя эту практику старались ограничить.

Итак, психологическая потребность масс верующих в символическом и пространственном объединении живых членов Церкви с усопшими, наряду с историческими условиями развития Европы во второй половине I тыс. н.э., привела к совмещению «некрополиса» с «полисом», к уничтожению и ритуального, и технического барьера между городом и кладбищем. Одновременно смерть и погребение перестали быть частным или семейным делом, относящимся к области гражданских ритуалов и прав, как в античную эпоху, они стали религиозным и социальным явлением в полном смысле этого слова, глубоко вошли в общественную жизнь. Дела мертвых Церковь интегрировала в дела живых.

Похожим был процесс и в восточной части Империи, будущей Византии, в первые века ее развития (например, в римском Коринфе). Хотя здесь комплексы, связанные с погребением святых и с кладбищами, так и не стали главной опорой церковных структур и не получили такого развития, как на Западе. К сожалению, эта сторона византийской истории (изучение которой несколько продвинулось

Англия, Варрэм Перси, церковь Св. Мартина. План с обозначением вскрытых захоронений в храме и алтаре

Страх смерти: представления о смерти и погребении
в искусстве Европы Позднего Средневековья
и раннего Нового времени

• Reductio .h. Impatoris p̄p̄tis.

• Dns wale. fi. regis sagitta obit. sepelitur vobis.

• Ceruue .h. Inuauus .vii.

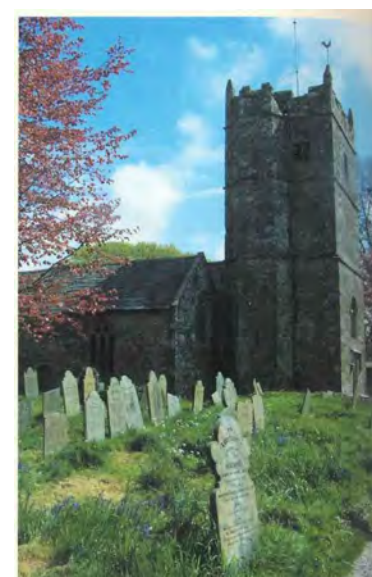
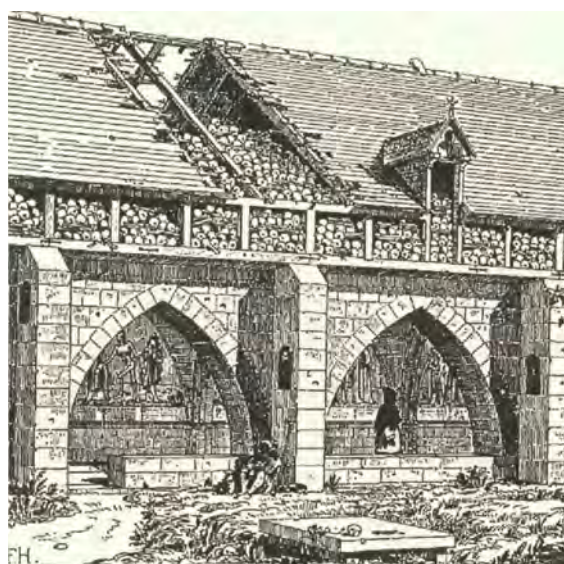
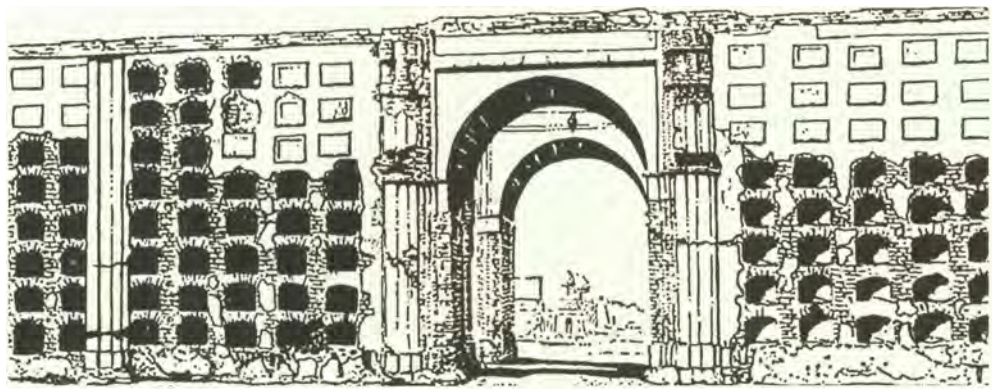
• Selum tu monte habitarosii.

• Regina obit Janne. xi. decēb. .ano. xviii. sepelitur

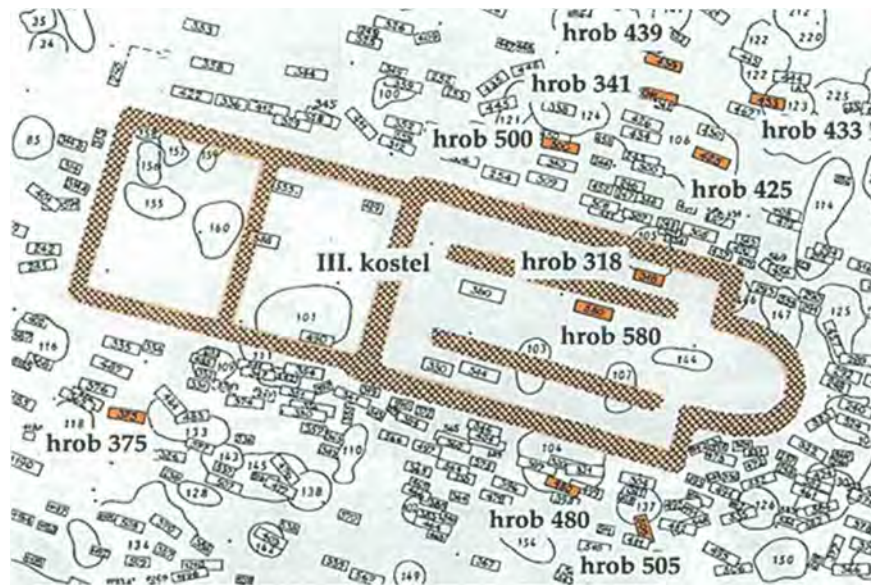
Кладбища Западной Европы:
колумбарий — оссуарий —
церковный двор — городское кладбище

Стамбул (Константинополь). Порт Феодосия. Вскрытые погребения в портовой церкви. 2000-е гг.

Микульчице (Чехия). План церкви «Ш» с обозначением захоронений. IX-Xвв.

со времен публикации работы Дагрона о христианизации византийского города) настоящей разработки все еще не получила⁸.

Константинополь, сразу строившийся как отчасти христианский город, включал в свою черту и церкви. Однако важно отметить, что первый имперский мавзолей, знаменитый Апостолейон, возведенный при жизни Константина I как место его будущего упокоения, располагался на периферии города, в отдалении от форума и дворца. Однако со временем кладбища (как престижные монастырские, так и просто городские) оказались в самом сердце Константинополя, окружили многие древние храмы и предусматривались при строительстве новых. Эта традиция сохранилась в средне- и поздневизантийскую эпоху и долго держалась даже после гибели Византийской империи в среде новых хозяев города, турок-мусульман.

Во многом схожий процесс отмечается при археологическом изучении ранних поселений северной и центральной («варварской») Европы⁹. Поскольку поселения здесь, за исключением немногих старых римских центров, не имели «городского прошлого» (в лучшем случае можно говорить о прото-городах) и не были столь долговременны, как средиземноморские полисы, у них не сложилось устойчивой традиции в размещении кладбищ, и можно наблюдать случаи прямого переноса некрополей с тех мест, которые они занимали в языческий период вне зарождающегося города, внутрь него.

Процесс христианизации некрополя в этом случае фиксируется появлением на языческом кладбище могил приверженцев новой религии, отдельных или сгруппированных, иногда — вблизи и внутри небольшого сооружения, возможно, церкви. За этим обычно следует оставление старого некрополя и возникновение вместо него кладбища при церкви в центре поселения¹⁰. К VIII в. архитектурно неоформленные {open-air, a"del ouvert} кладбища окончательно исчезают — их сменяют церковные дворы.

Переносу кладбищ обычно предшествовал процесс структурирования внутренней топографии кладбища: на нем выделяли участки погребений знатных людей, в ряде случаев принявших христианство и предпочитавших новопостроенные церковные здания языческим курганам. Поскольку эти участки отделялись от окружавшего языческого некрополя (курганного или погребений с могилами, расположенными параллельными рядами) территориально, зачастую возникал «дочерний» некрополь недалеко от первоначального, иногда разраставшийся в особое клад-

бище вне поселения, со своей церковью. Это приводило к появлению церковных кладбищ и за пределами поселений, аналогично античным некрополям *extra muros*.

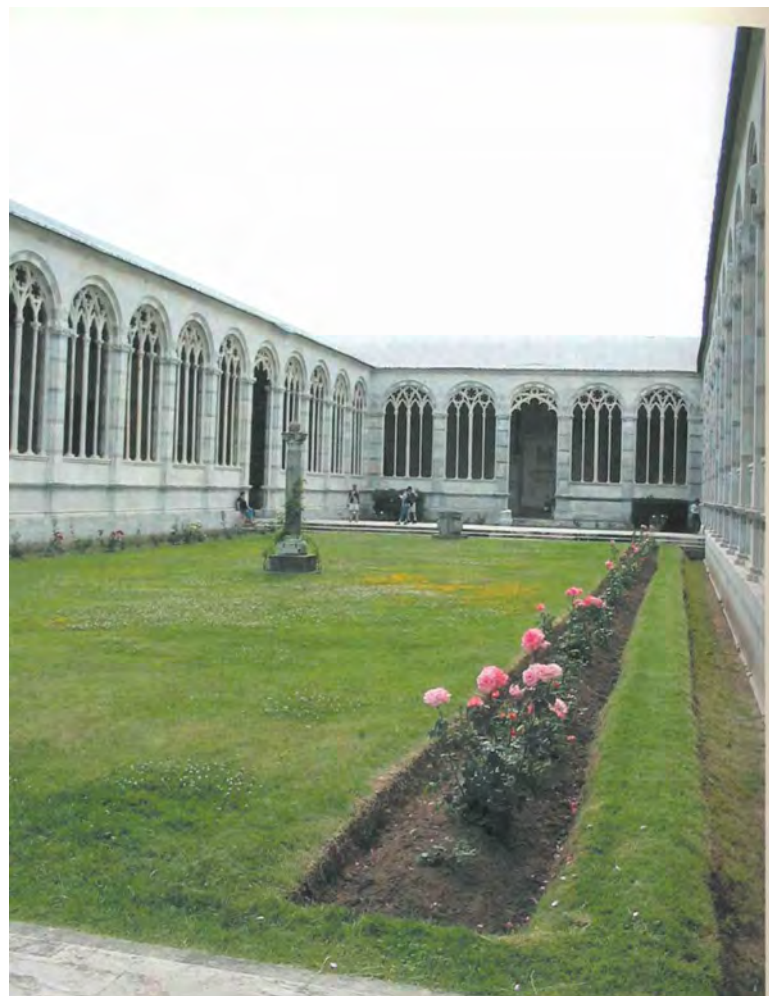
Если на малых поселениях перенос кладбища в его центр был связан с возникновением приходской церкви, то в укрепленных ранних городах существенную роль играли помещаемые в их центрах, рядом с дворами правителей, епископские центры — при них неизбежно возникали церковные кладбища, фиксирующиеся в Центральной Европе и на землях западных славян с IX—X вв. (Микульчице) и особенно со второй половины X в. (Прага, Познань, Гнезно, Краков, Старигард/Олденбург) и позже (Альт Любек). Эти новые церковно-погребальные комплексы располагались всегда внутри городских укреплений (что дает возможность определять их как *intra valla*, по аналогии с позднеантичными *intra muros*). Таким образом, превращение кладбища в центральный узел структуры поселения и перенос его к собору или приходскому храму археологически фиксируется в Европе и вне сферы средиземноморского очага цивилизации. Трудно судить, было ли это *translatio svohb* же психологически болезненным, как в областях классической культуры и Востока, но его воздействие на дальнейшее развитие городской планировки достаточно очевидно.

В христианских городах складывается устойчивая традиция отводить место внутри застройки для приходских, монастырских и даже частных, семейных кладбищ при соответствующих храмах. Они становятся прочными, трудно передвигаемыми компонентами городской сети, образуют своего рода иерархию и сохраняются в течение всего Средневековья. Важнейшее место занимают некрополи правящих династий, городских соборов и наиболее важных монастырей. Это настоящие краеугольные камни средневекового миропорядка. Здесь над гробницами совершали коронации и другие важнейшие государственные акты, заключали договора и династические браки, произносили молитвы и обеты в минуты опасности¹¹.

Не только знатный, но и рядовой горожанин Средневековья жил вместе со своими усопшими в буквальном смысле слова: приходский храм с кладбищем обычно не слишком далеко отстоял от дома. Каждое его посещение было не только «визитом к покойным родственникам и согражданам». Это было подлинное мистическое воссоединение живых с усопшими членами христианской Церкви в ходе службы (тех и других в храме разделял, по сути, только пол церкви). Единению способствовали и литургическое поминовение усопших, и особые обряды, прямо связанные с посе-

От Средних веков к современности:
кладбище Кампо Санто в Пизе

*Разрушение склепов королей
в аббатстве Сен-Дени в октябре
1793 г. Картина Тюбера Робера*

щением кладбищ. Сами устройство и символика христианского храма, начиная от сюжетной декорации и кончая сооружением специальных галерей, приделов, дворов и т.п., были постепенно переориентированы именно на погребальную функцию, пронизаны ею¹². Приходские церкви, монастырские храмы и городские соборы стали обширными кладбищами, где хоронили епископов, аббатов, клириков, а также знать (в результате чего захоронения в церквях стали обязательным знаком высокого социального статуса). Этим во многом объяснялась тяга к сооружению (или присвоению) «собственных» церквей, которые становились впоследствии родовыми, династическими кладбищами правителей, а позже и некрополями национальной элиты.

Большие кладбища (кладбище Невинных в Париже) были не только центрами религиозной, духовной жизни, но также деловой и рекреационной активности: в их лоджиях и садах гуляли, назначали встречи, заключали сделки, устраивали праздники и балы; здесь могли возникнуть ярмарки и рынки. Они заняли значительное пространство рядом (и наряду) с городским собором, баптистерием, епископским дворцом, и, подобно им, обладали достаточно сложной архитектурной структурой, поскольку усвоили формы общественных сооружений. Такие центральные кладбища горожане окружали всемерной заботой, их украшали лучшие художники и скульпторы. Стремление облегчить покойным согражданам спасение души не только наполняло их храмы реликвиями, но могло превратить сам некрополь в одну огромную реликвию, как это случилось с лучшим, может быть, из поздних средневековых кладбищ Европы, Кампо Санто в Пизе (1270—1278, архит. Джованни Пизано), вся земля для которого была (или полагали, что была) привезена морем из Святой земли.

Коренная христианская традиция «жизни с мертвыми» начала разрушаться только с эпохи Реформации, решительно отвергшей право мертвых вмешиваться в дела живых. Династические, соборные и монастырские некрополи стали первыми жертвами реформ и революций в странах Европы (диссолюция Генриха VIII, Великая Французская революция и пр.), для которых разрушение старых гробниц имело характер не столько бессмысленного вандализма, сколько тираноборческого и подчас богоборческого акта¹³. В Новое и Новейшее время обычай погребения членов общины в ее приходском центре противоречил и процессу дальнейшей урбанизации, для которой требовалась перепланировка. В то же время развитие естественнонаучных знаний показало опасность неконтрольного захоронения человеческих трупов в живой городской среде. Все это заставило в XVII—XIX вв. начать размещать новые кладбища за пределами городских стен, а старые закрывать, выносить из города или просто застраивать.

Конечно, полностью прекратить погребения внутри города не удалось, традиция «жизни с мертвыми» была уже слишком сильна, к тому же выросла престижность таких погребений. Жители церковных приходов искали возможности «остаться» на старых семейных кладбищах, вблизи «своего» храма, и находили ее, чрезвычайно уплотняя некрополи внутри и вне церквей или используя дополнительные сооружения (обширные подвалы со склепами, искусственные катакомбы, и т.п.). Именно в эту эпоху погребения внутри храмов стали доступны для рядовых, но состоятельных прихожан (в Средневековье на них могли рассчитывать только представители высшей знати и служители Церкви). Примерно тогда же огромные старые некрополи, полные памятников, иногда восходящих к эпохе Раннего Средневековья (и даже Поздней Античности), стали восприниматься как музеи городской истории и искусства, а также как важнейшие мемории и дополнения к городским архивам.

И все же в целом непосредственная связь живых и мертвых была разорвана, кладбища внутри города утратили свою «бытовую» функцию и, начиная с Нового времени, объединяли живых и мертвых членов общины лишь символически: реальные кладбища везде выносили за черту застройки. Можно сказать, что, уйдя в первые века христианской эры от представлений о «нечистоте» покойных, европейская цивилизация вернулась к ним, опираясь на новое, теперь уже рациональное, обоснование. В основе обновления связи «город — некрополь» лежали новые социальные отношения и новое восприятие христианства (о которых здесь неуместно говорить подробнее). Ясно, что утрата яркой отличительной черты раннехристианского города была связана с утратой Церковью монополии на формирование духовного мира средневекового общества, которая началась с эры Великих открытий, Ренессанса и Реформации, и с последовавшей за ней откровенной секуляризацией всей городской жизни, свойственной эпохе Просвещения и построения гражданских сообществ в Европе.

Кладбища Московской Руси: курганный могильник в Царицыно; кладбище села Дьяково; усыпальница бояр Романовых в Новоспасском монастыре; шитые пелены Моисеевского монастыря (раскопки А. Векслера, 1990-е гг.)

МОСКОВСКИЕ «КАМПИ САНТИ»

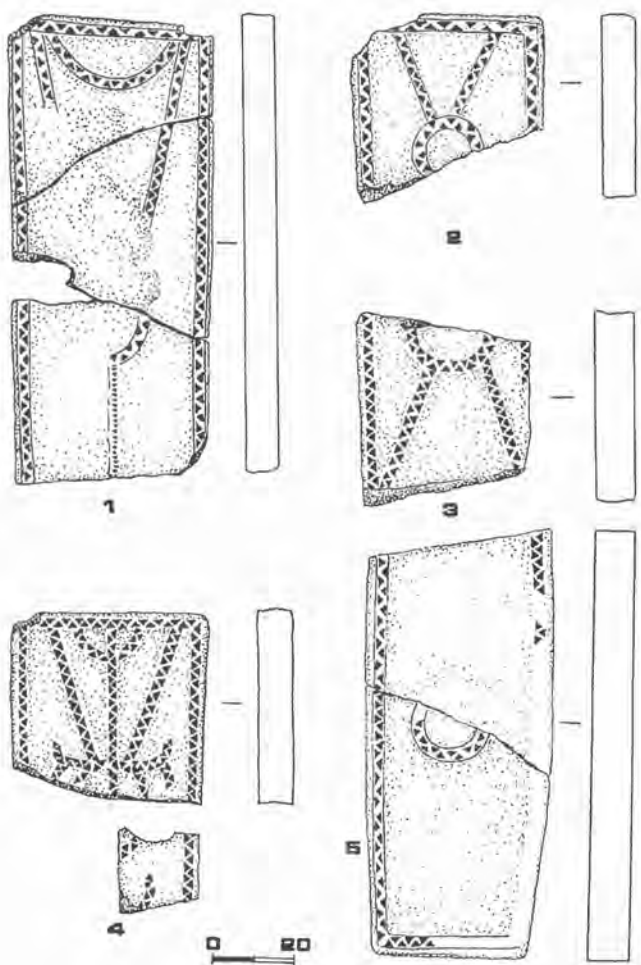
Посмотрим теперь, что известно о развитии отношений города с кладбищем в Москве. Можно считать установленным, что пришлое славянское население, начавшее осваивать течение Москвы-реки на рубеже I и II тыс. н.э., хоронило своих покойных вблизи поселений, но за их чертой, что определенно указывает на существование представлений о нежелательности пребывания живых и мертвых в одном пространстве. Тем не менее, вряд ли следует полагать, что наложение двух пространств было полностью невозможно: курганы сельской округи Подмосковья, сколько можно судить, отделяла от жилых дворов только полоса пашни. Нельзя исключить, что погребенные в подмосковных курганах XI—XII вв. были уже христианами (или, по крайней мере, считались таковыми), но все же их обряд погребения мало отличается от языческого, а кладбища явно не являются церковными.

К сожалению, остается неизвестным, существовали ли славянские курганные группы в пространстве будущего мос-

ковского Кремля и как они соотносились с его первыми укреплениями, точная дата и последовательность возведения которых тоже остаются неясными. Мы смутно представляем себе места и даты освящения первых христианских храмов города, а следовательно, и его первых церковных кладбищ. Можно думать, что христианский храм в Москве был построен не позднее первого упоминания ее в летописи. В Кремле на месте Успенского собора открыто кладбище с надгробиями, даты которых могут быть отнесены к XIII—XIV вв., а погребения датируются, возможно, более ранним временем (XII в.?). Аналогичные плиты открыты на некрополе у церкви Троицы в Полях, но погребения ее кладбища трудно датировать ранее XIV столетия.

К середине XII в. христианство на Руси имело за плечами уже полтора века развития, и вопрос о размещении кладбища у церкви внутри, а не вне городских укреплений, вероятно, решался «автоматически». В более ранних центрах Древней Руси внесение кладбищ внутрь городов произошло, вероятно, после постройки их первых городских соборов в конце X — первой половине XI столетия, но о конфликтах, связанных с возможным «осквернением» огороженной для живых территории, нам ничего не известно. Во всяком случае, можно быть уверенным, что Русь получила традицию христианского размещения кладбищ в городской среде, при соборах и храмах по наследству, в ее вполне развитом виде, когда «жизнь с мертвыми» в Западной Европе и Византии была в самом расцвете.

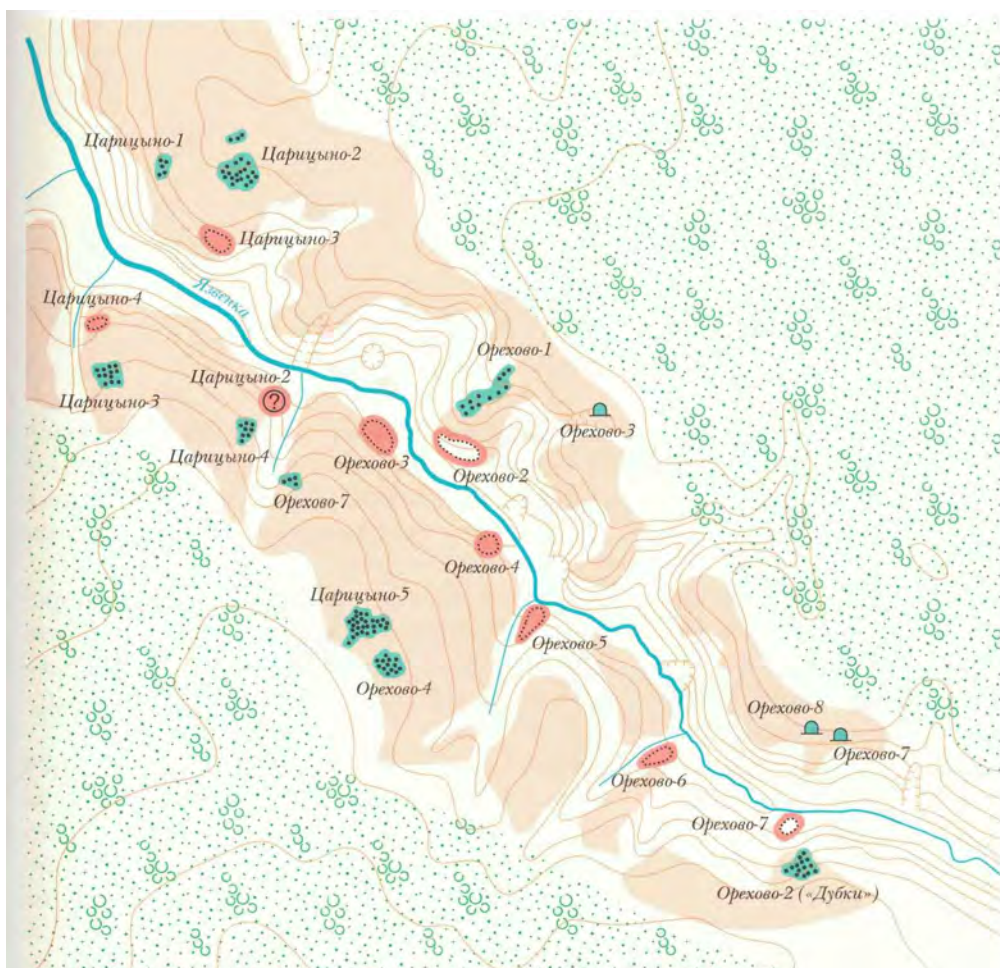
В Подмосковье погребения в курганах исчезают в течение XIII в., их сменяют церковные кладбища в селах и при городских храмах и монастырях, число которых умножается с ростом города (общее число «пятен» кладбищ XIV—XVII вв. на карте современной Москвы, с учетом количества городских церквей и принимая во внимание неизбежные переносы, предположительно достигало нескольких сотен). Хотя археологически изучены сравнительно немногие, мы можем су-

древнейшие надгробия Москвы: плиты, XIV в. из Богоявленского «за Торгом» монастыря. (Раскопки 1980-х гг., Л. Беляев)

Надгробия Москвы, XVI—XVII вв.: плиты Зачатьевского (Алексеевского) монастыря. (Раскопки 2003—2009-х гг., Л. Беляев, Н. Хренке)

Комплекс древнерусских памятников в долине реки Язвенки

Масштаб 1 : 50000

По Н.А. Кренке

- Селище (поселение) XII–XIII вв.
- Селище (зона хозяйственной активности) XII–XIII вв.: «полевые станы», «полдни»
- ? Предположительное место селища
- Курганные могильники XII–XIII вв. с точным расположением курганов
- Курганные могильники XII–XIII вв. с неустановленным числом курганов
- Постоянные пашни и краткосрочные перелогы XII–XIII вв.

Могилы, на старом о брядском кладбище в Подмоскovie. Фото 1990-х гг.

Церковь и кладбище у Ивангорода. Травюра из книги А. Олгария. Сер. 1630-х – 1640-е гг.

доть о том, что соотношение «город — кладбище» в Москве было аналогично тому, которое сложилось в Западной Европе и в Византии: некрополи заняли центральное место и сохраняли его до самого конца XVII в. Уже в XIV в. начал складываться родовой великокняжеский некрополь московской династии — Архангельский собор, ставший одним из важнейших элементов в идеологической системе обоснования власти московских князей, а позже и царей, своего рода неподвижной монументальной инсигнией, «владение» которой давало (или подтверждало) право на престол. Достаточно напомнить яркие эпизоды истории Смутного времени: извержение останков Бориса Годунова, поклонение «отеческим гробам» Дмитрия Самозванца, перевоз сюда праха Василия Шуйского из Варшавы.

Уникальность кладбища в Архангельском соборе до сих пор недостаточно осознана: сколько известно, московское «*кампо санто*» — единственный в истории христианства

пример сложения династического кладбища путем погребения на нем правителей мужского пола (членов правящей династии Руси, их родичей, а также принявших христианство представителей ханских родов покоренных народов), в то время как женщин из тех же семей хоронили в иных кремлевских и городских церквях и монастырях. Это «посмертное разлучение», отраженное источниками, но не объясненное ими, ждет серьезной интерпретации¹⁴.

Центральные места в городе занимали также кладбища Успенского собора, кремлевских и других монастырей, приходских и домовых храмов. С возникновением каменного Кремля вдоль его напольной (восточной) стены сложилась цепь некрополей, сохранявшаяся на месте будущей Красной площади до конца XVII в. Их судьба, а также отчасти судьба некрополей вдоль северо-западной стены в Занеглименьи отражена в протестах духовенства по поводу сноса кладбищ и церквей при строительстве Кремля и планировке окружающей местности в последней трети XV — первой четверти XVI вв. Эти редкие в древнерусской письменности тексты указывают на высокий сакральный статус кладбищ, на важность позиции, занимаемой ими в городской среде и существенность сохранения их на своих местах даже вопреки практической, военной необходимости.

НА «УБОГИХ ДОМАХ»

Необходимо отметить, что практика отведения специально-го места для кладбищ *extra muros* получила в Москве довольно неожиданное преломление и стала прообразом строительства будущих общественных, муниципальных кладбищ, которых не было и в городах средневековой Европы. Речь идет о хорошо известных по упоминаниям летописей и воспоминаниям иностранцев XVII в., а для XVIII в. — и по материалам этнографии, «скудельниц», или «убогих домов», а также особым кладбищ иноверцев. В убогие дома свозили умерших «случайной», «не своей» смертью, а также не имевших заранее приобретенного места для погребения, не входивших в круг прихожан того или иного московского храма, бездомных, с XVIII в. — тела анатомированных и т.п. Трупы сохранялись в специальных постройках или общих ямах в течение зимы, а затем разом, «всем миром», хоронились весной (в седьмой четверг после Пасхи или на Покров, а также и в другие установленные дни; что делалось с трупами летом — неизвестно, видимо, их хоронили сразу по обнаружении)¹⁵. Погребение «божедомов» (на которое жертвовали саваны, гробы, свечи и т.п.) считалось богоугодным делом и представляло собой, действительно, род городского праздника, тем более, что к скудельницам ходили особые крестные ходы в Семик и на Покров для совершения общей панихиды. На «убогих домах» отмечены те же виды увеселений москвичей, что и на кладбищах средневековых городов: «выставки» меда и пива, хороводы, песни, игры.

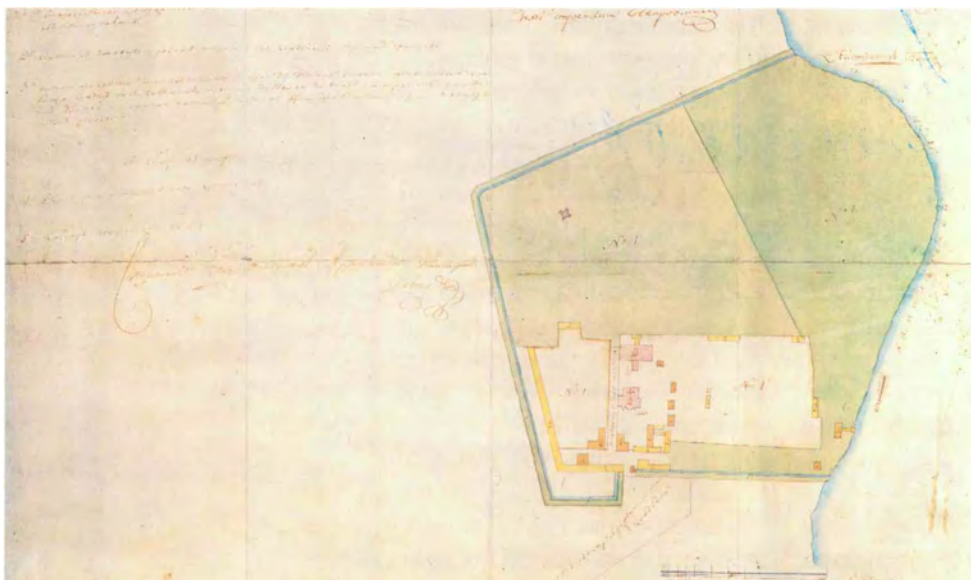
Эти участки помещались на краю города, причем, сколько можно судить, вне городских стен (за Таганскими воротами, за Петровскими, за Калужскими; те, что оказывались в XVI–XVII вв. внутри стен, например, у Варсонофьевского монастыря на Сретенке, видимо, возникли до постройки линии укреплений Белого города). Обычно при них возникал монастырь (например, Покровский за Таганскими воротами), или наоборот, земля под кладбище отводилась вблизи него. (Интересно, что в московской речи XVI–XVII вв. «мо-

настырем» называли вообще всякое кладбище с прилегающей церковной территорией — так же, как в средневековой Англии словосочетание «церковный двор» (*the church yard*) слилось в одно слово *the churchyard* (т.е. «церковное кладбище»).

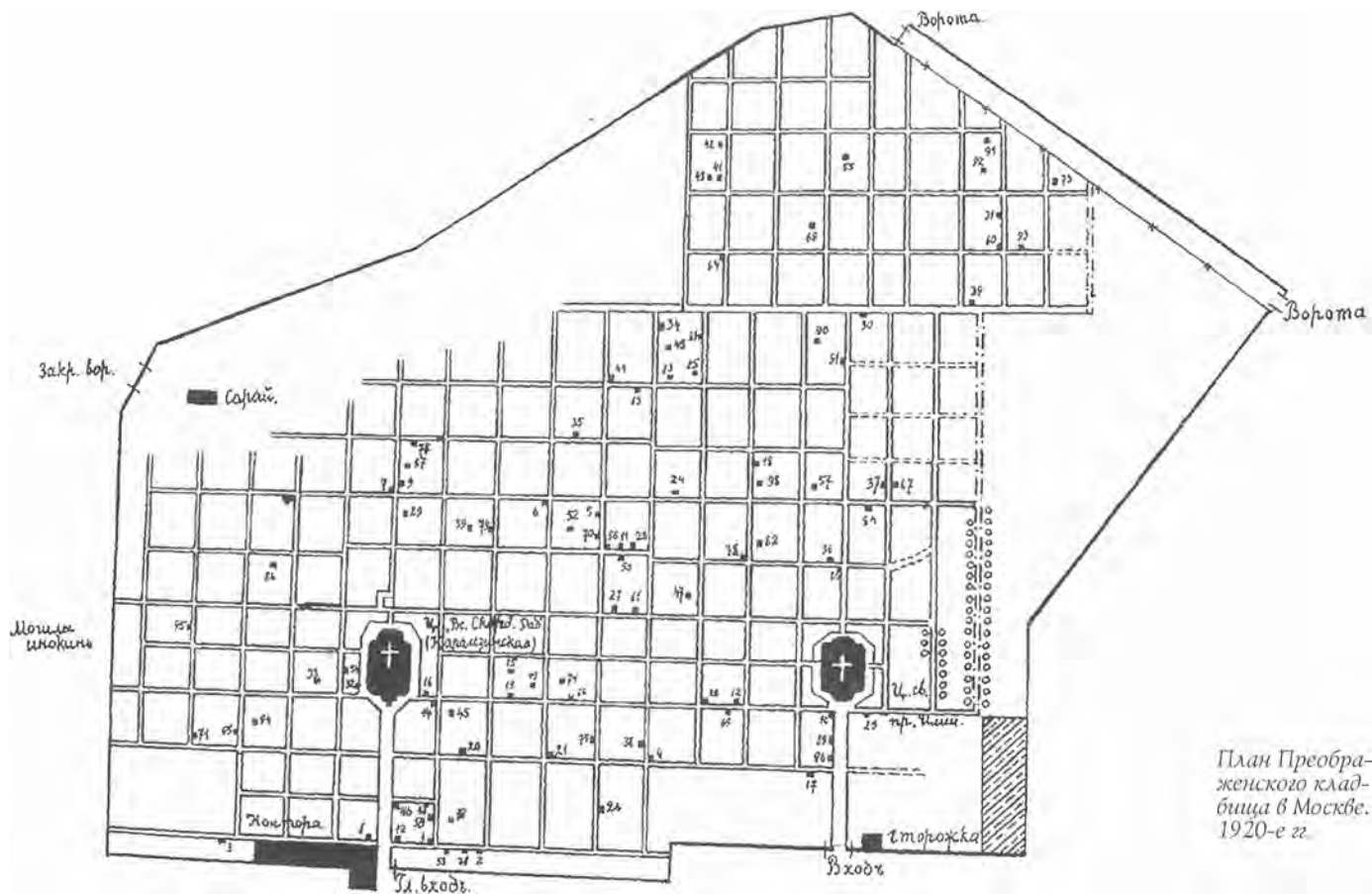
С сооружением последнего обвода стен, Земляного города, все старые скудельницы оказались внутри черты, и пришлось выделять землю под новые (на севере у Марьиной рощи, получившие характерное название Божедомка, и др.).

Недалеко от скудельниц отводили места для погребения христиан-иноверцев, которых запрещалось хоронить на одном кладбище с православными. Такие кладбища известны на Шаболовке (с сер. XVI в.?), на Болвановке за Таганскими воротами (XVI–XVII вв.), в Немецкой слободе на Яузе и в Марьиной роще (XVII–XVIII вв.). С начала XVII в. отмечено и особое «татарское» кладбище южнее города, за Даниловской и Серпуховской заставами. Именно скудельницы и иноверческие кладбища обозначили конкретные места будущих городских общественных кладбищ и стали их прообразом во многих отношениях: на них, по видимому, имелись элементы регулярного устройства: прямоугольная планировка, обваловка, специальные сооружения для богатых погребений, часовни и кивории.

Необходимо отметить, что система «убогих домов» Москвы и других русских городов удивительно хорошо вписывается в систему представлений раннехристианского мира с его стремлением держаться возможно ближе к усопшим единоверцам, с утрированной заботой об их телах и подчеркнутым отказом воспринимать останки как «нечистое». Можно сказать, что «убогие дома» и связанные с ними обряды напоминают об отношении к мертвым, свойственном ранним христианам (хотя генетически они с ним, конечно, напрямую не связаны). Встречающиеся в литературе указания на то, что эти обы-

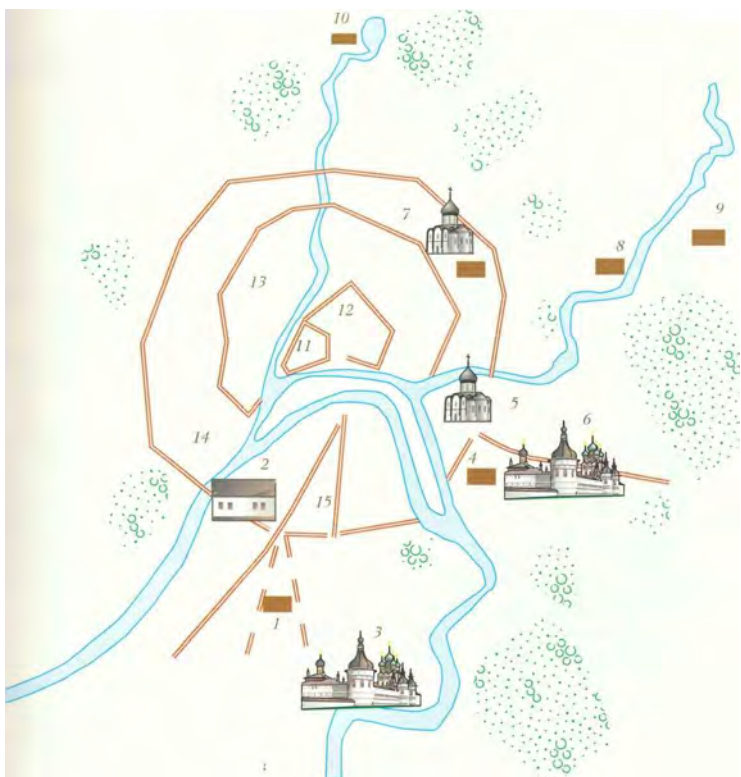

План старообрядческого Преображенского кладбища в Москве. 1804 г. РГИА

План расположения иностранных поселений и захоронений в Москве. XVI в.

Составитель Л.А. Беляев

1. Старый двор
2. Слобода Наливки
3. Данилов монастырь
4. Второе подворье вблизи Болвановки
5. Церковь на Болвановке
6. Покровский монастырь и Божий дом
7. Церковь Харитона в Огородниках
8. 9. Подворья Новой Иноземной слободы,
10. Лазарев двор
11. Кремль
12. Китай-город
13. Белый город
14. Земляной город
15. Замоскворечье

чаи являются реликтом языческих верований, вряд ли справедливы: «собрание», сохранение и коллективное захоронение мертвых тел в родовой общине просто трудно себе представить, и ни археология, ни этнография славян аналогий не дают. Просто подобное поведение воспринималось исследователями XIX в. как «странность», и они искали ей какое-то объяснение. В обществе «развитых христиан» XVIII в. эта странность тем более бросалась в глаза: выраженное Екатериной II при посещении «убогого дома» отвращение от зрелища груды тронутых тлением трупов поразительно напоминает возмущенные высказывания римлян IV в. по поводу переноса кладбищ в города. Ее негодование и ужас очень естественны для человека эпохи Просвещения, столкнувшегося с явлением, стадийно близким раннему христианству. Столь же естественным был для царицы указ о немедленном закрытии «убогих домов».

Московский НЕКРОПОЛЬ В эпоху МОДЕРНИЗАЦИИ

Таким образом, для отказа от раннехристианской традиции с ее эмфазисом на соединении некрополя и города была подготовлена почва. Потребность же разделить эти два неразрывно связанных, но и полностью несоединимых в одно целое явления ощущалась, по крайней мере, с того момента, как она фиксируется в Москве документально. С середины XVII в. власти уже видели неудобства содержания кладбищ у приходских церквей внутри города, отмечая их переполненность, особенно тягостную в годы эпидемий. В 1657 г., вскоре после «моровой язвы» 1654 г., последовал указ о «перемене» кладбищ — старые приходские требовали огородить глухими заборами и прекратить пользоваться ими, а для новых выделить рядом дополнительные участки; полностью исключалась возможность захоронений в Кремле (кроме, разумеется, погребений внутри соборов). Нерешительность таких мер очевидна. Они должны были встретить и прямое недовольство священников, и не-

гласное сопротивление горожан, поскольку значительная часть их общественной жизни давно была связанной именно с ближайшим кладбищем: они привыкли регулярно навещать погребения предков, ходить к ним по большим праздникам, и т.д. (Нужно отметить, однако, что знатные семьи, предки которых были погребены на кладбищах родовых монастырей, могли жить в достаточном отдалении от них и даже вообще в другом городе).

Более последовательный указ Петра I (1722 г.) запретил захоронения в городской черте Москвы (которая осознавалась им как линия Камер-Коллежского вала) и потребовал создания специальных кладбищ за ее пределами. Однако кладбища у приходских церквей упорно существовали в течение почти всего XVIII в. В 1748 г. Елизавета Петровна повторно указала на нежелательность погребений в городской черте, ограничив запретную зону дорогой от Кремля до Головинского двorca на Яузе и прилегающей к ней час-

Русский
антиминс XIX в.

Кладбища Москвы в начале XX века

Масштаб 1 : 80 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова

Москва с пригородами в начале XX в.

- городские кладбища
- 1771
- даты основания городских кладбищ
- монастыри
- монастыри с гражданскими кладбищами
- главные железные дороги
- соединительные ветки железных дорог
- шоссе, главные улицы
- прочие улицы
- железнодорожные вокзалы
- мосты
- дороги
- поселения
- граница Москвы в начале XX в. (муниципальная)
- Застроенные части города в середине XVIII в.
- Граница Москвы в XVIII–XIX вв. (с 1742 г. – таможенная; с 1806 г. – официальная полицейская; с 1864 г. – муниципальная)

тью города, которую часто навещала сама. Этот запрет *ad hoc* удалось провести в жизнь, а для жителей «запретного» района устроить одно, первое в городе, общее кладбище — Лазаревское (с 1750 г., севернее Мариной рощи, между Крестовоздвиженским убогим домом и одним из последних кладбищ иноверцев).

Поводом покончить с погребениями среди городской застройки и создать загородные кладбища стала чума 1771 г. Сенат новым указом окончательно запретил хоронить при церквях в приходах и в части монастырей. Взамен этого за городскими заставами открыли кладбища, большая часть которых сохраняется по сей день: крупнейшее Ваганьковское у Краснопресненской заставы; Введенское на берегу р. Яузы в Лефортове (в районе Немецкой слободы, изначально для погребения неправославных христиан); Даниловское за Серпуховской заставой; Миусское за Камер-Коллежским валом; Калитниковское на месте Убогих домов за Покровским монастырем; Преображенское (изначально для старообрядцев Федосеевского согласия); Пятницкое за Крестовской заставой; Рогожское (также старообрядческое, поповского согласия). В конце XVIII—XIX вв. были созданы также иноверческие кладбища в дополнение к существовав-

шим: Армянское (против Ваганьковского), Еврейское, Караимское. На особых кладбищах хоронили и старообрядцы.

Впрочем, поскольку захоронения в городе допускались при соблюдении особых условий (устройство кирпичного склепа и др.), состоятельные горожане упрямо сохраняли традицию погребений по крайней мере в монастырях. Поэтому некрополи городских (Богоявленский, Высоко-Петровский) и особенно пригородных монастырей (Андроников, Новоспасский, Данилов, Донской, Новодевичий) бурно развивались именно во второй половине XVIII — начале XX вв. (к ним прирезали новые огороженные участки специально под кладбища; появлялись даже совсем новые монастырские некрополи: последним, в 1838 г., кладбище переведенного Алексеевского монастыря).

К 1917 г. в Москве насчитывалось 9 крупных общественных кладбищ и 14 более мелких, локальных (последним открыли Братское кладбище в районе села Всехсвятского во время I Мировой войны — большой некрополь в специально купленном парке предназначался для умиравших в госпиталях). Но благоустройство большинства общих кладбищ до конца XIX в. было очень мало развито. Они не входили в сферу ведения городских властей и оставались

Кладбища Москвы в начале XXI века

Масштаб 1 : 300 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова

Железные дороги

Автострады и основные магистральные улицы Москвы

Прочие улицы Москвы

Шоссе и улицы населённых пунктов

Граница г. Москвы

г. Москва

Населённые пункты городского типа

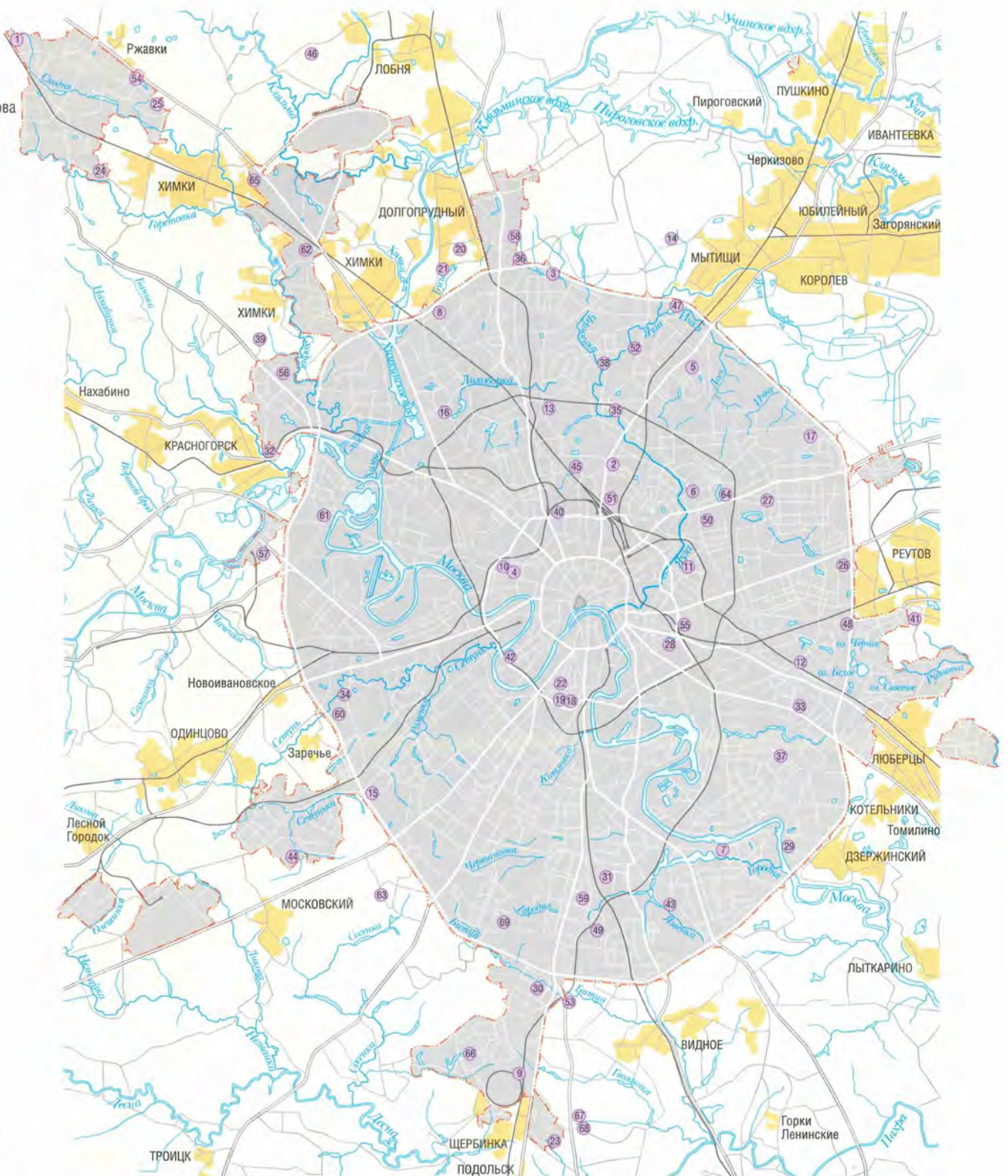
Кладбища г. Москвы и их номер в списке

Примечание:

К схеме прилагается «Список кладбищ г. Москвы»

Список кладбищ г. Москвы

1. Алабушевское
2. Алексеевское
3. Алтуфьевское
4. Армянское
5. Бабушкинское
6. Богородское
7. Борисовское
8. Бусиновское
9. Бутовское
10. Ваганьковское
11. Введенское
12. Вешняковское
13. Владыкинское
14. Волковское
15. Востряковское
16. Головинское
17. Гольяновское
18. Даниловское
19. Даниловское Мусульманское
20. Долгопрудненское (Центральное)
21. Долгопрудненское (Южное)
22. Донское
23. Захарьинское
24. Зеленоградское (Северное) или Рожки
25. Зеленоградское (Центральное)
26. Ивановское
27. Измайловское
28. Калитниковское
29. Капотнинское
30. Качаловское
31. Котляковское
32. Красногорское, или Павшинское
33. Кузьминское
34. Кунцевское
35. Леоновское
36. Лианозовское
37. Люблинское
38. Медведковское
39. Митинское
40. Миусское
41. Николо-Архангельское
42. Новодевичье
43. Ореховское
44. Орловское
45. Останкинское
46. Перепечинское
47. Перловское
48. Перовское
49. Покровское
50. Преображенское
51. Пятницкое
52. Раевское
53. Ракитки
54. Ржавки, или Никольское
55. Рогожское
56. Рождественское
57. Рублевское
58. Старо-Марковское
59. Старо-Покровское
60. Троекуровское
61. Троице-Лыковское
62. Химкинское
63. Хованское
64. Черкизовское
65. Черкизовское (Северное)
66. Черневское
67. Щербинское (Северное)
68. Щербинское (Южное)
69. Ясеновское

Перенос саркофагов из собора Вознесенского монастыря в Кремле перед его сносом. Фото 1920-х гг.

бывальными формы погребений и некрополи (сохранение мумии В.И. Ленина в мавзолее; некрополь борцов за Революцию и руководителей государства у стены Кремля). (Отметим, что подобная практика была свойственна и европейским странам Нового времени — достаточно напомнить историю мумификации вождей Великой Французской революции и Наполеона Бонапарта).

В то же время по всему городу прошла волна уничтожения «мешавших развитию новой планировки столицы» сравнительно молодых общественных кладбищ (Лазаревское, Дорогомиловское, Братское Всехсвятское и др.). Массовому уничтожению подверглись, зачастую вместе с церквями, и остатки древних некрополей приходских храмов. Эти кладбища, при которых регулярные захоронения не производили около столетия, начали застраивать уже с XVIII в., но часть могил, прилежавших к храму, всегда сохранялась; сейчас остатки таких кладбищ в черте старой Москвы представляют большую редкость. В основном закрыли для захоронений и частью уничтожили монастырские кладбища (Андрониковское, Даниловское)¹⁶. При этом некоторые из них парадоксальным образом обрели новую жизнь уже как привилегированные городские кладбища (Новодевичье).

Интересно, что при расширении Москвы в ее черту вошли кладбища окрестных поселков и деревень, частично также уничтожавшиеся. Среди них были довольно известные: сохранившаяся до наших дней часть родового некрополя грузинских царевичей и приходского кладбища у церкви Всех Святых во Всехсвятском; некрополь церкви Рождества Христова в Измайлове (сохранивший планировку и облик старого сельского кладбища); кладбище села Дьяково (повреждено в 1979 г.); кладбище церкви Спаса Нерукотворного на Сетуни и др.¹⁷ Многие из них сохранились внутри города, но возникали они как деревенские.

Таким образом, в течение XVIII—XX вв. в Москве можно наблюдать достаточно быстрый (в историко-культурном измерении времени) отказ от признания за кладбищем права на центральное место, занимаемое им в раннехристианском и средневековом городе. В окончательной и предельно резкой форме он был осуществлен только в советский период, но предварительно обдуман, осознан, заявлен, подготовлен и в значительной мере осуществлен на практике в течение XVIII—XIX вв. (если не считать попыток регулирования в XVII в.). Тем самым Москва утрачивала одно из важных, коренных отличий «христианской столицы», сохраняя лишь память о нем в своих церковных зданиях.

Наблюдаемый процесс можно описать и как медленную деградацию раннего христианского сознания, постепенно отказывающегося от того особого отношения к мертвым как к временно усопшим, от той «жизни с мертвыми», о которой мечтали христиане древности и картина сохранения остатков которой в виде «убогих домов» и реликтовых для XVII—XVIII вв. кладбищ внутри города столь важны для понимания «экологии культуры» старой Москвы. Развитие пространства западноевропейского города ясно указывает, что и в них в Новое время более архаическая традиция погребений за городской чертой, вдоль главных дорог из города (напомним слова летописи о погребениях «на путях»), в целом одержала верх над традиционной для «христианского города» структурой, ориентированной на совместную жизнь живых и усопших. Последствия «раннехристианской революции» были преодолены и сохранялись только как рудименты; «посинелые мертвецы», на которых так жаловались горожане позднеримских полисов, были в конце-концов удалены за священную границу города.

КЛАДБИЩЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВИЧА В XVI -XVII вв.

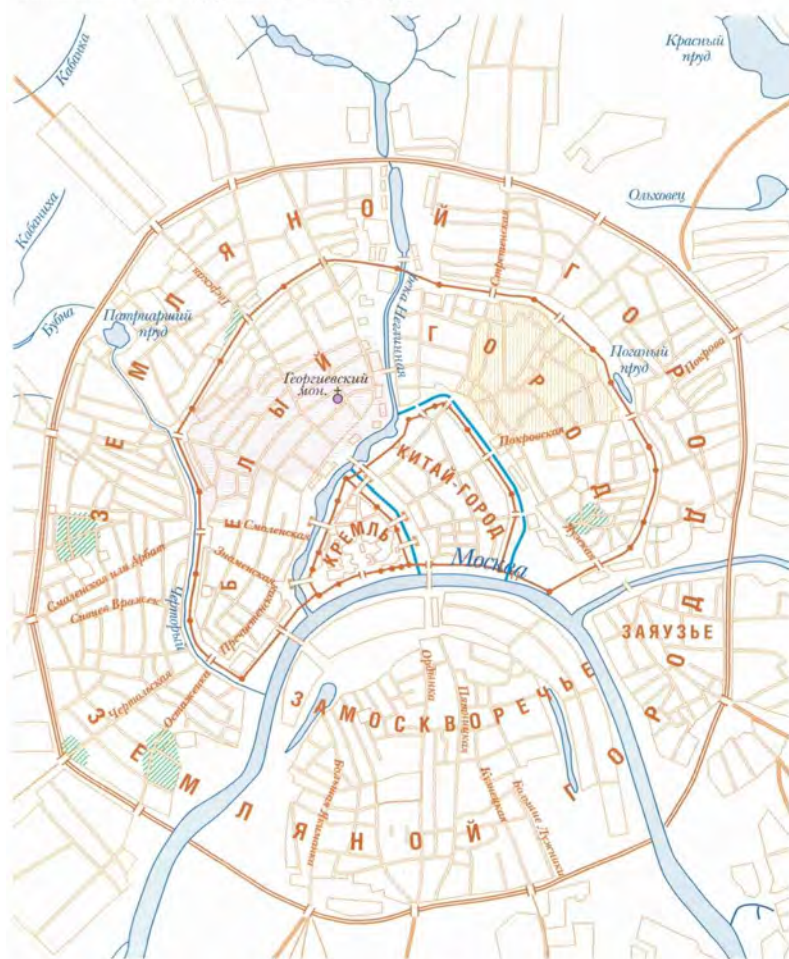
Вряд ли нужно доказывать, что все связанное с захоронением и памятью об усопших было мощным стимулом к формированию сакрального пространства города. Поэтому нам необходимо теперь познакомиться с внутренней структурой церковных кладбищ Москвы, с их социальной, семейной, гендерной структурой, с некоторыми обычаями, как дохристианскими, но прочно вошедшими и в сферу церковного сознания (например, столь психологически естественное оплакивание, сохраняющееся до сего дня), так и сложившимися в ходе развития церковной жизни.

Начнем с простого вопроса: где благочестивый москвич предпочел бы видеть свою могилу? На ближайшем прицерковном (то есть приходском) кладбище? В ближайшем монастыре? В центральном городском соборе? Хотел ли он непременно быть погребенным рядом со своими близкими? И т.д. Нужно сказать, что последний вопрос можно вынести за скобку, поскольку он зависит, в свою очередь, от ответа на первые. Потребность в семейном или родовом участке была всегда, но ведь само его расположение определяли, исходя из возможностей и вполне ясных предпочтений, в том числе сакрально-пространственного характера. Проще всего было бы нарисовать общую гендерно-семейную картину московских кладбищ, расписав по ним погребения мужчин, женщин и детей с указанием на их семейные отношения, место проживания и положение в обществе. К сожалению, у нас почти нет материала для такой работы: лишь для самых престижных кладбищ есть более-менее точный перечень погребений, да и то для самых знатных семей.

Схематический план Москвы с указанием зон, где располагались дворы прихожан Георгиевского монастыря (даны цветной штриховкой)

Масштаб 1 : 50 000

Составитель Е.Я. Федорова по В.Б. Гиришбергу

Собор Варсонофьевского монастыря в Москве. Акварель сер. XIX в.

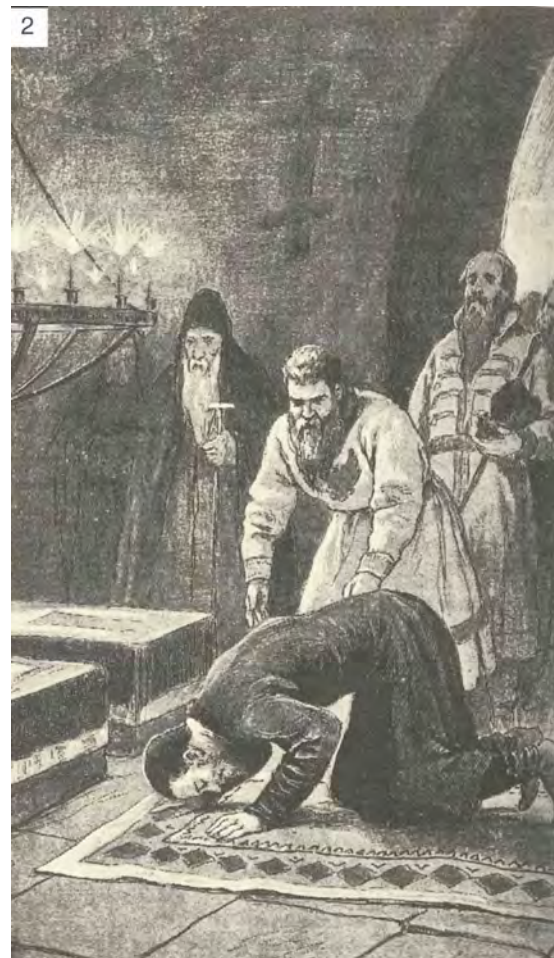

- I район (дворы 1-16)
- II район (дворы 17-22)
- III различные районы (дворы 23-29)

На помощь приходят археология, антропология и, пусть неполные, письменные источники. Еще в 1950-х гг. В.Б. Гиришберг¹⁸ проделал интересный опыт: он нанес на план города дворы тех москвичей, надгробия которых нашел на кладбище Георгиевского монастыря, располагавшегося в начале улицы Дмитровки. Всего на нем обнаружилось 36 плит, распределившихся, благодаря сохранившимся надписям XVII в., примерно поровну: 13 мужских (в том числе один младенец) и 17 женских. Кроме того, на некрополе погребали и схимников, и схимниц: видимо, вдовы следовали за мужьями, несмотря на то что принима-

Почитание мощей средневековой Москвы

1. Перенесение мощей царевича Дмитрия в Архангельский собор Кремля.
2. Прощеное воскресенье. Молитва государя у отеческих гробов.
3. Царь Михаил Федорович молится у мощей Св. Алексия.

Погребальные церковные обряды в изобразительном искусстве XIX в.:
вынос покойного, поклонение отеческим гробам,
последнее соборование, гуляние в кладбищенской роще

«чки». Это подтверждается в тех случаях, когда надписи обнаруживаются исключительно мужские, хотя из источников известно о захоронении также и женщин: например, в соборе Иосифова Волоцкого монастыря найдены только надписи мужчин; также отмечены только мужские погребения и в Кормовой книге этого монастыря — однако из нее и из других документов известно, что галереи собора служили кладбищами нескольким знатным семьям, из которых здесь хоронили, по крайней мере, часть женщин²².

Если обратиться теперь к материалам физической антропологии, которые дают более объективную картину распределения погребенных по полу и возрасту, то обнаружится, что половой диморфизм, действительно, присущ некрополям монастырей. Хотя нигде не достигается полного исключения погребений одного из полов, разница в составе погребенных на кладбищах мужских и женских обителей выражается достаточно резко. Так, многолетние подсчеты погребений на кладбище девичьего Зачатьевского/Алексеевского монастыря на Остоженке дали *ratio* женских погребений к мужским 32:9 (т.е. мужчин около одной четверти, что подтверждает антропологический подсчет), причем число женщин-схимниц велико (24 из 32), в то время как среди мужчин только один усопший, вероятно, был пострижен (его погребение в девичьем монастыре можно объяснить тем, что именно здесь он служил). На кладбище очень много детей, что понятно, учитывая высокую детскую смертность в средневековой Москве, но не характерно для некрополей мужских монастырей (у нас нет подходящей выборки из антропологических анализов мужского монастыря в Москве, но есть свежий материал работ в Спасо-Евфимиевом монастыре г. Суздаля, где на рядовом участке кладбища детских погребений нет, а женских — не более той же четверти, и даже в родовой усыпальнице князей Пожарских и Хованских число тех и других возрастает незначительно: женских до трети, детские представлены несколькими случаями).

Монастырские уставы не требовали разделения погребений между обителями по половому признаку, следовательно, такой диморфизм некрополей — дань местной традиции, вырабатывавшейся постепенно и в некоторых случаях дающей практически чистый результат. Такой необычный пример — некрополь московских великих князей и царей в кремлевском соборе Михаила Архангела, в котором, как известно, женщин не хоронили вообще, а мужчин — не столько по родовому или династическому принципу, сколько по «профессиональному» — по принципу держания или наследования царской власти.

Таким образом, мы наблюдаем целый ряд особенностей в складывании той части сакрального пространства Москвы, которая основана на погребении и поминании усопших. Это пространство (1) оформляется нетленными знаками плит; (2) маркируется фиксирующими надписями (не все из которых обозримы: например, надписи на саркофагах не предполагается читать, однако их наносят, зачастую составляя подробнее, чем на видимых камнях); (3) воспринимается как топографически системное (существенное значение придается расположению точки в пространстве города, на определенном кладбище и его участке); (4) на более престижных некрополях (монастыри, городские соборы) обозначаются признаки полового диморфизма (вплоть до выделения однополых кладбищ), на которые даже сложение родовых и семейных участков в приделах, галереях, отдельных палатках и церквях существенно не влияет.

1.

Среди классических трудов по истории кладбища в Москве назовем работы Н. Розанова (Розанов Н. О московских городских кладбищах. М., 1868/9; он же. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода (1721—1821). М., 1869. Ч. 1—2), М.П. Щепкина (очерк в кн.: Общественное хозяйство г. Москвы в 1866—1887 гг. Ч. 1. Вып. 2. М., 1890. С. 495—545), очерк в сборнике: Канализация г. Москвы: очистка, водостоки, бани и кладбища / под ред. П.В. Сытина. М., 1925. С. 67—81; популярные очерки Шамуриных (Шамурин Ю. Московские кладбища // Москва в ее прошлом и настоящем. М., 1911. Вып. 8. С. 89—124; Шамурина З.И. Великие могилы // Москва и ее окрестности. М., 1911. С. 77—87); общие вопросы истории см. также в очерке: Остроухов В. Московское Лазаревское кладбище. М., 1893. Из изданий последующих лет следует указать очерк в энциклопедии «Москва» (М., 1980. С. 305—306), материалы сборника «Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана» (М., 1991), очерки В.Ф. Козлова (Старообрядческие некрополи Москвы // АСР. № 11.1991. С. 14—18 и др.) и особенно издание старой рукописи А.Т. Саладина «Очерки истории московских кладбищ» (М., 1997) с комментариями С.О. Шмидта и С.Ю. Шокарева, где дана библиография по отдельным кладбищам.

2.

Среди тех, кто работал в последние годы над историей русского некрополя, о задаче выяснения его места в истории русской культуры заявил в кандидатской диссертации Ю.С. Шокарев, однако и у него именно аспект соотношения кладбища как части города с его планировочным целым не проработан (см. автореферат: Московский некрополь XV — начала XX вв. как социокультурное явление (источниковедческий аспект). М., 2000).

3.

Законы Двенадцати таблиц ясно запрещали погребение тел и сожжение в городской черте; пояснения римских юристов указывали на опасность осквернения святости города. Из Отцов Церкви, например, Иоанн Хризостом призвал заботиться о том, чтобы гробницы не возводили в городах, и тем более — не помещали мертвые тела в храмах (Гомилии, 746 8:71.) Еще в VI в. можно найти попытки отказаться от погребений в церквях или, по крайней мере, в городах. Кодекс Юстиниана (сост. между 529—534 гг.) отчетливо требовал вынести за город все урны и саркофаги, если они там имеются, но в это время погребения в городской черте уже совершались. Законодательно запрет на погребения *in urbe*, «который ранее традиционно и совершенно справедливо не принимался в расчет», снял только декрет имп. Льва VI (886—912) в эпоху, когда такие погребения уже стали господствующими. См. о законодательных запретах погребений в городе: Meneghini R., Santangeli Valenziani R. *Sepulture intramurace e paesaggio urbano a Roma tra V e VII secolo* // [Degoli P., Paroli L., eds] *La storia economica di Roma nell'alto medioevo alia luce dei recenti scavi archeologici*. Florence, 1993. P. 89—111; Lambert C. *Le sepulture in urbe nella norma e nella prassi (tarda anticità — alto medioevo)* // [Paroli L., ed.] *L'italia centro-settentrionale in eta longobarda*. Florence, 1997. P. 285—293.

4.

Обзор работ по ранней литургии в ее отношении к смерти и погребению см.: Costambeys M. *Burial topography and the power of the Church in fifth-and sixth-century Rome* // *Papers of the British School at Rome*. Rome—London, 2001. Vol. 69. P. 169—189, особенно: Rowell G. *The Liturgy of Christian Burial. An Introductory Survey of the Historical Development of Christian Burial Rites*. London, 1977; Rotting B. *Die Tradition der Grabkirche* // [Hrg. Schmid K., Wollasch J.] *Memoria. Der Geschichtliche Zeugniswert des Liturgischen Gedenken in Mittelalter*. Munich, 1984. S. 69—78; Chavasse A. *La liturgie de la ville de Rome du Ve au VIIe siecle*. Rome, 1993 (Studia Anselmiana, 112); Paxton Fr. *Christianizing Death: The Creation of a Ritual Process in Early Medieval Europe*. Ithaca—London, 1990; Geary P.J. *Living with the Dead in the Middle Ages*. Ithaca—London, 1994; Rebillard E. *In Hora Moris. Evolution de la pastorale chretienne de la mort aux IVe et Ve siecle dans l'occident latin*. Rome, 1994 (Bibliothèque des Ecoles Francaises d'Athènes et de Rome 283).

5.

См. Dyggve E. *The Origin of the Urban Churchyard* // *Classica et Mediaevalia*. Copenhagen, 1952. Vol. XIII. Fasc. 2. 147—158; его взгляды развиты Филиппом Арьес (Aries E. *L'homme devant la mort*. Paris, 1977, англ. пер. 1981) и американским ученым Питером Брауном (Brown P. *The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity*. Chicago, 1981 и др. работы). Посвященная этой теме обширная литература, вышедшая до 1970-х гг., собрана в: Andresen C. *Einführung in die christliche Archäologie*. (Ein Handbuch). Göttingen, 1971. S. 27—28. Развитию связи «мощи-кладбище-храм» много внимания уделено в работе Дюваля: Duval Y. *Aupres des saints corps et ames: l'inhumation «ad sanctos» dans la chretiente d'Orient et d'Occident du Hie au Vile siecle*. (Etudes augustiniennes). Paris, 1988.

6.

Пересмотр осуществила группа ученых нового поколения, работающих в Италии и Англии. См.: Brogiolo G.P., Cantino Wataghin G. *Sepulture tra IV e VIII secolo*. Mantua, 1998; Cantino Wataghin G. *The ideology of the town burials* // [ed. Brogiolo G.P., Ward-Perkins B.J] *Idea and Ideal of the Town between Late Antiquity and the Early Modern Ages*. Brill, 1999 (Transformation of the Roman World, 4). P. 147—180. Начиная с эпохи де Росси (сер. XIX в.) предполагали, что важнейшим фактором, заставившим перенести и кладбища, и мощи под защиту городских стен, было нашествие готов (в наши дни этой точки зрения держался Д. Осборн), но вскоре выявили и более ранние городские захоронения. См.: Osborne J. *Death*

and burial in sixth-century Rome // *Classical Views (Echos du Monde Classique)*, n.s. v. 28, n. 3. 1984. P. 291—299; ср. «томограмму» погребений в Риме в эпоху «темных веков»: Meneghini R., Santagneli Valenzani R. *Sepulture intramuranea a Roma tra V e VII secolo D. C.* — *Aggiornamenti e considerazioni // Archeologia Medievale*. 1995. Vol. 22. P. 283—290; Meneghini R., Santagneli Valenzani R. *Intramural burials at Rome between the fifth and seventh centuries AD* // [ed. Pearce J., Millett M., Struck MJ *Burial, Society and Context in the Roman World*. Oxford, 2000. P. 264-269.

7.

Их выразителем стал, в числе других, император Юлиан Отступник, указывавший на расхождение практики поклонения могцам как с учением Евангелия, так и с Ветхим заветом, и жаловавшийся, что христиане, упорно громя новые и новые тела умерших, преисполнили весь мир могилами и гробницами (*Contra Galilaeos* 335 С, 339 Е). Процессии с останками, несущие мертвые тела прямо через огромные, плотные толпы горожан, чьи взгляды поражают ужасные признаки тления, казались ему невыносимыми: да разве может день, столь тронутый уже смертью, быть удачным? Кто же посмеет, увидев подобную процессию, обратиться к богам, войти в их храмы? О болезненной приверженности христианства к человеческим останкам говорили многие его противники, например, Евнапий Сардский (*Eunapius of Sardis*) описал, как христиане, собирая кости и черепа «разбойников, казненных за многочисленные преступления», называют мертвецов мучениками и предстателями за людей перед богами.

8.

Dagron G. *Le christianisme dans la ville byzantine* // *DOP* 31 (1977). P. 1—25; этой темой усиленно занимается энтузиаст изучения византийского погребального обряда Эрик Ивисон (*Iverson E.A. Burial and Urbanism at Late Antique and Early Byzantine Corinth*. (C. AD 400—700) // [Christie N., Loseby S.T., ed.], *Towns in transition: urban revolution in late antiquity and the early Middle Ages*. Brookfield, Vt (USA), 1996. P. 99-125, и многочисленные работы по погребальной скульптуре); текст его диссертации до сих пор не опубликован, и мне не удалось с ним познакомиться: *Iverson E.A. Mortuary Practices in Byzantium* (C. 950—1453): an archaeological contribution. PhD thesis, University of Birmingham, 1993. Vols. 1—2. См. также: *Speiser J.-M. Urban and Religious Spaces in Late Byzantine and Early Byzantium*. 2001, и мат-лы по археологии в новом сборнике: *Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life* [ed. N. Necipoglu] 2002.

9.

Результаты его удачно суммировал десятилетие назад М. Мюллер-Вилле, его наблюдения с тех пор серьезно не корректировались, и мы можем на них опираться; там же обширная библиография: *Muller-Wille M. Death and Burial in Medieval Europe*. Stockholm, 1993; полезна также его работа по ранним королевским погребениям: *Muller-Wille M. Konigsgrab und Konigsgrabkirche // Bericht der Romisch-Germanischen Kommission*. 1982. Bd. 63.

10.

Такие случаи отмечены во Франкии (самый ранний пример — церковь Сен-Мартин-де-Мандевилль, Кальвадос, Сев. Нормандия, где перенос кладбища из-за окраины села к стоящей в центре прихода церкви состоялся между 650 и 700 гг., но первые погребения, совершенные в самой церкви, восходят к VI в.); на территориях союзов германских племен (в Булахе, кантон Цюрих, большое (ок. 320 погребений) внешнее кладбище, возникшее в сер. VI в., уже к началу VIII в. было оставлено и «перенесено» в центр поселения, к построенной в сер. VII в. над погребением знатной христианки церкви (ныне Ц. Св. Лаврентия) и в Британии (в VIII в. небольшие кладбища за окраиной Бриксурта были оставлены в то время, когда погребения начали совершать у церкви в середине поселка). См. об этом процессе: *Young B.K. Sacred Topography and Early Christian Churches in Late Antique Gaul* // *First Millennium Papers*. Oxford, 1988. P. 219—240; две важных статьи в сборнике «*Spaces of the Living and the Dead: an Archaeological Dialogue*» [ed. Karkov C.E., Wickham-Crowby K.M., Young B.K.]: *Young B.K. The myth of the pagan cemetery* (p. 61—85) и *Sapin Ch. Architecture and funerary space in the early middle ages* (p. 39—60); *Picard J.-C. Les souvenirs des évêques. (Sepultures, listes épiscopales et culte des évêques en Italie du Nord des origines au X-e siècle)*. Rome, 1988; *Fehring G.P. The Archaeology of Medieval Germany*. L.—N.Y., 1991; *Kieffer-Olsen J. Christianity and Christian burial. The religious background and the transition from paganism to Christianity from the perspective of a churchyard archaeologist* // [ed. Jensen C.K., Nielsen K.H.] *Burial and Society: the chronological and social analysis of archaeological burial data*. Oakville, Conn., 1997. P. 185—189.

11.

Литература по этому вопросу на современном Западе поистине безбрежна. Кроме упомянутой работы Арье, см. выше в прим, книги Ф. Пакстона и П. Гири, а также: *Daniell Ch. Death and Burial in Medieval England*. 1066—1150. London—N.Y., 1997; *The Place of the Dead. Death and Rememberance in Late Medieval and Early Modern Europe*. London, 2000.

12.

Все это диктовалось и тем особым, очень глубоким, отношением к смерти, которое было свойственно западному Средневековью. Из сознания не уходил близкий к паническому страх физического распада, соединенного с загробной расплатой за грехи. Защиту искали у Церкви, которая старалась «приручить» смерть — могилы невольно жались к стенам многочисленных храмов в поисках убежища. Отсюда же — ужас перед погребением вне церковного погоста, в неосвященной земле.

13.

Литература о разрушении кладбищ во Франции и дальнейшем использовании их погребальной традиции см.: *Lindsay S.G. Mummies and Tombs: Turenne, Napoleon, and Death Ritual* // *Art Bulletin*, 2000. Vol. LXXXII. N. 3. P. 476—502

14.

Недавние работы в женском московском (Алексеевский Зачатьевский) и мужском суздальском (Евфимиев Спасский) монастырях позволили сделать интересные и, в общем, неожиданные наблюдения. Соотношение мужчин и женщин на кладбищах XVI—XVII вв. оказалось в прямой зависимости от гендерного характера обители: женские погребения составляли в московском монастыре до двух третей, мужские в мужском — до трех четвертей. При этом в женском монастыре было погребено много младенцев, в мужском же их практически не оказалось.

15.

Снегирев И.М. *Покровский монастырь, что на убогих домах* // [Снегирев И.М., Мартынов А.А.] *Русские достопамятности*. Т. 1. М., 1877. Очерк № 7; интересно, что иноземцы полагали причиной этого обычая трудности захоронения зимой в мерзлой земле, хотя аналогичным образом поступали, например, в Париже и других средневековых городах, где по мере наполнения телами одной братской могилы ее засыпали, одновременно отрывая новую. Важным делом считалось участвовать в погребении — обмывать и обрывать трупы, копать отдельные могилы и засыпать их. И.М. Снегирев предлагает довольно подробную сводку материалов по XVIII—XIX вв.

16.

Козлов В.Ф. *Некрополи московских монастырей в 1918 — начале 1930-х гг.: хроника защиты и гибели* // *Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры*. М., 2008. С. 547—568.

17.

Огромный город переполнили кладбища, открытые в конце XVIII в., поэтому быстро возникали новые. К 1980 г. в Москве было уже 52 кладбища (включая старые городские кладбища, погребения на которых уже не производились), общей пл. 800 га, а в 1990-х гг. их число достигло 65. (Самые известные среди них — Николо-Архангельское (с 1964 г., новый крематорий с 1973 г.); Хованское (район Теплого Стана за МКАД, с 1970-х гг.); Головинское (с 1951 г.), Кузьминское (с 1956 г.), Котляковское, Востряковское, Троекуровское, Кунцевское (весьма престижный филиал Новодевичьего), Перовское, Бабушкинское, Владыкинское и др. Кладбища все дальше уходили за пределы застройки (Митинское, Химкинское, одно из последних — Перепечинское на 40-м километре Ленинградского шоссе). Одновременно была начата работа по приведению в относительный порядок старых некрополей: обычно на территории кладбища устраивается лапидарий, в котором собираются остатки надгробных камней или надгробия, найденные при раскопках (так в Даниловом, Андрониковом, Высоко-Петровском и других монастырях и на небольших фрагментах редких приходских некрополей, как у церкви Сергия в Крапивниках на Петровке).

18.

Гиршберг В.Б. *Надписи из Георгиевского монастыря*. (По материалам наблюдений Музея истории и реконструкции Москвы. 1949 г.) // *Археологические памятники Москвы и Подмосковья*. М., 1954. С. 95—129.

19.

Вообще путешествия тел для захоронения, а также эксгумация с последующим перезахоронением в ином, более престижном родовом некрополе было достаточно обычным делом, и в последние десятилетия опубликовано несколько надгробных текстов этого рода по поводу перемещения тел князей Воротыньских в Кирилло-Белозерский монастырь, перезахоронения «мурзы Хоросмира» и др. См., например: Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П. *Памятная плита Ивана Мирославича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре* // *Российская археология*. М., 2007. № 2. С. 84-87.

20.

Подсчеты сделаны по: *Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие*. М., 1996. Раздел «Каталог».

21.

Там же. С. 195-256.

22.

См.: Чернов С.З. *Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Старый и Новый приделы* // *Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель*. М., 2008. С. 269—314.

САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР МОСКВЫ

Сложившийся в видении современных исследователей образ средневековой Москвы устойчиво связан с четким делением сакральных зон по их значению. В центре сакрального пространства Москвы неизменно оказывается Кремль — в сознании людей XIV — начала XVI вв., до появления Нового города (Китая), собственно город. В этом сакральном и политическом центре страны основные церковные объекты получили особые функции: Успенский собор — место упокоения Предстоятелей Русской Церкви, соборный храм Митрополии, а затем Патриархии; Чудов монастырь — владычная патриаршая обитель митрополитов и Патриархов; Архангельский собор — усыпальница мужчин всего дома Калитичей, а затем и царствующей ветви Романовых, потомков Михаила Феодоровича; Вознесенский монастырь — обитель и усыпальница великих княгинь и цариц правящих династий, и так далее. Здесь же, в Кремле, возникали домовые храмы митрополитов, Патриархов, великих князей, царей, великих княгинь и цариц, царских детей.

Функциональное бытование этих храмов и усваиваемое им в связи с этим особое дополнительное символическое значение предопределяет их место в общем годовом круге Патриарших и царских выходов, сопровождаемых стациональными богослужениями. С этим сакральным центром тесно связана (прежде всего, кругом процессий) территория перед главными символическими воротами Кремля, где находились Аобное место (амвон государства Российского и образ Ролгофы) и собор Покрова на Рву (называемый иногда Иерусалимом и символически являющийся таковым в Неделю Ваий). Схема сакрального центра Москвы в уже сложившемся виде известна по крайней мере с конца XVI в. Когда же ее части были соответствующим образом осмыслены, внутренне структурированы и включены в общую систему представлений о сакральном пространстве средневекового города? Или она возникла сразу, по единому замыслу?

План Владыки
Вознесенского дворянского
монастыря в Москве
возле Кремля

дворы и служебные здания

Копия

Опись

- 1 Камен. ограда по сторонам
- 2 Камен. двубортная келия
- 3 Камен. трехъярусная келия
- 4 Камен. двубортная келия с предтопаком на переборках во дворе
- 5 Камен. 2-ярусная келия
- 6 Камен. одноэтажная келия
- 7 Камен. двубортная келия между корпусом колодезьной и вверху церквей в честь Св. Петра и Павла и в честь Матроны
- 8 Деревян. одноэтажная баня
- 9 Деревян. одноэтажная келия
- 10 Деревян. одноэтажная келия
- X Келья для размещения

дворы и служебные здания

дворы и служебные здания

Музей
Московского Кремля
Инженерный отдел
Лит. 2378
19 2378

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вознесенский монастырь. Генплан владения. Архитектор П.Н. Морков. 1906 г. ГИКМЗ «Московский Кремль»

ДРЕВНЕЙШИЕ ХРАМЫ КРЕМЛЯ — ЦЕРКОВЬ ДИМИТРИЯ Солунского и СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

На основании существующих документальных источников точно определить исходную точку формирования сакральной топографии Кремля нельзя. Правда, документально известно о каменном строительстве Ивана Калиты, что дает представление о времени создания и посвящении храмов, сохраняющих свои престолы (а за небольшим исключением и свое место) на протяжении столетий. До калитинского строительства, как можно судить по достоверным упоминаниям в летописи, мог существовать деревянный собор Спаса на Бору (вероятнее всего, именно к нему относится известие группы летописей XV в. о привезении в Москву в 1318/1319 г. убитого в Орде тверского князя Михаила Ярославича, тело которого было положено «во церкви Преображения»)¹.

Ряд летописей упоминают не только церковь Преображения, но и существующий уже в то время монастырь («в церкви святого Спаса в монастыри»²), что входит в противоречие с известным упоминанием летописи о создании монастыря только при строительстве каменного храма на Бору³. Весьма существенны и предположения об освящении первого княжеского храма на Маковце во имя святого Димитрия Солунского. Некоторые исследователи (В.И. Федоров, Н.С. Шеляпина) полагали, что эта церковь была каменной⁴, но существование каменной церкви до Успенского собора, с которого начинается достоверная летопись каменного строительства в Москве, документально и археологически не обосновано⁵. Косвенные данные подтверждают, что на месте первого Успенского собора ранее стояла церковь с погостом, посвященная, возможно, свято-

му Димитрию Солунскому. Раскопками здесь открыто самое старое пока в Кремле кладбище церковного типа с древнейшими образцами белокаменных могильных плит, одна из которых вторично использована в кладке собора эпохи митрополита Петра.

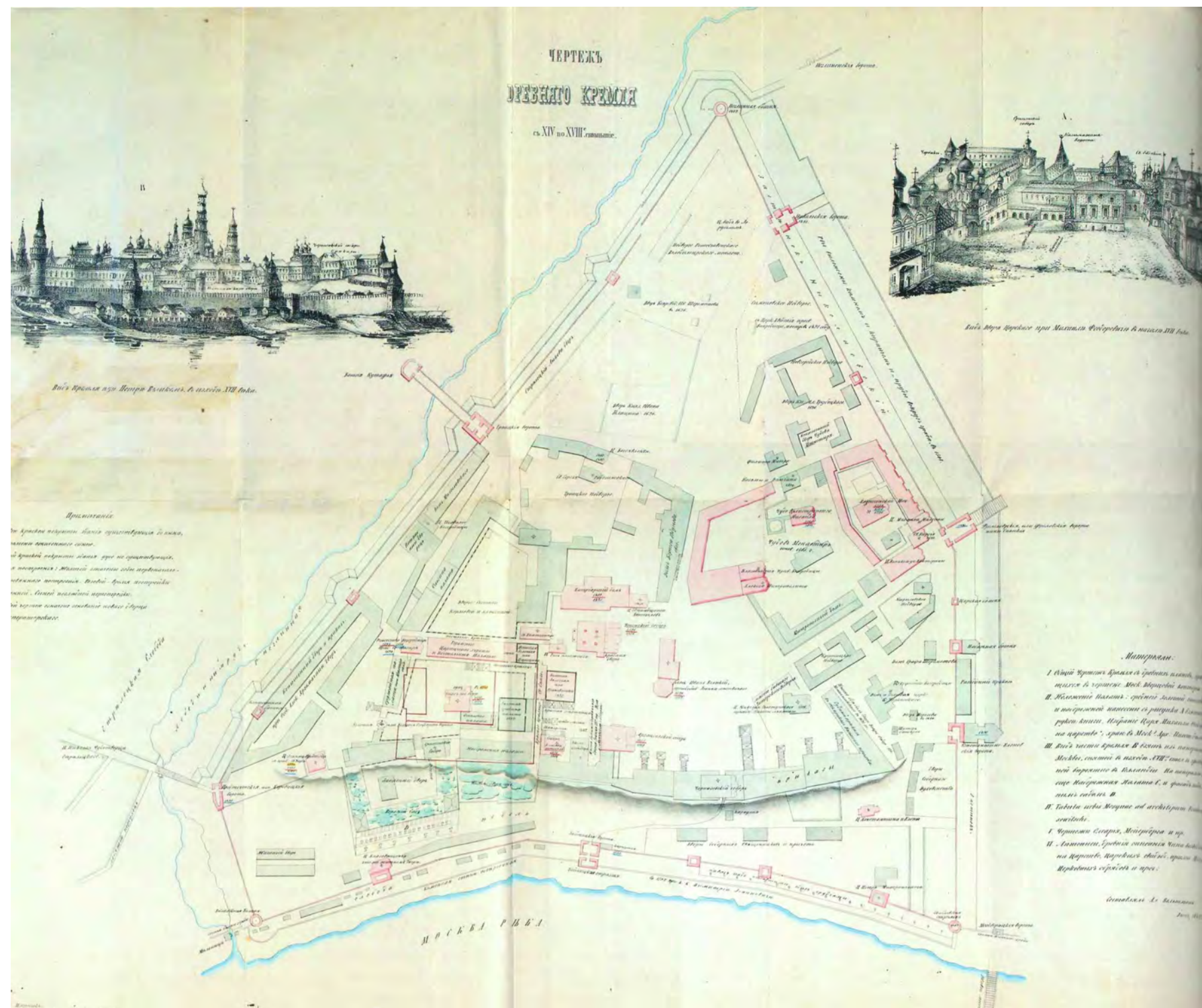
Какому храму принадлежало это древнее кладбище, помогает понять история погребения великого князя Юрия Даниловича. Он был убит в Орде осенью 1325 г. тверским князем Дмитрием Михайловичем Грозные Очи, отомстившим Юрию за смерть своего отца, Тверского и великого Владимирского князя Михаила Ярославича. Тело Юрия Даниловича привезли в Москву только весной 1326 г. В первую субботу Великого поста он был похоронен, согласно многим летописям, в Архангельском соборе, «на десной стране»⁶. Это сообщение входит в противоречие с последующей историей погребения Юрия в Кремле: рассказывая о выносе саркофагов из Успенского собора Ивана Калиты в 1472 г., летопись сообщит о гробе князя Юрия в приделе Димитрия Солунского. Описывается, что строители вынули из стены придела святого великомученика Димитрия мощи великого князя и переложили их в деревянный гроб⁷. После возведения нового собора гроб с мощами Юрия Даниловича положили в новом приделе святого Димитрия Солунского, на той же стороне, где они находились в первом соборе⁸. После крушения второго Успенского собора и возведения третьего Аристотелем Фиораванти мощи князя также были положены в новом, уже третьем приделе святого Димитрия, располагавшимся на месте диаконника, справа от алтаря⁹.

Таким образом, оказывается, что погребение князя до 1472 г. находилось в аркосолии в южной стене придела, устроенного в диаконнике Успенского собора 1326 г. Летописцы же, сообщая о захоронении Юрия Даниловича в Архангельском соборе, опирались на сложившуюся ко времени составления летописи традицию погребения московских князей в великокняжеской усыпальнице и реконструировали события вопреки существующим реальным погребениям. Однако и признание того факта, что мощи Юрия Даниловича находились к 1472 г. в Успенском соборе Ивана Калиты, решает не все загадки: ведь в Москву убитого князя привезли из Орды почти на полгода раньше начала строительства Успенского собора, ранней весной. Успенский же собор заложили только 4 августа 1326 г. Значит, Юрий не был изначально погребен в приделе Успенского собора, но перезахоронен в нем после строительства.

Почему же его положили именно в приделе Димитрия Солунского и с чем связано само устройство этого храма в Успенском соборе? Ведь ни Юрий Данилович, ни Иван Калита и никто из его детей не были соименными этому святому. Ответ подсказывает более поздняя практика: престолы прежде бывших церквей часто переносили во вновь построенные храмы в качестве придельных. Исследователи давно сделали логический вывод о существовании на ме-

Стены Московского Кремля.
Современное фото

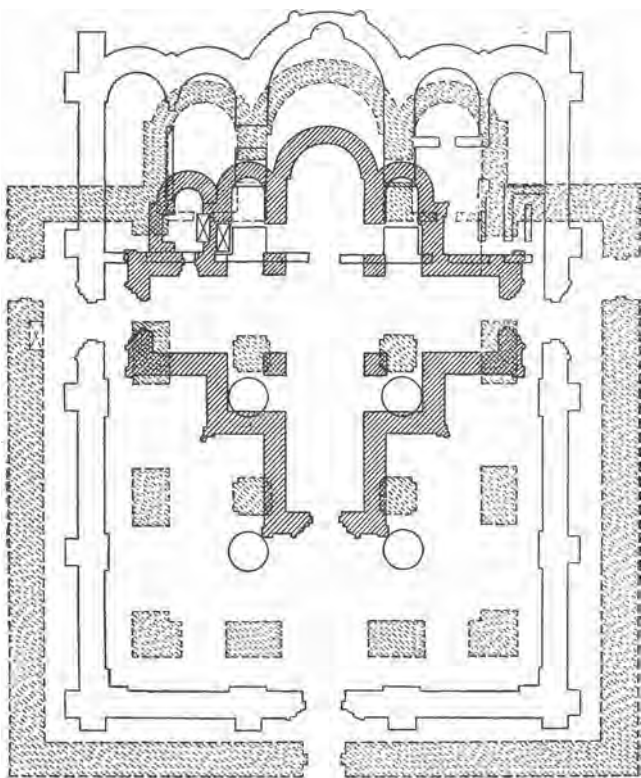
Историческая схема
Московского Кремля.
Составлена А. Вельтманом. 1842 г.

сте Успенского собора церкви Дмитрия Солунского, в которой первоначально и могло быть положено тело великого князя Юрия Даниловича.

Освящение храма в домонгольской Москве как пограничной крепости владими́ро-суздальских князей в память Дмитрия Солунского закономерно: имя Дмитрий получил в святом крещении великий князь Всеволод Большое Гнездо. Он посвятил своему небесному покровителю новопостроенный княжеский собор во Владимире и перенес в него из Солуни реликвии святого¹⁰. С этого момента великомученика стали особо почитать во Владимир-Суздальской земле, особенно в семье великого князя Всеволода. Впрочем, святого воина и ранее почитали как покровителя всего русского княжеского рода (и, конечно, соименных ему князей). Церковь святого Дмитрия Солунского была городским храмом еще одной близкой к Москве крепости — города Дмитрова¹¹. Церковь с таким посвящением,

вероятно, построили и в Москве. Она стала тем храмом, где молились первые московские князья. Строительство вместо нее нового храма в честь Успения Божией Матери означало изменение статуса города. Если посвящение главного престола св. Димитрию отвечало положению княжеской крепости XIII в., то посвящение Успению Богородицы включало Москву в общерусскую традицию посвящения соборных храмов монастырей и городов, окончательно превращало ее из пограничной крепости в великокняжеский город.

До 1333 г. Успенский собор с приделом Дмитрия Солунского, несшим память о древней княжеской церкви, оставался единым сакральным центром города, служа и владычным, и княжеским собором. Но в 1333 г. в сакральной топографии Москвы отмечена важнейшая перемена. На свободном от застройки участке — «на площади»¹² был заложен новый каменный Архангельский собор. Как и ныне существующий, новый княжеский храм был выстроен на бровке холма, в его южной части. С чем же был связан выбор места? Наши представления о топографии древнейшего великокняжеского двора вполне условны. Учитывая характерную для Кремля преэминентность местоположения построек, можно думать, что по-

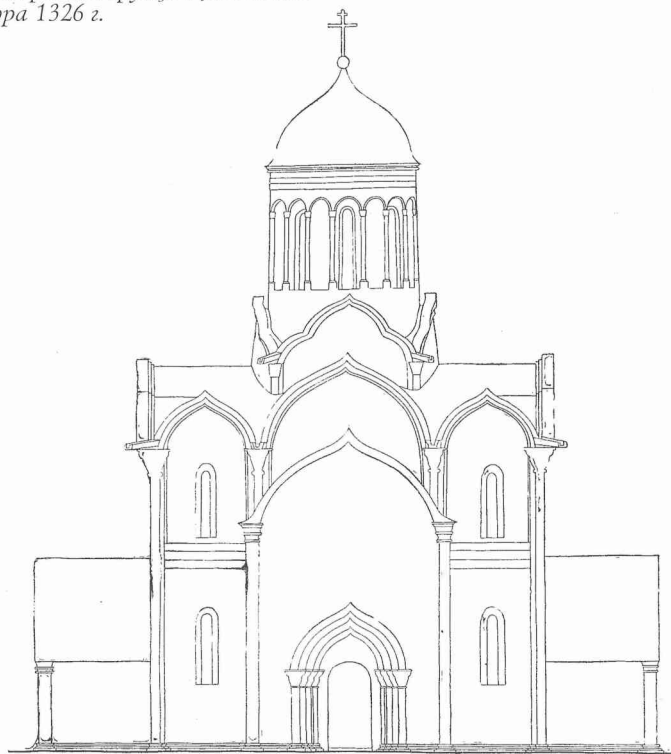
Реконструкция плана Успенского собора 1326, 1472 и 1475 гг. (по К.К. Романову). Штриховка — собор 1326 г., пунктирная штриховка — собор 1472 г., контур — собор 1475 г.

стройки двора Ивана Калиты находились в этом же районе Боровицкого холма. Летопись, сообщающая о росписи Архангельского собора при Симеоне Гордом, отчетливо привязывает его к княжескому двору. Перенесение к нему княжеского храма, видимо, определяло разделение «площади» на митрополичью и княжескую зоны. Как пишет летописец, излагая события 1343/44 г.: «Того же лета начяша подписывати две церкви камены на Москве: пресвященный Феогнаст, митрополит Киевский и всеа Руси, у своего митрополичья двора соборную церковь пречистыа Богородици Греческими мастера... а другую цер-

Образ Димитрия Солунского, написанный, по преданию, на его гробовой доске (святой скончался в IV в.). Успенский собор. Москва

Схема реконструкции Успенского собора 1326 г.

ковь, у великого князя двора, святого архангела Михаила князь велики Семен Иванович подписывал Русскими иконники...»¹³. Четкое разделение в принадлежности соборов прослеживается и в разделении артелей иконописцев: митрополичьи греческие мастера расписывают Успенский собор, русские великокняжеские — Архангельский.

Хотя известие датируется десятью годами позже строительства собора, отмеченная здесь дихотомия заложена уже при строительстве. Характерно само посвящение этого храма. Как и посвящение собора Успению Богородицы, оно связывает Москву с древней домонгольской традицией княжеского строительства. Освящение новой княжеской церкви во имя Собора Архангела Михаила означало перенесение в Москву традиционного для русских князей почитания Архангела Михаила, особенно как Архистратига Небесных сил бесплотных, как покровителя праведного земного войска и его вождей — земных христианских правителей. Среди наиболее известных княжеских и владычных построек, посвященных Архангелу Михаилу — собор Михайлова Златоверхого монастыря (1108), основанный князем Святополком Изяславичем; Выдубицкого монастыря в Киеве (1070—1088), а также собор Архангела Михаила в Переславе, созданный митрополитом Ефремом (1089). Продолжалась эта традиция и в Северо-Восточной Руси. В стольном городе владимирских князей, на дворе князя Константина Всеволодовича, стояла церковь Архангела Михаила, сгоревшая во время пожара 1162/21 г.¹⁴; церковь Архангела Михаила он создал и на своем дворе в Ростове (1207)¹⁵. Соборная церковь Архангела Михаила существовала в Городце (в 1304 г. в ней похоронили князя Андрея Александровича Городецкого)¹⁶. Сын Всеволода III, князь Святослав, основал в своем городе Юрьеве-Польском монастырь Архангела Михаила, а другой его сын, Георгий — собор Архангела Михаила в Нижнем Новгороде (1227). Наконец, в 1333 г. в этот ряд встал и княжеский храм Москвы — кремлевский Архангельский собор.

СТАТУСНЫЕ НЕКРОПОЛИ И РАЗВИТИЕ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КРЕМЛЯ

Начало структурирования сакрального пространства Кремля проявляется прежде всего через топографию некрополей. Их история (как ни мало она нам известна) показывает постепенное, растянутое во времени изменение статуса кремлевских храмов.

Вернемся назад, к началу истории Успенского собора. Первый каменный храм Ивана Калиты стал с самого начала усыпальницей и великого князя Юрия Даниловича, и святого митрополита Петра. Таким образом, в городском соборе — исток обоих некрополей, княжеского и священнического. К этому нужно добавить, что первое докумен-

тально известное женское княжеское погребение (1332) совершается не в Успенском соборе, а в Спасском монастыре. Включал ли замысел Ивана Калиты, строившего новый храм во имя Архангела Михаила (освящен в 1333 г.), устройство в нем будущей усыпальницы, или предполагалось развитие княжеского некрополя в Успенском соборе? К сожалению, мы не знаем, где был погребен умерший в 1337 г. внук Ивана Калиты, сын Симеона Гордого — князь Василий¹⁷. Первое известное захоронение (1340 или 1341 гг.) в Архангельском соборе принадлежит его создателю — великому князю Ивану Даниловичу. Это показывает,

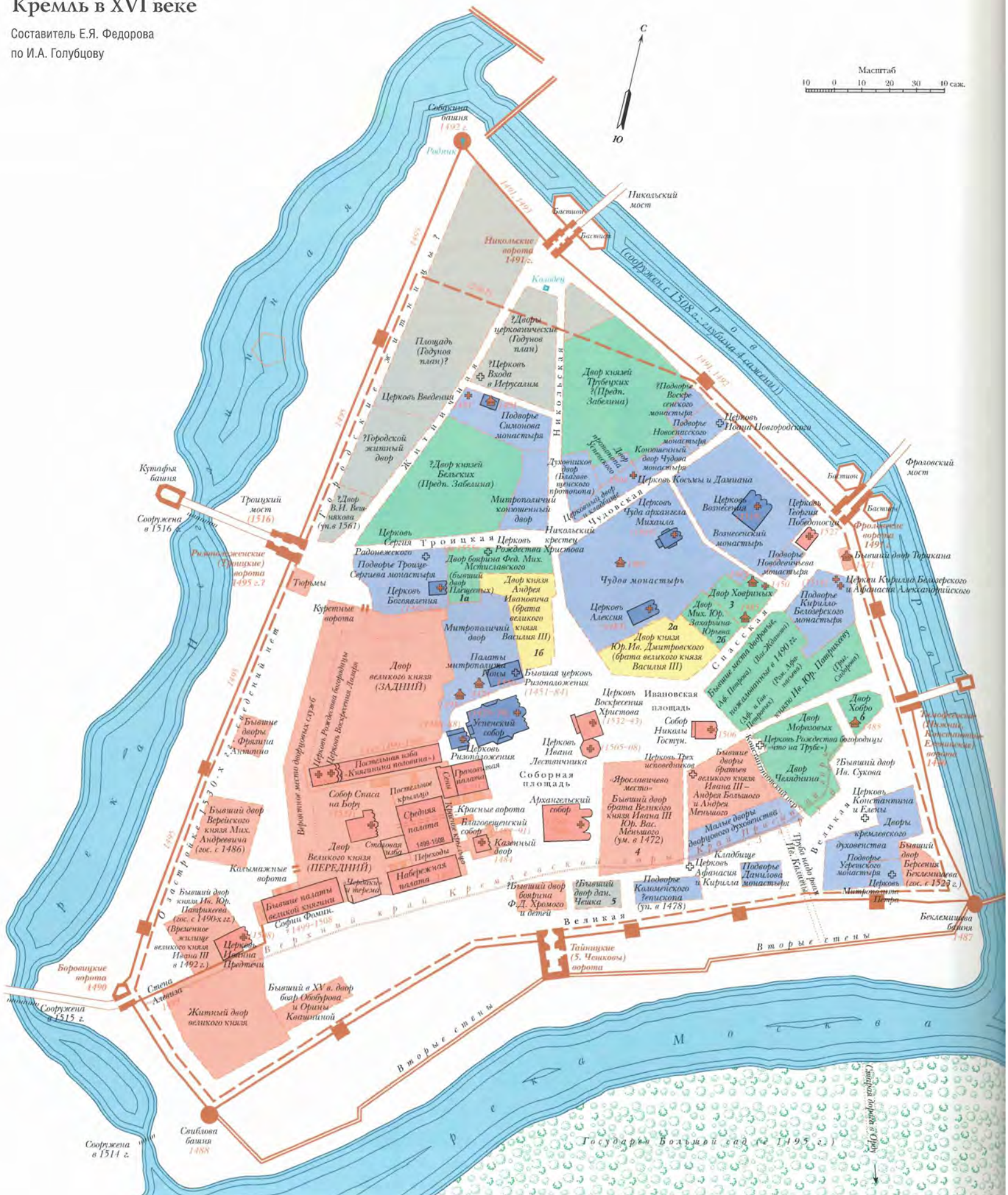

*Вид Соборной площади Кремля
во время коронации Елизаветы
Петровны в 1742 г. Гравюра
ИА. Соколова 1744 г.*

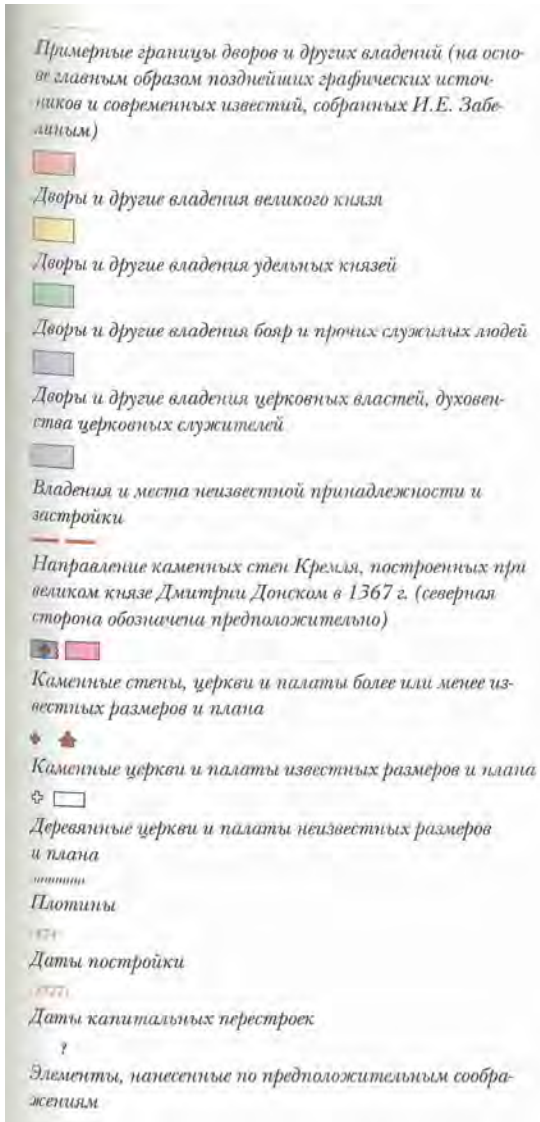
Кремль в XVI веке

Составитель Е.Я. Федорова
по И.А. Голубцову

Масштаб
10 0 10 20 30 40 саж.

Точками обозначено направление линий, не являющихся границами дворов (направления проездов, предположительных контуров застройки и т. п.)

Примечания

- 1а, 1б — Оба двора составляли владение тысяцких Протасьевичей (Бельяминовых)
- 2а, 2б — Оба владения в конце XV в. занимали свыше 10 мелких дворов разного чина служилых и придворных людей; в 1504 г. места эти завещаны великим князем Иваном III сыновьям
- 3 — Ивана Головы и Дмитрия Овцы
- 4 — Временный деревянный дворец Ивана III в 1492-
- 5 — Боярина князя Юрия Галицкого
- 6 — Бывший боярина Ив. Вас. Образцова-Симского, по прозвищу Хабара

что Успенский собор уже тогда не считался единственным и обязательным местом погребения великих князей.

Как соотносится практика захоронений в кремлевских храмах первой половины XIV в. с древнерусской традицией? Прежде всего, обратим внимание на стольный город великих князей Владимирских. В его Успенском соборе, как и во многих соборных храмах Киевской Руси, погребения святителей соседствовали с княжескими могилами. Основатель владимирского Успенского собора, великий князь Андрей Боголюбский, хоронит в нем детей (Изяслава, Мстислава, Глеба), затем в нем погребают самого князя, а позже его братьев (Михалка и Всеволода). Под сводами собора были положены убиенный татарами благоверный князь Георгий Всеволодович и его семья (жена, дочь, сыновья), погибшая при взятии Владимира войском хана Батые. В Успенском соборе находился и некрополь владимирских епископов — Луки, Симеона, Митрофания (по-

гибшего в соборе вместе с женой и детьми великого князя Георгия Всеволодовича), Серапиона, Феодора¹⁸. Здесь похоронили и митрополита Максима, первого Предстоятеля Русской Церкви, избравшего местом своего пребывания владения владимирских великих князей.

При этом владимирский Успенский собор не является единственным местом захоронения великих князей и их потомков. Потомков великого князя Всеволода Большое Гнездо часто погребают в их ктиторских монастырях и соборах — как и всюду в Киевской Руси. Отметим, в частности, что во Владимире уже при великом князе Всеволоде III

Вид Соборной площади в Кремле. Акварель Дж. Кваренги. 1797 г.

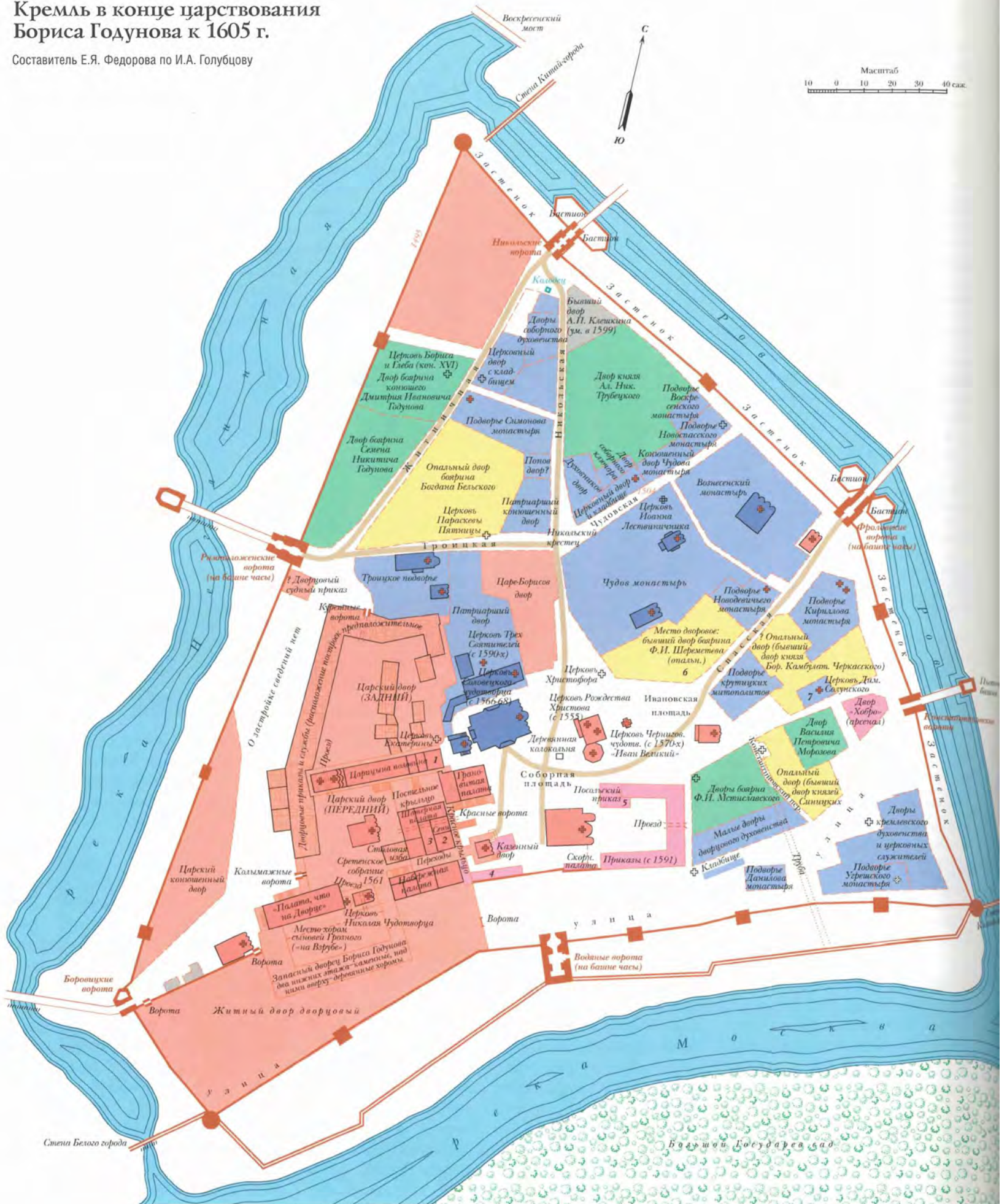
складывается отдельный некрополь великих княгинь. Местом их упокоения становится Успенский Княгинин монастырь. Его основательница — Мария Шварновна, первая жена Всеволода Георгиевича, которую в соответствии с традицией хоронят в основанном ею монастыре. Здесь же погребли ее дочь Елену и ее сестру; вторую жену великого князя Всеволода, «дщи витебьскаго князя»; жену Александра Невского Александру и его дочь Евдокию, а также его сноху (жену его сына Андрея) Василису¹⁹.

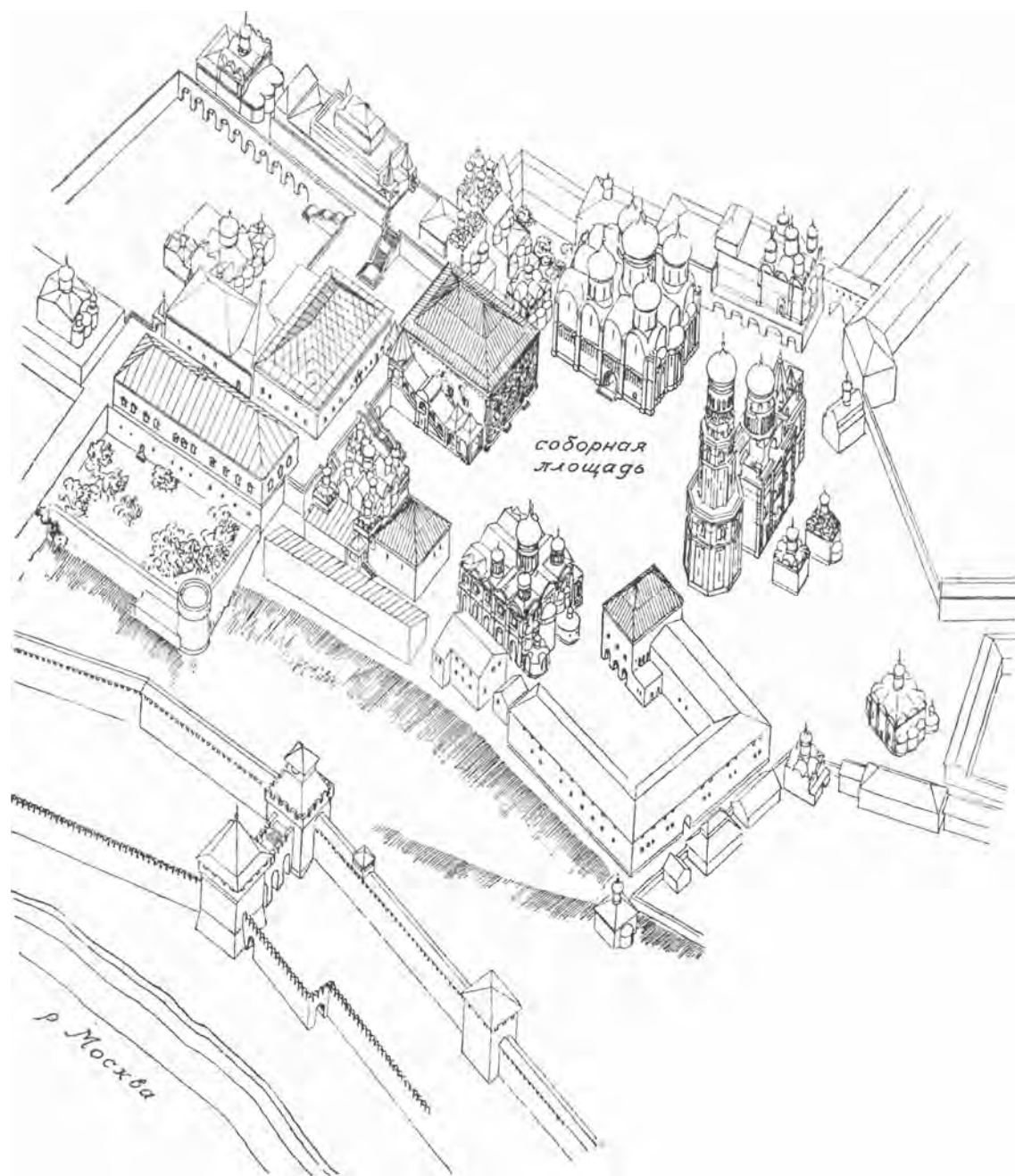
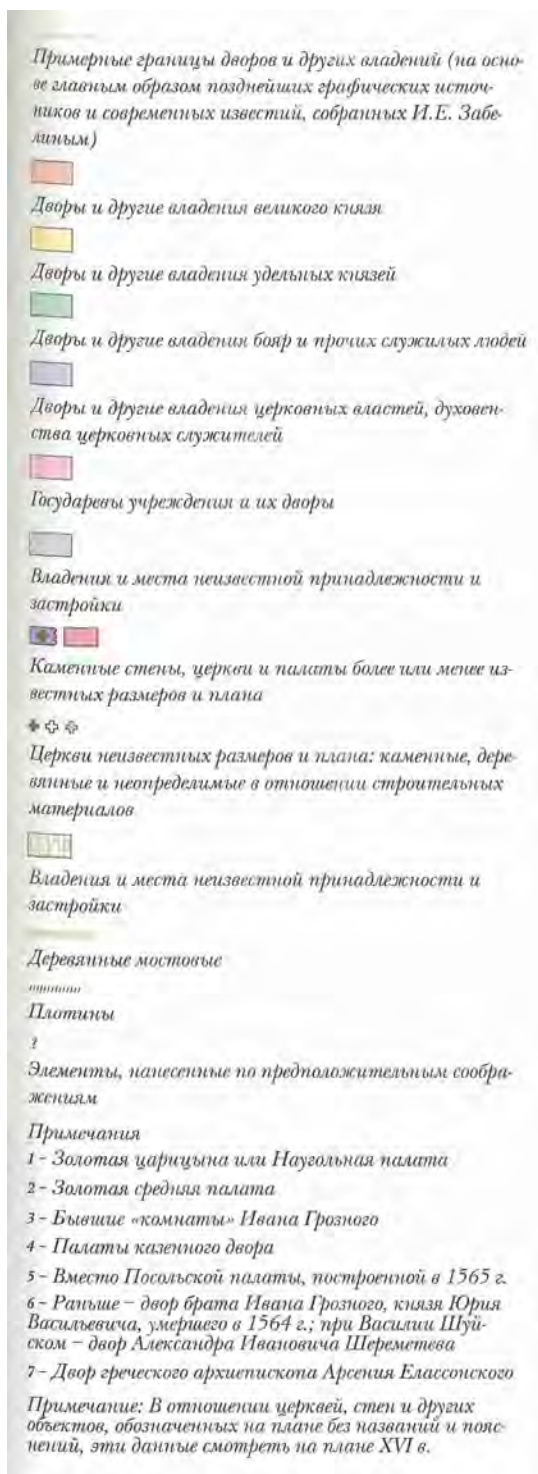
Аналогичная в общем картина складывается с конца XIII в. для Твери, многолетней соперницы Москвы в борьбе за великое Владимирское княжение. Спаский собор Твери становится местом упокоения великих князей, их жен, а также тверских епископов. После строительства в него переносят мощи великого князя Ярослава Ярославича, погребенного в предшествовавшей собору церкви Козьмы и Дамиана. В соборе похоронили первого тверского епископа Симеона (при котором был возведен собор) и его строителя — великого князя Михаила Ярославича, погубленного в Орде великим князем Юрием Даниловичем. Впоследствии здесь погребли преемников владыки Симеона, тверских епископов Андрея, Варсонофия, Феодора и Феодора Доброго. В соборе похоронены потомки великого князя Михаила Ярославича — его сын Александр Михайлович и внук Феодор Александрович, убитые в Орде, а также правнук — великий князь Михаил Александрович и его дети и внуки вплоть до последнего великого князя Тверского Бориса Александровича. Отметим, что в Спасском соборе хоронят и жен великих тверских князей — Ксению Юрьевну, жену Ярослава Ярославича; Евдо-

Кремль в конце царствования Бориса Годунова к 1605 г.

Составитель Е.Я. Федорова по И.А. Голубцову

Масштаб
10 0 10 20 30 40 саж.

Ансамбль Соборной площади.
Вторая половина XVII в.
Реконструкция

кию Константиновну, жену великого князя Михаила Александровича; Марию Кейстутьевну и Евдокию Дмитриевну Дорогобужскую, жен великого князя Ивана Михайловича²⁰.

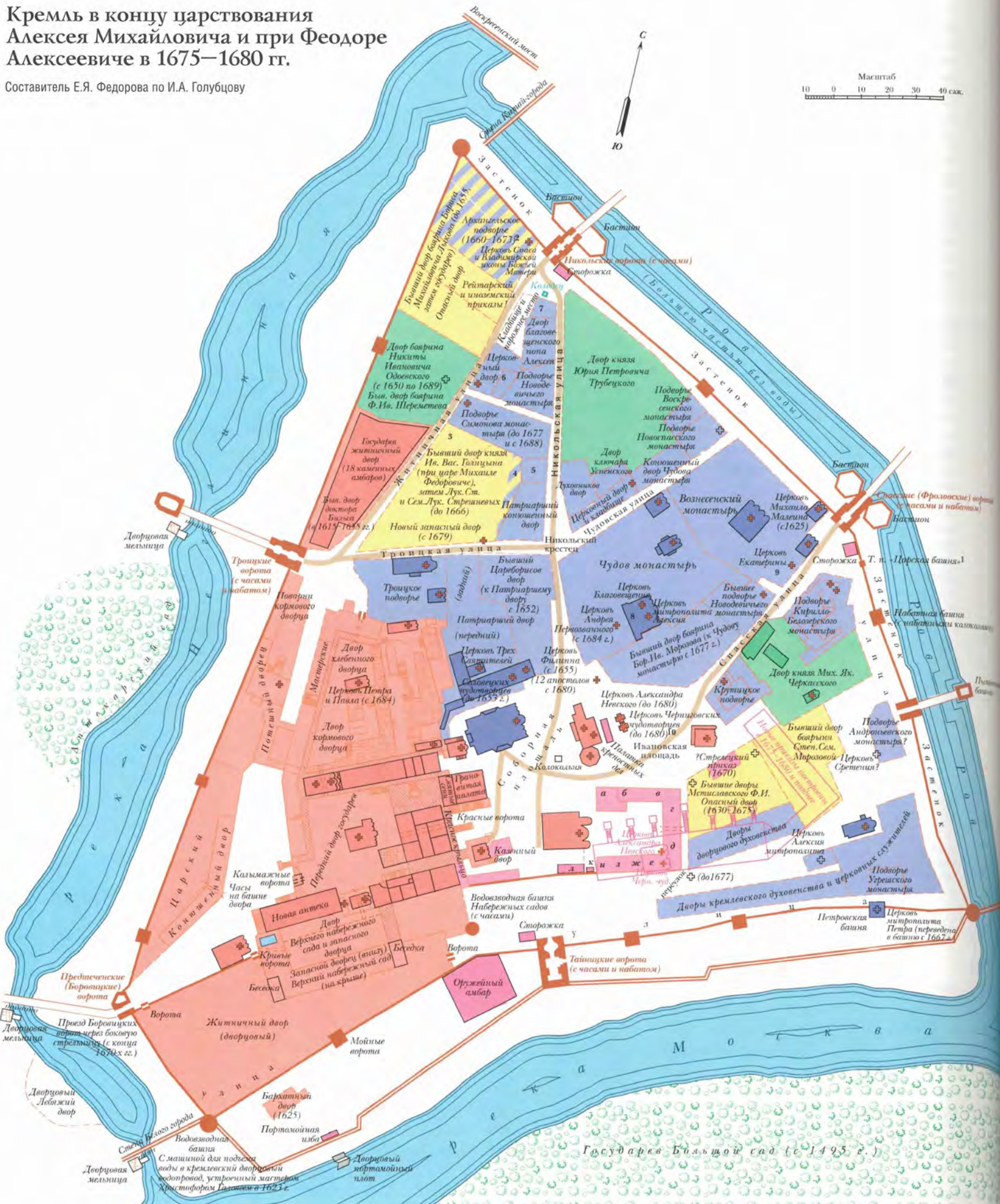
В Москве на первых порах наблюдаем ту же традицию. Захоронение князя Даниила Александровича не в городской церкви Димитрия Солунского, а в созданном и явно опекаемом им Даниловском монастыре вполне закономерно. Ведь и его отец, великий князь Александр Невский, погребен в великокняжеском Рождественском монастыре, а не в городском соборе. Не менее естественно, что сына Даниила, Юрия, кладут не рядом с ним в Даниловом монастыре, а в княжеской церкви в городе. Размещение гробниц митрополита Петра и князя Юрия под сводами Успенского собора вполне в русле старой традиции соединения в городском соборе святительского и великокняжеского некрополей. Следы формирования отдельных монастырских княжеских некрополей, прежде всего женских,

также можно считать естественным продолжением владимирской традиции хоронить жен великих князей в отдельном «княгинином» монастыре, роль которого в первой половине XIV в. в Москве усваивается монастырю Преображения Господня на Бору (разумеется, это не исключает присутствия в нем и мужских захоронений).

Погребение Ивана Калиты не в Успенском, а в Архангельском соборе означает, прежде всего, изменение топографии княжеского мужского некрополя. Примеры смены места захоронения князей в очень короткое время хорошо известны. Десятинная церковь как великокняжеский храм стала местом погребения киевских князей, прежде всего Владимира Святого. Однако после строительства князем Ярославом Софийского собора, кафедры Русской митрополии, некоторые князья, и прежде всего князь-основатель, находят упокоение именно в нем. Здесь хоронят его сына — великого князя Всеволода; его внуков — великого

Кремль в конце царствования Алексея Михайловича и при Федоре Алексеевиче в 1675–1680 гг.

Составитель Е.Я. Федорова по И.А. Голубцову

Территория государева Двора к концу царствования Алексея Михайловича и при Федоре Алексеевиче в 1678—1680 гг.

Составитель Е.Я. Федорова по И.А. Голубцову

Примерные границы дворов и других владений (на основе главным образом позднейших графических источников и современных известий, собранных И.Е. Забелиным)

Границы владений и участков, бывшие до или после указанного времени

- Дворы и другие владения великого князя
- Дворы и другие владения удельных князей
- Дворы и другие владения бояр и прочих служилых людей
- Дворы и другие владения церковных властей, духовенства церковных служителей
- Государевы учреждения и их дворы
- Каменные стены, церкви, палаты и прочие сооружения более или менее известных размеров и плана
- Церкви неизвестных размеров и плана; каменные и неотделимые в отношении строительных материалов
- Деревянные постройки

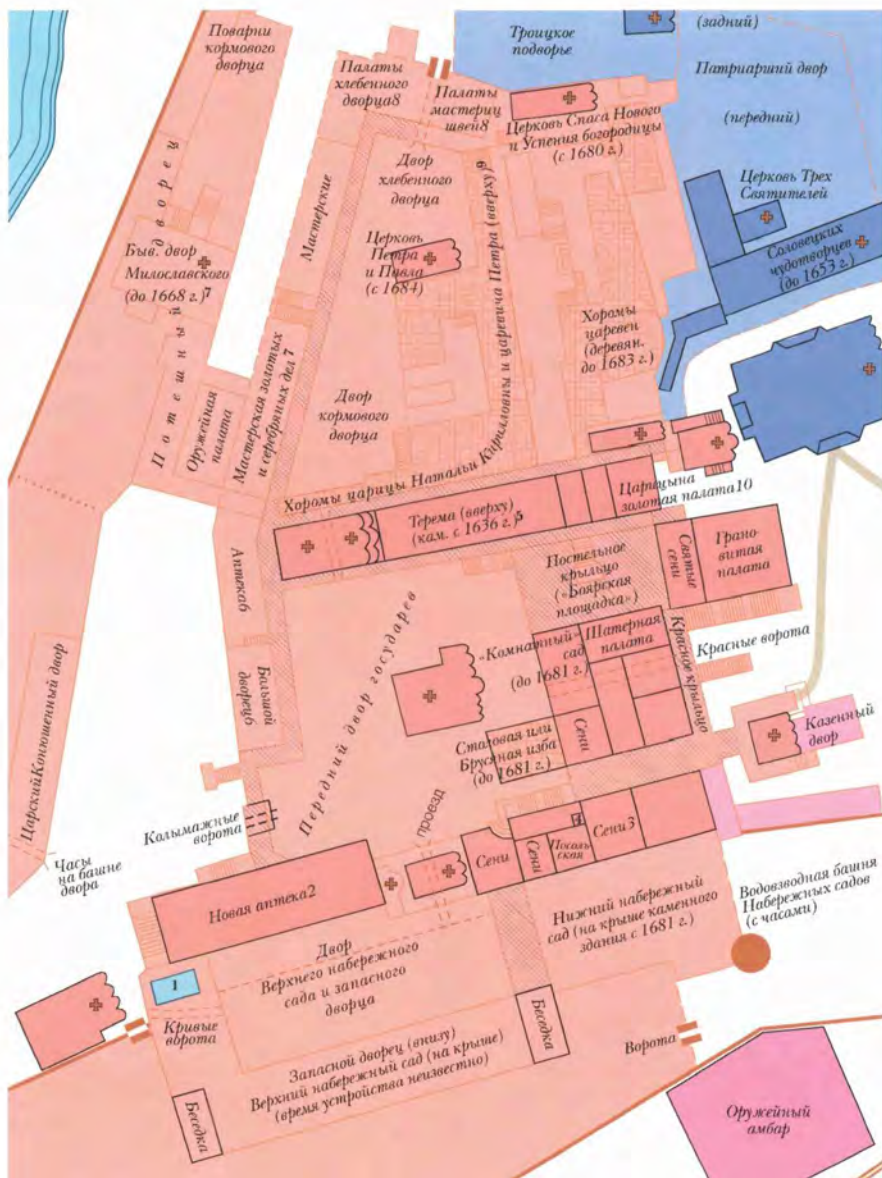
Наружные переходы между палатами и хоромами в государевом дворце (каменные или деревянные)

Пояснения к зданиям приказов

- а - Вместе с Посольским приказом помещалась Новгородская часть (четверть)
- б - Внизу - Разряд, вверху (от Посольского приказа) - Рейтарский приказ, далее - Малороссийский с Галицкой частью
- в - Внизу и вверху - Поместный приказ
- г - Внизу - Казанский дворец, вверху - палаты Сибирской казны
- д - Внизу - Большой приход, вверху - Сибирский приказ
- е - Внизу - Стрелецкий приказ, вверху - Иноземский приказ
- ж - Внизу - Стрелецкий приказ (черная палата), вверху - Челобитенный приказ
- з - Внизу - Разбойный приказ (черная палата), вверху - Ямской приказ
- и - Внизу - Разбойный приказ, вверху - Пушкарский приказ
- к - Изба Разбойного приказа
- л - Скорняжная палата (Казенного двора), над ней помещалась Новая часть

Пояснения к объектам

- 1 - В 1677-1688 гг. здесь помещалось переведенное сюда подворье Симеонова монастыря
  - 2 - В 1677-1688 гг. здесь помещалось подворье Донского монастыря
  - 3 - Возможное место подворья Донского монастыря с 1688 г.
  - 4 - Прифезано к патриаршему коптошенному двору с 1683 г.
  - 5 - Присоединено к патриаршему коптошенному двору с 1676 г.
  - 6 - Двор попа Григория
  - 7 - Двор дьякона Афанасия
  - 8 - Собор перестроен в 1680-1686 гг.
  - 9 - Церковь вновь построена над воротами монастыря в трапезе в 1686 г.
  - 10 - В 1680 г. церкви сломаны и перенесены в новые помещения для них над новым зданием приказов
- Примечание: 1 - Названия ворот (Предтеченские, Троицкие, Спасские и др.) были утверждены указом 1658 г.
 2 - Часть церквей, стен и др. объектов даны на плане без названий. Названия этих объектов и пояснения к ним см. на плане «Кремль времени великих князей Ивана III и Василия III к 1533 г.»
 3 - На плане показаны помещения второго и частично третьего этажей царского двора; о помещениях верхних или нижних этажей даны соответствующие пояснения.

Вознесенский
монастырь.
Фото конца
XIX в.

*Преп. Евфросинья, княгиня Москов-
ская, и основанный ею Вознесенский
монастырь. Литография 1894 г.*

Единого места погребения женщин дома Ивана Калиты в XIV — начале XV вв. нет — оно и в дальнейшем до конца не сложится, хотя, согласно владимирской традиции, княгинь будут хоронить в их патрональных монастырях. Одним из них, возможно, стал Спасо-Преображенский, в новостроенном (1329/30) соборе которого в 1330/31 г. похоронят жену Ивана Калиты Елену²⁴. Следующей в нем будет захоронена жена сына Ивана Калиты, великого князя Симеона Гордого, Анастасия (1344/45), которая велела распisać собор «и всеми потребами удоволивала тамо живущая иноки, и многу честь им воздавала»²⁵. Здесь, в приделе, в 1364/65 г. совершилось погребение Александры, в иночестве Марии — вдовы другого сына Калиты, великого князя Ивана Ивановича²⁶. В 1398/99 г. в соборе похоронят третью жену великого князя Симеона Гордого, Марию, в иночестве Фетинию²⁷.

И все же монастырь Спаса на Бору не стал в дальнейшем единственным или основным местом погребения женщин великокняжеского дома — этому препятствовала традиция погребения княгинь в монастырях, основанных ими самими. Так, Мария, в иноках Марфа, жена третьего сына Ивана Калиты, Андрея, была положена в 1389 г. в монастыре Рождества Богородицы «на рве», ею основанном²⁸. Погребение жен великокняжеского дома в их ктиторских монастырях и храмах продолжится и позже, не давая сложиться их единому некрополю. В 1393/94 г. великая княгиня Евдокия закладывает каменную церковь Рождества Богородицы и вскоре (1399) хоронит в этом храме свою дочь Марию, выданную замуж за князя Семена Аугвения Ольгердовича, умершую в Мстиславле и привезенную в Москву²⁹. Также и великая княгиня Евдокия Дмитриевна (в монашестве Евфросиния), вдова Дмитрия Донского, изберет местом погребения «свой» для нее Вознесенский монастырь. Сюда же из Звенигорода привезут (1422) умершую невестку покойной великой княгини Евдокии, княгиню

Анастасию, супругу князя Юрия Дмитриевича³⁰. С этого момента Вознесенский монастырь станет местом упокоения жен сыновей, внуков великой княгини Евфросинии и их дочерей. Но аналогичный некрополь по-прежнему развивается в ктиторском для княгини Марии, вдовы Андрея Ивановича и матери князя Владимира Храброго, монастыре Рождества Богородицы «на рву». Подобно тому, как в ктиторском монастыре великой княгини Евфросинии похоронили ее невестку, так и невестка княгини Марии, Елена Ольгердовна, завещает себя похоронить в монастыре Рождества Богородицы на рву, ктиторской обители своей

свекрови, перешедшей к ней. В духовной грамоте 1433 г. она завещает эту обитель своим снохам и внуку Василию Ярославичу³¹. Однако уже ее правнучка, великая княгиня Мария Ярославна, дочь Василия Ярославича и жена внука великой княгини Евдокии, Василия Васильевича Темного, будет положена не в Рождественском монастыре, завещанном ее отцу, а в Вознесенском, который станет ее ктиторской обителью.

Подчеркнем, что некрополь Вознесенского монастыря развивается именно как место погребения жен и дочерей мужских потомков великой княгини Евдокии, в иночестве Евфросинии. У некрополя Архангельского собора судьба принципиально иная. Князей-потомков Ивана Калиты хоронят в нем независимо от места погребения жен и дочерей, и он с самого начала получает особое значение, собирая под свои своды всех мужских потомков сыновей Ивана Калиты, а позже — всех вообще мужчин «царского достоинства». Это, конечно, можно считать развитием старой традиции родового принципа погребения, но скорее здесь читается разрыв с нею, так как принадлежность к «земным правителям» ставится гораздо выше общих семейных уз.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ СОБОР — УНИКАЛЬНЫЙ «НЕКРОПОЛЬ ПРАВИТЕЛЕЙ»

Сложившаяся в Кремле топография статусных некрополей уникальна и практически не имеет аналогов. Некрополь великих князей полностью отделился не только от места захоронения святителей, но и от захоронения княгинь и княжон. В результате возник уникальный «пантеон» исключительно мужских ветвей великокняжеского рода. Возможно, в этой связи стоит указать на более поздние примеры разделения святительской и княжеской усыпальниц. Например, в Переславле Рязанском (Рязани), в XV—XVI вв. столице великого Рязанского княжества, епископов хоронили в рязанском Архангельском соборе³², а великих рязанских князей — в Успенском (ныне Рождества Христова). Рязанский Успенский собор оставался общим местом захоронения великих князей и их жен, но при этом князей и княгинь хоронили не семейными группами, а раздельно: князей на правой (южной) стороне, княгинь — на левой (северной)³³.

Итак, московский Архангельский собор стал местом захоронения не только великих князей, получивших московский и владимирский стол, но всех потомков Ивана Калиты, включая удельных князей. В этой интенции всех князей рода Калитичей быть похороненными в родовой усыпальнице, а не в своих уделах и вотчинных монастырях обнаруживаются центростремительные тенденции, сопутствующие возвышению Москвы как фактического центра всей Русской земли. Своим исключительным характером некрополь Архангельского собора подчеркивал значение Москвы как центра Владимирского и Московского великого княжения.

Начало этой традиции было положено в завещании Ивана Калиты, оставившим сыновьям Москву как свою «отчину». Эта отчина должна была сохраняться в роду каждого из братьев, независимо от того, какой удел им достался от своего родителя. Так, сын умершего князя Андрея Ивановича, серпуховской и боровский князь Владимир Андреевич Храб-

рый, сохранил его долю в Москве, которая была и его «отчиной», которую он передавал своим сыновьям: «А приказываю отчину свою Москву, свою треть, чем мя благословил отец мой, детям своим, сыну князю Ивану, князю Семену, князю Ярославу, князю Андрею, князю Василью, ведают по годом»³⁴. У гробницы Ивана Калиты совершается крестоцелование, закрепляющее обещание сыновей Калиты «быти... заодин»³⁵. Принцип «одиначества», означающий общее владение Московской землей, будет развит в духовной грамоте внука Калиты, Дмитрия Донского, закрепляющей, в том числе, общее владение отчиной — Москвой — его сыновьями («А приказываю отчину свою Москву детям своим, князю Василью, князю Юрию, князю Андрею, князю Петру»³⁶), в котором сохраняется и отцовская доля боровского князя. Москва была отчиной двух уцелевших ветвей потомков Калиты, идущих от его младших сыновей Ивана Ивановича Красного и Андрея Ивановича. Под сенью Архангельского собора находились гробы самого Калиты и трех его сыновей — прародителей всех князей московского дома, владевших своими жребиями по духовным грамотам своих прародителей. Их гробы были главным обоснованием легитимности их политических прав и владений. Вероятно, именно в этом — один из корней сложения особого «некрополя правителей» в Кремле, особые качества которого будут осознаны, визуальнo структурированы и символически развиты позже, на рубеже XV—XVI вв.

Это предназначение Архангельского собора нашло отражение в системе посвящений его придельных престолов. Некоторые приделы, известные в современном нам соборе для XVI—XVII вв., могли появиться еще в храме Ивана Калиты. Это престолы во имя святых Симеона Столпника и Андрея Стратилата, которым соименны два сына Ивана Калиты, Симеон и Андрей. Симеон родился 7 сентября³⁷ и мог быть назван во имя Симеона Столпника «Летопрводца» (память 1 сентября). Младший сын Ивана Калиты, Андрей, родился 4 июля, на память святителя Андрея Критского³⁸. Средний сын, Иоанн, родился 30 марта, на память святого Иоанна Лествичника³⁹. Можно думать, что в XIV в. не было необходимости устраивать этому святому придел в новопостроенном соборе, так как он был освящен в построенной в 1329 г. церкви-колокольне. В Архангельском соборе, однако, в XVI в. известен придел во имя Иоанна Лествичника, хотя его устройство обычно объясняют необходимостью поминовения убиенного Грозным царевича Ивана Ивановича. Действительно, устройство этого придела в южных предалтариях собора связано с определением царем места для погребения царевича. Однако, учитывая неясность с историей престолов собора, нельзя полностью исключать возможность более древнего происхождения этого придела, позднее вновь обретшего актуальность в связи с событиями в семье Ивана Грозного.

Место Архангельского собора в представлениях о преемственности власти окончательно определяется при Ива-

Фасад Архангельского собора Московского Кремля. 1730-1740-е гг. Чертеж Б. Растрелли. Коллекция Национальной библиотеки в Баршаве

Приделы Иоанна Предтечи и Покрова Богородицы (после 1848 г. — святого Уара) Архангельского собора Московского Кремля. Современное фото

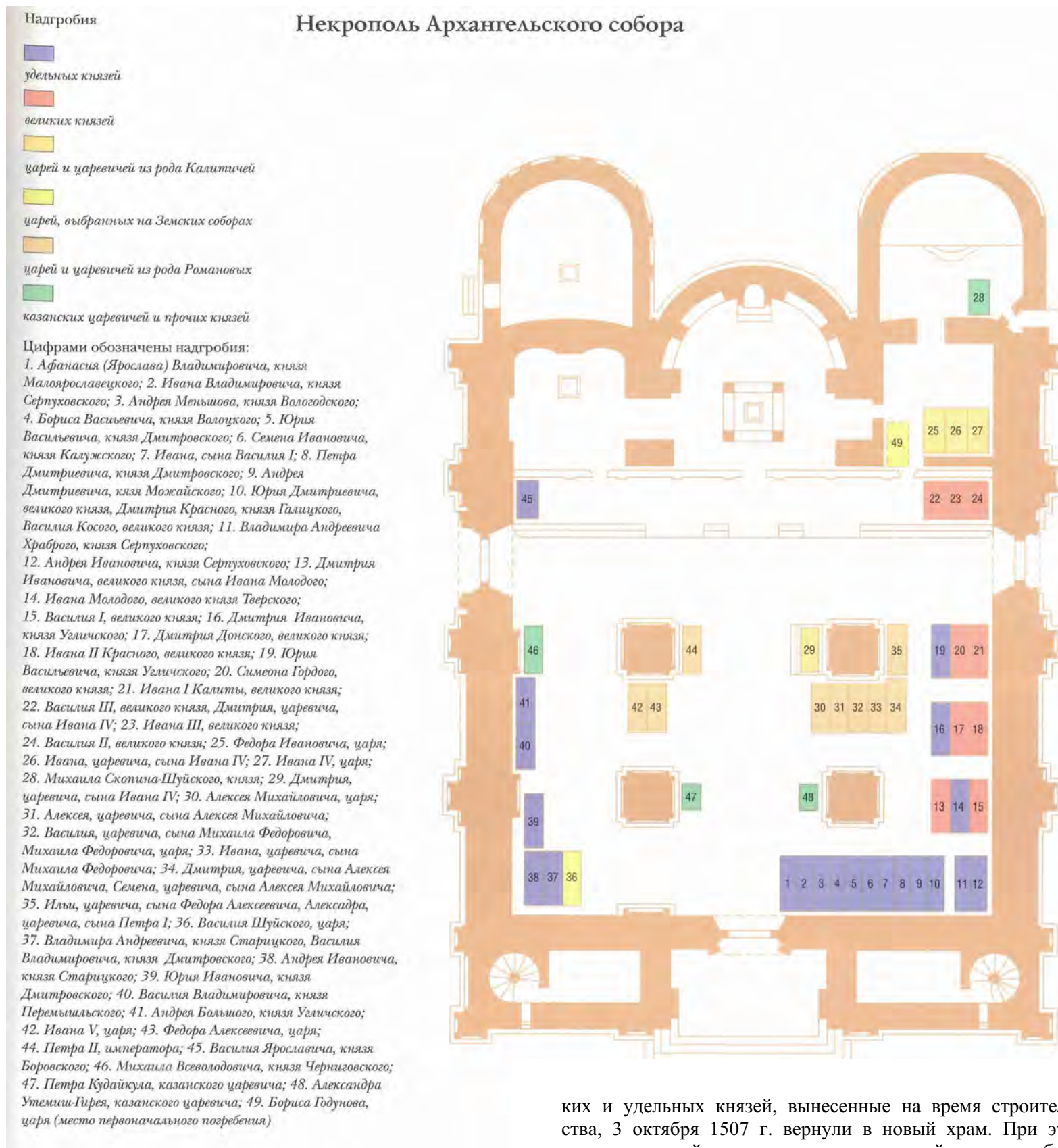
не III, первом великом князе, принявшем титул «государя всея Руси». В борьбе с суверенными оппозиционными государствами Русской земли отчетливо звучит тема возвращения московским великим князем «отчины», принадлежавшей только его княжескому роду от киевских до владимирских князей и от них до него, великого государя: «отчина есте моя, людие Новгородстии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимера, крестившего землю Русьскую, от правнука Рюрика первого великого князя в земле вашей; и от того Рюрика даже и до сего дне знали есте един род тех великих князей, преже Киевских до великого князя Дмитрия Юриевича Всеволода Володимерскаго, от того великаго князя даже и до мене род их...»⁴⁰.

Лежащие в Архангельском соборе прародители являются свидетелями этой родовой преемственности⁴¹. Возможно, неслучайно моление великого князя у гробов своих прародителей летопись впервые описывает в связи с борьбой за новгородскую отчину: «аще духом далече есте отсюду, но молитвою помозите ми на отступающих православия державы вашей»⁴². Молитва у прародительских гробов завершает моление перед иконами и мощами явленных и неявленных святых, лежащими в кремлевских соборах — у святительских гробов в Успенском и у мощей святителя Алексия в Благовещенском приделе собора Чудова монастыря. Образ государя, молящегося в Архангельском соборе у гробов прародителей, благословляющих его на борьбу за православную державу, экстраполируется и на более ранние события. Памятник начала XVI в., «Сказание о Мамаевом побоище», сообщает, что князь Дмитрий Донской, помолвившись в Успенском соборе перед гробом святителя Петра, получив благословение у митрополита Киприана и готовясь выступить из Москвы в Коломну, где был объявлен сбор войска, приходит в Архангельский собор. Здесь он молится перед образом небесного воеводы архистратига Михаила и у гробов своих прародителей. Но ни в летописных рассказах о битве на Куликовом поле, ни в «Задонщине», источнике конца XV в., не упоминается о молении в Архангельском соборе. Видимо, составитель «Сказания» реконструировал события 1380 г., опираясь на известную ему более позднюю практику. Однако именно характер этого литературного произведения по-

могает понять смысл этой традиции. Речь великого князя Дмитрия Донского, обращенная к прародительским гробам, в изложении автора «Сказания о Мамаевом побоище» передает все понимание полноты Церкви, где живые молятся о мертвых, а мертвые, сподобившиеся святости, о живых: «Истиннии хранители, русския князи, православныя веры христианския поборьници, родители наши! Аще имате дръзновение у Христа, то ныне помолитесь о нашем унынии, яко велико встание ныне приключися нам, чадом вашим, и ныне подвизайтесь с нами»⁴³. Эта модель удержится в сознании русского народа, моление у праотеческих гробов станет обязательным в решительные для Отечества минуты. Согласно «Новому летописцу», в 1612 г., когда Второе ополчение ушло из Ярославля на Москву, Д.М. Пожарский с немногими слугами специально заехал в Суздальский Спасо-Преображенский монастырь и молился в родовой погребальной палатке⁴⁴.

Победа, одержанная Василием Темным в феодальной войне, означала победу принципа передачи власти от отца к сыну, а не к младшему брату. Прямой (династический) порядок передачи власти восторжествовал над родовым (лествичным) ходом наследования уже в кровавых событиях междоусобицы потомков Дмитрия Донского. Следующий шаг сделал Иван III Васильевич, изменив сам характер взаимоотношений между старшим братом и младшими. Новое понимание власти государя всея Руси как самодержца, государя для младших братьев, обнаружили события 1480 г., связанные с вооруженным протестом Бориса Волоцкого и Андрея Углицкого против нарушения «старинны», понимавшейся ими как общее владение землями великого княжения. Отныне акцентируется право передачи престола к старшему сыну. Идея сохранения власти в старшей линии, в обход младших ветвей, становится обоснованием венчания на великое княжение внука великого князя Ивана III от умершего старшего сына, Ивана Ивановича Молодого⁴⁵. Иван Васильевич еще раз утверждает принцип наследования, приведший на престол его отца Василия Васильевича в обход старшего дяди (Юрия Дмитриевича)⁴⁶. Основания для венчания на великое княжение сформулированы в речи Ивана III к митрополиту Симону: «Отче митрополит! Божиим изволением от наших прародителей ве-

диких князей старина наша, то и до сих мест, отцы наши великие князи сыном своим первым давали великое княжество, и яз был своего сына первого Ивана при себе же благословил великим княжеством; Божия пак воля сталася, сына моего Ивана не стало в животе, а у него остался сын первой Дмитрей, и яз его ныне благославляю при себе и опосле себя великим княжеством Володимерским и Московским и Новгородским»⁴⁷.

Династическая идея была осмыслена и символически воплощена в новой структуре княжеского некрополя, созданной при перестройке собора 1500-х гг. Гробы вели-

ких и удельных князей, вынесенные на время строительства, 3 октября 1507 г. вернули в новый храм. При этом великих князей поместили вдоль южной стены собора, начиная с востока (от солеи к западной стене собора), согласно времени их правления, от Ивана Калиты до сына и соправителя Иоанна III, Ивана Молодого. Начиная от южных дверей собора, их положили в хронологической последовательности, по два саркофага в ряд, слева направо. В первом ряду — Иван Калита (у стены) и Симеон Гордый, в следующем — Иван Красный (у стены) и Дмитрий Донской, в третьем ряду — Василий I (у стены) и князь Иван Молодой, сын Иоанна III. Хронологический принцип был нарушен, чтобы выделить Василия II и Иоанна III, т.е. деда и отца строителя собора: они положены на солее у алтарной преграды, но тоже с соблюдением принятого для других захоронений порядка: у южной стены саркофаг деда и в один ряд с ним — гроб отца.

Архангельский собор.
Автография К. Эргота.
Вторая половина XIX в.

При размещении погребений в новом архитектурном пространстве некрополь разделили на две части — великих князей и удельных. Местом погребения во всех княжеских соборах преимущественно служила южная часть храма, поэтому великие князья Владимирские были положены вдоль южной стены. Саркофаги же удельных князей разместили вдоль западной стены нового собора. Таким образом, некрополь получил четкую структуру. Во-первых, гробы сидевших на московском столе великих князей были отделены от удельных и помещены в более традиционной, издавна преваляровавшей в сакральном и статусном отношении части пространства. Во-вторых, в расположении погребений великокняжеского некрополя наглядно демонстрировалась последовательность передачи власти. Перевод этой временной последовательности на язык пространства получил одну особенность: династический некрополь поступательно развивался с востока на запад, а затем — возвращался к алтарю. Это объясняется решением разместить на почетном месте, на солее у алтарной преграды, самых близких предков заказчика, правящего великого князя Василия III — отца (Иоанна III) и деда (Василия II). Принцип выделения из московского великокняжеского рода династии великих князей всея Руси сохранился и при

погребении Василия III — его саркофаг поставили возле гроба отца, Иоанна III.

Важны и своеобразные династические акценты, которые внесли устроители нового некрополя. Гроб Ивана Ивановича Молодого поставили в великокняжеской зоне, в один ряд с великим князем Василием Дмитриевичем, поскольку при государе всея Руси Иване III он был законным великим князем-соправителем; он отличался статусом от удельных князей, будучи, как и отец, «старейшим братом» своих дядьев. В то же время Юрий Дмитриевич Галицкий, сидевший на великом столе, но взявший его мечом и в нарушение нового порядка наследования, был отнесен к удельным князьям.

Гробницы удельных князей вдоль западной стены тоже сгруппированы по семейно-династическим группам, хотя и не так четко и систематично, как великокняжеские — возможно, при установке гробов сохранили некоторые особенности их размещения в старом соборе. В юго-западном углу оказался гроб Андрея Ивановича — единственного из сыновей Ивана Калиты, не сподобившегося великого княжения. Рядом с ним положен Юрий Звенигородский, а за ним, «в одном гробе», его сыновья — Дмитрий Красный и Василий Косой. Далее располагаются саркофаги младших братьев Юрия Галицкого — Андрей Дмитриевич Можайский и Петр Дмитриевич Дмитровский, еще дальше их племянник и сын Василия Дмитриевича, князь Иван Васильевич. Рядом с ним установили гробы сыновей Василия Темного, удельных князей Юрия Дмитровского, Бориса Волоцкого, Андрея Меньшого Вологодского. За сыновьями Дмитрия Донского до западных дверей были положены дети Владимира Андреевича Храброго — Иван Серпуховской и Афанасий-Ярослав Малоярославский.

В этой структуре выделены семейные группы: Андрей Иванович со своим сыном; сыновья Дмитрия Донского; сыновья Василия Темного; сыновья Владимира Андреевича, причем соблюдается не только последовательность поколений, но и иерархия столов: сыновья Владимира Андреевича следуют после сыновей правивших великих князей.

К сожалению, летопись, как правило, не отмечала положение гробниц новопреставленных потомков Ивана Калиты. К единичным примерам подобных упоминаний следует относиться с осторожностью, так как летописец мог интерполировать в ранние сообщения сведения о месте гроба в храме XVI в. Так, согласно подробному и распространенному летописному рассказу о перевезении из Углича в Москву и захоронении в Архангельском соборе в 1440 г. останков Дмитрия Юрьевича Красного, тело князя положили рядом с гробом его отца, Юрия Звенигородского⁴⁸. Это соотношение сохранено в новом соборе, но можно предполагать и в старом соборе небольшие «семейные» участки, где сыновей хоронили рядом с отцами.

Элементы старой топографии могли сохранить при перестановке гробов; могли специально сгруппировать могилы по узкосемейному признаку или, напротив, нарушить этот принцип, стремясь отразить представления об иерархии князей. Один из сыновей Василия Темного, Андрей Большой, отнесен к северной стене собора, к северным дверям, а у него в головах положен сын Владимира Андреевича Храброго, Андрей Радонежский. Таким образом, оба князя отделены от братьев, лежащих у западной стены собора. Конечно, топографическое уточнение в летописном известии о смерти князя Андрея Васильевича Угличского в 1493 г., указывающее его место у северных дверей⁴⁹, может быть поздней интерполяцией. Но не исключено, что некоторые саркофаги, действительно, перенесли на ту же сторону собора, где они были до 1505 г.

В свое время С. Сизов предположил, что северная часть собора была специально отведена под некрополь опальных князей, умерших «в нуже», чтобы подчеркнуть «земные прегрешения опальных князей»⁵⁰. Действительно, в этой части собора похоронены братья Василия III, Юрий Иванович Дмитровский и Андрей Иванович Старицкий, погубленные в регенство Елены Глинской. Сюда же положены убитые по приказанию Ивана Грозного князья Владимир Андреевич и Василий Владимирович Старицкие. Погребенные в старом соборе князья Андрей Васильевич Большой и Василий Ярославич Боровский имели схожую судьбу — оба окончили дни в заключении у Ивана III⁵¹. Не исключено, что и в старом Архангельском соборе их погребения находились на северной стороне, причем по той же причине.

Осознание северной части некрополя как места погребения опальных князей во второй половине XVI в. показывает рассказ Постниковского летописца о погребении князей Андрея Старицкого и Юрия Дмитровского. Они умерли в заключении в Набережной палате, в оковах, которые сняли уже с умерших страдальцев («на мертвом и железа обтерли»). Затем их похоронили на родовом некрополе: «И положиша его [князя Юрия. — Авт] в Архангиле на площади

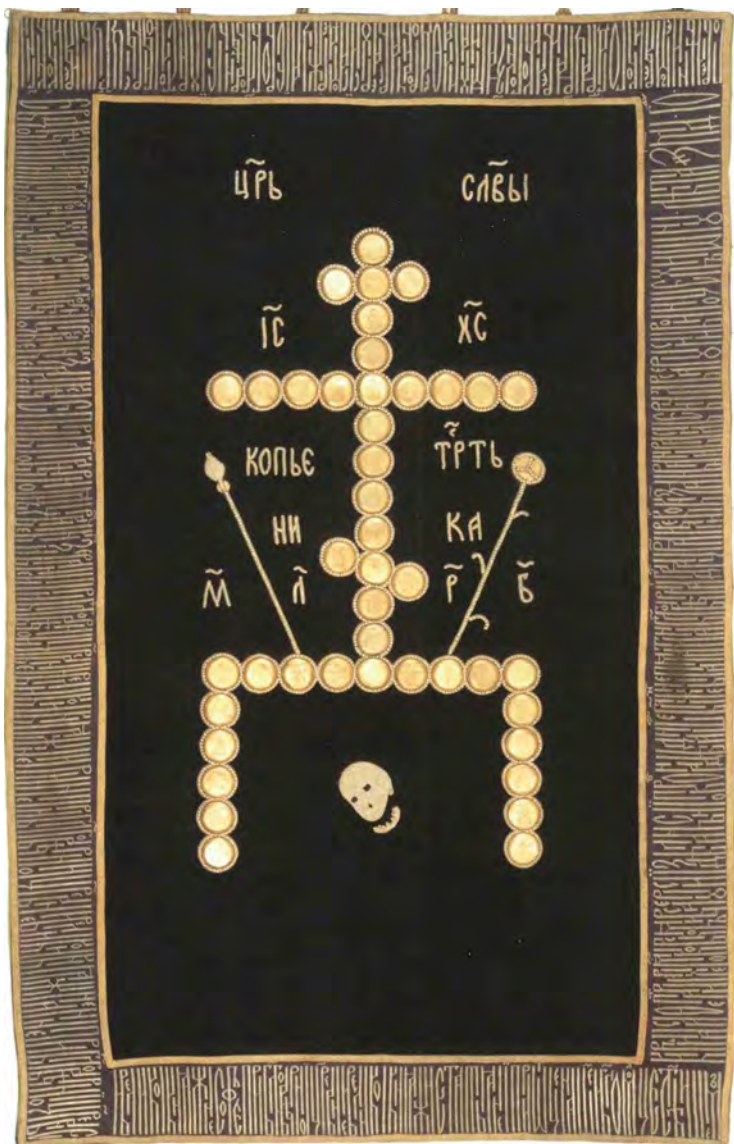
на той стороне, где опальные князья кладутца»⁵²; «И положиша его [князя Андрея. — Авт] в Архангиле, и где кладут опальные же князи, по конец брата его князя Юрия»⁵³. Таким образом, практика погребения опальных князей в определенном месте вербально обозначена, и по крайней мере ко времени составления Постниковского летописца (1560-е гг.) северная часть некрополя воспринималась как участок опальных князей.

Однако это вряд ли стоит связывать с представлениями о северной части наоса как «не почетной». Хорошо известны примеры погребения русских князей на северной стороне храмов и в домонгольскую эпоху, и позднее. Например, в ранних списках Жития благоверных князей Василия и Константина Ярославских указано, что в начале XVI в. их мощи были поставлены новопостроенной «соборнеи ц[е]р[к]ви ч[е]стнаго ея Успения идеже и дон[ы]не стоят на левой стране и чудеса творят и до сего дни»⁵⁴. Возможно, за этим стоит традиция: есть известие Степенной книги о захоронении одного из этих благоверных князей в соборе XIII в. на северной стороне перед дверями жертвенника: «за северными страны прямо дверей святого жертвенника»⁵⁵. Следует вспомнить о порядке захоронения митрополитов Киевских и всея Руси в Успенском соборе: на левой стороне похоронили святого митрополита Иону, причем на этой стороне его положат и при сооружении второго и третьего соборов. У северной стены погребен строитель второго собора — митрополит Филипп I, и сюда же его положили в третьем храме. У северной стены нашел упокоение митрополит Геронтий; здесь погребали и митрополитов XVI в., включая святителя Макария.

Отсутствие предубеждения против погребения в северной части показывает, собственно, и погребение в северной части Архангельского собора князя Андрея Владимировича Радонежского «в головах» князя Андрея Васильевича Большого. В отличие от других князей, положенных в этой части собора, он не был умерщвлен насильственно и не погиб в заключении. Князь Андрей Радонежский был похоронен в 1425 г. в Троице-Сергиевом монастыре⁵⁶, и в Архангельский собор его останки были перенесены позже. Есть и обратный пример — великий князь Дмитрий Внук, который, как и другие опальные князья, в 1509 г. «преставися... в нужи, в тюрьме», был похоронен не в северной зоне, а «возле отца его великого князя Ивана Ивановича»⁵⁷ (впрочем, значимость статуса не удельного, а великого князя, венчанного своим дедом Иваном III на великое княжение, могла просто перевесить).

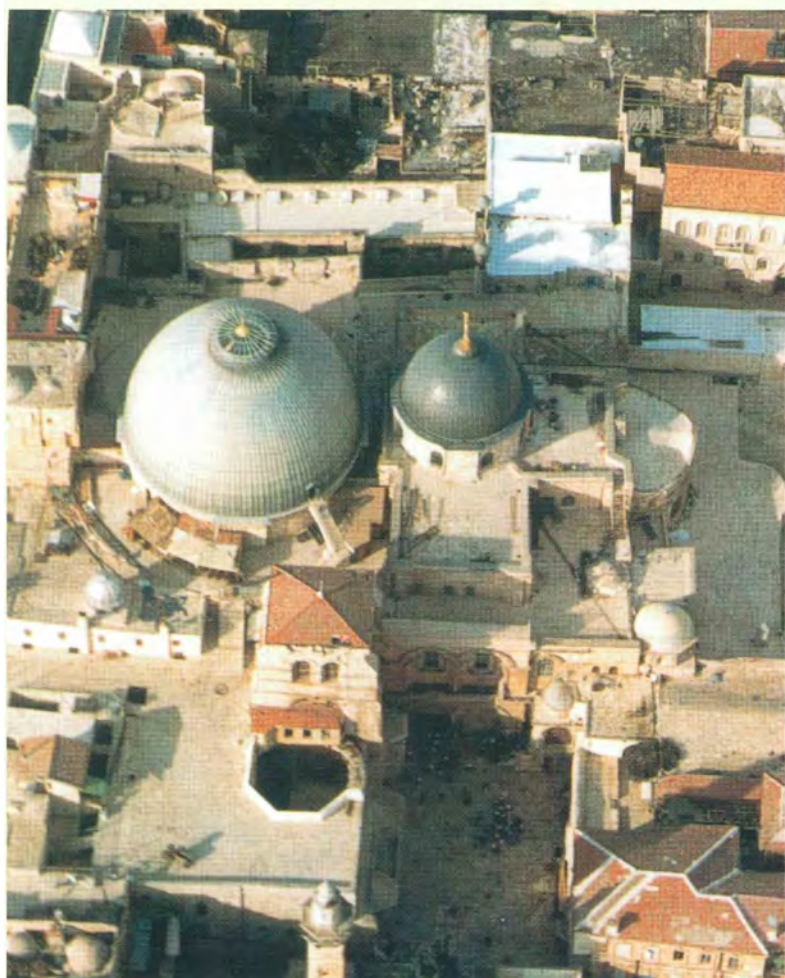
Мы не склонны преувеличивать символическую значимость северной стороны как «опальной» — скорее, Постниковский летописец осмыслил особенности накопления погребений в зоне удельных князей в XVI в.: очень многие из них умерли «напрасной» смертью, в отличие от князей старшей линии, с которыми это случалось гораздо реже. Так что сосредоточение в северной части храма опальных, убитых и умерших в тюрьмах удельных князей — просто историческая черта некрополя Архангельского собора. Расположение части гробниц, видимо, следует топографии старого собора, другие собраны вместе по принципу близкого родства: сначала два родных брата, затем сын и внук одного из них, и т.п.

Итак, топография, а за ней и все сакральное пространство некрополя Архангельского собора было заново сформировано в соответствии с представлениями эпохи Ивана III о власти великого государя всея Руси, самодержца Русской земли, о прямом ее наследовании в старшей линии рода Калитичей.

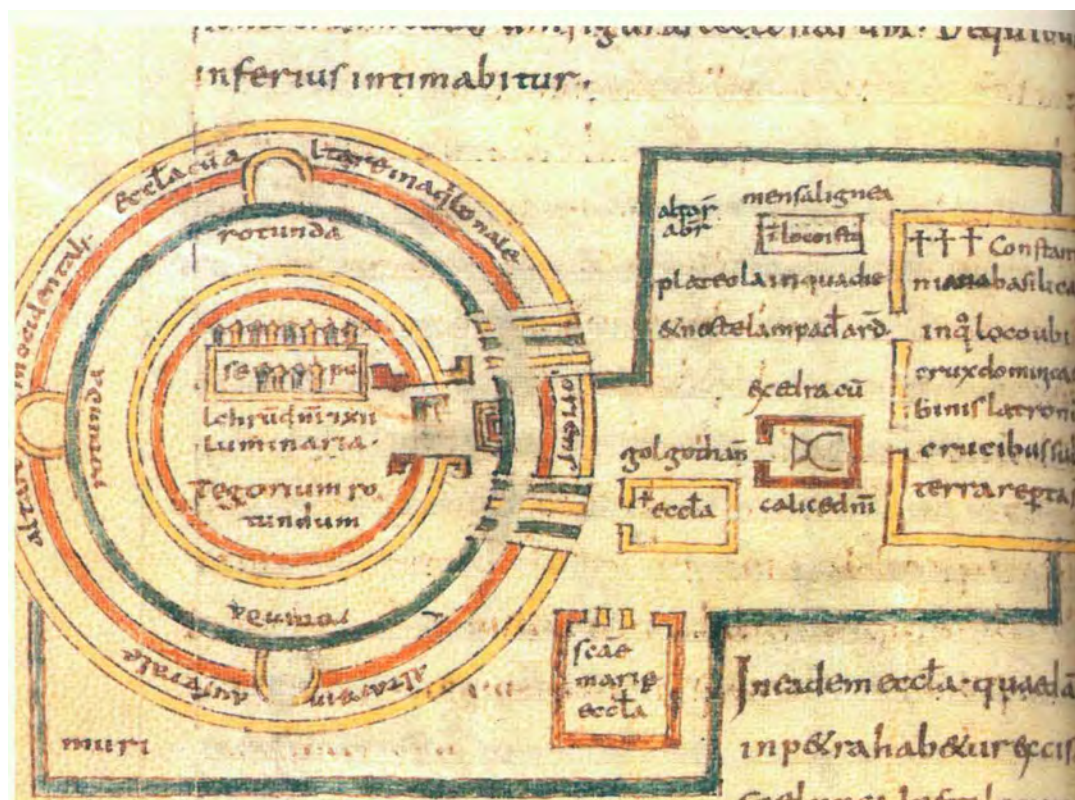

Покров на гроб царя Ивана IV Грозного.
Знаменщик Иван Гомулин. 1636 г.

Церковь Воскресения и эдикула
Гроба Господня в Иерусалиме
и их отображение в графике Средневековья и Ренессанса

Dit is de figure van graf ons heren
dat is t'ijns romijn opelic tone
menigen tijt dicke u dies broeders in eeren
bid dat u mach erigen goods iye ten soone

СОБОР ПОКРОВА НА РВУ и ЛОБНОЕ МЕСТО: ПРОГРАММНЫЕ ПАМЯТНИКИ «ИЕРУСАЛИМСКОГО КРУГА»?

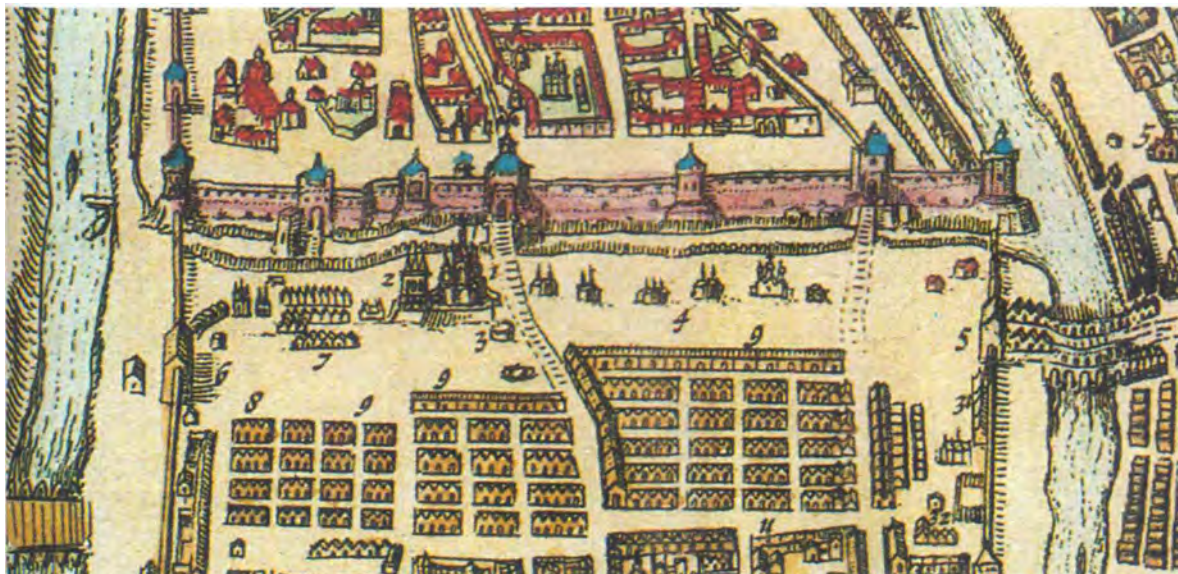
Итак, прошли столетия, прежде чем полностью сложилось и было осознано символическое значение Успенского и Архангельского соборов в сакральном пространстве Москвы и Русского государства. Его осознание проявилось только при перестройке этих соборов. Для Успенского собора процесс формирования его символического образа в целом завершился в 1472 г., когда определился замысел его перестройки. Для Архангельского собора это произошло в 1505—1508 гг. Путь формирования сакрального пространства Кремля можно смело назвать «эволюционным».

Но в XVI в. мы сталкиваемся с опытом создания сакрального центра на новой территории, замысел которого определяет единовременно составленная программа. Разумеется, каждый построенный в Москве обетный храм являлся новым элементом ее сакральной топографии, однако само строительство его вызвали конкретные исторические события. Речь о другом — об уподоблении храма или части города некоему сакральному образу. В историографии эта тема связана с истолкованием архитектурного замысла собора Покрова на Рву. Не раз подчеркивалось, что идейный замысел собора не исчерпывается благодарением за события Казанского похода. Указывалось на заложенные в нем богословские концепции, выразившиеся через обращение к образам конкретных святых. В различных работах собор предстал и как подобие ветхозаветного храма царя Соломона, и как символ грядущего Небесного града, Горнего Иерусалима, воплощенный через образ «райской» архитектуры или через реалии Иерусалима земного (Сионского храма). Воспринимали его и как некое условное подобие Московского Кремля и всей Москвы в целом. Наконец, в нем видели и образ земного Иерусалима, соединявшийся с образом храма Гроба Господня.

Для появления таких толкований, кроме архитектуры храма (интерпретация которой всегда может носить субъективный характер), существуют определенные докумен-

тальные основания. Ими могут считаться описания храма в записках иностранцев, посетивших Московскую и называющих собор «Иерусалимом». Остается выяснить, передают ли они распространенное в Москве название этого храма, или же используют название, бытующее в среде иностранцев. Это вопрос не надуманный — на различие определений этого храма русскими и иностранцами указал Бернгард Таннер: «Особенное ее украшение составляет претизанная церковь, которую москвитяне называют Святой Троицей, а немцы Иерусалимом»⁹². Автор этого текста побывал в Москве в 1678 г., однако на это указывал еще Адам Олеарий, посетивший Москву в 1630-е гг.: «искусно построенная церковь святой Троицы, которую немцы зовут Иерусалимом»⁹³.

Название храма «Иерусалимом» встречается в описаниях уже последней четверти XVI в.⁹⁴ При этом характер описания не позволяет усомниться, что храм называли «Иерусалимом» и сами москвичи. Например, Даниил Принц фон Бухау, бывший в Москве в 1576 и 1578 гг., пояснил при описании крестного хода в Неделю Ваий, что тот направлялся «в храм, которому имя дали от города Иерусалима»⁹⁵. Стефан Гейс, находившийся в Москве в 1593 г., писал: «В этом же городе перед Кремлем находится красивая московитская церковь... и называется Иерусалимом»⁹⁶. Та же скрытая ссылка на распространенное именно в Москве название храма присутствует и у других иностранных описателей Москвы. Например, Конрад Буссов в начале XVII в. писал о событиях 1605 г.: «проводили боярина с письмом через всю Москву до главной церкви, называемой Иерусалимом»⁹⁷. В другом месте своей «Московской хроники» Конрад Буссов прямо указывает на бытование в среде москвичей этого наименования храма: «...по их обычаю в этот день царь идет из Кремля пешком в церковь (которую они называют Иерусалимом)...»⁹⁸. Его современник, французский капитан Жак Маржерет, также описавший

Красная площадь. Фрагмент Петрова чертежа. Конец XVI в.

«хождение на осляти», ссылается на распространенное местное название: «Царь ведет ее [лошадь] за повод из Кремля до церкви, называемой Иерусалимом»⁹⁹. Идентичные описания можно найти и у Иоганна Брембах (1603) и Петра Петрея де Эрлезунда (был в Москве в 1617 г.). Другие просто называли эту церковь «Иерусалимской», «Иерусалимом». В редких случаях иностранцы пишут о храме как о церкви Святой Троицы. Поэтому слова Адама Олеария, а также Бернгарда Таннера не следует абсолютизировать. Разумеется, для уроженцев Западной Европы, где было распространено строительство копий иерусалимской Кувклии или Кальвария, к которым направлялись процессии в Страстную Седмицу, храм, к которому направлялось торжественное шествие, творимое в воспоминание Входа Господня в Иерусалим, был символом Священного Города.

Однако и для москвича называть этот храм «Иерусалимом» могло быть органичным. Прежде всего, это могло быть связано с посвящением одного из приделов собора Входу Господню в Иерусалим. В русской истории существует достаточно близкий аналог — церковь Входа Господня в Иерусалим в Новгороде, находящаяся в Детинце к югу от Софийского собора. В письменных источниках она устойчиво называется «Иерусалимом». При этом в од-

ном источнике храм может упоминаться под двумя названиями, например: «В лето 6844. Заложил Василей владыка церковь камену Входу в Иерусалим... В лето 6845... Свершена бысть церковь Иерусалим в 9 недель...»¹⁰⁰. Как известно, именно к этой церкви в Великом Новгороде направлялось «хождение на осляти». В описании этой службы храм Входа в Иерусалим также называется «Иерусалимом»: «А того дни водили оне под архиепископом осля от Софеи Премудрости Божией до Иерусалима, також и назад»¹⁰¹. Так что собор Покрова на Рву могли называть «Иерусалимом» в Москве и по приделу Входа Господня в Иерусалим. Однако следует указать на отличие от Великого Новгорода. В Москве придел Входа в Иерусалим был лишь одним из девяти, а после 1588 г. даже одним из десяти приделов собора, тогда как новгородский храм не имел других престолов. Распространение редуцированного названия придела на весь храм может быть связано с его значением в церковной жизни Москвы в связи с происходившим чином «хождения на осляти». Однако это только одно из возможных объяснений. Не исключено, что название храма «Иерусалимом» связано в московском случае не только с приделом, но и с ролью собора в сакральном пространстве Москвы.

План части Китай-города в Москве между Кремлевской стеной и Москворецкой улицей, с Покровским собором, книжным двором, кофейной лавкой у Спасского моста, лабораторией Берг-коллегии, Сыскным приказом, торговыми лавками и дворами купцов И.В. Жердева и А.И. Зайцева. А. Москвин. 1750 г. РГАДА

«Московская хроника» Конрада Буссова позволяет поставить вопрос о том, что название храма «Иерусалимом» было распространено и на Фроловские ворота Кремля. Повествуя о приезде в Москву царицы Марии Нагой, в иночестве Марфы, Буссов говорит: «В Кремле у Иерусалимских ворот, против Кирилловского монастыря, он приказал выстроить новые красивые палаты и назвал монастырем своей матери»¹⁰². Это название ворот Буссов использует, когда описывает, как из Кремля выдворяли трупы Лжедмитрия и Петра Басманова: «вытащили обоих из Кремля через Иерусалимские ворота и оставили их лежать посреди базара около лавок»¹⁰³. Буссов, кажется, единственный, кто приводит подобное наименование Фроловских ворот. Возникает трудно разрешимый вопрос: с чем связано название — с обычаем, характерным для русских городов, называть ворота по наименованиям стоящих рядом с ними церквей, или с тем, что через эти ворота проходило «шествие на осляти» к собору, называемому «Иерусалимом»?

Кроме храма, называемого «Иерусалим», и Иерусалимских ворот, на этой же территории источники конца XVI — XVII в. отмечают еще один «иерусалимский» топоним, «Лобное место». Заметим, что это название, в отличие от других, встречается в летописных источниках. Откуда же оно происходит, является ли «Лобное место» обыденным топонимом для Руси? И.М. Снегирев первым сопоставил название «Лобное место» и иерусалимскую Голгофу. Он также впервые соединил название Лобного места с «иерусалимскими» названиями храма и ворот. И.М. Снегирев сравнил расположение московского Лобного места (как и иерусалимское, перед городскими воротами), прибавив, что оно не только находилось перед Иерусалимскими воротами, но и перед приделом Вход в Иерусалим храма Троицы на Рву. В этих совпадениях он видел подражание «святым местам в Иерусалиме»¹⁰⁴. Можно ли подтвердить

этот вывод, сложилось ли это пространство именно как подобие Святых мест? Стоит ли за ним единовременное конструирование нового сакрального пространства, или же это растянутый по времени процесс?

Выше мы писали, что за пределами Кремля, вдоль рва, к середине XVI столетия сложилась зона обетного великокняжеского строительства, чем мог быть обусловлен и выбор места строительства собора. Можно лишь предполагать, какие дополнительные мотивы его определяли. О том, что замысел собора не исчерпывался только программой, изложенной летописцем, писали достаточно. Определенным образом истолковывали и причины появления среди приделов храма во имя Входа Господня в Иерусалим. Можно ли рассматривать его появление в соборе в связи с необходимостью сделать именно собор целью «шествия на осляти»? Для ответа на этот вопрос надо попытаться выяснить, как совершался этот чин в Москве до строительства собора Покрова на Рву. До середины XVI столетия у нас по-прежнему отсутствуют какие-либо сведения о его совершении в Москве. Впервые шествие «на осляти» описано англичанином, находившимся в Москве в 1557-1558 гг. и создавшим одно из самых подробных описаний этого чина в XVI в.. «На Вербное Воскресение здесь бывает торжественная процессия. Берут порядочной величины дерево, укрепляют его на двух санях так, как будто оно растет на них, увешивают его яблоками, виноградом, винными ягодами, финиками и другими плодами. У дерева становятся 5 мальчиков в белых одеждах, распеваящих песни о дереве пред процессией; затем идут юноши с зажженными восковыми свечами в руках и с большим факелом, чтобы свет не угас; за ним две длинные хоругвей, и 6 человек с круглыми блюдами на длинных подставках, блюда из меди и все в дырах; следующие шестеро несут на плечах образа, за образами духовенство, числом до 100 и более... Потом шла половина цар-

Собор Василия Блаженного и Спасская башня. Акварель Ф.Я. Алексеева. 1800 г. ГИМ

Фасад собора Василия Блаженного
(Покрова на Рву).
Литография Г. Кирстена.
Середина XIX в.

ских знатных, за ними шествовали царь и митрополит таким образом: выступает лошадь, покрытая до копыт белым холстом, уши у ней покровом удлинены на подобие ослиных. На этой лошади сидит митрополит,... человек 30 расстилают свои платья перед лошадейю и, как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают так, что лошадь постоянно бегаёт по одеждам... Один из царских знатных ведёт лошадь за голову; сам же царь, идя пешком, ведёт лошадь за конец повода узды одной рукой; в другой он держит вербу. За лошадью следуют остальные царские придворные, дворяне и громадная толпа народа. В таком порядке они ходят от одной церкви к другой по Кремлю, на расстоянии двух полетов ядра, и таким же образом возвращаются в царскую церковь, где и оканчивают службу»¹⁰⁵.

Итак, согласно первому подробному описанию чина, он совершался внутри Кремля. Можно ли доверять этому сообщению? Стоит обратить внимание на то, что англичанин удивительно подробно и точно описал характер процессии, отметив все мелочи. Так, в его описании медных блюд в дырках и на длинных подставках (т.е. рукоятках) нельзя не узнать весьма достоверного описания рипид. При такой подробности описания автор вряд ли упустит такую деталь, как выход из Кремля в Китай-город. Наконец, достоверность описания может быть подтверждена временем его пребывания в Москве. В 1557—1558 гг. приделы собора, в том числе и придел Входа Господня в Иерусалим, не были еще освящены. Это произошло только 1 октября 1559 г.¹⁰⁶ Соответственно, шествие должно было совершаться по территории Кремля.

Н.М. Карамзин изложил первое известное описание «хождения на осляти» в Москве в несколько иной редакции: «Обходив таким образом вокруг главных церквей Кремлевских возвращались в храм Успения»¹⁰⁷. Судя по приведенным им деталям он использовал записки «неиз-

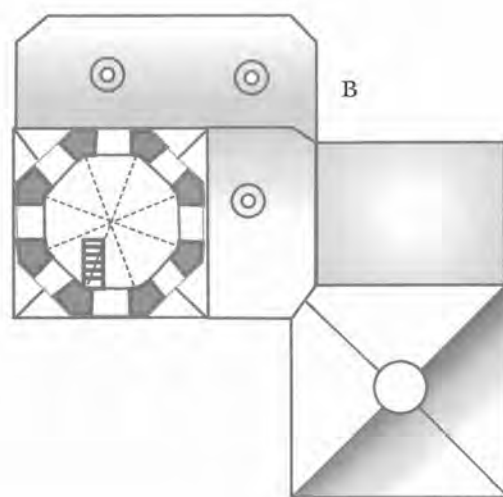
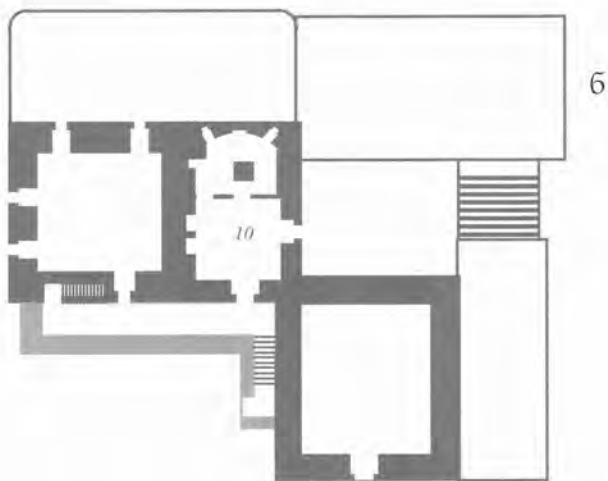
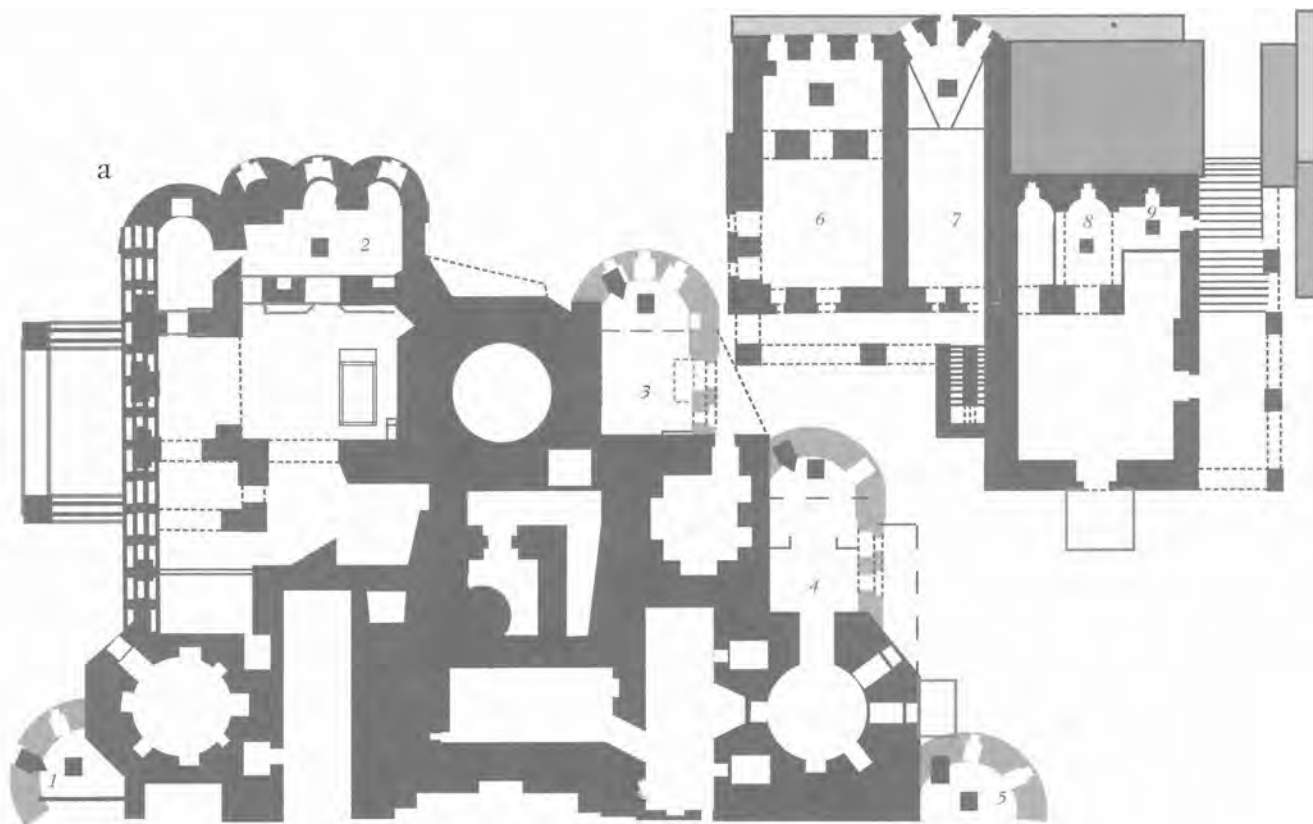
вестного англичанина». Ошибка в переводе стала основой для выводов о направлении этого крестного хода в конце 1550-х гг. Однако более поздний перевод говорит о другом — о хождении от одной церкви к другой. К. Никольский указал, что «хождение» совершалось обязательно к церкви, в которой был престол во имя Входа в Иерусалим¹⁰⁸. В соответствии с этим мы в свое время предположили, что шествие в Кремле в 1558 г. могло также направляться к церкви, в которой был престол Входа в Иерусалим. Так, в конце XVI в., судя по изображению на плане Кремля, известна церковь Входа Господня в Иерусалим, находящаяся на правой стороне Никольской улицы, напротив двора Д.И. Годунова¹⁰⁹. Это всего лишь предположения, так как нам неизвестно время строительства храма. Однако оно может иметь подтверждение в более ранней практике Великого Новгорода, известной пока только по записи уже упоминавшейся нами Расписной книги Софийского собора: «Того же месяца в 25 день, на Вербное Воскресение ели хлеба и пировали у архиепископа наместники Новгородские... А того дни водили оне под архиепископом осля от Софеи Премудрости Божией до Иерусалима, таж и назад»¹¹⁰.

Здесь содержится указание не только на то, что шествие происходит к «празднику», т.е. к храму, посвященному евангельскому событию (Входу Господню в Иерусалим), но и на сам характер процессии. Шествие и к церкви от собора, и к собору от церкви происходит «на осляти». Таким образом, московский чин 1557—1558 гг. точно соответствует новгородскому. После 1 октября 1559 г. он был изменен, но лишь в отношении цели своего хождения: процессия выходит за ворота к новому «празднику», приделу Входа в Иерусалим на Рву.

Наблюдение над архитектурой собора Покрова на Рву позволяют думать, что архитектурный замысел собора включал идею перенесения к нему «хождения на осляти». Прежде всего, этим могло быть предопределено его местоположение. Придел расположен в западной части здания. К нему ведут две единственные внешние лестницы собора, с севера и юга. Этот придел значительно крупнее других, расположенных по главным осям — восточного во имя Святой Троицы, северного — во имя Киприана и Иустины, южного — Николы Великорецкого. Он единственный, кроме центральной церкви Покрова, выделен устройством дополнительных главок вокруг восьмигранного барабана. Все это позволяет предполагать, что его выделение в общей композиции было связано с замыслом переноса к нему шествия «на осляти», т.е. усвоения ему функции главного престола Входа Господня в Иерусалим в Москве. Это предположение соответствует отчасти и тому факту, что уже в 1560-е гг. это шествие совершается к собору на Рву, о чем свидетельствует такой наблюдательный описатель, как Генрих Штаден.

Причины переноса могут быть представлены с разной степенью вероятности. В свое время мы выдвинули предположение, что перенос шествия к собору на Рву приближал русский обряд, просуществовавший до 1656 г., к тому чинопоследованию, которое совершалось в самом Иерусалиме, где в соответствии с евангельским сюжетом шествие начиналось с Вифании, от горы Елеонской к городу, и двигалось через Сионские ворота к храму Гроба Господня¹¹¹. Характерно, что современники особенно отмечали врата, открывающие вход в Иерусалим, через которые проходило евангельское шествие. Паломникам в Иерусалиме указывали на них как на одну из священных реликвий и описывали эти врата среди других Святых мест¹¹². На иконах

**План части собора Василия Блаженного и колокольни.
(по чертежу 1780 г.)**

а План на уровне подклета собора
б План на уровне второго яруса
в План на уровне яруса звона

1. Придел Св. Параскевы Пятницы
2. Придел Св. Василия Блаженного
3. Придел Положения Ризы Богородицы
4. Придел Св. Василия Кесарийского
5. Придел Усекновения главы Иоанна Предтечи
6. Церковь Богоявления Господня
7. Придел Св. Сергия Радонежского
8. Церковь Апостола Андроника
9. Придел Св. Марии Египетской
10. Придел Всех Святых

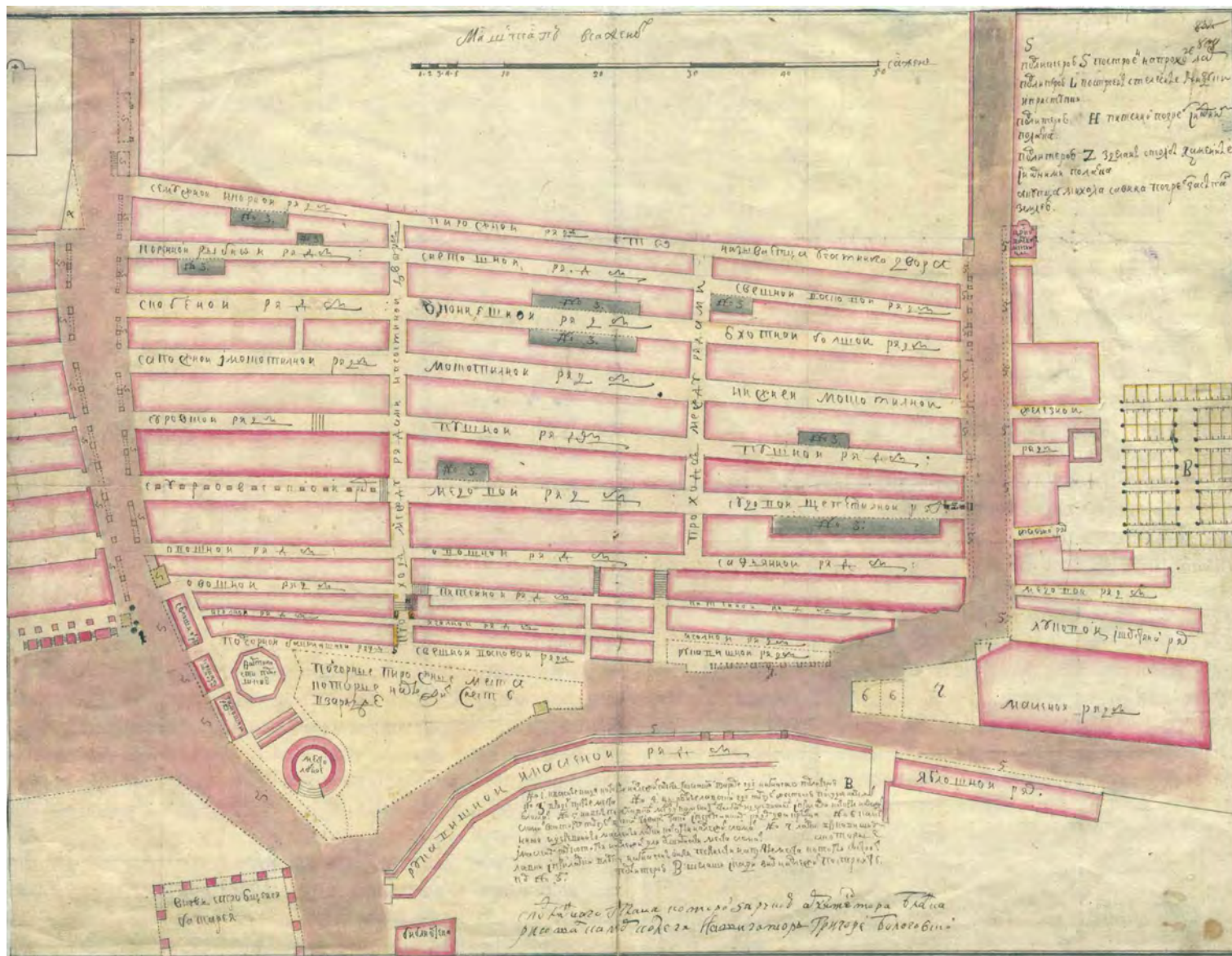
«Вход в Иерусалим» шествие на ослике также направляется к воротам города. В этом иконографическом изводе врата являются, наравне со стенами града и храмом, отмечающим цель шествия, почти обязательным атрибутом. Определило ли это замысел переноса шествия к собору, доказать достаточно трудно. Во всяком случае, новый маршрут дополнил чин элементами, максимально приближающими его к евангельским реалиям, что могло вызвать и определенное осмысление Фроловских ворот как «Иерусалимских».

В Москве шествие начиналось от Успенского собора, проходило через Фроловские ворота и направлялось к собору Святой Троицы. Соответственно этой символической параллели храм Троицы на Рву должен был олицетворять «священный град» Иерусалим. Новый чин, казалось бы, заключал в себе видимое противоречие: шествие совершалось не к городу (к Кремлю), как в евангельском тексте и иерусалимском чине, а из него (из Кремля) к собору Троицы. Именно собор становится символом того града, в который направлялось евангельское шествие. В этом отношении его название «Иерусалим» абсолютно оправдано. Однако «Иерусалимом» могла называться любая церковь во имя Входа Господня в Иерусалим в контексте чина «хож-

KREMELIN Das Schloß in Moskau

«Шествие на осляти» из Спасских
ворот к собору Василия Блаженного.
Гравюра 1650-х гг. по рис. А. Олария.
Фрагмент

План торговых рядов в Китай-городе с Лобным местом и библиотекой у Спасских ворот. 1743 г. РГАДА

дения на осляти». Однако вряд ли стоит думать, что архитектура храма Входа Господня в Иерусалим в Новгороде или церковь Входа в Иерусалим на Никольской улице в Кремле включала какие-то мотивы, рисующие образ евангельского града Иерусалима.

В связи с этим среди многих особенностей архитектуры собора обращает на себя внимание хорошо известная «намеренная» декоративность, введение конструктивно и функционально неоправданных, «изобразительных» элементов. Уместной здесь будет аналогия с живописью Возрождения, где художники (особенно в нидерландской живописи XV в.) изображали здания Иерусалима в романских (каролингских) формах, выражая таким образом их «современность» евангельским событиям и подчеркивая экзотичность, отличие архитектуры Святой Земли от окружающих художника зданий¹¹³. Одной из возможных причин этой проявившейся здесь и несвойственной русскому средневековому зодчеству изобразительности могло быть желание придать архитектуре знаковый характер, дополнительно акцентировать символическое значение храма. Ту же цель преследовала и подчеркнутая обособленность приделов собора именно на ярусе, где происходит богослужение. Этот композиционный принцип нахо-

дит соответствие со средневековым восприятием того символического образа Иерусалима, который собор воплощал в контексте «хождения на осляти». Именно Иерусалим представлялся городом храмов над Святыми местами. В свою очередь его главная святыня, храм Гроба Господня, не воспринималась как единое сооружение, а представлялась собранием церквей над местами свидетельств Искупытельной Жертвы.

Вместе с тем вряд ли имеет смысл искать точное и однозначное толкование архитектурного образа Покровского собора, конкретный источник того или иного композиционного элемента — подобная однозначность в целом не была свойственна природе средневекового символического мышления. Рассматривать собор Покрова на Рву в ряду европейских построек, повторяющих формы храма Гроба Господня, нет оснований, несмотря на существующее указание Яна Стрейса (Стрюйса), путешественника второй половины XVII в., что собор выстроен по образцу некоего храма в Иерусалиме¹¹⁴. Это позднее сообщение передает устную легенду, возникшую по отношению к необычному сооружению.

Кроме того, как видно из приведенных выше свидетельств иностранцев, собор в Москве назывался не по имени конкретного иерусалимского храма, а достаточно обобщенно — «Иерусалим».

В качестве параллели укажем на отсутствие точного следования евангельскому тексту в хождении XVI в. Сравнение текста «Неизвестного англичанина» и описания Конрада Буссова показывает, что характер хождения не изме-

нился из-за перенесения его к собору Покрова на Рву. Б.А. Успенский справедливо отметил, что большинство иностранцев, описывая шествие к собору, умалчивают о возвращении процессии в Успенский собор. Действительно, ни одно известие конца XVI — начала XVII вв. не упоминает об этом. Однако «Указ о звону и о чину в пост великий и в пятидесятницу до недели Всех Святых» 1630-х гг. указывает порядок шествия «на осляти» от Успенского собора к празднику «на рву», и от него обратно в Кремль¹¹⁵. Также и Адам Олеарий, описавший порядок «хождения» в 1630-е гг., свидетельствует, что «хождение на осляти» совершалось из Успенского собора к церкви «Иерусалима», а затем от нее обратно же в Успенский собор. При этом и описание Адама Олеария соответствует в главных чертах рассказу «неизвестного» англичанина. «Процессия, направлявшаяся из Кремля в Иерусалимскую церковь, шла в таком порядке. Сначала великий князь... был в церкви Пресвятой Марии и слушал там обедню. Потом он вышел в торжественной процессии, вместе с патриархом, из Кремля. Впереди, на очень большой и широкой, но весьма низкой телеге, везли дерево, на котором было нацеплено много яблок, фиг и изюму. На дереве сидели 4 мальчика в белых сорочках и пели «Осанна». За ним следовали многие попы в белых ризах... Они несли хоругви, кресты и иконы на длинных палках и пели в один голос. У некоторых были в руках... Далее шли знатнейшие гости или купцы. За ними шли дьяки, писцы, секретари и, наконец, князя и бояре, иные с пальмовыми ветвями. Потом следовал великий князь в великолепных одеждах и с коро-

ною на голове. Его вели под руки знатнейшие государственные советники... Сам он вел за длинные уздцы лошадь патриарха. Лошадь была покрыта сукном, ей были приделаны искусственные длинные уши для сходства с ослом. Патриарх сидел на ней боком... Рядом с патриархом и позади него шли митрополиты, епископы и другие попы... Тут же находились 50 мальчиков, одетых, большей частью, в красное, одни снимали пред великим князем свои одежды и расстилали их на дороге, другие же... расстилали разноцветные куски сукна... чтобы великий князь и патриарх прошли по ним. ... *Пробыв в церкви с полчаса, они опять вернулись в прежнем порядке* [курсив наш. — Абш.]»¹¹⁶. Таким образом, процессия направлялась из Кремля, который, если рассматривать шествие как иллюстрацию текста Евангелия, воспринимался как Вифания, к собору на Рву, который знаменовал Иерусалим, но затем вновь возвращалась в Кремль. Это «затушевывало» точность воспроизведения Евангельского события, поскольку собор становился не единственной целью хождения «на осляти».

Характерно, что Павел Алеппский, подробно описав этот чин в 1655 г., отметил: «Таким образом крестный ход достиг большого храма... Это здание составляет не один храм, а как бы несколько соединенных вместе. Этот храм известен под именем церкви Пресвятой Троицы. Приблизившись к этому храму, шествие остановилось и упомянутое дерево и хоругви остались внизу перед входом. Патриарху опять подали стул, покрытый сукном, и он сошел с лошади у ступеней лестницы и поднялся в один из приделов этого храма, во имя Входа Господня в Иерусалим, ибо все эти приделы уподобляются Вифании, а Кремль — Иерусалиму»¹¹⁷ [курсив наш. — Авт.].

Нет прямой изобразительности и в архитектурной программе собора. С большей определенностью можно говорить об иерусалимских параллелях на уровне символических образов, отразившихся в обозначении храма и выделяющих его в общем пространстве города.

Увереннее звучат иерусалимские мотивы при сложении такого топоса, как Лобное место. Это единственное сооружение в «ансамбле», «иерусалимское» наименование которого закреплено в летописи и официальных документах. В «Пискаревском летописце» под 1598/1599 г. читаем: «Того же году зделано Лобное место каменное, резана, двери — решетки железные»¹¹⁸. Это единственное известие о создании сооружения с таким названием. Можно ли считать, что подобие евангельского Святого места в Москве появилось именно в 1598/99г., или речь идет о перестройке ранее существовавшего объекта? И.М. Снегирев полагал, что Лобное место отмечало точку собраний городского веча на крестце перед воротами, допуская также, что кирпичное Лобное место, как некий общественный центр, впервые соорудили еще итальянцы, строившие Кремль. Он же указал на параллель в образовании иерусалимского и московского топонима, указав, что положение Лобного места в Иерусалиме и Москве сходно: «на взлобье горы в Китай-городе, у позорища казней, на Лобной площади, где там же валялись лбы (головы) преступников. Как и в Иерусалиме, Лобное место возвышалось пред одними из шести ворот городских, за коими, по исконному обычаю на Востоке, исполнялись приговоры суда, так и в Москве оно сооружено пред одними из шести главных ворот Кремля, именовавшихся прежде Иерусалимскими от смежной с ними церкви Иерусалим, т.е. Вход Иисуса Христа в Иерусалим»¹¹⁹.

Как можно понять из статьи, И.М. Снегирев склонялся к мысли об «естественном» происхождении московского то-

Купола храма Василия Блаженного.
Фрагмент панорамы Москвы
О. Кадо ля. 1819 г.

Собор Василия Блаженного (Покрова на Рву). Литография сер. XIX в.

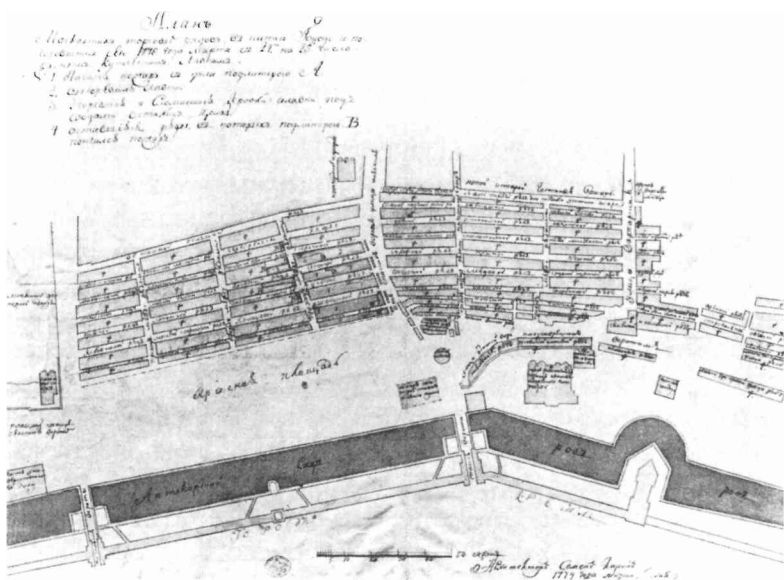
понима, который сложился благодаря сочетанию особенностей ландшафта, функций локуса и, возможно, давнего топонима. Логика приводила его к мысли о существовании Лобного места еще до строительства собора Покрова на Рву, а значит, и до перенесения к нему процессии в Неделю Вайи. Это находило подтверждение в опубликованной Н.М. Карамзиным выдержке из Хрущовской Степенной книги, где описывалось событие, названное в исторической литературе «собором примирения» 1549 г.: «Повеле (Иоанн) собрати свое государство из городов всякого чина, и в день Недельный изыде со кресты на Лобное место, и совершив молебная, нача речь говорить к митрополиту...»¹²⁰. Однако текст так называемой Хрущовской степенной книги уже с начала XX в. признается в источниковедении компиляцией последних десятилетий XVII в.¹²¹ Полагают, что описанное событие происходило в Кремле, о чем сообщает Продолжение Хронографа 1512 г. по рукописи третьей четверти XVI в.: «Того же меся-

ца февраля, в 27 день, царь и великий князь Иван Васильевич в своих царьских полатах перед отцом своим Макарьем митрополитом и предо всем освященным собором говорил боярам своим...»¹²².

Также лишено оснований предположение об основании Лобного места в память чудесного явления перед Фроловскими воротами Кремля преподобных Сергия и Варлаама, заступничество которых спасло Москву от нашествия Магмет-Гирея. Подобное предположение противоречит известной традиции. Построена могла быть только церковь (или два храма) во имя преподобного Сергия и Варлаама. Эти престолы были известны «на рву». Одному из святых, преподобному Варлааму, посвящен престол в соборе Покрова Богородицы. Храм преподобного Сергия Радонежского известен «на рву» в XVII в.

Первые достоверные сведения о Лобном месте относятся к концу XVI в. Единственное известное пока упоминание о нем содержится в описании майских событий 1585 г. и на 13 лет раньше известия о строительстве каменного сооружения: «И того же месяца в 22 день... чернь московская приступали к городу Большому, и ворота Фроловские выбивали и секли, и пушку болшую, которая стояла на Улобном месте, на город поворотили, и дети боярские многие на конех из луков на город стреляли»¹²³. Безднинский летописец относится к категории частных летописцев. В.И. Корецкий относил время его составления к периоду после 2 августа 1586 г., когда Безднин принял пострижение в Иосифо-Волоколамском монастыре (последняя запись — под 16 июля 1586 г.). Именно эта летопись позволяет говорить о существовании топонима «Лобное место» до строительства его в 1598/99г.

Определив верхнюю границу его появления, обсудим и вопрос о нижней. Нельзя не обратить внимание на то, что летописи и документы, подробно описывающие события, происходившие перед Фроловскими воротами, не упоминают о Лобном месте. Это относится к включенному в Степенную книгу, а затем в Шумиловский том Лицевого Летописного свода рассказу о видении слепой инокини во время нашествия Магмет-Гирея. Здесь упомянуто «великое торговище Ильинское», от которого к Фроловским воротам «в сретение им скоро течаше... Сергий чудотворец»¹²⁴. Более симптоматично и описание отъезда ново-

План Красной площади и торговых рядов в Китай-городе. 1779 г. НИМАХ

поставленного архиепископа Казанского и Свияжского Гурия на кафедру. Здесь отмечено, что в седьмую неделю по Пасхе, т.е. 2 июня 1555 г., «перед градом молебныя совершив, и царь... и митрополит... Архиепископа Казанского отпускает... тутож, у Фроловского мосту, основание святым Божиим церквам каменым заветным, казанским...»¹²⁵. Здесь описана именно та территория, где позже находилось первоначальное Лобное место.

Что касается вопроса о влиянии на образование топонима особенностей ландшафта, то, действительно, иностранцы описывают место собора Покрова на Рву как небольшую гору: «Там, где стоит храм, площадь сама по себе расположена высоко как маленькая гора»¹²⁶. Однако холм, на котором был возведен собор, как оказалось при обследовании, частично насыпной. Не исключено, что он был подсыпан землей, извлеченной при прорытии рва в 1508 г. Поэтому как «маленькая гора» он мог сформироваться или в начале XVI столетия, или в середине 1550-х гг. при подготовке рельефа к строительству каменного собора.

Вряд ли на образование топонима могло повлиять и предание о совершившихся здесь казнях — топоним «Лобное место» имеет, прежде всего, сакральный характер и связан с евангельским повествованием. «Лобное место» — это славянский перевод греческого сочетания *Kraviov golod*, которое, в свою очередь, передает еврейское «Голгофа», буквально — «место черепа». В славянском переводе именно сочетание «Лобное место» заменяет словосочетание *Kraviov golod*, а слово «Голгофа» не переводится. Это и вызвало параллельное употребление в русском языке двух обозначений для одного евангельского топонима, «Лобное место» и «Голгофа»¹²⁷. Этимологически же топоним раскрывали, не связывая ни с казнями¹²⁸, ни с «взлбомем» горы¹²⁹, но с апокрифическим преданием о погребении на горе Голгофа головы Адама. Это видно уже из комментариев паломников XVI в. Василий Позняков, посетив Иерусалим в 1558—1561 гг., пишет: «...бе бо Адамова глава сокровенна в той горе Голгофе, где распяша Господа... ибо то ныне зовется место Лобное»¹³⁰. Имплицитно, конечно, связь иерусалимского Лобного места/Голгофы с казнью преступников и с горой в средневековом восприятии была прочно заложена уже евангельскими описаниями Распятия, но трудно предположить обратный ход мыслей московских средневековых книжников, «топографическое моделирование» с использованием реальных функций городских локусов — до такого, кажется, не доходили даже европейские схоласты и творцы «сакра монте».

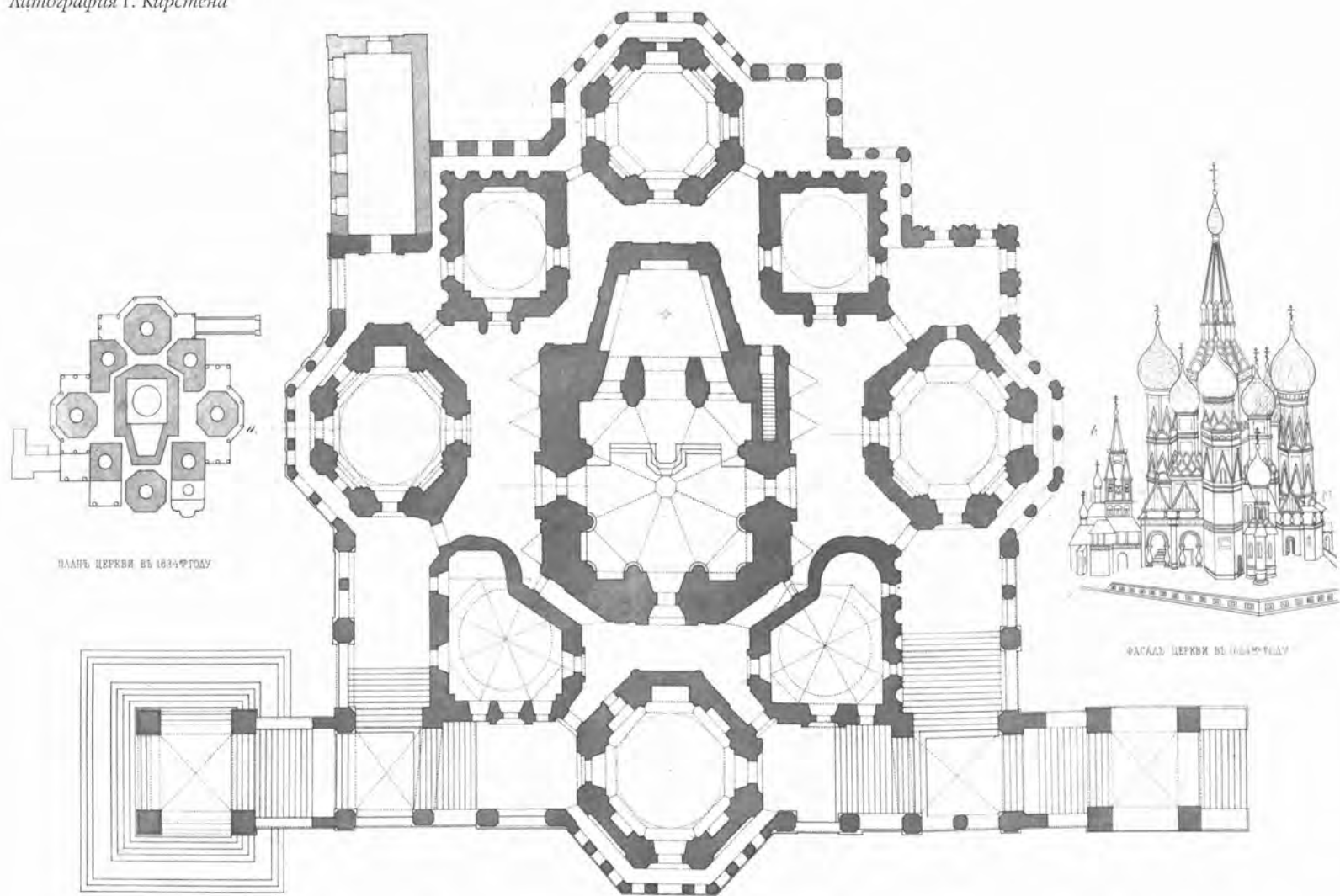
Однако в 1560-х гг. в Москве на участке Лобного места уже проходил один из обрядов праздника Входа в Иерусалим. Расположенное против собора на Рву, который представлялся в этот день символом Иерусалима, оно могло приобрести название знаменитой горы, находящейся перед евангельским Иерусалимом. До конца 1590-х гг. это название, если даже было распространено среди москвичей, не было закреплено официально. Конечно, не исключено, что это место и тогда служило для оглашений властных решений, которым достоверно станет позднее. В конце XVI в., может быть, в силу уже существующей традиции, его отметили каменным амвоном, и именно оно, а не площадь вокруг, получило название «Лобного места». Официальное, письменное закрепление за этим местом названия «Лобного» произошло только при Борисе Годунове. Этот акт можно сравнить со значением «наименования» в иконописи: изображение святого становится образом, иконой только после того, как совершают надпись, «называют»:

был построен каменный амвон, он получил название Лобного места, и тем самым реально стал им. Это происходит одновременно с работами над «Святая Святых», и вполне возможно, что постройка Лобного места была частью общего «иерусалимского» замысла Годунова.

Таким образом, процесс сложения «ансамбля» иерусалимских топонимов на территории перед Фроловскими воротами не определялся какой-то единой программой. Он растянут во времени. Топоним «Лобное место» мог сложиться вторично, как новый шаг осмысления и соединения с программой, уже не включающей в себя собор Покрова на Рву. Функция Лобного места в Москве иная, чем в Иерусалиме и чем в католических странах с их многочисленными Кальвариями. Связь с евангельским Лобным местом останется здесь на уровне символа, выраженного в наименовании. Поэтому вряд ли можно говорить о том, что перед Фроловскими воротами был задуман, или даже постепенно сложился ансамбль, повторяющий Святые места Иерусалима. Да и сам храм Святой Троицы на Рву представлял образом всего града Иерусалима и не может рассматриваться в ряду средневековых подобий храма Гроба Господня, распространенных в Западной Церкви и программно копирующих иерусалимскую святыню.

Характерно, что в середине XVII в. процессия к собору Покрова на Рву превращается в обычный для литийных богослужений в Москве Крестный ход к «празднику», т.е. к церкви Входа Господня в Иерусалим, а шествие на ослики начинает совершаться в Кремль, к Успенскому собору. Приведенные нами слова архиерея Павла Алеппского, рассматривающего собор в контексте повторения евангельского события в качестве Вифании, а Кремль как образ Иерусалима, уже через год, в 1656 г., претворятся в новой редакции шествия «на ослики»¹³¹. Его совершение по новому чину в 1659 г. наблюдал секретарь датского посольства Андрей Роде: «Пение тем временем все продолжалось, и, наконец, двое изображавших апостолов привели за повод коня в белой попоне, заменявшего осла и привязанного к обитым красным сукном саням, на которых было установлено дерево, увешенное яблоками. На этого коня положили поперечное седло и повели его к крыльцу. Тогда великий князь с митрополитом спустился вниз, окруженный громадной толпой народа, а митрополит затем сел на лошадь, изображавшую осла, и великий князь вел ее до Кремля, поддерживаемый при этом под руки двумя ближними людьми, которые держали повод коня, так что великий князь почти не прикасался. Впереди ехали... сани с деревом, и в них сидели трое детей самых знатных бояр и раздавали народу яблоки. По пути назначенные для того мальчики постлали пальмовые ветки, а монахи и народ, который провожал шествие, громко пели»¹³². Создается впечатление, что корректировка чина связана определенным образом с приездом антиохийского Патриарха Макария и его сына архиерея Павла Алеппского. Мы сталкиваемся теперь с непререкаемым фактом: чин стал точным изображением Евангельского повествования, а собор и Лобное место стали соответствовать в этот момент Вифании. Описание Андрея Роде полностью соответствуют тексту чиновника Успенского собора. После вручения вербы государю на Лобном месте «Протоиерей кон чтем Евангелие, и протопоп с ключарем приходят к Патриарху ко благословению, и Патриарх благословляет вместо дву учеников по ослики иди и глаголет: *идета в весь, яже прямо вама, и абие обряцета ослика привязано и жребя с ним, отрешив е приведита ми, и аще вама кто*

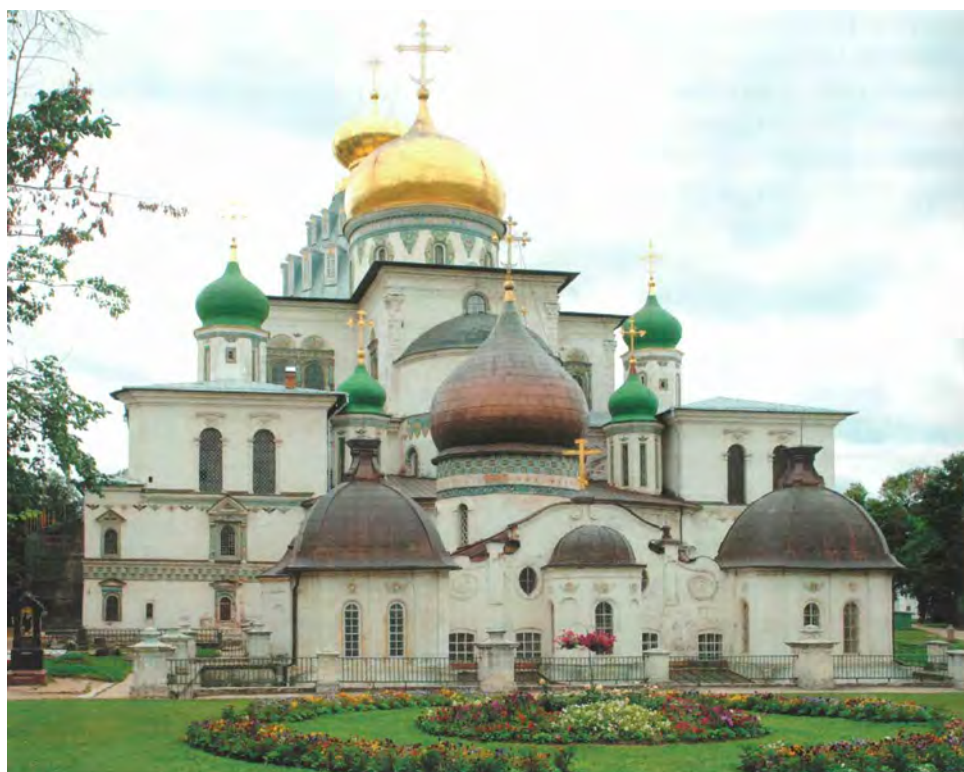
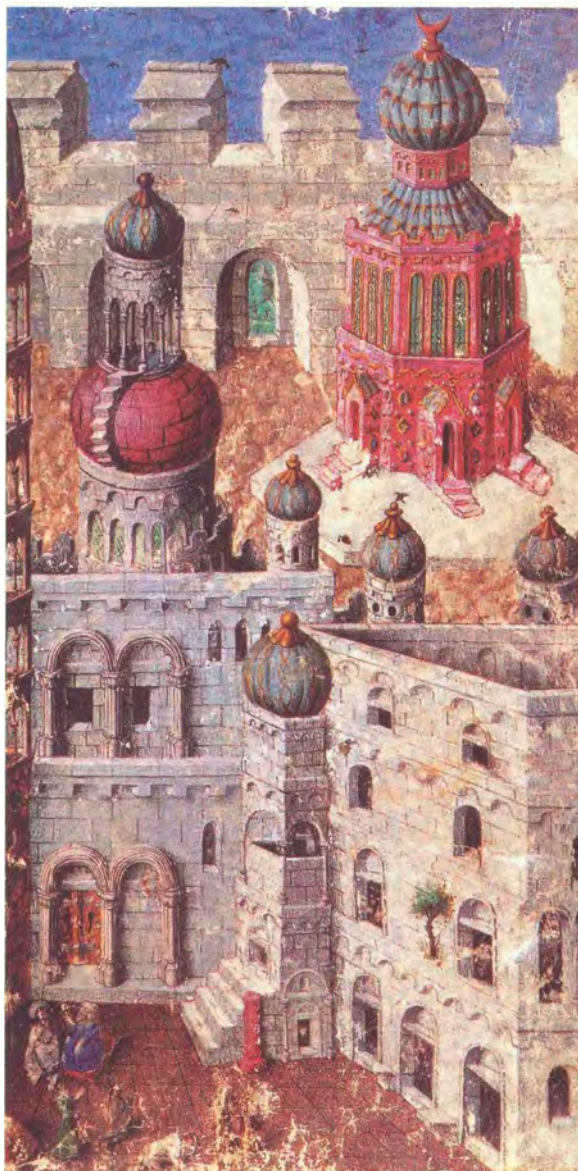
План собора Василия Блаженного
(Покрова на Рву).
Литография Г. Кирстена

ренет, что? Рене та, яко Господь ею требует, и протопоп с ключарем приняв благословение, пойдут по ося к уготованному месту, идеже привязано притти, и пришед отрешают е, и боярин Патриарший глаголет, что отрешаете ося сие? И ученицы глаголют, Господь требует, и поведут ученицы ося с обе стороны под устцо, и приведут к Патриарху к Лобному месту, а Патриарши Дьяки за осятем несут сукна красное да зеленое и ковер, и возлагают протопоп и ключарь оба сукна на седалище, потом ковер, и поставляют сторожа ко осяти ступени, ковром покрыты, и Патриарх... садится на ося, и Государь ведет ося за повод»¹³³.

Этим заканчивается история собора Покрова на Рву как образа града Иерусалима во время празднования Недели Вайи. Этим объясняются, вероятно, и слова, сказанные Бернградом Таннером в 1678 г. Для москвичей название храма Иерусалимом к тому времени давно утратило связь с образом Святого града. Им стал Кремль с его главной святыней — Успенским собором, который оказывается с конца 1650-х гг. осмысленной целью «шествия на осяти» со всеми вытекающими отсюда возможными символическими параллелями.

Образ небесного *и* земного Иерусалима воспроизводился и воспроизводится в изобразительном искусстве и архитектуре в основном условно. Ново-Иерусалимский монастырь середины XVII в. — редкое исключение

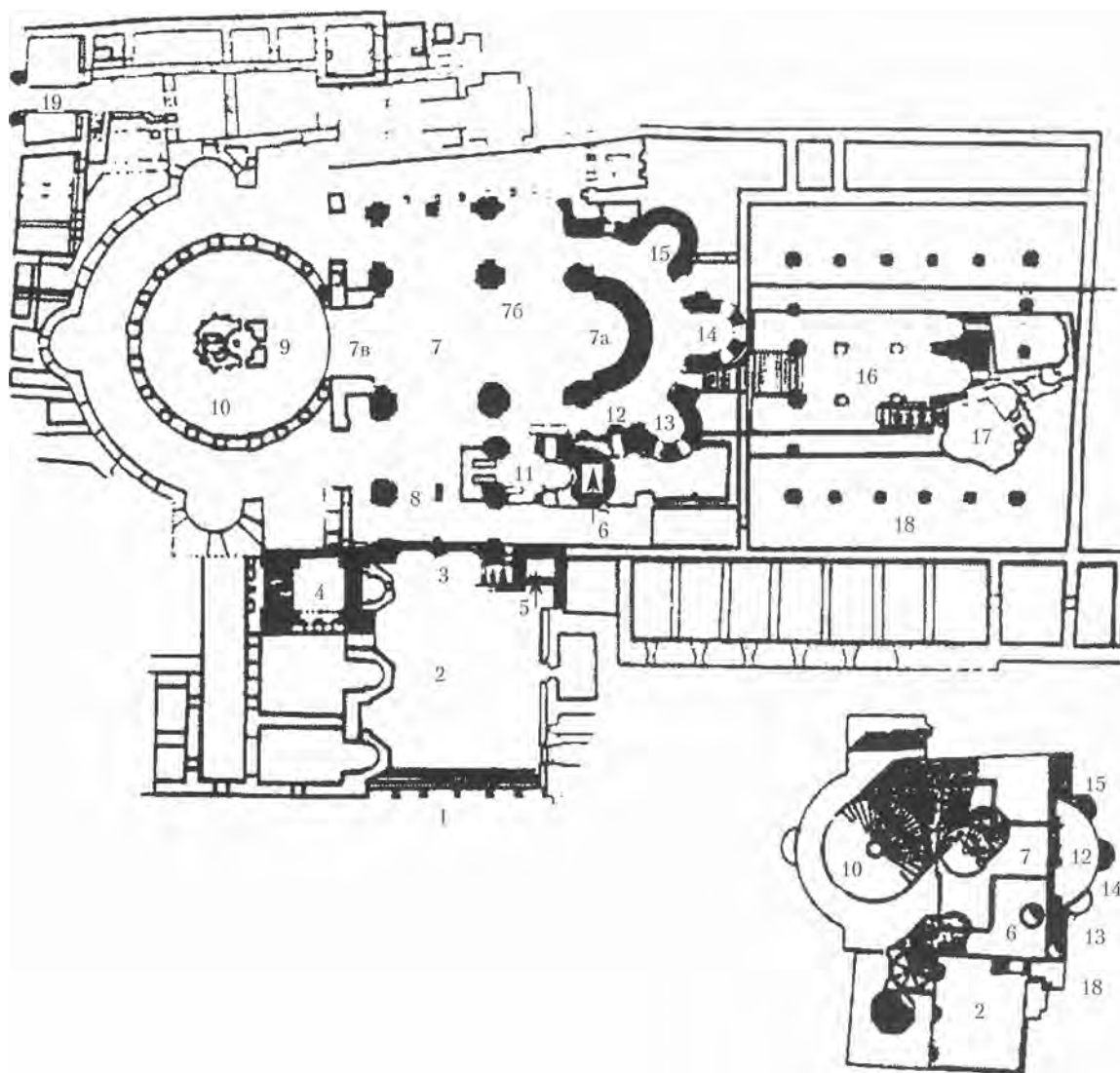

ГРОБ ГОСПОДЕНЬ: КРЕМЛЕВСКАЯ ВЕРСИЯ

Характерно, что единственный достоверно известный нам замысел создания подобия храма Гроба Господня предполагали осуществить в самом Кремле, на Ивановской площади. Центральной реликвией этого храма, называемого в источниках «Святая Святых», должен был стать сам Гроб Господень, повторяющий по размерам подлинную иерусалимскую святыню. Строительство этого храма, посвященного Воскресению Господню, согласно сообщению летописи, началось в 1598/99 г., т.е. одновременно с Лобным местом, что позволило нам объединить их в один замысел — ведь указ о двух сооружениях, содержащих в своих наименованиях отсылки к иерусалимским Святым местам, вряд ли мог быть случайным. Но следует обратить внимание на топографическую раздельность: храм Воскресения отделен от Голгофы, он и его главная святыня, Гроб Господень, оставлены в городе, а Лобное место, как и в евангельской реальности, вы-

несено за город. Замысел Бориса Годунова повторить храм Святого Гроба, не имеющий корней в местной традиции, не только не был реализован — он не был повторен, не возник вновь вплоть до середины XVII в.¹³⁴

Иную судьбу имела идея создания мерной иконы Святого Гроба. Из разноречивых свидетельств можно достоверно судить о том, что в 1600 г. создание Гроба подразумевалось в меру подлинного, в Иерусалиме. Он должен был стать реликвией кремлевского собора, строившегося по образцу храма Воскресения в Иерусалиме. Это позволяет определенно говорить о нем как о постоянном *loca sancta*, являющим собой икону Животворящего Гроба даже вне контекста богослужения. Однако описание в источниках изготовленных для этого храма литых из золота изображений, часть которых явно представляла круглую скульптуру, значительно усложняет реконструкцию его облика и литургического использования.

**План храма
Гроба Господня
времен крестоносцев**

1. Порттик
2. Парадный двор
3. Фасад
4. Колокольня
5. Капелла франков
6. Голгофа
7. Базилика
- 7а. Кафоликон;
- 7б. Апсида;
- 7в. Арка Победы
8. Камень Помазания
9. Кубулки
10. Ротонда
11. Капелла Адама и могилы королей
12. Полукруглый коридор — деамбулаторий
13. Капелла Бичевания, или Поругания
14. Капелла Разделения Риз
15. Капелла Лонгина Сотника
16. Капелла Св. Елены
17. Крипта
18. Монастырь августинцев
19. Ворота Девы Марии

Эдикула (Кувуклия) с южной стороны. Раскрашенный тушью рисунок с зарисовок, сделанных, по-видимому, во время паломничества в 1486 г. Художник Конрад фон Грюненберг. 1487 г.

Цельно скальная копия Эдикулы. Айхштетт, Бавария. 1160 г. Установлена в нынешнем виде в часовне капуцинов, 1623–1625 гг. Купол и балюстрада обновлены в 1877 г. Структура нынешней копии Эдикулы повторяет оригинал 1160 г.

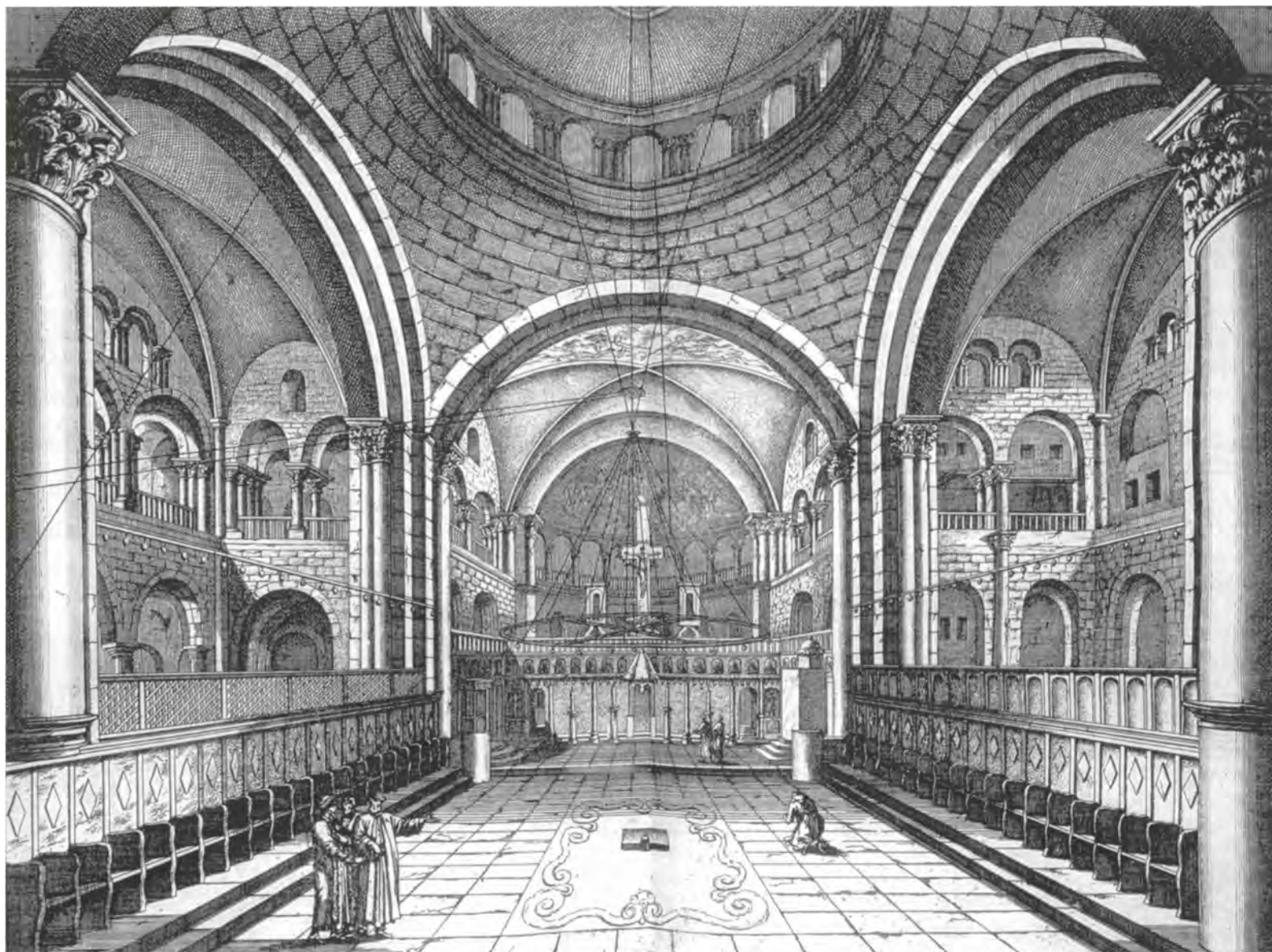
О замысле Бориса Годунова сообщает Пискаревский летописец и целый ряд современников. Сопоставление их сообщений позволяет установить, что замысел включал создание собственно Гроба Господня в меру Живоносного Гроба (Пискаревский летописец; дьяк Иван Тимофеев), т.е. в меру лавицы, на которую было возложено тело Спасителя, а также литых изображений Ангелов (Пискаревский летописец), Спасителя, Пресвятой Богородицы, Архангелов, Двенадцати Апостолов, Иосифа Аримафейского и Никодима (архиепископ Арсений, Патриарх Иов, Исаак Масса, Матвей Стадницкий). О масштабе композиции можно судить по размерам фигур, зафиксированных Матвеем Стадницким. Он видел изображения апостолов и указал, что они достигали в высоту три локтя, т.е. от 137 до 141 см.

Создание Годуновым Гроба в меру подлинного от «сущаго в Иерусалиме», т.е. намеренно повторяющего Живо-

творящий Гроб как особую реликвию, хорошо соотносится с известными европейскими копиями эдикулы, созданными, как и неосуществленный кремлевский собор, в сооружениях, построенных по образцу иерусалимского храма. Мерное подобие Живоносному Гробу (в нашем случае лавицы в Гробной пещере) соответствует той же европейской традиции, предполагавшей подобие размерам иерусалимской эдикулы. В то же время описания литой, видимо, круглой скульптуры заставляют сопоставлять замысел с западными подобиями Гробу Господню, содержащими изображения сцен Положения во Гроб (Депозицию) и Посещения Святого Гроба (Визитацию). Литые изображения тела Спасителя, Пресвятой Богородицы, Никодима и Иосифа Аримафейского, о которых сообщает Арсений Елассонский, соответствуют сюжету Положения во Гроб; Пискаревский летописец достаточно определенно привязывает ко Гробу изображения Ангелов, соотносимых им с описанием в Евангелии от Иоанна сцены посещения Гроба женами-мироносицами. Так что, возможно, разные источники сообщают о двух разных композициях, предназначенных для Святой Святым: о Гробе Господнем с изображением Визитации, сокращенной здесь до изображения двух Ангелов, и отдельной от него монументальной композиции Положение во Гроб, подобной известным в западноевропейской традиции того времени.

Во всех случаях речь может идти о преломлении европейской традиции пластической иллюстрации евангельских событий у Гроба. Включался ли Гроб Господень, описанный в Пискаревском летописце и у Ивана Тимофеева, в богослужение Страстной седмицы, можно только догадываться. При повторении Святым мест Иерусалима, возможно, обостряется осознание единства сакрального пространства города, в центр которого помещается копия храма Гроба Господня с его реликвией. Нельзя ис-

Внутренний вид храма Гроба Господня с греческими и францисканскими приделами, с мозаикой апсиды и большим Распятием. Корнелиус де Бройн. Конец XVII в.

ключить, что, будь Годуновский замысел «Святая святых» осуществлен, именно этот новый храм, а не Успенский собор, оказался бы в центре городского богослужения. Однако этого не произошло. Напротив, последующие события обогатили полифоническое, многоаспектное восприятие Успенского собора как сакрального центра Москвы и страны.

Неосуществленный замысел Бориса Годунова, обеспечивший все же соприкосновение с многовековой европейской традицией, можно рассматривать как импульс к созданию копии вселенской реликвии. Но реализуется он только после Смуты, в царствование Михаила Федоровича. Связующим звеном между ними стала мера Гроба Господня, привезенная в конце XVI столетия Трифоном Коробейниковым. Не исключено, что по этой мере изготавливали Гроб Господень для «Святая святых» Бориса Годунова: в 1600-х гг. именно мера была святогробской реликвией в Успенском соборе¹³⁵. Между 1611 и 1620/21 гг. на ее месте появляется Гроб Господень¹³⁶, созданный по мере Гроба Господня в Иерусалиме, привезенной Трифоном Коробейниковым¹³⁷. В 1624 г. над Гробом была создана сень (мастер Дмитрий Сверчков), о чем говорит надпись на самом киворие: «Божию мило-

стию по благословению и по повелению великого господина святейшаго патриарха кир Филарета... при державе благоверного и благородного христоролюбивого великого государя... Михаила Федоровича всея Руси самодержца... в трое на десятое лето государства... в шестое лето патриаршества Филарета патриарха московского и всея руси зделана бысть сия решетка в соборную церковь около гроба господня в лето ЗРЛГ[7133] 20 месяца сентября Л дня»^{TM}. Таким образом, осенью 1624 г. был создан «гробный» ансамбль, который более всего типологически сопоставим с западными Гробами Господни в виде каменных кивориев, содержащих внутри саркофага.

Вскоре он получил важнейшее дополнение. В июне 1624 г. в Москве было получено сообщение о желании шаха Аббаса прислать Ризу Господню¹³⁹. В феврале 1625 г. святыня была привезена в Москву и на Соборе 26 марта признана подлинной, после чего ковчег с частицей Ризы Господней был поставлен в Успенском соборе на Гробе Господнем. Таким образом, в 1625 г. в Успенском соборе сформировалось совершенно особое *loca sancta*: киворий осеняет Гроб Господень в меру Живоносного Гроба, на котором лежит частица Ризы Господней. Риза Господня как «боготелесное одеяние», как подлинное свидетельство вочеловечивания, страстей и искупительной смерти была положена именно на Гроб, знаменующий ту лавицу, на которую была положена божественная плоть и являющий собой свидетельство Ее Воскресения. Связанность этих реликвий в один символический образ Гро-

ба Господня была соответствующе осмыслена современниками, воспринимавшими и создание кивория над Гробом Господним и Положение на нем Ризы как единовременный акт: *«И той святитель патриарх Филарет повеле... устроить теремец древян чуден... и в нем поставити гроб господень таков же мерою, как во Иеросалиме, в нем же лежало тело господне... и повеле зделати ковчежец сребрян и положити в нем ковчег златый, принесенный с ризою господнею... и поставити в том же теремце у возглавия гроба господня...»*¹⁴⁰.

Гроб Господень стал в Успенском соборе не только богослужебным предметом. Он обрел значение самостоятельной реликвии, которой было отведено особое место в сакральном пространстве Успенского собора¹⁴¹. Риза Господня как свидетельство вочеловечения Бога Слова была поставлена в центр сакрального пространства не только Успенского собора, но и всего нового царства, получившего тем самым знамение о Благоволении Божиим к Русской земле и соответственно новой династии. *«О преславное чудо каково божие дарование русетей земли даровася риза ея же безгрешный господь одеет. сию неблагодарнии людие от дальних стран, яко дар некий в царствующий град Москву принесоша. тогда убое(с)я благоверный ц(а)рь Михаил со отцем своим филаретом патриархом, не яко земен дар, но яко небесную жизнь великим желанием и со свидетелством духовным радостию приятя и боголепным поклонением владыце христу богу нашему благодарственая хваления воздаша. сице глаголюще. слава ти господи яко премногия ради благности твоя русскую страну нашу назираеши»*¹⁴².

Сакральная топография Москвы, соединившая в единое богослужебное пространство храмы и монастыри, основанные в память о привозе в Москву чудотворных образов, о помощи Божией в строении государства Российского, о милости, полученной по молитвам святых великим князем и другими многочисленными храмоздателями, получила великую подлинную святыню, венчающую складывавшееся на протяжении столетий собрание реликвий.

Сложение образа Москвы как сакрального центра Русской земли и Русской Церкви получило завершение. Успенский собор остался единственным постоянным сакральным центром всех московских святынь. Эта «центричность» сакрального пространства Москвы лишь отчасти воплотилась в представлениях о необходимости ее семисоборного устройства. Но она же нашла гораздо более полное и устойчивое воплощение в чине литийных богослужений. К этим темам мы теперь и обратимся.

1.

Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. М. — Л. 1963. Т. 28. С. 67; Рогожский летописец // ПСРЛ. Пг, 1922 (репринт — М, 2000). Т. XV. Вып. 1. Стб. 40.

2.

Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М, 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 394; Никаноровская летопись // ПСРЛ. М, 1962 (репринт — М, 2007). Т. XXVII. С. 61; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М, 1949 (репринт — 2004). Т. XXV. С. 166.

3.

ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 45-46; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 91; Т. XXV. С. 169.

4.

Шеляпина Н.С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. № 1. С. 200—214; Федоров В.И. Новое о древней топографии и первых каменных постройках Московского Кремля // Гос. Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1973. Вып. 1. С. 41—51; Шеляпина Н.М. Археологические исследования в Успенском соборе // Там же. С. 54—63.

5.

См. критику: Выголов В.П. Об Успенском соборе 1326—1327 гг. в Московском Кремле // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. М, 1993.

С. 94—109; Он же. Архитектура Московской Руси середины XV века. М, 1988. С. 177-181.

6.

ПСРЛ. М, 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 399; СПб., 1856 (репринт — М, 2001). Т. VII. С. 199; М, 1963. Т. 28. С. 67 и др.

7.

ПСРЛ. Т. XVIII. С. 238-239; Т. XXV. С. 294. ПСРЛ. СПб., 1901 (репринт — М, 2000). Т. XII. С. 145.

8.

ПСРЛ. Т. XXV. С. 294.

9.

ПСРЛ. Т. XXV. С. 325; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. СПб., 1859 (репринт — М, 2001). Т. VIII. С. 203.

10.

Икону, написанную на гробной доске (лежавшей какое-то время на его гробнице) и «сорочку», т. е. драгоценную частицу одеяния святого Димитрия, пропитанного его мученической кровью. См.: Смирнова Э.С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М, 1997. С. 242-243.

11.

Яганов А.В., Рузаева Е.И. Успенский собор в Дмитрове. М, 2003. С. 62.

12.

ПСРЛ. СПб., 1885 (репринт — М, 2000). Т. X. С. 206.

13.

ПСРЛ. Т. X. С. 216.

14.

ПСРЛ. Т. X. С. 94.

15.

Там же. С. 59.

16.

Там же. С. 174—175.

17.

ПСРЛ. Т. X. С. 208.

18.

Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / Подготовка текстов и исслед. А.В. Сиренова. СПб., 2003. С. 71—87.

19.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М, 1961. Т. I. С. 442. Степенная книга так описывает некрополь великих княгинь в церкви Успенского Княгинина монастыря, сохранившийся при ее перестройке в середине XVI в.: «положена бысть в церкви... Успения... в приделе Благовещения на правой стороне. У нея же последи положена бысть и вторая супружница Всеволожа, дщи витебьскаго князя... В манастыри же ея в приделе Христова Рожества от юга на правой стороне положены быша великая княгини Александра да велика княжна Евдокия. А на левой стороне велика княгини Василиса. А в приделе Благовещения от севера на правой стороне великаа княгини инока Марфа Шварновна да велика [княгини Анна]. А на левой стороне мученик Авраамии» — Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Тексты и комментарий в трех томах. М, 2007. Т. 1. С. 458-459.

20.

Забелин Н.А. Некрополь Тверского собора Спасо-Преображения // Салимов А.М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994. Приложение 9. С. 279—284.

21.

Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910 (репринт — М, 2005). Т. 20. 4. 1. С. 177.

22.

О месте погребения умерших на одной неделе с митрополитом сыновей великого князя Симеона Гордого, Ивана и Семена, ничего не известно.

23.

ПСРЛ. М, 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 526; ПСРЛ. СПб., 1889 (репринт — М, 2000). Т. XVI. Стб. 152; ПСРЛ. СПб, 1897 (репринт — М, 2000). Т. XI. С. 194.

24.

ПСРЛ. Т. X. С. 204.

25.

Там же. С. 216.

26.

ПСРЛ. СПб, 1897 (репринт — М, 2000). Т. XI. С. 4.

27.

Там же. С. 172.

28.

Там же. С. 121.

29.

ПСРЛ. Т. XI. С. 172.

30.

Там же. С. 238.

31.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М, 1950. С. 72.

32. Диттель И.Ф. Святыня, древности и достопримечательности г. Рязани // ЧОИДР. М, 1859. Кн. III. С. 116-118.
33. Макарий (Мирлобов), архим. Сведения о Рязанской епархии // ЧОИДР. М, 1863. Кн. III. С. 128-129.
34. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI веков. М. — Л. 1950. С. 45-46 (далее — ДДГ).
35. Там же. С. 11. Докончание великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем [около 1350—1351 гг.].
36. Там же. С. 33. Духовная грамота (вторая) великого князя Дмитрия Ивановича [1389 г., апреля 13 — мая 16].
37. ПСРА. СПб, 1913. Т. XVIII. С. 88.
38. ПСРА. М, 1965. Т. 30. С. 104.
39. ПСРА. Т. XVIII. С. 90.
40. ПСРА. Т. XII. С. 127.
41. Понимая глубокую связанность описанной модели с архаическим культом предков, мы все же не развиваем здесь этого направления, полагая его слишком «общим местом» для нашего конкретно-исторического исследования.
42. ПСРА. СПб, 1901 (репринт — М, 2000). Т. XII. С. 131.
43. Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси. СПб, 1999. Т. 6. С. 154.
44. «...князь Дмитрий же Михайлович... пошел в Суздаль помолитца... и у родительских гробов проститца» // Новый летописец // ПСРА. М, 1965. Т. XIV. С. 122-123.
45. Мы не касаемся здесь политических причин такого решения, связанных с опалой, постигшей великую княгиню Софию Фоминичну и ее сына Василия Ивановича, а также с интересами союза с королем Стефаном, тестем покойного великого князя.
46. Только в 1498 г. в роли князя Галицкого оказывается его старший сын от второго брака Василий.
47. ПСРА. Т. XII. С. 246-247.
48. Никаноровская летопись // ПСРА. Т. XXVII. С. 108; Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. М, 1949. Т. XXV. С. 262; ПСРА. Т. XII. С. 39.
49. Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРА. Т. XXVII. С. 294; ПСРА. Т. XII. С. 237.
50. Сизов С. Еще раз о трех неизвестных гробницах Архангельского собора // Материалы и исследования. ГММК. М, 1973. С. 92.
51. Князь Василий умер «в железех», а князь Андрей «в тюрьме на Казенном дворе великого князя» (ПСРА. Т. XII. С. 214; 227).
52. ПСРА. М, 1978. Т. 34. С. 24.
53. Там же. С. 26.
54. ОР РГБ. Муз. собор. Ф. 178. Д. 1817. Л. 89.
55. ПСРА. СПб, 1908. Т. 21 (1). С. 307.
56. ПСРА. Т. XII. С. 6: «Тогда на Москве тоя же осени преставися князь Андрей Володимирович... во иноческом чину, и наречен бысть вместо Андрея Савва, и положен у Троицы в Сергееве манастыре».
57. ПСРА. Т. XIII. С. 11.
58. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // ПЛДР. СПб, 2001. Т. 11: XVI в. С. 50.
59. Второе послание Ивана Грозного Курбскому // Там же. С. 74.
60. «Послание царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси в Кирилов монастырь игумену Козме, яже о Христе з братиею» // Там же. С. 142.
61. ААЭ. СПб, 1836. Т. 2. С. 15.
62. При Лжедмитрии I его вынесли в Вознесенский Варсонофьевский монастырь.
63. Самойлова Т.Е. К истории канонизации царевича Дмитрия // К 500-летию Архангельского собора. М, 2010 (в печати).
64. Голубинский Е.Е. С. 149. Примеч. 2.
65. Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. Т. XXV. С. 179; Типографская летопись // ПСРА. Пг, 1921. Т. XXIV. С. 121; Т. X. С. 226.
66. Симеоновская летопись // ПСРА. СПб, 1913. Т. XVIII. С. 93.
67. Там же. С. 99.
68. См. напр. Никоновскую летопись «поидоша со всею силою своею из Переслава в Володимерь, и сяде на великом княжении в Володимери князь великий Дмитрей Иванович на столе отца и деда своего...» (ПСРА. СПб, 1897. Т. XI. С. 1).
69. «Того же лета, месяца Августа в 15 день, на Успение пречистыя Богородицы, князь Василей Дмитриевич сяде на великом княжении Володимерском, на столе отца своего и деда и прадеда, а посажен царевым Тахтамышевым послом Шахматом» (ПСРА. Т. XI. С. 121).
70. ПСРА. Т. XII. С. 16. Другая редакция этого известия: «... и отпусти царь их на свои отчины, и прииде князь велики на Москву на Петров день, а с ним посол Мансыр Улан царевич, тот его посадил на великое княжение, а князь Юрий в Звенигород, а отголе в Дмитров» — Воскресенская летопись // ПСРА. СПб, 1859 (репринт — М, 2001). Т. VIII. С. 96.
71. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М, 1991. Т. 1. С. 365.
72. РИБ. СПб, 1880. Т. 6. Стб. 627-630.
73. Анисимов А.И. Владимирская икона Божией Матери // Анисимов А.И. О древнерусском искусстве / Сборник статей. М, 1983. С. 221.
74. ПСРА. Т. XXV. С. 287; ПСРА Т. XII. С. 130.
75. Щенникова Л.А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия Евангелиста Луки» // Чудотворная икона Византии и Древней Руси / ред.-сост. А.М. Лидов. М, 1995. С. 266—267.
76. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. 1-я половина тома. М, 1900. С. 331-333.
77. Сказание действительных чинов святых соборных и апостольских великия церкви Оупения пресвятыя владычицы нашея Богородицы... // Чиновники Московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона. С предисловием и указателем А.П. Голубцова М, 1908. С. 57—59.
78. Щенникова Л.А. Владимирская икона Божией Матери // ПЭ. М, 2005. Т. IX. С. 20-23.
79. ПСРА. Т. XXV. С. 293.
80. Сказание о создании великия Божия церкви св. Софии в Константинополе / Предисл. Карла Герца и Федора Буслаева // Летописи Тихонравова. М, 1859. Т. 2. Отд. 2. С. 19.
81. Киево-Печерский патерик // ПЛДР. СПб, 1997. Т. 4. С. 310.
82. Попов Г.В. Иконостас Дионисия 1481 г.: опыт исследования комплекса по письменным источникам // Успенский собор Московского Кремля / Ред.-сост. Э.С. Смирнова. М, 1985. С. 136.
83. Лаврентьевская летопись // ПСРА. М, 2001. Т. 1. Стб. 380.
84. ПСРА. СПб, 1885 (репринт - М, 2000). Т. X. С. 2.
85. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и коммент.: В 3-х тт. М, 2008. Т. II. С. 93.
86. Там же. С. 102.
87. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной республики. М, 1976. Ч. 2. Прил. С. 145—147.

88.
Карташев А.В. Очерки. Т. 1. С. 376; Лурье Я.С. Как установилась автокефалия // ВИД. Л., 1991. Т. XXIII. С. 197; Сеницына Н.В. Автокефалия Русской церкви и учреждение Московского патриархата // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 137.
89.
Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 50.
90.
Выголов В.П. Некоторые вопросы истории строительства Успенского собора в Москве // Архив архитектуры. М., 1994. Вып. V(1): Заказчик в истории русской архитектуры. С. 13—14.
91.
Сказание о нашествии Едигея // ПЛДР. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 248.
92.
Таннер Бернгард. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891. С. 60.
93.
Цит. по: Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 317.
94.
Буссов Конрад. Московская хроника 1584—1613 гг. М. — Л., 1961. С. 105, 185; Даниил Принц. Начало и возвышение Московии. М., 1874. С. 40; Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Баркоча в 1593 г. // ЧОИДР. 1874. Кн. IV. Отд. IV. С. 35. Далее см.: Описание... 95.
- Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова. М., 1877. С. 40.
96.
Иностранцы в Москве. С. 137.
97.
Буссов Конрад. Московская хроника. 1584—1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 45 (далее — Буссов, 1998).
98.
Там же. С. 149.
99.
Маржерет Жак. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского в 1606 г. М., 1913. С. 29.
100.
Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 266.
101.
Расписная книга Софийского Новгородского дома за 1548 год. Цит. по: Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 65 (далее — Никольский, 1885).
102.
Буссов, 1998. С. 51.
103.
Там же. С. 74.
104.
Снегирев И.М. Лобное место в Москве ЧОИДР. 1861. Январь — март. Кн. 1. Отд. 1. С. 2.
105.
Известие англичан о России во второй половине XVI в. Описание России неизвестного англичанина, служившего зимой 1557—1558 годов при царском дворе // ЧОИДР. 1884. Кн. IV. Отд. III.
106.
ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 320.
107.
Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1834. Т. IX. С. 461—462.
108.
Никольский, 1885. С. 55.
109.
Баталов А.Л., Вятчанина Т.Н. Образ иерусалимского храма в архитектуре Московского государства XVI—XVII вв. // Архитектура и строительство Москвы. М., 1988. Вып. 36. С. 31. Прим. 38. Без ссылки на нашу работу это предположение уже в виде утверждения было повторено Б.А. Успенским.
110.
Никольский, 1885. С. 65.
111.
Там же. С. 75—76.
112.
Иеродьякон Зосима. Цит. по: Леонид (Кавелин), архим. Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV—XVI вв. Сводные тексты оных с объяснительными примечаниями. М., 1871. С. 22; Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока, 1558—1561 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3 (18). С. 45.
113.
Егорова К.С. Обращение к древности в нидерландской живописи XV века // Античность в культуре и искусстве последующих веков. Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Материалы Научной конференции. 1982. М., 1984. С. 128—129; о распространении изображений Иерусалима в подчеркнута фантастических или вычурных восточных архитектурных формах см.: Krinsky C.H. Representation of the Temple of Jerusalem before 1500 // Journal of the Warburg and Courland Institutes. London, 1970. V. 33.
114.
В переводе, использованном И.Е. Забелиным: «Хотя полагают, что она построена по образцу храма Соломонова, но я не выдвигал ничего ей подобного и равного». См.: Забелин И.Е. Черты самобытности в русском зодчестве. М., 1900. С. 18. В более поздних переводах несколько иначе: «...перед замком стоит чудесная искусно выстроенная церковь, какой не видел я за все свое путешествие. Говорят, она построена на образец храма в Иерусалиме, по имени коего называется» (Цит. по: Таннер Бернгард. Указ. соч. С. 164), или: «говорят, что она создана по образцу Иерусалимского храма, по имени которого [получила] и название» (Ян Стрейс. Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа / История России и Дом Романовых в мемуарах современников. XVII—XX вв. М., 2000. С. 328).
115.
Чиновники Московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона. С предисловием и указателем А.П. Голубцова М., 1908. С. 105—106 (далее — Сказание действительных чинов).
116.
Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. М., 1906. С. 137—138.
117.
Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2005. С. 384—385.
118.
ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 202.
119.
Снегирев И.М. Лобное место в Москве // ЧОИДР, 1861, январь — март. М., 1861. Кн. 1. С. 2.
120.
Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1834. Т. VIII. Прим. С. 15. Сн. 159.
121.
См.: Платонов С.Ф. Речи Грозного на Земском соборе 1550 года // Платонов С.Ф. Сочинения. СПб., 1912. Т. 1: Статьи из русской истории. 2-е изд. С. 201—205; Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литературы X-XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С. 347.
122.
Шмидт С.О. Продолжение Хронографа 1512 г. // Исторический архив, 1951, Вып. 7. С. 295.
123.
Корещкий В.И. Безднинский летописец конца XVI века из собрания С.О. Долгова // Записки ОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 208.
124.
ПСРЛ. Т. XIII. С. 40. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. II. С. 308-311.
125.
ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 257-258.
126.
Генрих Штаден. Записки немца-опричника. Сост. и коммент. С.Ю. Шокарева. М., 2002. С. 60.
127.
Существовало и третье название: «Краниево место». Оно появилось благодаря тому, что в славянском переводе Евангелия от Матфея греческий топоним оставлен без перевода и просто транскрибирован: «Краниево место». Паломники, описывая храм Гроба Господня, иногда приводят оба названия Голгофы: «...и то место гора Голгофа, зовется Лобное место, си речь Краниево» (Трифон Коробейников в кн.: Леонид, архим. Указ. соч. 1871. С. 39).
128.
Казни в ранний период на будущем «Пожаре» или «Рве», кстати, неизвестны.
129.
Во всяком случае, примеры употребления названия «Лобное место» для возвышенных частей города, которые приводятся в Словаре русского языка (Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 8. М., 1981. С. 263), относятся уже к XVII в., когда место государственных объявлений и собраний соединилось с названием московского Лобного места.
130.
Хождение купца Василия Познякава по святым местам Востока, 1558—1561 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Т. 6. Вып. 3(18). С. 34—35. Далее см.: Хождение купца Василия Познякава.
131.
Дубовский Н. Патриаршие выходы // ЧОИДР. 1869. Кн. 2. Смесь.
132.
Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии / История России и Дома Романовых в мемуарах современников. М., 1997. С. 19—20.

133.

Древняя российская Вивлиофика. М., 1789. Ч. XL С. 56.

134.

Подробнее см.: Баталов А.Л. Гроб Господень в замысле «Святая святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. Сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994. С. 154—171; Он же. Московское каменное зодчество конца XVI в.: Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 87—96, 268—283; Гроб Господень в сакральном пространстве русского храма XVI—XVII веков // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Под ред. А.М. Лидова. М., 2003. С. 513-523.

135.

Описи Московского Успенского собора от начала XVII века по 1701 год включительно // РИБ. СПб., 1876. Т. III. стб. 312.

136.

Там же. Стб. 414.

137.

Описывая иерусалимскую кувуклию, Василий Гогара говорит: «Гроб Господень высечен из камене... величиною слово в слово, что у нас на Москве в Соборе стоит, что вывез Трифон Коробейников меру из Иерусалима к Москве, токмо поскуднее того немного в ширину» — Цит. по: Леонид (Кавелин), архим. Иерусалим, Палестина и Афон по русским паломникам XIV—XVI веков. Сводные тексты оных с объяснительными примечаниями, основанными на местных исследованиях. М., 1871. С. 70.

138.

Цит. по списку надписи, сделанному И.Я. Качаловой в 1966 г. Этот список отличается от вариантов ранее опубликованных. Пользуясь случаем, приносим Ирине Качаловой сердечную благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с ее материалами.

139.

Не исключено, что этим было инспирировано изготовление кивория над Гробом Господним, который Дмитрий Сверчков создал через три месяца после известия о готовящемся привозе величайшей святыни.

140.

Гухман С.Н. Соловецкая редакция «Документального» сказания о даре шаха Абасса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 383.

141.

При этом он обладал и богослужебной функцией. Устав службы во время Четырдесятницы в московском Успенском соборе показывает, что именно этот Гроб использовали на вечерне в Великий Пяток и на утрене Великой субботы, перенося его торжественно из кивория к Царским дверям. Этот устав 1630-х гг. свидетельствует о постоянном значении этой реликвии как Гроба Господня и вне страстных служб. Так, во время панихиды по митрополитам кутию ставили не только у мощей св. Петра и св. Ионы и гробов других митрополитов, но и у Гроба Господня «и по 6 песни патриарх придет к Петрову гробу, а митрополит к Господню гробу и другой митрополит или архиепископ к Ионину гробу и начнут пети меньшие панахиды и тропарь» (Голубцов А.П. Чиновники московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 86). Такое же место занимает Гроб Господень в первой трети XVII в. и в сакральном пространстве новгородского Софийского собора, где он является и богослужебным предметом и постоянным образом Животворящего Гроба, на что указывают соответствующие предписания Чиновника того времени о службах в неделю сырную, и в 1 субботу Великого поста (Голубцов А.П. Чиновник новгородского Софийского собора. С. 160, 166).

142.

Икос — Минея Месячная (июль). ОР РГБ. М 277 (Большаков). Полуустав. XVII в. Л.159 - 159 об.

СЕМИСОБОРНОЕ ДЕЛЕНИЕ И ЛИТИЙНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Как ни мало у нас сведений для реконструкции общего церковного устройства ранней Москвы, как ни мало мы знаем о том, как обеспечивалось ее административное и литургическое единство — следует хотя бы гипотетически представить его по аналогиям с другими городами и по тем скудным сведениям, которые содержат источники. Вероятно, уже на рубеже XIII—XIV вв. в Москве существовала архимандрития (во всяком случае, известно, что со смертью князя Даниила Александровича ее перенесли из Данилова монастыря в Кремль). Слабые следы общей системы церковного управления, того, что будет называться «сороками», пытаются найти и в раннее время.

Однако первая системная попытка целенаправленно структурировать сакральное пространство Москвы относится к середине XVI в. Она отразилась в ряде решений устройства в городе семи постоянных церковных округов-соборов. Близкие системы существовали до этого в Пскове, Новгороде и других русских городах¹, а в раннехристианский период следы подобного устройства церковной жизни находят в Киме и Константинополе".

СЕДМОЧИСЛЕННАЯ МОСКВА

Решение разделить Москву именно на 7 округов было, по-видимому, не функциональным, то есть литургическим или административно-церковным, но прежде всего подражательным и прямолинейно-символичным. Сама система городских соборов ставила Москву в ряд других христианских столиц, а цифра «семь» обеспечивала смысловую связь с числом первых Вселенских соборов христианской Церкви, решения которых признавались православной догматикой.

Необходимость разделить церковные престолы Москвы на округа и подчинить их определенной системе была сформулирована в 1551 г. на общем церковном соборе (Стоглав) в числе многих других вопросов устройства Церкви, причем речь сразу шла именно о стройной семичастной системе иерархии. Городские престолы делились на условные десятки, которые группировались в семь округов во главе со старостами: «В царствующем же граде Москве достоин быти седми старостам поповским, да к ним избирати десятицких добрых же священников...»⁴. Предлагалось, чтобы старосты управляли особыми районами. В списке постановления Стоглава указаны эти семь районов, охватывающих город: «...достоит убо седмь соборов учинити и седмь старост устроити, и по тем разоцтет церкви, и попы, и диаконы: 1-й собор Всесвятской в Черторьи, 2-й собор Борисоглебской, 3-й собор Никитской на Никитской улице, 4-й собор Веденской во Псковичах, 5-й собор Покровской на Площадки, 6-й собор Ивановской за Болотом, 7-й собор Варварской в Новом городе и Старом».

Из текста ясно, что центром каждого округа предполагался особый храм, где духовенство округа, то есть его собор, могло собираться для обсуждения вопросов церковной жизни и получать наставления от семи «поповских старост» и «десятских», то есть священников, исполнявших, очевидно, обязанности, близкие обязанностям благочинных.

Таким образом, в постановлении Стоглава была заложена идея строго иерархического устройства церковных округов с постоянными духовно-административными центрами, никак не зависящими от частой смены поповских старост и десятских. Именно в этом было новшество, поскольку сами по себе поповские старосты существовали в Москве и раньше. Есть список с указанием округов и церквей, где они служили, в сборнике XVII в. из собрания А.С. Уварова, где в особой приписке перечислены поименно и со своими церквями поповские старосты, выбранные по всей Москве («в оба города и на посады») 17 февраля 1551 г.: «за Неглинху и Черторья трех старост Дмитровского попа Федора на Воздвиженской улице, да из Черторья из Олексеева монастыря из Девичья, из придела от Преображенья Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, попа Амитрия; да от Иоанно-Предтечи Орбата попа Аеонтия. А на большой посад и за Язуу дву старост: Предтеченского попа Григория из Котельников да от Гаврила Святаго попа Андрея из Мясников. А за Москву реку избрали во старосты Архангельского попа из Руновки. А в новый город и в старый избрали от Зачатья Св. Анны попа Иосифа из нового города». Поскольку Стоглав был открыт только 23 февраля и не мог еще принимать указов, в том числе и о порядке выбора старост, надо полагать, что институт старост уже существовал⁵.

Достаточно сравнить оба списка, чтобы убедиться, что состав соборов не совпадает, хотя чувствуется устойчивость деления территории Москвы. Один староста назначается в Новый и Старый город, т.е. Кремль и Китай (в уваровском списке 17 февраля — от церкви св. Анны в Углу, в списке Стоглава — от церкви св. Варвары). В Занеглименье, включая Чертолье, ставят в обоих случаях трех старост. На Большом посаде и за Яузой список 23 февраля указывает двух старост, относя еще одного (настоятеля храма Ми-

Фрагмент резного раскрашенного рельефного фриза-иконы «Святой град Иерусалим» с купола погребальной часовни Знамения Креста (1868) в Николо-Угрешском монастыре

Соборы, учрежденные Стоглавым собором. 1551 г.

Масштаб 1 : 50 000
Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова

- Застроенные территории
- Соборы
- Дороги
- большие
- местные и проезды
- Городские стены
- каменные
- деревянные
- Рвы (преимущественно без воды)
- Мосты
- Примечание:
Соборы даны на фоне карты Москвы XVII века

хайла Архангела из Руновки в Среднем Овчинникове переулке) к Замоскворечью; в списке Стоглава ему соответствует Ивановский собор за Болотом. Не только в этих двух, но и в более поздних списках невозможно найти никакой фиксации центров округов на более-менее длительный срок — как собор округа воспринимается тот, где служит избранный в данном случае поповский староста. При его замене (переизбрании), видимо, менялся и центр округа⁶.

Идея же, заложенная в постановлении Стоглава, была совсем иной. Она предполагала устройство церковных округов Москвы с постоянными духовными центрами — недаром в списке Стоглава названы храмы, но их настоятели попросту не указаны.

То, что Семисоборная система вводилась в Москве как продуманная и связанная с сакральным пространством (как символическим, так и реально-топографическим), доказывается идеей увенчать ее общегородским собором с престолом, посвященным ранее не существовавшему (или крайне мало известному) празднику. Во главе системы общих собраний городского духовенства учреждался особый храм, который предполагалось построить «по царскому велению» и освятить во имя Святых Отцов Семи Вселенских Соборов: «Церковь и трапеза на собрание собором тем же убо старостам и десятиким и всего града священником и дяконом, по повелению Царя Государя и Великого Князя где устроено место обще соборному совокуплению, собрав, аще будет достойно по царскому велению святой храм строити святым богоносным Отцем Вселенских Седми Соборов, да утвержу храма наст-

ва и трапеза на собрание священником и диаконом о духовных советех»¹.

Если было, по крайней мере, прокламировано устойчивое семисоборное деление Москвы и заявлено особое празднование памяти Отцов Семи Вселенских Соборов, то подобающий престол уже, несомненно, был освящен, причем для него вновь построен особый каменный храм. Правда, то и другое произошло примерно через 10 лет после Стоглава, и мы не знаем, где предполагали такой престол и, соответственно, церковный центр всего города в 1551 г. Но твердо знаем, где именно его освятили, поскольку это единственный случай в Москве.

Престол возник далеко от Кремля, в новопостроенном каменном соборе недавно возобновленного Данилова монастыря. Дата возведения и его освящение в честь Святых Отцов Семи Вселенских Соборов достоверно известны из книги царского родословия XVI в. (Степенная книга) и особенно погодной записи Лебедевского списка Никонской летописи (опубликован в 1906 г.), где указан и день освящения: «В лето 7069 (1561) ...того же месяца (мая) в 18 день в неделю, священа бысть церковь каменная в Даниловском во имя святых Отец седми соборов а на освящении был царь и великий князь и царевичи Иван да Федор да Макарий митрополит всеа Русии и владыки и архимандриты...»⁸. Освящению соборного престола в только что восстановленном монастыре явно придавали смысл важного церковного и государственного события, поскольку в действе участвовали государь с царевичами и митрополит.

Карта рельефа Москвы в пределах Земляного города

Масштаб 1 : 25 000

Составители Т.С. Козлова, Г.С. Козлова

- 150
Горизонтали и их подписи
- Кремль
- Современные улицы Москвы

Само посвящение представляло собой «беспрецедентный случай за всю историю храмоздательства не только на Руси, но, по-видимому, и во всем ареале воздействия византийской культуры»⁹. Празднование Отцам Семи Вселенских Соборов не было традиционным, хотя некоторые монастырские уставы показывают его среди «малых праздников» уже в X—XI вв.¹⁰ Видимо, специально был выбран и день: 18 мая приходилось на воскресенье и не имело ранее никакого празднования, прямо или косвенно связанного с темой Вселенских соборов. Освящение престола предполагало учреждение нового празднования, но по каким-то причинам его фиксация не состоялась, как не появилось и особой службы ему. Правда, название монастыря и престола в честь Отцов Семи Вселенских Соборов сохранили и устойчиво повторяли в XVI—XVII вв.¹¹ Новый престол оставался главным в монастыре до XVIII в., что подтверждают упоминания в писцовых кни-

гах 1627—1628 гг. (он отмечен как «строение церковное прежних государей»), в записях о рукоположениях 1660—1670-х гг., и особенно в посвятельных надписях на колоколах, пожалованных Феодором Алексеевичем в 1682 г., где монастырь прямо назван «...Дом Святых отец Седми Соборов и благоверного князя Даниила».

Таким образом, посвящение Семисоборного престола в Даниловом монастыре, связанное с идеей соборного управления Церковью, основанного на духовном авторитете, соединилось с идеей возобновления самой обители — древнейшей в Москве, основанной 250 лет назад первым князем московской династии Даниилом Александровичем. Этим воздавалось должное древности обители, подчеркивалось ее предназначение служить зерном, из которого произросли остальные московские святыни. Но этим же завязывался сложный смысловой узел, где темы почитания и прославления московского великокняжеского дома сплетались с восхождением к основам православной догматики, а церковная организация города становилась наследницей Первого и Второго Рима — двух раннехристианских столиц.

Значение необычного посвящения соборного храма Данилова монастыря можно понять только в свете той деятельности по устройению всех сфер церковной жизни, которую осуществлял в середине XVI столетия митрополит Московский Макарий (1482—1563; в 1988 г. причислен к лику святых), несомненно, сам освятивший храм во имя Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. Именно ему должен был принадлежать и замысел семисоборного церковного устройства Москвы. Возможно, он не был в полной мере осуществлен именно в связи с кончиной святителя (1563).

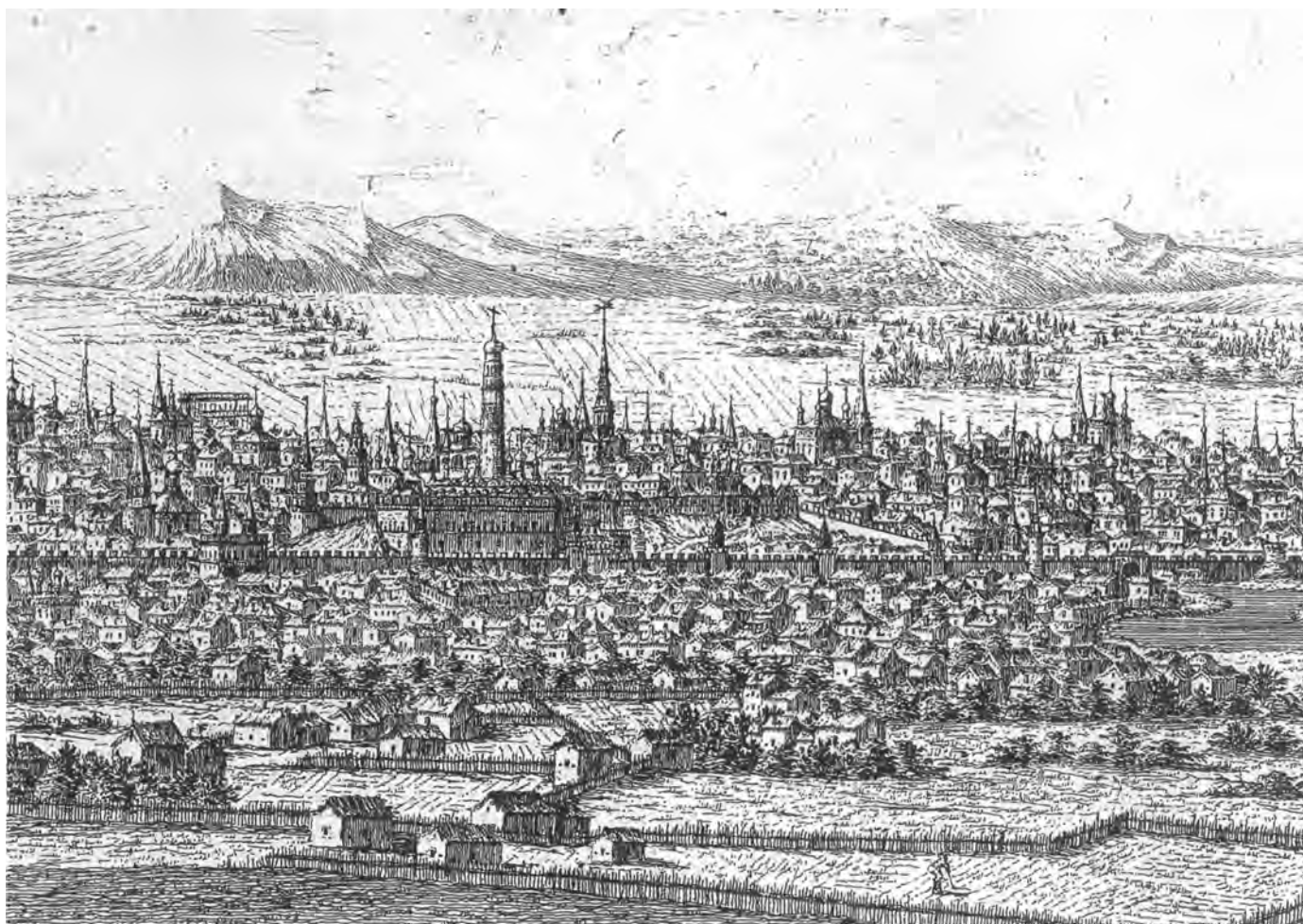
Уже в конце XVI—XVII в. идея семисоборной системы теряет всякий символизм и понимается как упорядочивающая структура соподчинения городского духовенст-

ва — и только. Позже она трансформируется в систему церковных сороков, из которых в XVIII—XIX вв. возникнут благочиния.

Не разбирая здесь достаточно сложного вопроса о становлении, развитии и прекращении других соборных делений русских городов, отметим только некоторые факты, которые важны для понимания общей ситуации с попыткой введения семисоборной системы в Москве. Так, составление списков Семисоборной росписи церквей и престолов Новгорода приходится (если принять датировку, предложенную А.Е. Мусиным) примерно на те же годы, к которым относятся указы Стоглава и списки московских соборных округов. Возможно, все это следы какой-то общей волны по унификации и устройению церковного порядка на Руси в конце 1540-х — начале 1550-х гг. Отметим и важное отличие: мы не видим в Москве попыток переписать все престолы и разнести их по округам, какие наблюдаются в Новгороде и Пскове. Это затрудняет для нас сравнение, уже чисто количественное, числа храмов и престолов — в Москве для XVI в. просто нет сопоставимой информации. Наконец, следует иметь в виду, что и в Новгороде, и в Пскове система соборов соотносилась (неважно, каким образом) с делением на «концы» — самоуправляемые административные единицы, из которых исторически сложились оба города. Москва же, как показывает история ее отложений и градообразующих элементов, возникла и расширялась из одной точки на слиянии Неглинки с Москвой-рекой, контролируя при этом очень значительную пригородную зону, сопоставимую по крайней мере с зоной XVII—XVIII вв.

Говоря о связанных с идеей Семи соборов символических моделях сакрального пространства Москвы, рождавшихся и бывших на слуху у москвичей Позднего Средневековья, нельзя пройти мимо вопроса о семи холмах. Рассмотрим его, поскольку это очень типичный пример соотношения

Панорама Москвы с Воробьевых гор. Травюра Я. Бликланда. 1708 г. Фрагмент

Красная площадь в Москве.
Картина
Ф.Я. Алексеева.
1801 г. ГТГ

Москвы как реально существующего города, обладающего материальной пространственной структурой, определенной историей, зданиями конкретной архитектуры, привязанными к естественно сложившемуся рельефу — и Москвы как мистического государственного центра, новой столицы мирового праведного царства.

Соотношение это выражается отрицательной величиной, так как земная, профанная реальность и аналогические толкования мистической сущности явления принципиально несводимы вместе. Однако нельзя забывать, что всегда существовали области реальной жизни, в которых пересекались плоскости приходилось так или иначе сближать. Человеку свойственно пытаться выразить уже усвоенные (или предлагаемые) идеи путем художественной (или иной) материализации. Общественному сознанию необходима своеобразная упорядоченность действительного мира во образ идеального, демонстрация их взаимного соответствия. В этом направлении как индивидуум, так и социум, добиваясь предельной наглядности, склонны действовать очень прямолинейно.

«Материализация парадигм» может происходить как осознанно, так и подсознательно. В первом случае возникают программы. Если говорить о городе, это будут программы строительные, архитектурные, посвященные, иногда планировочные. При наличии соответствующих источников изучать их историческую смену и преемственность, стоящую за ними систему мышления, в общем, сравнительно несложно.

Гораздо труднее определять соотношение с исторической (топографической, архитектурной и т.п.) реальностью мотивов подсознательных. Их конкретизация и присвоение происходит обычно не с помощью специального плана или программы, но благодаря наложению и постепенному сращиванию новых представлений (апеллирующих одновременно к предельно архаическим архетипам) с дав-

но сложившейся исторической, а иногда и природной, ситуацией. В результате возникает своего рода географический или исторический фантом, мифологема, вполне способная влиять на реальную жизнь: сначала на целенаправленное формирование и осуществление программ, позже — на оценку прошлого историками. В средневековой Москве такие плоды мифологизации есть, и хотя они неоднократно «разоблачались» критическим разбором источников, воздействие их на представления об истории и топографии не только не ослабевает, но, пожалуй, даже усиливается.

Среди этих мифологем, сформировавших сакральное пространство Москвы, — представление о расположении города на семи холмах. Наивно-позитивистски подходившие к вопросу краеведы XIX в. предлагали воспринимать устойчивое («народное») представление о семихолмности Москвы как результат отражения реальных топографических особенностей в сознании средневековых москвичей. Иными словами, думали, что Москва изначально была построена на семи возвышенностях (или в районе этих возвышенностей), причем ее жители сразу или через какое-то время отметили сей факт, оценили рельеф и зафиксировали его созданием устойчивого эпитета.

На самом деле представление о городе как седмохолмном можно считать устойчивым только с середины XIX в. Именно тогда *седмохолмность* была, так сказать, домыслена и атрибутирована Москве историком-романтиком И.М. Снегиревым на основе слабых следов в источниках. В 1842 г. в печати появилось его высказывание о Москве, имевшее важные последствия: «Подобно Риму и Византии, она лежит на семи холмах, а среди обширного амфитеатра господствует над Москвою-рекою Кремлевский или Боровицкий холм»¹².

Интересно, что эта (в сущности, походя брошенная) фраза тут же была замечена, и на нее последовала незамедли-

тельная реакция рецензентов. Весьма резко высказался О.И. Сенковский. Помянув сначала известный тезис о преемстве Москвой духовного наследия от Рима и Константинополя, он продолжал: «Г-н Снегирев, в избытке своего благоволения к родине, говорит, что даже Москва, подобно Риму и Византии, стоит на семи холмах: он забывает при этом, что, по собственному его исчислению, в котором под одним холмом разумеет он три горы, выходит не семь, а девять холмов, не говоря уже, что некоторые из них лежат за городом, а другие не могут называться холмами»¹³.

Мягче, но тоже вполне определенно писал Погодин: «Семь холмов, искомых под Москвою, как под Римом и Константинополем, показаны очень не явственно, и не знаешь, что здесь принадлежит Автору, и что г. Фишеру, на сочинение которого он указывает в заключении. Странно, что между сими холмами мы видим Три Горы, находящиеся и теперь на самом краю города, и не видим возвышенности, которая от Самотеки и Трубы подымается к Сухаревой башне, Рождественскому монастырю и Лубянке»¹⁴.

Полемика не смутила маститого краеведа. В более известном труде 1865 г. он повторил утверждение о семихолмности Москвы, даже несколько оттенив решительность высказываний: Москву «по числу холмов, на которых она лежит, подобно Византии и Риму, и не без основания, называют седмихолмною». При этом он отреагировал в сноске на замечания Сенковского и Погодина: «Сенковский считает 9 холмов, полагая “Три горы” не за один холм, но за три... Погодин вместо Трех гор принимает возвышенность от Самотеки и Трубы к Сухаревой башне, Рождественско-

му монастырю и Лубянке...»¹⁵. Ниже он повторил это еще раз: «Если принять Три горы за один холм, распавшийся на три, то он, вместе с другими главными, составит семь холмов, по коим и сравнивают Москву с седмохолмным Римом и Константинополем. Начиная от центра, образуемого Кремлем и Китай-городом, замечает г. Фишер, первый холм есть Кремль...»¹⁶. С известной навязчивостью он возвращается к тезису третий раз в том же сочинении: «Крепость эта или город... был деревянный... занимал один из семи главных холмов, на которых, подобно Византии и Риму, лежит Москва»¹⁷.

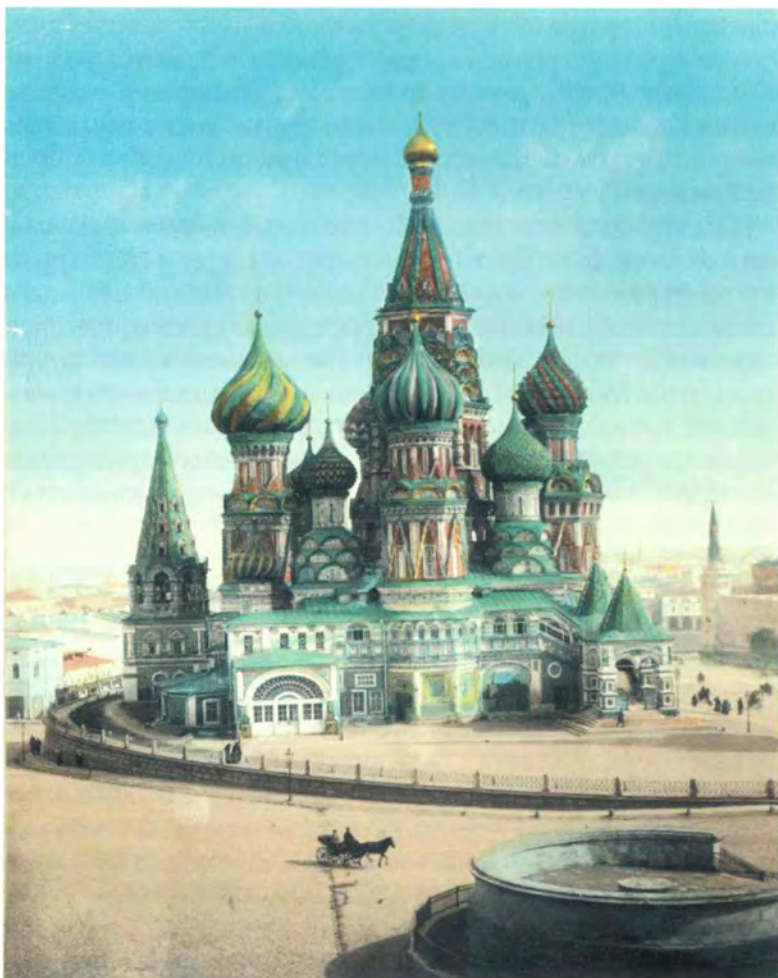
На этот раз Снегиреву отвечал И.Е. Забелин, вообще подвергший его труды критике — пожалуй, слишком суровой, хотя и заслуженной. Тему семи холмов он вообще отвел как не стоящую обсуждения: «напыщенная, хотя тоже довольно старая мысль, явившаяся вероятно еще в XVII столетии, назвать Москву *седмихолмною*, уподоблять ее, по этой причине, Риму и Византии», пишет он и называет вопрос пустым, или, точнее, «пустой археологической фразой»¹⁸. Забелин, однако, еще вернется к этой теме, о чем поговорим ниже, пока же постараемся понять, что в действительности стоит за позицией И.М. Снегирева.

В первой публикации он упомянул «г-на Фишера», сноску на которого отмечает и М.Н. Погодин. Во второй она была повторена. Речь идет не о какой-то работе специалиста-историка (как можно было бы ожидать), но о монументальном труде известного энтомолога, естествоиспытателя Готфрида Фишера фон Вальдхайма (1771—1853) об остатках ископаемых, напечатанном по-французски в 1830-х гг.¹⁹

Эта историографическая бедность не случайна. Если обратиться к работам современников и предшественников И.М. Снегирева, изучавших прошлое Москвы, то в глаза бросится полное отсутствие каких-либо попыток рисовать старую столицу семихолмной. Их нет ни в общеизвестной группе путеводителей и описаний города конца XVIII — начала XIX вв., ни в сочинениях Зорриана Ходаковского, ни даже у хорошо знавшего московскую книжность XVII в. и повлиявшего на сочинения позднейших историков А.П. Сумарокова. Приводя высказывания предшественников, И.М. Снегирев вынужден ограничиться расплывчатой цитатой из М.В. Ломоносова: «Москва... стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многия города представляют, которые в один город соединились»²⁰.

Совершенно отсутствует мотив семи холмов в монументальных «Историях» России от Татищева до Карамзина включительно. Таким образом, Снегиреву довольно трудно было бы доказать, что представления о Москве, стоящей на семи холмах, есть некая историографическая константа. По сути дела, его сочинения и есть точка рождения историографического мифа. До него никто из специалистов о семи холмах Москвы не писал, после него это стало расхожей фразой.

Какая же историческая реальность стоит за таким успехом? Начнем с конкретно-топографических обзоров. Работы по исторической географии или топографии Москвы, касающиеся «вопроса о семи холмах», все последние 150 лет грешат неисторичностью и рассматривают *разновременные* по заселенности и включенности в городскую округу возвышенности как единый комплекс. Очевидна наивность такого подхода. Средневековый город развивался постепенно, и даже довольно медленно, убыстряя освоение округи лишь на определенных этапах (на рубеже XII—XIII вв.; в конце XV—XVI вв.).

Собор Василия Блаженного.
Раскрашенная открытка.
Начало XX в.

Ясно, что структура, осознававшаяся как город, пусть даже вместе с посадом и пригородами, в разное время включала *разное* число возвышенностей, причем неодинакового размера. Сначала это вообще был один холм-мыс. О действительном размещении города на нескольких заметных по высоте холмах можно говорить разве что к концу XVI в. Сколько можно судить, число их ни в это время, ни после никогда не равнялось строго семи. Специалисты по изучению рельефа, географы и топографы, часто просто поддавали под воздействие наивно-исторического представления, механически формируя тот или иной набор из семи возвышенностей²¹.

В современной научной литературе встречаются, например, утверждения, что «о Боровицком... и других холмах (но непременно семи) рассказывали побывавшие в Москве и потрясенные красотой города историки, путешественники, географы XV—XIX вв.»²²), — хотя ни в XV, ни в XVI в. семь холмов Москвы не упоминаются никогда, а в XVII в. — лишь дважды, причем далеко не в самых подробных и серьезных описаниях.

В конце-концов сомнительность такого подхода стала очевидной непредвзятым исследователям реальной исторической топографии, что привело к большей осторожности в оценке. Наиболее типичной для географов можно считать сейчас позицию Э.А. Лихачевой, написавшей недавно: «выделим главные возвышенности... определяющие своеобразие городского ландшафта Москвы. Их не семь, и даже не дважды семь, поскольку следует назвать не только крупные возвышенности, но и те исторические холмы, на которых раскинулся центр города»²³).

Конечно, строго топографический подход не может решить проблемы. Она упирается в оценку адекватности восприятия возвышенностей, их счета (перечисления) и, конечно, в традиционные искажения пространственных картин средневековым сознанием. Однако, если москвичи видели в своем городе семь конкретных гор по крайней мере в XVI—XVII вв., их названия должны были остаться в топонимических указаниях летописей, актов и вообще письменных источников, тогда уже сравнительно многочисленных.

Именно так полагал И.Е. Забелин, писавший: «нам не встретилось никаких указаний на такое старинное пере-

числение Московских холмов». Он отметил, что хотя москвичи «очень хорошо знали свои урочищные горы... и по этим горам могли насчитать полных семь гор или семь холмов... не встретилось никаких указаний на такое старинное перечисление Московских холмов», хотя летописи знают по отдельности и Красную горку, и Псковскую, Гостину, Вшивую и Лыщикову горы. Он столь же трезво оценил записи иноземцев, упоминающих о семи холмах Москвы, предположив, что «иностранный едва ли могли сосчитать Московские холмы, не очень явственные и для тутошних обитателей, а потому они записали только ходячее сведение у тогдашних грамотных Москвичей...»²⁴. Подчеркнем, что таких упоминаний всего два, причем они относятся к позднему периоду, к 1670-м гг. и содержат лишь общее указание на присутствие семи холмов²⁵. Но в гораздо более подробных и надежных описаниях Герберштейна, Штадена, Олеария и других такой информации нет. Кажется важным также отсутствие выделения семи возвышенностей на планах и панорамах города XVII в.

И.Е. Забелин совершенно правильно заметил, что историческим представлений о седмихолмном характере московского рельефа могло быть желание видеть в столице Московского царства преемницу двух древних мировых столиц, Рима и Константинополя. Эта важная отличительная черта, атрибут центра мира, свидетельство совершенства, должна была быть присвоена Москве в порядке наследования, даже если ранее в ней отсутствовала, о чем довольно ясно говорилось в «Повести об основании Константинополя» и ее частях, входивших в состав известной «Повести о взятии Царьграда турками»²⁶. Правда, пророчества Повести говорили о грядущем освобождении «Русским родом» Константинополя от «Измаилита», а не о переносе центра в Москву, но позднее это место стало восприниматься именно так, о чем свидетельствует круг «Повестей о начале Москвы»²⁷.

Нам нет смысла искать в Москве какие-то семь изначальных холмов хотя бы и потому, что даже ее легендарные предшественники, Рим и Константинополь, по сути дела также семихолмны лишь аналогически, как совершенные, идеальные города. В Риме встречаем почти ту же ситуацию, что в Москве. Многочисленные возвышенности охваченной им местности в разное время перечисляются у авторов по-разному, но всегда со стремлением сформировать полную семерку (Septimontium). При этом изначальные «семь поселков» будущего Рима занимали только один Палатин. При объединении (синойкизме) их внешняя священная граница получилась четырехугольной в плане (Roma quadrata). Лишь последующие синойкизмы приведут к созданию Рима с центром на Капитолии²⁸.

Важно подчеркнуть, что сведения о раннем периоде берутся исследователями прежде всего из сочинений римских историков, среди которых наиболее трезвые уже и сами сознавали легендарный характер приводимых сообщений. Их могут поддержать наблюдения над ритуалами позднего Рима. М. Ростовцев писал, что о существовании ранней стадии «свидетельствуют... религиозные обряды, в которых 7 гор являются одним целым. Только эти 7 холмов — отнюдь не всем нам знакомые 7 холмов Рима, а более мелкие деления»²⁹. Итак, оказывается, что город имеет семирочное деление как бы в двух топографических и хронологических уровнях — первоначальное мелкого масштаба и более позднее крупномасштабное. Совершенно очевидно, что такая иерархия как природное явление маловероятна и может быть объяснена только предвзятым

Антиминс. Россия. XVII в.

Вид на Архангельский собор и Тайнинский сад с балкона Императорского дворца в Кремле. 1795 г. Гравюра по рис. Ж. Делабарта

стремлением разделить город на определенное число ячеек (или сформировать его из таковых). Не мудрено, что сохраняются сомнения, какие именно возвышенности входили в состав первого Семихолмья. Это подчеркивает Ростовцев: «Вопрос о составе Септимонтия остается спорным; неясно также, как возник Септимонтий — соединением ли общин, сидевших на отдельных вершинах, или расширением палатинской общины»³⁰.

Только через много десятилетий, образовав сначала «город четырех кварталов», Рим смог включить в городскую черту ряд возвышенностей, первоначально к нему не относившихся. Это произошло в эпоху Августа, учредившего новый город четырнадцати кварталов (Regio), структура которых повлияла потом на формирование Константинополя. Можно добавить, что легендарная часть истории Рима изобилует натуральным числом 7 как символом завершенности, полноты круга (ср. период семи царей, и т.п.).

Обратившись к Константинополю, мы увидим на первый взгляд более строгую и устойчивую картину города, деление которого, вслед за Римом, подчинено цифрам 7 (холмов, соборов) и 14 (кварталов, районов). Сразу напрашивается объяснение: в отличие от Рима или Москвы столица Византии была искусственно создана, то есть размечена и заложена сразу как новый центр империи. Может быть, здесь семичастное деление более конкретно? Ведь в конце концов возникла яркая и устойчивая система, которая до сих пор воспроизводится на всех уровнях описаний, включая разделы многих путеводителей по крайней мере с XVI до конца XX в.³¹

Однако, присмотревшись, мы замечаем ряд все тех же противоречий. Прежде всего, изначальный город IV в. в черте укреплений очень мал и отнюдь не охватывает всех будущих городских районов. Следовательно, столица Константина вряд ли могла включать семь реальных холмов. Во-вторых, их приведение к числу семь, даже в позднем варианте, не более чем условность. С той же легкостью в рельефе можно выделить и шесть, и восемь холмов. Кроме того, изначальное существование четырнадцатого квартала не до конца очевидно, он был сформирован в отдалении от города, как бы искусственно добавлен³².

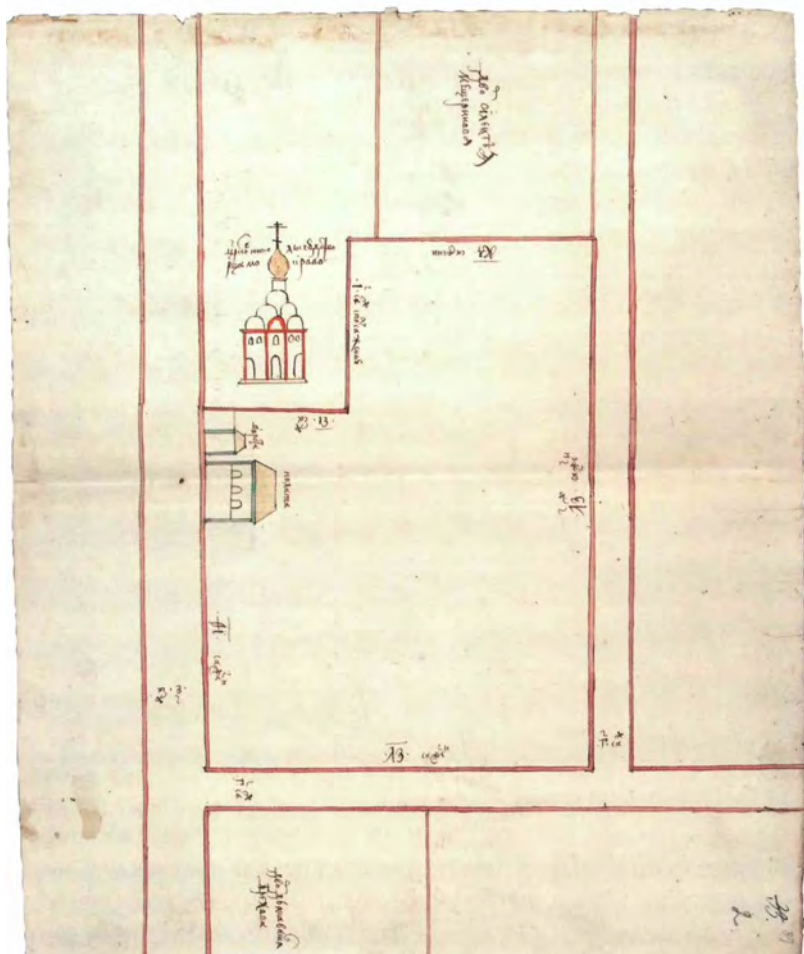
По мнению Джона Балдуина, «хотя городу были приданы семь холмов и четырнадцать районов, с тем чтобы подогнать его к Риму, в действительности он включал только два главных холма, причем ни один не превосходил высотой и 50 метров»³³. Отметим, что и в многочисленных описаниях святынь Царьграда русскими паломниками XIV—XV вв. его «седмихолмность» ни разу не отмечена³⁴.

Легко догадаться, для чего мы приводим эти соображения. Как и в случаях с Римом и Константинополем, семихолмность Москвы — отнюдь не земная топографическая черта. Это воображаемая, так сказать, почетная семихолмность, присущая великим столицам империй Средиземноморья как символ их величия, завершенности, святости. Но отнюдь не как реальный элемент топографии. Искать изначальные, природные семь возвышенностей Москвы вряд ли стоит. Можно рассуждать лишь о том, в какой именно период, по каким причинам, опираясь на какие источники столица Московского княжества была наделена столь важным качеством.

Глубинные основы семиричного строения сакральных структур неоднократно исследовались³⁵, и мы не будем к ним специально обращаться. Но следует отметить необычайно усиленное эксплуатирование средневековой нумерологией именно *семерки*, которая уступает место только ни с чем не сопоставимой *тройке*. Это неоднократно объяснялось с разных позиций, в том числе устойчивым употреблением семерки в пророческих книгах Ветхого Завета и Апокалипсисе, особенно популярным на Руси. Мы не сможем, конечно, миновать и коннотаций с абсолютно архетипической для христианства темой посланий к Семи церквям Асийским, совокупность которых образует целостность Вселенской Церкви (Апок. 2—3), толкованиям на которые, поистине, несть числа³⁶.

Не мудрено, что традиция выражать через число 7 идею совершенства (в том числе божественного), совокупности и завершенности Церкви, идеального творения (в том числе здания, города, храма) внедряется в сакральное пространство Москвы. Не повторяя сказанного выше, укажем на своего рода промежуточное звено между семичастно/семисоборными членениями Рима, Константинополя — и Москвы. Известен, по крайней мере, один пример того, что славянские

План местности в Зарядье около церкви Николая Мокрого. Вторая половина XVII в. РГАДА

правители пытались материализовать идею семисоборности города (государства) как преемника императорской власти в конкретной строительной программе задолго до появления Москвы на исторической сцене. Речь идет о программе крестителя Болгарии, князя Бориса. В Пространной редакции Жития Климента Охридского, написанного Димитрием Хоматианом в XI (?), а вернее все же — в XIV в., есть соответствующая фраза: (князь Борис) «оградил всю подвластную ему Болгарию семью соборными храмами, явив ее как некий семисвечный светильник»³⁷.

Эти семь соборных храмов исследователи пытались отождествить с разными памятниками разных же городов Болгарии, тем более что есть еще одно свидетельство их существования: в письме Феофилакта Охридского (архиепископ Болгарский, из Византии, нач. XI в.) севасту Ивану, сыну севастократора Исака сказано, что князь Борис «был наихристианнейший болгарский царь, построивший в Деволе одну из своих семи соборных церквей» — следовательно, один из храмов наверняка стоял именно в Деволе. Из его же «Жития пятнадцати тивериопольских мучеников» узнаем, что другой храм, в Брегалнице, также построен царем Борисом³⁸. Добавив к этому собственно Охрид, получим три пункта из семи. Недавно предложена концеп-

ция, согласно которой были одновременно построены также и семь базилик во Внешнем городе столицы — Плиске. Их остатки, раскопанные в семи разных кварталах города, имеют совершенно одинаковые по типу и размерам планы и могут датироваться в пределах IX—XI вв.³⁹

В этом весьма раннем (с точки зрения истории христианизации славянских народов) примере очень четко сформулирована и реализована основа средневекового подхода к трактовке и утилизации священного текста, происходящей путем его овеществления и низведения на земной, конкретно-реальный уровень. Именно этим он нам и дорог. Будем помнить также о давно отмеченных параллелях развития идеологии южнославянских государств и ранней Москвы, вплоть до прямых переносов элементов Болгарского царства в ходе Второго южнославянского влияния.

Обратившись вновь к истории Москвы, мы обнаружим значительное количество свидетельств устойчивого бытования нумерологием, основанных на предпочтении числа 7, не только в области церковного строительства и не только на чисто фольклорном уровне (такие примеры поистине безграничны в сказках, пословицах, обрядовой магии и пр.), но даже и в документальных (летописных, актовых) материалах. Укажем, например, на седмочисленных бояр из «Хронографа 1616/17 гг.» и зададимся вопросом, стоило ли Платонову пытаться строго свести состав этого «государственного совета» к семи персонам, или же перед нами иносказательное именование⁴⁰. Вспомним при этом устойчивость *семерки* в церемониальных статутах средневековой Москвы: москвичи проводили царя Василия Шуйского, увозимого Жолкевским в Польшу, за *семь* верст от города; *семерки* господствуют в числе выборных для посольства к Сигизмунду и т.п.).

По-видимому, можно утверждать, что некоторая часть наших исторических сведений, особенно соприкасающихся с сакральным пространством города, сформирована при значительном, пусть не всегда заметном, влиянии средневековых нумерологических представлений, базирующихся в свою очередь на глубинных архетипических воспоминаниях и просто психофизических характеристиках человека.

Возвращаясь к началу наших рассуждений, отметим, что эта зависимость прослеживается в работах того же И.М. Снегирева (например, в его стремлении подразделить историю города на 7 периодов). При этом следует учесть его особо тесную связь с фольклорной городской традицией, на которую весьма удачно указал В.Н. Топоров⁴¹. Не признавая (вслед за Плюхановой⁴²) необходимости искать проявлений «основного мифа» в церковной топографии, во взглядах москвичей XVI—XVII вв. и тем менее — в текстах И.М. Снегирева, мы должны все же отметить чрезвычайную живучесть мифологических стереотипов, упорно пробивающих себе дорогу в мир строго научного знания, воспроизводя одни и те же (или очень сходные) структуры и в XVI, и в XVII, и в XIX вв. Причем структуры эти не могут быть полностью объяснены ни схожестью конкретных обстоятельств (например, близостью топографии), ни прямым воздействием письменной книжной традиции.

ЛИТИЙНЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ в МОСКВЕ: ИСТОЧНИКИ И ОПИСАНИЕ

Впервые чин литийных богослужений был полностью описан по повелению патриарха Филарета «в лето 7130, индикта 5» в «Сказании действенных чинов святых соборных и апостольских великих церкви Оупения пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии»⁴³.

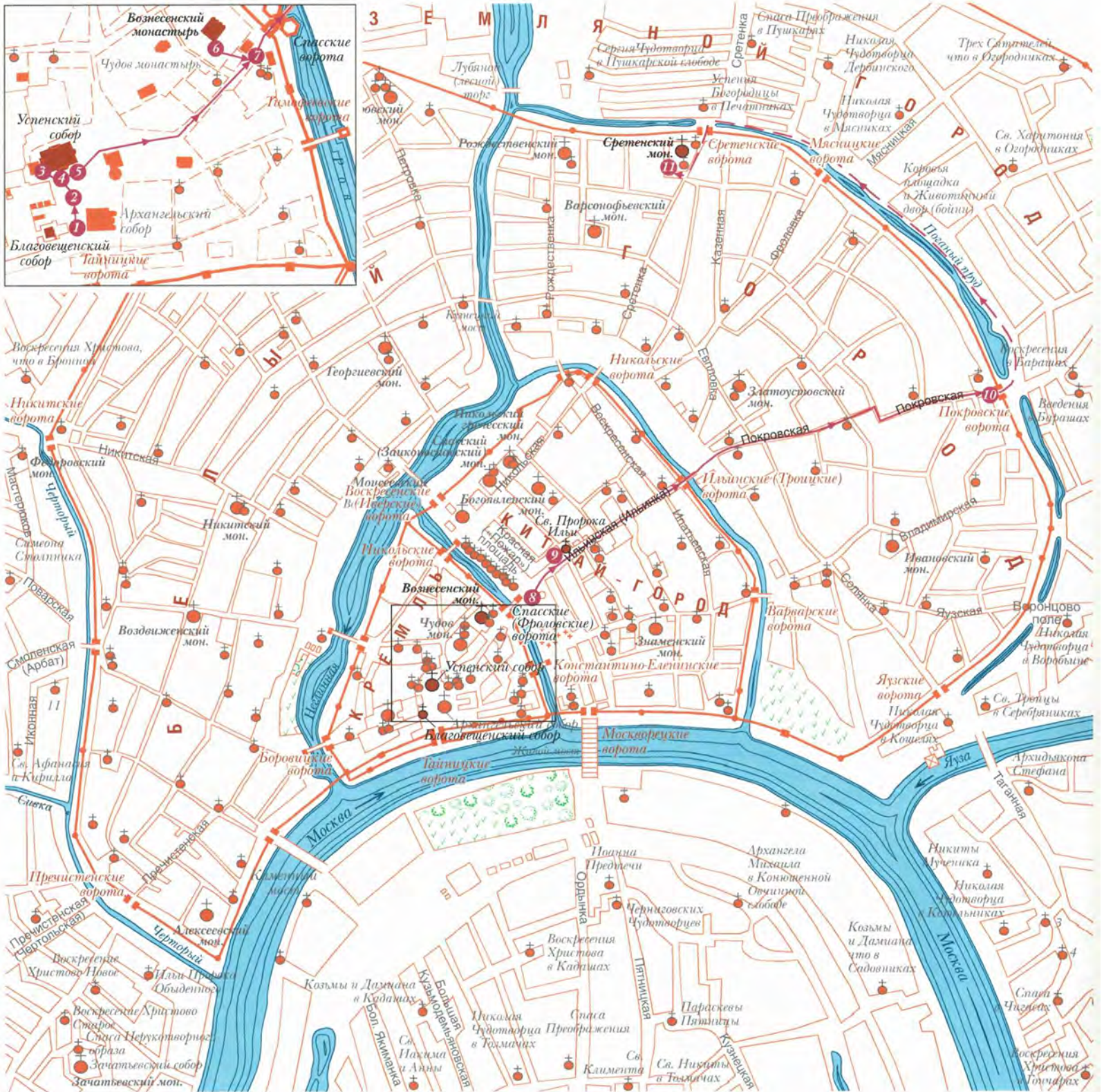
В начале нового церковного года первая процессия, зафиксированная в «Сказании действенных чинов», совершалась в Неделю перед Воздвижением Креста Господня, 9 сентября: «в нюже, по отпоусте вечерни, всего града Москвы священники приходят в собор с образы к патриарху на благословение»⁴⁴. В Успенский собор приносили образы, видимо, храмовые, из всех церквей Москвы. Процессия входила в западные двери собора, подносила их патриарху, который прикладывался к образам и благословлял городское духовенство⁴⁵.

Следующий по времени, 15 сентября, крестный ход осуществлялся уже из Кремля в Белый город к Сретенскому монастырю⁴⁶. Хождение совершалось с наиболее почитаемыми чудотворными иконами Кремля. По классификации этот ход относился к категории «больших» ходов, и в нем участвовали наиболее почитаемые чудотворные иконы Кремля. Это были чудотворные образы из церкви Рождества Богородицы на Сенях, Благовещенского собора и из со-

борной церкви Успения Богородицы. В этой процессии из патриаршего храма несли Владимирскую икону, Петровскую, образ Богородицы «Моление о народе». Царь шел за чудотворными иконами из своего домового храма к Успенскому собору. На Соборной площади, напротив Грановитой палаты, царскую процессию встречал патриарх, который совершал каждение чудотворных образов, знаменовался у них и вместе с государем входил в собор. Здесь служили молебны перед Владимирской иконой Божией Матери. Затем вся процессия выходила из Успенского собора: впереди несли хоругви, затем чудотворные образы, причем перед патриархом несли Владимирскую икону Божией Матери. Когда процессия достигала Вознесенского монастыря, то из него торжественно выносили чудотворный образ Божией Матери Одигитрии. Шествие с чудотворными образами проходило через Фроловские ворота. На Лобном месте читали Первую статью Святой Троице и Небесным Сидам бесплотным. После чтения Евангелия государь прикладывался на Лобном месте к чудотворным образам и после молебна возвращался в Благовещенский собор. Патриарх шел с крестным ходом до церкви Илии Пророка на Ильинской улице, где, как сказано на полях «Сказания», «за немощь» к празднику отпуская с процессией митропо-

*Красная площадь в XVII в.
Картина
А.М. Васнецова*

Ход 15 сентября 1621/22 г. к престолу Сретения Владимирской иконы Божией Матери

Составитель А.Л. Баталов

1. Выход государя с чудотворными иконами из Благовещенского собора
2. Встреча патриархом государя напротив Грановитой палаты
3. Государь и патриарх с чудотворными иконами входят в Успенский собор
4. Выход из Успенского собора через Западные врата с образом Пречистой Богородицы Владимирской и другими чудотворными образами
5. Выход государя через Южные врата Успенского собора
6. Выход Спасского архимандрита из собора Вознесенского монастыря с иконой Одигитрии
7. Государь и патриарх прикладываются к чудотворному образу Одигитрии
8. 1-я статья на Лобном месте Св. Троице и архангелам
9. Патриарх остается служить в ц. Ильи Пророка и отпускает к празднику Крутицкого митрополита
10. 2-я статья в Покровских воротах Похвале Богородицы и Петру Чудотворцу
11. 3-я статья у Праздника Сретенского монастыря

→ Маршрут крестного хода
- -> Предположительный маршрут крестного хода

лита Крутицкого. Сам Патриарх оставался служить литургию в церкви Ильи Пророка. Вторую статью читали в Покровских воротах Похвале Божией Матери и святителю Петру, а Третью — Сретению Пресвятой Богородицы и святителю Николаю Чудотворцу — у Сретенского монастыря. Здесь служили литургию и водосвятный молебен. Затем ход возвращался к Лобному месту и далее — в Кремль. От шествия отделялась процессия с иконой Одигитрии, которую относили в Вознесенский монастырь. Ход приходил в Успенский собор, где Владимирская икона торжественно ставилась в киот, а другие иконы провожали через южные двери собора: «А как святые иконы пойдут по своим церквам, и в ту пору звонят во вся»⁴⁷.

В тексте приводится «Сказание о хождение сем», в котором сообщается о причинах установления этого крестного хода. Изложена летописная по своему происхождению история о привозе в Москву 15 сентября 7026 (1517) г. об-

Ход 22 октября 1621/22 г. к престолу Казанской Богородицы к церкви Введения

Составитель А.Л. Баталов

1. Выход государя из Благовещенского собора за чудотворными иконами
2. Встреча патриархом государя напротив Грановитой палаты
3. Государь и патриарх с чудотворными иконами входят в Успенский собор
4. Выход патриарха из Успенского собора через Западные врата с образом Пречистой Богоматери Владимирской и другими чудотворными образами
5. Выход государя через Южные врата Успенского собора
6. Выход Спасского архимандрита из собора Вознесенского монастыря с иконой Одигитрии
7. Государь и патриарх прикладываются к чудотворному образу Одигитрии
8. 1-я статья на Лобном месте Св. Троице и архангелам
9. 2я статья у ц. Введения во Храм на Лубянке Похвале Божьей Матери и Петру Чудотворцу
10. Возвращение хода с патриархом на Лобное место

→ Маршрут крестного хода

ветшавших икон из Владимира. Их встречал митрополит Варлаам у Сретенского монастыря. Образы были по повелению великого князя Василия поновлены и отнесены во Владимир. Крестный ход провожал их «за посад». На том месте, где иконы были отпущены, воздвигли церковь во имя «пречистая Владычица наша Богородицы чествнаго и славнаго ея сретения», т.е. во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Церковь была освящена в тот же день, и в ней отслужена первая литургия. После этого крестный ход проводил иконы «за Андроников манастыр»⁴⁸. Это событие отражено во многих летописях, которые сообщают несколько иные датировки событий. По летописи это были иконы Богородицы и Спасителя. Их встречу произошла 2 июля 1518 г. Их отпустили 15 сентября 1519 г.⁴⁹

В Неделю по Воздвижению совершался крестный ход к собору Черниговских чудотворцев. Празднование связа-

но с памятью об убиении в Орде великого князя Михаила и боярина его Феодора. Их мощи находились в соборе Черниговских чудотворцев, построенном после их перенесения в Москву при Иване Грозном в 1572 г.⁵⁰

Крестный ход происходил и в день Покрова Божией Матери. Тогда по уставу был положен «меньший» ход, и наиболее почитаемые чудотворные иконы в процессии не участвовали. Из Успенского собора выносили образ Божией Матери, написанный митрополитом Петром. Первую статью читали на Лобном месте Святой Троице и Небесным силам, а Вторую статью у праздника, т.е. в храме Покрова Богородицы на Рву, где Патриарх служил литургию⁵¹.

«Большой» крестный ход надлежало совершать 22 октября, в день святого Аверкия, епископа Иерапольского, когда произошло чудо от Казанской иконы Божией Матери. В «Сказании действенных чинов» специально объяснялись причины его установления: «На сии бо день Москву оу Полских людей взяли и всех их поймали, и того рад празнество сие установлено бысть и ход со кресты к Пречистой Казанской на Устретеньскую»⁵². Шествие с чудотворными иконами направлялось к церкви Введения Богородицы, где был учрежден придел во имя Казанского образа Божией Матери. Порядок хода был тот же, что и 15 сентября⁵³.

В ноябре совершался лишь один, «меньший», крестный ход из Успенского собора «ко Ржевской Пятницы» 29 ноября, когда Церковь поминает преподобную мученицу Парасковию. Однако процессия совершалась в память о конкретном событии, о котором в «Сказании действенных чинов» сообщал исторический комментарий к описанию чина. Как и в «Сказании», помещенном при описании службы 15 сентября, здесь излагалась летописная статья о принесении в Москву в 1530 году для поновления двух чудотворных икон из Ржева — преподобной Парасковий и святой мученицы Парасковий. В «Сказании действенных чинов» рассказывалось, что великий князь Василий повелел иконы обновить, написать с них копии, построить новый храм во имя их «на новом месте близ Покрова Пресвятыя Богородицы». Храм освятили 28 ноября, а иконы были отпущены во Ржев. Тогда же было указано совершать к новой церкви каждый год крестный ход⁵⁴. Определить по летописным сообщениям и тексту обобщающего их «Сказания» место храма достаточно трудно. Летопись определяет его иначе, нежели «Сказание» и говорит о строительстве храма «На Новом близ Покрова святей Богородицы»⁵⁵. В 1620-е гг. церковь «Святыя Парасковей нарицаемая пятницы Ржевския»⁵⁶ находилась в Чертолье у Пречистенских ворот Белого города. Она была деревянной и сгорела во время пожара 1629 г.⁵⁷ Храм был восстановлен после пожара и освящен. В Ладанных книгах он назван «Преподобные Парасковей Ржевские Пятницы». Из Ладанных книг нам становится известно, что у церкви был придел, так как ладан выдавался «к церкви Ржевские Пятницы что в Чертолье на освященье церкви в предел»⁵⁸. Храмовый престол был освящен во имя преподобной Параскевы, а придельный — во имя мученицы Параскевы. В 1636 г. ладан выдали «к церкви Святыя мученицы Парасковий нареченные Пятницы что в приделе у Преподобные Парасковей Ржевские что в Чертолье на освящение церкви»⁵⁹. Таким образом, Ладанные книги подтверждают слова «Сказания» о строительстве храмов во имя двух святых.

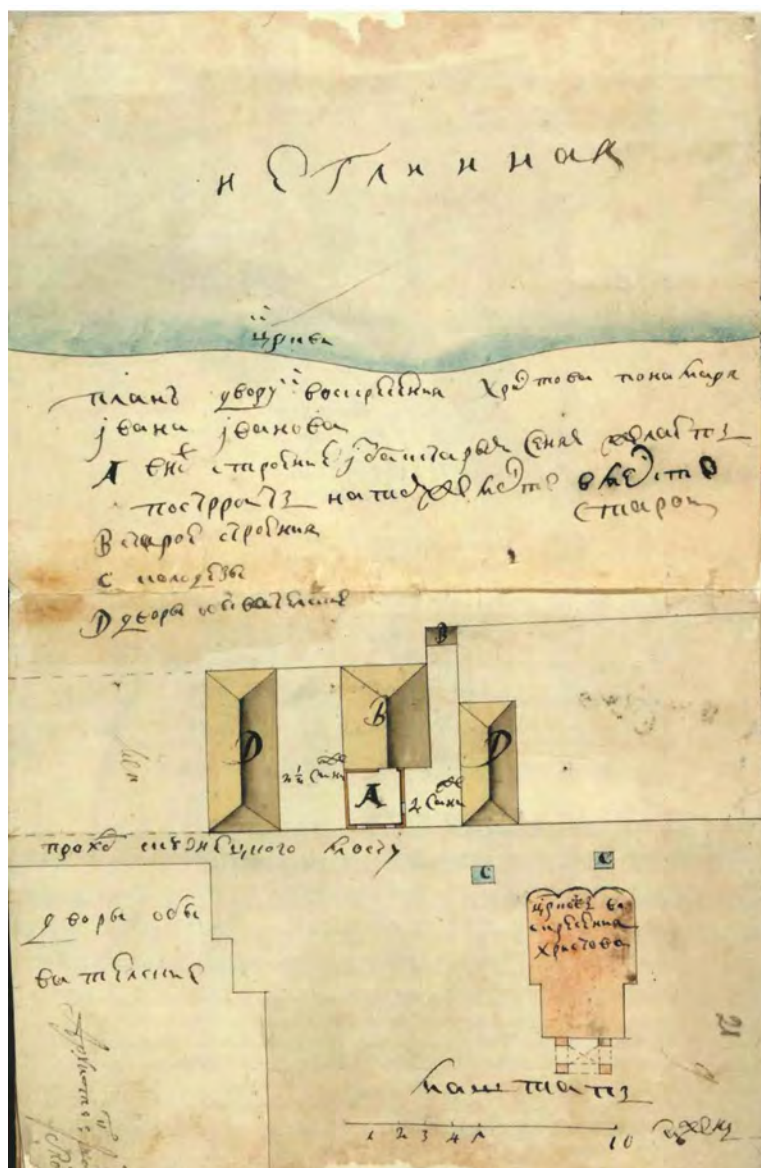
В декабре по уставу был положен крестный ход в предпразднество Рождества Христова 23 декабря. Хождение совершалось в церковь Рождества Христова под колоколь⁶⁰.

В феврале, 14-го, когда праздновали перенесение мощей Черниговских чудотворцев, предписывалось хождение

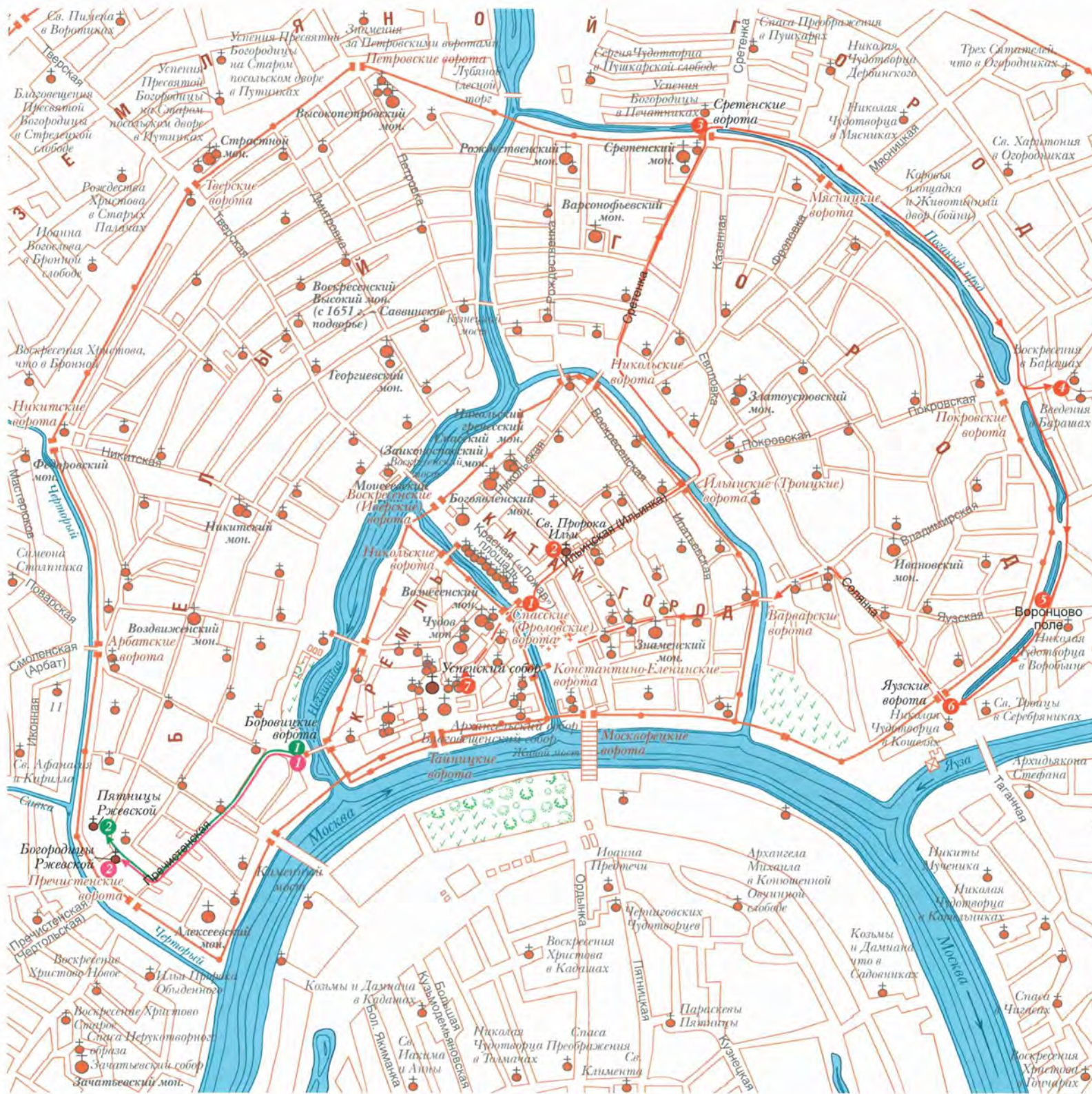
в посвященный им собор. Составленный на десять лет позже «Указ о звону и о чину в пост великий и в пятидесятницу до недели Всех Святых» указывает: «Аще ли на сырной неделе или в пост будет Черниговским, и того же дни бывает ход к Черниговским чудотворцом со кресты, когда их не прилунится»⁶¹. Следующий крестный ход совершали «в неделю перед Николиным днем» после заутрени к церкви Николы Гостунского⁶².

21 мая было указано идти с «большим» крестным ходом в Сретенский монастырь по чину, по которому происходил ход в ту же обитель 15 сентября, и 22 октября к церкви Введения на Лубянке. В «Сказании действенных чинов» приводится и отдельная пояснительная глава «О ходу на царя Константинов день, мая 21», сообщающая о чуде избавления от нашествия Магмет-Гирея в 1521 г., произошедшем от Владимирской иконы (в память о котором был установлен этот ход к Сретенскому монастырю)⁶³.

По тому же чину проходил «большой» крестный ход в Сретенский монастырь и 23 июня в память принесения в Москву Владимирской иконы Божией Матери в 1480 г. при нашествии хана Ахмата. Описание богослужения в этот день сопровождалось рассказом об установлении

План дворов в приходе церкви Воскресения Христова на Кузнецком мосту, в Белом городе. 1744 г. РГАДА

Ход 20 июля в день Св. Пророка Илии, ход 29 ноября к церкви Параскевы Пятницы Ржевской в Чертолье, ход 11 июля к Пречистой Ржевской (1621/22 г.)

Составитель А.Л. Баталов

празднства и крестного хода в память об отражении хана заступничеством Пресвятой Богородицы⁶⁴.

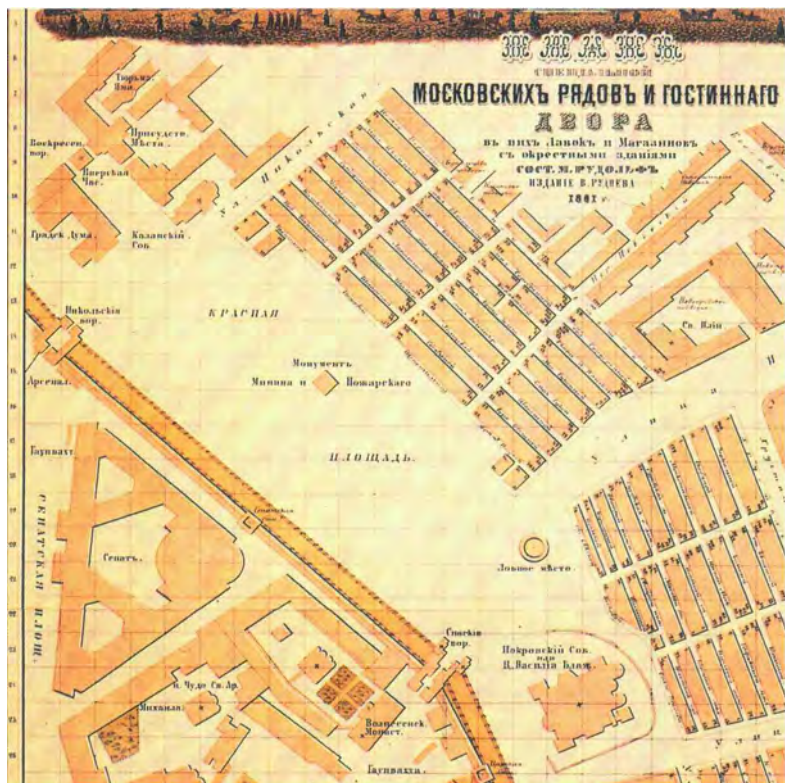
Большой крестный ход полагался 8 июля — «в той же день (на поле — в лето 7087) обретена бысть икона пресвятая Богородица [Казанская. — Авт.] от земнаго прикровения»⁶⁵. Как и 22 октября, ход направлялся к «Введению во Псковичи», т.е. к церкви Введения на Лубянке.

Через несколько дней, 11 июля, был положен «меньший» крестный ход «ко Пречистой, нарицаемой Ржевской» в память о принесении в Москву для поновления двух чудотворных икон из Ржева — Одигитрии с образом Святите-

- 1** Ход 20 июля Св. Пророка Илии
1. 1-я статья на Лобном месте Святой Троице и архангелам
  2. Патриарх идет служить у праздника Илии Пророка за Ветохным рядом и отправляет Крутицкого митрополита вокруг города
  3. 2-я статья в Сретенских воротах Белого города Похвале Богородице и Петру Чудотворцу
  4. 3-я статья у ц. Илии Пророка в Барашах Преображения и Пророку Илии
  5. 4-я статья у Илии Пророка на Воронцовом поле (ц. Благовещения), где служит литургию Благовещению и Николаю Чудотворцу
  6. Проход в Яузские ворота
  7. Предполагаемый маршрут в Успенский собор

→ Маршрут крестного хода
 → Предположительный маршрут крестного хода

- 2** Ход 29 ноября к церкви Параскевы Пятницы Ржевской в Чертолье
1. 1-я статья за Каменным мостом Св. Троице и архангелам
  2. 2-я статья у Праздника Похвале Богородицы и Петру Чудотворцу
- 3** Ход 11 июля к Пречистой Ржевской
1. 1-я статья за Каменным мостом Св. Троице и архангелам
  2. 2-я статья у Праздника Похвале Богородицы и Петру Чудотворцу

Москва. План Красной площади и прилегающих строений, 1862 г.

ля Николая на полях и иконы Святого Креста Господня⁶⁶. Как и в других подобных случаях, описание чина сопровождалось «повестью» о принесении и возвращении этих чудотворных икон. Они были принесены 11 января 1540 г. и торжественно встречены великим князем Иваном Васильевичем и его братом Юрием Васильевичем рядом с митрополичьим Введенским монастырем. Великий князь повелел на месте встречи поставить храм, написать списки с образов и поместить их в новопостроенную церковь. «Сказание о явлении иконы Пречистой Богородицы Оковецкия» сообщает об отнесении икон в Успенский собор, что соответствовало сложившейся традиции. Иконы пробыли в соборе «от недели по Богоявлению до недели пред Ильиным днем»⁶⁷ и были отпущены в Ржев 11 июля. Эта «повесть» основана, как и другие, на летописных известиях. Летопись сообщает посвящение этого храма — «во имя Пречистой и честнаго Креста»⁶⁸. По Ладанным книгам и другим источникам мы узнаем, что уже в начале XVII в. в Москве было две церкви Богородицы Ржевской — одна в Чертолье в Белом городе⁶⁹, а другая за Арбатскими воротами в Земляном городе, в Трубничьей слободе⁷⁰. Первая из них, в Чертолье, была деревянной до 1629 г. и сгорела во время пожара («В Черторье была церковь Пречистые Ржевские древена згорела»⁷¹). В 1657 г. она уже числилась каменной⁷². В документах XVII в. она называется «пречистая Богородицы иконы Ржевския, что на Москве, в Белом городе, у Пречистенских ворот»⁷³. Вторая церковь, в Трубничьей слободе, или, как еще называли, «что в Поварской улице», судя по Ладанным книгам, имела придел во имя Николая Чудотворца⁷⁴. В 1657 г. она также показана каменной⁷⁵. К какому же из этих двух храмов направлялся крестный ход 11 июля?

«Сказание» сообщает лишь, что ход выходит на Каменный мост и за Каменным мостом читают Первую статью. Вторую статью читают у «праздника»⁷⁶. Другой Чиновник добавляет, «как вышел за ворота за каменной мост, и тут бывает статья, чтут евангелие Троице да Архангелом, а у праздника вторая статья Похвале да Петру чудотворцу». Каменным мостом могли называть мосты через Неглинную — от Боровицких ворот и Троицких ворот Кремля. Правда, в источниках XVII в. мост от Боровицких ворот

назывался Боровицким⁷⁸. Во всяком случае, ход шел или через Боровицкие, или через Троицкие ворота. Судя по отсутствию упоминаний в «Сказании», процессия в ворота Белого города не выходила. Поэтому ход, скорее всего, направлялся именно к церкви в Чертолье. Однако в наибольшей близости к митрополичьему Новинскому Введенскому монастырю находился не этот храм, а церковь за Арбатскими воротами. Также и посвящение ее придела Святителю Николаю заставляет вспомнить летописное описание этой чудотворной иконы, на полях которой был его святой образ. По своему местоположению именно этот храм мог быть поставлен на месте встречи чудотворных икон. Тогда можно предположить, что церковь в Белом городе, в Чертолье была построена на месте прощания с ними. Это предположение можно подкрепить еще одним рассуждением: встреча образов у Введенского монастыря произошла 11 января, а отпустили иконы в Ржев 11 июля. В этот день и совершался крестный ход к церкви в Чертолье.

Следующее по времени хождение совершалось 20 июля на Пророка Божия Илию⁷⁹. Царь шел с крестным ходом только до Лобного места, где читалась Первая статья и творилось «осенение на 4 страны». Получив благословение от Патриарха, государь едет в церковь Илии Обыденного. Патриарх доходит с крестным ходом до церкви Илии Пророка что за Ветошным рядом, где остается служить литургию, а с процессией отпускает Крутицкого митрополита «идти около граду со кресты». Шествие проходит в Ильинские ворота Китай-города и движется вдоль его стены к Сретенке, далее выходит в Сретенские ворота Белого города, «в Стретенской башне Белого города» читают Вторую статью. Крестный ход направляется вдоль Белого города, и в Барашах у церкви Илии Пророка читают Третью статью. Затем ход приходит в Воронцово к церкви Благовещения, где читают Четвертую статью Благовещению и Николаю Чудотворцу, освещают воду и служат литургию. Здесь при церкви Благовещения был теплый храм во имя Пророка Божия Илии. Церковь на Воронцовом поле так и называлась в источниках: «Благовещения пресвятыя Богородицы и святаго пророка Илии, что на Воронцове поле»⁸⁰. После службы в церкви Благовещения на Воронцовом поле крестный ход входил через Яузские ворота в Белый город и направлялся к Лобному месту и далее к Успенскому собору.

В конце июля (28) Церковь праздновала память святых апостолов Прохора, Никанора, Тимона и Пармена, «иже от седми диакон». Тогда же праздновалось Сретение Смоленской иконы Божией Матери, в связи с чем был учрежден крестный ход в Новодевичий монастырь. Видимо, из-за отдаленности этой обители крестный ход имел свои особенности. Накануне царь и Патриарх ездили в Новодевичий монастырь. После вечерни и всеобщего бдения государь ночевал «в шатрах», а Патриарх — в Саввинском монастыре. Наутро в Успенском соборе ключари отпускали сторожей с меньшею хоругвью и образами в Саввинский монастырь. Туда же приходили с иконами из монастырей. Затем в 3 часа начинался благовест в Саввинском и Новодевичьем монастырях. Государь ездил в Саввин монастырь, где служили молебен и откуда отправлялся крестный ход.

Ход в день Преполовения Пятидесятницы в начале 1630-х гг.

Составитель А.Л. Баталов

1. Государь шествует от Благовещенского собора в Успенский
2. Ход «со кресты» выходит из западных дверей Успенского собора
3. Государь с боярами выходит из южных дверей Успенского собора и шествует в Благовещенский собор к обедне
4. 1-я статия Св. Троице и архангелам на Лобном месте
5. 2-я статия в Ильинских воротах Преображению и Илье Пророку
6. Проход в Варварские ворота
7. Выход на Иордань. 3-я статия Кресту и Иоанну Богослову
8. Вход в Тайницкие ворота. 4-я статия Похвале Божьей Матери и Петру Чудотворцу
9. Выход в Боровицкие ворота (мимо житниц)
10. 5-я статия Благовещению и Николаю Чудотворцу против Каменного моста
11. 6-я статия Всем Святым против Никольских ворот
12. Вход в Ильинские ворота

→ Маршрут крестного хода

По выходе из ворот Саввинского монастыря читали Первую статью и шли к Новодевичьему. Когда шествие подходило к воротам этой обители, из них выносили чудотворные образы. Государь и Патриарх прикладывались к иконам и здесь читали Вторую статью, и вся процессия шла в монастырь. В церкви совершали освящение воды и служили литургию. Затем процессия выходила из Новодевичьего монастыря, государь прикладывался к образам и уходил «во своя кровы», а Патриарх с крестным ходом шествовал в Саввинский монастырь, откуда отпускал иконы в Москву⁸¹.

На следующий день, 29 июля, праздновали Рождество святителя Николая Чудотворца и его чудотворный Великорецкий образ. Последнее празднество установлено в связи с тем, что 29 июля 1555 г. была освящена деревянная церковь Николая Великорецкого у строящегося собора Покрова на Рву, в которую перенесли копию с чудотворного об-

Ход в первую неделю Петрова поста в начале 1630-х гг.

Составитель А.Л. Баталов

1. Ход в неделю первую Петрова поста
1. Выход шествия из западных дверей Успенского собора
  2. А идут косо и идут из града мимо Мстиславского двора «под гору в Тайницкие ворота»
  3. 1-я статья в Тайницких воротах Святой Троице и архангелам
  4. 2-я статья на водоосвящении Преображению и Илие Пророку у Алексеевской башни Белого города
  5. 3-я статья у ц. Ильи Обыденного Похвале Богородицы и Петру Чудотворцу
  6. 4-я статья у Арбатских ворот Кресту и Иоанну Богослову
  7. 5-я статья у Тверских ворот Благовещению и Николаю Чудотворцу
  8. 6-я статья у Петровских ворот за всякое прощение и Всем Святым
  9. 7-я статья у Сретенского монастыря Успению и Алексею Чудотворцу

→ Маршрут крестного хода

Белого города. Шествие направлялось сначала к Арбатским воротам (читали Четвертую статью Св. Кресту и апостолу Иоанну Богослову), далее к Тверским (Пятая статья Благовещению Богородицы), Петровским (Шестая статья — «за всякое прощение да всем святым»). Шествие входило в Белый город к Сретенскому монастырю, где читали Седьмую статью Успению Богородицы и святителю Алексею. От монастыря ход направлялся к Лобному месту и затем в Успенский собор¹⁰¹.

Типология СТАЦИОНАЛЬНЫХ БОГОСЛУЖЕНИЙ, ИХ ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Все процессии, указанные в «Сказании» и «Чиновнике», можно разделить на три группы. Первая объединяет процессии, связанные с празднованием в годичном богослужении господних праздников (например Рождества Христова), богородичных (Успения и Покрова), а также святых (Пророка Божия Илии, Святителя Николая Чудотворца, Черниговских чудотворцев). Процессии к конкретным престолом обусловлены существованием в городе храмов, посвященных этим праздникам, а также присутствием в них мощей этих святых или их чудотворных образов и статусом этих церквей в городской общине.

Другая группа — это крестные ходы, связанные с памятью об особой милости Божией, о явлении чудотворных образов, о чуде, явленном от них. Эти процессии, как правило, возникают при учреждении храмов, к которым они направляются. К этой категории можно отнести все четыре хождения в Сретенский монастырь (15 сентября, 21 мая, 23 июня и 26 августа), крестные ходы к церквям Пречистой Ржевской, Пятницы Ржевской, приделу Казанской иконы Божией Матери при церкви Введения на Лубянке, а также к Новодевичьему монастырю. В этой связи следует упомянуть и крестный ход к приделу Николая Великорецкого на Рву, также связанного с конкретным событием — принесением в Москву чудотворного Великорецкого образа.

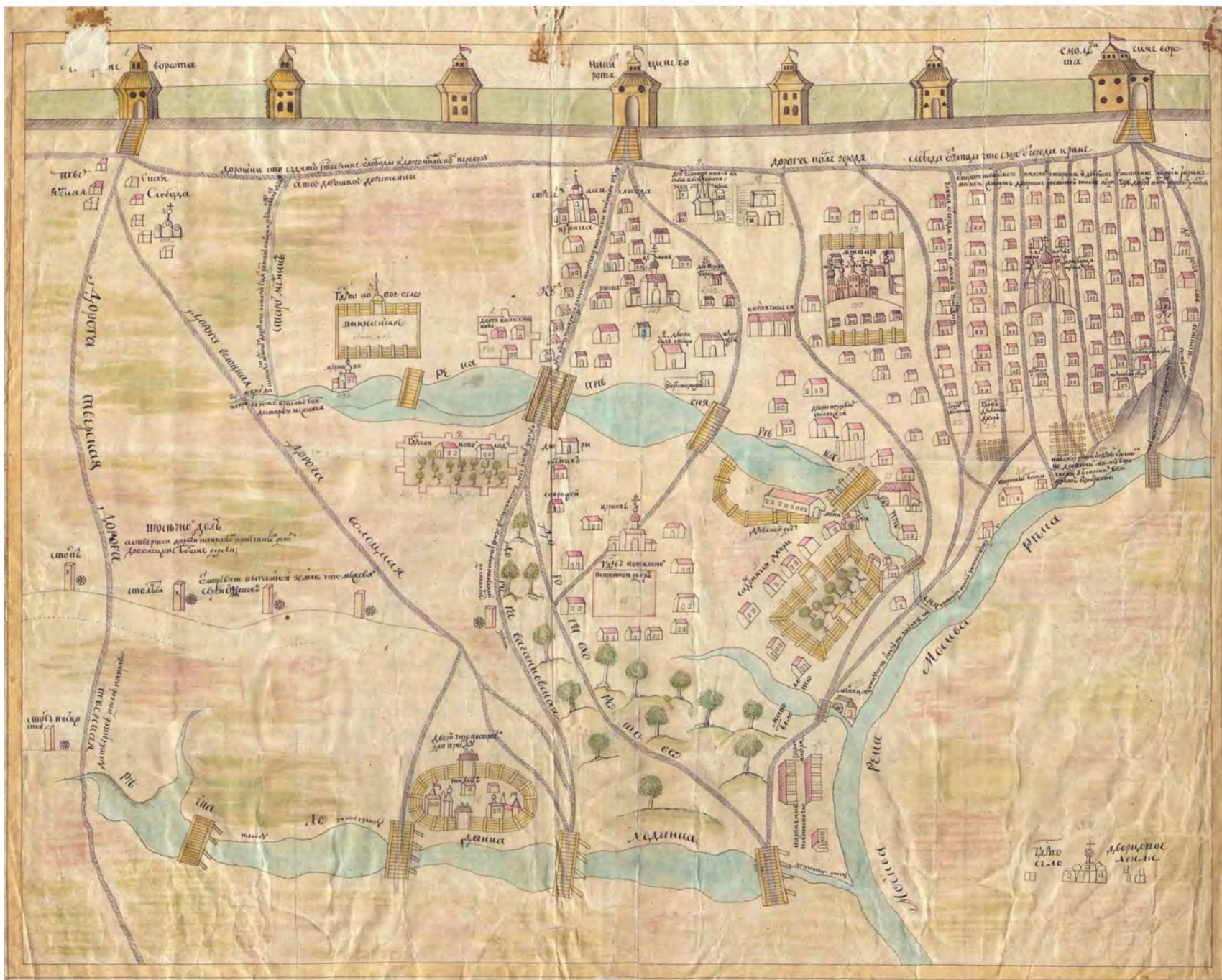
Третья группа стациональных богослужений не связана с особенностями сакральной топографии города, т.е. присутствием в ней определенных престолов, посвященных празднуемым святым и событиям, и полностью определена уставом годичного богослужения. Это ходы в Неделю перед Воздвижением Святого Креста Господня, в Неделю Ваий, на Светлой седмице, на Преполование Пятидесятницы, в Неделю о слепом, на Троицкой неделе, в Неделю Всех святых, в первую Неделю Петрова поста. К ним же относится и процессия в день Происхождения Честных древ Святого Креста Господня.

Когда же сложился порядок крестных ходов, зафиксированных в Чиновниках времени Михаила Феодоровича?

Легче поддается датировке та часть процессиональных богослужений, которую мы условно отнесли ко второй группе. Наиболее ранний из относящихся к ней крестных ходов — к Сретенскому монастырю 26 августа в день Сретения Владимирской иконы — установлен в 1395 г. Следующее событие, в память о котором был учрежден ход также к Сретенскому монастырю, датировано 1480 г. (23 июня, ход в Сретенский монастырь). Ход в церковь Николая Гостунского в Неделю перед днем празднования Перенесения мощей Святителя Николая, мог возникнуть только после 1506 г., когда чудотворный образ Святителя Николая, явленный на реке Гостунь, был перенесен в Москву по повелению великого князя Василия Ивановича и поставлен в новопостроенную церковь¹⁰². Ход 15 сентября в Сретенский монастырь учрежден в 1519 г., а процессия туда же 21 мая — в 1521 г. Празднование Сретения Смоленской иконы Божией Матери и учреждение крестного хода в Новодевичий монастырь датируется не ранее 1524 г. Сооружение храма Пятницы Ржевской и хождение к ней 29 ноября относится к 1530 г., а сооружение церкви Пре-

Чудо от иконы Казанской Божьей Матери в Москве (крестный ход 1612 г.). Акварель Ф.Я. Алексева

План части Москвы за Земляным городом между Тверскими и Смоленскими воротами, Москвой-рекой и рекой Ходынской. Начало XVIII в. РГАДА

чистой Ржевской и шествие к ней 11 июля — к 1540 г. Хождение к храму Николы Великорецкого на Рву в день Рождества Николая Чудотворца и празднования его Великорецкого образа учреждено 29 июля 1555 г. Традиция совершения крестного хода в церковь Рождества Христова «под колоколы» в Предпразднество Рождества Христова 23 декабря могла сложиться после 1554/55 г. (учреждение престола)¹⁰³.

Ход в день Покрова Божией Матери к храму Покрова Богородицы на Рву мог совершаться только после 1561 г. (освящение церкви). Хождение к мощам мучеников князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора (в Неделю по Воздвижению и 13 февраля) стали совершать после их перенесения в Москву в 1570-е гг. и строительства храма Черниговских чудотворцев на Ивановской площади. Самое позднее хождение — к приделу Казанской иконы Божией Матери — установлено уже при царе Михаиле Федоровиче.

Таким образом, подавляющее число подобных стационарных богослужений относится к XVI в., одно — к концу XV и одно, наиболее раннее, к концу XIV столетия. Эта часть городских богослужений развивалась во времени, но в основном сложилась в XVI в., что объясняется тем, что именно в этот период Москва становится центром, конституирующим местные святыни, придающим им общерусский статус. Москва не только собирает у себя подлинные чудотворные образы, но и составляет их списки, посвящает им храмы, сохраняя присутствие привозимых святынь в центре Русского православия.

Значительно труднее датировать установление первой группы хождений. На этот вопрос можно ответить, попытавшись датировать устав крестных ходов в дни переходящих праздников. Что касается этих процессий, отнесенных нами к третьей группе, то мы можем твердо установить верхнюю границу их датировки. Пометы в «Указе о звону и о чину в пост великий и в пятидесятницу до недели Всех Святых» указывают на существование изложенного в нем порядка годичного богослужения при Патриархе Иове. В описании богослужения на Преполовление Пятидесятницы говорится: «А вечерню и утреню начинает недельной поп со диаконом, а на вечерне на выход облача-

ется протопоп з братиею, а сам патриарх и иные власти не облачаются к молебном, а патриарх Иев [выделено нами. — *Авт*] на тот день облачался после вечерни к молебном»¹⁰⁴. Также в описании крестного хода в день Преполовления составитель «Сказания» указывает на отличие чина при Патриархе Филарете от предшествующего. Описывая ход вокруг Китай-города от Ильинских ворот к Варварским он замечает: «а оттуда идут в Варварские ворота... но идут на Москву реку, а преж сего хаживали до Московского разорения, что за Соляным рядом, в Зачатские ворота»¹⁰⁵. Далее, прослеживая путь крестного хода после освящения воды к Тайницким воротам и затем к Боровицким мимо житниц, он замечает: «А преж сего до Московского разорения [курсив наш. — *Авт*], ходили подле город, да входили в Водяные ворота в двои, что на Москву реку от конюшен...»¹⁰⁶.

Попробуем определить нижнюю границу установления чина хождений, не имеющих меморативного характера, т.е. отнесенных нами к первой и третьей группе.

Среди глав Стоглавого собора 1551 г. мы находим одну, которая определяет порядок богослужения, зафиксированный в «Сказании действенных чинов». Это 35-я глава, носящая название «Указ соборным старостам поповским на Москве и по всем градом». В ней мы читаем указание священникам и дьяконам из всех городских церквей собираться в Неделю Всех святых в соборы, к которым приписаны их церкви, и из них идти «со кресты в соборную великую церковь»¹⁰⁷. Далее предписывается: «А в неделю пред воздвижением тако же ото всех соборов приходят старосты с своими попы и дьяконы со кресты в соборную и великую церковь... и отгоя недели не ходят со кресты в собор до понедельника святых недели. В понедельник же святых недели... собираются... койждо свой собор с народом и ходят со кресты же к соборной великой церкви... и по сем ходят во всю святую неделю промеж себя со кресты по своим церквам»¹⁰⁸.

В 35-й главе Стоглавого собора содержится и указание совершать литии в праздники к городским церквам, имевшим соответствующие посвящения престолов: «А которому храму праздник и того собору той церкви от всех церквей... отпев заутреню... и начнут молебен тому празднику, и идущи поют... и у праздника молебная совершив... возвращаются в свой храм»¹⁰⁹.

Таким образом, можно убедиться, что именно эта глава Стоглавого собора является тем уставным источником, на котором базировался устав стациональных богослужений в Москве.

Можно указать и на источник, на котором основывались отцы Стоглавого собора.

Следует обратить особое внимание на «Чин церковный архиепископа Великого Новгорода и Пскова» 1540-х гг. К сожалению, этот наиболее ранний из дошедших до нас соборных чиновников не охватывает всех богослужений годового круга. Тем не менее, его текст даже в редуцированном виде свидетельствует о том, что в Новгороде уже в 1540-е гг. существовал чин хождений «со кресты»¹¹⁰ к праздникам из Софийского собора и к Софийскому собору от шести соборов в дни, указанные и в Стоглаве, и в московских чиновниках 1620-х — 1630-х гг. В текст «Чина церковного архиепископа Великого Новгорода и Пскова» попали описания службы только Недели перед Воздвижением и в Неделю Всех святых: «В неделю перед воздвижением... приходят священники, вся шесть соборов, из всего города съ кресты»¹¹¹ или «а в неделю всех святых после вечерни приходят священники шестисоборские

с кресты». «Чин церковный архиепископа Новгорода и Пскова» не содержит более упоминаний о стациональном богослужении, но, как известно, он не отражает всего устава богослужений, существовавших в Новгороде. Его развернутой версией А.П. Голубцов считал чиновник Софийского собора 1629—1633 гг.¹¹²

Здесь подробно описан характер хождений от церквей всех шести новгородских соборов в Софию Новгородскую. В Неделю перед Воздвижением, как и в «Чине» 1540-х гг., указано: «...бывает ход к Софеи Премудрости Божии от шести соборов со кресты, старосты койждо от своего собору»¹¹³. В Светлый понедельник «со всего града от всех церквей приходят священники со кресты к Софеи»¹¹⁴. Также и в Неделю Всех святых «бывает... ход к Софеи... от шести соборов со кресты ходят старосты койждо от своего собору»¹¹⁵.

Другая группа ходов — хождение всех шести соборов к городским «праздникам». Например, в день Чуда Архангела Михаила новгородский митрополит установил праздновать память архиепископа Иоанна Новгородского, в связи с чем «после заутрени в 7-е число приходили со кресты от всех церквей к Ивану архиепископу в Темницу»¹¹⁶. Также и на память святителя Моисея «ходят со кресты на Никитину улицу [в придел святого архиепископа Моисея] ото всех церквей после заутрени»¹¹⁷. В канун празднования обретения мощей святителя Никиты также указано «ходить со кресты к Никите епископу от всех церквей на праздник после заутрени»¹¹⁸.

Третья группа — процессии из Софийского собора к городским храмам. На Воздвижение Креста Господня из Софийского собора отправлялся «ход со кресты... к Воздвижению честнаго креста на Воздвиженскую...»¹¹⁹ В день Никиты Великомученика ход из Софии Новгородской шел на Никитскую улицу к храму великомученика Никиты¹²⁰. А 23 октября в день святого апостола Иакова и памяти перенесения мощей святого Иакова Боровицкого «бывает ход к Иякову, брату Господню на Добрыню улицу, в Воскресеньские ворота к Чюдинцове улице»¹²¹. На Рождество Христово «протопоп ходит со кресты к Рождеству христову на сени с своим собором до и с каменного города попы»¹²². В день Сретения Владимирской иконы, 23 июня, совершался ход с новгородским владыкой из собора на Ильину улицу «к Знамению пречистой Богородицы»¹²³. Такой же крестный ход отправлялся в Антониев монастырь для празднования памяти обретения мощей Антония Римлянина.

Чиновник Софийского собора определял и порядок хождения вокруг города¹²⁴. В Первую Неделю Петрова поста был положен «ход со кресты около Софейские стороны болшего города». Следующий подобный ход, но уже «около Торговые стороны» совершали в Первую Неделю по памяти святого Пророка Божия Илии¹²⁵. Вокруг Каменного и Земляного города крестный ход совершался в среду 4-й недели по Пасхе.

Сравнение «Чина архиепископа Новгорода и Пскова» с Чиновником Софийского собора доказывает мысль А.П. Голубцова, что последний действительно является «пространной редакцией» первого.

В то же время даже фрагменты описания стациональных богослужений «Чина» 1540-х гг. говорят о том, что та богослуженная практика, которая устанавливается во всей Русской Церкви постановлениями Стоглава, существовала в Великом Новгороде до решений этого Собора.

Если мы возвратимся снова к тексту Стоглава, то увидим, что предписание о хождениях «со кресты» является про-

План местности в Земляном городе, у Яузских ворот, с церквями Троицы в Серебряниках и Николая Чудотворца в Кошелях. 1782 г. РГАДА

должением указа о соборном делении городской церковной организации: «Повелехом избрати протопопов в кое-между граде... В царствующем граде Москве достоит быти седми старостам поповским и седми собором... да к ним избирати десяцких... Также и по всем градом уставити старосты поповские и десяцкие где колько пригоже в котором граде... и по всей земли уставити у попов десяцкие священники...»¹²⁶. Как известно, к моменту составления этого указа семисоборное деление, которое устанавливалось Стоглавом для Москвы, существовало в Новгороде¹²⁷. Подобная церковная организация существовала и во Пскове¹²⁸.

Поэтому сам принцип соборного деления и обусловленный им порядок соборного чина в неделю перед Воздвижением, в понедельник и другие дни Светлой седмицы, в Неделю Всех святых заимствован отцами Стоглава из Новгорода. Из Новгорода перенесено и установление хождений из кафедрального собора к храмовым праздникам городских церквей.

Итак, можно предполагать, что формирование чина стациональных богослужений в Москве первой и третьей группы (т.е. хождений, не связанных с почитанием конкретных храмов и их святынь и не имеющих меморативного характера) произошло при митрополите Макарии после 1551 г. Тогда же был перенесен и новгородский чин хождения «на осяти» к храму, имеющему престол Входа Господня в Иерусалим. Обращение к новгородскому уставу соответствует общей ориентации эпохи на богослужебную практику Новгорода и Пскова. Отчасти это может

быть объяснено тем, что митрополит Макарий до своего поставления на московскую кафедру был архиепископом Великого Новгорода. Но при этом именно новгородский устав более всего соответствовал тем задачам по упорядочению церковной жизни, которые преследовал собор 1551 г. Такое объяснение причин введения семисоборного деления и учреждения соборных старост и десятских содержится в 6-й главе Стоглава¹²⁹.

Из Новгорода была заимствована общая структура городского богослужения. Нельзя не заметить отличия между Чиновниками двух городов. Календарные различия обнаруживаются в распорядке хождений вокруг города. Если в Москве первый ход вокруг Белого города совершался в первую седмицу Петрова поста, то в новгородском Чиновнике мы читаем: «В неделю 1-ю по памяти святых апостол Петра и Павла... И того дни ход со кресты около Софейские стороны болшого города»¹³⁰. Перенесен и следующий день подобной службы, происходившей в Москве непосредственно в праздник Илии Пророка. В новгородском уставе она также связана с днем прославления Пророка Божьего Илии, но отнесена на ближайшее воскресенье после него («В неделю 1-ю по памяти святого пророка Илии»¹³¹), когда совершался «ход со кресты около торговые стороны». По сравнению с Москвой, круг подобных служб в Новгороде расширен — в среду четвертой недели по Пасхе существовал крестный ход «около каменного и земляного города»¹³².

Естественно, что индивидуальным для каждого города остается комплекс литийных богослужений из кафедрального собора в городские храмы, что обусловлено спецификой церковной жизни каждого города, где существуют свои чудотворные иконы, мощи местных святых, особо чтимые престолы церквей. При этом в Москве те ходы, которые можно условно назвать «меморативными», могли формироваться до введения порядка богослужений, утвержденных Стоглавым собором. Они обладают определенной самостоятельностью, и их развитие определяется другими, общегосударственными закономерностями, о которых мы уже говорили.

Итак, в целом устав стациональных богослужений в Москве во всех своих частях сформировался в XVI в.

Новое для Москвы богослужение наиболее ярко выражало идею соборности церкви, ее единства. Не случайны и дни, определенные уставом для хождений от всех шести городских соборов в кафедральный храм: Неделя перед праздником Поклонения всей Церкви Кресту Господню, дни Светлой седмицы — Торжество Христова Воскресения и Неделя Всех святых — праздник всех церквей и прославление небесных заступников всего православного народа. Столь же знаменательны и дни крестных ходов вокруг города. Первый такой ход совершался в день Преполовления Пятидесятницы, праздник, соединяющий в себе Святое Христово Воскресение и грядущий день Сошествия Святого Духа — Пятидесятницы, а также предвещающий Вознесение Христова¹³³. В этот день Святая Церковь вспоминает евангельское событие, когда Господь на Преполовление праздника Куцей открыл в Иерусалимском храме учение о Себе как Мессии и возвестил грядущее сошествие Святого Духа (Ин. 7).

Следующий ход вокруг города совершается в Первую неделю Петрова поста, связанного с Пятидесятницей, когда церковный народ укрепляет себя духовным воздержанием, уподобляясь апостолам, сподобившимся принять Святого Духа. Наконец, третий ход — в день святого пророка Илии, которого церковный народ прославляет в тропаре

как второго Предтечу пришествия Господня. Это хождение соединяет в себе два типа процессий — один около города и другой к «празднику», поскольку шествие направляется к храмам, имеющим престол во имя Пророка Илии — сначала к церкви Илии Пророка за Ветошным рядом, затем к храму Илии Пророка в Барашах, а далее — на Воронцово поле, к Ильинскому приделу при церкви Благовещения Богородицы.

В день Преполовления крестный ход обходил Кремль и Китай-город. Два других хода обходили Белый город: в 1-ю Неделю Петрова поста — его северо-западную часть, а в день Пророка Илии — северо-восточную. Смысл таких крестных ходов раскрывает «Сказание действных чинов»: «А еже на Ильин день ход со кресты и с честными иконами около градов, поют молебны летоу, бывает водное священие: то по иным многим градом бывает для людского просвящения и градского соблюдения от нашествия иноплемениных и от междуособных браней»¹³⁴.

Сам чин хождения от соборов в кафедральный храм служит актом собирания всей церкви: к каждому из шести соборов собираются из всех приписанных к нему посадских церквей священники, дьяконы и прихожане. Затем ход, возглавляемый старостой своего собора, направляется к кафедральному храму. Единство городской общины знаменует и хождение к празднику из других церквей города и литии, которые совершал святитель «со властью», из соборной церкви к празднуемому престолу.

Устав хождений сохраняет память о проявлении милости Божией в отношении Москвы, а косвенно и о формировании его сакральной топографии. Нам неизвестен типик московского Успенского собора XVI в., однако можно предположить, что «Сказание действных чинов», составленное после Смуты, впервые содержало попытку осознания сакральной истории города. Число «меморативных» процессий, как и других крестных ходов, ограничено, поскольку определяется реальными событиями церковной истории города, присутствием в его сакральном пространстве почитаемых святых.

1.

Аверьянов А.К. Московские сорок сороков // Проблемы отечественной истории. Период феодализма. М., 1991. С. 19—21.

2.

Один из последних обзоров со значительной литературой: Мусин А.Е. Соборные округа древнерусского города: от социальной топографии к иеротопии // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 491-524.

3.

Несмотря на расхождение в числе округов, они все были или кратны семи, или близки этой цифре.

4.

Стоглав // Русское законодательство X—XX вв. В 9 тт. Т. 2. М., 1985. С. 278.

5.

Список опубликован А.С. Павловым (см. Павлов А.С. Наказной список по Стоглавскому собору, посланный в 1552 году в Вязьму и Хлепен епископом Сарским и Подонским... // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1873. Т. IX. Часть ученая. С. 14—15); см. также: Боголюбовский М. Московская иерархия // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1894. Т. XIX. Сентябрь. С. 474. Можно сравнить со списками поповских старост 1604 г. (ЛАЗ. СПб., 1836. Т. II. С. 380. Док. № 223), где с соборными не совпадает не только состав храмов, но и количество старост, уже указом 1594 г. увеличенное до восьми. См. также: Аверьянов А.К. Московские сорок сороков // Проблемы отечественной истории. Период феодализма. М., 1991. С. 19—21.

О судьбе «соборной системы» в более позднее время см. публикацию по бумагам Патриаршего Казенного приказа в «Московских Ведомостях» 1894 г., № 307 (ноябрь). С. 3-4; о соборном делении в других городах: Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 108—117. Никитский А. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 218, 223; Макарий (Булгаков), архиеп. История Русской Церкви. СПб., 1877. Т. VIII. Кн. 3. С. 9—12. 195; СПб., 1870. Т. VI. С. 380; СПб., 1881. Т. X. Кн. 1. С. 60-64.

Можно указать и на упоминание «всех семи соборов» Москвы в описании освя-

щения Успенского собора Кремля в 1479 г.; имеющиеся в летописях разночтения («семь дней») совершенно не вяжутся с текстом (ПСРЛ. Т. VIII. С. 201).

6.

А.Е. Мусин предполагает, что в Новгороде, например, в аналогичной ситуации священника могли переводить в центральный храм округа, по которому именовался собор. В Москве следов этого не видно, да и сами округа, кажется, в XVI в. еще не именовались устойчиво по своим соборным храмам, как это будет позже с сороками.

7.

ЛАЗ. СПб., 1836. Т. 1. С. 227-228.

8.

Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII. С. 332; Лебедевская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 291.

9.

См.: Малков Ю.Г. Тема Вселенских соборов в древнерусской живописи XVI—XVII вв. // Даниловский благовестник, 1992. № 4. С. 68—69.

10.

Сергий (Спаский), архим. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 2. С. 441. Табл. II. Из «Тактикона» Никона Черногорца (кон. XI в.), праздники 11 октября. Такого праздника нет, однако, ни в студийских, ни в иерусалимских уставах по «Тактикону».

11.

При этом сам день освящения храма забыли, перенесли престольный праздник на один из дней, связанных с воспоминанием Вселенских соборов: Седьмого Вселенского собора или, чаще всего, в день памяти святых Отцов Шести Вселенских Соборов.

12.

Снегирев И.М. Памятники московской древности. М., 1842—1845. С. II второй паг. (далее — Снегирев, 1842—1845).

13.

[Сенковский] Рец. на: Снегирев, 1842 // Библиотека для чтения, 1842. № 2. С. 63.

14.

Погодин М.П. [Рецензия на книгу: И. Снегирева. Памятники Московской Древности. М., 1842] // Москвитянин, 1842. № 2. С. 565—566. Характерен спор о составе этих «изначальных» — письменные источники не давали для его выяснения однозначных указаний.

15.

Снегирев И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. В 2-х тт. М., 1865. Т. 1. С. IV.

16.

Там же. С. 86.

17.

Там же. Т. 2. С. 2.

18.

Забелин И.Е. История и древности Москвы // Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1873. Ч. 2. С. 134.

19.

Waldheim, J. Fischer von, *Oryctographie du gouvernement de Moscou*. Описание ископаемых остатков Московской губернии. М., 1830—1837.

20.

Снегирев, 1842—1845. С. II второй паг.

21.

Никитин С. Элементарный курс географии... М., 1877.

22.

Лихачева Э.А. О семи холмах Москвы. М., 1990. С. 3.

23.

Главные возвышенности определяются ею так: «1 — Бескудниково, 2 — Щитниково, 3 — Орехово-Борисово, 4 — Теплый стан и Воробьевы горы, 5 — Фили, 6 — Тушино, 7 — междуречье Яузы, Москвы и Неглинной, разделенное на три холма: Страстной, Псковский и Напрудный. К ним присоединяются «центральные»: Боровицкий, Красный (Швивая горка), «Три горы», Введенская гора, «Варварина горка» — Там же. С. 62. Заметим, что в пределы, более-менее отвечающие представлениям о средневековой Москве как городе здесь попадают загородные, находящиеся даже за чертой окраинных сел из «Записи о душегубстве» пункты, которые могли назвать «Москвой» разве что с середины XX в. (Бескудниково, Щитниково, Орехово-Борисово, Теплый стан и Воробьевы горы, Фили, Тушино).

24.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1905. С. 52.

25.

Рейтенфельдс Якоб, 1670—73 гг.: «...внешней красоте немало способствуют семь умеренной высоты холмов, на которых она отлого возвышается; Зани Эрколе, 1672 г.: «Он заключает в своей окружности семь холмов». См.: Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 330, 335.

26.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 125—134.

27.

«Виде на томь месте семь горъ и глушиць морских много, и повеле горы рыти... и повеле размерити место на три углы, на все страны по седми верст... сие место седмохльмный наречется, и прославится, и возвеличится... Въ седмое же лето виде царь мало живущих в граде... и назва град Новый Рим» (Воскресенская летопись. С. 126). «Русский род Измаилита победят и Седмохльмного примут

и в нем вцарятся» (Там же. С. 143). Отметим, что далеко не все виды «Повестей» содержат этот рассказ. Гораздо более распространена цитата, доказывающая необходимость постановки всемирной столицы «на крови» — она есть во всех четырех вариантах, выделенных в свое время Салминой. Но рассказ о «седмохльмном» входит только в четвертый — вероятно, самый поздний — вид. «Во вступительной части обычное краткое известие списков о создании «на крови» второго Рима разрослось в нем в обширное повествование в результате включения в текст повести отрывка об основании Царьграда из «Повести о Царьграде» Нестора-Искандера» (Салмина М.А. Повести о начале Москвы. М. — Л., 1964. С. 41). Впрочем, и здесь не идет речи о седмохльмности Москвы, но лишь Константинополь: «...царь, возлюбил то место в Византии. Он же разсмотря и размышляя, видит 7 гор и много глушиць морских... царь Константин повеле место размерити, иде же стенам быти...». Затем он созывает на совет вельмож, которые рекомендуют стены «размерити на 3 угла на все страны по 7 верст стена». Москва как наследник «седмохльмная» может мыслиться лишь в связи с пророчеством о том, «яко напоследок паки одолеет христианство басурманов и седмохльмного примут и в нем паки христиане вцарствуют» (Там же. С. 196—197). Как бы ни датировать этот вид, ясно, что его создатели и переписчики еще не были проникнуты идеей реального семихльмья Москвы.

28.

Сергеев В.С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Т. 1. С.30.

29.

Ростовцев М.И. Рим // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1899. Т. XXVIa. С. 740.

30.

Там же.

31.

Ср. например: Gille Pierre. *The Antiquities of Constantinople*. I ed. London, 1729 (1988, N.Y.) и Freely J. *Istanbul*. L.—N.Y., 1991.

32.

Mango C. *The Fourteenth Region of Constantinople* // *Studien zur Spätantiken und Byzantinischen Kunst*. Bonn, 1986. Teil 1. S. 1—5.

33.

Baldovin J. F. *The Urban Character of Christian Worship*. Roma, 1987. (*Orientalia Christiana Analecta*, № 228) P. 168 (перевод: Л.А. Беляев).

34.

Majeska G.P. *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*. Washington D.C., 1984. (*Dumbarton Oaks Studies*, XIX.).

35.

Crump Th. *The Anthropology of Numbers*. Cambridge, 1990; Andrien F. von. *Die Siebenzahl im Geistesleben der Völker* // *Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 1901 (= *Korrespondenz-Blatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*. Bd. 31. Munchen, 1901); Hopper V.F. *Mediaeval Number Symbolism*. N.Y., 1938; Miller G.A. *The Magical Number Seven Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information* // *Psychological Review*. Washington DC, 1956. Vol. 63. № 2. P. 81—97 (русский перевод: Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // *Инженерная психология*. М. 1964. С. 192—225); Sieben // [Kirshbaum E, ed.] *Lexikon der christlichen Ikonographie*. Rom—Freiburg u.a., 1972. Bd. 4. S. 154—156; см. также примечание С.С. Аверинцева к переводу «Семи сынов Самонь» из Ефрема Сирина (От берегов Босфора до берегов Евфрата. М., 1987. С. 165, 334).

36.

«Числа — знаки божественного предопределения и порядка в устройении мира; сокрывающие тайны божественного промысла; или — еще конкретнее — знаки, через которые реальная жизнь связывалась со Священной Историей, а последняя, в свою очередь, направляла свет правды в реальную жизнь. Отсюда неудивительна причастность нумерологии к христианской догматике, литургике, календарно-уставным формам церковной жизни...» См.: Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси // *Древнерусская литература*. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 211.

37.

[Милев Ал.] *Жития на св. Климент Охридски*. София, 1961; Милев А. *Гръцките жития на св. Климент Охридски*. София, 1966. С. 132—134 (далее — Милев, 1966); Михайлов С. По вопросу за седемте съборни храма на княз Борис // *Археология*. София, 1992. № 2. С. 38 (далее — Михайлов, 1992); в переводе Н.А. Туницкого: «этот князь всю подвластную ему Болгарию опоясал семью соборными храмами и зажег верою как бы некоторый светильник семисвечный» — Туницкий, 1918. С. 126-129.

38.

Михайлов, 1992. С. 39—40; Милев, 1966. Прим. 154.

39.

Михайлов, 1992. С. 1992. С. 39—40.

40.

Платонов С.Ф. *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.* М., 1937. С. 345-350 и др.

41.

Топоров В.Н. О следах эпической стихотворной традиции в старорусских повестях о начале Москвы // *Балто-славянские исследования*: 1982. М., 1983.

42.

Плюханова М.Б. *Сюжеты и символы Московского царства*. СПб., 1994.

43. Сказание действенных чинов святых соборных и апостольских великия церкви Оупения пресвятыя владычицы нашея Богородици... // Чиновники Московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона. С предисловием и указателем А.П. Голубцова М., 1908. С. 1—81 (далее — Сказание действенных чинов).
44. Там же. С. 5.
45. Там же.
46. Там же. С. 6—8.
47. Там же. С. 8.
48. Там же. С. 8—9.
49. ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII (1). С. 29-30, 35.
50. Сказание действенных чинов. С. 9.
51. Там же. С. 12.
52. Там же. С. 17.
53. Там же. С. 15—17.
54. Там же. С. 23.
55. ПСРЛ. Т. XIII(1). С. 58. Согласно летописи освящение храма произошло 27 ноября.
56. Окладные книги 7133 г., 12 сентября — Хавский П.В. Семисотлетие Москвы 1147—1847, или Указатель ее топографии и истории за семь веков. 4—5 апреля 1847 г., в день семисотлетнего юбилея, совершившегося со дня исторической известности Москвы. М., 1847. № 129. С. 42 (далее — Хавский, 1847).
57. Из истории Москвы. (Опись г. Москвы после пожара 10 апреля 1629 г.) // Красный архив. № 4. 1940. С. 205 (далее — Опись г. Москвы 1629 г.).
58. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 408. Л. 17 об. — 18, Л. 31 об. — 32, 35 - 35 об., 104-105.
59. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 415. Л. 27 об. — 28.
60. Сказание действенных чинов. С. 29.
61. Указ о звону и о чину в пост великий и в пятидесятницу до недели Всех Святых // Чиновники Московского Успенского собора и выходы Патриарха Никона. С предисловием и указателем А.П. Голубцова. М., 1908. С. 82.
62. Сказание действенных чинов. С. 60.
63. Там же. С. 52.
64. Там же. С. 57—59.
65. Там же. С. 61.
66. Там же. С. 62—63.
67. Сказание о явлении Пречистыя Богородицы Оковецкия (Ржевския) // Русский архив. 1881. Кн. 2. С. 12.
68. ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 131; ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII (2). С. 432; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 173.
69. Например, выдача ладана 23 марта 7130 (1622) г. — РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 401. Л. 47.
70. Например, выдача ладана 7 марта 7128 (1620) г. — РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 399. Л. 53 об.; 28 июня 7140 г. «к церкви Пречистые Богородицы Ржевские что в Трубничье слободе на освещении церкви» — РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 410. Л. 99.
71. Опись г. Москвы 1629 г. С. 205.
72. Строельная книга церковных земель 7165 г. // Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики Московских церквей. М., 1891. Вып. II. Стб. 36 (далее — Строельная книга 7165 г.).
73. 27 февраля 7173 г. — Невоструев К. Запись о ставленниках московских церквей 1645—1666 годов. МЛ, 1869. С. 56, № 271 (далее — Ставленники).
74. См., например, выдачу ладана 5 мая 7143 (1635) г.: «ко Пречистой Богородице Ржевской в придел к Николе Чюдотворцу что за Арбацкими вороты на освящение церкви... Взял трубник Григорей Нелобов» — РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 413. Л. 68.
75. Строельная книга 7165 г. Стб. 165.
76. Сказание действенных чинов... С. 63.
77. Устав церковных обрядов, совершавшихся в Московском Успенском соборе. Около 1634 года // РИБ. СПб, 1876. Т. III. Стб. 89.
78. Церковь Николы Чюдотворца в Стрелецкой слободе называлась в начале XVII в. «что против Боровицкаго мосту» (ОК 7133 г. 17 сент. — Хавский, 1847. № 125. С. 35).
79. Сказание действенных чинов. С. 64—66.
80. 3 июня 7173 г. Ставленники. № 279. С. 58.
81. Сказание действенных чинов. С. 66—67.
82. Баталов А.А. О ранней истории собора Покрова на Рву и обретении «лишнего» престола // Сакральная топография средневекового города. Ред.-сост. А.Л. Баталов, Л.А. Беляев / Известия Института христианской культуры Средневековья. М., 1998. Т. I. С. 51-63.
83. Сказание действенных чинов. С. 68.
84. Там же. С. 69.
85. Там же.
86. Там же.
87. Сказание действенных чинов. С. 72.
88. Там же. 78—80.
89. Указ о звону и о чину в пост великий и в пятидесятницу до недели Всех Святых. С. 103-107.
90. Там же. С. 131.
91. Там же. С. 133.
92. Там же. С. 131.
93. Там же. С. 133.
94. Там же. С. 134—135.
95. Там же. Л. 136.
96. Там же.
97. Там же. С. 137.
98. Там же. С. 140.
99. Там же. С. 143.
100. Там же. С. 144.
101. Там же. С. 145.
102. ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 4.
103. «И в 63 лето царь и митрополит в ту же церковь перенесли Рождество Христово от Мъстиславьскаго двора и събор уставили» — ПСРЛ. Т. XIII (1). С. 145.
104. Указ о звону и о чину в пост великий и в пятидесятницу до недели Всех Святых. С. 134.
105. Там же. С. 134.
106. Там же. С. 135.
107. Стоглав / Изд. ДЕ. Кожанчикова. СПб, 1863. С. 114 (далее — Стоглав).

108.
Там же. С. 116.
109.
Стоглав. С. 116.
110.
Чин церковный архиепископа Великого Новгорода и Пскова // Голубцов
А.П. Чиновник новгородского Софийского собора. М, 1899. С. 246 (далее — Го
лубцов, 1899).
111.
Там же. С. 261.
112.
Там же. С. XIII.
113.
Там же. С. 24.
114.
Там же. С. 218.
115.
Там же. С. 230.
116.
Там же. С. 19.
117.
Там же. С. 95.
118.
Там же. С. 112.
119.
Там же. С. 31.
120.
Там же. С. 32.
121.
Там же. С. 44.
122.
Там же. С. 81.

123.
Там же. С. 120.
124.
Там же. С. 124.
125.
Там же. С. 129.
126.
Стоглав. С. 60.
127.
Янин В.Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М, 1976.
С. 109, 117. Примеч. 14.
128.
Благословенная грамота митрополита Филиппа псковичам на устройство шестого
собора при церкви Входа Господня в Иерусалим, 22 сентября 1471 г. // РИБ.
СПб, 1880. Т. 6. Стб. 731-734.
129.
Стоглав. С. 58—61.
130.
Голубцов, 1899. С. 124.
131.
Там же. С. 129.
132.
Там же. С. 220.
133.
Как поется в стихире на Вечерне: «Наста преполовение дней, / от спасительного
начинаемых востания, / Пятидесятницею же Божественно печатаемое, / и све-
тится светлости обоюду имущее, и соединяющее обоя, / и приити славе предъяв-
ляющее, / Владычняго Вознесения предпочитает».
134.
Сказание действенных чинов. С. 66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Основа сакральной среды средневековой Москвы — тот пласт ее топографии, который сложился в результате развития жизни Церкви в пространстве. Это ее пространственная модель, осмысленная как достойная почитания и поклонения, освященная традицией, воспринимаемая как заслуживающая сохранения или воспроизведения. Сакральными могут стать любые точки и элементы урбанистического средневекового христианского организма, возникающие в ходе естественного или намеренного развития укреплений и торговых площадей, кварталов и усадеб, церквей и кладбищ.

2. Основной инструмент формирования сакральной топографии — церковная традиция. Это означает, что в церковной топографии Москвы символы и образы не заданы изначально и устойчиво, они изменялись в ходе развития исходных структур. При этом сугубо служебные элементы реальной церковной истории переосмысливаются как символические и воспроизводят. И напротив: намеренно введенная (часто заимствованная) символика недолго удерживает заданные значения и впоследствии не воспроизводится (она может воплотиться в богослужебной, архитектурной и градостроительной практике, но как исключение). В основном же традиция работает, вплетая сооружения и локусы в старую ткань и превращая их в узлы городской сакральной топографии.

3. Сакральное пространство Москвы образуют три главных функционально-топографических элемента: а) размещение престолов; б) погребальные комплексы и связанные с ними поминальные богослужения; в) процессионное литийное богослужение. Эти три элемента зиждятся на особом почитании чудотворящих святых, прежде всего мощей и икон. Их охватывает система городской иерархии и церковного управления. Именно к ним применяется «перенос святости» — усвоение символических деталей сакральной топографии общехристианских *иерополисов* (Святых городов) Иерусалима, Константинополя и Рима.

4. Сакральное пространство Москвы часто не столько исследуют, сколько придумывают, «моделируя» по существующим образцам. Приоритет при этом отдается фор-

мальному анализу композиции города или актуализации раннего «моделирования» пространств по образцу Константинополя и Рима; идее Москвы как столицы истинного православия. Схематизируя план города, церкви и монастыри объединяют в пространственные «кресты» или «звезды», произвольно присваивая им теологическую и иную семантику. Но только путем критики источников можно увидеть реальную «церковно-топографическую карту» Москвы в исторической перспективе, понять представления москвича XV-XVII вв. о сакральном пространстве, его окружавшем и им создаваемом.

5. Западная научная традиция долго старалась осмыслить становление христианской городской среды как целенаправленный, рационально спланированный и осуществленный проект, опираясь на примеры возводимых христианских городов (Константинополь) или перестраиваемых «языческих» центров (Рим, Милан, Аквилея, Афины, Аахен). Но полного соответствия умозрительной структуры реальной планировке города не достигается нигде. Проецирование этого метода на русский материал приводит к созданию иллюзорной конструкции и является методической ошибкой — по крайней мере, до начала строительства Петербурга.

6. Методически обоснованная реконструкция сакрального пространства может опираться только на точные сведения о развитии конкретно-исторических элементов. В христианском мире эти элементы сохраняются не во внешнем облике архитектуры, но в литургической организации внутреннего пространства, в трансформации строя церковных служб, во введении новых праздников, в динамике изменений посвящений престолов, в развитии системы приходских и частных храмов. Соответственно, исследование сакрального пространства базируется на изучении реальной церковной топографии, выверке фактов из истории отдельных престолов; системы служб и религиозных процессий; всех элементов церковной жизни и церковного управления.

7. С постройкой княжеской крепости над слиянием Москвы-реки и Неглимы (1156 г.) развитие пространства города определялось Кремлем. Керамическая страти-

графия показывает, что город возник только в XII в. и расширялся от Кремля, занимая плато к северо-востоку и осваивая ближайшие окрестности за Неглимной и Яузой, а затем — зоны, ограниченные стенами. Расположение первых церквей Кремля, будущего Китай-города и ближнего Занеглименья фиксируют остатки первых городских кладбищ второй половины XII — первой трети XIII вв. Традиционная для старой литературы реконструкция их состава по данным церковной топонимики мало надежна, так как сами топонимы появились поздно, на рубеже XV—XVI вв.

8. Планировочная структура Москвы складывалась с конца XV до конца XVI вв., но и раньше это искусственное градообразование во многом развивалось благодаря осознанным действиям князей, продуманным и часто новаторским, требовавшим огромных средств и усилий по организации больших масс строителей. В этом феномен Москвы сопоставим с традицией возведения городов *ex novo* (на пустом месте) по приказу правителя, известной Античности и средневековому Востоку. Развитие и урбанизация пространства шли резкими скачками — за одно столетие город получил четыре пояса стен и вырос по площади не менее чем в 20 раз. Но определялось это не идеологией, а потребностью населить и защитить город, своего рода «фортификационной лихорадкой».

9. В основе благочестивого храмоздания москвичей лежала потребность в чуде. Освящение престола становилось мольбой о его даровании, изъявлением благодарности за его свершение, сохранением памяти о нем и ожиданием повторных чудотворений. Мощи и чудотворные иконы стали узлами притяжения, вокруг которых и между которыми формировалось сакральное пространство — как реальное (выраженное в топографической структуре и маршруте литургических процессий), так и метафизическое, ментальное, духовное пространство, в котором происходило чудо.

Сакральное пространство создавалось собиранием святых и размещением их в городе. Изначально подчиненная прагматичным соображениям, «топография святости» обретала силу традиции и наружно оформлялась. Это невидимая сеть, накинута

тая на город, узлами которой служат места хранения чудотворных образов и мощей; места, где чудеса были явлены; места, на которых образа и мощи ранее помещались, были встречаемы или отпускаемы (провожаемы).

10. Церковная топография XIX — начала XX вв. показывает сакральное пространство посадов Москвы как рационально построенное. Храмы размещены по приходам довольно равномерно. Это заставляет предполагать строительство церквей общинами, то есть «приходское строительство» в рамках посадов.

Ранние же источники рисуют иную картину. В этот период число храмов в Москве можно оценить как избыточное. К началу XVI в. в текстах успели отразиться до 60 церковных престолов и 23 монастыря (подсчет М.В. Фехнер). К середине XVII в. их общее число возрастет на порядок (в основном за счет церквей приходских и частновладельческих) и приблизится, с учетом придельных церквей, к 600 (!), а без них — к 400. На известном плане А. Чайнова учтено 222 престола, не считая кремлевских; в Кремле же, судя по ладанным книгам, насчитывалось еще более 60 престолов («настоящих» и придельных — примерно пополам). Конечно, это не «сорок сороков» в буквальном понимании, но цифра значительная даже для такого большого города, каким была Москва в XVI—XVII вв.

Топография московских церквей и церковных участков в целом известна нам с середины XVII в. Еще более точный план, фиксирующий положение, сложившееся к рубежу XVII—XVIII вв., можно составить на основе Реестра 1723 г. Эта архаичная топография сохранялась до пожара Москвы 1812 г. После него многие храмы сгорели или были разобраны; другие лишились прихожан и как «малоприходные» к 1820-м гг. упразднены. В итоге общее число церквей в границах средневековой Москвы резко сократилось.

Раскрытие причин и стимулов умножения храмов в этот период, изучение механизмов нарастания их количества, а также оснований, поводов для выбора тех или иных посвящений престолов, приближает нас к пониманию существенных элементов сакрального пространства Москвы.

11. Сведения о церковной застройке Москвы XVI-XVII вв. демонстрируют непривычные нам, но характерные для Средневековья группы из двух-трех церквей на одном участке. Известно несколько версий таких «уплотнений». Систематически фиксируются «пары» храмов: каменный летний и при нем деревянный зимний. Они имели одно посвящение, один причт и один приход. Эта традиция угасла к середине XVII в., но роль теплых деревянных церквей (они часто гибли при пожарах) унаследовали распространившиеся невысокие и обширные теплые каменные трапезные.

На участке (и даже в одной постройке) могли помещаться церкви, принадлежавшие разным владельцам, которые предоставляли вклад на их постройку и средства на содержание, ругу (это особенно характерно для плотно населенного Китай-города). В случае размещения на участке и частновладельческого ружного домового храма, и приходской церкви возникали радикальные изменения композиции, так как требовалось сочетать в одном архитектурном организме обособленные храмы с разными принтами.

Третий путь сложения «многоцерковных» зон — деление старых участков при организации царского храмостроительства на земле приходских храмов. Новые церкви на участке всегда строили как ружные (частновладельческие или государственные), а прекращение руги часто приводило к упразднению престола. Частновладельческие храмы ставились на ближайшем церковном участке, поскольку вкладчик, живший в приходе, вероятно, имел право поставить храм на церковном участке именно своего прихода.

12. Один из главных (если не просто главный) вопросов, которым задается наука, изучая сакральную топографию города, — локация священных участков (церквей, монастырей, кладбищ, отдельно стоящих крестов и часовен), объяснение причин их появления в тех или иных местах. Тем паче это необходимо, когда наблюдаются группы таких объектов, собранные в определенных зонах. В Москве таких зон довольно много.

Анализ выявляет рационально объяснимые особенности выбора места для «мемориальных» храмов, возводимых *de ex voto*. Этот выбор зависел, прежде всего, от возможностей заказчика, строившего храм на «своей» территории. Их обилие на одном участке зависело от количества состоятельных прихожан. Раз возникнув, такие зоны уже традиционно привлекали внимание ктиторов и донаторов. Таким образом, на выбор участка для постройки храма влияла «топография собственности» их ктиторов.

Сооружение обетного царского храма могло стать частью программы, которая

связывала его с определенной территорией. Обетный царский храм обычно включали в уже сложившуюся сакральную топографию. Если его сооружение на данном участке было частью общей программы, его ставили рядом с другими объектами уже сложившегося сакрального центра. Выбор точек для «государственных» ружных храмов диктовало почитание определенных престолов и особое внимание к памяти святого, к празднику или памяtnому месту, характерное для текущего царствования, или уже сложившаяся традиция строительства обетных храмов в конкретной зоне.

13. Традиционные гипотезы размещения монастырей Москвы не поддерживают ни археология, ни письменные источники.

Долго господствовало мнение, что монастыри ставили в удаленных от мирской суеты местах. Но схема размещения показывает противоположное: монастыри Москвы изначально включены в живую основу города, внедрены в его нервные узлы, стоят вблизи больших дорог и людных перекрестков, на пересечении торговых путей, где кипит активная жизнь, где благоприятны условия для торга, денежных операций и приема на хранение товаров, где обильны даяния паломников.

Согласно «военно-стратегической» гипотезе, монастыри «расставляли» вокруг Москвы по определенному плану, как форты. Однако соображения обороны города на размещение городских обитателей существенно не влияли, что строго доказывается. Монастыри Москвы разнородны по происхождению (в их числе богаделенные, частные и др.) и возрасту, поэтому единой продуманной системы их как фортов существовать не могло. Система монастырей как оборонительных форпостов Москвы выстроена не в Средневековье, а в литературе XX в., хотя в нашем сознании облик монастыря неразрывно слит с образом крепости. Монастыри не столько охраняли город, сколько сами нуждались в охране. Оборона древнерусского города строилась на защите обвода его стен, а вне города использовались подвижные, временные полевые укрепления.

14. Абсолютное большинство монастырей XVI—XVII вв. (тем паче — более поздних) не рассчитаны на оборону. Фортификационная составляющая монастырской архитектуры в основном редуцирована, их ограда лишена важных признаков крепостей — рвов и выносных укреплений и ослаблена в важных точках: ложные машикули; круглые бойницы; легкие надстройки над башнями; церковь и колокольня над святыми воротами — элементы, не свойственные реальным крепостям.

Монастырские ограды лишь отчасти выполняли практические функции охраны имущества и укрытия внутренней жизни

братии, контроля за ней, престижа и демонстрации силы. Основная функция — воплотить *идею* ограждения праведности от грехов мира; идея небесной защиты, зримой стены, выделяющей священный участок, образ и подобие царства Божия, из окружающей жизни. Монастырская ограда обычно только *изображает* крепость: это ее трехмерная, но неполно функционирующая модель. Неслучайно массовое строительство каменных монастырских оград пришлось на конец XVII в., когда возможность их военного использования уже миновала.

15. Для понимания структуры сакрального пространства Москвы важной оказалась проблема переноса монастырей на новые места. В историографии сложились две взаимоисключающие точки зрения на степень подвижности монастырской топографии Москвы: одна утверждает изначальность присутствия обителей на «исторических» местах XVI—XVII вв., другая — довольно частую смену точек, постоянные «переводы» монастырей на новые места. «Теория неподвижности» предполагает обычно, что размещение монастырей в городе системно, если не на уровне изначального существовавшего плана, то по крайней мере на уровне осознания эволюционно складывающейся схемы и последующего стремления сохранить, дополнить и развить ее (как цельный архитектурный проект, систему празднования, военное единство и др.). Исторические аргументы есть для обеих точек зрения: ряд монастырей имеют «двойников» (Симоновы; кремлевский и крутицкий Спасские; Алексеевские в Остожье и Чертолье; возможно, Рождественские), но в большинстве случаев они остаются на тех местах, где основаны изначальное, или исчезают полностью.

16. Серьезная источниковедческая проблема сакральной топографии Москвы — выделение районов особо активного церковного строительства и образование групп церквей и монастырей одинакового посвящения с одинаковыми же топонимическими дефинициями, такими как «на Рву», «на Трубе», «на Песках», «на Глинищах» и др. Типичный случай, приведший к анализу всей системы, — хронологические неувязки в вопросе о соотношении позднего Рождественского монастыря за Пушечным двором на Рождественской улице (на Трубе) и его возможных «прототипов» в Кремле («на Трубе позади Николы Гостунского») или Китай-городе («на Рву»).

В источниках известны монастыри с одинаковыми посвящениями и топонимами природного происхождения («под Бором»), но стоящие на разных местах: например, Ивановский монастырь под Бором «за Москвой рекой» («за болотом») и Ивановский монастырь под Бором «на Кулишках». Это совпадение предположительно связы-

вали с переносом обители на новое место при сохранении старого названия. Но критический анализ источников и архитектурное исследование показали, что исторической преемственностью монастыри не связаны, основаны независимо друг от друга и в разное время. Речь может идти о контаминации названий при составлении сводов или о совпадении топографической ситуации, но не о том, что монастырь на новом месте удерживал свою прежнюю топонимическую идентификацию. Практики копирования топонима, имеющего природное происхождение, в московской сакральной топографии не было — напротив, при переносе прежний топоним опускался, и в названии подчеркивалась новизна обители, перенесенной на новое место.

17. Исследования показывают, что полное пренебрежение церковной традицией неоправданно: критическая проверка и натурные исследования уточняют или подтверждают ее представления об исторической топографии.

В то же время серьезные археологические и архитектурные исследования формируют независимую от письменных источников и устной традиции версию развития пространства. На первый взгляд близкие, они расходятся во многих существенных деталях. Хронологическая колонка Богоявленского за Торгом монастыря начинается с поселения конца XII—XIII вв.; следы первого кладбища восходят к XIII — началу XIV вв. и сохраняются до начала XV в., а первый каменный храм — к концу XIV — первой трети XV в. (традиционная датировка — рубеж 1330-х — 1340-х гг.). В Высоко-Петровском монастыре обнаруживается первый каменный храм 1510-х гг. и предшествующее кладбище не моложе XV столетия. В Андроникове остатки монастырского кладбища оказываются старше каменного собора (вторая половина XIV в.?). В Даниловом монастыре доказана вероятность его размещения на рубеже XIII—XIV вв. вдали от города; этапы его развития на местности установлены, включая территории кладбищ XIV—XVI вв., факт постройки на древнем месте в 1550-х гг. каменного собора и др.

Топографические привязки обретают при этом несомненность: ясно, что изученные монастыри стоят там, где были основаны.

Недостаточность натуральных исследований сохраняет в ранней истории монастырей (Сретенский, Рождественский) белые пятна и даже заставляют сомневаться в точности локализации монастыря (Георгиевский монастырь на Дмитровке) в раннемосковский период. Так, предполагалось, что Сретенский монастырь перенесен «на поле за посады» в 1530-х гг. в связи со строительством Китайгородской стены, хотя до этого находился на месте позднейшей Владимирской церкви в Китай-городе у Никольских

ворот, а еще раньше — в начале нынешней Никольской улицы. В этом случае сакральная топография города предстанет крайне подвижной и предельно подверженной воздействию не только событий церковной истории, но развитию укреплений и росту городской территории. Однако без серьезных полевых исследований проверить гипотезу нельзя.

18. Ни размещение, ни движение монастырей в Москве не подчинено строгой системе, тем паче — символично-литургической, политической, историко-мемориальной модели.

Появление первых монастырей, прибавление новых, исчезновение и возрождение — функция динамично развивающегося народа, духовных и социальных потребностей города. Их судьбы складывались в зависимости от разнообразных обстоятельств истории. Случаи перемещения, возобновления, «переименования» монастырей — скорее исключение, их место было устойчивым: перемены случались, но и только. Среди монастырей есть долгожители, стоящие на своем месте с XIV — начала XV в. (внутри города; за его стенами; на далеких окраинах). Другие обители приходили в упадок, полностью исчезали, и (далеко не всегда) восстанавливались на прежнем или на новом месте, иногда с определенной программой. Такие возобновления свойственны Позднему Средневековью с его стремлением подчеркнуть линию династии, обозначить связь с традицией, опираясь на акты, летописи и память (иногда ложную) о погребении исторических лиц. Посвящение соборного престола обычно сохраняли (это зависело от общей программы), а вот топографическая привязка или топоним менялся всегда соответственно новому урочищу. Реже монастыри переносили просто из-за больших строительных работ и смены статуса участка.

Связь монастыря с местностью и топонимом, посвящение его престолов и изменения в них глубоко историчны. Поэтому их закономерность становится ясна только при учете всей совокупности обстоятельств, из анализа множества сложных, противоречивых источников. Строительство обители не определялось пустынной местностью или намерением превратить монастырь в военный форпост (богатый монастырь мог иметь два двора, собственно-монастырский вне города и осадный двор (подворье) внутри стен, но иной связи с топографией городских укреплений не наблюдается). Развитие монастырей отчасти автономно по отношению к расширению города, но это не замкнутая в себе и только наложенная на городскую ткань структура. Оно определено развитием Церкви, города и двора. Крупные перемены в них могли изменить место той или иной обители. Но в основном

растущий город не «тянет» монастыри за собой, а как бы обходит, обтекает места уже существующих монастырей, включая в себя те, что были за городом. Важно, что новые «загородные» монастыри не выносятся далеко, а ставят в уже обжитых «монастырских зонах», так что образуются пары (Савин на Девичи поле и Новодевичь) или даже группы монастырей (два Симоновых; Крутицкая митрополия и Новоспасский).

Источники позволяют говорить о трех главных факторах, определявших размещение монастырей в Москве: символично-мемориальном; возможностями ктитора; удобством места (в том числе для выполнения социальных функций).

Места монастырей маркируют важные точки церковной памяти и приурочены к крупным событиям городской жизни: выигранным битвам, встречам и проходам святынь, реликвий и т.п. Другие монастыри привязаны к участкам земли вблизи дворов ктиторов, на средства которых составлены; благодаря этому монастырские локусы отражают историю землевладения, отмечают зоны княжеских и боярских дворов, садов и сел. Эта же связь отчасти определила помещение монастырей у дорог (особенно на их перекрестках), у городских ворот и рынков; бродов, мостов, перевозов и т.п. Но за таким выбором видятся и особые социальные функции: давать прибежище немощным; служить депозитарием ценностей и запасов натуральных продуктов; участвовать в торговле и ссужать деньги; привлекать паломников. Это позволяло иметь независимые от крупных донаторов средства, но требовало не уединения, а включенности в городскую жизнь и прочных связей с хозяйственной инфраструктурой.

19. Русь получила христианскую традицию размещения кладбищ в городской среде в развитом виде, когда «жизнь с мертвыми» в Западной Европе и Византии была в самом расцвете. В ранних центрах Древней Руси внесение кладбищ внутрь городов началось с постройкой городских соборов в конце X — первой половине XI в. Славяне Подмосковья в начале II тыс. н.э. еще хоронили умерших явно вне церковных участков: вблизи поселений, но за их чертой. К моменту постройки Московского Кремля вопрос о размещении кладбища у церкви внутри городских укреплений решался «автоматически». Полная победа прицерковного кладбища здесь происходит в XIII в., когда исчезают погребения в курганах. Их сменяют церковные некрополи, сохраняющие центральное место до самого конца XVIII в. Среди них есть ряд уникальных: кладбище Архангельского и Успенского соборов; цепь некрополей вдоль рва на будущей Красной площади.

20. С середины XVII в. власти уже видели неудобства содержания кладбищ у приход-

ских церквей в городе и пытались прекратить их использование. Более последовательный указ Петра I запретил захоронения в пределах линии Камер-Коллежского вала. Но кладбища у приходских церквей существовали в течение почти всего XVIII в., в середине которого было устроено первое в городе общее кладбище — Лазаревское, а к концу века — кладбища за городскими заставами, сохраняющиеся по сей день.

Таким образом, Москва отказала кладбищу в праве на центральное место, которое оно занимало в средневековом городе, утратив тем самым один из важных, коренных признаков христианской столицы.

21. Сакральный центр Москвы и всей страны — Кремль — характеризует устойчивый в своем триединстве образ, сочетающий кремлевские соборы: Успенский — общегосударственный кафедрал, Архангельский — пантеон правителей и Благовещенскую домовую церковь великих князей — хранилище собрания реликвий и казны.

Эта система образов сакрального пространства складывалась постепенно, по мере развития Москвы и всей Руси. Роль и место, внутренняя структура и внешний облик элементов этой образной системы менялись на протяжении XIV—XVII вв., являясь отражением исторического процесса.

22. Структурирование сакрального пространства Кремля уникально и определено топографией статусных некрополей. Его уникальная сакральная структура начала складываться в 1320-х — 1330-х гг. с отстройки в камне и освящения в честь праздника Успения Богородицы городского собора (сменившего княжескую церковь). Успенский собор на время стал единым некрополем святителей и князей. В Кремле его дополнял монастырь Преображения Господня, а вне города — единичные церкви (их посвящения неизвестны) и монастыри (Даниловский; Богоявленский; возможно, Высоко-Петровский). Появление в 1333 г. в Кремле нового собора во имя Архангела Михаила, где был погребен его создатель Иван Калита, не нарушило традиционности картины. Но после погребения в Архангельском соборе сыновей Калиты в церковном пространстве города начали выделяться святительская и княжеская зоны. Во второй половине XIV и в XV вв. эта дихотомия упрочилась. За Архангельским собором закрепились роль хранителя династической линии Калитичей и свидетельства ее прав на владение Московским и Великим княжеством, за Успенским собором — функции общегосударственной церковной кафедры.

К середине XIV в. в Кремле наметились три отдельных статусных некрополя: святительский, княжеский и княгинин. Единого места погребения для женщин дома Ивана Калиты до конца не сложилось: их хоронили в патрональных монастырях:

Спасо-Преображенском на Бору, Рождества Богородицы «на рве», Вознесенском монастыре великой княгини Евдокии/Евфросинии, а позже и в других.

23. Княжеский некрополь один — в Архангельском соборе. Собирая под свои своды всех мужских потомков сыновей Ивана Калиты и всех вообще мужчин «царского достоинства» (удельных князей и царей Московских, властителей покоренных земель), он обрел исключительно глубокую символику. Стремление Калитичей быть положенными в единой усыпальнице, а не в своих уделах и вотчинных монастырях отвечает центростремительной тенденции возвышения Москвы как центра Руси. В Архангельском соборе принадлежность к «земным правителям» поставлена выше семейных уз. Отделяя претендовавших на правление по праву рождения от всех остальных, он сакрализует статус правителя и развивает унаследованное от Византии (имплицитно — и от имперского Рима) восприятие власти как божественного феномена.

Гробы прародителей князей московского дома, Калиты и трех его сыновей, в Архангельском соборе — краеугольный камень легитимности их владельческих прав. Их значение отражено в традиционных актах крестоцелования и молений у «отчих гробов», в системе патрональных придельных престолов. Лежавшие в Архангельском соборе прародители стали свидетелями и свидетельствами родовой преемственности, доведенной до эпохи киевских и владимирских князей.

24. Некрополь Успенского собора, занимающего в сакральном пространстве Москвы традиционное для древнерусских кафедральных городов место, первоначально отвечал обычаю хоронить князей и святителей в одном храме. Но в дальнейшем он сложился в сугубо святительский, хотя изначально его положение при существующей кафедре митрополитов Киевских и всея Руси, Софийском соборе Киева и соборном храме Владимирского великого княжения, Успенском соборе Владимира, было недостаточно определенным. Погребение в соборе митрополита Петра, его почитание и последующее прославление сделало московский Успенский собор реликварием первого московского святого и первого прославленного по благословию константинопольского Патриарха предстоятеля Русской Церкви. Захоронение его преемника, митрополита Феогноста, «об едину стену с Петром чудотворцем» уже следует классическому со времен античного христианства образцу погребения *ad sanctos*.

Топография гробниц станет устойчивым элементом в традиции почитания святых в Успенском соборе: местоположение гробниц усопших святителей и князя Юрия Да-

ниловича будет сохранено относительно стран света и друг друга при всех перестройках собора, причем процесс переноса гробниц будет подробно описан летописью с акцентом на возвращение к традиционному месту каждой из них. Это классический пример устойчивого и намеренного воспроизведения пространственной структуры, осознанной как сакральная, что резко отличается от принципа возобновления некрополя Архангельского собора.

В 1395 г. в Успенский собор переносят палладиум Северо-Восточной Руси, чудотворную Владимирскую икону Божией Матери, и вскоре он становится главным храмом Великого Владимирского княжения: в 1432 г. князя впервые сажают «на великое княжение у Пречистые у Золотых дверей», а приговор Московского собора 1459 г. определяет Москву в качестве митрополичьей кафедры, впервые говоря о Русской Церкви как о Церкви именно «московской» и определяя ее Успенский храм как собор всей митрополии, хранилище мощей митрополита Петра и символический образ Русской Церкви. Новый шаг был сделан митрополитом Филиппом I, который в обстановке церковно-канонического кризиса 1440—1470-х гг. начал строительство новой кафедры по образцу «богознаменной» церкви XII в. во Владимире с целью создать независимую великорусскую линию канонической преемственности, поддержанную Иваном III.

25. В сакральном пространстве Москвы есть примеры уподобления храмов или части города общехристианским прообразам. Собор Покрова на Рву (чей замысел явно шире, чем *de voto* за Казанское взятие) представляют подобием и символом ветхозаветного храма Соломона, Горнего Иерусалима, Московского Кремля и Москвы, реального Иерусалима / храма Гроба Господня. Спрашивается: почему?

Иностранцы иногда называли собор «Иерусалимом»; они же упомянули о Иерусалимских (Фроловских) воротах, летописи сообщают о Лобном месте; Лобное место стоит за воротами города, как Голгофа в Иерусалиме; в храме на Рву существует придел Входа в Иерусалим; с обоими сооружениями тесно связан чин «шествия на осляти». В 1557—1558 гг. чин совершался *внутри* Кремля, но в 1560-е гг. — уже к собору Троицы (Покрова) на Рву. Шли теперь не по городу-Кремлю, а из Кремля к собору Троицы, символизировавшему город храмов над Святыми местами, Иерусалим. Собор намеренно декоративен, даже «изобразителен», но все же далек от прямого архитектурного цитирования — иерусалимские параллели возникают на уровне символических образов, обозначений храма, выделении его в общем пространстве города.

Лобное место возникло не ранее 1555 г. и в 1598/1599 гг. отстроено в камне. Кодифи-

кация его названия прилась на время создания «Святая Святых» Бориса Годунова — возможно, это часть его общего «иерусалимского проекта». «Ансамбль» иерусалимских топонимов на участке перед Фроловскими воротами не задуман как повторение Святых мест Иерусалима; их осмысление растянуто во времени и отчасти независимо, поскольку чин «шествия на осляти» и «Святая Святых» — суть разные «программы». Функция Лобного места выражена в основном в символическом наименовании.

В середине XVII в. к собору Троицы на Рву уже ходят обычным Крестным ходом к «празднику», к церкви Входа Господня в Иерусалим, а чин шествия на осляти совершается в Кремль, к Успенскому собору.

Для москвичей название храма «на Рву» Иерусалимом утратило связь с образом Святого града, но им стал Кремль с его главной святыней — Успенским собором, который с конца 1650-х гг. осмыслиют как цель «шествия на осляти» (со всеми возможными символическими параллелями).

26. Достоверно известно о замысле Бориса Годунова создать подобие иерусалимского храма Воскресения Господня на Ивановской площади в Кремле, то есть в городе. Его центральной реликвией («Святая Святых») должен был стать Гроб Господень в размер подлинного (т.е. в меру лавицы, на которую было возложено тело Спасителя). Строительство начали одновременно с Лобным местом, как и в реальности, вынесенным за город. Для Святой Святых были изготовлены литые из золота изображения Ангелов, Тела Спасителя, Пресвятой Богородицы, Архангелов, Двенадцати Апостолов, Иосифа Аримафейского и Никодима — довольно высокие круглые скульптуры (что напоминает сцены Положения во Гроб (Депозицию) и Посещения Святого Гроба (Визитацию) в европейском искусстве). Сам Святой гроб как особая реликвия соотносим с европейскими копиями эдикулы в сооружениях, построенных по образцу иерусалимского храма.

Замысел Годунова не имел корней в местной традиции и не был реализован — будь он осуществлен, новый храм мог стать центром городского богослужения. Поскольку этого не случилось, дальнейшее развитие событий лишь обогатило образ Успенского собора как сакрального центра Москвы и страны. В царствование Михаила Феодоровича здесь была создана «копия» вселенской реликвии. В Успенском соборе сохранялась мера святогробской реликвии, привезенная Трифоном Корабейниковым. Между 1611 и 1620/21 гг. в Успенском соборе появился Гроб Господень, созданный по этой мере. В 1624 г. над Гробом была создана сень. В 1625 г. ковчег с частицей привезенной из Персии Ризы Господней поставили на Гробе Господнем, сформировав

особое *loca sancta* киворий, осеняющий Гроб Господень в меру Живоносного Гроба, на котором лежит частица Ризы Господней. Этот ансамбль типологически сопоставим с европейскими Кувуклиями в виде каменных кивориев с саркофагом внутри. Риза Господня была поставлена в центр сакрального пространства не только Успенского собора, но всего нового царства, получившего тем самым знамение о Благоволении Божиим к Русской земле и ее новой династии.

27. Сведения о переустройстве церковной иерархии Москвы относятся к середине XVI в. (1551), когда Стоглавом были приняты решения об устройстве в городе семи соборов, то есть церковных округов во главе с поповскими старостами, которым подчинялись десятские. В качестве соборных были избраны недавно построенные каменные храмы, но их не удалось на практике зафиксировать как постоянные: центры округов смещались по мере выбора новых поповских старост.

Семисоборная система вводилась как связанная с сакральным пространством — символическим и реальным. Выбор цифры 7 лежал в русле подражательной прямолинейно-символической традиции и ставил Москву в ряд древних христианских столиц, обеспечивая также смысловую связь с числом Вселенских соборов христианской Церкви (решения которых признавали православные). Строго иерархический и символический характер новой системы подчеркивала ее завершенность общегородским храмом для общегородских собраний священства, посвященным новому празднику: памяти Святых Отцов Семи Вселенских Соборов — своего рода «собора всех соборов».

28. Первый в Москве храм в память Святых Отцов Семи Вселенских Соборов был освящен 18 мая 1561 года в только что возобновленном древнейшем монастыре Москвы, связанном с памятью прародителя московской династии — св. князя Даниила Московского: это укрепляло и прославляло корни московского великокняжеского дома. Идея соборного управления Церковью, основанного на духовном авторитете, восходила к основам православной догматики и делала церковную организацию города наследницей двух раннехристианских столиц — Рима и Константинополя.

Семисоборная система не имела в Москве корней и не удержалась, но она сохранилась в форме представлений о семихолмном городе. Наивный позитивизм краеведов XIX в. видел в «семихолмной Москве» отражение в сознании москвичей особенностей местности, хотя само понятие широко распространилось только благодаря его собственным трудам (следы в источниках слабые и поздние, конца XVII в.), что вызвало серьезную критику. Исторический

рельеф не дает оснований для представления о городе на семи холмах, также как его нет у Рима и Константинополя.

29. Семихолмность — важный атрибут «центра» мира. Он присвоен Москве в порядке наследования. Это почетная семихолмность, присущая великим столицам империй Средиземноморья как символ их величия, завершенности, святости. Не в последнюю очередь она апеллирует к формуле евангельского послания апостола Павла «к семи церквям Азии». Известен аналог копирования идеи семисоборного церковного устройства в конкретной строительной программе: крестив страну, «наихристианнейший болгарский царь» Борис «оградил всю подвластную ему Болгарию семью соборными храмами...». Определенное влияние средневековых нумерологических идей на представления о сакральном пространстве Москвы XVI—XVII вв. подтверждается документально именно в отношении числа 7. Семихолмность Москвы — не топографическая черта, а воображаемая.

30. Итак, эта книга приводит читателя к некоторым разочарованиям. Прежде всего, разрушается представление о средневековом городе как градостроительном образовании с определенной композицией, с задуманной системой доминант, видовых раскрытий и визуальных связей. Реальный средневековый город подчинялся иным закономерностям, нежели построенный с основания город трактатов теоретиков Возрождения и многих поколений их последователей. Здесь не было сконструированных историками искусства пространственных подобию сакральным ансамблям христианских столиц. В нем не было места алгебраизированной семантике. Его сакральное пространство значительно богаче и интереснее по процессам, лежащим в основе формирования и развития. Формообразующим механизмом здесь выступает церковная жизнь города во всех ее проявлениях. Сакральное пространство города формируют определенного рода исторические «случайности». Закономерность — в существующих традициях благочестия, которые объединяют в определенную систему спорадически возникающие локусы. Стихия городской жизни подчиняется определенным традициям, что и приводит к формированию в разных частях города схожих структур. За каждым из созданных в процессе существования города сакральных ансамблей стоит цепь конкретных разновременных исторических событий, приводящих к постепенному их сложению.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Porta aurea — 69

А

Аахен, г. — 15, 380

Адриана и Наталии, Св. мч., церк. — 127, 227

Аквилея, г. — 15

Акилы апостола, придел Архангельского собора — 103, 244

Алабушевское кладбище — 279

Алевизов ров — 107, 120, 125, 207, 209

Александра Невского, Св., что в Кремле на площади, церк. — 146

Александра Свирского, Св., придел — 107

Александрова слобода — 202

Алексеевская башня Белого города — 101, 369

Алексеевский / Зачатьевский мон. на Остоженке — 27, 28, 33, 35, 40, 51, 52, 70, 137, 179, 183, 184, 187, 189, 193, 204, 222, 226-229, 232, 234-236, 238-241, 243, 246, 248, 251, 254, 255, 257, 269, 270, 275, 276, 280, 282, 287-289, 290, 292, 383

Алексеевский мон. (в Чертолье, в Белом городе) — 33, 101, 119, 175, 183, 184, 193, 203, 205, 221, 234, 235, 241, 247, 252, 254, 278, 383

Алексеевский мон. (Алексия Человека Божия, церк.) за Чертольею — 33, 218, 241, 247, 248, 254

Алексеевский престол — 139, 174

Алексеевский собор в Алексеевском мон. — 175, 205

Алексеевское кладбище — 279

Алексия Митрополита Чудотворца, что на Глинищах, церк. — 73, 206, 221

Алексия, Человека Божия, престол в Даниловом мон.— 134, 139

Алешкино, селище, стоянка — 44, 50

Алешкинский 1, 2-й курганный могильник — 50

Алтуньевское кладбище — 279

Альт Любек, г. — 265

Анастасии Узорешительницы у Поль, церк. — 73

Англия — 19, 21, 72, 261, 272, 287

Андреевский мон. — 184, 195, 201

Андреевское селище — 44, 50

Андрея Критского на Васильевом лугу «на Кулишках», церк. — 73, 221

Андроника апостола, церк. — 120, 123, 125, 335

Андроников (Андрониев) мон., муж. — 44, 183, 190, 193, 198, 221, 247, 289, 363

Андроников мон., селище (городище) ■ — 44

Андрониковское кладбище мон., некрополь — 281, 289

Андроньева мон., селище-1 — 50

Антониев мон. — 373

Апостолейон, имперский мавзолей — 265

Апостолов Св. в Константинополе, церк. — 261

Аптекарьский сад (в Белом городе) — 155

Арбат — 76, 150, 154, 159, 161, 164, 166, 168, 176, 208, 218

Арбатские ворота Белого города — 76, 77, 157, 197, 208, 255, 366, 368, 370

Армянское кладбище (против Ваганьковского) — 278, 279

Арская башня — 107

Арское поле — 107

Архангельск, г. — 202

Архангельский собор в Рязани — 313

Архангельский собор Кремля — 103, 105, 111, 139, 171, 174, 221, 244, 245, 253, 295, 297-299, 300-302, 306-309, 311, 313, 314, 316-319, 320, 321, 323, 331, 347, 359, 369, 385, 386

Архангельский собор Кремля, некрополь — 271, 287, 298, 300, 306—308, 310, 311-319, 321, 384, 386

Афанасия и Кирилла, что «на рву» на крови (в Китай-городе), церк.— 107, 120

Афанасьевский мон. — 213

Афины, г. — 380

Б

Бабушкинское кладбище — 279, 289

Балахна, г. — 73

Барышиха, селище — 44

Белый город — 11, 46, 57, 58, 60, 65, 76, 77, 84, 88, 91, 101, 108, 115, 127, 128, 157, 161, 165, 167, 168, 170, 176, 177, 181, 183, 184, 189, 191, 194, 195, 197, 203, 207-210, 222, 225, 227, 232, 235, 243, 248, 249, 251-254, 272, 273, 285, 361, 364, 366, 369, 370, 375

Бескудниково — 377

Бирюлёво, 1, 2-й курганный могильник — 50

Бирюлёво, дачный поселок, курганный могильник — 50

Битца, река — 50

Благовещения Пресвятой Богородицы (Марона чудотворца), церк. — 163

Благовещения Пресвятой Богородицы «в Стрелецкой слободе в Васильеве приказе» (за Москвой-рекой), дер., церк. — 169

Благовещения Пресвятой Богородицы в Погосте, церк. — 167

Благовещения Пресвятой Богородицы за Тверскими вороты в Стрелецкой слободе, дер. (в Земленом городе), церк. — 157, 166, 169

Благовещения Пресвятой Богородицы на «Старом Ваганькове», церк. — 167, 216, 221, 241

Благовещения Пресвятой Богородицы на Воронцовом поле, церк. — 366

Благовещения Пресвятой Богородицы придел собора Чудова мон. — 115, 314, 346

Благовещенский пер. — 161

Благовещенский погост — 214, 215, 216, 253

Благовещенский собор — 103, 105, 111, 115, 118, 171, 221, 245, 309, 361, 369

Бобринев мон. (у Коломны) — 189

Богородицкий 1, 2, курганный могильник — 50

Богородское кладбище — 279

Богоявления, придел собора Покрова «на рву» — 335

Богоявления, церк., собор Богоявленского мон. — 227, 252, 275

Богоявленская ул. — 95, 208, 252

Богоявленский мон. за Торгом на Москве-реке (в Китай-городе), муж. — 55, 73, 183, 184, 189, 208-210, 221, 229, 230, 247, 249, 251, 269, 275, 279, 285, 386, 389

Богоявленское/Богоявленского «за Торгом» мон. Собора, кладбище — 55, 275, 279, 285

Болвановка (за Таганскими воротами) — 155, 221, 272, 273

Болгария — 360, 377, 387

Большая Мереженная Башня — 202

Большая ул. — 208, 251, 252

Большие больничные палаты — 202

Большое Голубино, курганный могильник — 50

Большой, г. — 339

Большой / Великий посад — 57, 60, 84, 105, 227, 252, 352

Бориса и Глеба в Занеглименье, церк. — 208

Бориса и Глеба на Арбате (у Арбатских ворот) «на рву», церк. — 73, 76, 208, 251
 Бориса и Глеба на Варварском Крестце за торгом, церк. — 208
 Бориса и Глеба, придел церк. Троицы в Полях — 81
 Бориса и Глеба, церк. домовая в Кремле — 118
 Бориса Приклонского двор — 127, 172
 Борисово, 1-й курганный могильник — 50
 Борисовское кладбище — 279
 Боров стан — 42
 Боровицкие ворота — 67, 155, 165, 366, 373
 Боровицкий мост — 366, 378
 Боровицкий холм — 42, 48, 299, 357, 358
 Братеево, 1-е селище — 50
 Братеево, 1, 2, 3, 4, 5-й курганный могильник — 50
 Брюсов пер. — 48
 Бусиновское кладбище — 279
 Бутовское кладбище — 279
 Быков стан — 42
 Бэтл, г. — 72

В

Вавель — 72
 Ваганьковское у Краснопресненской заставы кладбище — 278, 279
 Варварина горка — 377
 Варварская ул. / Варварка — 65, 91, 183, 191, 209, 213, 215, 225, 252
 Варварские ворота — 83, 84, 91, 210, 250, 369, 373
 Варвары Великомуш. (в Китай-городе), церк. — 213, 352
 Варлаама Хутынского, в «Ордынцах», церк. — 221
 Варрэм Перси, церк. Св. Мартина, некрополь (Англия) — 261
 Варсонофьевский мон. на Сретенке — 184, 210, 211, 252, 272, 283, 347
 Варсонофьевский пер. — 210
 Варшава, г. — 313, 329
 Василия Блаженного, собор —■ см. Покровский собор «на рву»
 Василия Кесарийского, что на Большой Тверской ул., церк. — 205
 Василия Кесарийского «на рву» (в Китай-городе), церк. — 120
 Василия Кесарийского, придел Благовещенского собора —• 103, 111
 Василия Кесарийского, придел собора Покрова «на рву» — 335
 Василия Святого на Могилцах, церк. — 73
 Васильевский луг — 55, 58, 73, 95, 97, 208, 209
 Васильцов стан — 42
 Введения Богородицы в Барашах (Ильи, что под Сосенками) (Земленой город), церк. — 73
 Введения Богородицы в Кирилло-Белозерском мон. — 202
 Введения Богородицы Златоверхая на Введенской ул. (Китай-город), церк. — 143, 146, 252, 383
 Введения Богородицы на Лубянке «в Псковичах», церк. ■— 142, 143, 156, 168, 197, 225, 227, 365, 371
 Введенская гора — 377
 Введенский мон., Новинский митрополичий — 366
 Введенское кладбище на берегу реки Яузы в Лефортове (в районе Немецкой слободы) — 278, 279
 Великая ул. — 171
 Великий луг — 57

Великокняжеский дворец, «терема» — 221
 Верхнее селище — 44
 Верхнекотловский курганный могильник — 50
 Верхоспаский мон. — 175
 Верхоспаский собор Московского Кремля — 146
 Верхотурье — 202
 Вестминстерское аббатство, Вестминстер — 23, 72
 Всеяковых двор (близ Богоявленского мон.) — 221
 Вешняковское кладбище — 279
 Византия / Византийская империя — 250, 261, 265, 269, 327, 347, 356, 357, 359, 375, 377, 384, 385
 Владимир, г. — 225, 227, 234, 298, 303, 324, 325, 327, 329, 346, 363, 369, 385, 386
 Владимира Св., в Старых Садах (в Белом городе), церк. — 102, 202, 210, 216, 221, 222, 223
 Владимирская дорога — 225, 227
 Владимирский собор Сретенского мон. — 227, 254
 Владимирской Богородицы в Китай-городе у Никольских (Сретенских) ворот, церк. — 225
 Владыкинское кладбище — 279
 Владычный у Серпухова мон. — 189
 Власия на Козьем Болоте, «на Козихе» (в Земленом городе), церк. — 73, 221
 Водоотводный канал — 219
 Воздвижения Креста Господня на Востром конце — 84, 171, 95, 97, 252
 Воздвиженская ул. / Воздвиженка — 44, 352
 Воздвиженский мон., муж., на «Острове» — 221
 Воздвиженского мон. на Арбате, собор, церк. — 73, 184, 218, 221, 373
 Вознесение Малое на Никитской ул., церк. — 167, 171, 254
 Вознесения в Коломенском, церк. — 114, 226, 228
 Вознесения Господня «на рву», церк. — 107, 208, 209, 210, 252
 Вознесенский мон. в Кремле, жен. — 107, 110, 118, 182, 193, 201, 210, 221, 255, 281, 295, 296, 311, 361, 362, 369, 385
 Вознесенского в Кремле мон., некрополь — 281
 Волковское кладбище — 279
 Вологда, г. — 202
 Волхонский курганный могильник — 50
 Воробьёво, село — 195
 Воробьёвская слобода — 155
 Воробьёвский курганный могильник — 50
 Воробьёвы горы — 42, 54, 181, 355, 377
 Воронцово / Воронцово поле — 73, 161, 195, 366, 375
 Воронцовский курганный могильник — 50
 Воротническая слобода — 161
 Ворчестер, г. — 72
 Воскресения Христова (Гроба Господня) в Иерусалиме, церк. — 330, 331, 334, 343, 345
 Воскресения Христова «на рву» (в Китай-городе), церк. — 252
 Воскресения Христова в «Киевцах», на «Грязи», на «Остоженке», церк. — 73, 221
 Воскресения Христова в Бронной слободе (Словущее) (в Земленом городе), церк. — 46
 Воскресения Христова Словущаго, придел Архангельского собора — 244
 Воскресения Христова, что на Варварском кресце, на левой стороне в Булгакове (в Китай-городе), церк. — 191, 213
 Воскресенский мон., муж., что на Высоком (в Белом городе) (позднее Савинское подворье) — 73, 77, 221
 Воскресенские ворота — 209
 Востряковское кладбище — 279, 289

Всемилоостивого Спаса «на рву», церк. — 107, 120
Всех Святых во Всехсвятском, церк. — 281
Всех Святых во Всехсвятском; кладбище церк. — 281
Всех Святых, что «на валу», что в Чертолье на «берегу», (в Белом городе), церк. — 73,101,208, 209, 221,251
Всех Святых, придел собора Покрова «на рву» — 335
Всех Святых, что на Кулишках (в Белом городе), церк. — 27, 73, 84, 90, 91,93, 167, 221,225
Всехсвятские ворота — 252
Всехсвятское село, кладбище — 227, 281
Всходня, река — 48
Входа Господня в Иерусалим в Кремле на Никольской, церк. — 334, 337, 340
Входа Господня в Иерусалим в Новгороде, церк. — 332, 337
Входа Господня в Иерусалим, придел Благовещенского собора — 103
Входа Господня в Иерусалим, придел собора Покрова «на рву» — 332, 334, 335, 340, 369, 386
Вшивая гора — 358
Выгон, селище — 44
Выдубицкий мон. в Киеве — 299
Высоко-Петровский мон. — 33, 73,183,184,188,189,191,193,197,199, 203, 204, 208, 216, 221, 227, 229, 247, 278, 285, 289, 383, 385
Высоко-Петровский мон., собор — 203, 216
Высокопетровского мон. некрополь — 278, 285
Высокоязский мост — 161
Вятское подворье — 127

Г

Гавриила Архангела в Кирилло-Белозерском мон., церк. — 202
Гавриила Архангела на Поганом (Чистом) пруде, церк. — 115, 221
Гавриила Архангела, придел церк. Спаса на Бору — 114, 245
Георгиевский мон. — 183,188, 205, 207, 210, 229, 283, 285, 289, 383
Георгиевского мон. кладбище — 283
Георгия Стратотерпца (Архангела Гавриила) в Коломенском, церк. — 13, 114, 116,171
Георгия Стратотерпца в Старых Лучниках, церк. — 62, 85
Георгия Стратотерпца в «Яндовах» (за Москвой-рекой), церк. — 73, 221
Георгия Стратотерпца на «Всполье», что за Никитскими воротами (в Земленном городе), церк. — 221
Георгия у Фроловских ворот, церк. — 208
Георгия, придел Благовещенского собора Московского Кремля — 111
Георгия, что на Красной Горке, церк. — 73, 221
Германия — 21
Глиницы (топоним) — 222
Гнезно, г. — 265
Голландия — 19
Головин Большой пер. — 165
Головинские пруды, селище — 50
Головинский дворец на Яузе — 277
Головинское кладбище — 279, 287
Голубино Большое, курганный могильник — 50
Голутвенский мон. у Коломны — 189
Голутвино — 252
Гольяновское кладбище — 279
Гончарная слобода — 161
Горетов стан — 42
Городенка, река — 50
Городище на Самотеке (топоним) — 50, 355
Гостиня гора — 356
Гостунь, река — 371
Гравороново, селище 1, — 50
Грановитая палата — 309
Гребневской иконы Богородицы (Успение на Бору), церк. — 62, 73, 155, 157, 159, 165,167,168,177,221
Григория Неокесарийского, что в Дербицах, церк. — 73
Гроссмюнстер, мон. — 72

Д

Давыдково, могильник — 44
Далматов мон. на реке Исеть в Зауралье — 201
Даниила Столпника церк. слободы, престол — 135,136, 137, 173, 174
Данилова мон. кладбище, некрополь — 279
Даниловка, река, ручей — 44, 72,136,173,191
Даниловская застава — 270, 276
Даниловская местность — 42, 73,132,191, 229
Даниловская слободка, слобода — 135,138,172
Даниловский (Данилов) мон., муж. — 130,131,134,135,138,139, 172—174,183, 184,187,190,191,195,203,205, 221, 229, 247, 248, 250,273, 275,278,289, 305, 351, 353, 355, 383, 385
Даниловское за Серпуховской заставой кладбище — 278, 281
Даниловское Мусульманское кладбище — 279
Даниловское, поселение, селище, село — 48, 55, 73,136
Деревлёвский 1, 2-й курганный могильники — 50
Димитрия Солунского в Дмитрове, церк. — 298
Димитрия Солунского, придел Успенского собора Московского Кремля — 297, 298
Димитрия Солунского, домовый храм гостей Филатьевых (в Китай-городе) — 83, 84
Димитрия Солунского, церк. в Кремле — 297, 305
Димитрия Солунского, придел храма Гребневской иконы Богородицы — 167, 168
Дмитров, г. — 73, 298, 324, 346, 347
Дмитровка (топоним) — 188, 229, 283
Долгопрудненское (Центральное) кладбище — 279
Долгопрудненское (Южное) кладбище — 279
Донского мон. некрополь — 279
Донское кладбище — 279
Донской мон. — 183,187,190,193,195,199, 201, 247, 249, 279
Дорогомиловское кладбище — 281
Драчевский мон. — 227, 252
Драчи (топоним) — 48
Дьяково, кладбище — 268, 281
Дьяково, село — 50,114,171, 252, 268, 281
Дьяково, селище, городище — 44, 50

Е

Евпловка, ул. — 155, 165
Еврейское кладбище — 278
Ермолая Священномученика на Козьем Болоте (в Земленном городе), церк. — 73, 221

З

Загородье — 60,108,111,119, 225
Загорье (Заборье), селение — 191
Замоскворечье — 57, 58, 65, 73, 76,155,157,161,165,169,183, 214, 217-219, 222, 223,225,251-254,273, 353
Занеглименье - 33, 57, 60, 65, 73,114,179, 207, 208, 225, 227, 285, 352, 381
Западная Европа — 250, 251, 264, 269, 271, 332, 384
Заречье — 65
Захарьинское кладбище — 279
Зачатия в Анны в Углу, на «Востром конци» (в Китай-городе), церк. — 97, 99, 100,119,221,352
Зачатия Иоанна Предтечи на Знаменке, церк. — 33
Зачатские ворота — 373
Зачатьевский (Алексеевский в Остожье) мон. (в Земленном городе) — см. Алексеевский / Зачатьевский на Остоженке, мон.
Зачатьевское (Алексеевское), кладбище мон. — 238, 256, 269, 270, 275, 276, 280, 282, 287, 288, 290-293

Заяузь — 57, 65, 73, 161
 Звенигород, г. — 189, 311, 324, 347
 Зеленоградское (Северное) или Рожки кладбище — 279
 Зеленоградское (Центральное) кладбище — 279
 Земленой город (Скородом) — 40, 58, 60, 65, 120, 149, 152, 157, 161, 165, 168-170, 176, 191, 195, 227, 232, 234, 235, 251, 272, 273, 285, 366, 372-374
 Земляной вал — 60, 161, 250, 251
 Златоустовский мон. муж., на «посаде», в «Садех» — 111, 127, 128, 183, 193, 208, 221
 Златоустовский пер. — 128
 Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами, церк. — 164, 169
 Знаменский мон. (в Китай-городе) — 183, 191, 194, 197, 213, 248
 Золотые ворота — 69
 Зюзинский 1, 2, 3, 5-й курганный могильник — ■ 50
 Зюзинский 4-й курганный могильник (Зюзинский 3-й) — 50
 Зюзинский 6-й курганный могильник (Зюзинские, Узковские) — 50
 Зюзинское селище — 50
 Зябликово, 2-й курганный могильник — 50

И

Иакова, брата Господня на Добрыне улице в Новгороде Великом, церк. — 373
 Ивановская горка — 84
 Ивановская площадь в Кремле — 372
 Ивановский мон. жен., что под Бором, в Старых Садех на «Кулишках» — 73, 86, 119, 167, 172, 183, 184, 188, 197, 202, 214-219, 221, 222, 223, 249, 250, 383
 Ивановское кладбище — 279
 Иерусалим, г. — 16, 19, 25, 36, 66, 203, 338, 340, 343-345, 348, 349, 352, 380, 386
 Иерусалимские ворота — см. Спасские ворота
 Измайловское кладбище — 279
 Или Пророка (Введения) в Барашах, церк. — 73, 366, 375
 Или Пророка в Ветошном ряду, церк. — 167, 210, 222, 366, 375
 Или Пророка на Воронцовом поле (в Земленом городе), церк. — 73, 210, 221, 222, 366
 Или Пророка на Новгородском подворье, церк. — 214, 216, 253
 Или Пророка Обыденного, за «Чертольскими вороты» (в Земленом городе), церк. — 221, 366, 369
 Илиинские ворота — 369
 Ильинская ул. — 65
 Ильинское село Малоярославского уезда — 214
 Иоакима и Анны «на рву», церк. — 107, 120
 Иоакима и Анны, церк. в Новодевичьем мон. — 114
 Иоанна Богослова, что под Вязом у городские стены, церк. — 73, 221, 222
 Иоанна Воина Св. Мученика (за Москвой-рекой), церк. — 163, 165
 Иоанна Златоуста в Златоустовском мон., церк. — 208
 Иоанна Златоуста в Рождественском мон., церк. — 212
 Иоанна Златоустаго строенье Михаила Ярофеева — 83
 Иоанна Лествичника «под колоколы», церк. — 115, 172, 221
 Иоанна Лествичника, придел в Архангельском соборе — 114, 308, 320, 321
 Иоанна Лествичника, придел церк. Чудова мон. — 110
 Иосифо-Волоколамский мон. — 198, 285, 287, 289, 339
 Ирины Мученицы, придел церк. Николы Чудотворца что в Китае в углу — 97
 Ирландия — 23
 Италия — 19, 21, 23, 287
 Йорк, г. — 23, 72

К

Кадашевский пер. — 219
 Казанской иконы Божией Матери при церк. Введения на Лубянке, придел — 143
 Казанской иконы Божией Матери, церк. при церк. Козьмы и Дамиана, верхняя — 83, 85-87, 92, 364, 371, 372, 383

Казанской иконы Божией Матери, собор на Красной площади — 60, 73, 140-149, 162, 175, 176, 253, 363, 364, 383
 Казань, г. — 103, 106, 107, 141, 142, 176
 Калашный пер. — 57
 Калитниковское кладбище на месте Убогих домов за Покровским мон. — 276, 279
 Калуга, г. — 189, 285
 Калужская Большая ул. — 195
 Калужские ворота — 161, 162, 272
 Каменной город — 197
 Каменный мост — 73, 366, 369
 Камер-Коллежский вал и ров — 60, 172, 277, 278, 385
 Капотня, городище — 44
 Кампо Санто в Пизе, кладбище — 266, 267
 Капитолий — 358
 Капотня, селище 1 — 50
 Капотнинское кладбище — 279
 Караимское кладбище — 278
 Качаловское кладбище — 279
 Киев — 234, 299, 323, 324, 327-329, 385
 Киприана и Иустины, северный придел Собора Покрова «на рву» 334
 Кира и Иоанна на Кулишках на мостовой ул., церк. — 73, 91 — 93, 107, 221
 Кирилло-Белозерский мон. — 184, 187, 198, 199, 201, 202, 285, 289, 320
 Кириллов мон. — 201, 333
 Кисловский Нижний пер. — 57
 Китай-город — 11, 55, 57, 60, 62, 65, 73, 81—84, 91, 94, 95, 97, 99, 105-107, 120, 123, 142, 143, 146, 155, 157, 165, 168, 179, 183, 189, 197, 207-209, 210, 222, 225, 227, 247, 251, 252, 273, 332, 334, 337-339, 352, 357, 366, 369, 373, 375, 381-383
 Китай-городский ров — 60
 Кладбище в Марьиной роще — *Т17*.
 Кладбище в Немецкой слободе на Яузе — 272
 Кладбище на Болвановке за Таганскими воротами — *2/II*.
 Кладбище на Шаболовке — 272
 Климента Папы Римского в «Ордынцах» в Замоскворечье, церк. — 197, 221
 Климента Папы Римского, у Варварских ворот (в Китай-городе), церк. — 82, 83, 84
 Климента Папы Римского, что за Петровскими воротами в Стрелецкой слободе (в Земленом городе), церк. — 169, 175
 Климентовский пер. — 155
 Клинско-Дмитриевская гряда — 36
 Княгинин мон. во Владимире — 303, 346
 Когчин двор (близ церк. Бориса и Глеба (Максима Исповедника)) — 221
 Кожевнная слобода — 191
 Козьмы и Дамиана «на ржицах», церк. — 57, 81, 221
 Козьмы и Дамиана мон., церк., в «Заяузь», на «вражках» — 73, 221
 Козьмы и Дамиана, что в Панех, церк. — 83, 84
 Козьмы и Дамиана, что на Покровке, церк. — 84—87, 92, 102, 170
 Козьмы и Демьяна на Востром конце, церк. — 84, 95, 97
 Козья слобода патриаршая — • 46
 Кокчин (Кочкин) двор — 208
 Колокольников пер. — 165
 Коломенское 1-е селище — 50
 Коломенское 2-е, на Голосовом овраге, селище — 50
 Коломенское подворье — 127
 Коломенское, село — 13, 42, 48, 112, 114, 116, 126, 147, 171, 174, 176, 191, 226, 228
 Коломенское, селище — 44
 Коломна, г. — 189, 314
 Компанейский вал — 60
 Константинополь, г. — 9, 15, 19, 22, 25, 184, 265, 357—360, 377, 380, 385, 387
 Коньково, 1-е селище — 50
 Коньково, 5-й курганный могильник — 50
 Коньковский 1, 2-й курганный могильник — ■ 50
 Коньковский 3, 4-й курганный могильник (Коньковский 1-й, 2-й Купринские) — 50
 Коньковское 2-е селище — 50
 Копотенский стан — 42

Коринф, г. — 261
 Коровьин стан — 42
 Косино — 252
 Косинский 1-й курганный могильник (у Святого озера) — 50
 Косинский 2-й курганный могильник (к югу от Косина) — 50
 Косинский 3-й курганный могильник (близ д. Жулебино) — 50
 Котельная слобода — 161
 Котельнический мыс — 42
 Котловка, река — 50
 Котлы, село — 191
 Котляково, 1, 2-й курганный могильник — 50
 Котляковское кладбище — 279, 289
 Краков, г. — 72, 265
 Красная горка — 358
 Красная площадь — 10, 65, 72, 122, 140, 141, 143-146, 149, 209, 210, 331, 339, 356, 361, 366, 384
 Красногорское или Павшинское кладбище — 279
 Красное село — 191, 205
 Красное, курганный могильник — 50
 Краснолужское селище — 50
 Краснопресненская застава — 278
 Кремлевский (Боровицкий) холм — 358
 Кремлевский дворец — 110, 205, 309, 320
 Кремлевский ров — 60
 Кремль — 11, 14, 15, 33, 48, 55—58, 60, 65, 67-69, 73, 102, 103, 105, 107, 110, 111, 114, 115, 118, 119, 122, 143, 146, 149, 155, 157, 160, 170, 179, 182, 187-189, 197, 201, 203, 205, 207-211, 213, 222, 225, 227, 229, 234, 240, 244, 245, 247, 251-253, 269, 271-273, 277, 278, 281, 284, 295-298, 301-304, 306, 309, 313, 314, 321, 324-329, 331, 333-335, 337-341, 343, 346, 347, 352, 353, 357, 359, 361, 362, 369, 375, 377, 380, 381, 383-386
 Кремль, кладбище — 55
 Кремль, курган — 50
 Крестовоздвиженский мон. что на Острове — 73
 Крестовоздвиженский убогий дом — 278
 Крутицкий мон. (с церк. Успения богородицы) на Крутицах — 187, 189, 221, 222, 229
 Крутицкое подворье — 54, 204, 244, 247, 249, 384
 Крутицы — 42, 187, 205, 247, 251
 Крылатский курганный могильник — 50
 Крымский брод — 40, 234
 Кудринская площадь — 161
 Кузнецкий мост, ул. — 142, 161, 225, 364
 Кузьминское кладбище — 279, 289
 Кулишки — 55, 73, 84, 91, 106, 108, 171, 209, 214, 217, 219, 222, 223, 250, 252, 383
 Кунцево — 50
 Кунцевский ландшафт — 38
 Кунцевское 1-е селище — 50
 Кунцевское городище — 44
 Кунцевское кладбище — 279, 289
 Кучково поле, Кучково — 55, 60, 208, 225, 227, 252

Л

Лазаревское кладбище — 278, 287
 Леоновское кладбище — 279
 Лианозовское кладбище — 279
 Леонтия Ростовского, на «вражке», на «Успенском вражке», церк. — 76, 221
 Линденхоф, гора — 72
 Лобная гора — 120
 Лобное место - 10, 295, 333, 335, 337-341, 343, 348, 361, 362, 364, 366, 368-370, 386
 Лондон, г. — 21, 23, 25, 31, 72, 217
 Лосинный острв, 1-е селище — 50
 Лосинный остров, 1, 2-й курганный могильник — 50

Лубянка Большая, ул. — 225
 Лубянка, ул. — 142, 143, 155, 165, 167, 225, 227, 357, 364, 365, 371
 Лубянская площадь — 155
 Лужецкий у Можайска мон. — 189
 Лыщикова гора — 356
 Лыщиково городище (топоним) — 50
 Люблинское кладбище — 279

М

Макария Желтоводского, церк. — 101
 Макарьевский Желтоводский мон. — 199, 201
 Малая Дмитровка, ул. — 161
 Малое Голубино, 1, 2-й курганный могильник — 50
 Мамоново городище — 44
 Манатин стан — 42
 Манеж — 55
 Марии Египетской, церк. придел — 118, 120, 123, 125, 227, 254, 335
 Марьяна роща (Божедомка) — 272, 278
 Матвеевский 2-й курганный могильник (1-й Матвеевский) — 50
 Матвеевский 3-й курганный могильник (1-й Раменский) — 50
 Матвеевский 3-й курганный могильник (Матвеевский 2-й; Раменский 1-й) — 50
 Матвеевский 4-й курганный могильник — 50
 Матвеевское 1, 2-е селище — 50
 Матвеевское, село — 185
 Матвеевское городище (селище ?) — 44
 Медведковское кладбище — 279
 Мещерская низменность — 36
 Мещерский ландшафт — 38
 Миккульнице (Чехия), церковь «Ш», захоронения — 265
 Милан, г. — 15, 25, 378
 Митинский 1-й курганный могильник («Великая могила») — 50
 Митинское 1-е селище — 50
 Митинское кладбище — 279, 289
 Миусское за Камер-Коллежским валом кладбище — 278, 279
 Михаила Архангела в Городце, церк. — 299
 Михаила Архангела в Нижнем Новгороде, собор — 299
 Михаила Архангела в Переславе, собор — 299
 Михаила Архангела в Ростове Великом, церк. — 299
 Михаила Архангела в Юрьеве-Польском, мон. ■ — 299
 Михаила Архангела во Владимире, церк. — 299
 Михаила Архангела Златоверхого мон., собор — 299
 Михаила Архангела, что в Конюшенной Овчинной слободе, церк. — 353
 Михаила Малеева (в Белом городе), церк. — 110, 247
 Михайловский Златоверхий мон. — 186
 Могильцы (курганный могильник (?)) на Остожье (топоним) — 50
 Могильцы (курганный могильник (?)) на Тверской (топоним) — 50
 Могильцы (топоним) — 48
 Можайск, г. — 189, 197
 Молоцкой стан — 42
 Москва-река — 36, 42, 44, 48, 55, 60, 72, 73, 84, 157, 161, 171, 173, 183, 190, 191, 203, 207, 208, 209, 214, 218, 219, 222, 227, 234, 251, 252, 254, 257, 269, 352, 355, 356, 369, 373, 377, 383
 Москворецкая ул. — 332
 Москворецко-Грайворонский — 38, 48
 Москворецко-Капотненский — 38, 48
 Москворецко-Окская эрозионная долина — 36
 Москворецко-Сходненский ландшафт — 38, 48
 Москворечье — 42, 44, 48
 Мстиславский двор — 213, 253, 369
 Мякинино 1, 2, 3-е селище — 44
 Мякининское селище и могильник — 48, 50
 Мясницкая ул. — 119, 127, 128, 165, 167, 172, 210
 Мясной пер. — 165

Н

Нагатинский курганный могильник — 50
 Невинных в Париже, кладбище — 267
 Неглименские ворота — 146
 Неглинка (Неглинная, Неглимна), река — 44, 48, 55, 58, 73, 97, 152, 155, 161, 165, 169, 197, 202, 207, 208, 209, 211, 213, 225, 227, 234, 235, 251, 252, 285, 352, 355, 377
 Некрополь Успенского собора Московского Кремля — 385
 Немецкая слобода на Яузе — 272, 278
 Нескучный сад, курганный могильник — 50
 Нескучный сад, селище — 50
 Нижнее селище — 44
 Нижне-Котловское городище — 44
 Никитская ул. — 352, 373
 Никитские ворота — 46, 147
 Никитский мон. — 183, 184, 197
 Никиты Мученика Христова, на Никитской ул., церк. — 352
 Никиты Мученика за Яузой на Горе («Вшивой горке»), церк. — 73, 221, 373
 Николо-Архангельское кладбище — 279, 289
 Николо-Греческий мон. — 183
 Николо-Перерва, селище — 44
 Николо-Угрешский мон. — 174, 190, 199, 203, 352
 Николы Великорецкого, придел Собора Покрова «на рву», церк. — 334, 367, 368, 371, 372
 Николы Чудотворца «Красный звон», в Посольской улице у мосту, церк. — 216
 Николы Чудотворца «что на Песках», в «Берсеневке» в Николопесковском пер., церк. — 73, 169, 221
 Николы Чудотворца в Воробине на Гостине Горе, церк. — 73, 164, 221
 Николы Чудотворца в Драчах (Грачах), церк., быв храм Николо-Драчевского мон. на «Старом городище» (в Земленом городе) — 73, 152, 154, 160, 168, 169, 221, 227, 252
 Николы Чудотворца в Пыжах, церк. — 166, 169
 Николы Чудотворца в Столпах, церк. — 85
 Николы Чудотворца в Стрелецкой слободе «что против Боровицкого мосту» («Николы у Боровицкой решетки»), церк. — 155, 165, 378
 Николы Чудотворца Гостунского, церк. — 204, 213, 253, 364, 369, 371, 383
 Николы Чудотворца Дербинского (в «Дербенском») в Уланском пер. на «Ольховце» (в Земленом городе), церк. — 73, 221
 Николы Чудотворца на Болвановье, «Болвановке», церк. — 73, 221, 272
 Николы Чудотворца на Болоте, церк. — 73
 Николы Чудотворца на Хлынове (в Белом городе), церк. — 76.
 Николы Чудотворца Подкопаева, что на Кулишках (в Белом городе), церк. — 73
 Николы Чудотворца Явленного у водяных ворот «возле вала», церк. — 166, 169, 208, 252
 Николы Чудотворца, в «Киевце», в «Киевцах» у Москвы-реки на берегу (в Земленом городе), церк. — 221
 Николы Чудотворца, что в Гнезниках (в Белом городе), церк. — 77, 205
 Николы Чудотворца, что в Китае «в углу», с приделом Ирины Мученицы позади Зачатия (в Китай-городе), церк. — 97
 Николы Чудотворца, что в Стрелецкой слободе в Абрамове приказе Лопухина (в Земленом городе), церк. — 169
 Николы Чудотворца, что слывет Мокрого в Зачатской ул., церк. — 100, 208, 252, 360
 Никольская трапезная церк. — 227, 254
 Никольская ул. — 65, 146, 155, 183, 249, 252, 334, 337, 384
 Никольские (Стретенские) ворота — 67, 120, 122, 125, 146, 155, 159, 165, 207, 208, 213, 225, 227, 366, 369, 383
 Никольский 1, 2-й курганный могильник — 50
 Никольский Старый мон. (в Китай-городе) — 55
 Никольский-Химкинский курганный могильник — 50
 Никольское селище — 44
 Никулинский 1, 2, 3-й курганный могильник — 50
 Никулинский курганный могильник — 50
 Новгород Великий — 9, 11, 23, 58, 73, 103, 167, 189, 203, 250, 251, 325, 332, 334, 351, 355, 373-375, 377, 379
 Новинский бульвар — 161
 Новинский мон. — 150, 184, 197, 366

Новодевичий мон. — 102, 114, 137, 142, 174, 181-183, 187, 190, 197-199, 201, 229, 247, 249, 251, 278, 279, 281, 289, 366, 367, 371, 384
 Новодевичьего мон. некрополь — 279, 281, 289
 Новоспасский мон. на Крутицах — 183, 187, 195, 197, 201, 205, 229, 244, 245, 247, 250, 268, 278, 384
 Новоспасского мон. некрополь — 278

О

Обыденское городище (топоним) — 50, 232, 234
 Овчинниковская набережная — 219
 Ока, река — 60
 Олд Сарум, г. — 21
 Опричный дворец за рекой Неглинной — 202, 207
 Орда — 297, 303, 324, 364
 Ордынка Большая, ул. — 161, 219
 Орехово, 1, 3, 7 и 8-й курганный могильник — 50
 Орехово, 2-е селище — 50
 Орехово, 2-й курганный могильник (Дубки) — 50
 Орехово, 4-й курганный могильник (Царицыно-7) . — 50
 Орехово, 5-й курганный могильник (Царицыно-6) — 50
 Орехово, 6-й курганный могильник (Царицыно-4) — 50
 Орехово, селище 3 (Язвенка-3) — 50
 Орехово, селище 4 (Язвенка-4) — 50
 Орехово, селище 5 (Язвенка-5) — 50
 Орехово, селище 6 (Язвенка-6) — 50
 Орехово-Борисово — 377
 Ореховское кладбище — 279
 Орловское кладбище — 279
 Останкино, курганный могильник — 50
 Останкинское кладбище — 279
 Остоженская (Остоженка) ул. — 40, 48, 161, 189, 229, 232, 234, 240, 241, 243, 247, 248, 287
 Остожье — 48, 229, 234, 248
 Отцов Семи Вселенских соборов, собор в Даниловском мон. — 131, 135, 137, 174, 353-355, 387
 Охрид — 360
 Очаковка, река — 50
 Очаковский 1, 2-й курганный могильник — 50
 Очаковский 3, 4, 5-й курганный могильник — 50
 Очаковский курганный могильник — 50

П

Палатин — 359
 Палестина — 327, 348, 349
 Параскевы Пятницы на Кулишках (в Белом городе), церк. — 73, 91—93, 107, 170, 221
 Параскевы Пятницы Ржевской, что в Чертолье (в Белом городе), церк. — 364, 365, 371
 Параскевы Пятницы у «на рву», церк. — 120, 253
 Параскевы Пятницы у Старых Полях, в «Полях», церк. — 73, 221
 Париж, г. — 23, 267, 289
 Пафнютьев Боровский у Калуги мон. — 189, 198, 201, 211, 254
 Пахра, река — 60, 73
 Пенягино городище (селище -?) — 44
 Пенягинский 1-й курганный могильник, курган — 50
 Перепечинское кладбище — 279, 289
 Переславль Рязанский (Рязань), г. — 313
 Переяслав Южный, г. — 21, 299
 Переяславль Залесский, г. — 73, 347
 Перловское кладбище — 279
 Перовское кладбище — 279, 289

Петербург, г. — 60, 380
Петра и Павла, «что в Стрелецкой слободе в Иванове приказе Полтева», на Пятницкой, церк. — 169, 221
Петра и Павла, что у Старых Конюшен на Кулишках у Яузских ворот на горе (в Белом городе), церк. — 73
Петров мост — 227
Петровка, ул. — 188, 251, 285, 289
Петровские ворота — 164, 169, 272, 370
Петровский мон. муж., на Высоком (Высоко-Петровский) — 33, 73, 221, 285, 289
Пехорка (Косинские озера), река — 50
Пехорской стан — 42
Печатников пер. — 165
Пиза, г. — 72, 266, 267
Пименовский пер. — 161
Плиск — 360
Подмосковье — 31, 55, 73, 203, 269, 271, 289, 384
Познань, г. — 265
Поклонения веригам Св. Апостола Петра, придел Успенского собора — 309, 323
Поклонения веригам Св. Апостола Петра, церк. — 171, 210, 216
Покрова Пресвятой Богородицы в Левшине, церк. — 154
Покрова Пресвятой Богородицы в Лыщиках, что в Садах за Яузою (в Земленном городе), церк. — 57, 73, 221, 222
Покрова Пресвятой Богородицы в Покровском-Рубцове, церк. — 119
Покрова Пресвятой Богородицы «на рву», церк., собор — 10, 72, 73, 106, 107, 120, 122-125, 213, 245, 253, 295, 331-336, 337-341, 351, 357, 363, 364, 367, 372, 378, 383, 386, 390
Покрова Пресвятой Богородицы, что в Воронцове (что на Воронцовом поле) в Стрелецкой слободе (в Земленном городе), церк. — 73, 169
Покрова Пресвятой Богородицы, на «Ольховце», в «Красном селе», церк. — 221
Покрова Пресвятой Богородицы, придел Архангельского собора — 103, 105, 171, 314
Покрова Пресвятой Богородицы, придел собора Всех Святых Данилова мон. — 131, 134, 137, 139, 173, 174, 175
Покрова Пресвятой Богородицы, что в «Кудрине», церк. — 221
Покрова Пресвятой Богородицы, что на Покровке у решетки (в Белом городе), церк. — 168
Покровка, ул. — 84, 85, 86, 87, 107, 108, 128, 155, 161, 165, 168, 170, 210, 216, 252, 285
Покровская Большая, ул. — 87
Покровская на Площадке, церк., собор — 352
Покровские ворота — 86
Покровский мон. в Суздале — 107
Покровский мон. за Таганскими воротами — 272
Покровский мон. на Покровке (на Коровьей Площадке) — 168, 183, 184, 188, 190, 201
Покровский мон. на Убогих домех — 273, 278
Покровское, 1-й курганный могильник — 50
Покровское, 2-й курганный могильник — 50
Покровское-Рубцово — 119, 172
Покровское кладбище — 279
Положения Риз Богоматери во Влахерне, церк. — 103
Положения Риз Богоматери, придел собора Покрова «на рву» — 335
Полоцк, г. — 103, 105
Посад в Зарядье — 50, 96, 99, 100, 191, 360
Посад за рекой Неглинной — 5
Посад, примыкавший с востока к Кремлю — 50
Поселение (?) и кладбище в районе Старопанского переулка (ц. церк. Козьмы и Дамиана) — 50
Поселение в районе Богоявленского мон. с церк. — 50
Поселение в районе Ипатьевского пер. — 50
Поселение на Волхонке — 50
Поселение на городище Капотня — 50
Поселение на Дьяковом городище — 50
Поселение на Кунцевском городище — 50
Поселение на Спас-Тушинском 1-м городище — 50
Поселение на ул. Ильинская — 50
Похвалы Богородицы у водяных ворот в Чертолье, церк. — 252
Похвалы Богородицы, придел церк. Косьмы и Дамиана в Китай-городе — 83, 170
Почернев стан — 42

Прага, г. — 265
Преображенское кладбище — 278, 279
Преподобного Варлаама Хутынского «на Борисовском дворе Приклонского», церк. — 127
Пресненские пруды — 54
Пречистенка, ул. — 161, 252
Пречистенские ворота — 366
Пречистой Богородицы, что на Могилицах, церк. — 73
Пречистыя Богородицы иконы Ржевская, что на Москве, в Белом городе, у Пречистенских ворот, церк. — 365, 366, 371, 378
Пронхождения древ Честнаго креста Господня (Спаса Смоленского), церк. — 107
Псков, г. — 9, 11, 23, 73, 91, 179, 185, 351, 355, 356, 373-375, 379
Псково-Печерский мон. — 199, 201, 203
Псковская гора — 100, 191, 358
Псковское подворье — 100, 127
Пушечная изба — 207, 211, 227, 253
Пушечно-литейный двор (в Белом городе) — 207, 211, 227, 252, 383
Пушкарев пер. — 165
Пятницкая ул. — 169, 214, 218, 219
Пятницкое за Крестовской заставой кладбище — 278, 279

Р

Раевское кладбище — 279
Ракитки кладбище — 279
Раменковский 1-й курганный могильник (Матвеевский 3-й) — 50
Раменковский 2-й курганный могильник (Раменковский 3-й) — 50
Раменковское 1-е селище — 50
Раскопки Зачатьевского мон. — 28, 29, 34, 35, 51, 53, 70, 254, 280, 282, 288, 290-293
Ратуев стан — 42
Рачка, река — 197
Ржавки или Никольское кладбище — 279
Ржев, г. — 73, 364—366
Ризоположенские ворота — 67
Рим, г. — 15, 18, 19, 25, 31, 36, 258, 260, 261, 289, 351, 355-359, 377, 380, 385, 387
Римская империя — 69, 260, 261
Римские катакомбы — 258
Рогожское кладбище — 278, 279
Рождества Богородицы мон. на Голутвине — 252
Рождества Богородицы «на рву» мон. — 73, 207, 208, 210, 211, 213, 253, 311, 383, 385
Рождества Богородицы «на рву» в Китай-городе, церк. — 107, 120, 355, 385
Рождества Богородицы в Кремле «позади Николы Гостунского» на Трубе, церк. — 207, 213, 253, 383
Рождества Богородицы в Кудрине, церк. — 168
Рождества Богородицы за Арбатом, церк. — 169
Рождества Богородицы за Пушечными избами в Девиче мон., церк. — 211
Рождества Богородицы на Сенях, церк. — 118, 309, 361
Рождества Богородицы на «Старом Симонове», церк. — 221
Рождества Богородицы, что на Кулишках, на «Стрелке», церк. — 73, 104, 216, 221
Рождества Иоанна Предтечи на Бору, церк. — 33, 55, 73
Рождества Христова «на рву» (в Китай-городе), церк. — 107, 120, 252
Рождества Христова в Измайлове, церк., некрополь — 281
Рождества Христова в Кудрине, церк. — 154
Рождества Христова под колоколами, церк. — 364, 369, 372
Рождества Христова, что на Москве, за Белым городом, за Смоленскими воротами, церк. — 168
Рождественка, ул. — 207, 210, 227, 252
Рождественский (Рождества Богородицы) мон. на Рождественской (в Белом городе) — 183, 188, 189, 197, 199, 203, 204, 207, 210-213, 221, 227, 229, 252, 253, 357, 385, 386
Рождественское кладбище — 279
Романов двор — 55
Ростов Великий, г. — 174, 182, 187, 199, 299, 326, 327

Ростовский кремль — 182,187,199
 Рублевское кладбище — 279
 Рудневский курганный могильник — 50
 Рязанское княжество — 313

С

Сабуровский курганный могильник — 50
 Савино-Сторожевский у Звенигорода мон. — 174,184, 189,199, 205
 Савин на Девичи поле — 249, 255, 366, 367
 Савинское подворье — 206
 Садовое кольцо — 155, 250
 Самотека — 357
 Святого Феодосия на Лубянке в Белом городе у Стрелецкой слободы, что у Пречистой Богородицы Гребневской, церк. — 165, 167
 Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, церк. — 131,135,137,174, 354, 387
 Северная Двина — 73
 Селище на устье реки Яузы — 50
 Семьчинское село — 234
 Сен-Дени, аббатство, склепы королей — 267
 Сент Альбане, г. — 72
 Сент-Мерис-Таннер-Стрит в Вестминстере — 72
 Сергиевский Большой пер. — 165
 Сергиевский пер. — 165
 Сергия в Крапивниках на Петровке, церк., кладбище — 289
 Сергия на Дмитровке, церк. — 205
 Сергия Радонежского «на рву», церк. — 107,120
 Сергия Радонежского в Кирилло-Белозерском мон., церк. — 202
 Сергия Радонежского в Старых Серебряниках, церк. — 227, 285
 Сергия Радонежского Преподобного, придел собора Покрова «на рву» — 335, 339
 Сергия Радонежского Преподобного, придел церк. Гребневской Богоматери — 167
 Сергия Чудотворца близ Троицы в Полях, церк. — 81,169
 Серебряники — 285
 Серебряноборский курганный могильник — 50
 Серебряный Бор, стоянка — 44
 Серпуховская застава — 272, 278
 Серпуховские ворота — 169,191,195
 Сетунской стан — 42
 Сетунь, река — 50
 Сетуньский 1, 2-й курганный могильник — 50
 Сетунское городище — 44
 Сивцев Вражек — 48
 Симеона Дивногорца, церк. — 107, 254
 Симонов мон. муж. на Крутицах — 183,187,197, 201, 205, 221, 247, 249, 369, 384, 385
 Скородом — 65,183, 251
 Смоленск, г. — 106,120,171,176,187,191, 234
 Смоленская дорога — 197
 Собор Архангела Гавриила, придел, церк., в Благовещенском соборе в Кремле — 111
 Собора Иоанна Предтечи «что у Никицких ворот у валу», церк. — 208
 Сокольники — 54
 Соловецкий мон. — 139,193,199, 201, 202, 203
 Солунь — 298
 Солянка — 92, 216
 Соляной двор (в Белом городе) — 79, 90, 92, 215, 250, 373
 Софии Премудрости Божией, в «Нижних Садовниках», церк. — 221
 Софии Премудрости Слова Божия, что подле Земленого города, церк. — 169
 Софийский собор Киева — 305, 323, 327, 334, 385
 София Новгородская, собор — 349, 373
 Спас, село — 48
 Спаса на сених — 175
 Спаса Нерукотворного на Сетуни, церк., некрополь — 281

Спаса Преображения в Наливках, в «Ордынцах», на «Всполье» (за Москвой-рекой), церк. — 166, 221
 Спаса Преображения в Чертолье, церк., мон — 248
 Спаса Преображения Господня на Тверской (в Белом городе), церк. — 205
 Спаса Преображения на Болвановье, «Болвановке», в «Ордынцах», церк. — 73, 221
 Спаса Преображения на Бору собор, мон. — 73,114,120,188, 201, 203, 205, 213, 221, 222, 241, 243-245, 247, 297, 301, 305, 309, 311, 369, 385
 Спаса Преображения на Глинищах, что в Глинищах (в Белом городе), церк. — 73, 84, 221
 Спаса Преображения, что в Стрелецкой слободе, в Тимофееве приказе Полтева (в Земленом городе), церк. — 168
 Спаса Преображения, что на Песках за Петровскими воротами, церк. — 73,159, 162,168,169, 221,222
 Спаса Смоленского, что у Москворецких ворот (в Китай-городе), церк. — 107, 120,123,251
 Спасо-Андроников мон. — 193,198
 Спасо-Преображенский Евфимиев мон. г. Суздаля — 287, 289, 314
 Спасо-Чигасовский мон., церк. — 161, 166
 Спасские (Иерусалимские, Фроловские) ворота — 10, 67, 107, 120, 125, 208, 213, 333, 335-337, 339, 340, 361, 386
 Спасский курганный могильник — 50
 Спасский мон. на Новом (Новоспасский) — 197, 205, 245, 311
 Спасский на Выходне мон. — 48
 Спасский собор Твери — 303
 Спас-Тушино / Тушино. — 42, 48, 50, 377
 Спас-Тушино, могильник — 44
 Спас-Тушинское 1-е городище — 44
 Спас-Тушинское 2-е городище — 44
 Спас-Тушинская группа селищ — 48
 Спас-Тушинский 1, 2, 3-й курганный могильник — 50
 Спас-Тушинское 2, 4-е селище — 50
 Спиридония Чудотворца, что на Козьем Болоте (в Земленом городе), церк. — 73, 245
 Спиридоновка — 46
 Сретения мощей святых мучеников князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора под Бором (за Болотом), церк. — 73, 222, 223
 Сретенка ул. — 152,161,168,169, 225, 271, 285, 366
 Сретенские ворота Белого города — 227, 251, 366
 Сретенский мон. (церк. Сретения) на Поле (на Кучковом поле) (в Белом городе) — 73,183,197, 203, 204, 208, 213, 225, 227, 229, 249, 272, 361-364, 370, 371, 383
 Стамбул (Константинополь), Порт Феодосия, портовая цер., погребения — 265
 Старигард / Олденбург — 265
 Старо-Марковское кладбище — 279
 Старо-Покровское кладбище — 279
 Степановский двор — 81,83
 Стефана Архидиакона (за Яузою в Земленом городе), дер., церк. — 227, 252
 Страстной мон. — 183,193, 249, 377
 Стрелецкая слобода — 155, 157, 161,163,165,168,169,177, 378
 Сретенская башня Белого города — 366
 Суздаль, г. — 76, 287, 326, 327, 347
 Сухарев Большой пер. — 165
 Сухарев пер. — 165
 Сухарева башня — 152, 357
 Сущево, село — 207
 Сходня (Всходня), река — 44, 48, 50

Т

Таганский луг — 251
 Таганская площадь — 57
 Таганские ворота — 270
 Тайницкие ворота — 67, 369, 373
 Таракманов стан — 42
 Татарово, селище — 44, 50
 Татарский двор при Иване Калите — 221

Татарское кладбище за Даниловской и Серпуховской заставами — 272
Тверская дорога — 55
Тверская ул. — 11, 48, 76, 77, 91, 155, 157, 161, 166, 194, 205, 254
Тверские ворота — 157, 169, 249, 370, 372
Тверь, г. — ■ 73, 176
Теплостанская возвышенность — 50
Теплостанский 1, 2, 3, 4-й курганный могильник — 50
Теплостанский ландшафт — 38
Теплостанское 1-е селище — 50
Теплый стан — 289, 377
Теремной дворец — 118
Терехово, селище — 44
Тихвинской иконы Богородицы на Мясницкой, церк. — 127
Трех Святителей Московских, что на Кулишках (Фрола и Лавра, что в Садах), церк. (в Белом городе) — 73, 85, 221
Трех Святителей Петра, Алексея и Ионы Московских Чюдотворцев, что в Стрелецкой слободе, в Степанове приказе Козозинского (в Земленном городе), церк. — 168
Трифона мученика, в «Напрудном селе», церк. — 221
Трир, г. — 32
Троекуровское кладбище — 279, 289
Троице-Лыково селище — 44, 50
Троице-Лыковское кладбище — 279
Троице-Сергиева Лавра, мон. — 107, 174, 182, 184, 186, 201, 203, 229, 254, 319, 325
Троице-Сергиева мон. в Кремле, подворье с церк. Богоявления — 110, 118, 152, 229, 247
Троицкие ворота Кремля — 55, 67, 155, 208, 366
Троицкий Ипатьев мон. — 254
Троицы в Зубове, церк. — 166, 168, 177
Троицы в Листах, церк. — 152, 154, 169
Троицы в Никитниках, церк. — 84
Троицы Живоначальной «у Старых Поль» в Китай-городе, церк. — 57, 62, 73, 81, 83, 169, 221, 227, 269
Троицы Живоначальной в Кулишках — 92, 93
Троицы Живоначальной в Стрелецкой слободе, церк. — 168, 169, 177
Троицы Живоначальной на Арбате, церк. — 154, 168
Троицы Живоначальной «на рву», собор — 123, 125, 331—333, 335, 340, 386
Троицы Живоначальной с приделом Варлаама Хутынского, церк. — 107
Троицы Живоначальной, что в Садах (на Грязях, на «Старых Грязях»), церк. — 73, 86, 221
Троицы Живоначальной, что в Больших Лужниках (за Москвой-рекой), церк. — 73
Троицы Живоначальной, что на «Хохловке», в «Старых Садах» (в Белом городе), церк. — 86, 221
Троицы, надвратная Киево-Печерской лавры, церк. — 199
Троицы, придел церк. Кира и Иоанна — 92, 93
Тропаревский 1, 2-й курганный могильник — 50
Трубная площадь — 227,
Трубная ул. — 161, 169
Тушино — 42, 377
Тушинский 1-й курганный могильник на Тушинском городище — 50
Тушинский 2-й курганный могильник — 50
Тушинское городище — 44
Тушинского городища поселение — 48, 50

У

Углич, г. — 318
Узкое, 1-й курганный могильник (Деревлёвские) — 50
Узкое, 2, 3, 4, 5-й курганный могильник (10, 9, 8, 7-й Чертановские) — 50
Узкое, 6-й курганный могильник — 50
Уланский пер. — 161, 169
Усекновения главы Иоанна Предтечи «на рву», церк. — 107, 120
Усекновения главы Иоанна Предтечи «под Бором» в Замоскворечье, церк. — 76, 214, 217, 218, 219, 223

Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове, церк. — 114, 116
Усекновения главы Иоанна Предтечи на кулишках, церк. — ■ 222, 253
Усекновения главы Иоанна Предтечи на Ваганькове, церк. — 114
Усекновения главы Иоанна Предтечи, придел в Архангельском соборе — 114
Усекновения главы Иоанна Предтечи, что под Бором (за Москвой-рекой, за болотом), мон., церк. — 73, 352, 353
Успения Пресвятой Богородицы в Панех, церк. — 83
Успения Пресвятой Богородицы на Бору под «сосенками», церк. — см. Гребневской Богородицы церк.
Успения Пресвятой Богородицы на Остоженке, что в Семцинском селе (в «Семчевском селе») (в Земленном городе), церк. — 40, 73, 232
Успения Пресвятой Богородицы на Покровке, церк. — 86
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском вражке (в Белом городе), церк. — 205, 221
Успения Пресвятой Богородицы, что в Китае (придел Успения у Козьмы и Дамiana), церк. — 81, 146
Успенский Вражек — 48
Успенский Княгинин мон. — 303, 346
Успенский собор в Кирилло-Белозерском мон. — 202
Успенский собор Киево-Печерской Лавры (Печерская церк.) — 199, 326, 327
Успенский собор Кремля, некрополь — 271, 301, 303, 305, 309, 323, 385
Успенский собор Московского Кремля — 33, 55, 73, 102, 143, 149, 171, 175, 176, 210, 221, 245, 269, 271, 295, 297-299, 301, 303, 305, 309, 314, 323-329, 331, 335, 338, 340, 341, 344-349, 361, 362, 364, 366, 368-370, 375, 377, 378, 385-387
Успенский собор в Рязани — 313
Успенский собора Желтикова мон. в Твери — 176
Успенский собор во Владимире — 298, 303, 323, 325—329, 385
Устюг, г. — 73
Усыпальница Романовых в Новоспасском мон. — 268, 320

Ф

Фатьяновский могильник — 44
Фессалоники, г. — 179
Федоровский мон. (в Земленном городе) — 147
Филевское селище — 44
Фили — 50, 377
Филянский курганный могильник — 50
Филянское 1, 2-е селище — 50
Франция — 21, 66, 289
Фрауенмюнстер, мон. — 72
Фроловские ворота — см. Спасские ворота
Фроловский мост — 120

Х

Хвостово, село — 219
Химка, река — 50
Химкинский ландшафт — 38
Химкинское кладбище — 279, 289
Химкинское селище — 44
Хованское кладбище — 279, 289
Холмогоры, г. — 202

Ц

Царицын луг — 58
Царицыно — 44, 55, 268
Царицыно, 1, 2, 5-й курганный могильник — 50, 268
Царицыно, 3, 4-й курганный могильник — 50
Царицыно-1, селище — 44

Царицынский ландшафт — 38

Цюрих, г. — 72, 289

Ч

Чагино, курганный могильник — 50

Черёмушкинский 1, 2, 3-й курганный могильник — 50

Черкасский Большой пер. — 60, 252

Черкизовское кладбище — 279

Черкизовское (Северное) кладбище — 279

Черменев стан — 42

Черневское кладбище — 279

Черниговский переулочек — 198, 217

Черниговских чудотворцев, под «бором», церк. — 76, 198, 221, 363, 364, 369, 371, 372

Черниговских чудотворцев, собор в Чернигове — 198

Чертановка, река — 50

Чертаново, 1-е селище — 50

Чертаново, 1, 2, 3, 4, 5, 7-й курганный могильник — 50

Чертаново, 6-й курганный могильник (5-й Чертановский) — 50

Чертаново, 9, 8-й курганный могильник (6, Чертановский) — 50

Чертов городок, селище (утрачено) — 44

Чертолье (Черторье) — 11, 33, 55, 73, 161, 177, 189, 193, 205, 206, 221, 235, 241, 243, 247, 248, 251, 252, 254, 352, 364-366, 383

Чертольские ворота — 234

Черторый, ручей — 205, 208, 227, 232, 234, 235, 241, 251, 252, 254, 352, 366

Чуда Архангела Михаила в Хонех, мон. — 309

Чудов (Чудовский) мон., муж. — 110, 115, 182, 210, 221, 240, 241, 295, 314, 369

Чюдинцова ул. — 373

Ш

Шаболовка, ул. — 272

Шаболовский 1, 2-й курганный могильник — 50

Швеция — 19

Шипилово, 1, 2-й курганный могильник — 50

Щ

Щербинское (Северное) кладбище — 279

Щербинское (Южное) кладбище — 279

Щитниково — 377

Щукино, стоянка — 44

Ю

Юрьев-Польской мон. — 299

Юшков пер. — 60, 252

Я

Язвенка, река, памятники — 271

Якиманка Большая, ул. — 169

Якиманская ул. — 161, 163, 169, 251

Ярославль, г. — 73, 142, 255, 314

Ясенево (Фляжкино), курганный могильник — 50

Ясенево кладбище — 279

Яуза, река — 44, 48, 58, 161, 169, 171, 209, 251, 252, 272, 277, 278, 285, 352, 366, 374, 377, 381

Яузские ворота — 366, 374

Яузский ландшафт — 38

Яузский курганный могильник — 50

Список СОКРАЩЕНИЙ

- СВА.RR — Council for British Archaeology, Research Report
ААЭ — Акты археографической экспедиции
АСР — Архитектура и строительство России
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских
ВУА — Военно-ученый архив
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИКМЗ «Московский Кремль» — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГММК — Государственные музеи Московского Кремля
ГН ИМ А — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ДДГ — Духовные и договорные грамоты
ДРВ — Древняя российская вивлиофика
ДРИ — Древнерусское искусство
КСМ — Культура средневековой Москвы
МАО — Московское археологическое общество
МГОМЗ — Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
МИА — Материалы и исследования по археологии Москвы
МИМ — Музей истории Москвы
НИМАХ — Научно-исследовательский музей Российской академии художеств
ОК ■ — окладные книги
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПК — Писцовая книга
ПКМ — Переписные книги Москвы
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи
ПОРА — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РИБ — Российская историческая библиотека
РК — Ружная книга
РРК — Ружная розметная книга
СА ■ — Советская археология
СК — Стрельная книга
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЦАНТДМ — Центральный архив научно-технической документации Москвы
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы
ЦНРПМ — Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
ЧОИДР — Чтения общества истории и древностей российских

ОБ АВТОРАХ

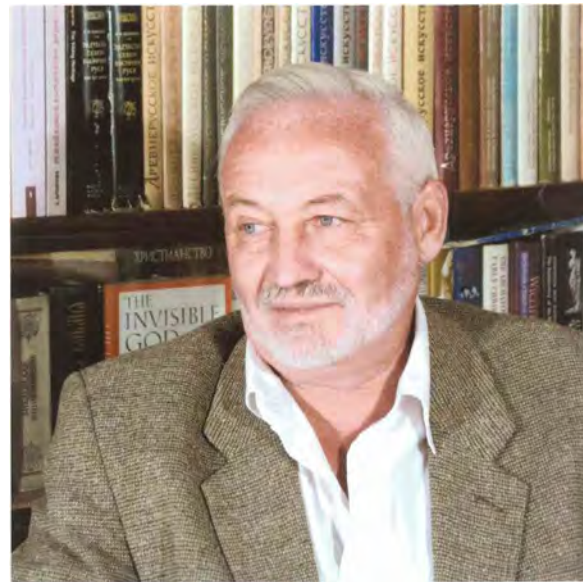

Баталов Андрей Леонидович — доктор искусствоведения, профессор. Заместитель генерального директора по научной работе Музеев Московского Кремля, ведущий научный сотрудник Государственного НИИ Искусствознания и главный научный сотрудник НИИ Российской академии художеств. Специалист по древнерусскому зодчеству, сакральной топографии Москвы и истории реставрации.

Основные работы: *«Московское каменное зодчество конца XVI века: Проблемы художественного мышления эпохи»*. М., 1996 г. (удостоена премии памяти митрополита Макария (Булгакова) первой степени и Серебряной медали Российской академии художеств); коллективные монографии: *«Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации»*. М., 2002 г. (Золотая медаль Российской академии художеств), *«Церковная археология Москвы. Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек»*. М., 2007 (руководитель авторского коллектива). Редактор-составитель ряда сборников: *«Иерусалим в русской культуре»*. М., 1994; *«Иконография архитектуры»*. М., 1990; *«Русское искусство позднего Средневековья: образ и смысл»*. М., 1993; *«древнерусское искусство: Проблемы иконографии»*. М., 1994. Автор более 100 научных статей в научных сборниках.

Беляев Леонид Андреевич — доктор исторических наук, заведующий сектором археологии г. Москвы Института археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология». Специалист по археологическому изучению архитектуры, погребального обряда, иконографии и культуры Руси (преимущественно Московского периода) и по сравнительному анализу религиозных древностей. С 1970-х гг. руководит широкими археологическими раскопками в Москве (монастыри Данилов, Богоявленский, Зачатьевский, Алексеевский, Высоко-Петровский; соборы Казанский и Покровский на Красной площади, храмы Коломенского и др.); в центральной России (Борисоглебский собор XII в. в Старой Рязани; Спас-на-Усть-Угры монастырь; Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь); за рубежом (паломнический комплекс в Иерихоне) и др. Л.А. Беляевым выработан принципиально новый подход к археологическому изучению русских церквей и монастырей как исторических источников.

Автор более 400 научных трудов. Ряд его монографий считаются классическими: *«древние монастыри Москвы (конец XIII — начало XV вв.) по данным археологии»*. М., 1994, 1995 (Премия памяти митрополита Макария 1997 г.); *«Христианские древности. Введение в сравнительное изучение»*. М., 1998, 2000; *«Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв.»*. М., 1996; *«Московская Русь: от Средневековья к Новому времени»*. М., 2005; *«От библейских древностей к христианским. Очерки археологии эпохи формирования иудаизма и христианства»*. М., 2007 (в соавторстве с Н.Я. Мерпертом). В соавторстве с С.З. Черновым и Н.А. Кренке им осуществлено издание коллективной монографии *«Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты»* (Премия Президиума РАН имени И.Е. Забелина за 2009 год).

А.Л. Баталов, Л.А. Беляев

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОСКВЫ

Неоценимую помощь в подготовке к изданию альбома «Сакральное пространство средневековой Москвы» оказали:

Архив Централных научно-реставрационных проектных мастерских (ЦНРПМ)
Библиотека Еврейского национального университета, г. Иерусалим, Израиль
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» (ГИКМЗ «Московский Кремль»)
Государственный исторический музей (ГИМ)
Государственный научно-технический музей архитектуры им. А.В. Щусева (ГНИМА)
Музей истории Москвы (МИМ)
Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств (НИМАХ)
Национальная библиотека Польши, г. Варшава
Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
Российский государственный исторический архив (РГИА)
Центральный архив научно-технической документации Москвы (ЦАНТДМ)
Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ)

Ответственный редактор: И.Ю. Стрикалов

Дизайн переплета: Б.Г. Аразян, А.М. Игитханян

Редактор-координатор: В.К. Неделько

Редактор: С.Б. Павлищева

Редактор-корректор: Х.В. Поплавская

Корректор: Л.П. Клепова

Топографический указатель: О.А. Федорова

Руководители картографических работ: Г.В. Борисова, А.Ю. Кириллова

Редакторы карт: Г.С. Козлова, Т.С. Козлова, Е.Я. Федорова

Картографы: А.Н. Данилова, О.Б. Жмылева, О.В. Калинина, Г.С. Козлова,
Е.Л. Никитина, С.П. Павловская, Р.Н. Хлопкина

Верстка: И.С. Кулакова, А.А. Притворова, А.А. Конюхова

Информационное и документальное обеспечение проекта: О.Н. Рокицкая, С.А. Левченко, Е.В. Гудзовская

В работе над проектом принимали участие: Н.Г. Горелова, Ю.И. Никульников, А.Б. Скомсков

Издательство выражает благодарность АД. Шаховой (РГАДА)

Авторы не несут ответственности за научную достоверность карт средневековой Москвы, составленных другими специалистами и опубликованных в данной книге.

Карт. лиц. ГК № МОГ - 0454К от 24.05.07.

Гигиеническое заключение № 77 99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

Подписано в печать 07.10.2010 г. Формат 70x100/8

Гарнитура LazurskiС. Усл. печ. л. 65. Тираж 3000 экз.

Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография»

Адрес: 111033, Москва, Золоторожский Вал, д. 32

Тел.: (495) 287-4800

e-mail: office@dik-maps.ru

Сайт в Интернете: www.dik-maps.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Типография «Новости»

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Тел. (499) 265-61-08, факс (499) 265-54-18